

Охейо Аннит

ПРОБУЖДЕНИЕ

Насколько реален окружающий нас мир? И можно ли войти в другую реальность?

Аннит Охэйо
Пробуждение

Опираясь на локти, Йаати смотрел в окно. В сером утреннем небе гулял ветер, подгоняя низкие, растрепанные тучи, кружа опавшие листья, раскачивая лопасти старых ветряков на берегу озера. Он мощно и грозно шумел в кронах старых, могучих деревьев, гнал быструю рябь в лужах, оставшихся от ночного дождя. Его порывы врываются в форточку, стекали по голой спине, и Йаати ёжился, невольно улыбаясь. Сегодня начиналась его самостоятельная жизнь, — он ехал в Тай-Линну, поступать в Художественную Академию.

Йаати впервые покидал родной город, и потому поездка казалась вдвойне волнующей. Он мечтал о ней лет с семи, но лишь сегодня, когда ему исполнилось пятнадцать, он получил право ехать, куда хочет, — а также и учиться, где хочет. Восемь классов школы остались позади. Йаати с удовольствием вспоминал их, — но ему хотелось большего. Нет, здесь, в Лахоле, тоже есть училище художников, и он почти наверняка поступил бы туда, но... увидеть столицу ему очень хотелось. Он много слышал и читал о ней, — особенно о девушках необычайной прелести, что будоражило и влекло его. Конечно, жениться ему ещё рано, но, может быть, — только может быть!.. — там он встретит...

Йаати вздохнул и помотал головой. Правду говоря, он уже стал самостоятельным — его родители уехали в экспедицию в Тайлану, друзья тоже разъехались, и он провел несколько дней дома, совершенно один, на границе между старой и новой жизнью. Казалось, что сам мир вокруг менялся и плыл, — в нём происходили вещи, о которых неделю назад он не мог и помыслить. Вот и сейчас...

— ...продолжается операция по подавлению мятежа в Тарнской области, — глухо бубнило радио. — За прошедшие сутки уничтожено тридцать восемь мятежников. Потери сил правопорядка составили три человека. Правительственный комитет с прискорбием сообщает, что число жертв мятежа возросло до 687 человек. Наблюдатель Аютия Хеннат уверила нас, что порядок будет восстановлен в течение трех суток. Тем не менее, мы должны приложить все усилия, чтобы не допустить проявлений паники и разложения...

Йаати вздохнул и снова посмотрел в окно. Печальное это время — начало сентября, листья уже желтеют и облетают с деревьев, небо всё время хмурое, часто идет дождь. Тай-Линна намного южнее и там ещё лето... но поезд в неё отходил лишь поздно вечером, и его ждал бесконечно длинный пустой день. Никаких дел дома не осталось, и Йаати решил погулять. Он очень любил бродить в одиночестве по улицам родного города, забираясь, порой, на удивление далеко...

Дождь этим утром не шел, и асфальт уже начинал просыхать, воздух сырой и холодный, — Йаати убедился в этом, открыв окно. Пахнувший палыми листьями ветер ворвался в комнату, вызвав странное, необъяснимое томление, иногда возникавшее у него в предчувствии одиноких прогулок. Он растрепал ему волосы, окатил тело, словно вода. Поёжившись, Йаати захлопнул окно, и бодро отправился в ванную.

В прихожей висело большое прямоугольное зеркало, и Йаати замер, с сомнением глядя на себя, — он был рослый для своих лет, широкогрудый, с узкой талией, стройный, весь покрытый светло-золотистым загаром. Крепкие руки и плечи, литые пластины мышц —

выпуклые на груди и туго стянутые на впалом животе. Лицо широкое и круглое, хитроватое, отчасти даже лисье, с далеко посаженными светло-голубыми глазами и красиво очерченным ртом, волосы густые, светлые и длинные. Йаати вздохнул. В общем, он очень нравился себе, но на вид он был обычный лахольский мальчишка, разве что крепче большинства сверстников, и девчонки, заразы, относились к нему без особого внимания. Ну что ж, может быть в Тай-Линне он покажется им таинственным и необычным...

Поплюхавшись под душем и растершись большим грубым полотенцем, Йаати начал быстро одеваться. Он любил свою квартиру, тесную, низкую и темную, на пятом этаже, в самом торце длинного серого дома, хотя её окна смотрели на восток и на север, — точнее, на близкий торец такого же дома напротив, и на берег озера, заставленный заброшенными ветряками. Но сейчас она казалась ему сразу и слишком привычной, и слишком маленькой...

Из своих любимых штанов из темно-синего вельвета Йаати уже почти вырос, и они с трудом на него налезали. Большую бронзовую пуговицу — ровно на четыре пальца ниже пупка — застегивать приходилось уже с большим усилием, и Йаати вновь вздохнул. Расти, конечно, очень хорошо, — но вырастать из любимых вещей как-то не очень...

Кроссовки у него были тоже поношенные, но очень удобные и упругие, — ступалось в них мягко, как по воздуху. Он надел их прямо на босу ногу, а легкую серую куртку — на голое тело. Ему нравилось чувствовать себя этаким Диким Юношей, — даже если ради этого приходилось мерзнуть.

Причесав свои лохмы, Йаати вышел из дома, тщательно заперев дверь, — ничего, кроме ключей в кармане и браслета электронных часов на левой руке у него не было. Ветер плотно толкнул его в лицо, вновь растрепал волосы, — и он тихо засмеялся. Сегодня он прощался с родным городом, — но это будет длинное прощание...

2.

Когда-то возле озера было обширное болото. Со временем его засыпали, но для постройки домов земля тут всё равно не годилась, так что обширный пустырь заасфальтировали и приспособили для всяческих мероприятий, — ярмарок с горками и снежными крепостями зимой, бродячими зоопарками и цирками летом. В этом году в Лахолу приехал луна-парк, и Йаати прокатал все карманные деньги на офигенной карусели с «летающими лебедями», — высота полета каждого управлялась прямо из кабины, с помощью небольшого рычажка, и он, разумеется, выкручивал её на максимум, чтобы крутиться над толпой на высоте трехэтажного дома. От многолюдства и необычных ощущений у него даже слегка кружилась голова, и он возвращался, как привязанный, чтобы вновь и вновь испытать это чувство...

Но сегодня на городском поле развернулось нечто, бесконечно более интересное, — выставка военной техники. Ошалевший Йаати увидел темно-зеленые танки, бронетранспортеры, пушки, — и даже многоствольные ракетные установки. Вокруг бродили немногочисленные поутру посетители, — в основном, разумеется, мальчишки. Разинув рты, они нарезали круги у настоящих боевых машин, смотрели на настоящих солдат в серых шинелях и серых стальных касках, с настоящими автоматами. Йаати, с невольной осторожностью, подошел к танку. Он не знал, что тот окажется таким... таким большим, — тяжеленные обрешиненные катки были ему по грудь, а верх корпуса, — где-то на уровне глаз.

Сидевший на башне танкист смотрел на него со снисходительным превосходством, и Йаати вздохнул. До армии ему расти ещё три года — и то, ещё неясно, возьмут ли, добровольцев всегда много... К тому же, как и большинство мальчишек, он ещё не решил, кем хочет быть. Хотелось стать и танкистом, и летчиком, и рисовальщиком мультфильмов, — на эту специальность он и хотел поступать. Рисовал он хорошо и быстро, его хвалили, — и это Йаати очень нравилось. Но больше всего он мечтал попасть в столичный Центр Мультипликации, — туда, где создавались почти все мультфильмы страны. И не зрителем, а творцом. Чтобы все-все-все смотрели на его творения. Ну, пусть не все, а только дети, всё равно...

Йаати помотал головой и вздохнул. Сейчас он чувствовал себя, словно во сне, — наверное, ещё и потому, что впервые видел боевые машины наяву. В серой мути телевизора или даже на хронике в кино они не создавали и сотой доли реального впечатления. Запах солярки, огромные черные колеса с белыми ободьями, толщина брони, заметная на стыках лобовых плит и дырках для башенных прицелов — всё это будоражило воображение. А в Тай-Линне он сможет наяву увидеть Парящую Твердыню... пусть издали, но всё равно... и парад Вершины Лета... и даже самого Сверхправителя. От одной этой мысли кружилась голова.

Но в Тарне этот изумительный мир дал трещину, треснула сама его Реальность, — и Йаати не знал, чего ему хочется больше: чтобы всё стало, как прежде, знакомо и привычно, — или чтобы всё рухнуло, провалившись в какой-то, совсем уже страшный, но всё же новый мир. Это желание пугало его, — словно только от него и зависела судьба его мира, — и он поспешил убраться с выставки, пока в голове у него не начался уже полный бардак.

Центр Лахолы был, как всегда дождливым осенним днем, грязен, и необычно переполнен людьми. Здесь царило мутное, явно не вполне здоровое возбуждение. Похоже, что сегодня странные и тревожные мысли бродили не только в его голове, — и ему не терпелось побыстрее убраться отсюда. Шел он очень быстро, — вслед ему даже оглядывались. Недаром само его имя — Йаати — значило «Ветерок»...

Минут через пятнадцать он вышел к любимому месту, к мосту, но тут ветер резко бил в лицо, да и свинцовый простор разлившейся реки сегодня смотрелся страшновато, — стоять тут, как прежде, не хотелось. Хотелось идти и идти, — а шоссе, спускаясь с насыпи моста, вело, казалось, в бесконечность. Оно давным-давно манило Йаати, — и сегодня он пошел, вскоре миновав последние столбы насыпи. За ними он ещё никогда не бывал, — ещё на заре детства мама внушила ему, что за рекой живут плохие люди, и что ходить туда нельзя. Уже лет пять назад он понял, что это неправда... но убеждение въелось, и превратилось в настоящее табу, нерушимое... до сего дня. Но оно имело основания. Дома здесь были почти сплошь деревянные, соединенные щербатыми заборами, — серыми, щелястыми и покосившимися от старости. От высокой насыпи шоссе отходили узкие, невообразимо грязные переулки. Это убожество заставило его вновь ускорить шаг. Он часто ступал в лужи, и вскоре в кроссовках зачавкала вода. А ведь весь Прежний Мир был таким! Б-р-р...

Йаати невольно начал представлять, каково было бы жить там — в глухом диком лесу, в деревянной избушке два на два метра, на берегу этой вот реки, по которой плавают старинные гребные ладьи с собирающими дань воинами...

Погрузившись в свои мысли, он шел довольно долго, пока как-то вдруг не оказался за городом, на очень длинной аллее, широкой и замощенной ровным асфальтом, усыпанным

опавшими желтыми листьями. От шоссе её отделял поросший пожухлой уже травой газон. Слева тянулся невысокий, унылый, по-осеннему полупрозрачный лес. Из него пахло прелью и холодной землей. Уже тогда он ощутил легкий налет нереальности происходящего...

Здесь не было ни души, лишь через равные промежутки стояли скамейки и бетонные столбы фонарей. По шоссе проносились машины, — не так часто, чтобы раздражать, но и не так редко, чтобы в душе проснулся порожденный одиночеством страх. Короче, это было то, что надо: он шагал широко, не чувствуя усталости, а прохладный сырой воздух, пахнущий осенью, распирает грудь. При каждом шаге подошвы кроссовок слегка щекотали босые ноги, и это придавало, так сказать, завершенность его общему удовольствию.

Аллея тянулась и тянулась, как по волшебству; с того момента, как он вышел из дому, прошло уже больше часа. Вдруг слева, в кустах, в стороне от дороги, Йаати заметил высокий забор из покрашенных в зеленый цвет, но уже облезших досок, густо оплетенный сверху колючей ржавой проволокой. На зеленых железных воротах висел амбарного вида замок, но рядом с ними в ограде не хватало пары досок. Нечего и говорить, что Йаати тут же захотелось пролезть в эту дыру. Он сошел с аллеи, путаясь в высокой траве, пригнувшись, пролез за забор, — а выпрямившись изумленно замер.

Перед ним была лощина, род округлой впадины с бугристыми, довольно крутыми склонами, залитая темной, неподвижной водой. С боков её окаймлял мрачный еловый лес, в который уходила изгородь. Впереди, между склонами бугров, свинцово блестел бесконечный, пугающий простор разлившейся от осенних дождей реки. За ней, очень далеко, темнела туманная полоска другого берега.

Заводь обрамляли развалившиеся сараи, бревна и прочий плавучий мусор, прибитый к берегам. От реки шли довольно крупные волны, и вода в заводи таинственно, как-то зловеще колебалась. При этом вокруг висела поразительная тишина.

Йаати смотрел на всё это, как замороженный, — казалось, он попал в какой-то совсем другой мир. Потом, помотав головой, пошел по высокому берегу лощины, обходя её кругом, и вскоре замер на поросшем мелколесьем увале, отделявшем её от реки, сейчас, впрочем, походившей на озеро. В устье лощины был виден остов дамбы, укрепленной гнилыми досками и смывтой.

Здесь оказалось светлее, плеск волн и простор воды под низкими серыми тучами дышали покоем. Идти дальше не хотелось, но возвращаться домой, чтобы маяться от скуки, листая давно перечитанные книжки или пялясь в серую муть телевизора, хотелось ещё меньше, и Йаати замер, задумавшись. Хотелось сделать что-то необычное... и он решил искупаться, — хотя погода была совсем не подходящая. Словно во сне, он присел и потрогал воду, — холодная, но не ледяная, так что, в принципе...

Несколько минут он колебался, уже зная, что делает что-то не то: в воде он мгновенно замерзнет, а согреться тут негде. Даже костра не развести: он не взял с собой спичек. Но вернуться сюда уже не получится, а царящая вокруг тишина и безлюдье казались совершенно мертвыми, и словно бы подталкивали его...

Решившись, наконец, Йаати сбросил куртку, потом уже мокрые насквозь кроссовки. Холод сырой, покрытой палыми листьями земли словно пробил его током, так что он невольно поёжился и помедлил, прежде чем снять штаны. Он не взял с собой плавки, а нагишом на ветреном просторе оказалось не только весьма зябко, но и очень неудобно, и Йаати поспешил войти в воду.

После первых же шагов она скрыла ступни, поднявшись до середины голени. Йаати на

секунду замер, сжав зубы, потом двинулся дальше. Шагов через пять вода покрыла бедра, ещё через пять поднялась до пояса. Йаати начал дрожать, но с непонятным даже ему упорством шел вперед. Вода поднялась до ребер, потом до сосков. Его тело стало неустойчивым и опасно колебалось под волнами, пятки глубоко вязли в мягком дне. Йаати была крупная дрожь. Вдруг холодные щупальца обвилились на миг вокруг его ног. Наверное, водоросли, но Йаати испугался и решил вернуться, — плавать как-то сразу расхотелось. Он бодро двинулся назад, но в толще воды шел медленно, словно в кошмаре, проклиная собственную неугомонность, загнавшую его сюда.

Выбравшись, наконец, на берег, Йаати отряхнулся и резво поднялся наверх, чувствуя, как под босыми ногами мягко, бесшумно оседает влажный грубый песок. Весь мокрый, он дрожал от холода, но решение нашлось сразу: заорав что-то дикое, он прошелся колесом по берегу, замахал руками и ногами, изображая бой с Невидимым Врагом — и, наконец, согрившись и запыхавшись, замер, очень довольный собой. Он словно бы родился заново: сердце билось часто и сильно, кровь живым огнем горела в теле. Сырой холодный ветер и ещё более холодная сырая земля под босыми ногами теперь совершенно не пугали. Йаати даже взлететь хотелось от нетерпеливого избытка сил, — но вот это уже никак не получалось.

Он вздохнул и помотал головой. Желание сделать что-то недоступное, необычное, невозможное никуда не делось, — напротив, разгорелось ещё ярче. Казалось, что чешется сама душа. Йаати всё более задумчиво смотрел в темную глубину между елями, потом, наконец, вскочил, сделал несколько быстрых шагов к ним, замер, вернулся, спрятал одежду в зарослях, — и, прямо как есть, нырнул в лес.

3.

После первых же шагов в нем Йаати обнаружил, что вообразить себя Диким Юношей — это одно, а вот быть им — совсем другое. Под босые ноги то и дело попадался колючий растительный мусор, приходилось осторожно касаться земли, а уж потом ступать всем весом. Ощущения при каждом шаге, почти болезненно острые, били по до предела натянутым нервам, и Йаати напряженно вслушивался в каждый звук. Если бы вокруг царила тишина... но нет. До него то и дело долетали какие-то странные шорохи, вроде бы далекие шаги, иногда какой-то стрекот. Каждый раз он замирал, словно влипая в колючий, обжигающе холодный страх, — и каждый раз что-то словно тащило его дальше. Всё это словно происходило во сне.

Ощущение времени исчезло, — Йаати казалось, что он без конца, раз за разом переживает одну и ту же секунду. Все мысли куда-то незаметно испарились, — тишина и ощущения словно стерли его человеческую суть, превратив его в какое-то дикое лесное животное. Ещё никогда он не чувствовал себя столь живым, единым со всем окружающим миром. Но сознание всё же вдруг вернулось, — и Йаати ошалело замер, глядя на странный пейзаж.

Как-то, совершенно незаметно, он вышел на заросший бурьяном пустырь, — точнее, двор давным-давно заброшенного дома. Кирпичный, трехэтажный, он выглядел так, словно вот-вот готов рухнуть. Дошатая, заросшая мхом крыша просела, пустые окна жутко зияли чернотой, — словно комнаты за ними заполнены густым дымом или даже какой-то черной

жидкостью. Забор кое-где покосился, двор завален древней, облезлой и полусгнившей мебелью. Йаати стоял у распахнутых, осевших в грунт ворот, — но начинавшаяся за ними дорога уходила в темную, неподвижную воду, отражавшую странное, неземное сияние небес. Тучи разошлись, солнце, обрамленное короной их рваных, темных, неподвижных, как на картине, лохмотьев, просвечивало сквозь ровный слой высоких облаков расплывчатым синеватым пятном. Во всем этом было что-то, невыразимо зловещее, — даже в призрачном здешнем тепле, готовом ускользнуть от малейшего дуновения ветерка. Было так тихо, словно уши заложили ватой. Йаати даже потряс головой, передёрнувшись от неприятного ощущения. Он никак не мог вспомнить, как попал сюда, не мог вспомнить даже, что было до этого. Кажется, он уснул на ходу... но разве так бывает?.. Где он?.. В какую сторону идти?.. С какой стороны он сюда вышел, наконец?..

Йаати оглянулся, чтобы отыскать следы, — но не смог. А были ли они вообще?..

От этой мысли голова закружилась, ноги ослабли, — и он сел на какой-то облезлый ящик, передернувшись от холода сырых шершавых досок. Йаати понимал, что должен испугаться, — но голову словно набили ватой. Думалось медленно и как-то неохотно, лениво. Слово весь мир пропитан этой синеватой, одуряющей муťou... и нет ни сил, ни даже желания сбросить её...

Йаати ощутил, что сознание опять уплывает... куда-то. Он вскочил, яростно помотал головой, осмотрелся. Никаких тропинок, никаких следов того, что люди здесь бывают, — всё казалось заброшенным много лет назад. Идти к дому не хотелось, — от него просто дышало какой-то нездешней темной жутью. В лес тоже не хотелось, — в нем, казалось, висит та же странная синеватая дымка, что и в небе, да и вообще, как-то темновато... Оставалась дорога, — должна же она вести куда-то...

Йаати медленно пошел вперед. Идти босиком по усыпанной битым стеклом земле пришлось осторожно, внимательно глядя под ноги и осматриваясь, — тишина начала действовать на нервы. Ветра совсем нет, воздух неподвижный, словно в комнате, — но голая кожа то и дело ощущала какие-то странные сквозняки, словно вокруг летают призраки. И всё время кажется, что на краю поля зрения что-то мелькнуло, но повернешь голову — ничего... И непонятно даже, в чем тут... смутность, — в самом окружающем мире или в голове...

Босую ногу вдруг обожгло холодом, и Йаати дернулся, словно очнувшись. Сознание вновь ускользнуло, — и он даже не заметил, как зашел в темную, неподвижную воду. Он шарахнулся назад и замер, ошалело осматриваясь. Странно, — но он совсем не помнил, как прошел эти метров пятьдесят. Дорога перед ним уходила в воду, — и та тянулась до смутно-темной стены далекого леса. Справа и слева тоже стояла вода, — не пройти, разве что вброд, — но входить в неё Йаати не хотелось. Она оказалась столь холодной, что высасывала из тела не только тепло, а, казалось, саму жизнь.

Он оглянулся — и замер. Страшный заброшенный дом остался далеко позади, — но даже отсюда он казался столь же зловещим. А за ним поднималась громадная треугольная башня. Раньше она скрывалась за крышей, и потому Йаати не заметил её сразу. Вершина её уходила прямо в ровный слой синеватых облаков высотой, наверное, в несколько километров. Разве такое бывает?..

Йаати зажмурился и помотал головой, — но башня никуда не делась, тускло блестящая, синевато-черная. Ну да, металл, конечно. Сколько она должна весить, — миллиард тонн, больше?..

Ноги как-то вдруг ослабли и Йаати сел прямо в заросшую бурьяном колею. Голова у

него закружилась, он уперся в неровную холодную землю ладонью, чтобы вообще не упасть. Он не просто заблудился, он попал в какой-то совсем другой мир, — только вот не мог поверить, что всё это происходит наяву. Что это? Разве так бывает?.. Может, он просто спит, а весь этот бред ему просто снится?.. Но, раз это сон, то в нем можно просто заснуть, — и проснуться...

Холод сырой земли вернул его к реальности. Земля была реальна. Колочий бурьян под голой задницей был реален. Запах сырой прели был реален. Это и в самом деле какой-то другой мир...

Йаати вновь яростно помотал головой и сел поудобнее, подтянув ноги. Он совсем не представлял, что делать. Идти дальше он не мог, возвращаться не хотелось. И не только к страшному заброшенному дому, но и вообще. Из него словно что-то вынули, — но вот что, он никак не мог вспомнить...

Чувствуя, что сознание вновь уплывает, он яростно помотал головой и вскочил на ноги. Так или иначе, но он здесь, замерзший, грязный и уже отчетливо голодный. И надо что-то делать, потому что оставаться в этом месте ночью он не хотел категорически.

Ещё раз осмотревшись и глубоко вздохнув для храбрости, он решительно пошел назад, — должны же найтись там хоть какие-то его следы! А по ним он сможет выйти на то место, на которое попал сюда, — и, наверное, как-то вернуться назад...

Йаати храбро дошагал до распахнутых настежь ворот в темном покосившемся заборе, — и замер, словно налетев на стенку. Казалось, что в пустом проеме висит некая пелена, неосязаемая, но непроницаемая, — ноги просто не хотели идти дальше. Да и черные окна проклятого дома смотрелись очень уж зловеще...

Крепко зажмурившись, он шагнул вперед, потом ещё раз и ещё. Замер, по-прежнему не открывая глаз, прислушиваясь и чувствуя голой спиной слабое, почти призрачное тепло высоко стоящего солнца. Ничего.

Он осторожно приоткрыл один глаз. Ничего не случилось. Он по-прежнему стоял во дворе. Давившая его необъяснимая жуть вдруг куда-то делась. Даже старый заброшенный дом уже не казался таким уж зловещим.

Слабо улыбнувшись, Йаати осторожно пошел дальше, внимательно глядя под ноги. Вот, точно: он стоял на этом самом месте. Он осмотрелся, пытаясь найти свои следы...

Ничего! Несколько примятых стеблей... и всё. Похоже, что по заполнившему двор бурьяну вообще никто не ходил, как минимум неделю. Да и забор оказался пусть и покосившимся, но сплошным. Пройти сюда из леса он просто не мог! Перелезть через забор тоже, — прогнившая насквозь конструкция точно бы рухнула. Что же тогда?..

У Йаати вновь закружилась голова, сердце вдруг забилось часто и сильно. Ноги ослабли, он с трудом подавил желание сесть на землю. Теперь он, наконец, испугался, — и это чувство оказалось очень, очень неприятным...

Он начал понимать, что домой он точно не вернется, — плакала и Академия, и уютная квартира, и папа с мамой. И вареная колбаса в холодильнике, и радио, и даже оставленная в другом мире одежда. Когда её найдут, все просто подумают, что он пошел купаться и утонул, а труп унесло в море течением. И всё.

При этой мысли Йаати стало ещё страшнее. Утонуть он в самом деле вполне мог, — не попадись ему под ноги те проклятые водоросли, он решился бы поплыть, течение отнесло бы его от берега... и всё. В стылой осенней воде недолго проплаваешь. По всему выходило, что в своем мире он умер, — и не просто умер, а пропал без вести, но так, что в его смерти не

возникнет никаких сомнений. А потом вдруг попал сюда. Случайно ли? Или по чьей-то воле? Кому нужен тот, кого никто не будет искать?..

Йаати никогда не верил в страшные слухи и сказки, — но люди, в самом деле, иногда пропадали без следа. Не то, чтобы очень уж часто, — но он каждый год слышал о нескольких таких случаях. А теперь он и сам...

Йаати захотелось изо всех сил заорать от ужаса, — но он тут же испугался, что этот, слышимый за километры крик привлечет... что-то, чего никак не следует привлекать.

При этой мысли ему вдруг стало смешно, и он отчаянно сжал зубы, сдерживая готовое прорваться наружу хихиканье. Он чувствовал, что если хихикнет хоть раз, — то не сможет уже остановиться, пожалуй, до конца своей жизни. Наконец, его отпустило. Он яростно помотал головой и вернулся к воротам. Что же делать?..

Йаати сел, скрестив босые ноги, прямо на землю, и задумался. Судя по тому, как высоко стоит солнце, сейчас около полудня. Тогда, если время здесь совпадает с Лахолой, у него ещё часов шесть светлого времени, — скорее, на час меньше, потому что низко стоящее солнце скроется за деревьями, — чтобы найти хоть какое-то укрытие. Так... если сейчас полдень, солнце стоит почти точно на юге... а башня — почти точно на севере. Слева от неё запад, справа восток. Это уже что-то. Надо идти... ну да, — к башне. Всё равно, никаких других ориентиров здесь нет, — а с таким заблудиться точно трудно. Конечно, башня смотрелась, мягко говоря, жутковато, — но, почему-то, пугала куда меньше, чем прозрачная синеватая мгла на юге. Что-то в ней было... почти незаметное, но пробиравшее ознобом до костей. Йаати не смог «раскрыть» это ощущение, но оно было, и оно было сильным. Ладно, на север, так на север...

Он поднялся, вновь осматриваясь. Еды вокруг не наблюдалось, так что он решил отложить эту проблему до вечера. Одежда...

Йаати подумал, что в доме вполне может найтись какое-то старое тряпье, — а может, даже и обувь, — но при одной мысли, что ему придется ЭТО одевать, его передернуло. Нет уж, лучше пока ходить голым. Всё равно, тут вокруг никого нет... кажется. А вот ощущение разлитой в воздухе враждебности — есть. И мертвая тишина вокруг кажется какой-то очень нехорошей. Затаившейся такой...

Йаати вновь подумал о том, каково тут ночью, — и сжал зубы. Ночь откровенно пугала. И встречать её точно лучше не тут, рядом с этим трижды проклятым домом...

Он побрел по двору, высматривая что-нибудь, что могло бы послужить оружием. Всего через какую-то минуту ему повезло: он сделал несколько быстрых шагов и схватил железную трубу. Обычную, водопроводную, длиной чуть больше метра. Ржавую, конечно, но по виду вполне прочную. И приятно-тяжелую. Страх сразу отпустил.

Он вернулся к воротам, ещё раз осмотрелся, — и решительно свернул направо. Вдоль забора буйно разрослись кусты, так что пришлось войти в лес. В мертвой здешней тишине шорох мокрых листьев под ногами бил по ушам, и Йаати невольно старался ступать как можно тише.

Идти тут оказалось очень трудно, — опавшие ветки и шишки немилосердно кололи босые ноги, и приходилось распикивать лесной мусор прежде, чем шагнуть. Вдобавок, с каждым шагом отчетливо становилось темнее. И страшнее, — постоянно казалось, что вдали, между деревьями, мелькнуло что-то белесое, как призрак, — и тут же скрылось.

Каждый раз Йаати замирал, — но до него не доносилось ни звука. Скорость при таком вот подходе получалась совсем небольшой, — несколько сот метров в час, — и мальчишка

вновь задумался. До башни километров двадцать или тридцать, — он вполне успеет пройти их до заката, но только если будет идти по дороге, а где тут её взять?..

Какая-то мысль трепетала на самой границе сознания, и Йаати замер, опустив ресницы, всматриваясь на этот раз в себя. Что же... а, вот! Его не оставляло ощущение, что он как-то попал в будущее, — на несколько десятков или сотен лет, и при этом, в будущее чужое и недоброе. Пустое. Мертвое. От одной этой мысли сводило живот, но, помотав головой, он смог найти в ней и полезное: судя по разлившейся везде воде, он по-прежнему был у реки, а вдоль неё в Лахолу шла дорога. Собственно, потому он, пусть подсознательно, и свернул в эту сторону. И, через какую-то сотню метров...

Йаати удвоил усилия. Сердце у него билось так часто, что он даже начал задыхаться. Если он ошибся, ему конец: даже сейчас в этом пустом мертвом лесу очень страшно, а что будет тут ночью, он даже боялся представить. Если в ближайшие минуты впереди не покажется просвет...

Йаати зашипел от боли, споткнувшись об упавший ствол... и очнулся. Сознание вновь «улетело», и он даже не заметил, как забрался в какой-то бурелом. Впереди угрюмо темнела совсем уже глухая, непролазная чаща, к тому же, отчетливо уходящая вниз, — там, среди зарослей, уже зловеще чернела вода. Мальчишка заполошно осмотрелся, — он не представлял, куда и сколько шел, и как вообще попал сюда. Справа тоже глухой лес, слева...

Слева светлее! Йаати поспешил в ту сторону, то и дело морщась от боли в босых ногах. Да, точно — там просвет! Дорога! Ура!..

Путь преградил крутой земляной вал высотой по грудь. Йаати бодро взобрался на него — и замер. От дороги его отделял второй такой же вал, — а между ними зиял ров глубиной метра в два, покрытый на дне страшной черной грязью. Склоны крутые, если он свалится туда, — то вряд ли вылезет обратно. И не перепрыгнуть, — вал просто не даст разбежаться. Зачем тут это? Что же делать?..

Йаати посмотрел вправо, влево, — но никаких упавших деревьев и мостов не наблюдалось. Ров тянулся в обе стороны, насколько хватал глаз. Придется, наверное, идти прямо по валу в сторону города, — там, где-нибудь, наверняка попадетс переход на ту сторону...

За спиной что-то зашуршало, — и мальчишка замер, словно пораженный громом. Он уже убедил себя, что тут никого нет, — и ошибка совсем ему не понравилась.

Йаати торопливо оглянулся. Ничего не видно, но в проклятых лесных зарослях и не увидишь никого, пока он — или *оно* — не подойдет слишком близко. Сам по себе звук совсем не был страшным, — казалось, что к нему бежит ребенок, — но ритм шагов был какой-то... другой, — и от этого Йаати пробилась необъяснимая дрожь. Он, наконец, испугался, — и страх швырнул его в настоящую бурю движений.

Он бросил трубу на ту сторону, на заду съехал в ров, тут же до колен провалился в жирную черную грязь. С отчаянным усилием вырвал застрявшую ногу, сделал шаг, второй... яростно полез наверх, судорожно зарываясь в неподатливую землю пальцами рук и ног. Ему удалось подняться на полметра, потом ноги всё же соскользнули, и Йаати повис, прижавшись голым животом к земле. Сырой холод волной плеснул в тело, мышцы свела судорога, — и он задергался с удвоенным старанием. Кое-как, на четвереньках, Йаати выбрался наверх, тут же, оскользнувшись, покатился, приминая бурьян, в кювет, плюхнулся в глубокую ледяную воду, едва не захлебнувшись, вскочил, протирая глаза и отплевываясь, — и вновь торопливо полез вверх.

Выбравшись, наконец, на асфальт, он замер, весь мокрый, оцарапанный, вздрагивающий. Широкое, незнакомое шоссе оказалось совершенно пустым. За ним вдоль леса тянулись бетонные опоры ЛЭП. На юге, далеко, оно терялось за изгибом темного леса, на севере тоже, — но там над ним смутно светлели крошечные отсюда прямоугольники многоэтажек. Город.

Сердце Йаати подпрыгнуло, на этот раз вверх. Далеко, но не очень: всего каких-то километров пять. Только час ходу, не три и не восемь.

Он прищурился, глядя на трехрогую черную башню — она поднималась за крышами, словно какой-то мрачный замок, — но не смог больше ничего разглядеть. Против солнца лишённые теней здания казались нарисованными на мутном фоне горизонта, — а за ними, пронзая облака, вздымалась другая, колоссальная башня. Отсюда она казалась ещё больше. Весь остальной мир лежал в мертвой тишине, под пустым куполом мутного синеватого неба.

Йаати замер, часто дыша, прислушиваясь, — но собственное запаленное дыхание и шум крови в ушах глушили слух. Не удержавшись, он побежал к городу. Теперь ему и впрямь казалось, что всё это происходит во сне.

4.

Йаати ошалело замер, глядя на что-то вроде танка, — светло-фиолетовое, заляпанное снизу чем-то зеленым. Казалось, оно появилось прямо из воздуха. Он ошалело моргнул, и не сразу понял, что сознание у него вновь «выбило», — он не запомнил, как добежал до города. Его дома — многоэтажные — мало походили на лахольские. Выше, угловатые, пепельно-серые. Не кирпичные, а собранные из бетонных панелей, какие-то... бездушные. Что-то в них было знакомое, но смутно, неопределенно, как во сне. Он недовольно мотнул головой и осмотрелся.

Лес остался далеко позади, — он стоял на шоссе, разделявшем заросший бурьяном колоссальный луг и пойму реки. Сбитые об асфальт босые ноги горели, горло тоже. Хотелось пить. Дыхание срывалось, сердце билось так часто, словно хотело выпрыгнуть из груди и ускакать подальше. Ну да, неудивительно, — он одним махом пробежал километров пять, хорошо хоть, не больше, — иначе загнал бы себя насмерть, даже не заметив этого. Всё эти провалы в сознании Йаати категорически не нравились, и, яростно помотав головой, он зашагал к странной машине. Всё же, не танку, — слишком тонкая и короткая пушка. Рядом с ней торчал плоский торец какого-то прямоугольного бруса, ещё два таких бруса — той же толщины, только длинных, — закреплены на шарнирах справа и слева от башни. Явно не пусковые для ракет, — потому что монолитные. Странно...

Не доходя до машины метров десять, Йаати замер. Она оказалась большая, — его роста не хватало, чтобы заглянуть на крышу. Наклонный наверху борт глухой, из него выступают явно подвижные, размером с арбуз, сферы с вдавленными в них дисками из какой-то коричневой... пластмассы? Ни черта не понятно, что это. Никаких смотровых щелей или камер, лишь над башней блестит стекло большого перископа. И — звук. От машины исходило едва уловимое жужжание, и подходить к ней Йаати не стал. Он как-то чувствовал, что в ней нет экипажа, — если бы был, то точно вылез бы, чтобы расспросить ошалело бегущего голого парня. Обогнув её по широкой дуге, он подошел к началу улицы, — она пересекала тянувшийся вдоль окраины проезд, а дальше...

По голой спине вдруг словно прошел ледяной ветер, — на него кто-то смотрел, и смотрел хищно и зло. Йаати ошалело повернулся. Слева, за кюветом, к реке сбегал пологий луг, и там что-то двигалось, — двадцать или тридцать темных фигурок, каких-то странных, — вроде бы людей, но он никак не мог их толком разглядеть. Казалось, что...

Он приложил к глазам ладонь и прищурился, — но в этот миг башня машины развернулась с резким уже жужжанием, и в уши впился противный высокий звук, — такой он слышал у задней стенки лампового телевизора. Фигурки упали в траву и исчезли, словно их и не было. Писк стих.

Йаати подождал пару минут, но никто не поднялся. Его начала бить дрожь, — он чувствовал, что мог погибнуть так же, даже не поняв этого, — и уцелел только потому, что проклятая штуковина не сочла его целью. А те, кто ей оказались... Но идти смотреть на упавших почему-то совсем не хотелось. Может быть, потому, что Йаати казалось, — это не люди. Вообще.

Он глубоко вздохнул, вновь помотал головой и осмотрелся. Он стоял на пустынной городской улице. Вокруг царило то же призрачное, тревожное тепло и не менее тревожная тишина. Пока он бежал, погода изменилась. В небе висели тонкие облака, — ни ясно, ни пасмурно, сверху струился бесцветный холодный свет, — почти солнечный, но не дающий теней. Город оказался заброшенным, — стекла кое-где разбиты, на улице мусор. В конце её стояло что-то вроде металлической стены, перекрывая проход. Над ней темнел далекий силуэт башни, — казалось, она совсем не приблизилась, и Йаати понял, что она стоит вовсе не в городе, а далеко за ним. Ладно, неважно... Он хотел есть, пить, страшно хотелось одеться и найти хоть какое-то оружие — что угодно, просто чтобы занять руки, — и он даже не знал, с чего начать.

Немного подумав, он свернул в ближайший переулок, — и удивленно замер. На первый взгляд, место самое обычное, — огромный двор, окруженный четверкой серых панельных домов. Вот только его почти целиком заполняла неровная, заросшая диким бурьяном впадина, похожая на высохшее озеро, — а над ней поднималась странная конструкция: две скрещенных, утолщавшихся кверху дуги, зеленовато-коричневых, словно бы поросших лишайником. К ней прилепились ещё две крестовины из сплюснутых с боков труб, — их овальные жерла косо смотрели вверх и вниз. Там что-то приглушенно шипело, над конструкцией вился пар, из самой её середины на землю лилась явно горячая вода. Штука эта оказалась огромная — высотой метров в двадцать. Было что-то невыносимо чужеродное в её плавно закругленных выступах и стыках, напоминавших окаменевший панцирь какого-то вымершего чудовища. Йаати даже в бреду не смог бы представить, что это и зачем оно нужно, — а уж подходить к нему ему и подавно не хотелось. Ничем хорошим это точно не кончилось бы.

Вернувшись на улицу, он решительно пошел вперед, — стена, зачем бы её ни поставили, явно прикрывала собой нечто ценное. Но при каждом шаге босые ноги пробивало болью, и Йаати невольно замедлил шаг. Он уже чувствовал, что далеко так не уйдет, — нужна хоть какая-то обувь, и еда тоже, — живот ощутимо сводило от голода.

Заметив сбоку что-то вроде магазина, он свернул к нему, осторожно ступая по осколкам битого стекла, — но внутри его встретили лишь пустые прилавки. За ними лежал скелет в темном тряпье, — и Йаати замер, глядя на него. Рот наполнился кислой слюной, в горле пересохло. Он ещё никогда не видел мертвецов, и не представлял, что это подействует на него так сильно. В глазах потемнело, в какой-то миг он испугался, что потеряет сознание и

упадет прямо тут, рядом с мертвым.

Он вылетел на улицу, едва успев осознать это, и замер, стараясь успокоить бешено бьющееся сердце, — казалось, оно вот-вот разорвется. Ноги вдруг ослабли, он сел прямо на холодный асфальт, оперся о него ладонью. Захотелось лечь на него и заснуть, — и Йаати яростно помотал головой. Спать тут, посреди улицы, точно не годилось, это безумие...

Сжав зубы, он рывком поднялся. Голова закружилась, в какой-то миг он снова испугался, что упадет, — но всё же устоял на ногах. Нет, так дело не пойдет. Он должен где-то выспаться, — а сперва попить. И поесть. И... но где? Где?!

Йаати захотелось заорать от бешенства, — но он всё же сдержался, больше из страха, чем из гордости. Крик мог привлечь... кого-нибудь. Или что-нибудь. Или...

Он вновь яростно помотал головой — и пошел к стене.

5.

Стена оказалась составленной из монолитных, синевато-черных выпуклых щитов высотой метра в четыре. Как они открывались и открывались ли вообще, Йаати не понял. Справа и слева над стеной торчали, наверное, позиции для часовых, прикрытые щитами поменьше, — с них на него смотрели пулеметы, но людей видно не было. Йаати захотелось поорать, позвать кого-нибудь, но он сдержался, — и так ясно, что там тоже никого нет...

Вздыхнув, он наугад пошел налево, — и тут же замер, краем глаза заметив, что толстый, обложенный какими-то пластинами ствол пулемета, мягко качнувшись, вновь смотрит на него. Поверх него на Йаати смотрел страшный, черно-красноватый глаз, — он не сразу понял, что это просто объектив камеры. Он ждал... но очереди всё не было, и Йаати вдруг, — словно его ударили, — понял, что его расстреляли бы ещё на подходе, если бы...

Если бы его сочли целью. Его носа вдруг коснулся запах прокисшего и ядовитого разложения — и, мучительно скосив глаза, он заметил на асфальте что-то желтоватое, похожее на нижнюю часть тела — только нижнюю, головы не было... и рук тоже. За ней лежали ещё... и ещё... точно такие же, и Йаати вдруг с ужасом осознал, что и при жизни ЭТО совсем не походило на людей. Подходить к ним ближе ему не хотелось, — да он и не мог сейчас сдвинуться с места. Ноги словно примерзли к асфальту, все мускулы свело, — их била мелкая, противная дрожь. Йаати словно заперли в его собственном теле, — и он с колоссальным трудом поднял руку, невольно ожидая выстрела... ничего.

Вдруг ему подумалось, что в пулемете просто кончились патроны — и, если он пойдет дальше, то может наткнуться на заряженный, и...

Чувствуя, что страх сейчас захлестнет его, Йаати медленно попятился назад, крутя головой и осматриваясь. Соседнюю улицу перекрывала такая же стена, — с неё так же смотрели пулеметы, но они не следили за ним, и ледяной клубок внутри растаял. Не до конца, — он уже не сомневался, что и все другие улицы перекрыты точно так же. Насколько он видел, двери и окна первых двух этажей всех зданий на той стороне улицы тоже были заделаны такими же монолитными щитами, — они жирно блестели и, по контрасту с облупившимися стенами, казались совсем новыми.

Вздыхнув, Йаати сел на асфальт, скрестив босые ноги, и задумался. Он понимал, что должен как-то попасть за стену, — просто потому, что оставаться здесь, где гниют чудовищные трупы, ему очень не хотелось. Спину всё время щекотало ощущение недоброго

чужого взгляда, — хотя, как он не вертелся, он не видел совершенно ничего живого, даже птиц. Город казался вымершим — причем, в самом прямом и жутком смысле. Людей в нем точно не было, — но это вовсе не значило, что он и в самом деле ПУСТ. У Йаати упорно не шли из головы мельком увиденные им на лугу фигуры. Он отчетливо видел блестящие... вроде бы, лысины, — но при этом никак не мог вспомнить лиц. Кажется, их и вовсе не было...

Йаати вновь яростно помотал головой. Воспоминание ускользало, как сон, — он никак не мог вспомнить, что видел там на самом деле, а воображение подсовывало ему картинки, одна другой страшнее. Он уже чувствовал, что если дело пойдет так дальше, — то он очень скоро запугает сам себя до истерики. Надо думать, думать, думать...

Проще всего было пойти вдоль стены в поисках лазейки, — но мысль о пулеметах не давала ему покоя. К тому же, ноги отчаянно болели, и он понимал, что просто не сможет пройти много. И, с каждым шагом будет возрастать риск, что его заметят те твари, на которых тут настроены турели. Вот если бы он мог летать...

Йаати запрокинул голову и задумчиво посмотрел в белесое мутное небо. Пересекая улицу, туда и сюда тянулись провода, среди которых выделялся довольно толстый кабель. Если бы он...

Идея была откровенно сумасшедшая, — но Йаати тут же вскочил на ноги. Прихрамывая, он быстро пошел назад, свернул в тесный двор. Кирпичная башня была высотой этажей в двадцать, — но выбирать, увы, не приходилось.

К крайнему удивлению Йаати, стальная дверь подъезда оказалась заперта. Он подергал её, потом похромал ко второй, как оказалось, тоже запертой. Над ней, однако, нависал бетонный козырек, и Йаати изо всех оставшихся сил прыгнул вверх. Ему, наконец, повезло, — он зацепился за край, подтянулся и взобрался на него. Над козырьком оказался балкон, через кирпичный парапет которого он тут же перебрался. И тут же из него словно выпустили воздух — он сел, привалившись к стене, и подтянул ноги. Впервые он почувствовал себя в безопасности... и незаметно задремал.

6.

Йаати разбудил странный звук, — словно кто-то бежал по двору босиком. Он вскочил — и тут же замер. По двору бежало...

Больше всего ЭТО походило на два сросшихся огромных пальца — желтых, в красную крапинку. Они соединялись беловатым утолщением величиной с арбуз, — а из него росли какие-то синеватые полупрозрачные щупальца. Оно бежало очень быстро, — прямо к балкону, на котором стоял оцепеневший мальчишка. Идет по следу, вдруг понял Йаати. Ещё бы несколько минут — и всё...

Он не заметил глаз, но тварь как-то заметила его. Она неожиданно высоко прыгнула вверх, — пара тонких синеватых лент щелкнула в воздухе, в ладони от голого живота Йаати, — стукнулась об козырек, свалилась на асфальт и издала невыразимо мерзкий, режущий уши визг. Йаати шарахнулся назад, рванул дверь и ввалился куда-то в темноту. Тут же в ней вспыхнул яркий синеватый свет, — он всё же вскрикнул от испуга, но тут же увидел на стене плафон с сотней, наверное, крохотных лампочек. Стальная дверь закрылась, лязгнув щекоткой. Стало очень тихо.

Йаати замер в пустом кубическом помещении. Его трясло, мир перед глазами как-то дико прыгал. Он никак не мог поверить, что видел ЭТО наяву, — и боялся, что тут же, на месте, сойдет с ума. Точно такие же твари лежали на улице, расстрелянные турелями, — и при мысли, что он беспечно бродил по городу, кишасшему ими, его затрясло ещё сильнее. Он уцелел буквально чудом, — но всё же уцелел, и радость от этой мысли постепенно вытесняла смертельную жуть. Наконец, его так же внезапно отпустило. Взвизги твари доносились снаружи глухо, как сквозь подушку, — но Йаати уже не сомневался, что на них сбежится целая орава таких же. Выйти на улицу он уже не мог.

Вдруг беззвучно погас свет. Йаати замер, оцепенев, не дыша, твердо уверенный, что в тот же миг в него вцепятся чьи-то огромные зубы. Не стерпев, он дико заорал от ужаса, — и тут же свет вспыхнул вновь. Какая-то автоматика, реагирующая на звук, — он где-то слышал о такой, читал в каком-то журнале... Вспомнив о ней, он сел на пол и начал дико, всхлипывая, ржать. Остановила его только боль в сведенном судорогой животе. Как бы то ни было, ему дико повезло, — он вспомнил, что уже слышал шаги такие шаги, шаги такой твари там, в лесу, и уже не сомневался, что тогда его спасла лишь вода, через которую он перебрался, оборвав след. Как бы то ни было, здесь есть свет, значит, должна быть и вода, а может, и какие-то харчи, — хотя бы консервы...

Вдохновленный этой мыслью, Йаати поднялся и открыл внутреннюю дверь. За ней царил крошечный мрак, — но, едва он хлопнул в ладоши, свет вспыхнул. Такой же синевато-мертвенный, — но сейчас его это не трогало. Он пошел вперед, дергая двери квартир, — к сожалению, запертые. Вторая дверь, третья...

Четвертая дверь вывела его в квадратный холл с лифтами. Не думая, Йаати ткнул в кнопку. Под ней вспыхнул зеленый огонек, — и тут же сверху докатился лязг и грохот, гулко отдаваясь в пустой утробе здания.

Йаати замер, проклиная свою глупость, — но поделаться ничего уже не мог. Он замер, готовый в любую секунду бежать, — но ничего страшного не случилось. Где-то через минуту двери лифта со скрежетом раздвинулись, — похоже, им не пользовались уже давно. Йаати отскочил, как кот, увидев внутри голого чумазого парня, — и лишь потом узнал себя в настенном зеркале. Вид у него был... ещё тот. Дикий. И довольно-таки страшноватый, — он самого себя испугался. Да уж...

Вздыхнув, он вошел внутрь. Панель с кнопками выглядела непривычно, — но цифры на них были те же, и он нажал на «двадцать». С тем же скрежетом двери закрылись, потом лифт лязгнул и неровными рывками пополз вверх. Йаати босыми пятками чувствовал, как дергаются над кабиной разболтавшиеся тросы. За железными стенками что-то то и дело скрипело, свет мерцал, — доверится этой развалине было явно не лучшей идеей, и он вновь испуганно замер. Казалось, что лифт вот-вот застрянет, — или вообще оборвется и полетит к чертям вниз. Но ему повезло и в этот раз, — скрипящая конструкция доставила его на самый верх. Он вышел в холл, как две капли воды похожий на нижний. И такой же пустой.

Хлопая в ладоши, он пошел по коридору. Всё двери тут тоже оказались заперты. Наконец, он вышел на балкон, — и замер, ошалев от высоты. Вдали лежал темный ковер леса, рассеченный ровной линией шоссе, слева тускло блестела река. И справа тоже. Внизу лежали серые пустынные крыши. Казалось, он летит на самолете, — в его родной Лахоле таких высоких домов не было.

Он перегнулся через парапет. Теперь высота стала донельзя наглядной, и его сердце ёкнуло, но не только от неё, — внизу, у двери, толкалось уже два или три десятка

«двупалов». Визг их долетал и сюда. Отсюда он видел на улицах ещё несколько штук. Даже на шоссе виднелись какие-то желтоватые крапинки, — и от их количества у Йаати вновь свело живот. Пустынный доселе мир пробудился, — и он уже не сомневался, кто во всем этом виноват.

7.

Опомнившись, наконец, он обернулся. На балконе была вторая дверь — она, как оказалось, вела на лестницу. Но тут Йаати ждало разочарование, — путь наверх преграждала железная решетка. Он яростно потряс её... и тут же услышал быстрый шорох шагов в глубине шахты лестницы. Твари как-то смогли открыть дверь, а это значило... значило...

Словно подхваченный какой-то силой, он вскочил на парапет, держась рукой за стену, вторую вскинул вверх, нащупывая край плиты... есть!

Не рассуждая, он выбросил наверх вторую руку... рывком подтянулся, отжался, забросил наверх ногу... растянулся во весь рост на пыльном битуме... и на какое-то время отрубился. В себя его привел мерзкий визг прямо под ним, — твари уже были на балконе! Они как-то почуяли его... или просто догадались, — что было несравненно хуже.

Йаати вскочил... голова у него закружилась, он пьяно шагнул в сторону, — и едва не полетел вниз. К его невероятному счастью, тут не было чердака, — подпрыгнув, он ухватился за край парапета и взобрался наверх. Перед ним была глухая кирпичная стена надстройки. Морщась от боли, — крыша оказалась, почему-то, засыпала мелким острым щебнем, — Йаати обошел её. Подошел к другой стороне крыши. Замер.

Над ровной дугой речного обрыва стоял другой, уже знакомый город, который он видел на шоссе, — сверкающие массивы неожиданно высоких зданий, облицованные стеклом и металлом... кое-где, правда, они выгорели, превратившись в страшные черные скелеты. А за ними, вдали, чернел чудовищный силуэт башни, — отсюда она казалась ещё больше. Йаати чувствовал, что не ошибся — до неё и в самом деле километров двадцать, и высотой она километров в пять, не меньше. Таких громадин не бывает... но ведь и невообразимых тварей-«двупалов» тоже не бывает. И фиолетовых «танков», убивающих без света и звука, и парней, которые, не заметив, попадают из одного мира в другой...

Йаати зажмурился и ошалело помотал головой, словно стараясь как-то уложить в ней мысли. Вторая, трехрогая башня, напротив, резко выросла, — похоже, что она стояла где-то на северо-восточной окраине города, и была гораздо меньше, — высотой всего в сто или в сто пятьдесят метров, но и отсюда её не удавалось толком разглядеть.

Снизу донесся резкий стрекочущий звук, и мальчишка нагнулся, навалившись животом на парапет. Пулемет оказался не вполне пулеметом — он выплюнул очередь желто-синих молний, пробивших «двупала» и отбросивших его к стене, мгновенно развернулся и расстрелял другую тварь, потом третью. Ожил и второй пулемет, — он бил длинными очередями куда-то в глубину улицы. Йаати заорал от радости, — но тут же всё кончилось. Похоже, что твари разбежались по укрытиям. Они явно были достаточно умны, чтобы не лезть на пули, или чем там стреляли эти штуки.

Вздыхнув, Йаати прошел вдоль парапета, глядя вниз. По двору по-прежнему бродили «двупалы», — но за стеной, вроде бы, никого не было. Знакомый ему старый мост исчез, — если он вообще когда-то был в этом мире, — и на его месте стоял совсем другой. Он парил

над рекой на тросах, перехлестнутых через опору в виде огромной буквы «А». Улица, на которой стоял дом, как раз поднималась к нему. Сам мост упирался в синеватую металлическую стену, раза в два выше этой. Вторая такая же стена тянулась вдоль берега реки. Йаати не представлял, как попадет туда.

Сейчас, впрочем, перед ним стояла более насущная задача, — перебраться через улицу. Кабель был всего шагах в пяти, — в самом деле, толстый, пальца в два. Он начинался от надстройки и тянулся через улицу к надстройке такого же дома напротив.

Йаати подергал за него, потом повис, зацепившись ногами. Кабель даже не дрогнул. Он вздохнул. Дело, в общем-то, простое, — перебирай себе руками и ползи, как вагончик по канату. Плевое дело, — не будь под ним высоты в двадцать этажей. Только вот выбора у него, увы, не было, — оставаться на этой крыше он не мог. И он пополз вперед, — отчаянно зажмурившись и убедив себя, что всё это просто дурной сон. Но кабель врезался ему под колени и раскачивался, вызывая приступы дурнотного головокружения. К тому же, он ощутимо растягивался под ним, подергиваясь взад и вперед, и Йаати казалось, что он вот-вот лопнет.

Это путешествие заняло словно целую вечность. В самом конце его руки так тряслись, что он просто свалился на крышу, и какое-то время лежал совершенно неподвижно, ничего не соображающий, глядя в пустое белесое небо. Казалось, что оно засасывает его, в какой-то миг он даже испугался, что упадет... туда.

Застонав, Йаати перевернулся на живот, поднялся на четвереньки, потом на ноги. Заковылял к двери. Она, конечно, оказалась заперта. Он тупо подергал её, потом подошел к парапету. Так и есть — такой же бетонный козырек. Йаати сел на парапет, повернулся, спрыгнул, сев от силы удара на корточки. Замер, как замороженный, глядя на пустоту под ногами. Лег на живот — и лишь тогда осмелился заглянуть вниз. Вот он, балкон — рукой подать. Но... как же он сможет...

Словно во сне, он спустил ноги вниз... сорвался, судорожно схватившись за край... тело резко качнуло, пальцы сорвались... Йаати врезался спиной в парапет... и грохнулся на четвереньки. Колени и руки до самых плеч пронзила боль, он зашипел от неё... потом лег на пол, прижался к грязному шершавому цементу, судорожно дыша, не веря в то, что ещё жив. Наконец, звон в голове стих, сердце успокоилось. Йаати поднялся на четвереньки, подполз к двери, протянув руку, открыл её и вполз внутрь. Лишь когда она закрылась за ним, он поднялся на ноги. Больше всего сейчас он боялся вновь увидеть высоту.

8.

Ему вновь очень повезло, — он попал не на лестницу, а в одну из квартир на верхнем этаже. Йаати ввалился в ванную, думая сейчас только о воде. К его невероятному счастью, она тут была. Он буквально присосался к крану, потом залез в ванну и с громадным наслаждением вымылся. Там бы он и уснул, — но из ванной его выгнал голод. Судя по вянущим цветам, дом явно оставили всего несколько дней назад, — даже холодильник до сих пор работал. Правда, вместо привычных продуктов внутри лежали какие-то черные пакеты. Разорвав один, он обнаружил внутри розовато-серую волокнистую массу и осторожно понюхал её. Пахло сырой рыбой, — и он, вздохнув, подцепил её, холодную и влажную, пальцами. На вкус она оказалась вполне сносной, — в самом деле, что-то вроде

сырого подсолённого фарша для рыбных котлет, который он однажды тайком попробовал в детском саду, — но выбора, увы, не оставалось.

Не вникая в детали, Йаати слопал всё, что нашлось в пакете, потом кое-как дополз до постели, — и тут же провалился в мертвый сон...

9.

Сжимая в рукавицах стальной прут, часто дыша и настороженно прислушиваясь, Йаати медленно пробирался вдоль задней стены какого-то бесконечно длинного одноэтажного здания, сложенного из бетонных блоков. Было почти совершенно темно, — лишь сквозь заложенные стеклоблоками низкие окна пробивался холодный голубоватый свет. Оно таилось где-то совсем рядом, — Йаати чувствовал его, но никак не мог увидеть, хотя оно пело... где-то у него внутри...

Он ошалело вскинулся на постели. Его разбудило какое-то жужжание в голове. На потолке вполнакала, сами по себе, зажглись длинные лампы. Секунды через две за окном что-то вспыхнуло, — в комнате стало светло, как днем. Режущее-белое свечение перетекло в синее, красное, вновь в белое, — и всё погасло. Йаати словно нырнул во мрак, — ослепленные глаза сейчас не различали ничего. Всё это заняло от силы секунды три. Ещё секунд через пять раздался сильный взрыв, секунду или две спустя — второй.

Соскользнув с постели, Йаати помотал головой и, сделав несколько беззвучных шагов, подошел к матовой стеклянной перегородке, сквозь которую едва сочился мутный полусвет. Легко откатив её, он вышел на балкон и замер, чувствуя, как нагое тело покрывается ознобом в прохладной, пропитанной влагой ночной тьме. Все окна оставались темными, и здания чернели силуэтами на фоне призрачной серо-фиолетовой мглы. Горели лишь бело-фиолетовые уличные фонари, но так тускло, что лишь разбавляли густую, словно жидкость, темноту. В тумане их свет казался странным — очень четкий узкий центральный конус, второй, более смутный, окружающий его, и плавно тающий во мраке ореол. Идеально круглые пятнышки освещенной земли казались островками, приподнятыми над полупрозрачным океаном тьмы.

Йаати прислушался. Ночь казалась очень тихой, но её наполняло множество призрачных звуков, большую часть которых его чуткие уши не могли определить. Внизу никого не было, — но ему постоянно казалось, что за ним наблюдают. Мир вокруг мягко плыл, Йаати не понимал, спит он сейчас или нет. Не сознавая, что делает, словно во сне, он вышел из квартиры. Не решаясь вновь пользоваться лифтом, он вышел на балкон, а с него попал на лестницу. Йаати беззвучно ступал босиком, так что свет не загорался — да он сейчас и не нуждался в нем...

Наружная дверь оказалась заперта. Йаати решил вылезти в окно... и тут же понял, что её можно открыть, просто нажав на кнопку. Прикосновение босых ног к холодной, шершавой земле словно пробило его током, — он вздрогнул, и повел плечами, вдруг ощутив себя очень незащищенным на этой сумрачной улице. Нет, он, совершенно определенно не спал, — и, в то же время, не понимал, что делает, и что его, собственно, ведет. Не удержавшись, он вошел в один из островков света, невольно присев, словно его могли увидеть. Потом посмотрел вверх. Фонарь был очень странный, — не лампа, а что-то вроде плоского кристалла. Свет тоже был странный, — кожу щекотало, словно по ней бегали

крохотные, незаметные искорки.

Йаати передернул плечами и быстро отступил во тьму. Потом пошел вперед. На перекрестке он замер, поочередно глядя на четыре цепочки тускнеющих в тумане огней. Странное щекочущее ощущение не исчезло, — напротив, поселилось где-то глубоко внутри. Йаати казалось, что он вот-вот взлетит. Ощущение поднималось волной, захлестывало его, — и он резко, стрелой взмыл вверх, прорезав прохладный воздух. Нет, на самом деле он, конечно, остался на месте, — но, в то же время, словно разделился надвое. Сам он стоял на земле, глядя на мир своими глазами, — и, в то же время, бесплотно парил высоко над ней. Но даже с большой высоты он ничего не увидел, — ни одного огня, только россыпь тусклых, бело-фиолетовых кружков света.

Йаати попытался «взлететь» ещё выше, — и в нем словно лопнула струна. Вторая пара его глаз захлопнулась, — и он, ошалеv, сел на землю, отчаянно стараясь понять, что это с ним происходит. Началось всё это явно не сейчас, а... наверное, тогда, когда он проснулся, — ещё там, дома... и это «что-то» явно было связано с тем...

Он отчаянно зажмурился, стараясь вспомнить... но воспоминание тут же ускользнуло, словно сон. Вздохнув, Йаати попробовал вновь «выйти из себя», — но и это у него не получилось.

Он поднялся и подошел к фонарю, встав в столб щекочущего кожу света. Свет словно бы проникал глубже, щекоча саму его суть, саму душу, — очень странное ощущение. Оно вновь поднималось волной, захлестывая его, и...

Йаати замер, отчаянно зажмурив глаза. Он стоял на земле, — но, в то же время, неощутимо парил над ней на высоте добрых метров ста, как-то глядя сразу во все стороны. Ничего... темнота, только россыпь тусклых бело-фиолетовых огней. Он захотел «взлететь» ещё выше, но сдержался, — боялся, что связь опять исчезнет.

Подумав, Йаати посмотрел вниз, — и вздрогнул, увидев собственную крохотную фигурку. Отсюда она казалась очень беззащитной, и он невольно вскочил, скрывшись в темноте. Видение, однако, не исчезло, и Йаати быстро «спустился» к земле. Он вновь видел себя — свой силуэт — на фоне тусклого столба света. Ощущение оказалось очень странное, — словно во сне. Он плавно поднял руку, — и увидел это со стороны. Он совсем не понимал, как всё это происходит, но способность ему досталась очень ценная: её полезность он вряд ли мог переоценить.

Он попробовал «влететь» в окно ближайшего здания, — и видение тут же погасло. И так, его «третий глаз» всё же не мог проникать сквозь материальные преграды, и это очень разочаровало его: было бы очень интересно скользить сквозь стены и землю, подобно бесплотному духу. Ладно, что уж есть...

За стеной вспыхнуло дрожащее сине-желтое зарево, — и через миг до Йаати донесся приглушенный стук пулемета. Он испуганно вздрогнул и замер, словно проснувшись, как-то вдруг осознав, что стоит нагишом посреди улицы. Его снова «повело», — и в этот раз он даже испугался. Что это с ним, какая сила понесла его сюда?..

За спиной полыхнул страшный сиреневый свет, — и, обернувшись, он увидел летящие обломки взорванного щита. За ней, в отблеске уже гаснущей вспышки, белел пугающе высокий силуэт, — и Йаати бросился бежать, не думая уже ни о чем.

Очнувшись, Йаати с трудом сообразил, что лежит на полу в грязном подъезде, за открытой дверью идет дождь, и времени уже явно далеко за полдень. Он был весь грязный, исцарапанный и ободранный до крови. Каждый мускул ныл от тупой боли, а босые ноги и голова болели гораздо сильнее. Он чувствовал себя совершенно разбитым и слабым, и когда всё же поднялся, его шатало, как в бреду.

Он кое-как закрыл дверь, — и бессильно сел на пол, отчаянно пытаюсь вспомнить хоть какие-то подробности бегства. Облако пустоты в голове таяло, но прошлое всплывало очень смутно. Кажется, он долго пробирался по пустым улицам, весь мокрый под ровно шумящим дождем, шлепая по лужам и обходя тусклые белые фонари, но что было раньше?.. Кажется, он очень долго плыл вниз по течению реки, — сколько же времени он провел в ледяной воде? И почему потом даже не чихнул? — потом долго пробирался по дну какого-то оврага, по которому бежал бурный поток, — что, хотя бы отчасти, объясняло его ссадины и полное изнеможение... но что загнало его в реку? Как он вообще не утонул?.. Последнее, что он запомнил, — кошмарный трехногий силуэт, ослепительно яркий на фоне глухой ночной тьмы. Но далее в памяти зиял провал: он даже не помнил, как попал сюда.

Йаати вздохнул и зажмурился, отчаянно стараясь заглянуть в себя. Получалось плохо, — тупая боль выдавливала из головы все воспоминания, а тем, что всё же прорывались сквозь неё, он не верил. Мог ли он сигануть с моста в реку, оказавшись между огромными закрытыми воротами с одной стороны и кошмарной трехногой тварью с другой?.. Мог ли он пролезть между прутьями решетки в страшную темную трубу, наполовину залитую текущей водой?.. Мог ли он вообще уцелеть, врезавшись в твердую, как бетон, воду с высоты тридцати с чем-то метров?.. Он знал, что всё это просто не могло происходить в реальности, — по крайней мере, не здесь, и не с ним. Но на сон это тоже было совершенно непохоже.

Йаати яростно помотал головой. Все эти провалы в сознании страшно достали его: он чувствовал, что следующего может уже и не пережить. Надо с этим что-то делать... только вот что? Ладно, раз он всё равно не знает, это может подождать. Проблем и так навалом...

Осторожно подняв голову, Йаати осмотрелся. Его занесло в холл жилого дома, освещенный тусклой голубоватой лампочкой, грязный и замусоренный. Дверь грубо сварена из листовой стали, с закрытым сейчас окошком-амбразурой, — хотя бы с этим ему повезло, не нужно бояться, что с улицы сюда ворвется нечто невообразимое... Побитые почтовые ящики, ещё какая-то дверь, две лестницы — вверх и вниз...

Сжав зубы, Йаати поднялся. Сидеть тут было совершенно бесполезно, а он отчаянно хотел есть, да и одежда совсем ему не помешала бы. Воображать себя Диким Юношей — это одно, а бегать в чем мать родила по осеннему городу — совершенно другое...

Он сделал несколько осторожных шагов. Нет, наверх ему точно не подняться. Но на лестнице вниз тоже горел свет, — и Йаати, цепляясь за стенку, пошел по ней, морщась от боли в ободранных босых ногах. Один пролет, второй, третий...

Ступив на ровный пол, он удивленно замер. Пустая, ярко освещенная комнатка, впереди коридор с какими-то дверями, кое-где открытыми. Но проем входа обрамляла массивная металлическая рама, — а внутри неё мерцала пленка призрачного голубоватого сияния. Она тихо потрескивала, отчетливо пахло озоном. Удивленный, Йаати подошел к ней и протянул

руку. Соображай он чуть получше, он не стал бы её трогать, но ему повезло. Разряды закололи и защекотали руку, но она прошла насквозь, почти не ощутив сопротивления. Зажмурившись и задержав дыхание, Йаати шагнул... весь передернулся от прокатившейся по телу колючей волны... и замер, осторожно приподняв ресницы. Ничего! Чем бы ни была эта штука, — она не причинила ему вреда.

Вздохнув, он пошел, скорее, побрел вперед. Подвал явно оказался не прост, — стены и потолок укреплены плоскими балками из уже знакомого ему черно-сиреневого металла, на дверях — массивные и сложные замки. Закрыты, правда, оказались не все. За ними он видел нары, какие-то столы... а ведь это, наверное, столовая...

Йаати свернул. Столовая оказалась пустой и наполовину разгромленной, — но в комнате за ней стояли здоровенные железные шкафы. Подергав за незнакомую ручку, Йаати, наконец, открыл один. Изнутри повеяло холодом — точно, холодильник. Внутри нашлись знакомые пакеты из плотной черной пленки, с той же влажной, розоватой массой, похожей на сырой рыбный фарш. С голодухи, впрочем, и она показалась удивительной на вкус, — Йаати вмиг сожрал всё содержимое пакета, а потом и второго. Тело сразу же отяжелело, в голове поплыло. Он едва смог добраться до ближайшего матраца, — и тут же провалился в глухой сон...

1.

Улица, по которой они шли, напоминала Йаати ущелье, — в основном потому, что её замыкали два бесконечных ряда поставленных вплитык уступчатых серо-кирпичных зданий разного размера и высоты. Со своими пилонами и ярусами лоджий они очень походили на скалы, да и стояли неправильно — то выдвигаясь вперед, то отступая, отчего улица, сохраняя, в общем, одно направление, виляла то влево, то вправо. Проезжую часть занесло снегом, только широкая пешеходная тропа петляла между низкими деревьями и сугробами. Тропинки поуже ответвлялись от неё к высоким крылечкам. Фонари тут пока не горели, закат уже ощутимо угасал, и сгущавшийся между домов полумрак рассеивал лишь желтоватый свет редких горящих окон. Ни одного человека не попалось им по пути, но Йаати это ничуть не удивило, — мороз стоял зверский, ощутимо щипало уши и лицо.

Свернув за очередной выступающий угол, они уперлись в тупик, — в замыкающий улицу фасад новой краснокирпичной двенадцатиэтажки. Миновав узкий высокий туннель в ней, они вышли в громадный пустой двор. Далеко впереди, на фоне огненных перьев заката, чернела бесконечно длинная пятиэтажка, усыпанная разноцветными квадратиками освещенных окон.

Они бездумно свернули на боковую аллею, — тщательно расчищенную, обрамленную высокими пушистыми сугробами и прикрытую прозрачной сенью гладких голых ветвей. Фонари тут тоже не горели, и падавший сзади их свет, сливаясь с последними отблесками заката, бросал на снег искрящееся, медно-фиолетовое кружево. Чудесный вечер, — но на душе Йаати скребли кошки. С последнего штурма Призраков прошло уже полгода, и он, поначалу успокоившись, тревожился теперь всё сильнее: понимал, что чем длиннее затишье, тем лучше враг подготовится.

— Когда они снова попробуют? — спросил он друга.

Тот повернулся к нему. Бело-розовые искры далеких фонарей мерцали в его длинных непроницаемых глазах.

— Может быть, уже этой ночью.

Йаати вздрогнул от испуга... и проснулся.

2.

Он сел, ошалело осматриваясь, потом помотал головой и печально вздохнул: он никак не мог вспомнить, с кем говорил, кто такие Призраки, и что за город они полгода держали в осаде. Отчасти он походил на Лахолу — но с новыми, незнакомыми зданиями, которые он видел в журналах. Казалось, что сон унес его в будущее, — куда-то между его настоящим и вот этим, и Йаати даже зашипел от досады: увиденное показалось ему невероятно важным. Хотелось полежать, и как следует всё вспомнить, — но проснувшееся тело тут же предъявило ему целую гамму требований.

Вздохнув, он побрел на поиски туалета, потом снова наведаясь на склад, где слопал ещё

один пакет «фарша», потом от всей души напился, потом нашел душевую и вымылся. Теперь он чувствовал себя едва ли не родившимся заново. Может быть, в «фарше» имелись какие-то целебные вещества, но болели теперь только ноги, да и то не сильно.

Йаати отправился на поиски одежды, — но попал в нечто вроде командного пункта. Здесь стояло несколько сложных, незнакомого вида пультов, — а над ними светились экраны, вернее, массивные металлические рамы, в которых, прямо в воздухе, мерцало смутное изображение. Он увидел несколько пустых улиц, должно быть, окружавших этот дом, и какие-то коридоры, тоже пустые. Картинка оказалась полупрозрачной, и даже не вполне четкой, но что там светилось, — непонятно. Он не видел никакого проектора или ещё каких-то узнаваемых деталей. Встав на пальцы ног, он даже помахал рукой в раме экрана, но ничего не почувствовал, и это изрядно его озадачило. Техника тут ушла очень далеко от хоть как-то привычного ему. На борту Парящей Твердыни это, наверное, смотрелось бы естественно, но тут сочетание массивных черно-сиреневых рам с обычнейшими облезлыми стенами тревожило и даже необъяснимо пугало: словно в привычный до зевоты мир вдруг вклинился какой-то другой, чужой, жестокий и враждебный.

Вздыхнув, он начал обходить одну комнату за другой. В большинстве не нашлось ничего интересного, — но, в конце концов, ему повезло найти склад обмундирования. Увы, — все комплекты оказались ему велики. Рукава курток свисали на пальцы, штанины были длиннее ног, а ступни в ботинках болтались, как высохшие орехи в скорлупе. Рукава и штанины он, в конце концов, догадался подвернуть, ботинки, наверное, мог набить бумагой, — но её под рукой не нашлось.

Йаати с сомнением посмотрел на свои босые ноги. Пока что они неплохо обходились без обуви, — и он решил не морочиться на этот счет. Неудобная обувь куда хуже, чем вообще никакая, — это он усвоил во время туристских походов.

Кроме одежды, тут нашлись противогазы и какие-то тяжеленные жилеты, — как он определил на ощупь, бронированные, с множеством карманов, петель и креплений для всевозможной амуниции — и, разобравшись в незнакомых ремнях и застежках, он решился влезть в один.

Жилет ему тоже оказался велик, — но здесь это было только к лучшему. Он закрывал почти всё тело, и даже не казался на нем таким тяжелым, как в руках. Йаати даже немного попрыгал, чтобы убедиться, что лишний груз не вымотает его в дороге. Нет, вес, конечно, ощущался, и при прыжках через что-то это придется учитывать, — но точно ничего такого, что отняло бы слишком много сил.

Бронежилет навел его на мысль об оружии. Он отправился на поиски, — но здесь ему не повезло. То ли люди, уходя отсюда, унесли всё с собой, то ли оружейка скрывалась за какой-то из множества запертых дверей. Он решил искать ключи, — но не преуспел и в этом. Сами замки оказались очень странными, — без каких-либо отверстий, с красными светящимися линзами вместо скважин — и, похоже, открывались не ключами, точно не теми ключами, о которых он знал.

Йаати вздохнул. Искать то, что неясно, как выглядит, — дело явно дохлое. Сами двери, правда, не казались особенно прочными, — похоже, что замки на них добавили потом, — но он не хотел ломать всё подряд в поисках чего-нибудь ценного, да и не видел здесь предметов, пригодных для такой цели.

Ещё раз вздохнув, он подошел к раме с силовым полем — непонятно, зачем нужным, раз

оно даже не мешало проходу. Йаати осторожно потрогал его рукой, потом зажмурился, задержал дыхание — и шагнул.

3.

Всё оказалось ещё проще, чем в первый раз, — полностью одетый, он почти ничего не почувствовал. Здесь ничего не изменилось, и он, прислушиваясь, медленно пошел наверх. Залитый мертвенным голубоватым светом вестибюль тоже оказался пуст. Йаати подошел к двери, отодвинул заслонку и выглянул. Никого... но выходить наружу не хотелось. Вздохнув, он вернулся к лестнице и пошел вверх.

Дом оказался высокий — Йаати насчитал восемь этажей, и остановился перевести дух. Его очень тревожила тишина — вернее, какие-то смутные, непонятные звуки внутри здания, такие слабые, что он не мог понять, что тут их издает. Казалось, что шуршат мыши — или даже тараканы, но тараканы должны были быть очень уж крупные, и его передернуло: этих тварей он терпеть не мог.

Ещё раз вздохнув, он толкнул последнюю дверь. Деревянная лестница за ней вела на пустой высоченный чердак, залитый бесцветным, каким-то тревожным светом. Осторожно ступая по пыльным доскам, он поднялся по последней лесенке, и выглянул в окно.

Пустой мертвый город лежал под ним, под затянутым белесой мглой небом. Низко стоявшее солнце расплывалось в ней смутным синеватым пятном. На севере смутно блестел черно-фиолетовый массив башни — она, казалось, совсем не приблизилась. Вторая же башня, трехрогая, напротив, выступила очень четко, — Йаати понял, что до неё всего-то километра два, и высотой она с сорокаэтажный дом, — но при всем этом узкая, словно обычная жилая башня. Воздух был неподвижен, и вновь ни холодный, ни теплый, — похоже, что эта жутковатая погода стояла тут постоянно.

Заметив, что вдоль края крыши идет узкая дорожка, Йаати выбрался из окна, и осторожно спустился к ней. Доски потрескивали под ним, и это его тревожило, — здание было старое, оно стояло тут уже явно не один век. Таких даже в его время не строили, — и он не помнил таких вот в Лахале. Казалось, что он попал в какое-то химерическое будущее, — не совсем чужое, в чем-то узнаваемое, но в чем-то — невыносимо чуждое. Туда, куда не должен был попасть...

Йаати вздохнул. С одной стороны ему, конечно, хотелось вернуться домой, к теплой постели и полному холодильнику еды. С другой — ему выпало невероятное приключение, и любопытство его прямо-таки распирало. Проще говоря, в голове у него царил суматоха, и, что самое скверное, он до сих пор не верил, что всё это происходит наяву. Нет, если он сейчас свалится с крыши и ничего не случится, он точно во сне — ну а если нет? Страх он тоже чувствовал, и сильный, но всё же, как-то отстранено, словно это происходит не с ним.

Помотав головой, он пошел вдоль края крыши. Вокруг, тускло отблескивая, горбились другие крыши, в провалах улиц лежал прозрачный сумрак. Там ничего не двигалось, — но Йаати то и дело косился вниз и всё время прислушивался. Он уже понял, что уши тут более надежный союзник, чем глаза.

Выбравшись, наконец, на другую сторону крыши, он увидел смутный простор речной долины, — этой ночью его как-то занесло в верхнюю часть города. Йаати с сомнением посмотрел на свои руки, ровные босые ноги, — он не представлял, что вело его, и как он

вообще уцелел, шатаясь среди орды чудищ в таком вот бессознательном состоянии.

Цепляясь за поперечные планки, он взобрался на конек крыши и сел, подставив лицо призрачному теплу солнца. Как всегда на высоте, хотелось летать, — во сне это даже удавалось, но не в реальности. Однако, его «третий глаз» мог летать, — и Йаати закрыл глаза, сосредоточился, стараясь выпустить его на волю...

Вдруг он спиной ощутил чужой — и смертельно враждебный — взгляд. Йаати вскочил и обернулся. Ничего... лишь далеко над рекой висело смутное белое пятнышко. Он почти не мог разглядеть детали, но этот предмет явно летел, — без каких-либо видимых крыльев! — и летел прямо к нему.

Йаати не успел испугаться. Откуда-то слева ударил смутный желто-синий луч, — и непонятная вещь вспыхнула, падая вниз уже дымящими кусками. Он рывком обернулся. Ничего! И никого, кто бы мог стрелять, кроме...

Его взгляд уперся в черную громадину трехрогой башни. Над ней сейчас парил сине-зеленый шар, пылающий, как маленькое солнце. Судя по траектории луча, стреляли именно оттуда. Йаати захотелось помахать рукой, как-то привлечь внимание, — но он всё-таки сдержался. Непонятно почему, ему по-прежнему казалось, что тут, кроме него, вообще нет людей, — а боевым автоматам махать бесполезно. Они не видят в нем врага — и только. Тем не менее, ему стало неуютно. Сбитый башней предмет не слишком-то походил на машину, — крыльев или винта точно не было, — а животные, летающие на нечистой силе, ему точно не нравились. Или НЕ животные, — но это было ещё хуже. Йаати уже понимал, что в этом мире произошло нечто, невыразимо скверное, — и, если он хочет выжить, ему нужно как-то попасть в эту башню.

До него запоздало докатился короткий гром выстрела, — и зеленое солнце погасло, медленно опустившись в башню, — словно закрылся чудовищный глаз. Поёжившись, Йаати спустился в подвал. На стене командного пункта висели карты, — и теперь он тщательно рассмотрел их.

Карт оказалось две — одна города, а вторая — окрестностей. Город походил на сильно выросшую Лахолу, — но всё же, не настолько, чтобы он уверился в этом. Если верить карте, трехрогая башня и впрямь стояла на его северо-восточной окраине, среди большого парка, — но никакого парка там он не помнил, в его Лахоле там был просто лес...

Вторая карта оказалась интереснее. На ней он смог найти вторую, гигантскую башню, окруженную пятью кольцами укреплений, — но город лежал далеко от неё. Дорог к этой башне тоже не вело, — за исключением железных, да и то, обозначенных пунктиром. Очевидно, подземных. Йаати пальцем, для верности, проследил за той, что вела к городу, потом вернулся к его карте. Судя по пунктирам разноцветных линий, под ним скрывался целый лабиринт туннелей, — но, так как он не знал, где находится, карта имела для него не слишком много смысла. Он видел множество кружков, очевидно, обозначающих входы, — но не представлял, где ближайший, и вообще, открыты ли они.

Вздохнув, он сел на стол, пристально глядя на карту. Он не понимал нанесенных на неё надписей, — да и смысл большинства значков оставался для него неясным. Судя по всему, он оказался в чем-то вроде полицейского участка, — и на карте имелось несколько видов значков, отмечающих, наверное, какие-то важные объекты, — но вот какие именно, он не имел, увы, ни малейшего представления. Карта была бумажная, потертая, и по виду довольно-таки старая — а значит, наверняка не совсем точная, — но ничего лучшего тут всё равно не имелось.

Йаати задумался. Идти к той, трехргой башне напрямую было явно проще и вернее, чем искать вход в систему ведущих к большой башне туннелей, но выходить на улицу вообще не слишком-то хотелось. Он слишком хорошо понимал, что если ему встретится хотя бы одна «двупалая» тварь, убежать от неё вряд ли получится, а уж близкий контакт с ней и вовсе не сулил ему ничего хорошего. А ведь тут были и другие, явно разумные, — он видел на них какую-то одежду. У них могло быть оружие, убивающее с расстояния, — и наверняка кое-что похуже. Йаати вспомнил странный летающий предмет, — и гневно фыркнул. Запугивать себя не годилось, — но принять все возможные предосторожности стоило.

Вздыхнув, он спрыгнул со стола и побрел по подвалу в поисках хоть какого-то оружия. Далеко идти, к счастью, не пришлось, — на кухне он нашел нож, причем, вовсе не кухонный. Прямой, чуть выпуклый в середине клинок, изогнутые рожки гарды, — смотрелся он хищно и, чего там, откровенно страшновато. Йаати немедленно цапнул его. Рукоятка оказалась неудобная — плоский хвостовик клинка, оплетенный тонким синтетическим шнуром, — но с этим уже приходилось мириться. Йаати потянулся попробовать остроту ножа пальцем, — но тут же передумал, едва взглянув на заточенную до невидимости кромку. Лезвия ножа оказались широкие, сбегаящие прямо к плоскому центральному ребру, — и Йаати не сомневался, что он войдет в плоть, как в масло. Сам нож оказался немаленький, — сантиметров тридцать, если с ручкой, — и Йаати, не удержавшись, помахал им, как мечом, потом, вспомнив фильмы, сделал несколько колющих выпадов. Страх его тут же волшебным образом испарился. К его радости, на бронежилете нашлись и ножны, и он, наигравшись, сунул оружие туда. Помещались они на левом боку, подмышкой, — но дотянуться до них ничего не стоило, а на клинке, под гардой, нашлось округлое углубление, через которое очень удобно перехлестывалась петля на липучке, — она не давала ножу выпасть, но не мешала его выхватить, и Йаати восхитился такой предусмотрительностью.

Осмелев, он поднялся из подвала, решив осмотреть дом. Он оказался устроен по типу общежития, — длинные коридоры, в которые выходили двери квартир, частью запертые на уже знакомые ему замки, частью — распахнутые настежь. Людей здесь не было уже давно, — по всему дому висел какой-то затхлый дух заброшенности, и сновали здоровенные черные тараканы, непонятно что жравшие, — никакой еды Йаати тут не видел. Да и жили тут, похоже, свиньи — везде его встречал беспорядок, пустые бутылки и мусор. Ничего интересного не попадалось, но в одной прихожей он, к своей несказанной радости, наткнулся на пару сандалий, которые пришлось ему почти впору, а в другой — на вместительную сумку, которая навела его на ценную мысль взять с собой запас еды. Закинув её на плечо, он вышел в коридор, — и замер, ощутив вдруг острое беспокойство. На него словно накатила волна, — очень похожая на страх, но пришла она снаружи. Йаати поёжился, — а потом помчался на крышу.

Выбравшись наверх, он испуганно замер. В первый миг ему показалась, что земля опрокинулась, и он падает куда-то к горизонту, — бледная пустота, стоявшая на нем, как-то уплотнилась, ожила и ощутимо надвигалась на него, нависала сверху, словно высасывая из него жизнь. В сердце ледяной волной плеснул страх, ноги ослабели, — и Йаати плюхнулся на четвереньки, обдирая ладони, пополз вниз. В глазах у него потемнело, он куда-то уплывал, — и тут горизонт оплели молнии.

Давящее ощущение тут же исчезло. Йаати поднял голову, — и тут же вскочил, ошалело осматриваясь. Над большой башней тоже взошло яростное солнце, — и от него по всему небу стлались бело-зеленые молнии. Всё это творилось в абсолютной тишине, и казалось совершенно нереальным.

Прищурив глаза, он смотрел на эту невероятную битву стихий, — пока на него, буквально со всех сторон, не накатился сокрушительный грохот. Йаати инстинктивно зажал уши, — и тут вдруг стало совершенно тихо и темно.

5.

Он испуганно замер, слыша лишь сумасшедший стук сердца, — он не понимал, что случилось... пока сквозь тьму не проступили редкие пятна фонарей. Но и они светили очень тускло, словно сам воздух теперь поглощал свет. Он стал ощутимо плотным и потрескивал при каждом движении, — по коже пробежали синие электрические искорки.

Йаати испуганно втянул его, — нет, сам воздух не изменился, просто его сейчас пропитывало... нечто, что превращало его в почти прозрачную тьму. Как бы то ни было, она давала ему шанс. Он скатился вниз, и, набив сумку пакетами с едой, быстро, пока его не покинула решимость, выбрался на улицу. Дверь он, правда, закрывать не стал, — снаружи она открывалась лишь ключом, которого у него не имелось.

Йаати подумал о том, почему её оставили открытой, — для таких же беглецов, как и он? Или... вышли на минуту, и уже не вернулись?..

Толку в этих рассуждениях не было, и он, поёжившись и передернув плечами, быстро зашагал к трехрогой башне. Шорох сандалий раздражающе бил по ушам, — и Йаати снял их, понес в руке. Холодный шершавый асфальт при каждом шаге словно обжигал чуткие босые ноги, но это ощущение ему нравилось, — сейчас он чувствовал себя невероятно живым... и ошалело замер, жмурясь, когда так же внезапно вспыхнул свет. Мерзкая белесая пелена исчезла, проступила бледная небесная голубизна. На улицу косо легли легкие, четкие тени. Йаати глубоко вздохнул и осмотрелся.

За его спиной, всего шагах в двухстах, стояли три «двупала» и, безглазые, смотрели на него.

6.

Как ни странно, теперь, при виде совершенно реальной опасности, Йаати не испугался, — ему просто показалось, что всё это происходит не с ним. Он спокойно достал нож, потом осмотрелся. Нет, дверей вокруг хватает, — но нельзя сказать, конечно, открыты ли они.

Прежде, чем он что-то придумал, твари сделали выбор за него, — они побежали к нему, но вовсе не так быстро, как он только что боялся.

Йаати повернулся и побежал. Босые ноги тут же пробило болью. Он зашипел и остановился. Потом, прикинув расстояние, быстро надел сандалии, — они, к его счастью, были на липучках, — а когда выпрямился, твари оказались уже совсем рядом. Они расходились в стороны, стараясь окружить его, — и Йаати быстро отступил к стене.

Выглядели твари преотвратно, — желто-зеленые, влажные на вид, с двумя парами свисающих впереди темно-фиолетовых щупалец, — побольше и поменьше, с пучками полупрозрачных усов или трубок, волочащихся по земле, и Йаати почувствовал, как страх подступает прямо к горлу удушливой волной. Заорав, он сам бросился вперед, и вогнал нож куда-то между «пальцем» и бугристой безглазой «головой».

Клинок вошел на две трети, словно в глину. Йаати рывком выдернул его, лягнул ногой вторую тварь, опрокинув её, бросился на третью. «Усы» щелкнули его по животу, что-то резко треснуло, запахло озоном, — но он ничего не почувствовал, и ударил точно в то же место. Из-под щупальцев плеснула мутно-синяя слизь, тварь опрокинулась назад и задергалась. Вторая уже поднималась, но Йаати от всей души пнул её, прижал коленом и прикончил, ударив ножом. Потом выпрямился, тяжело дыша. Сердце стучало уже где-то у горла, но страха он не чувствовал, напротив, — откуда-то из глубины поднималась несвойственная ему прежде свирепая радость. И тут он, краем глаза, заметил какое-то движение в глубине улицы.

7.

Сначала он принял этих существ за каких-то странных птиц, — они не по-человечески быстро шагали на длинных голенастых ногах. Рассмотрев их получше, он ошалело замер, — больше всего они напоминали грудные клетки, шагавшие на неестественно длинных руках. Головы не было, между плеч выступал лишь какой-то непонятный купол, вроде лысины, — а под ним извивались отвратительно розовые короткие щупальца. Ни глаз, ни ушей, ни носа, ни рта, — впрочем, их он мог просто не заметить с расстояния. Но, при всей своей нелепости, эти твари явно оказались разумными, — в темных жилетах, руки-ноги защищали гибкие серо-зеленые доспехи, снизу свисали какие-то шланги, вроде противогазных, — а поверх всего этого наброшены короткие плащи из мешковины или похожего на неё материала. Рук их он не сразу разглядел, — их, собственно, и не было, их роль играли болтавшиеся снизу короткие ноги с цепкими обезьяньими пальцами, — и в этих самых пальцах они держали какие-то массивные предметы, очень похожие на оружие.

Йаати повернулся и, не рассуждая, бросился бежать. Он уже видел этих тварей, — на окраине города, — но теперь рядом не было «танка», который уничтожил их.

За спиной глухо хлопнуло, над плечом мелькнуло бледное пламя. Йаати шарахнулся в сторону, нырнул в переулок, вылетел на параллельную улицу, снова нырнул в переулок...

Слева чернела распахнутая дверь, — он бросился в неё, тут же обо что-то споткнулся, и растянулся во весь рост. Зашипев от боли, поднялся на четвереньки, пополз наугад, тут же стукнулся обо что-то лбом. Замер, развернулся и сел, испуганно глядя в проем. Зрачки его постепенно расширились, и он увидел затхлый коридор с пятеркой дверей, — в первую из них он и уперся. Не отводя глаз от проема, он подергал ручку. Заперто!

Сжав зубы, Йаати поднялся и пошел вперед, дергая одну ручку за другой. Заперто... заперто... заперто...

Дверь в конце коридора подалась. К его радости, она вела не в какой-то чулан, а на светлую пыльную лестницу. Он торопливо проскользнул внутрь, прижал дверь спиной и замер, не зная, куда идти дальше — вверх или вниз. Снизу тянуло сырой затхлостью, идти туда не хотелось, — и именно поэтому Йаати пошел туда. Он миновал одну лестницу,

повернулся, опять пошел вниз. Через десяток ступеней нога ушла в воду. Холодную. Йаати отдернул её и замер, прислушиваясь. Наверху всё было тихо. Впереди зиял дверной проем, словно затопленный жидкой, фосфоресцирующей тьмой.

Вдруг лица Йаати коснулся призрачный ток теплого влажного воздуха. Его расширенные в темноте глаза поймали слабый отблеск синеватого света. Он несколько раз моргнул, стараясь понять, не кажется ли ему, потом вдруг понял, что свет падает на стену, где-то далеко впереди, в коридоре.

Чувствуя, что всё это происходит во сне, он шагнул вниз, поморщился от холодной воды, шагнул ещё раз...

Глубина оказалась по колено. Он вновь замер, чувствуя, как противно намокают штаны, потом пошел вперед. Медленно, чтобы вода не плескала. Шаг, ещё шаг... казалось, что всё это тянется уже целую вечность. Наконец, Йаати увидел проем, из которого падал этот призрачный свет, замер, глядя на него, потом сделал ещё несколько шагов...

Вначале он увидел лишь яркий синий огонек, словно бы парящий в воздухе, — и его сердце ёкнуло. Потом разглядел стеллажи с непонятными приборами, — на одном из них горел какой-то индикатор. Йаати разочарованно вздохнул... и замер, услышав наверху резкий скрип двери. Что-то вышло на лестницу, — и он замер, боясь даже дышать. Сердце вновь бешено забилось, словно подкатив к горлу, ноги ослабли — но, спустя словно целую вечность, дверь скрипнула вновь. Всё стихло. Йаати чувствовал себя так, словно кто-то только что прошел по его могиле.

8.

Он не знал, сколько простоял во тьме. Но ноги начало сводить от холода и, сжав зубы, Йаати так же медленно побрел обратно. У основания лестницы он вновь замер, но сверху не доносилось ни звука, и он так же медленно поднялся. Теперь он стоял на том самом месте, где недавно стояла тварь. Никаких следов не осталось, но он чувствовал её мускусный запах, от которого все волоски на его теле поднялись дыбом. Но *его* запах тварь не учуяла, — иначе он бы тут не стоял. Уже что-то...

От уже пережитого страха его начало потряхивать, и Йаати гневно мотнул головой, — сейчас собственный страх не просто его злил, а казался каким-то невероятно унижительным. Он всё же человек, а не крыса, — с этой мыслью он резко толкнул дверь и вышел в коридор.

Тварь стояла тут же — и, безглазая, смотрела на него.

9.

Сейчас Йаати владел не страхом, а гневом, и тело его двигалось само, совершенно бездумно. Он изо всех сил врезал ногой по оружию, которое тварь держала под брюхом, выхватил нож — и, словно шпагу, воткнул его куда-то под щупальца. Тут же, упершись ладонью в доспехи, вырвал оружие. Существо молча повалилось, он перескочил через него, подхватил непонятное оружие, — и вылетел на улицу.

Здесь, к его счастью, никого не оказалось. В стене здания напротив зиял проем двери, и Йаати изо всех сил рванул туда, вихрем взлетел по ступенькам. Здесь было что-то вроде пропускного пункта, — уже знакомая ему рама с силовым полем и пара пультов за ней. Он сходу проскочил в неё, потом — в какой-то полутемный коридор. Свернул налево, где виднелся свет, — и вылетел на дно своеобразного кратера.

Сюда, похоже, угодила бомба, пробив сразу два этажа. Обломки их лежали на полу, сверху свисала арматура и куски перекрытий. Йаати забросил оружие наверх и бодро вскарабкался по ним. Потом всё же сел, запалено дыша. Сердце билось, казалось, прямо в горле, в глазах темнело, — лишь сейчас он осознал, что на чистой инерции взлетел по стене высотой метра в три. Здесь он чувствовал себя в безопасности — и, отдышавшись, подтянул странное оружие. Ничуть не похожее на знакомое ему, — что-то вроде медного барабана с двумя косо торчавшими сзади ручками и толстым, похожим на консервную банку, стволом. Диаметр дула был меньше раза в три, но никаких следов затвора или магазина с патронами Йаати не заметил. Стреляла эта штука точно не пулями, и он крутил её в руках, стараясь разобраться, где же тут вообще спуск. Наконец, он обнаружил под левой рукояткой здоровенную кнопку, — точно не под человеческий палец, — и с усилием нажал на неё.

Из ствола шарахнуло бледное пламя, отколов внушительный кусок бетона. По ушам ударил треск, по рукам, — бетонные осколки. От неожиданности Йаати выронил оружие, — прямо на ногу, зашипел от боли и запрыгал, зажимая отбитые пальцы. Потом вдруг грубо выругался, что удивило даже его самого. В совсем раннем детстве он любил кричать разные обидные слова, — и родители долго ему объясняли, что так делать не следует. Но теперь он всё же не выдержал, — и это, как ни странно, помогло. Распиравшая его злость отступила.

Йаати вздохнул — и вновь подобрал странную штуковину. Сбоку от ствола торчал округлый выступ с чем-то вроде пульта. На нем нашлась одна кнопка и два индикатора, — красный и зеленый, — но сейчас они, почему-то, не горели. Ещё тут была пара неподдающихся выступов и какая-то непонятная дырка. Йаати с трудом подавил желание сунуть в неё палец, — кто знает, чем это могло кончиться? — и продолжил осмотр. Довольно скоро он понял, что управляться с этой штуковиной не сможет, — для этого ему нужны были, как минимум, три руки. Или щупальца на челюсти. Ни того, ни даже другого у него, — к сожалению или к счастью, — не имелось, и Йаати со злостью швырнул непонятное оружие вниз. Оно покатило по бетону, — и он даже подскочил от грохота, поняв, что поступил очень глупо. Его, несомненно, ищут, — а такое не услышать... сложно.

Вновь ожесточенно выругавшись — теперь, правда, уже про себя, — Йаати осмотрелся. Эта комната тоже была завалена обломками, — но за ними зиял проем напрочь вынесенной двери. С трудом взобравшись на завал, Йаати спрыгнул в длинный сводчатый коридор, почти совершенно темный, — лишь в конце его смутно пробивался свет.

Он быстро пошел к нему, — но тут же споткнулся обо что-то и замер. Здесь явно что-то было, — он слышал торопливый шорох. Может, и крысы... но слишком уж крупные...

Не звук — движение воздуха заставило его резко обернуться, вскинув нож. Что-то тяжелое напоролось на него, едва не вывернув мальчишке руку, — и сорвалось с лезвия с мерзким шипением. Йаати изо всех сил пнул его, — словно бы набитый песком большой мяч, — потом бросился бежать, уже почти не думая. Сейчас он совсем не смотрел под ноги,

но ему повезло, — под них ничего не подвернулось, и он смаху вылетел в просторное помещение, что-то вроде холла, свет в который падал через выбитое окно в потолке.

Здесь сходились сразу три коридора, а вверх и вниз шли широкие лестницы. Йаати замер, не понимая, куда дальше — и, одновременно, вслушиваясь. Внизу царил уже совершенно непроглядный мрак, и спускаться туда не хотелось. За спиной и справа что-то торопливо шуршало, — и он стремительно взбежал вверх. Здесь тоже был коридор, сводчатый, — но с небольшими окошками, через которые сверху падал свет.

Судя по обстановке и до сих пор висевшему здесь запаху, его занесло в какую-то больницу, давно уже заброшенную, — но явно не пустую. Здесь, на этом этаже, он тоже слышал какие-то смутные, непонятные звуки — к счастью, вроде бы далеко... но он не представлял, что это.

Напавшая тварь не шла у него из головы, — он совсем не успел её разглядеть, и в мысли упорно лезла какая-то уже совершенно нереальная жуть. К тому же, в голове звенело, и Йаати не вполне уже понимал, происходит ли всё это наяву или во сне. Главная его проблема, — куда идти, — тоже никуда не делась. Сущая мелочь при обычных прогулках, — но здесь от того, повернет он вправо или влево, вполне могла зависеть его жизнь, так что Йаати замер, стараясь даже не дышать, — чтобы лучше слышать и не выдать себя — и, одновременно, пытаясь хоть как-то соображать.

Если верить карте, ему нужно в метро, — но вход в него вряд ли есть здесь, а значит, спускаться вниз не надо. Вот осмотреться с высоты, напротив, было бы очень желательно, — и Йаати крутанул головой, высматривая ведущую на крышу лестницу. Ничего, разумеется, — наверняка, тут парадный, так сказать, вход — а выход на чердак делают обычно на черной лестнице, и где тут она — совершенно неясно...

Шорох, между тем, быстро приближался, — и Йаати заметил какое-то движение на лестнице. По ней бодро поднималась какая-то тварь размером с некрупную собаку, но шестиногая, горбатая, с коротким хвостом, с грязным, красновато-желтым панцирем — то ли чудовищное насекомое, то ли что-то вроде краба. Йаати не стал её разглядывать, — быстро шагнув в сторону, он поднял стул, и изо всех сил запустил им в тварь. Рука его не подвела — тварь снесло, стул тоже полетел вниз, и с грохотом запрыгал по ступенькам. Йаати развернулся — и рванул в другую сторону. Сейчас он не думал уже ни о чем, — и это едва его не погубило. Коридор кончался тупиком, он бездумно шарахнулся в какую-то темную комнату сбоку, — и полетел в громадную дыру в полу.

Сердце его замерло, но испугаться всерьёз он не успел, — врезался в холодную, воняющую канализацией воду. Удар получился громкий и смачный, — дыхание перехватило, Йаати едва не захлебнулся, и судорожно засучил руками и ногами, пытаясь плыть. Бронежилет утащил его вниз, он встал на какие-то обломки и побрел по ним вперед, словно в каком-то страшном сне. Грудь горела от нехватки воздуха, в голове мутилось... но дно быстро поднималось вверх, и буквально в последний миг Йаати всё же вынырнул. Он радостно проглотил едва ли не кубометр воздуха, едва не подавился им, закашлялся, кое-как отплевался — и замер, вздрагивая и судорожно дыша.

Он провалился через два этажа в какой-то обширный затопленный подвал. Тусклый свет едва проникал сюда через небольшой пролом в крыше. Рассмотреть всё толком Йаати не успел, — что-то шумно свалилось сверху, едва ли не ему на голову, и он в панике шарахнулся в сторону, сорвался с груды обломков, и тут же снова окунулся с головой. Кое-как выбрался обратно, но нападения не последовало. Несколько судорожных всплесков — и всё, тварь

утонула. Каким бы ни был её образ жизни, — но плавания он категорически не предусматривал. Её пример, видимо, отрезвил остальных, — сверху доносился злобный стрекот, но ничего больше оттуда не падало.

Кое-как отдышавшись, Йаати, наконец, осмотрелся. Похоже, что здесь что-то взорвалось, — в потолке зияла огромная дыра, по краям которой свисали куски перекрытия. Большая их часть рухнула вниз, на груди их обломков он и стоял. Вдоль стен шли бетонные мостики, — и он, набрав побольше воздуха, побрел к ближайшему по дну.

Дно оказалось неровное, и к тому же круто шло вниз. Йаати в панике шарахнулся назад, и кое-как выбрался на грудь. На голову ему посыпалось бетонное крошево, — наверху собралась уже целая толпа тварей, — и он, отдышавшись, побрел в другую сторону. Но и здесь дно круто уходило вниз, и ему вновь пришлось вернуться.

Ведущая на мостик лестница была всего метрах в десяти от него, и Йаати вмиг проплыл бы их, — но для этого пришлось бы снять бронежилет. Один раз он уже спас ему жизнь, — когда «двупал» щелкнул его по животу своими электрическими щупальцами, — и остаться беззащитным не хотелось.

Совсем некстати он вспомнил историю про обезьяну, сунувшую лапу в кувшин и не способную разжать кулак с горстью орехов, — и невольно хихикнул.

Как ни странно, это помогло, — по крайней мере, мозги заработали яснее. Йаати заметил, что до ближайшего мостика всего метров пять-шесть. Вновь набрав побольше воздуха, он побрел к нему, тут же окунувшись с головой.

Через несколько секунд грудь снова начало жечь, и Йаати удвоил усилия. Он наполовину шел, наполовину плыл, словно водолаз в старинном тяжелом скафандре, — вот только шланга с воздухом у него не было, и его охватила паника: как-то вдруг он осознал, что совсем не представляет, в какую сторону идти. Наверху путь казался коротким и простым, — но под водой он словно попал в какое-то другое измерение, бездушно-враждебное и напрочь лишённое ориентиров.

С каждым мгновением вдохнуть хотелось всё мучительнее. Йаати изо всех сил рвался вперед, уже совсем не понимая, куда, — пока буквально не уперся в стену. Глубина тут оказалась небольшой, — его судорожно поднятая рука достала до воздуха, — только вот дышать через неё не получалось. Потеряв последнее соображение, Йаати рванулся вправо, вдоль стены, — и в этот раз ему всё же повезло. Дно круто пошло вверх, ещё шаг — и он, схватившись за мостик, вынырнул, отчаянно хватил ртом воздух, тут же обмер от испуга, — в какой-то миг ему показалось, что он всё ещё под водой, — и судорожно задышал.

Горло горело, от холода воды его начало трясти. Извиваясь, как червяк, в узкой щели между мостиком и шершавой влажной стеной, Йаати кое-как выбрался наверх и сел, сжавшись, весь дрожа и кашляя от попавшей-таки в горло воды, невыразимо гадкой на вкус, — похоже, что подвал и впрямь затопила прорвавшаяся канализация. Вся его одежда промокла и противно липла к телу, — но, по крайней мере, нож и сумка с припасами остались на месте. Нащупав их, Йаати осознал, что запросто мог утонуть вместе с ними, что называется, на ровном месте, — мысль их бросить ему и в голову не пришла. Но сейчас он был уже слишком измучен, чтобы переживать на этот счет. Душевные муки — это, конечно, возвышенно и интересно, но грубые страдания тела, даже если это всего лишь пронзительный сырой холод, просто не оставляют им места.

Доносившийся сверху злобный писк действовал ему на нервы. Здесь твари не могли добраться до него, — но наверняка привлекут внимание тех, кто сможет. Остаться тут не

стоило, хотя посидеть, отходя от пережитого напряжения, всё же очень хотелось.

Йаати поднялся и побрел по мостику, высматривая дверь. Она, конечно, оказалась заперта, — но он просто подобрал увесистый кусок бетона и принялся яростно долбить по обитой железом створке. Ржавчина и гниль уже изрядно поработали над ней, так что вскоре замок с хрустом провалился внутрь. Йаати бросил кусок бетона в воду и, запустив в дыру руки, рванул дверь на себя. Ничего!

Зарычав от злости, он уперся ногой в стену, и рванул ещё раз. Дверь поддалась с раздирающим треском, за ней открылась дышащая влажной могилой темнота. Протянув вперед руки, Йаати, чуть помедлив, нырнул в неё.

Через несколько шагов он уперся в стену, повернул вправо — и наткнулся на лестницу. Она вела вверх, что совсем ему не нравилось, — но выбора не оставалось. Сидеть и ждать, кто тут найдет его, было бы уже слишком страшно.

Миновав два пролета, он уперся в дверь — тоже, разумеется, запертую. Дверь на втором этаже также оказалась заперта, — к тому же, как раз из-за неё доносилось стрекотание тварей. На третьем этаже лестница кончалась.

Йаати пошарил по стенам в поисках стремянки, ведущей на чердак, — но ему попалась лишь одна дверь, конечно же, запертая, как и все остальные. Он прижался к ней ухом, — но из-за неё не доносилось ни звука. Открывалась она наружу, и он изо всех сил врезал по ней ногой. Щиколотку тут же пронзила боль, но она лишь разозлила его, и он пнул дверь ещё несколько раз, — пока замок не вылетел, и она не распахнулась настежь. Он вывалился в какую-то полутемную комнату. Свет проникал в неё лишь через проем следующей двери, и Йаати, хромя, выбрался в него.

Он оказался в новом коридоре с рядом пыльных окошек в потолке. К счастью, пустом, — по крайней мере, тут ничего не двигалось. Йаати прислушался, — но сюда, вроде, никто не бежал, хотя треск выбитой им двери наверняка был слышен по всему зданию. Долго это точно не продлилось бы, и, ёжась от холода, он торопливо пошел вперед. Голова у него кружилась, соображал он тоже не слишком хорошо, и, в конце концов, замер, не понимая, тот ли это коридор, по которому он недавно бежал — или другой? Но здесь тяжело пахло гнилью, и Йаати судорожно вздохнул, поняв, ЧТО может так пахнуть. Мертвечина, что же ещё?..

Как-то вдруг он заметил, что коридор впереди перегорожен баррикадой из мебели и каких-то железных шкафов, — а перед ней по полу разбросаны тела. Не человеческие — и он медленно, словно во сне, пошел к ним. Едкий, кислый запах, как стена, висел в воздухе, и вступив в него Йаати замер, принюхиваясь. Гарь, но какая-то незнакомая, не дерево, не бумага, не пластмасса. Тогда что?..

Он осторожно шагнул вперед. Под ногой что-то тихо хрустнуло. Штукатурка. Как-то вдруг Йаати увидел, что стены коридора усеяны странными одинаковыми выбоинами... и понял, что это за запах. Порох. Здесь был бой, недавно, — наверное, всего несколько часов назад. Запах ещё не успел выветриться. Но пахло и кое-чем ещё. Кровью. Пробитыми внутренностями. Смертью.

По коже Йаати прошел резкий озноб, и он почувствовал, как все волоски на ней поднимаются дыбом. Идти вперед совершенно не хотелось, — но снизу доносилось стрекотание тварей, да и возвращаться ему точно было некуда.

Он медленно, словно во сне, пошел вперед, то и дело оглядываясь. Впереди, на полу, лежало пять или шесть темных куч. Лишь подойдя поближе, он опознал уже знакомых

«руканогов». Они лежали неподвижно, в больших темных лужах, вне всяких сомнений, мертвые, — но всё равно, сердце Йаати билось где-то у горла. Если бы хоть одна из тварей шевельнулась, — он точно умер бы на месте. Тут же валялись их пушки, и он даже подобрал одну, но механизм оказался искорежен пулями, и он осторожно положил её обратно. Здесь дрались насмерть, — в стальных шкафах баррикады зияло несколько страшных оплавленных дыр. Обойдя темные тела тварей, Йаати осторожно взобрался на неё.

Теперь он увидел четверых защитников. Тоже мертвых. Они неподвижно лежали на полу, в таких же темных лужах. Их грудь, плечи и голени прикрывали серые металлические щитки, — но здесь, похоже, взорвалось сразу несколько гранат. Пол в нескольких местах был глубоко выщерблен, стены сплошь иссечены осколками, как и тела, в темных комбинезонах и шлемах с тусклыми от осевшей на них пыли стеклянными забралами. Йаати порадовался, что хотя бы лиц мертвецов не видно. Рядом с ними лежало их оружие, и он быстро спрыгнул вниз. Похоже, что гранаты взорвались уже после того, как последние твари были застрелены, — а помощь ни к тем, ни к другим так и не подошла. В этом было что-то жуткое, — даже более жуткое, чем иссеченные осколками тела. Какая-то последняя степень. Он сам не мог понять, чего, но последняя.

Осторожно обойдя мертвецов, он подошел к единственному уцелевшему автомату, — три остальных оказались искорежены взрывами. Выглядел он очень странно — косяя, с рамкой для руки ручка впереди, и прямоугольный магазин сзади. Нормального приклада тоже не было, лишь угловатый корпус странного серо-фиолетового цвета, со сложным прицелом наверху, — не оптическим, но тоже совершенно непонятным. Вместо ствола из корпуса торчала какая-то штука, похожая на дульный тормоз пушки, но тоже более сложная.

Медленно, словно во сне, Йаати нагнулся и поднял оружие. Оно оказалось тяжелее, чем он думал, — впрочем, он, конечно, никогда не держал в руках настоящего оружия, до этого самого момента, — и неудобно лежало в руках. Он взял его за ручку и цевье — но задняя часть перевешивала, а когда он взялся за неё позади магазина, начал перевешивать перед. Йаати покрутил странный автомат в руках, потом всё же догадался приложить его к плечу. Так оказалось почти удобно, — к тому же, прямо перед его правым глазом теперь оказалось стекло в металлической рамке. Там, в перекрестье двух линий, дрожала красная точка. Наверное, прицел.

Йаати повел им по темноте коридора, — и тут же вздрогнул, заметив там смутное движение. К нему ползла уже знакомая красновато-желтая горбатая тварь, — и он, не долго думая, нажал на спуск.

Рррах! Странная штукавина на дуле плюнула в стороны струями бело-желтого, ослепительного в темноте огня, по ушам ударил дикий треск, само оружие резко ударило в плечо, — и Йаати со всего размаха грохнулся на спину. От удара у него перехватило дух, к тому же, тяжеленный автомат звезданул его по лбу. Йаати взвыл бы от боли, — если смог бы вздохнуть. Кажется, он попал в цель, — по крайней мере, видел, как из твари брызнули осколки панциря, — но сейчас совсем не был этому рад. По гулким коридорам здания до сих пор гуляло эхо, — и он слишком хорошо понимал, что такой звук смог бы поднять даже мертвого.

Он беспорядочно задергался, словно выброшенная на берег рыба, потом всё же смог втянуть в себя воздух и сел, держась рукой за лоб. Кожа уцелела, но под ней точно будет шишка. В ушах звенело, в воздухе висела едкая вонь сгоревшего пороха. На самом деле довольно-таки противная, отнюдь не бодрящая, как писали в книжках про войну. Про

жуткий запах стывшей свернувшейся крови в них тоже ничего не писали. Впрочем, последняя война в Сарьере закончилась как раз в год прибытия Сверхправителя, больше двухсот лет назад, и никто на самом деле не помнил, что это такое. Редкие стычки с бандитами и мятежниками на войну совершенно не тянули. Все знания о ней Йаати взял в книжках и фильмах, — но они изображали или веселую беготню со стрельбой, если речь шла о временах более-менее современных, или какие-то уже совершенно бессмысленные побоища до-сарьерных времен, в которых все непременно умирали. Похоже, что последние были куда как ближе к истине.

Йаати перекатился на живот и, наконец, встал. За баррикадой, к его удивлению, никого не было, — то ли он промазал, то ли ему просто померещилось, и он даже зашипел с досады. В любом случае, отсюда надо было убираться как можно быстрее, — но лежавшее вокруг оружие не давало ему покоя. Он подобрал упавший автомат, — но ремня у него не оказалось, и его пришлось положить назад, на пол. К проклятой штуковине нужны были патроны, и Йаати осмотрелся в их поисках. Один из мертвецов лежал лицом вверх. На его животе он увидел три кармана, как раз подходивших под магазины по размеру, и сел рядом с ним.

Прикасаться к телу было очень страшно — он, наверно, умер бы на месте, если бы оно пошевелилось, — но лица всё же видно не было, и Йаати убедил себя, что это всего лишь манекен. Он осторожно расстегнул застежку и вытащил пластмассовый, в квадратных углублениях, магазин. Полный и тяжелый, — в вырезе горловины тускло поблескивали серо-фиолетовые патроны, чуть меньше тех, что он видел в фильмах, с чуть притупленными верхушками пуль.

Йаати вспомнил глубокие, с его кулак, выбоины на стенах, и поёжился. Он почему-то начал сомневаться, что смог бы бегать как ни в чем ни бывало, получив такую безобидную на вид штучку куда-нибудь в ногу, как делали герои в фильмах. В них раны совсем не выглядели страшно, — просто немного крови под повязкой, наложенной прекрасной санитаркой, — и он тогда даже удивлялся, что от такой чепухи умирают. Ему как-то не приходило в голову, что пуля обычно пробивает человека насквозь, вместе с одеждой и костями, и он, даже если остается жив, никуда не бежит, а лежит, истекая кровью. И уж точно не смеется, перевязывая ногу шарфом или чем-то вроде.

Он покрутил магазин в руках, не зная, куда его пристроить, потом вспомнил, что на его бронежилете есть такие же карманы, тоже три. Переправив магазины туда, он снова посмотрел на тело. Рядом с подсумком висел какой-то непонятный прибор с экранчиком, на котором мигала одинокая желтая точка, и ещё один чехол, чуть больше магазинных. Ему захотелось посмотреть, что там — но в очертании серых металлических щитков и шлема было что-то неприятное, да и левая рука трупа оказалась оторвана выше локтя. Возиться с ним дальше не хотелось, и Йаати торопливо встал...

...Чтобы буквально нос к носу столкнуться со стоящим за баррикадой руконогом. Даже со столь небольшого расстояния он не смог разглядеть глаз, ушей, рта этого невероятного существа, — только круглую, как глобус, лысину, под которой извивались толстые розоватые щупальца. От твари дохнуло густым запахом мускуса и чего-то ещё, — кислого и ядовитого.

Заорав не своим голосом, Йаати вскинул автомат, и нажал спуск, но оружие только тихо щелкнуло, — кончились патроны. Тварь выстрелила тоже, — в баррикаде что-то взорвалось, стальная стенка сейфа напротив живота Йаати выгнулась, полыхнув чадным пламенем вспыхнувшей краски и на глазах наливаясь зловещим малиновым сиянием.

Он не представлял, что делать дальше, — то есть, совершенно — но, к счастью, его тело

оказалось умнее оцепеневшего сознания. Он пригнулся, бросив бесполезный автомат, и потянулся к другому, в котором могли ещё оставаться патроны. Тварь, издав какой-то мерзкий квакающий звук, вспрыгнула на баррикаду, — и Йаати, вскочив, изо всей силы ударил схваченным оружием по чудовищной, метра в полтора длины, руке. Весил автомат совсем немало, — и прикрытый выпуклым щитком локоть отчетливо хрустнул, выгибаясь в обратную сторону. Руканог с рвущим уши визгом грохнулся вниз, выронив оружие, Йаати пнул его... и тут же перед его лицом мелькнуло жаркое сиреневое пламя.

Уже совершенно ошалев, он бросился к зиявшему справа проему, затянутому знакомой мерцающей пленкой. Ещё несколько плазменных зарядов пронеслись сразу за его спиной, в ослепительных вспышках разорвавшись на стене, — и Йаати смаху влетел в проем. Тут же споткнувшись о какой-то кабель, он растянулся во весь рост, рывком перекатился на спину... и очередной заряд с треском расплескался по полю. Свободно пропустив его, оно остановило плазму, и Йаати, подтянув ноги, сел, ошалело осматриваясь.

Он попал во что-то вроде блокпоста, — массивная металлическая рама с полем, какой-то сложный пульт у стены и оружейные стойки, сейчас, правда, пустые. Напротив лежали какие-то железные ящики, наверное, с боеприпасами, но заглянуть в них Йаати не успел, — он заметил в коридоре сразу двух руканогов. Странно, но они не пытались войти, и даже не стреляли, — просто стояли и смотрели на него, если, конечно, им было, чем смотреть.

Йаати вскочил и крутанулся на пятке, осматриваясь. Справа была обитая железом дверь, к его счастью, незапертая, — едва он рванул ручку, она распахнулась, пропуская его в какой-то коридор. Йаати проскочил в неё и побежал, что оставалось сил.

11.

Он бежал, буквально куда глаза глядят, налетая на двери, дергая их и бросаясь от одной к другой. Вариантов было мало, — почти все двери оказались заперты или даже забаррикадированы мебелью, — и в конце концов он ошалело замер, едва успев остановиться.

Его вынесло к громадному пролому в стене. Верхний этаж дома напротив был наполовину снесен, и там возвышалась А-образная конструкция, сваренная из труб. Перекинутый через неё трос, раздваиваясь, крепился к концу подъемного моста, переброшенного через похожую на ущелье улицу, — по обе её стороны тянулись сплошные стены смыкавшихся фасадов.

Йаати осторожно ступил на вздрогнувший под ногой мост, и осмотрелся. Высота оказалась небольшой, — всего третий этаж, — но перил у моста не было, да и сам он оказался шириной в полметра, легкая ферма из труб, обтянутая сверху сеткой. Улица, залитая тревожным светом словно нарисованного на тонких рыжеватых облаках солнца, оказалась совершенно пустой, только далеко справа стоял уже знакомый фиолетовый «танк». За ним громоздился бесформенный завал, из которого, словно рога, торчали металлические балки, — многоэтажная башня по эту сторону улицы была то ли нарочно взорвана, то ли разбомблена. Слева, ещё дальше, улица поворачивала, скрываясь за домами. Там над крышами поднимался обрезанный тучами силуэт другой, гигантской башни. Её верхняя треть скрывалась в них, и Йаати невольно поёжился: это была уже не архитектура, а, скорее, возведение гор. Над всем этим, как туман, висела мертвая, звенящая в ушах тишина.

Осторожно, но быстро, балансируя руками, он перешел мост, попав в пустую бетонную комнату без крыши и передней стены. Напротив стояла лебедка с электрическим мотором. К ней сверху, от рамы, тянулся маслянисто поблескивающий трос. Йаати подошел к ней и бездумно нажал большую зеленую кнопку на маленьком щитке.

К его удивлению, мотор сразу загудел, трос дернулся, и мост медленно, рывками, пополз вверх. Через минуту он с лязгом ударился об раму, трос натянулся, как струна. Йаати потянулся к кнопке, — но в щитке что-то щелкнуло, и воцарилась прежняя мертвая тишина. Он быстро вернулся к мосту и замер, осматриваясь и прислушиваясь.

Улица лежала под ним, совершенно пустая и мертвая, заполненная едва заметной дымкой, словно бы висевшей в воздухе пылью. Во всем этом зрелище было что-то, ужасно неправильное, и Йаати вздрогнул, осознав, что дымка обрывается на уровне второго этажа, очень ровно, словно обрезанная ножом. Это точно была не пыль, и не дым, и переброшенный через неё мост вдруг приобрел некий зловещий смысл. Что с ним станет, если он как-то спустится вниз? Ему не хотелось это проверять.

Он отвлекся, задумавшись, и вздрогнул, когда высоко в смутном небе беззвучно мелькнуло сине-желтое пламя. Луч ударил куда-то за крыши, ещё раз и ещё, — а потом начал бить непрерывно с быстротой моргающих ресниц, мерцая и смещаясь. Судя по всему, стреляли опять из той, трехрогой башни, сразу по множеству целей, — он не успел их сосчитать. Это длилось несколько секунд, потом прекратилось, — и лишь тогда до него докатился приглушенный треск взрывов, похожих на далекий фейерверк. Он вспомнил о странных летающих штуках, и поёжился. Тишина была более, чем обманчивой, и оставаться здесь ему не хотелось.

Рядом с лебедкой в стене зиял проем выбитой двери, и Йаати проскользнул туда. Тут же за его спиной хлопнул выстрел, и он рывком развернулся, осторожно выглядывая. Откуда-то из темноты пролома вылетело ещё несколько плазменных зарядов. Один за другим, они врезались в верхнюю часть моста, перебив тросы. Он начал падать, — сначала медленно, потом всё быстрее, — и, наконец, гулко ударился о край пролома. Поврежденный конец моста тут же отлетел, он провалился, ударился о мостовую, подскочил, — и, с треском оторвавшись от креплений, рухнул на улицу.

Йаати радостно заорал, — но тут же осекся, когда в проломе показался руконог, наводя на него плазменную пушку. Прежде, чем он успел что-то сделать, тварь задымилась, и беззвучно упала вниз, словно мешок. Йаати вспомнил о «танке», — и заорал ещё громче. Ему всё же повезло... в этот раз.

12.

Опомнившись, он сел у стены, чтобы успокоиться и перевести дух. Сердце билось так сильно, что он начал задыхаться, и даже испугался, что с ним случится что-то нехорошее, — но тут же это бешеное биение начало затихать. Он всё же уцелел, хотя и чудом. Твари точно не могли пересечь защищаемую «танком» улицу, — по крайней мере, не здесь, — и он пока что мог чувствовать себя в безопасности. В ней Йаати отчаянно нуждался, так как автомат он всё же бросил, и никакого оружия, кроме ножа, у него по-прежнему не было, — как и смысла сидеть в этом коридоре.

Поднявшись, он пошел по нему, заглядывая в проемы выбитых дверей, и, всего шагов

через двадцать, наткнулся на лестницу, но она оказалась наглухо завалена обломками бетонных плит, очевидно, нарочно — никаких следов разрушений, способных вызвать такой вот обвал, не было.

Вздыхнув, он пошел по кругу, заглядывая во все комнаты подряд, — но выхода здесь не нашлось, как не нашлось и ничего вообще, кроме переломанной мебели. Вернувшись к лебедке, он осторожно выглянул на улицу, вглядываясь в непроглядную черноту пролома. Там ему мерещилось целое созвездие злобных водянистых глаз, но оно могло оказаться вполне реальным. Даже очень реальным.

С минуту Йаати стоял в нерешительности, пытаясь хоть что-то разглядеть. Лебедка стояла у самой стены, и по ней он мог взобраться наверх, — очевидно, тем же путем ушли защитники этого места, потому что других путей он не нашел. Обломки бетона на лестнице были слишком большими, чтобы даже пытаться их поднять, — по крайней мере, в его возрасте. С другой стороны, его запросто могли подстрелить, чего ему вовсе не хотелось. Столь резкое раздвоение стремлений вызвало непонятный зуд где-то в душе, — и вдруг, неожиданно для себя, Йаати бросился вперед. Он вскочил на лебедку и подпрыгнул. Уцепившись за верхний край стены, он на миг повис, чувствуя себя очень беззащитным и ожидая, что в спину ему вот-вот влетит плазменный заряд.

Страх словно поддал его снизу. Он рывком подтянулся, обдирая пальцы и скользя по бетону носками сандалий, потом перевалился через край и замер, испуганно оглядываясь.

Чернота в проеме оставалась такой же неподвижной, и, немного успокоившись, Йаати осмотрелся. Он попал на чердак, тоже полуразрушенный. Часть крыши тут снесло, везде лежали рухнувшие балки и обломки. Слева на два этажа поднималась глухая бетонная стена, впереди зиял провал двора, — а справа он увидел длиннейший коридор, таявший в солнечной дымке. Сперва он даже испугался, вспомнив странную дымку на улице, — но это была обычная пыльная дымка, чуть другого оттенка, просто висевшая в воздухе.

Недовольно мотнув головой, он подошел к краю крыши. Внизу лежал сумрачный двор, поросший редкой травой и жидкими облетевшими кустами, с какой-то ржавой каруселью и мусором, совершенно пустой. За ним поднимался разбитый фасад ещё одного дома, и к нему вел второй мост, — к сожалению, поднятый.

Там, в принципе, ещё могли оставаться люди, и Йаати даже помахал рукой, чтобы привлечь их внимание, — но ему, конечно, никто не ответил, а кричать он не осмелился.

Вздыхнув, он вернулся к коридору. Тот оказался анфиладой темных чердаков, разделенных полосами света. В них призрачно, едва заметно, скользили клубы пыли, — вот и всё движение. И тишина — непроницаемая, мертвая. Она не очень Йаати нравилась, но сейчас он очень её ценил: какая бы там не затаилась нечисть, она не могла стоять совсем уж неподвижно, а малейший шорох выдал бы её. Вздыхнув, он осторожно пошел вперед, но тут же испуганно замер: шорох его собственных сандалий показался оглушительно громким.

Вздыхнув, Йаати снял их и взял в левую руку. В правую он взял нож, — и вдруг представил, как это выглядит со стороны. Идиотски выглядит, честно говоря. Он даже невольно оглянулся, чтобы посмотреть, не видит ли его кто, — но никого, конечно, не заметил. Всё равно, ощущение было неприятное, словно во сне, когда идешь голый по пустой улице, до замирания сердца опасаясь, что везде вдруг появятся люди, и...

Йаати недовольно мотнул головой и вновь пошел вперед. Теперь он ступал совершенно бесшумно, правда, то и дело морщась, когда бетонная крошка и мусор впивались в чуткие подошвы. Казалось, что холод от пола, словно разряды электричества, взлетает по ногам,

собираясь где-то в основании позвоночника. Мышцы живота вибрировали, словно натянутые струны, и несколько раз Йаати даже задерживал дыхание, чтобы эта дрожь немного успокоилась. Когда где-то далеко, наверное, в соседнем квартале, что-то упало, он вздрогнул и целую минуту прислушивался, не двигаясь, почти не дыша. Ничего... но звук всё равно пугал. Он не вполне понял, откуда тот донесся, — вроде бы, справа, из-за домов... может быть, из двора того дома, где он столкнулся с «руканогами»... и это совсем ему не нравилось. Но наступившая тишина пугала ещё больше, — так, наверное, пловца в море пугает разрезавший волны и тут же пропавший плавник. Так и кажется, что зубастая пасть с кошмарной силой схватит за ноги, и утащит в темную глубину...

Образ оказался столь ярким, что Йаати даже посмотрел под ноги. Замусоренный бетон выглядел вполне надежным, — по крайней мере, даже в его взвинченном состоянии ему не казалось, что оттуда что-то выскочит и схватит его... но его босые ноги на этом бетоне казались неуместными и очень незащитными, и к тому же, отчетливо мерзли.

Вздыхнув, он пошел дальше. Впереди в скате крыши зиял проем, за ним был скат другой крыши с таким же проемом. Сами здания примыкали друг к другу, так что их разделял только водосточный желоб. Йаати замер на миг, глядя в пустое неподвижное небо, потом снова нырнул в темноту.

Здесь пахло чем-то незнакомым, — резко и неприятно, и он вновь замер, глядя на непонятную темную грудку справа, под скатом крыши. Словно бы куча накрытых тканью чемоданов, — но почему они пахнут какой-то кислятиной и корицей, да ещё и так сильно?..

Этот чердак он пересек как мог быстро, почти не отводя глаз от этой страшной груды. Желания подойти и посмотреть не возникло и в помине, напротив, — от одного этого запаха по коже разбежался неприятный озноб.

Нырнув в сумрак соседнего чердака, Йаати вздохнул с облегчением, — тут оказалось почти пусто, и ничем не пахло, разве что птичьим пометом и пылью. Здесь он заметил два люка в полу, ведущих, очевидно, на лестницы, но они, к его огорчению, оказались заперты. Сейчас он шел от башни, и это не слишком ему нравилось: во всей творящейся вокруг необъяснимой жути она казалась ему единственным безопасным убежищем, да и любопытство тянуло именно туда. Но эту вот... дорогу проложили явно с определенной целью, — да и свернуть с неё не получалось.

Он вновь вышел на свет, замер, осмотрелся, — и нырнул в сумрак последнего чердака. Здесь по углам лежал какой-то хлам, пахло пыльной обивкой и, слабо, гнилью, словно от брошенных консервных банок. Самодельная деревянная лестница поднималась на метр, к очередной разрушенной квартире. Йаати подошел к ней, оглянулся (пройденный им коридор показался вдруг невероятно длинным и каким-то нереальным, словно он сейчас вышел из сна) и поднялся.

Две стены тут были снесены, пол завален раздробленным бетоном. Йаати скривился от боли, ступив на него, потом бросил сандалии на пол, и обулся. Обломки противно хрустели под ногами, и он осторожно распахивал их, прежде чем ступить. Упасть или вывернуть ногу тут было легче легкого. Наконец, он добрался до угла... и замер.

Перед ним лежало обширное поле развалин. Все здания тут превратились в полуразрушенные остовы, вырастающие из груд собственных обломков. Они, словно острова, поднимались из сплошного моря всё той же неподвижной дымки. Граница её с чистым воздухом тоже была очень ровной, словно зеркало, и Йаати невольно подошел к краю. До поверхности этого призрачного моря оставалось добрых метров пять, — но прямо под ним

завал рассекал его, поднимаясь из дымки, словно крошечный горный хребет. Он упирался в пустой остов жилой многоэтажной башни, — от неё остались только три наружных стены с рваными полосами бывших перекрытий и ровными рядами окон. Похоже, что её обрушили направленным взрывом, — именно затем, чтобы перекрыть улицу, — и это наводило на крайне неприятные размышления. Справа, там, где башня примыкала к древнему трехэтажному дому, прямо над завалом зловеще чернел проем выбитой двери, а здесь, прямо под ним (Йаати осторожно посмотрел вниз) завал упирался в выбитое окно. Конечно, сам он состоял сплошь из торчащих углов бетонных плит и балок, но оттуда сюда вполне можно было перебраться. А это значило... значило...

Йаати недовольно мотнул головой и посмотрел на «танк». Он стоял как раз возле завала. Его башня была, правда, развернута в сторону рухнувшего моста, — но это ничего не значило... наверное. Он очень смутно представлял возможности этой машины, но помнил, как легко она расправилась с двумя десятками «руканогов». Может, они так и не смогли попасть сюда...

Йаати вздохнул и осмотрелся. Он стоял в развалинах лестничной площадки, на которую выходили три двери. Одна из них, открытая, вела в какую-то маленькую освещенную комнату. Он вошел в неё... и замер, едва не провалившись в открытый в её полу люк. Тот вел в квадратную шахту, освещенную рядом тускловатых лампочек — лифтовую, конечно, но глубиной этажей в шесть. Раза в два глубже, чем высота самого здания, и его сердце вдруг часто забилось: он как раз и искал вход в подземелья, — и, может быть, здесь...

Йаати вспомнил карту, которую видел в полицейском участке, но понять, где он сейчас, не получилось. Он отыскал щиток с кнопками, и нажал самую нижнюю, но лифт не двинулся. Подумав, он закрыл дверь (здесь была наружная железная дверь, и внутренняя, самого лифта, деревянная, похожая на дверцы шкафа) — но ничего не изменилось. Ещё подумав, он решил закрыть люк... и, заглянув в него, понял, что нижняя часть шахты затоплена прозрачной водой, — в ней отражался свет ламп. Наверное, поэтому лифт не работал, и Йаати с вздохом вышел из него. Он решил попробовать другие двери, но, заметив краем глаза какое-то движение, резко повернулся... и замер.

Между развалин, прямо по морю неподвижной дымки, шла какая-то... наверное, машина, невероятно высокая, — с пятиэтажный дом, не меньше! — мертвенно-белая, словно вырезанная из полированной кости, похожая на какую-то огромную ожившую игрушку. Три тонких ноги, небольшое, размером с диван, тело, длинная, метров в пять, шея из нескольких сегментов, — а венчала всё это обтекаемая, похожая на перевернутую лодку голова. Она напоминала не то безглазый удлиненный череп, не то голову какого-то слепого жука. А из неё метра на два торчала сиренево-черная металлическая труба, удивительно похожая на пушечный ствол.

Йаати замер, словно замороженный волной ледяного озноба. Он уже видел эту, в самом деле, жуткую штуковину, — ночью, в тот миг, когда она разнесла стену. И сейчас...

Он не заметил у этой штуки никаких глаз, — только несколько торчавших вокруг пушки игл, похожих на антенны, — но она вдруг плавно повернулась, нацеливаясь на него.

Тело Йаати вдруг рванулось, казалось, само по себе, независимо от оцепеневшего сознания. Он влетел в лифт, и, скрестив руки на груди, солдатиком сиганул в люк. Какое-то короткое, ужасное мгновение ему казалось, что гравитация вдруг отказала, и он застрял в воздухе... но потом его словно дернуло вниз. Воздух засвистел в ушах... и в этот миг его окутал страшный, ослепительный свет.

На какой-то миг Йаати показалось, что он уже умер... потом его, как доской, ударило волной раскаленного воздуха... а потом он врезался в твердую, как кирпич, воду, и, ошалеv от всего этого, едва не захлебнулся. Вода, к счастью, оказалась холодная, и это мгновенно привело его в чувство. Он яростно задрьгал руками и ногами, пытаясь всплыть, — но какая-то сила упорно тянула его вниз, пока он вдруг не встал на дно. Сверху сыпались куски бетона, один из них, погружаясь, стукнул его по башке — но, к счастью, вскользь.

Уже начиная задыхаться, Йаати отчаянно рванулся. Ему удалось всплыть сантиметров на сорок, потом его вновь словно потянул вниз невидимый груз.

Груз! Вспомнив про бронежилет, Йаати яростно рванул застешки. К счастью, на липучках, — окажись тут ремни с пряжками, он наверняка погиб бы. Вывернувшись из тяжести, он опять отчаянно рванулся вверх, чувствуя, как в груди сгорают последние остатки воздуха. Всплывал он небыстро, — одежда тоже намокла и тянула вниз, сознание ускользало от напряжения — и, плотнув, наконец, воздуха, Йаати дико испугался, что ему на самом деле это кажется, и он вдохнул воды... но вокруг и впрямь был воздух. Он часто задышал, успокаиваясь, но тут же расчихался: в воздухе, словно густой туман, висела пыль, сверху ещё сыпалась какая-то мелочь.

Чихая и щурясь, Йаати осмотрелся. Справа, почти над водой, темнела железная дверь, и он рванулся к ней, ухватившись за порог. Ручка маячила в метре над ним, — казалось, вне пределов досягаемости.

Несколько раз он пытался дотянуться до неё, каждый раз срываясь в воду, и погружаясь с головой. Наконец, озверев, он рванулся изо всех сил... его пальцы сомкнулись на ручке, и тут же соскользнули, когда она повернулась.

Йаати вновь окунулся с головой... но вынырнув обнаружил, что дверь приоткрылась. Ухватившись за порог, он толкнул её лбом, и, наконец, выполз на пол.

Какое-то время он лежал неподвижно, ни о чем не думая, почти не веря в то, что до сих пор жив. Только ледяной холод привел его в себя. Дрожа, он сел и осмотрелся.

Грязная, пыльная комната, — цементный пол, бетонные, с отпечатками досок, стены, сверху беленыe, снизу в облезлой зеленой краске, — наводила на мысль о тюрьме. В ней не оказалось ничего, кроме двух стальных дверей и тусклой лампы. В воздухе висела пыль, попавшая сюда из шахты, и Йаати, вновь чихнув, подошел к двери, глядя вверх. Кабина лифта, перекосившись, застряла на высоте этажей двух, но свет в шахте, как ни странно, до сих пор горел. Ему невероятно повезло, — и не один раз, а трижды, — но сейчас он не ощущал, почему-то, никакой радости.

Йаати вспомнил, что в панике бросил или уронил нож, — но вода в шахте стала мутной от осыпавшейся сверху пыли, разглядеть дно он не смог, да и нырять в холодную воду не хотелось. Захлопнув дверь, он пошел к другой, — но она, конечно, оказалась заперта. Вторая вела в темную каморку с какими-то ящиками. Выхода не было.

13.

Какое-то время Йаати неподвижно сидел на полу. В его голове не осталось ни одной мысли. В себя его привел лишь пронизывающий до костей холод. Он выбрался из промокшей насквозь одежды и, как мог, отжал её. Нагишом тоже было холодно, — но это он исправил, помахав руками и попрыгав. Тут же захотелось есть. Йаати вспомнил про сумку с едой, — но

она, конечно, тоже утонула, вместе со всем прочим. Он понял, что ему всё же придется нырять, передернулся, и решил, что голод можно немного потерпеть.

Нагишом он чувствовал себя неловко, словно на него кто-то постоянно смотрит, — но от одной мысли о сырой насквозь одежде его снова передернуло.

Он бесцельно подергал запертую дверь, потом вновь выглянул в шахту. До верхней двери было метра три, но вдоль стен шли направляющие лифта, и по ним, в теории, он мог взобраться к ней. Но тогда ему вновь пришлось бы лезть в воду, чего сейчас ему вовсе не хотелось.

Вздыхнув, он снова заглянул в кладовку. Там царил пыльный, сырой мрак. Пошарив по стене, Йаати нашел выключатель, но, когда он нажал на него, свет не зажегся.

Ещё раз вздохнув, он замер, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. Босые ноги мерзли на полу, по ним ощутимо дул сквозняк — и, осознав это, Йаати встрепенулся. Дуло, конечно, из самого темного угла, — но, когда его глаза расширились, он заметил там какой-то приоткрытый люк.

Пробираясь к нему, он стукнулся пальцами босой ноги о ящик, зашипел от боли и замер, растирая их, и балансируя на одной ноге, словно аист. Потом вновь двинулся вперед, теперь уже очень осторожно. Из люка пахло ржавчиной и сыростью, и, даже не заглянув в него, Йаати догадался, что внизу там тоже вода.

Отпихнув сырой ящик, он просунул внутрь голову. Темно, разумеется, — но откуда-то сверху пробивался слабый свет. Вдоль стен шли какие-то кабели и железные скобы.

Извернувшись, Йаати проскользнул внутрь и быстро полез вверх. Сердце у него часто билось — но, как оказалось, свет падал через небольшой пролом в стене. Через него он смог бы просунуть руку или даже голову, но не больше. Рядом с ним в стене тоже был люк, но закрытый. Йаати пошарил по ржавому металлу, с трудом повернул ручку, но сам люк не поддавался, — то ли приржавел, то ли завален, то ли его заклинило. Вздыхнув, он приник к пролому... и замер, чувствуя, как мучительно сводит живот.

Обзор отсюда был неожиданно хороший, — дыра зияла в углу здания, так что он видел обширное поле руин и даже завал внутри взорванной многоэтажки. А на нем кишели какие-то уже совершенно невообразимые твари: бело-фиолетовые, четырехрукие и четырехногие, они не имели тела: только таз и сроснувшаяся с плечами голова. Их соединяло что-то вроде гибких шлангов: два потолще сзади, два потоньше впереди. Головы их представляли собой нечто неопишемое: рты в форме буквы «У»... и это всё, что Йаати удалось опознать. Две пары «рогов», побольше и поменьше, оказались гибкими отростками, похожими на какие-то корни, — они всё время двигались. То, что он сначала принял за глаза, оказалось, наверное, дыхалами, похожими на сопла кальмаров. Носа или ушей не было, лишь между верхними ветвями рта виднелось рубчатое утолщение, похожее на фасеточный глаз насекомого. Из этого кошмарного черепа росла «борода» — жесткий вырост, похожий на выпиленную по контуру деку от гитары. Четырехпалые конечности имели не по одному, а по два сустава. У локтей и коленей они разделялись надвое, отчего твари походили на каких-то невообразимых пауков.

Сам их вид был настолько противен всему естественному, самой природе вещей, что у Йаати потемнело в глазах. Тело захлестнула обморочная слабость, и он чуть не сорвался с лестницы. Помимо своей воли, он наполовину пополз, наполовину полетел вниз, — руки и ноги всё время соскальзывали. Наконец, его нога угодила в ледяную воду. Йаати испуганно дернулся, всё же сорвался, и окунулся с головой.

Это, отчасти, привело его в себя: он вынырнул, отфыркиваясь, очень бодро взобрался наверх, с усилием захлопнул люк и запер его, повернув рукоятку.

В тихом подземелье с тусклой лампой всё увиденное показалось просто страшным сном, — лишь поэтому, наверное, он мгновенно не сошел с ума. Страх же подтолкнул его к действию: забыв про холод, Йаати бросился в шахту и нырнул, стараясь добраться до дна. Муть уже почти осела, он заметил свою сумку, придавленную куском бетона, вцепился в неё, и изо всех сил дернул. Сумка поддавалась, и он стремительно всплыл. Бросив её на пол, он нырнул вновь, стараясь отыскать нож. Тот, казалось, растворился, к тому же, от его движений снова поднялась муть, но страх подгонял Йаати, как кнутом: он нырял снова и снова, пока, в десятый, наверное, раз, не нащупал оружие. Это придало ему смелости, и он попробовал вытащить бронежилет, но тот, к сожалению, оказался слишком уж тяжел, — всплыть с ним никак не получалось. Бросив его, он выбрался на пол, вновь помахал руками и попрыгал, чтобы прогнать проникший до костей холод. Потом снова полез в кабельную шахту, — страх сменился каким-то безумным, извращенным любопытством.

Твари были по-прежнему там. Они, казалось, бессмысленно, но ловко толкались на завале (вот для чего им столько рук и ног, подумал Йаати), и он никак не мог понять, перебираются они сюда или нет, — поля обзора не хватало. Животного ужаса они уже не вызывали, — потрясение оказалось столь сильным, что попросту вышибло все чувства, лишь в животе у него что-то сжималось и подрагивало, казалось, само по себе.

Вдруг справа, сразу за стенкой, — на той самой лестничной площадке, где он стоял совсем недавно, — раздался резкий шорох. От мысли, что невообразимая нечисть находится так близко, на расстоянии вытянутой руки, за тонкой ржавой дверцей, его до пяток продрало ознобом. Йаати отчаянно сжал пальцы рук и ног, и изо всех сил втянул живот, — просто чтобы не заорать от ужаса. Всё его тело мелко задрожало, словно через него вдруг пропустили ток, картинка перед глазами замерцала, — через миг он, наверное, просто потерял бы сознание и мешком полетел вниз, ломая руки и ноги, — но тут одна из тварей вдруг сорвалась с завала, и с шумом покатилась вниз, увлекая за собой куски бетона. Влетев в призрачный океан дымки, она вдруг издала... не крик, не визг, а жуткий рев, невероятно громкий для такого небольшого существа. Ему тысячей голосов сразу же отозвалось эхо, — но сама тварь, скатившись к основанию завала, так и осталась лежать неподвижно.

14.

Йаати замер, весь дрожа, не в силах перевести дыхание. Интуиция его не подвела, — странная дымка не просто убивала, она убивала запредельной болью. Лишь она могла вырвать у молчаливого создания такой жуткий рев. Остальные твари явно были до смерти испуганы, — они замерли, словно неживые, явно боясь пошевелиться и тоже улететь вниз. Их испуг привел Йаати в себя, — при всем их ирреальном облике, он видел всё же не бессмертных монстров, а ощущающих боль и вполне уязвимых существ.

При мысли об этом адском реве Йаати передернуло, — такой страшной смерти он не пожелал бы и врагу... даже если он и выглядел, как порождение безумного кошмара. Йаати представил, что стало бы с ним в этом жутком мареве... и при этой мысли живот у него снова туго свело. Умирать, наверное, не так уж и страшно, — всё равно потом ничего не почувствуешь, — но умирать со сгоревшим от запредельной боли сознанием — это,

наверняка, совсем другое...

Мир, в который его занесло, был настоящим карнавалом жутких чудес, — и их запас ещё не исчерпался. Вдали, среди развалин, Йаати заметил группу огромных шагающих машин, — он видел, по крайней мере, три, и начал, наконец, понимать, для чего им столь длинные ноги. Но на сей раз, их не спасли и они.

Откуда-то сзади, с востока, ударил толстый белый луч, — не свет, а сплошной поток солнечного, жидкого сияния. Уперевшись в землю, он полыхнул кошмарным маревом, целым облаком сиреневого полупрозрачного сияния, — а оно вдруг вздулось жуткой багровой полусферой, словно пузырем горячей крови. И лишь потом этот пузырь разорвало вполне обычным белым, ослепительным огнем.

Не думая, чисто инстинктивно, Йаати нырнул вниз. Ударная волна, ворвавшись в дырку, хлопнула его по ушам, как ладонями, и он замер, ослепленный и оглушенный. В ушах оглушительно звенело, в глазах плавали багровые круги. Но это неожиданно быстро прошло, и Йаати вновь выглянул. Никакая сила сейчас не смогла бы удержать его на месте.

Шагающие треноги исчезли, — на их месте облаком клубилась пыль, сквозь которую ничего не удавалось разглядеть. Большая часть ирреальных тварей исчезла тоже, — ударная волна снесла их с завала, прямо в призрачное смертельное море, и Йаати быстро возблагодарил судьбу за свои вовремя оглушенные уши: многократного вопля адской смерти он просто не выдержал бы.

Над клубящимся облаком пыли ещё дрожало призрачное сиреневое марево. Йаати зажмурился и ошалело помотал головой, но марево, однако, не исчезло: оно и в самом деле было там, ему не показалось. Стреляли, несомненно, с трехрогой восточной башни, — и мощь её оружия буквально наводила жуть. Правда, уже почти не страшную, обращенную против всех этих противоестественных тварей. Но, всё равно, попасть под удар за компанию с ними Йаати совершенно не хотелось. Он быстро и бесшумно полез вниз... но на половине пути замер. Откуда-то справа, едва заметно, тянуло сквозняком, — наверное, он и не заметил бы его, не пребывая в таком взвинченном состоянии.

Йаати повернул голову... и увидел квадратную дыру, скорее, нору — она уходила куда-то в темноту, достаточно широкая, чтобы он мог в неё пролезть. Поколебавшись лишь мгновение, он нырнул туда. Нора оказалась тесной, вдоль стен шли какие-то кабели, — он то и дело задевал за них плечами. На бетонном полу лежала мягкая пыль.

Метров через пять Йаати уперся в стену. Проход здесь поворачивал направо. Извернувшись в тесноте, он нырнул туда, — и заметил впереди, ещё метра через три, свет. Там проход сворачивал налево. Он пополз вперед, вновь извернулся... и увидел новый приоткрытый люк. Это придало ему сил. Йаати прополз ещё метров пять и вылез в небольшую комнату, — без окон, с тихо гудящими электрическими щитами. Дверь, конечно, тоже оказалась заперта, но здесь был ещё один люк — в полу. Открыв его, он увидел уходящую в темноту шахту. Из неё тянуло влажным, теплым воздухом, — словно где-то внизу текла горячая вода.

Йаати подумал, что надо вернуться назад, — он по-прежнему был нагишом и без оружия, — но любопытство пересилило. Он соскользнул вниз... и, всего метра через три, встал на полу темного коридора — тоже тесного, но достаточно высокого, чтобы он мог в нем стоять. Коридор шел в обе стороны. Йаати всего на миг задумался, потом осторожно двинулся направо — и, всего метров через десять, уперся в запертую дверь. Сквозь её щели едва заметно проникал свет, и по его оттенку он понял, что за ней — та самая комната, в

которую он выбрался из шахты.

Йаати вздохнул и пошел в другую сторону. Здесь он опять уперся в запертую дверь, и замер, прислушиваясь. За ней словно что-то тихо, неритмично вздыхало, и в дальнем уголке сознания снова шевельнулся страх, — стоять в этом подземелье не хотелось. Он быстро поднялся назад, в щитовую, и осмотрелся. Других выходов не было, — но в углу, под потолком, виднелась квадратная решетка вентиляции, достаточно широкая, чтобы он мог пролезть в неё.

Йаати быстро взобрался на щит и подергал решетку, как оказалось, ничем не закрепленную, — она просто вывалилась к нему в руки. За ней была квадратная труба длиной метров в десять, и он кое-как заполз в неё. К его счастью, она оказалась достаточно широкая, чтобы ползти на четвереньках. Замыкала её такая же решетка, — она вела в ярко освещенный подвал, просторный, с несколькими дверями. Здесь тоже висела тишина, — но какая-то недобрая.

Йаати замер, осматриваясь и прислушиваясь. От решетки до пола было добрых два с половиной метра, — выбраться он ещё смог бы, но вот вернуться — никогда. Разве что, составив пирамиду из ящиков, или ещё какого хлама, — а это выдало бы его убежище.

Недовольно мотнув головой, Йаати, как рак, пополз назад, — развернуться в узкой трубе не получалось, а в воздухе висела поднятая им пыль. Несколько раз он замирал, изо всех сил подавляя желание оглушительно чихнуть, — и, наконец, вернулся в щитовую, беззвучно спрыгнув на пол. Здесь ничего не изменилось, — слышалось лишь слабое жужжание токов, да лампа едва заметно, нерегулярно моргала, вот и вся жизнь. Тем не менее, и она сейчас его радовала.

Вздохнув, он встал на четвереньки и, поёжившись, нырнул в открытый люк. Обратный путь через все эти норы показался бесконечно длинным, к тому же, его тревожили некие странные шорохи, которых тут раньше, вроде бы, не было. Казалось, что за стенами бегают крысы... или что-то похуже, так что, добравшись до шахты, он замер, тревожно прислушиваясь. Но и шорох тут же стих, как по приказу, так что он теперь не мог даже понять, слышал его или нет.

Вновь вздохнув, Йаати быстро нырнул в шахту. У дыры он помедлил, — ему вовсе не хотелось, чтобы его тут заметили, — потом осторожно выглянул наружу... и не увидел ничего живого. У завала неподвижно лежала сорвавшаяся с него ирреальная тварь, но на нем больше никого не было, и в руинах башни тоже. Он быстро перевел взгляд, — облако пыли от взрыва исчезло, на его месте осталось лишь поле строительного мусора. Если там и валялись какие-то куски тех трехногих машин, их отсюда никак не получалось разглядеть.

Он перевел взгляд вдаль и прищурился, но и там разглядеть ничего не удавалось. Горизонт скрывался за руинами, да и не было там ничего, кроме очень, очень далекого столба дыма. Ещё в одном месте Йаати померещилось призрачное, зыбкое облачко, — словно стая кружащихся птиц, — но столь смутное, что он не смог решить даже, не кажется ли ему.

Йаати вздохнул, отчаянно жалея об отсутствии бинокля. Дома у него был отличный двенадцатикратник, — выпрошенный у отца подарок на прошлый день рождения, — но сейчас он не располагал ничем, кроме своих острых глаз. От ушей и вовсе не оказалось толку, — тишина была такая мертвая, словно их заткнули ватой. Вот она, как раз, пугала. Йаати чувствовал, что останься он снаружи, — он начал орать бы не своим голосом, просто чтобы разрушить её, и добром это точно не кончилось бы.

Пыльный простор развалин необъяснимо манил его. Он вдруг подумал, что надо вылезти наружу и идти, беззвучно, закрыв глаза, к... просто идти, идти, идти... и испуганно помотал головой, прогоняя бредовую мысль. Как-то вдруг он почувствовал, что скоба лестницы врезалась в ноги, а живот снова сводит, но уже по очень уважительной причине, — хотелось есть.

Быстро соскользнув вниз, он выбрался в ту, первую комнату у лифта, и вздохнул с облегчением. После всех виденных им ужасов она показалась уютной, почти домом.

Йаати вскрыл один из пакетов с «фаршем» и наелся, похвалив себя за предусмотрительность. Потом прикинул, что еды ему хватит дней на пять, что ещё больше подняло его настроение. Чистой воды сколько угодно, — в шахте лифта, есть свет, и в щитовой тепло... Нет, он не собирался, разумеется, здесь жить, но может отдохнуть пару дней, наслаждаясь бездумным, целебным покоем...

Йаати вновь недовольно мотнул головой, запутавшись в своих желаниях. Выходить наружу совершенно точно не стоило — именно сейчас, в полдень, там безраздельно властвовало Зло. По крайней мере, так ему казалось. Но и оставаться здесь тоже было глупо. Он ведь не знал, как надежна защитная линия, — твари могли миновать её где-то ещё, заперев его здесь, где он сможет лишь тихо помереть с голоду.

Йаати вновь вздохнул и сел у стены, опершись об неё спиной. От холода бетона его пробрала дрожь, но он не двигался, — это было очень... живое ощущение. Очень реальное. За него он мог держаться, — это казалось ему очень важным в свете царившего в голове бардака. Йаати понимал, что легко может здесь спятить, — его даже отчасти удивляло, что ничего подобного с ним пока что не случилось, — и простые, обычные ощущения казались очень важными. Они привязывали его к миру.

Вдруг он представил себя со стороны, — голого, мерзнущего в грязном углу, — и невольно хихикнул. Да уж, очень важное дело... но это и в самом деле помогало.

Успокоившись, Йаати быстро поднялся на ноги, помахал руками, чтобы разогнать кровь... и вдруг с удивлением понял, что ему скучно. Здесь делать было нечего, и он выглянул в шахту лифта. Маячившая над головой дверь словно бросала ему вызов, — и он, усмехнувшись, прыгнул в воду, одним взмахом рук бросил себя к направляющей, схватился за неё, пальцами босой ноги нащупал уходящее в стену крепление. Оперся на него, по пояс поднялся из воды, вскинув руку, вцепился в поперечину, подтянулся, поднимаясь во весь рост...

Дело, в общем, оказалось нетрудное, — хотя острые края металла больно врезались под пальцы рук и ног, эту боль Йаати вполне мог терпеть. Всего за несколько движений он добрался до двери. Дотянуться до ручки, правда, оказалось непросто, — Йаати повис на одной руке, изо всех сил вытянув вторую, и еле-еле удерживаясь на воющих от боли пальцах левой ноги, — но ручка всё же подалась, замок щелкнул и дверь чуть-чуть отошла. Йаати изо всех сил толкнул её кончиками пальцев, тут же сорвался и гулко плюхнулся в воду.

Вынырнув из неё и отфыркиваясь, он, шурясь, посмотрел вверх. Дверь отошла на полметра, за ней чернела темнота. Отбросив с лица мокрые волосы, Йаати вновь упорно полез вверх. Добравшись до двери, он замер, пытаясь заглянуть за неё, — но всё, что он увидел, было куском грязного цементного пола. Он прислушался, но услышал лишь тонкое, едва уловимое пение близкой лампочки. До двери было метра полтора, — сущий пустяк, стой он на полу... но он висел, раскорячившись, на направляющей. Схватиться тут было не за что, и Йаати зашипел от злости: совсем близкая цель не давала ему отступить. Он

поднялся ещё выше, к перекошенному днищу лифта, — и, примерившись, изо всех сил прыгнул.

Прыжок из столь неудобного положения получился не вполне удачным, — Йаати пребольно ударился плечом, хлопнул ладонями по полу и повис, врезавшись животом в порог. От боли у него потемнело в глазах, в какой-то миг ему даже показалось, что внутри у него что-то лопнуло или сломалось, — но тут боль стала понемногу стихать.

Отдышавшись, он выбрался на пол, потом встал и осмотрелся. Комната была такой же, только темной, сыроватой и затхлой. Падавшего из шахты света, впрочем, хватило, чтобы разглядеть слева железную дверь. Разумеется, запертую, — Йаати убедился в этом, подергав её. За ней царила гробовая тишина, лишь из щелей едва ощутимо дул пахнувший ржавчиной воздух.

Йаати обиженно вздохнул, яростно топнул в пол пяткой, — просто так, от злости, — потом вернулся к шахте. Дно лифта было совсем рядом, — буквально рукой подать. В нем зиял открытый люк, — тот самый, в который он прыгнул, спасаясь. Только вот дотянуться до него никак не вышло бы. Вздохнув, Йаати нырнул в шахту, подплыл к дальней направляющей и вновь упрямо полез вверх.

15.

На сей раз, залезть внутрь удалось неожиданно легко. Йаати опасался, правда, что под его весом перекошенная кабина полетит вниз, — но она даже не дрогнула, намертво застряв в погнутых направляющих. Свет в ней, конечно, не горел, но он смог разглядеть дверь, — вернее, две нижних её трети. Она ничуть не пострадала от взрыва и открылась, едва он повернул ручку, но сверху тут же рухнула груда обломков. Йаати испуганно застыл, но обвал тут же прекратился. Он чихнул от поднявшейся пыли, вновь замер, прислушиваясь, потом толкнул дверь, и, пригнувшись, пролез в открывшийся проем. Пол был усыпан острыми осколками бетона, и босой Йаати злобно зашипел, приплясывая на них.

Эта комната уже находилась над землей, на первом этаже здания, но окон в ней не оказалось, — наверное, и к счастью. Йаати вспомнил о висящей на улице дымке, передернулся и осмотрелся. Лампы здесь тоже не горели, но сверху, сквозь завал, уже пробивался дневной свет. Сам завал оказался небольшим, — сквозь щели Йаати даже видел стену шахты. Если убрать всего несколько обломков, он смог бы выбраться в неё, — но это вряд ли вышло бы, да туда ему и не хотелось. Тишина наверху была уже совсем мертвая, как и падавший оттуда свет. Йаати даже шагнул вперед, пытаясь разглядеть небо, — но это, к сожалению или к счастью, не вышло.

Вздохнув, он потер рукой нос и осмотрелся. Комната очень походила на склад, — вдоль стен стояли какие-то стальные стеллажи, сейчас, правда, пустые. Напротив лифта в стене была дверь. Йаати бесшумно подошел к ней, бездумно подергал, — и испуганно отскочил, когда она вдруг открылась.

На минуту он замер, чувствуя, как часто бьется сердце и изо всех сил прислушиваясь. Потом очень осторожно выглянул. Пустой бетонный коридор ещё с четверкой дверей, кроме этой, освещала единственная неяркая синеватая лампа над дверью в дальнем торце. Этот, ближний, был глухим.

Йаати медленно пошел вперед, беззвучно ступая босиком по гладкому цементу пола.

Эта дверь, конечно, оказалась заперта, и он пошел назад, проверяя остальные. Дверь справа тоже оказалась заперта, но за левой Йаати увидел длинную узкую комнату, похожую на кабинет, — в ней стояло два стола с чем-то вроде телевизоров, ещё два шкафа и несколько стульев. Но Йаати привлекло не это, а окно, выходящее наружу, — тоже узкое, забранное снаружи решеткой.

Вдыхая запах сухой бумажной пыли, он медленно подошел к нему. За окном был заросший бурьяном тесный, полутемный двор с какими-то облезлыми качелями и лежащим вокруг мусором. Но не пустой, — в нем, вокруг какой-то темной массы, возилось несколько уже знакомых ему горбатых тварей. Сейчас, при свете дня, они выглядели ещё более отвратно, — красновато-желтые, в каких-то темных пятнах, словно в плесени, с короткими изогнутыми хвостами. Йаати с крайним удивлением заметил у них кроме шести тонких ножек ещё четыре по бокам, сейчас сложенных. Это уже вовсе ни на что не походило, — впрочем, на фоне кошмарной бело-фиолетовой нечисти эти... существа казались почти что обычными, словно утыканные ногами кургузые панцирные рыбы.

Йаати как-то вдруг сообразил, что их привлек сюда лежащий вниз лицом труп в чем-то вроде тяжелого темного пальто, — именно оно не давало им добраться до плоти. Твари приоткрывали неестественно огромные для их размера пасти и хватали его неровными кривыми зубами, растущими прямо из панциря, но толстая ткань не поддавалась.

Больше всего его поразила голова мертвеца, — голая, синевато-белесая. Вначале он подумал, что твари уже дочиста объели её, — но она напоминала не череп, а какой-то хрящеватый складчатый кочан, удивительно гадкий на вид. При мысли, что ЭТО недавно двигалось и говорило, в голове у Йаати зашумело, и он беспомощно сел на пол. Сами по себе твари почти не пугали его, — здесь, за решеткой, он был в полной безопасности, — но вот нечеловеческий покойник пугал до икоты. Просто потому, что так могли выглядеть все жители этого города, — и, если он наткнется на них...

Йаати вздохнул и недовольно помотал головой. Всевозможные ужасы сыпались на него, как из рога изобилия, — но это было уже как-то... чересчур. Настолько, что он даже стал злиться, — нет, он всегда рад отчаянию и безнадежности, но сколько можно-то?..

Эта мысль придала ему сил, — не то, чтобы ему стало совсем уж хорошо, но он хотя бы смог подняться на ноги. Подходить к окну снова не хотелось, — и не потому, что его могли там заметить, — и он, вздохнув, вернулся в коридор. Оставалась всего одна дверь, — но она, к его счастью, оказалась незапертой. За ней была очередная темная комната со стеллажами, заваленными грудями старых пыльных папок. Йаати вытащил одну на свет, — но шрифт на бумагах оказался незнакомым, а никаких рисунков на них не нашлось. Судя по всему, его занесло в какую-то контору, и это немного его успокоило, — он не верил, что кочаноголовые, кем бы они ни были, стали бы сидеть тут, в архивной пыли, среди вполне обычной на вид мебели. Но и для него никаких дел здесь не имелось, и он вновь полез в шахту.

Лезть назад, в сырое подземелье, не хотелось, и Йаати, вздохнув, плюхнулся на пол перекошенной кабины лифта, сонно прикрыв глаза и прислушиваясь. Сверху иногда доносилось какое-то потрескивание, но такое слабое, словно там летали стрекозы. Йаати мельком подумал, что не видел тут никаких насекомых... потом вдруг душераздирающе зевнул. Пусть он пока что и не спятил, но никаких сил в нем точно не осталось, — невыносимо захотелось спать. Но спать тут, на грязном полу, Йаати всё равно не смог бы. Он подумал, что можно вытащить несколько стульев в коридор и лечь на них... потом

усмехнулся, и вновь солдатиком сиганул в люк.

Холодная вода ненадолго прогнала сонливость. Йаати выбрался на пол, изо всех сил отряхнулся, как собака, потом бодро полез в кабельную шахту. Ему вновь захотелось выглянуть наружу, — но царившая там могильная тишина остановила его, как висевший в воздухе барьер. Казалось, поднимись он ещё на один шаг, — и с ним случится нечто, невыразимо ужасное. Чувство было глупое, и в другом случае Йаати с наслаждением плюнул бы на него... но сейчас ему снова захотелось спать. Вздохнув, он скользнул в тесную нору, зевая, прополз в щитовую и сел, прислонившись спиной к нагретому, едва заметно вибрирующему металлу. Подвижный теплый воздух обволакивал влажное тело, дразнил и щекотал, — ещё одно уютное ощущение. На миг показалось, что он дома, в ванной, — и тут же со страшной силой захотелось туда. В какой-то миг он даже подумал, что уже дома, и недовольно помотал головой. Так недолго в самом деле спятить...

Пыли здесь не было, и он, вздохнув, растянулся на полу, положив голову на руки и сонно глядя в беленый потолок. Впервые, наверное, за всё проведенное здесь время он чувствовал себя совсем спокойно, — здесь, в месте, в которое ни одна из встреченных им тварей не смогла бы забраться. Да и физически он чувствовал себя совсем неплохо, несмотря ни на что, — всё же, столь юный возраст имеет свои преимущества. Разве что устал, — но сейчас ему неплохо отдыхалось.

Йаати лежал неподвижно, ровно дыша, лишь иногда невольно поджимая живот или пальцы на ногах, — где-то в теле ещё бродили отголоски пережитого кошмара. В конце концов, он незаметно заснул.

16.

Проснулся он резко, словно от толчка, и замер, пытаясь понять, где это он, и что его разбудило. Здесь стало тихо... как-то слишком. Пока он спал, ток в щитах умер, хотя свет ещё горел, и это уже откровенно пугало.

Он попытался вспомнить свои сны, — но тут пол под ним вздрогнул вновь, — мягко, совершенно беззвучно. Йаати рывком сел и прислушался. Ни звука... но тут пол опять толкнул его, на сей раз — в пятки и задницу. Он сразу вспомнил о чудовищном оружии, об этом зыбком кровавом пузыре... и по его телу волной прошла резкая невольная дрожь. Он вскочил, всё ещё вздрагивая, посмотрел на снятую решетку. Захотелось вновь залезть туда... но в подвале он точно ничего не увидит, придется возвращаться в шахту.

Вздохнув, Йаати уже привычно скользнул в нору. Добравшись до шахты, он решительно полез вверх... и, выглянув в дыру, удивленно замер, глядя на развалины, лежавшие под хмурым, уже по вечернему рыжеющим небом.

Йаати ошалело мотнул головой, — он не представлял, что проспал так долго. Сейчас ему казалось, что он спал какие-то минуты, максимум — полчаса, а не несколько. Это сильно его напугало. В какой-то миг ему даже показалось, что ночь прошла, и сейчас уже утро, — а он этого даже не заметил. Но он чувствовал себя так, словно вообще не спал.

Йаати вновь мотнул головой. Снаружи что-то изменилось, и он замер, чувствуя, что его до пяток пробивает озноб. Он не сразу понял, что море дымки поднялось, — теперь оно почти достигало третьего этажа, поглощая развалины. И не только поднялось, но и продолжало подниматься. На вид оно казалось неподвижным, но стоило лишь отвести

глаз, — и в следующий раз он замечал зыбкую поверхность чуть выше.

Оставаться тут было нельзя, — Йаати боялся представить, что с ним станет, когда дымка доберется до дыры, — но настроение его сразу испортилось: выходить наружу на ночь глядя не хотелось. И испортилось ещё сильнее при первой же попытке одеться, — брошенная в сыром подвале одежда так и не просохла, и ему показалось, что он пытается влезть в болотную тину. Осенью.

Тихо выругавшись, он связал всё барахло, вместе с сумкой, в узел, получившийся неожиданно большим. Теперь непонятно было, куда девать нож. Вспомнив какой-то фильм про пиратов, он попытался взять его в зубы, — но это оказалось жутко неудобно.

Помянув незлым тихим словом ещё одну идиотскую выдумку, Йаати сунул нож в узел. Потом вспомнил о воде на дне шахты, развязал узел, открыл сумку и сунул нож туда. Потом смотал узел обратно. В этот раз вышло почти компактно. Он бодро направился к люку... и вдруг с удивлением понял, что выходить отсюда в полный опасностей мир ему до чертиков страшно.

Остаться он не мог, но чувство страха сдаваться не спешило. Он ощутил его сопротивление, как нечто, почти физическое, и это добавочно его напугало, — его собственное тело почти взбунтовалось против него.

Йаати сжал зубы и отчаянно помотал головой, изо всех сил стараясь прогнать страх. Отчасти это даже получилось. По крайней мере, голова у него закружилась, и стало как-то не до всяких смутных опасений. Вздохнув, он заглянул в люк и присмотрелся. Вроде бы ничего...

Это придало ему смелости. Крепко держа узел одной рукой, Йаати проскользнул в шахту. Подниматься, держась одной рукой (другой он придерживал на голове узел) оказалось жутко неудобно, и он с облегчением вздохнул, сунув его в горизонтальную дыру. Потом посмотрел вверх. Очень хотелось подняться и выглянуть ещё раз... но сейчас эта мысль не казалась ему умной. Если дымка уже там...

Вздохнув, он нырнул в нору, толкая узел перед собой. Это оказалось проще... но его нервировала странная возня за стенами. Крысы... быть может, но казалось, что по стенам вслепую шарят руками, и этот шорох следует за ним, словно кто-то прямо сквозь бетон мог ощущать тепло его нагого тела.

Йаати до пальцев босых ног пробил озноб. Он вновь яростно помотал головой, но только поднял волосами тучу пыли и чихнул. Звук раскатился по норе, как выстрел, и Йаати испуганно замер. Ничего. Даже шорох за стенами стих, словно напуганный, и он с трудом подавил приступ смеха. Значит, всё-таки крысы...

Он вновь пополз вперед — и облегченно вздохнул, выбравшись в щитовую и заперев за собой дверцу. Здесь дымка, чем бы она ни была, уже не могла чем-то угрожать ему. Но, сидя здесь, он быстро умер бы от жажды, — так что он бодро забрался в вентиляцию и пополз вперед, на разведку.

Добравшись до решетки, Йаати замер. Он легко мог вытолкнуть её, — но, выбравшись из дыры, он просто упал бы головой вниз, — и, скорее всего, сломал бы себе руки. Выругавшись про себя, он пополз назад.

Развернувшись, он вновь заглянул в вентиляцию и замер, глядя на тонкие полоски падающего сквозь решетку света. Вылезать туда нагишом явно не стоило, так что он размотал узел, и, ёжась от холода, оделся. Ощущение от сырой одежды оказалось мерзкое. Йаати весь покрылся ознобом и несколько раз передернулся. Наконец, мокрая ткань

согрелась на теле, стало чуть полегче. Он забросил сумку на плечо и вытащил нож. Теперь он чувствовал себя вполне готовым... но вылезать всё равно не хотелось.

Йаати вздохнул. Собственный страх начал его уже злить, — в конце концов, сейчас вокруг не было совершенно ничего жуткого, а значит, не стоило и бояться, так сказать, авансом. Ничем хорошим это точно не кончилось бы.

Залезть в дыру ногами вперед оказалось почти невозможно, — Йаати несколько раз едва не сорвался и вспомнил весь запас матерных слов, который знал. Наконец, ему удалось забраться внутрь, и он пополз, задом наперед, злой, как тысяча чертей. Решетка вылетела от случайного удара ноги, с грохотом свалившись на пол, но сейчас ему было наплевать на шум. Он решительно спрыгнул на пол и замер, осматриваясь и прислушиваясь. Ничего... но ему по-прежнему казалось, что тут кто-то есть. Словно кто-то стоит за углом или за дверью, и он его не видит, и не слышит, но всё же, как-то чувствует. Мысль была глупая, почти детская... но вот прогнать её никак не получалось. Вновь недовольно мотнув головой, он вышел на середину подвала. И тут...

«Осьминог» возник прямо перед ним, — просто возник, словно сгустился из воздуха, но полупрозрачный, словно не вполне реальный. Он мерцал с невероятной быстротой, исчезая и вновь появляясь, со странным вибрирующим звуком, — словно дуешь в вентилятор. Йаати по всему телу било волнами воздуха, — казалось, он стоял под выхлопной трубой громадного самосвала.

От всего этого ужаса он бы, наверное, немедленно сошел с ума, — но кипевшая в нем ярость пересилила страх. Йаати бешено взмахнул ножом, угодившим во что-то непонятное — не в плоть, а во что-то вроде ваты. В тот же миг тварь исчезла... но, едва он ошалело повернулся, высматривая её, возникла перед ним вновь. Йаати вновь ударил её и шарахнулся в сторону... и опять перед ним возник гудящий, вибрирующий призрак.

Заорав не своим голосом, Йаати вновь ударил ножом, — но на сей раз, не полоснул, а выбросил руку вперед, как копьё. Лезвие воткнулось в нечто упругое... что-то резко хлопнуло, — словно лопнувший воздушный шарик, — и призрак исчез. Йаати ещё несколько раз крутанулся... но здесь больше никого не было. Ошалев от страха, он бросился к ближайшей двери, и распахнул её.

Тварь стояла за ней, — и уже настоящая, не призрак. Чуть раньше Йаати умер бы на месте от страха, — но сейчас он просто полоснул её ножом... безвредно скользнув по гладкой, словно фарфоровой плоти. Тварь шарахнулась назад, нелепо взмахнув своими многочисленными руками... и Йаати, перехватив нож так, что рукоять уперлась в основание ладони, изо всех сил ударил в рубчатую полоску «глаза».

На сей раз, гладкая плоть подалась, и лезвие вошло на дюйм. Тварь издала пронзительный высокий свист, и вновь шарахнулась назад. Из раны потекла оранжевая жидкость, странно похожая на сок. Взбешенный Йаати бросился на тварь и повалил, упершись ладонями в грудь, — похожую на гладкую, горячую резину, — а потом принялся лупить ногами.

Это было всё равно, что пинать крышку, но он никак не мог остановиться. Страх переплавился в бешенство, и он всё бил и бил, — пока не задохнулся и не замер, пытаясь отдышаться. Тварь слабо шевелилась на полу. Она, похоже, совсем не пострадала, даже порез казался лишь царапиной с засохшим уже оранжевым потеком.

Глядя на неё, Йаати ощутил, как в нем вновь волной поднимается паника — того, что он видел, просто не могло быть, — и он, развернувшись, слепо бросился прочь, тут же налетев

на какую-то дверь. Он едва не разбил об неё лоб, уже в последний миг выставив руки, нащупал ручку, повернул её, и влетел в соседнее помещение.

Тут везде лежали какие-то ящики — и даже, вроде, какое-то оружие, но он видел лишь затянутый силовым полем проем, ведущий куда-то наружу, — сквозь него пробивался дневной свет.

Проскочив сквозь него, он взлетел по лестнице и замер, ошалело осматриваясь. Он стоял на неожиданно широкой улице. Справа её перекрывал дом, прорезанный громадной аркой, — сейчас доверху заваленной обломками, очевидно, намеренно. Слева, далеко, она упиралась в уже знакомую металлическую стену, — и он помчался в ту сторону.

Вылетев на перекресток, Йаати вновь осмотрелся. Слева опять поднималась стена, — зато справа улица уходила, казалось, прямо к трехрогой черной башне. Сердце у него ёкнуло, — похоже, что ему, наконец, повезло. Но здесь, на открытом пространстве, он вдруг почувствовал себя крайне неудобно, — казалось, что из темноты окон за ним следят тысячи недобрых глаз. Страх снова подступил волной, — и Йаати побежал, всё быстрее и быстрее. Стук шагов, отражаясь от стен, словно пулеметная очередь, летел ему вслед.

17.

Он опомнился, поняв, что тупо смотрит в грязный асфальт. Он стоял на нем на четвереньках, сердце билось где-то у горла, грудь горела. Йаати мотнул головой и поднялся, осматриваясь. Вроде бы, времени прошло немного, — тот же рыжеющий вечерний свет, — но место вокруг оказалось незнакомое. Какой-то двор, скорее — тупик улицы, с трех сторон окруженный старыми домами. Похоже, на бегу у него снова «выбило» сознание, — и это очень ему не понравилось.

Но то, что он увидел, обернувшись, не понравилось ему ещё больше. Убегающая к бурому горизонту улица... но не пустая: на ней мерцало несколько уже знакомых ему белофиолетовых силуэтов. Те самые ирреальные твари, пока что далеко... но до ближайшего перекрестка тоже оказалось не близко, и Йаати понимал, что бежать им навстречу — не выход.

Он крутанулся на пятке, высматривая возможные пути к отступлению. Все двери закрыты, окна тоже. Сумку с едой он, наверное, оставил в щитовой, — забраться с ней в вентиляцию у него точно не вышло бы, а есть и пить уже хотелось.

Йаати не знал, что делать дальше, — то есть, совершенно, — и испуганно вздрогнул, услышав странный электрический звук, — словно за спиной включили огромный телевизор. Обернувшись, он заметил, что улицу перекрыло смутное голубоватое сияние, поднимавшееся до второго этажа. Узнав уже знакомое силовое поле, он облегченно вздохнул: похоже, что ему, наконец, повезло. Но сидеть здесь он не мог... и, вздохнув, ещё раз осмотрелся. Взгляд его обратился на дом, замыкающий улицу, — очень старый, четырехэтажный, покрытый облупившейся бледно-зеленой побелкой. Но — совсем неповрежденный, что на общем фоне уже смотрелось необычно. Ни одного разбитого стекла. Двери подъездов тоже целые — но, к его счастью, не запертые. По крайней мере, та, за которую он взялся, подалась, пропуская его в темный сырой тамбур.

Йаати на минуту замер, вглядываясь во мрак, — но не разглядел ничего, кроме двух дверей, — слева и напротив. Вздохнув, он шагнул к ней, — и наружная дверь тут же

закрылась, погрузив его в крошечный мрак. Он торопливо шагнул ещё раз, и зашарил руками, нащупывая ручку. Дверь, однако, разбухла от сырости, и подалась лишь, когда он рванул изо всей силы, открывая сумрачную лестницу. Йаати проскользнул на неё и замер, прислушиваясь. Ничего. Воздух сырой, отдающий мокрой известью, застойный. Похоже, что тут никого не было, — и он осторожно пошел вверх.

На первом этаже дверей не оказалось. На втором он увидел неожиданно просторную площадку с какой-то старой мебелью, очевидно, давным-давно выставленной из квартир.

Он наудачу подошел к одной из дверей и подергал, — но она, конечно, оказалась заперта, как и все остальные. На третьем этаже его встретило то же. Поднявшись на ещё одну лестницу, он увидел железную стремянку, ведущую к люку на чердак. Наверняка, запертому, как и всё прочее.

Краем глаза Йаати заметил движение за окном. Твари добежали до силового поля. Пройти сквозь него они не смогли, — но двор за ним вдруг заполнили их мерцающие двойники. Похоже, что расстояние от оригиналов у них всё же было ограничено, — но до двери им не хватало буквально нескольких шагов. Йаати передернуло. Если бы одна из этих тварей вновь появилась перед ним, — он бы, наверное, сдох на месте, — или описался, что несравненно хуже.

Вздыхнув, он сел у облупившейся стены, — и тут же ошалело вскочил, когда площадкой выше щелкнула дверь. Людей здесь быть просто не могло, и он замер, как вкопанный, глядя на босую девочку всего лет четырнадцати. Одета она была во что-то вроде пончо, свисавшего до колен, но лицо — широкое, короткое, со слишком большими синими глазами, — оказалось совсем нечеловеческим. Неестественно светлую кожу и черные волосы покрывала пыль, придавая им мертвенный, серый оттенок. Пончо тоже было пыльным, словно старый ковер, и Йаати передернуло, — девочка выглядела, как кукла, много лет пролежавшая на чердаке. На пончо виднелась полинявшая надпись «Фемма N 432...» — и в голове у него вдруг словно что-то щелкнуло: он понял, что видит не ожившего мертвеца, а что-то вроде робота.

Фемма молча смотрела на него, совершенно не двигаясь, как манекен, — и его снова передернуло. О роботах он много читал в фантастических книжках, но наяву это смотрелось жутковато, — словно вдруг ожил и пошел стол.

— Что ты здесь делаешь? — наугад спросил он.

Внутри феммы что-то отчетливо щелкнуло. Йаати подумал, что ответа не будет... но тут она заговорила, — нечеловеческим, в самом деле каким-то кукольным голосом.

— Контроль. Наблюдение. Помощь.

— Помощь кому?

— Людям.

Йаати вздохнул. Ему помощь точно не помешала бы.

— Какая помощь?

Фемма неопределенно повела рукой. На её белой ладони блестела синевато-черная металлическая мозаика, и Йаати вновь поёжился. Вместо кожи у неё, конечно, был какой-то пластик, а этот металл, наверное, затем, чтобы он не ободрался, если она будет поднимать какой-то очень тяжелый груз. Очевидно, это, хрупкое с виду создание обладало огромной физической, — в данном случае, конечно, механической, — силой.

— Я собираю... вещи, которые могут быть... полезными, — фемма говорила с небольшими паузами, словно внутри у неё что-то заедало. Магнитофон, скорее всего. Всё

интереснее и интереснее, подумал Йаати.

— Что за вещи? — спросил он.

— Разные вещи. Можешь посмотреть, — фемма повернулась и зашла в квартиру. Её босые ноги резко цокали, — ну да, на подошвах у неё такая же мозаика, подумал Йаати, следуя за ней. Но зачем тогда вообще робот в виде девочки, если он должен лишь поднимать тяжести?..

Квартира, конечно, оказалась нежилой, — то есть, сырой, замусоренной и грязной. Сквозь пыльные стекла пробивался тусклый свет заката. К счастью, никаких скелетов, на которые он уже настроился.

— Здесь, — фемма показала на нижний левый ящик кремово-голубого шкафа-стеллажа, занимавшего заднюю стену спальни. Пустого, по крайней мере, на виду.

Вздыхнув, Йаати сел на корточки и открыл пластиковую дверцу. Слева аккуратной стопкой лежали небольшие белые поддоны, затянутые прозрачной пленкой. Под ней виднелась знакомая розовато-серая масса, так что он разорвал пластик и бодро очистил весь поддон. В животе залегла приятная тяжесть, — и сразу захотелось спать. Один такой поддон был неплохим обедом, а их тут оказалось с дюжину. При должной экономии их хватит на неделю, а может, и больше, так что голодная смерть ему точно пока не грозила.

Справа стоял большой железный ящик для инструментов. Наевшись, Йаати с натугой вытащил его, и заглянул внутрь. Из кучи непонятных деталей торчала фигурная рукоять, и он тут же ухватился за неё. В руке у него оказался большой, матово-серый пистолет. Конечно, без магазина, и он вновь полез в ящик, выкладывая на пол детали, одну за другой. Процедура заняла немало времени, однако в итоге, кроме кучи явно бесполезных запчастей, перед ним оказались:

— коричневая кожаная кобура к пистолету, судя по ремешкам к ней, армейская;

— две дырчатых шестнадцатизарядных обоймы к нему же;

— небольшая коричневая граната, похожая на крошечный огнетушитель;

— ещё граната, побольше, обложенная тоже коричневыми, на ощупь керамическими пирамидками;

— какая-то плоская круглая штуковина с сине-зелеными светящимися полосками, состоящая из двух частей, вращавшихся на шарнирах, и кольцом, тоже как у гранаты;

— небольшая тяжелая штуковина, похожая на маленький фонарик, с большой кнопкой и алым стеклянным глазком;

— небольшая железная коробка с темно-серыми, в двух желтых поясках, пистолетными патронами в количестве девяноста шести штук;

— герметически закупоренная банка с чистым бромом, если верить этикетке;

— какой-то прибор, похожий на ручную рацию, но с единственной большой красной клавишей.

Глядя на весь этот набор, словно составленный сумасшедшим любителем ребусов, Йаати ошалело почесал в затылке. Пистолет был его спасением, без вопросов, — без него он просто не решился бы выйти за дверь. Но вот что делать с остальным, — он решительно не представлял. В фильмах он видел, как бросают гранаты, — но потом проклятые штуковины взрывались, и он не знал, решится ли на такой подвиг. Бром, с его милой способностью превращать всё, на что он попадает, в гиль, был полезен даже сам по себе, — хотя бы для поливания врагов. Если же привязать эту банку к гранате, а потом кинуть её, — конечный результат не слишком отличался бы от взрыва химической бомбы. Способ, ясное дело, не

слишком удобный, — но такое применение банки было явно полезнее прямого бросания её в цель.

Плоская круглая штуковина тоже наверняка была гранатой. Хотя заряд взрывчатки в неё точно не поместился бы, светящиеся полосы наводили на неприятные размышления о чём-то радиоактивном. Во всяком случае, дернуть за кольцо и посмотреть, что получится, он всё же не решился, — но, если у него ничего больше не останется, эта штука тоже может пригодиться. Прибор же, судя по виду, посылал какой-то сигнал. Йаати даже осмелился нажать на кнопку, — и его тут же передернуло от противного зуда в ушах — или, скорее, где-то между ними. Какой-то генератор помех, такой мощный, что действовал даже на мозги. В данных условиях штука совершенно бесполезная, и он снова задумался. Пистолет ещё как-то укладывался в общую картину, — но банки с бромом точно на дороге не валяются. Непонятно, где фемма могла её найти, — разве что где-то тут, поблизости, есть химический завод или склад реактивов. Эта идея показалась Йаати перспективной, и он спросил:

— Где ты взяла бром?

Фемма не ответила. Очевидно, вопрос не был предусмотрен программой, и Йаати вздохнул. Он понятия не имел, как нужно общаться с роботами. В голову упорно лезли перфокарты, бобины с перфолентой и тому подобная чушь.

— Откуда эти вещи? — вновь спросил он.

— Найдены в разных местах, — бесстрастно сообщила фемма. — Давно.

Йаати вздохнул.

— Кто приказал тебе искать их?

Молчание.

— Откуда к тебе поступает энергия?

— От реактора.

— Где этот реактор? Как к нему пройти?

Фемма не ответила. Но на её лбу открылся «третий глаз» проектора, — смотрелось это жутковато, — и в воздухе повисла призрачная трехмерная схема, очевидно, окрестностей. Йаати поднялся и подошел ближе, рассматривая её. Внутри схемы мерцал красный пунктир, обозначавший маршрут к цели, что радикально облегчило дело.

Как оказалось, древний дом имел вход в обширную систему подземелий. Они, в свою очередь, выходили в туннель, ведущий, очевидно, к северной башне. Путь к нему казался недлинным, — всего километр или два, — но чрезвычайно извилистым. К тому же, он пересекал колоссальное помещение, очень похожее на отстойник, — а это точно не обещало ничего хорошего. Особого выбора, правда, не имелось, — второй такой шанс ему точно не представился бы.

Йаати недовольно мотнул головой. Питать особенных надежд не стоило, — это он уже очень хорошо понимал. Но и пустое ожидание ему ничего не дало бы.

— Спасибо, — машинально сказал он.

— Не трогай кувшинов, — вдруг сказала фемма.

— Что? — удивленно спросил Йаати.

— Не трогай кувшинов, — механически повторила фемма. — Они не агрессивны.

— Кувшины? — Йаати совсем не понимал, о чем идет речь.

— Да.

— Какие кувшины?

Молчание.

Йаати вздохнул. Казалось, что у феммы начался бред... только вот бредить машины не могли: все их слова были записаны заранее, и они просто выдавали их в ответ на внесенные в программу вопросы. Или ситуации. Или...

Йаати вновь недовольно мотнул головой. Насколько он знал, технология общения с компьютерами была довольно сложной, — но в ней он не разбирался ни фига, да не особо и рвался: он же всё же не ученый. На этом он решил и закончить, — тварей за полем собралось уже несколько десятков, и это упорное сборище начинало откровенно пугать.

Но уходить сразу он не стал, решив всё же осмотреть квартиру. Напрасно, как оказалось, — ничего полезного тут не было, ни еды, ни каких-то журналов или книг. Свет, правда, зажигался, — но вода уже не шла, так что с мыслью о ванне пришлось с сожалением расстаться. Всё, что он смог в этом плане, — отыскать чистую одежду, более-менее подходящую по размеру, и сложить барахло, как оказалось, довольно массивное, в сумку. Кобура доставила ему массу хлопот, — но, в конце концов, он ухитрился пристроить её на правом боку. Ему не терпелось убраться из квартиры, — молчаливо стоявшая фемма действовала ему на нервы. Не вещь, но и не человек, — нечто такое, к чему он не знал, как относиться.

— Не трогай кувшинов, — повторила фемма, когда он открыл дверь.

— А что будет, если трону? — спросил Йаати, обернувшись.

Фемма неподвижно смотрела на него.

— Смерть.

18.

Спасибо, очень приятно, подумал Йаати, вновь сядя на лестнице. Только смертоносных кувшинов мне и не хватало. Вновь недовольно мотнув головой, он вытащил из сумки обоймы и набил их. Потом вставил одну в пистолет, передернул затвор, — и с душевным трепетом нажал на спуск.

Трах! Из стены напротив фонтаном брызнули осколки. Оружие резко ударило в руку, звук выстрела ударил по ушам, в нос ударил резкий, едкий запах сгоревшего пороха. В этом плане пистолет работал отлично, — хотя рассчитан он явно был на взрослого, и от силы отдачи заныло запястье.

Йаати вздохнул. Пистолет был очень хорош, — он пробивал дыры даже в кирпиче, — но запасная обойма у него была всего одна. Набивка же каждой заняла у него добрую минуту, — и, если ему не хватит этих тридцати двух выстрелов... да и патронов у него всего на шесть таких обойм...

Поднявшись, он пошел вниз, к входной двери. Здесь, в темном тамбуре, справа, была ещё одна дверь, деревянная, такая же разбухшая. Она подалась с противным приглушенным треском, за ней висел влажный глухой мрак. Сунувшись внутрь, Йаати пошарил по стене. Выключатель... ага!

Он почти ожидал, что ничего не получится, — но, к его облегчению, вспыхнул ровный, тусклый свет. Йаати проскользнул внутрь, захлопнул за собой дверь. Два пролета затхлои лестницы привели его к следующей двери, в подвал.

Он вновь заглянул внутрь, нашарил выключатель. Свет загорелся и здесь, осветив

низкие своды и сваленный у стен хлам. Тишина тут буквально звенела в воздухе. Йаати замер, вспоминая карту, потом опять пошел вперед. Метров пятьдесят прямо, потом налево...

Фемма не ошиблась, — здесь в осыпавшуюся стену был врезан грубый бетонный портал с тронутой ржавчиной дверью. Йаати с трудом провернул тугое колесо, и с ещё большим усилием распахнул дверь. За ней был коридорчик с второй такой же дверью, а за ней сложенная из чугунных тубингов шахта, неожиданно глубокая, метров в пятьдесят, — в свете цепочки тусклых ламп дно казалось маленьким кружком. Здесь неожиданно густо пахло не то соляжкой, не то машинным маслом. Справа вниз уходила череда затянутых сеткой площадок со стальными лесенками, и Йаати, вздохнув, пошел к ним, — спуск ему предстоял долгий...

19.

Внизу оказалось холодно и сыро, в бетонных желобах лениво журчала вода. От дна шахты крестом расходились туннели. Йаати вновь замер, вспоминая карту... потом решительно пошел направо.

С каждым шагом запах, казалось, становился всё гуще. Свет здесь не горел, лишь откуда-то сзади на стены падали быстро слабеющие отблески. Впереди сгущался первобытный мрак, и Йаати почувствовал себя очень неудобно: в неровном журчании воды ему постоянно мерещились какие-то другие звуки. Где-то здесь должна быть ведущая наверх лестница... ага, вот и она.

Йаати поднялся по ней... и замер. Он попал в огромное пространство, границ которого не мог определить, — его заполняла тускло светящаяся серо-фиолетовая мгла. Дно покрывала непонятная темная жидкость, по которой бродили...

Теперь он понял, что фемма говорила о «кувшинах». Эти странные, светившиеся тускло-желтым существа в самом деле походили на кувшины ростом метра в полтора, — даже с крышками, которые приоткрывались, выпуская облачка тусклого пара. В отличие от настоящих кувшинов у них, однако, были тонкие руки, свисавшие почти до земли. Ноги их скрывались в жидкости, — казалось, что эти существа скользят прямо по ней. Их тут оказалось много, — он видел сразу несколько десятков. Они неспешно двигались туда и сюда, не сближаясь, однако, друг с другом, без всякой видимой цели. И совсем не казались опасными, — но проверять предупреждение феммы Йаати совершенно не хотелось. Он опустил пистолет и замер, пытаясь сориентироваться. Да. Теперь налево...

Он сошел с бетонного квадрата, почти по колени погрузившись в густую вязкую жидкость. В самом деле, не то мазут, не то машинное масло. Его запах, казалось, сгущал здесь воздух, от него кружилась голова, и он как мог быстро пошел вперед, непроизвольно ёжась: одна искра, — и всё это подземелье превратится в огненный ад, или вообще взлетит на воздух, вместе со всем, что над ним построено. Стрелять тут не стоило: узнать, опасны ли «кувшины», такой герой точно не успел бы...

Йаати замер, едва не налетев на одного, и торопливо попятился. Прикасаться к ним не хотелось и без предупреждений. Страшными они не были, но вот чуждыми, — сверх всякой меры. И неживыми, совершенно точно, — любая форма жизни в такой вот атмосфере быстро скопытилась бы. Роботы? Духи? Вообще какая-то невообразимая чертовщина, для которой в

его родном мире даже нет названия?..

Голова у Йаати закружилась, он брел среди «кувшинов», словно в каком-то бредовом, диком сне. Впереди стоял сплошной сероватый туман... лишь стукнувшись об него, он понял, что врезался в стену. Куда теперь — вправо, влево?..

Мотнув головой, он отступил назад и осмотрелся. Ему повезло, — справа в стене чернел проем, к счастью, не затопленный, — к нему вела короткая лесенка. Йаати торопливо вскарабкался по ней, и, вытянув вперед руки, побрел в темноту. Ага, вот и дверь...

Он с трудом повернул колесо, отвалил тяжеленную створку, проскользнул внутрь — и, лишь захлопнув её и вдохнув благословенный чистый воздух, позволил себе осесть на пол...

20.

Он не представлял, сколько сидел у стены, бессмысленно глядя на длинные, пыльные лампы. Голова у него кружилась, в ушах оглушительно звенело, — он, в самом деле, основательно нанюхался. Тело было непривычно, отвратительно ватное, и Йаати брезгливо поморщился: он не привык к вот такому, привык всегда быть сильным... похоже, что зря.

Недовольно помотав головой, он всё же поднялся, держась рукой за стену. Этот коридор был квадратным, пустым, почти чистым. На полу ровным нетронутым слоем лежала пыль, — никто не бывал тут, минимум, несколько лет. Куда теперь, — вправо, влево?..

Йаати вновь мотнул гудящей головой, пытаясь собрать мысли. Они шли четко, но как-то неохотно, трудно, словно проплывая через какую-то неосязаемую, но вязкую среду. Наконец, бессвязные обрывки сложились в карту. Опять налево, да... Мерцающий пунктир ламп там, казалось, уходил в бесконечность...

Йаати прищурился, вновь мотнул головой, — она до сих пор противно кружилась, — и медленно пошел вперед. Движение немного помогло, — он смог выпрямиться, и даже перестал цепляться рукой за стену. Длинный коридор уперся в новую дверь, за ней в прямоугольной шахте железная лестница вела вверх, но невысоко, — этажа на четыре.

Цепляясь за поручни, Йаати побрел по ней, останавливаясь на каждой площадке. Ему стало лучше, но не до конца, — голова по-прежнему кружилась, а тело оставалось неприятно тяжелым. Снова коридор, поворот, другой, дверь...

В этот раз он попал в какой-то закуток между дверью и массивной металлической вертушкой. За ней был пустой, ярко освещенный зал, справа — пустая же стойка дежурного. Судя по плакатам на стенах, он попал в полицейский участок, непонятно зачем нужный тут, в глубоком подземелье.

Осмотревшись, Йаати толкнул вертушку и вошел. Внутри царил мертвая тишина, воздух был какой-то пустой, совсем без запаха. Похоже, что уже очень давно тут вообще никого не было...

Краем глаза он заметил какое-то движение, машинально поднял пистолет, хотя и знал, что в таком вот состоянии наверняка промажет. Потом удивленно моргнул.

Дверь слева вела в какую-то небольшую комнату, похожую на караулку. В ней, на стене, мерцало несколько включенных телевизоров, — плоских, словно картины. На одном из них он увидел знакомую уже улицу, на которой беззвучно мельтешили фиолетовые твари, на других, — какие-то крыши и дворы, к счастью, пустые.

Мотнув головой, Йаати подошел к ним. Здесь, глубоко под землей, за множеством

стальных дверей, картинка казалась нестрашной и ненастоящей... казалась.

Напротив, у стены, стоял старый продавленный диван, очевидно, предназначенный для наблюдателей, и Йаати захотелось плюхнуться на него. Желание было, разумеется, глупое, он сам понимал это. Даже здесь от одного вида этой мерцающей нечисти в голове пробуждался отчетливый, но жуткий шепоток безумия.

Вдруг на экране полыхнул яркий свет. Угол дома взорвался и обрушился, увлекая массивный гребенчатый пилон, один из двух, создававших защитное поле, которое немедленно погасло. Йаати не видел, что случилось, но понял, что тут не обошлось без орудия трехногой твари.

На какое-то время картинка исчезла в клубах пыли, — а, когда она рассеялась, Йаати увидел, как другие, ирреальные твари, ровной цепочкой втекают в ту самую дверь, в которую он сам прошел совсем недавно. Теперь они двигались удивительно организованно, и очень, очень быстро.

Йаати невольно подумал, что стало с феммой. Он понимал, что должен убираться отсюда, — его отделяло от поверхности несколько дверей, но ни одна из них не запиралась, — но не мог сдвинуться с места, словно загипнотизированный, пока картинка на экране не сменилась.

Наверное, камеры реагировали на движение, или экраны показывали изображение лишь с тех, перед которыми что-то двигалось. Йаати увидел то самое подземелье с «кувшинами», на сей раз — откуда-то высоко сверху. Теперь он понял, что фемма не врала: из-под крышек «кувшинов» выхлестывались вдруг пучки страшных, бледно светящихся щупалец, наверное, нематериальных. Они хватали, оплетая, ирреальных фиолетовых тварей, — и те вновь начинали мерцать, превращаясь уже во что-то невообразимое, одновременно сжимаясь в какой-то жуткий дергающийся шар — который вдруг мощно разрывало изнутри, рассыпая останки по всему залу. Картинка была совершенно беззвучной, и, казалось, не имела отношения к реальности, — но Йаати не мог оторваться от неё. Поток втекающих в зал фиолетовых тварей казался бесконечным, — но это напоминало не битву, а истребление колорадского жука, — или, скорее, казнь.

Но этот безумный, казалось бы, напор имел, однако, явные шансы на успех. С «кувшинами» начинало твориться что-то, явно неладное: едва они вцеплялись в очередную тварь, их начинало трясти, словно током, а потом они... начинали меняться. Их тоже раздувало изнутри, превращая в какие-то шипастые шары, цвет их менялся на какой-то невообразимый, — похоже, что камеры оказались не в силах его передать.

Йаати не знал, сколько смотрел бы на всё это, и что с ним стало бы в итоге, — но на экране вдруг мелькнуло что-то непонятное. Он вспыхнул ярко-белым и погас, — а всего миг спустя пол мощно толкнул Йаати снизу. Со всех сторон сразу накатила низкий гул, свет замигал, с потолка что-то посыпалось. Йаати испуганно замер... но тут же всё стихло.

Он ошалело помотал головой, словно очнувшись, и пытаясь понять, что же он видел. Были ли это падающие куски крыши — или же что-то другое, уже не представимое?.. Но оставаться здесь явно не стоило. В последний раз посмотрев на экраны, — половина их погасла, а остальные показывали лишь пустые полутемные дворы, — он вышел в вестибюль, из него — в коридор, в конце которого виднелась темная, тускло блестящая стена, прорезанная единственным порталом. Вход в него преграждала выступающая тупым углом дверь из уже знакомого черно-сиреневого металла. Рядом с ней на стене горел алый глаз замка.

Йаати подошел к нему и дернул за тугой рычаг. Тот поддался и лязгнул, — но ничего больше не случилось. Он вздохнул и осмотрелся. Тут было ещё несколько дверей, как оказалось, незапертых, — но в комнатах за ними не нашлось совершенно ничего интересного, обычные спальни, как в общежитиях, и конторы. В другом конце коридора нашлась серая бронированная дверь, ведущая, очевидно, в оружейную комнату, — но на сей раз запертая. Йаати бездумно потыкал в кнопки кодового замка, потом ещё раз вздохнул и задумался, стараясь вспомнить карту. Наверное... да — нужный ему коридор был как раз за той, черно-сиреневой дверью. Чтобы попасть к башне, он должен как-то открыть её... но вот как?..

Он сел у стены, мрачно глядя на алый глаз замка. Мелькнула мысль вернуться назад, к фемме, и расспросить её как следует, — но подземелье с «кувшинами» взорвалось и обвалилось... в самом лучшем случае. В худшем же он угодит прямо в объятия спешащих сюда тварей. Нет, вернуться не выйдет, а значит...

Какая-то мысль царапнула краешек сознания, — и Йаати замер, даже опустил ресницы, стараясь не спугнуть её. Наверное... а, да!..

Он торопливо полез в сумку и вытащил маленький «фонарик». Алый цвет его объектива напоминал замок, — и Йаати надавил на большую клавишу, шершавую и как будто влажную на ощупь. «Фонарик» тут же вспыхнул тусклым, неравномерно, почти незаметно быстро мерцающим светом. Словно...

Сердце у него ёкнуло — это наверняка был кодовый сигнал!.. Вскочив, Йаати подбежал к двери и поднес «фонарик» к алтому глазу замка.

В первый миг ничего не случилось, и он успел подумать, что возвращаться всё-таки придется... но тут выступающие тупым углом броневые панели с глухим гулом и лязгом выдвинулись вперед и разъехались в стороны, открывая сумрачный, высокий коридор с глухими металлическими стенами.

Йаати осторожно вошел внутрь... и едва не подскочил до потолка, когда дверь с лязгом закрылась за ним. С потолка тут свисали какие-то штуковины, похожие на пулеметы, или, скорее, на небольшие пушки, — с толстыми стволами. Они сами по себе двигались вправо и влево, словно высматривая добычу, и Йаати невольно попятился. Он не сразу понял, что эти штуковины давно могли выстрелить в него.

С трудом переведя дыхание, он осмотрелся. Зеленоватый, словно бы глубоководный свет и мертвая тишина физически ощутимо давили на нервы. Справа коридор упирался в такую же броневую дверь, слева — в массивную раму, перекрытую мерцающим силовым полем, и Йаати, тревожно осматриваясь, пошел туда. Шорох сандалий по полу бил здесь по ушам, и он разулся, прицепив их к ремню.

Стальной пол оказался совершенно ледяным, и Йаати передернуло, — он даже представления не имел, как холодно может быть босиком. Но даже это оказалось лучше того шороха... так неприятно напоминавшего тот, *другой* шорох — шорох безумия.

Как мог быстро, Йаати пошел вперед, к полю. Здесь оно оказалось плотнее обычного, и он никак не мог толком разглядеть, что за ним. Какое-то большое, явно пустое помещение... но это и всё. Он вздохнул и, зажмурившись, шагнул вперед. Казалось, он вошел в невероятно густую паутину. Тело под одеждой закололи тысячи крошечных разрядов... и всё кончилось. Он осторожно приоткрыл глаза.

За полем был сумрачный, высокий зал с четверкой врезанных в стены громадных, сложной формы штуквин со странными, словно бы затянутым смутной мглой, «глазами» в

центре. В дальней стене темнел портал, почему-то перекрытый частоколом массивных металлических балок.

Здесь слышалось слабое, на грани слуха, гудение, исходившее от этих странных штуковин... и такое же слабое шипение воздуха, который засасывало там куда-то внутрь. Мгла «глаз» невольно притягивала взгляд. Йаати никак не мог понять, что же он видит: казалось, что дыры в самой Реальности. По всему его телу резкой волной прошел озноб, все волоски на нем, казалось, не только поднялись дыбом, но и вибрировали с невероятной быстротой. Смерть, смерть, — всё здесь было пронизано ею.

Невольно передернув плечами, он торопливо подошел к порталу. Возле него тоже горел алый глаз замка, так что он направил на него ключ-фонарик и нажал кнопку.

Несколько секунд ничего не происходило... потом наверху что-то загудело, и балки начали одна за другой подниматься, открывая проем. В него хлынул бледный бело-зеленый свет. Невольно задержав дыхание, Йаати шагнул в него... и удивленно замер.

Он стоял на узком металлическом перроне, глядя внутрь узкого, бронированного, очевидно, вагона, — с глухими, наклоненными внутрь стальными стенами, пустого, — он видел лишь рифленый металлический пол. Вправо и влево, насколько хватал глаз, тянулся бесконечный туннель с такими же темными стенами, наклоненными внутрь. Массивные вертикальные ребра и балки превращали его в сумрачную анфиладу. Свет бесконечной цепи бело-зеленых ламп словно впитывался темным металлом и темным щебнем на дне. Здесь царила совершенно мертвая, звенящая тишина. Холодный, влажный воздух был, казалось, совершенно неподвижен. Слабо пахло сырым железом. И всё.

Испуганно осмотревшись, — тишина и пустота действовали ему на нервы, — Йаати осторожно вошел в вагон. В самом деле, пустой, даже без сидений. Лишь впереди был небольшой пульт.

Йаати подошел к нему. Он весьма смутно представлял, как управлять поездами, но гадать долго не пришлось, — справа торчала массивная рукоятка, и, едва он нажал на неё, наклонная панель двери с жужжанием перекрыла выход. Потом под ним что-то лязгнуло. Вагон тронулся так резко, что Йаати чуть не упал на пол, едва успев схватиться за пульт. Тут был небольшой экранчик, на котором виднелся плывущий навстречу туннель. Какое-то время он смотрел на него, потом сел на пол, привалившись к стене. Равномерный стук колес и равномерные содрогания пола успокаивали. Он, наконец, ехал к своей цели, а весь безумный, страшный мир остался, наконец, позади.

21.

Йаати разбудил противный скрежет тормозов. Почти тут же его мягко повалило на пол, — он так и заснул, сидя у стены. К его счастью, тут была какая-то автоматика, — она остановила поезд в конце пути, иначе дело могло кончиться куда как хуже...

Помотав головой, он поднялся. Дверь вагона уже отошла, и он вышел, осматриваясь, в огромный, сплошь металлический зал. Подпертые пилонами террасы поднимались вверх ярус за ярусом, — там, наверху, наверное, уже метрах в ста, два врезанных в плоскую крышу матовых квадрата струили тускло-белый свет. Судя по толстенным направляющим, тут был лифт, поднимавший сразу два вагона, и, глядя на всё это, он ощутил себя едва ли не козьявкой.

Вздыхнув, Йаати пошел вдоль монолитных стен, и всего через минуту наткнулся на лифт поменьше. Прозрачная площадка понесла его вверх с мягким шипением, едва он ступил на неё, и он замер, глядя на убегающие вниз лампы, как во сне. Потом вышел в верхний зал — с темными, наклоненными внутрь стенами, подпертыми ребрами из чудовищных металлических балок. Такие же балки перекрывали проем, в который упирались идущие от шахты подъемника рельсы.

Вздыхнув, Йаати пошел вдоль монолитной стены. У неё стояли пульта со странными, неправильной формы экранами, на которых мерцали какие-то пустыри и косогоры. Справа её прорезал портал поменьше, его перекрывали знакомые уже ворота из разнокалиберных балок. Йаати поискал замок, потом нажал на массивную рукоятку. Наверху что-то загудело, и балки начали одна за другой подниматься, открывая ещё один сумрачный, просторный зал с четверкой непонятных штуковин по стенам. В их «глазах» серела такая же пустая бездонная мгла, и его передернуло. Перекрытый силовым полем проем напротив вел в какой-то поперечный коридор, и он, осмотревшись, как мог быстро вышел в него.

Этот коридор оказался очень просторным, и в нем ему стало... неуютно. Зеленоватый свет длинных ламп и мертвая тишина пугали уже не так сильно, — но под потолком тут беззвучно двигались турели, и от одного взгляда на это плавное, мертвое движение Йаати вновь пробил озноб. Он невольно обхватил руками бока, нервно зевнул и осмотрелся. Слева коридор упирался в очередные ворота из балок, справа выходил в какой-то зал, и он, тревожно оглядываясь, пошел туда.

Зал оказался очень большим, высоким, полутемным. В нем, ряд за рядом, стояли громадные броневики, — каждое из шести их колес было высотой, похоже, метра в два. Йаати, удивленно приоткрыв рот, бродил между них, чувствуя себя сейчас очень маленьким. Эти машины — высоченные, с тускло блестящими серыми бронепанелями, — ничем не походили на восьмиколесные БТР Сарьера, приземистые и темно-зеленые. У них были решетчатые бамперы, зеркала заднего вида и небольшие окошки из толстого, сантиметров в десять, стекла. Он захотел заглянуть внутрь, — но от пола до откидных дверей в бортах было добрых метра полтора, к тому же, никаких ручек на них не наблюдалось.

Машины казались совсем новыми, от них пахло маслом и резиной, но Йаати как-то чувствовал, что они стоят здесь уже давно. Воздух в ангаре был затхлый, холодный и неподвижный, — свет здесь горел, но вентиляция уже не работала. Эта заброшенность пугала, — сейчас он чувствовал себя мальчишкой, забравшимся туда, где ему совсем не стоило бывать, — туда, где обитают настоящие призраки.

В конце концов, он дошел до дальней стены зала. Здесь были закрытые ворота, ведущие, наверное, в какой-то склад, и он вернулся в коридор. У ворот в его конце был небольшой пульт, и он бездумно нажал на самую большую кнопку.

Наверху что-то загудело, балки ворот одна за другой поползли вверх, открывая пустой бетонный двор. Он упирался в составленную из выгнутых бронепанелей стену, — а над ней на фоне закатного неба, угрюмо темнели кроны елей.

Вдохнув сырой, холодный воздух, Йаати удивленно моргнул. Должно быть, он поехал не в ту сторону, и попал куда-то за пределы города. Но возвращаться в мрачное подземелье не хотелось, и он вышел во двор, неожиданно обширный. С трех сторон его замыкал высокий обрывистый склон, на гребне которого торчали бронированные коробки бункеров. Слева тянулись пути железной дороги, — они начинались от ворот в ограде и упирались в бетонный портал в склоне. Дальше виднелся десяток железных сараев и какие-то

контейнеры. Возле них стоял ещё один броневик, поменьше, — бронированный джип на огромных колесах. И всё.

Йаати пошел к нему, настороженно осматриваясь. За его спиной раздался грохот, — балки ворот одна за другой опускались, перекрывая проем, и он едва не подскочил, с трудом переводя дыхание. Потом всё же опомнился и пошел дальше, осматриваясь. Въезд для вагонов, конечно, оказался перекрыт, — ещё более массивными балками. За ним, однако, нашлось врезанное в склон одноэтажное бетонное здание, пустое и ярко освещенное. Йаати осторожно вошел в него.

Тут, очевидно, было что-то вроде караулки, — какие-то пульта, кресла и оружейные шкафы, сейчас пустые. На стенах висели два плаката. На первом бесконечные ряды солдат в уже знакомой ему серой броне и глухих шлемах тянулись куда-то в горизонту, над которым сквозь тучи в зенит уходила та самая колоссальная башня. На втором они же шли вперед среди каких-то развалин, над которыми кружило два угловатых бронированных вертолета. Вокруг лежали буквально горы мертвых тварей, — и солдат на переднем плане, поставив ногу на лежащего «руканога», стрелял ему из пистолета в голову. Брызги крови смотрелись очень натурально, и Йаати передернуло. В этом плакате было что-то, необъяснимо гнусное, и эта мысль очень ему не понравилась. В конце концов, он сам был человеком, и мир вокруг был человеческий... и эти твари вторглись в него... но в самой архитектуре этой подземной крепости было что-то мертвящее, а призрачно-серая мгла в «глазах» уже откровенно пугала...

Надписи на плакатах, как и раньше, были ему непонятны, и Йаати удивленно замер. Потом достал из сумки банку с бромом и посмотрел на неё. Да, всё верно: буквы те же, но на плакатах они складывались в какую-то совершенно непонятную чушь. Это точно был не линнский, теперь общий для Сарьера язык. Сама банка, судя по надписи на этикетке, была выпущена Усть-Манским заводом химических реактивов, в 214 году, — то есть, почти четверть века назад, когда самого Йаати ещё не было на свете. Он постарался вспомнить, есть ли в его Сарьере Усть-Манск или хотя бы река с названием Ман, но так и не смог.

Похоже, что он далеко не первым попал сюда, — но никаких роботов в Сарьере не было, разве что в Парящей Твердыне, — но как раз для неё эта фемма выглядела слишком примитивной. Правда, тут он, в общем, ничего не знал. Кто мог отправить её сюда? Откуда взялись все эти вещи?..

Опомнившись, Йаати осмотрел находки, — но маркировка на них ничего ему не говорила. Впрочем, в ней он тоже совсем не разобрался. Таких вещей в Сарьере вроде бы не делали, — но что он, в сущности, вообще знал о нем?.. Страна занимала пятьдесят миллионов квадратных километров, в ней жило восемьсот двадцать миллионов человек, — и он даже не знал названий всех её городов, не говоря уж о том, что выпускали их заводы. Информация такого вот рода вообще не поощрялась, — военная особенно. Йаати знал, что существуют бандиты, мятежники, какие-то изуверские секты, — но один ли он попал в этот вот мир?.. И не приходил ли кто-то отсюда — туда?.. Случайно ли начался мятеж в Тарне?.. Случайно ли именно в тот самый день открылась та военная выставка?.. Что знал Сверхправитель, почему Сарьер, не воевавший уже больше двух веков, сохранял полноценную армию?.. На все эти вопросы ответов у него не было.

Йаати недовольно помотал головой и ещё раз осмотрелся. В задней стене караулки была массивная стальная дверь. Пару минут он возился с ней, пока не догадался повернуть запорный рычаг и откатить её в сторону. За ней обнаружился темный коридор с второй

такой же дверью, за ней — квадратная, ярко освещенная комната, ещё с парой таких же дверей и лифтом. Йаати немедленно вошел в него и нажал кнопку. Решетки с лязгом сдвинулись, лифт пополз наверх, — медленно, с рывками и какими-то странными потрескиваниями. Похоже, что им тоже давно уже не пользовались, и он с облегчением вздохнул, когда лифт доставил его в очередную пустую комнату. Застрять в нем точно не хотелось.

Миновав ещё одну стальную дверь, он попал в длинный коридор, с рядом дверей по левой стороне. За первой же из них лестница вела наверх, в бункер — пустой, с длинной, почти полукруглой прорезью в передней стене, затянутой тускло мерцающим силовым полем. С трех сторон, на привинченных к полу массивных станинах, стояли знакомые уже турели. Какие-то толстые кабели или шланги вели от них к металлическим шкафом на стенах, и в них что-то приглушенно гудело. Судя по ним, это было что-то вроде огнеметов — или, скорее, какое-то неизвестное в Сарьере оружие, — по крайней мере, неизвестное людям.

Он подошел к ближайшей турели, чтобы рассмотреть всё хорошенько, — но она вдруг резко дернулась, словно пытаясь развернуться и выстрелить в него, а в шкафу, в который уходили тянувшиеся от неё кабели, что-то резко застрекотало. Йаати попятился от этой машинной не-жизни... пока не уперся в заднюю дверь бункера. Нашарив кнопку, открывающую дверь, он вылетел наружу... и перевел дыхание лишь, когда её бронепанели сошлись. Потом отвернулся и замер, осматриваясь.

Он стоял на краю пустого двора, окруженного такой же металлической стеной высотой метра в четыре. В центре торчало что-то вроде усеченной пирамиды, увенчанной массивным куполом. Из него торчало короткое ребристое жерло огромного орудия, очевидно, зенитного, — оно могло подниматься вертикально. По углам пирамиды были четыре небольших каземата с турелями, и Йаати вновь дернулся... но тут же понял, что не является целью, — иначе его уже пристрелили бы.

Вздохнув, он подошел к краю обрыва. Две нитки тускло блестящих рельс, начинаясь от ворот, убегали к мутному багрянцу заката. Справа и слева стеной стоял мрачный лес. За спиной — он обернулся — тоже.

Ещё раз вздохнув, Йаати подошел к стене. В ней были раздвижные ворота, рядом с ними наверх вела лестница, и он быстро поднялся по ней. За воротами в лес убегала заросшая уже дорога. На стене через каждые пять метров стояли те же турели, прикрытые с боков гранеными бронещитами, упорно целясь в угрюмую темноту зарослей. Над елями тусклым багрянцем отливала треугольный массив башни, — отсюда он уже не казался таким подавляюще громадным. Вот, собственно, и всё. Ни движения, ни звука. Только...

Йаати замер и прислушался. Мертвая тишина, очень необычная для леса... только в ушах — или, скорее, где-то между ними, — вновь отчетливо зудело. Он помотал головой, но ощущение не исчезло. Ему не казалось... и, похоже, это ощущение и мертвая тишина вокруг были как-то связаны. Ему вспомнились беззвучные свистки для собак... но тут что-то другое, не связанное с акустикой. Однако же, явно эффективное, — в городе нечисть буквально кишела, а тут...

Он вновь вздохнул и, осматриваясь, пошел по галерее. В стену тоже были врезаны бункеры, — словно строителям не хватало турелей, — но за ней больше ничего не было, никаких проволочных заграждений или ежей, которые обычно ставят перед укреплениями. Только метров пятьдесят расчищенной когда-то земли, уже начавшей зарастать

кустарником.

Наконец, он дошел до обрыва. Стена здесь загибалась внутрь, образуя нечто вроде бастиона, в котором стоял ещё один бункер, и Йаати остановился тут, осматриваясь. За стеной плато рассекал овраг, за ним начиналось редколесье, — а за ним стояло металлическое здание высотой, примерно, этажа в четыре, с почти плоской крышей и стенами, похожими на жалюзи, — из наклонных полос. Они тускло серебрились в гаснущем закатном свете. Здание казалось совсем новым, до него был километр или чуть больше. Йаати захотел сходить туда... и его остановила лишь мысль о том, что идти ночью в кишачий тварями лес точно не стоит.

Вздыхнув, он спустился со стены, потом, подумав, подошел к обрыву, глядя на ярко освещенный двор. Там, конечно, ничего не двигалось, лишь у зеленовато-белых вертикальных ламп кружилась какая-то мошкара. Делать тут было нечего, и он подошел к двери ближайшего бункера. У неё тоже горел алый огонек замка — но, когда он направил на него ключ, дверь не открылась. Он попробовал ещё раз... потом ещё... но здесь, очевидно, был совсем другой код. Для порядка он подергал тугой рычаг замка, потом отвернулся и замер, осматриваясь. Ну да... наверное, он сможет...

Стоявший в углу стены бункер нависал над обрывом, но Йаати, едва дыша, смог доползти до места, где его руки дотягивались до края амбразуры. Как он и ожидал, силовое поле их пропустило, и он, подтянувшись, перевалился внутрь. Облегченно вздохнув, — по крайней мере, ночевать в этом дворе не придется, — он спустился в коридор, а потом на лифте вниз, решив выяснить, куда ведут две других двери. За левой оказалась обширная казарма с двухэтажными койками, пустая. В её дальней стене была уже знакомая ему раздвижная бронедверь, очевидно, ведущая в шахту подъемника, — но она тоже не открылась, и Йаати огорченно вздохнул. Он уже понимал, что бродить, где захочется, не сможет.

Правая дверь вела в сводчатый коридор, залитый холодным белым светом. Он упирался во вторую дверь и поворачивал направо, потом налево, потом снова налево, огибая что-то вроде построенного под землей бункера. Здесь в стене зияла узкая ступенчатая амбразура.

Йаати осторожно пошел вперед. Покосившись на прорезанную амбразурой броневую плиту, — из неё торчал толстый ствол турели, — он миновал массивную решетку, и повернул направо. Здесь, за рамой с силовым полем, был короткий коридор и очередная раздвижная бронедверь, выгнутая наружу тупым углом.

Он поискал взглядом замок, потом нажал на массивную рукоятку. С гудением и лязгом броневые панели вдавились, а потом разошлись в стороны. За ними угрюмо синел вечерний сумрак. Йаати секунду смотрел на него, потом всё же выглянул наружу. Дверь почему-то открывалась в овраг, под бетонной площадкой у неё шумел бурный ручей.

Он поискал глазами мостик, — но тут дверь закрылась перед ним. Вновь открыв её, он выглянул наружу. Как он уже и ожидал, никаких замков снаружи не имелось, и, когда дверь вновь закрылась, Йаати устало уселся у стены, похвалив себя за осторожность, — ещё пара шагов, и он остался бы ночевать в лесу. День, мягко говоря, выдался нелегкий, и ехать к башне в таком вот состоянии не стоило.

Он вернулся в казарму, где, к его радости, обнаружился душ с горячей водой. Йаати всласть напился, вымылся — и, не одеваясь, как есть, плюхнулся спать.

1.

Проснувшись, он какое-то время смотрел на дно верхней койки. Ему приснился кошмар, — какой-то совсем глухой, дикий лес, заваленный буреломом, и там, в самой глубине зарослей, что-то смутно-белое, похожее на человека, — и, в то же время, совершенно не похожее. Он встретился с ним взглядом... и проснулся. Это видение казалось совсем реальным, и настроение у Йаати было скверное. Он вновь забрался под душ, — но это ничуть не улучшило его.

Ругаясь про себя, он поел, оделся и отправился осматривать свои владения. Ведущая в караулку бронедверь открылась легко. В неё потоком хлынул бледный дневной свет.

Йаати, щурясь, смотрел на него, потом всё же выглянул наружу. Солнце стояло уже высоко, — спал он долго, — но пустое небо затягивала та же мертвенная белесая мгла. Воздух был теплый и влажный, пахнувший хвоей, — но вокруг царила мертвая тишина, и ему вновь стало неуютно. Погода стояла прекрасная, — но из-за этой мглы день всё равно казался таким мрачным, что почти не хотелось жить...

Выходить во двор тоже не хотелось, — но и возвращаться в казарму было не за чем, так что он, наконец, заставил себя выйти. Тишина и неподвижность тревожили, — ему даже начало казаться, что за ним наблюдают.

Йаати крутанулся на пятке, пытаясь заметить хоть кого-то, — ему казалось, что кто-то прячется у него за спиной, — но там оказалась лишь пустая, покинутая им караулка, в которой, совершенно точно, никого не было.

Недовольно мотнув головой, он направился к воротам, — ехать к башне не хотелось, но и здесь делать было нечего. Он поднес ключ к замку и нажал кнопку... но ничего не случилось. Йаати нажал на кнопку ещё раз... потом ещё... потом заглянул в глазок ключа. При свете дня разглядеть, работает ли он, не получалось. Он сунул его в кулак и поднес прямо к глазу. Когда он нажал кнопку, свет загорелся, — но едва-едва. Похоже, что в ключе села батарейка, — что и неудивительно после стольких лет. Он торопливо развинтил корпус и достал её, — какая-то совершенно незнакомая модель. И из-за этой жалкой дряни он застрял тут!..

Пару секунд он злобно смотрел на неё, потом сунул ключ в карман и стукнул кулаком по холодному металлу. Боль привела его в чувство и он, опомнившись, отступил, осматривая замок. Их тут нашлось два, — по обе стороны проема. Он нажал на рычаги каждого, но ни один не сработал.

2.

Какое-то время Йаати бесновался, лупя кулаками по балкам и проклиная себя за наивную глупость. Потом всё же опомнился и пошел назад, решив попробовать другой вход. Но и дверь в казарме осталась, разумеется, запертой. Йаати злобно зашипел, — он уже понимал, что на сей раз влип серьёзно. Вернувшись к лифту, он вышел в верхний двор, — и

вновь выругался, когда броневые двери бункера сошлись у него за спиной. Опять придется лезть в окно, рискуя сорваться и полететь вниз... ну так и поделом ему!..

Не зная, что делать, он поднялся на стену и осмотрелся. Лес за ней казался совершенно безжизненным, над ним темнел далекий силуэт башни. Йаати захотелось плюнуть на эту проклятую крепость, и пойти к ней... и он с большим трудом подавил это желание. До башни было добрых километров тридцать или больше, и пройти их он бы просто не смог, — точно не среди всех этих жутких тварей.

Он бездумно пошел вдоль стены, и замер, вновь заметив серебристое здание. Оно смотрелось очень странно, — с единственной толстой короткой трубой, косо торчавшей из сплошной на вид крыши. Йаати захотел сходить туда... и его остановила лишь мысль, что вернуться сюда он не сможет.

Вздыхнув, он подошел к самому концу стены, глядя на уходившие к горизонту рельсы. Казалось, что там, на самом краю, — там, где мгла неба смыкалась с землей, — колышется какая-то смутная, непонятная масса... но, может, это просто дрожал нагретый солнцем воздух...

Йаати недовольно мотнул головой. Погода опять стояла очень странная, — безветренная, ни тепло, ни холодно. Солнце совершенно не грело, — но воздух вдаль словно бы терял прозрачность, сливаясь с висевшей у горизонта мглой. Он вновь пожалел об отсутствии бинокля... но, даже если он видел не мираж, до этого странного, призрачного движения оставалось, как минимум, несколько километров. Оно, конечно, не пугало, — но неким странным образом тревожило. По крайней мере, никакого желания сходить туда и посмотреть, не кажется ли ему, у Йаати не возникло.

Стоявший у складов джип навел его на мысль о лихой поездке к башне, — но, спустившись к нему, он задумался. Водить он не умел, от слова «совсем», к тому же, бронированная дверь кабины оказалась, конечно, заперта.

Впрочем, обойдя джип кругом, он обнаружил, что кузов у него открытый, — и быстро забрался в него. Здесь стояло шесть кресел, — и ещё два в открытой сзади кабине, — и он радостно плюхнулся в кресло водителя.

Радость его, однако, оказалась преждевременной. Ему удалось включить фары... на этом его успехи и кончились. Ключа зажигания у него, разумеется, не было, — а как завести машину без него, Йаати не знал. Над кабиной, правда, стоял вполне обычный пулемет, и у него появилась идея пострелять по замкам ворот туннеля, — хуже всё равно не стало бы, — но в стальной коробке не оказалось ленты.

Йаати плюхнулся в одно из кресел для десанта, глядя на замусоренный двор, и нервно кусая ногти. В голове у него мелькнула мысль поискать патроны, и он, спрыгнув с машины, подошел к ближайшему сараю. Железная дверь была, конечно, заперта, и он обошел здание. Явно собранное на скорую руку, — без фундамента, стены из рифленого железа, крыша тоже. Нашлось и окно, — но забранное армированным стеклом и столь грязное, что внутри ничего не удалось разглядеть.

Сев прямо на бетон, Йаати задумался. В фильмах он видел, как сбивают замки, стреляя в дверь, — но патронов у него было не так много, чтобы проверять это на практике, да и на все двери, даже тут, во дворе, их точно не хватило бы. Тут нужен инструмент попроще, — и он вспомнил, что в караулке, у стены, валялась монтировка.

Он сходил за ней, потом вернулся к сараю. Отжать дверь ему не удалось, — просто не хватило силы, — и Йаати, вздохнув, подошел к окну. Бить по нему не хотелось, — даже

думая об этом, он ощущал себя едва ли не уголовником, — и лишь через минуту он заставил себя это сделать.

Монтировка отскочила, — даже теперь он подсознательно бил вполсилы. Йаати ударил ещё несколько раз... потом, разозлившись, врезал со всей дури. Стекло лопнуло и продавилось внутрь, но сетка крепко держала осколки. Лишь после доброй дюжины ударов она, наконец, вывалилась из рамы, и он смог заглянуть внутрь. Там, однако, не нашлось ничего интересного, — стол и какие-то ящики, как на складе. Тем не менее, сунув руку внутрь, он открыл окно и залез... но не нашел совершенно ничего ценного. Ящики с непонятной маркировкой оказались пустыми, и единственной его добычей стали пачки пыльных бумаг с тарабарским шрифтом. Вздохнув, Йаати выбрался на улицу и направился к соседнему складу. Альтернатив походу к башне не осталось, — но идти не осмотрев всё тут, всё равно не стоило.

3.

Взламывая один склад и ящик за другим, он вымотался и взмок, словно мышь. Но всё, что ему удалось обнаружить, — это груда непонятных запчастей. Ни еды, ни оружия, ни чего-то, хоть как-то полезного. Вздохнув, он попробовал подступиться к контейнерам, — но не смог даже понять, как они открываются. Судя по размерам, в них скрывалось что-то объемное, но добраться до него не получалось.

Бросив монтировку, он, вновь вздохнув, осмотрелся. Солнце стояло уже низко, и странная мгла в небе стала заметно плотнее. Диск солнца расплылся в ней, превратившись в синеватое пятно. Заметно потеплело, — но тишина вокруг стала уже совершенно мертвой, лишь откуда-то издали доносился слабый шум, похожий на шум воды.

Поднявшись на обрыв, Йаати посмотрел в ту сторону. Странное мерцание над рельсами заметно приблизилось, — до него оставался всего километр или два. Теперь он четко видел, где оно смыкается с землей. Казалось, там, как над костром, бурлит похожий на жидкое стекло воздух, но разглядеть толком ничего по-прежнему не получалось.

Йаати захотел сходить туда... но это странное мерцание могло всё же оказаться миражом, а бегать за ним не хотелось. Печально вздохнув, он спустился во двор и вернулся в караулку. Здесь, кроме двери, ведущей в подземелье, была ещё серая бронированная дверь, ведущая, очевидно, в оружейную комнату, — но тоже запертая, причем, на кодовый замок. Он наугад потыкал в кнопки и даже обошел караулку в поисках какой-нибудь бумажки с кодом, — но, естественно, совершенно напрасно.

Плюхнувшись в пыльное кресло дежурного, Йаати задумался. Он обшарил всю крепость, но не нашел ни батареек, ни оружия, ни каких-то следов людей. Альтернатив походу к башне не осталось, — но странное серебристое здание не шло у него из головы. Оно стояло почти рядом, и в нем могло найтись что-то полезное, — хотя бы те же батарейки.

Вздохнув, он спустился к ведущей в овраг двери и открыл её. Подперев её каким-то ящиком, — терять путь к отступлению не хотелось, — он перешел вброд ручей и полез вверх по склону, продираясь сквозь кусты. Тяжеленная сумка с барахлом страшно мешала, но бросить её он не мог: без всех этих вещей и припасов он просто погиб бы.

Выбравшись наверх, Йаати отряхнул одежду, осмотрелся, — ничего живого вокруг не видно, — и зашагал к серебристому зданию. Никакой дороги тут, разумеется, не было, идти

пришлось прямо сквозь бурьян, который, как казалось, оглушительно шуршал, и это очень не нравилось ему, — казалось, что этот шорох слышен за километры. Слишком уж мертвая вокруг царила тишина. Лишь зуд в голове постепенно становился сильнее, и это странным образом его успокоило, — если это странное ощущение, в самом деле, как-то отгоняло тварей, бояться их тут нечего...

За низкими деревьями показалась уже знакомая стена. Йаати невольно прибавил шаг... и через минуту замер, заметив, что с её гребня, из-под прикрытия бронещитов, за ним следят турели. Раньше они в него не стреляли, — но в последний раз турель повела себя очень странно, и он не решался идти дальше. Отступить очень не хотелось, — невесть почему, это казалось ему страшно унижительным, — и, глубоко вздохнув, он всё же зашагал вперед.

К счастью, стрелять в него не стали, и он быстро добрался до стены. Глухой, четырехметровой, на монолитном бетонном фундаменте. Совершенно неприступной. Йаати, вздохнув, пошел вдоль неё, — и через минуту удивленно замер перед открытыми воротами, ведущими в просторный пустой двор. В его центре блестела ребристая коробка здания. Вокруг стояло несколько одноэтажных домиков из рифленого железа, скорее, барачков, — и какая-то машина, очень похожая на танк, даже с башней, но без пушки, как сначала показалось Йаати. Её толстенная крыша была поднята на гидравлических опорах, — и на ней светлел сероватый пластмассовый квадрат. Сама машина была тускло-серая, словно присыпанная пылью. Нет, не присыпанная, — он разглядел влажный блеск смотровых щелей или перископов. Похоже, что это просто такая вот краска...

Словно замороженный, он подошел поближе. Теперь он заметил два торчавших по бокам башни тонких ствола, и счетверенные пакеты серо-фиолетовых, тоже пластмассовых контейнеров над ними. В голове у него вдруг словно щелкнуло: он понял, что видит самоходную зенитную установку, а то, что он принял за крышу — радар. В Сарьере таких машин давно не было, — но раньше они производились, и он видел их рисунки в книгах. Правда, там они были заметно меньше и проще. Но по сравнению с фиолетовым «танком» машина казалась примитивной, и Йаати задумался.

То, что он видел под землей, говорило о технике, почти нечеловеческой. Казалось, что здесь, в этом мире столкнулись две сверхчеловеческих, — но одинаково нелюдских, — силы, и эта мысль очень ему не понравилась. Он привык верить, что Сверхправитель, сам отнюдь не человек, принес Сарьеру безусловное благо, — по крайней мере, избавил его от разных, несомненно, жутких опасностей. И мысль о том, что эта колоссальная башня и Парящая Твердыня, — порождение одной и той же силы, тоже очень ему не понравилась. Ему не хотелось, чтобы в его мир пришли все эти жуткие твари. Но и видеть людей в роли солдат на какой-то чужой страшной войне ему тоже совершенно не хотелось...

Недовольно помотав головой, он подошел к машине, — но люков в ней не было, точнее, отсюда их не получалось разглядеть. На бронеплитах, защищающих гусеницы, виднелось несколько небольших кратеров, окруженных странной металлической рябью, — такую Йаати видел однажды внутри старой водопроводной трубы. За много лет вода причудливо источила металл, покрыв его острыми изогнутыми гребешками, очень похожими на миниатюрные застывшие волны. Что-то похожее он видел и здесь, — только эта вот рябь возникла в одно мгновение, и оставила её не вода.

Йаати вспомнил странные пушки «руканогов». Плазма, вот что это было. Но пробить два дюйма монолитной стали не смогла и она. Если это, конечно, вообще была сталь, а не титан или ещё какой-то сплав.

Он задрал голову и посмотрел на стволы, — лишь рядом с массой машины они казались тонкими. Представить себе судьбу идиота, решившего пострелять в эту бронированную дуру, было совсем нетрудно. Он на такое точно не осмелился бы. На войне он никогда не был, но фильмов про неё смотрел достаточно, и чем кончается атака танков Сарьера на очередную орду каких-нибудь сектантов-изуверов, видел не раз, и даже далеко не два. Конечно, это лишь кино, — но и наяву даже спокойно стоящая стальная громадина смотрелась очень страшно.

Тем не менее, он решился подойти поближе... и испуганно замер, когда в машине что-то скрипнуло. В плоском лбу башни, в углублении квадратной обоймы, был закреплен стальной шар с круглым глазом объектива. Сейчас он повернулся и смотрел прямо на него. Как-то вдруг Йаати услышал приглушенное жужжание тока, исходившее от машины, — черт знает, сколько она тут стояла, но мертвой, совершенно точно, не была. Он невольно попятился... потом недовольно мотнул головой: будь он и в самом деле целью, он наверняка погиб бы в тот же миг, в какой зашел во двор.

Обойдя машину по широкой дуге, он подошел к зданию. Оно стояло на литой бетонной платформе, над ней поднимались похожие на огромные жалюзи стены. Быстро обойдя его, он замер у массивной стальной двери. Разумеется, запертой, но сквозь прорези стен внутрь ровным потоком втекал воздух, и Йаати задрал голову. Торцевая стена была идеально гладкой, как и крыша, и отвесной. Но в ней, сразу под коньком, зиял пустой проем окна, и он понял, что внутри стоит какой-то механизм, выделяющий тепло, — вся эта конструкция походила на громадную трансформаторную будку. Станный зуд между ушей стал здесь почти невыносимым, — похоже, что-то в этом здании и создавало его.

На секунду у него мелькнула мысль закинуть в это окно гранату или две... но это был бы уже самый верх идиотизма, и Йаати, поморщившись, быстро зашагал назад, к крепости. Поняв, что других вариантов нет, он долго стоял на ведущей к башне дороге, — но, в конце концов, понял, что просто старается оттянуть неизбежное. Зашипев от злости, он топнул, сжал зубы, — и, не оглядываясь, зашагал вперед.

4.

Но, едва он вошел в лес, в голову пробралось опасение совсем другого рода: что, если этот странный зуд в голове, в самом деле, как-то отгоняет тварей, и, как только он выйдет из зоны его действия, они атакуют его?..

Он даже дернулся назад, надеясь ещё раз попытать счастья с джипом, — но из этого всё равно ничего не вышло бы, так что оставалось довериться ногам. Тут ему или повезет... или нет, и с этим уже ничего не поделать.

Печально вздохнув, Йаати быстро зашагал дальше. И вдруг замер, словно налетев на стену. «Руканоги» стояли на дороге и, безглазые, смотрели на него.

5.

До них оставалось всего метров пятьдесят, и Йаати моргнул, не понимая, откуда они появились: только что тут никого не было, а заросли на обочинах дороги не казались

настолько густыми, чтобы они смогли в них спрятаться.

Бежать было уже поздно, так что он вскинул пистолет. Оружие резко ударило в руку, но твари не двинулись, — пуля ушла в молоко. Йаати нажал на спуск ещё раз... но у «руконогов» были плазменные пушки, — и они синхронно дали залп.

К счастью, расстояние для них всё же оказалось великовато, — плазменные заряды выгорели и взорвались, не долетев до него буквально пары метров. Волна раскаленного воздуха ударила Йаати в лицо, словно кулак, — он взмахнул руками и полетел назад, опрокинувшись навзничь. От удара из легких вышибло весь воздух.

Несколько секунд он беззвучно хватал его, словно рыба, потом всё же смог перекатиться на живот и встал на четвереньки, ошалело осматриваясь. Пистолет лежал метрах в трех. Морщась от боли, он пополз к нему, но рядом вновь взорвался плазменный заряд, а может, даже несколько, — его словно ударило доской и вновь опрокинуло на спину. Зашипев от злости, Йаати вновь перевернулся, — и тут за спиной снова что-то взорвалось. Его опять ударило нагретым воздухом, но уже не так сильно: похоже, что твари всё же не могли подойти ближе.

Эта ценная мысль придала ему бодрости. Он вновь поднялся на четвереньки, и, прямо так, не вставая, пополз к оружию. Осталось всего лишь...

За спиной словно вспыхнуло солнце. На кожу, казалось, плеснуло кипятком, потом ударная волна поддала Йаати под зад, — и он куда-то полетел, перевернувшись через голову.

В этот раз он, наверное, с минуту лежал на спине, беспомощно хватая воздух и пытаясь понять, на каком же он свете. Потом кое-как перевернулся на живот, встал на четвереньки и поднялся. Кожа на руках покраснела, как ошпаренная, от одежды воняло паленой тканью, — но в остальном всё, вроде бы, обошлось.

Ковыряя пальцами в ушах — в них оглушительно звенело, — Йаати оглянулся. Дорога была разворочена, словно на ней разорвался снаряд, вокруг неё мелькало низкое, дымное пламя, вся растительность вокруг пригнулась и пожухла.

Вначале ему показалось, что у тварей взорвались их проклятые пушки, — но сквозь лес пролегла узкая просека, отмеченная дымящимися обрубками деревьев. Похоже, что главное орудие крепости стреляло тоже плазмой, а его системы наведения могли как-то видеть цель прямо через них...

Йаати ошалело помотал головой, чувствуя, как в бесполезном уже страхе бешено заходится сердце. Он уцелел буквально чудом, — подожди твари всего секунду или две, он сейчас превратился бы в обгоревшие ошметки. Ни о каком походе к башне теперь, конечно, не могло быть и речи, и он, подобрав пистолет, побрел обратно. Его потряхивало, мир перед глазами как-то странно мерцал — не столько от контузии, сколько от потрясения. Трасса выстрела прошла совсем рядом с ним, — а, окажись он на ней, от него вообще бы ничего не осталось...

Наконец, он добрался до стены, — но открыть ворота не смог и пролез в затянутую силовым полем амбразуру. Из бункера он спустился в кольцевой коридор, а потом, на лифте, — в казарму, ругая себя за бессмысленные колебания. Он мог выходить наружу очень просто, без всей этой кутерьмы с оврагом, — если бы потрудился хоть немного подумать.

Плюхнувшись на постель, Йаати предался мрачным размышлениям. Он уже очень хорошо понимал, что поход к башне не сулит ему ничего хорошего, особенно теперь, когда твари заметили его. О том, чтобы как-то миновать их, явно не стоило и думать. С другой стороны, для спасения ему надо всего лишь найти батарею. Он не представлял, правда, где

её искать, — но даже тут, в крепости, осталась добрая дюжина контейнеров с непонятным содержимым, плюс ещё несколько домиков возле генератора защитного поля. Идти к нему не хотелось, — зуд в голове страшно раздражал и даже мешал думать, — но других вариантов не осталось...

6.

Незаметно он заснул, — и проснулся уставшим, с головной болью. Умывшись и кое-как отмыв одежду, Йаати снова выбрался во двор... и замер, даже как-то испуганно. Спал он, как оказалось, долго, и закат превратился в страшное багровое марево над черной гребенкой леса.

Вид был на удивление зловещий, и Йаати невольно передернуло. Не лучшее время для похода, — уже спускалась ночь, — но сидеть здесь до утра ему хотелось ещё меньше. Собравшись с духом, он вышел через дверь в овраге, и по его крутому склону выбрался наверх. В сумрачном лесу ему, однако, стало очень неудобно: откуда-то натянуло дым, и в странно неподвижном воздухе повис острый запах гари. Казалось, что в багровом мареве заката светится сам воздух, — и даль пропадала в этом призрачном, обманном сиянии.

Оглянувшись на бело-зеленые огни крепости, — над ней словно висело какое-то глубоководное марево, — он быстро зашагал вперед. Шорох бурьяна ужасно раздражал, и Йаати захотелось идти тише... но он, всё же, не осмелился. Свет заката, казалось, угасал на глазах, и тьма под кронами уже делалась непроницаемой. Когда впереди, наконец, показался просвет, он удвоил усилия... и удивленно замер, выйдя на обрыв. Под ним мрачным бесконечным морем лежал лес. Острые вершины елей, словно копья, торчали из туманной мглы, сливавшейся с мутным горизонтом. Картина была ирреальная, словно во сне, и Йаати недовольно помотал головой: он уже не понимал, видит ли всё это наяву, или оно просто ему кажется. Тем не менее, он свернул явно не туда.

Прикинув, где стоит генератор, он пошел в ту сторону, уже почти на ощупь... и выругался, вновь вернувшись к обрыву. Насколько он помнил, тот шел более-менее по прямой, а это значило, что он ходил кругами — или, точнее, какими-то странными дугами.

Вздыхнув, он подошел к самому краю и посмотрел вниз. Там стоял какой-то двухэтажный дом, на вид давно заброшенный. Смотрелся он столь зловеще, что Йаати невольно попятился, потом резко развернулся и пошел назад, в лес. Он уже испытал здесь это ощущение, — едва оказавшись в этом жутком мире и глядя на другой дом, — и это очень ему не понравилось. Он не верил в привидения... но там определенно что-то *было*. Что-то такое, к чему не хотелось даже подходить близко. Не живое, конечно, — словно само это место было проклято за те невыносимо жуткие вещи, которые в нем творились...

При этой мысли Йаати вновь недовольно помотал головой. Бродя наугад в мрачном лесу, думать о таком явно не стоило, — иначе он начал бы с воплями шархаться от каждой тени, и побежал бы наугад, сломя голову, до тех пор, пока в самом деле что-то не сломал бы, — а в его положении сломанная рука или нога была совершенно точно равна смерти.

Поняв, что идти по прямой всё равно не получится, он пошел направо... и в этот раз интуиция его не подвела: продравшись через, казалось, бесконечные заросли, он увидел серебристое здание генератора. Как и раньше, там не горело ни одного огня, и, войдя во двор, Йаати выругался, хотя и про себя. Об этом он как-то не подумал. Фонарика у него не

было, а шариться в темноте наугад бесполезно. Он захотел вернуться к крепости... но стемнело уже почти совсем, а при одной мысли об этих темных зарослях его передернуло. Так или иначе, придется ночевать здесь... но спать ему пока тоже совершенно не хотелось.

Вздыхнув, он пошел к ближайшему домику. В этот раз ему повезло: дверь оказалась незапертой, а, когда он нашарил выключатель, вспыхнул неяркий желтый свет.

Тут оказалось что-то вроде караулки, и, плюхнувшись на стул, он задумался. Помещение носило следы поспешного бегства, — дверцы шкафов открыты, бумаги разбросаны, — и Йаати понимал, что ничего полезного тут не осталось. Тем не менее, он вышел во двор, решив осмотреть другие здания. Одно из них оказалось казармой, другое — чем-то вроде гаража, правда, уже без машин. Ещё два, — очевидно, склады, — оказались заперты, и Йаати вздохнул. Тут оставалось лишь идти за монтировкой в крепость, или искать её здесь, — но ночью он не мог ни того, ни другого. Ещё, правда, оставалась зенитка. У него мелькнула мысль забраться в неё и просто снести проклятые строения, — но даже подходить к ней не хотелось. Пусть она и не считала его целью, — но влезть внутрь ему вряд ли позволили бы. Что же тогда делать?..

Подумав, он вышел за ворота. Дорога, начинаясь от них, вела куда-то в сторону города, и Йаати медленно пошел по ней. Звезды, к его удивлению, давали достаточно света, чтобы разглядеть хотя бы землю под ногами, — а, пока он чувствовал зуд в голове, он мог считать себя в безопасности, — хотя бы относительно.

Минут через двадцать он замер, настороженно глядя вперед. Там, метров за триста, дорогу перекрывала стена или забор с воротами, а слева от него стояло двухэтажное здание. В темноте его никак не получалось разглядеть, а подойти ближе Йаати не осмелился, — как-то вдруг он понял, что больше ничего не чувствует, а значит, вышел из безопасной зоны. Недавняя встреча с «руканогами» показала, что даже подходить к её границе опасно: войти в неё твари не могли, а вот стрелять внутрь, как оказалось, вполне. Рисковать ещё больше не хотелось, и он торопливо зашагал назад.

Йаати вновь проснулся усталым и с головной болью, — что, впрочем, ничуть его не удивило: он спал сидя за столом, положив голову на руки. Вчера он промаялся почти до рассвета, пытаясь то заснуть, то найти что-то полезное, — но, конечно, напрасно. Хорошо хоть, что ему не приснилось ничего из пережитых им ужасов. Только что он, кажется, был в какой-то душевой, в просторном, чистом помещении, где яркий свет отблескивал на множестве гибких, стройных тел девушек, и от одного взгляда на них почему-то отнималось дыхание...

Зевая и потягиваясь, он вышел во двор. Там оказалось неожиданно прохладно, — но вокруг по-прежнему висела дымная белесая мгла, и уже высоко стоявшее солнце просвечивало сквозь неё багровым кругом. Картина была очень мрачная, — но Йаати, отчасти, уже привык к ней, да и настроение после того сна оставалось необъяснимо хорошим. Словом порцию «фарша» из запасов, он вновь зашагал по дороге, — крутя головой и всё время прислушиваясь. Тем не менее, на сей раз, путь показался ему гораздо короче.

У поворота он замер, глядя на здание. В самом деле, небольшое, двухэтажное, с плоской крышей. За ним был высокий бетонный забор, затянутый поверху колючей проволокой. Это, отчасти, внушало надежду, — он наверняка отмечал границу безопасной зоны. Впрочем, не такой и безопасной, — несколько окон в здании были выбито, явно какими-то предметами, влетевшими снаружи, — от них на стенах остались здоровенные отметины. Большие железные ворота оставались закрытыми, и твари, похоже, ещё не проникли сюда.

Он не рискнул бы выйти за забор, — но осмотреть здание явно стоило. Судя по всему, в нем было что-то вроде контрольно-пропускного пункта, — а там могло найтись что-то полезное. Могло и не найтись... но терять даже небольшой шанс убраться отсюда ему совершенно не хотелось.

Ещё раз вздохнув, он решительно пошел вперед, держа пистолет в опущенной руке и всё время осматриваясь. И вдруг замер, словно налетев на стену. На дороге перед воротами блестели фиолетовые, словно бы стеклянные осколки, разбросанные по асфальту. Смотрелось это... неестественно, и Йаати не сразу решился пойти дальше.

Подойдя чуть поближе, он заметил справа от дороги нечто, очень странное, — шипастый многогранник из темно-фиолетового, полупрозрачного кристалла. Он на добрую треть зарылся в землю. Осколки таких же, как понял Йаати, шуковин, блестели на дороге, тоже очень странные, — не монолитные, а почему-то волокнистые. Он поднял неожиданно легкий обломок кинжаловидного шипа, — и тут же вскрикнул: его словно ударило током. Острая белая боль прострелила нервы от пальцев до самого плеча, лишь чуть, казалось, не достав до сердца.

Бросив обломок, он невольно поднес пострадавшую руку ко рту и осмотрелся. Штукатурка на стене здания была во многих местах ободрана, под ней густо блестели осколки разбившихся об неё шипастых «снарядов». Ещё несколько штук, как он понял, выбив окна, залетели внутрь. Это ему совершенно не понравилось, — если бы такой снаряд попал в него, то прихлопнул бы, как муху.

Невольно передернув плечами, Йаати поднялся на крыльцо. Массивная деревянная дверь оказалась не заперта, и поддалась, когда он потянул за ручку. Он вошел в небольшой вестибюль, пустой и полутемный. Свет падал сюда через два низких пыльных окна. За стойкой высотой по грудь виднелась дверь, ведущая на лестницу. Воздух был затхлый и застойный, но смутно пахло чем-то ещё... и это очень ему не понравилось. Он остановился и прислушался, но изнутри здания не доносилось ни звука.

Миновав распахнутую настежь дверцу стойки, он осторожно заглянул в коридор, потом вышел на лестницу. Поднявшись на второй этаж, он замер. Здесь был такой же вестибюль со стоявшими у стен скамейками, — но левое окно выбило вместе с рамой, и на усыпанном фиолетовыми осколками полу лежали фигуры в светло-серой, с желтыми застежками, броне, совершенно непохожей на ту, что он видел в том больничном коридоре. Шлемы у них были глухие, безглазые, с желтой вертикальной полосой и торчавшими из затылка шлангами, и Йаати подумал, что это — не люди.

Все они были мертвы, и явно не первый день, — теперь он узнал этот запах, но никак не мог понять, отчего они умерли. Их броня осталась совершенно целой, и, судя по шлангам, защищала и от газа. Тем не менее, всё выглядело так, словно пять здоровенных мужчин умерли буквально в один миг, как попало повалившись на пол, словно сраженные какой-то черной магией.

Йаати посмотрел на разбросанные по полу осколки. Один из них ударил его в руку, — а целый кристалл, очевидно, высвобождал мощный заряд некой разрушительной энергии. О её природе он не мог сказать совершенно ничего, — за очевидным исключением того, что броня от неё не защищала. Это очень ему не понравилось. Если бы твари решили вдруг возобновить обстрел, он лег бы тут же, и родившаяся было мысль выглянуть в окно и посмотреть, что там, за забором, умерла сама собой.

Немного опомнившись, он осмотрел комнату. В её центре стояла странная штукавина, размером с большой пылесос, но совершенно на него не похожая, — со сложным сплетением разнокалиберных трубок между серо-синими панелями, обрамленными красными светящимися полосами. Наверху, на шарнире, крепилась стопка толстых пластин, из которой вниз торчал пучок тонких трубок, окруженных чем-то вроде ротора из блестящих металлических колец и небольших сложных блоков. Эта непонятная штукавина издавала тихое, едва заметное жужжание. На её переднем, очевидно, торце горел небольшой светло-фиолетовый экран с белыми строчками непонятного текста. Под ним был ещё один, узкий, наклонный, с полоской розоватых пиктограмм.

Йаати ошалело помотал головой. Как и все его сверстники, он интересовался техникой, но никак не мог представить, что это такое может быть. На бомбу эта штука мало походила, — но это и всё, что он мог сказать.

Ошалело помотав головой, он перевел взгляд. Вместе с мертвецами лежало их оружие, — светло-кремовые автоматы с пластмассовыми, похоже, корпусами, оптическими прицелами, массивными коробчатыми магазинами и странно толстыми, темными стволами. Вернее, не стволами, а глушителями, — он видел такие штукавины в фильмах. Смотрелись автоматы потрясающе, — словно творение какого-то космического разума, — но, судя по отчетливо видимым затворам, стреляли они всё же самыми обычными пулями. Всё это ничуть не походило на тех, виденных им раньше солдат. Эти словно пришли из какого-то другого мира, и были на порядок лучше оснащены, — но это не слишком-то им помогло. Всего одна влетевшая в окно шипастая «мина» уложила всех на месте.

Но, кроме оружия, тут лежала ещё масса непонятных вещей. Самой большой — и, безусловно, самой странной, была сине-серая штукавина величиной с большую книгу. С одной стороны у неё был... наверное, радиатор, — с четверкой маленьких вентиляторов, с другой — длинный, массивный на вид цилиндр, соединенный с корпусом витым шнуром, — судя по нему, он снимался. В середине — узкий черный экранчик с рядами белых непонятных значков, под ним — три ряда небольших кнопок с теми же странными символами. Они ничуть не походили на уже виденные им в этом мире, и Йаати подумал, что они из какой-то совсем другой страны, — а может даже...

Ему вдруг вспомнились отметины от «мин» на стенах здания. Судя по ним, они прилетели откуда-то от генератора! Может быть, *из-за* него... но тут Йаати вспомнилась наклонная труба на крыше. Закрепленная в небольшом, и, очевидно, подвижном куполе. Явно совершенно излишнем для вентиляции. Проще говоря, перед ним были диверсанты, которые хотели что-то тут сделать... но им не повезло.

Он вновь взглянул на странный «пылесос». Очевидно, они тоже не смогли войти внутрь защитного поля, а эта штукавина должна была помочь им отключить его или получить какие-то его параметры. Но, похоже, её действие было замечено, и кончилось довольно плохо.

Он ошалело помотал головой. Сама мысль о том, что люди могут сотрудничать с такой гнусной нечистью, вызывала глубокое, какое-то нутряное возмущение. Но...

Йаати посмотрел на глухие, без единой щелочки шлемы. Снизу они имели выступ, предназначенный, наверное, для респиратора... или для рыла. Ему даже захотелось снять один и проверить, скрывается ли под ним человеческое лицо... но он всё же не осмелился. Возиться с мертвецом, уже тронутым разложением, не хотелось. Но, раз диверсанты смогли пройти сюда, то тут могут быть и все прочие твари...

Он замер и прислушался, но услышал только тихий шелест листьев. Оставаться тут не стоило, — но бросать кучу оружия и барахла Йаати тоже очень не хотелось.

Вздыхнув, он осмотрелся. Кроме странной серо-синей штукавины, он заметил пару штукавин поменьше, похожих на рации, — но тоже с набором непонятных кнопок и экранами. Один не работал, на втором была однотонно-синяя карта, — скорее, снимок с очень большой высоты, но на нем горели неподвижные красные точки. Йаати узнал реку и город, но он по-прежнему не знал, где он сам сейчас находится, так что это ничего ему не дало.

На груди одного из солдат была закреплена большая плоская коробка, сейчас открытая. Внутри неё скрывались сложные коробочки поменьше, а на откинутой крышке была плоская клавиатура и толстая прямоугольная, тоже откидная пластина с зеленоватым экраном. На нем светилась совершенно непонятная таблица. Рядом лежало несколько плоских круглых штукавин размером с большую тарелку. В каждой было четыре сквозных дырки с пропеллерами, а на переднем, очевидно, конце крепился небольшой вращавшийся цилиндр с четверкой стеклянных глазков, — один побольше, три совсем крошечных. Йаати догадался, что эта штукавины могут летать, и, очевидно, передавать изображения, — только вот, воспользоваться ими диверсанты не успели.

Но при всем этом он не видел здесь никакой еды, фляжек с водой и других вещей, необходимых в походе. Похоже, что диверсанты пришли с какой-то близкой базы, и эта мысль очень ему не понравилась: там могли оставаться другие. С другой стороны, эти тела лежали тут уже, минимум, пару дней, судя по запаху. Очевидно, никто, кроме этих

диверсантов, не мог всё же заходить в поле, — а других таких же уже не нашлось. При этой мысли Йаати немного успокоился, и с сомнением посмотрел на трофеи. Утащить всё за раз он не смог бы, а возвращаться сюда не хотелось.

Подумав, он запихнул в сумку все три непонятных прибора, потом поднял автомат. Вовсе не такой легкий, каким он казался из-за пластмассового корпуса. К тому же, снова без ремня, а это означало, что проклятую штуковину придется всё время таскать в руках. Там не менее, она оказалась неожиданно удобной, словно сделанной специально под него, и Йаати подумал о патронах. На боках у солдат были карманы с запасными магазинами, — по семь штук с каждой стороны, они висели друг под другом, в два ряда, — а под ними висели по две небольших белых гранаты. Их он решил на всякий случай не трогать, — ему вовсе не хотелось взорваться из-за какого-то незнакомого пустяка.

Немного повозившись с застежками, — сердце замирало, казалось, что труп вот-вот недовольно зашевелится, — он вытащил четыре магазина со странными патронами, — темно-серая гильза с синим пояском и белая пуля, тоже с узким синим пояском у острия. Калибр был совсем небольшой, — но Йаати вспомнил столь же небольшие пульки тех, других солдат, — и страшные глубокие дыры, пробитые ими в стенах. Вряд ли это оружие слабее...

С трудом запихнув их в сумку, — и так уже переполненную сверх всякой меры, — он вздохнул и направился к двери... но на полпути остановился, вдруг ощутив спиной некий смутный зуд, — словно на неё кто-то смотрел.

Медленно, как во сне, он повернулся и посмотрел в окно. За ним, однако, не было ничего, кроме леса. И смотрели на него явно не оттуда, а...

Уже понимая, что делает что-то не то, он подошел к окну, и выглянул наружу. И почти не удивился, увидев добрый десяток «руканогов», — они стояли на дороге, всего метрах в пятидесяти, словно ожидая его. Йаати вскинул автомат, — но оружие даже не щелкнуло. А вот у «руканогов» были плазменные пушки, — и они сразу открыли огонь.

Он не успел ничего сделать, — но заряды вновь взорвались перед ним созвездием ослепительных солнц. Взрыв оглушил его и отбросил от окна, швырнув спиной на пол, — но ничего больше с ним не случилось. Расстояние вновь оказалось слишком большим... или, как он теперь подумал, защитное поле влияло не только на тварей, но и на их оружие.

Оглушенный до дикого звона в ушах, он не сразу понял, что трофейный автомат как-то вылетел из рук. К счастью, стрельба снаружи прекратилась, и он поднялся на колени, посмотрев на окно. За ним, однако, он не видел сейчас ничего, кроме неба, и взгляд его упал на оружие.

На глаза ему попался маленький, словно на швейной машинке, переключатель. Его клюв указывал на непонятную надпись из четырех красных значков. Выше над ней стояла одинокая черная черточка, а ещё выше — сразу три. Он вспомнил, что у автоматов есть предохранитель, а также переводчик между одиночным и автоматическим огнем, и почувствовал себя последним идиотом. И ещё, ему вдруг стало страшно. Вне защиты стен и поля один этот миг глупой забывчивости стоил бы ему жизни.

Подобрав автомат, он поднялся на ноги, всё ещё глядя на окно. Очень хотелось выглянуть туда и вогнать в тварей очередь, — но в ушах ещё звенело от взрывов, перед ослепленными глазами плавали радужные круги, и осторожность в этот раз победила.

Держа автомат наготове, Йаати спустился в вестибюль и замер перед дверью, прислушиваясь, — но ничего, кроме звона в ушах, не услышал. Это очень ему не

понравилось, но стоять здесь было глупо, так что он открыл дверь и выглянул наружу. Там тоже никого не оказалось, — но вот в воротах возникла масса обожженных дырок, — до них плазма тварей вполне добивала. Йаати осторожно попятился, не отводя от них взгляда, потом всё же развернулся, и быстро пошел прочь.

2.

Вернувшись в крепость, он сбросил тяжеленную сумку с барахлом, и с наслаждением растянулся на нарах, чувствуя глубокое удовлетворение. Оно, однако, быстро испарилось, едва он приступил к разбору трофеев. В нижней части «рации» был легко снимавшийся аккумулятор, — но к ключу он не подходил совершенно. Он взялся за непонятную штуку с цилиндром, — но она, похоже, не имела аккумулятора вовсе. Зато, отстегнув застёжки, он смог отцепить от неё этот тяжелый цилиндр. В торце его было небольшое отверстие, — и всё, никаких кнопок или выключателей. Но на самом корпусе штуковины, у основания провода, кнопка всё-таки была — и, едва Йаати нажал на неё, из отверстия вырвался дрожащий красный луч.

Мерцание луча показалось знакомым, — точно так же мерцал ключ! Сердце Йаати ёкнуло, — похоже, что ему досталось устройство для взлома замков, и значит...

Но тут же его охватили сомнения. Один раз диверсанты с их странной супертехникой уже облажались, — причем, облажались фатально, — и ему вовсе не хотелось лечь рядом с ними за компанию. Однако, был лишь один способ это проверить, и Йаати посмотрел на дверь в конце казармы. Непохоже, что она может обрушиться на него что-то смертельное, — по крайней мере, турелей тут он не видел, а сработавшая сигнализация его не пугала ничуть.

Вздыхнув, он поднялся и подошел к ней. Вновь нахлынули сомнения, — но Йаати понимал, что, стоя столбом, он вообще ничего не добьется. Он включил лазер, — и, невольно поёжившись, направил его на замок. Ничего, однако, не случилось, разве что по экранчику штуковины быстро запрыгали, сменяясь, строчки непонятого текста. Не завывала сирена, не выдвинулись из потайных люков готовые к огню турели. Дверь тоже не спешила открыться.

Йаати подержал лазер примерно минуту, — пока не понял, что эффекта нет, и не будет. Зашипев от злости, он бросил его на ближайšie нары, — и сам сел рядом с ним. Сейчас его буквально распирала злость: после всего, им пережитого, проклятый прибор должен был открыть дверь! По крайней мере, во всех прочитанных им книгах такие вот усилия героев приводили к результату. Вот только теперь он начал, наконец, понимать, что он — не в книге, и даже не в фильме с заранее расписанным сюжетом, и все его усилия ещё отнюдь не гарантируют хоть немного счастливый финал. Вокруг была реальность, в которой ничего не решено заранее.

3.

Несколько минут Йаати сидел неподвижно, изо всех сил стараясь успокоиться, — однако, совершенно напрасно. Злость буквально распирала его, и в конце концов он понял, что пришло время крайних мер.

Выбравшись из крепости, он решительно пошел к контрольно-пропускному пункту. После того, как его там заметили, это, наверняка, было рискованно, — но сейчас ему было на это наплевать. В руках у него был автомат, — и он без рассуждений наспиговал бы свинцом любую встреченную им тварь.

Навстречу ему, однако, никого не попало, и он замер, внимательно глядя на здание. Всё было точно таким же, как в прошлый раз. Тихо и пусто.

Йаати захотелось подойти к одной из дыр в воротах и выглянуть наружу, — но осторожность всё же одержала верх. Он вздохнул, и вошел в здание.

Не слишком церемонясь, он снял с трупов все гранаты, — набралось целых двадцать штук. Не удержавшись, он добавил к ним ещё и десяток запасных магазинов, потом пошел назад. Вокруг висела мертвая тишина, пустое белесое небо, казалось, давило на голову, — но сейчас Йаати было на это наплевать. Отчасти он привык, отчасти слишком разозлился, чтобы воспринимать это всерьёз.

Вернувшись в крепость, он задумался. Вначале он хотел взорвать дверь в казарме, — но, увидев её, сообразил, что против двухдюймовых бронеплит никакие гранаты не помогут. К тому же, за первой дверью, — если она вела в шахту подъемника, а не опять в какой-то склад, — наверняка были другие. Да и если он пробьется к поезду, — он не сможет взрывать каждую дверь на пути, попав в башню. Ему по-прежнему нужны были батарейки, — и, в конце концов, он решил взорвать дверь оружейной комнаты в караулке. Она не казалась столь массивной, к тому же, за ней могло найтись какое-то снаряжение, к которому нужны эти самые батарейки. Было бы очень логично хранить их как раз там.

В подрывном деле Йаати не разбирался, поэтому просто сложил все гранаты под дверь. Взяв последнюю, он отступил в проем ведущей в коридор бронедвери, выдернул кольцо, катнул гранату к другим... и изо всех сил навалился на дверь, задвигая её. Она с лязгом вошла в паз, — и, в тот же миг, за ней мощно, но глухо бабахнуло. Пол резко ударил Йаати по ногам, и он даже зашипел от неожиданной боли, — ему словно врезали палкой по пяткам. Потом всё же потянул дверь обратно.

В нос ему ударила едкая вонь сторевшей взрывчатки, и Йаати шарахнулся назад, вновь закрыв дверь. Выждав несколько очень длинных минут, он осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. В караулке до сих пор висела вонь, но дышать он уже вполне мог.

Гранаты, похоже, были начинены шрапнелью: все стены и даже потолок оказались в отметилах, а стальные шкафы превратились в решето. Йаати вышел, взглянул на дверь оружейки — и тут же завыл от досады. Нижняя её часть сейчас напоминала лунную поверхность, — вся в блестящих маленьких воронках, на дне которых блестело что-то темное. Похоже, что гранаты начиняли шарики из какого-то тяжелого сплава, — они вбились в сталь, словно брошенные в грязь камешки, но сама дверь даже не прогнулась. Зато под ней в полу зияла воронка величиной с тазик, заполненная раскрошенным бетоном. В ней обнажился стальной косяк, и Йаати, притащив монтировку, принялся с энтузиазмом рыть, — но бетонная стена уходила глубоко в землю, и, углубившись на полметра, он бросил это дело.

открыть её не получится. Но яростное желание что-то сделать всё же не оставило его.

Он вышел во двор, мрачно глядя на контейнеры, потом сходил за коричневой гранатой и катнул её под двери одного, тут же укрывшись за соседним.

На сей раз, взрыв больно ударил по ушам, а стенку контейнера в нескольких местах пробили осколки, едва не задев его, — Йаати забыл, что тонкий металл не может послужить укрытием.

Выругавшись про себя, он выглянул за угол. В этот раз ему повело больше: взрыв проделал в двери рваную дыру величиной с тарелку. Он лег на живот и заглянул в неё.

Внутри царил темнота, и он не сразу понял, что смотрит прямо в дуло пушки, закрепленной под носом какой-то странно белесой штуковины, похожей на вертолет. Вообще-то, довольно большой, — она, очевидно, занимала весь контейнер, но всё же, её корпус был слишком узким, чтобы в нем хоть как-то мог разместиться пилот.

Всё это было очень интересно, — но Йаати уже понимал, что не найдет здесь вожделенных батареек. Тем не менее, он попробовал открыть контейнер, но не слишком преуспел, — очевидно, двери заклинило взрывом.

Здесь стоял ещё с десятков контейнеров, — но у него осталось лишь две гранаты — одна, если не считать странной круглой штуковины, — и он решил не тратить их ради столь призрачного шанса. В голову больше не приходило ничего ценного. Йаати торопливо отвел взгляд от нависающей, казалось, уже над головой стены обманчиво призрачной зыбкой мглы, — казалось, что сама его суть ускользает туда, — и быстро зашагал к воротам.

Он вернулся к генератору защитного поля и обошел весь двор, — но ничего не обнаружил, кроме уже знакомой круглой штуковины с камерой. Очевидно, диверсанты всё же успели заслать сюда одну, — но то ли её доконала какая-то защита, то ли она испортилась, то ли у неё просто села батарейка. Со злостью пнув её, Йаати задумался. Всё, что он ещё мог, — обойти всю накрытую полем территорию, — и, выйдя со двора, он нырнул в лес.

5.

Лес оказался неожиданно диким, без тропинок или каких-то следов человека, но Йаати упорно пробирался вперед, продираясь через кусты и перелезая через поваленные деревья. Лес казался бесконечным, — но, минут через двадцать, он выбрался на проселочную дорогу. Явно заброшенную, потому что заросшую, — и, выйдя на неё, он задумался. Он не знал, остается ли ещё в поле, — он больше ничего не чувствовал, — но возвращаться всё равно не хотелось. Она наверняка вела куда-то, — и он, вздохнув, пошел по ней, твердо решив, что пройдет всего метров сто.

И ошалело замер, вновь увидев «руконогов». В этот раз всего троих, — но до них оставалось метров сорок. Слишком близко... но взбешенный Йаати не думал об этом. Он забыл в казарме автомат... но это ничуть не задержало его. Выдернув из кобуры пистолет, он выстрелил, почти не целясь... и в этот раз, к своему удивлению, попал. Одна из тварей дернулась, — но две других выстрелили одновременно, и плазменный заряд взорвал землю прямо перед ним.

Йаати опрокинуло на спину, песок запорошил глаза, — и он взвыл, инстинктивно хватаясь за них. Пистолет куда-то делся, он вспомнил о гранате в кармане куртки... но никак

не мог отнять от глаз руки, чтобы дотянуться до неё.

Что-то зашипело, его окутала приторная сладковатая вонь. Йаати закашлялся, потом у него вдруг страшно закружилась голова. Он почувствовал, что падает куда-то...

Темнота.

6.

Пробуждение оказалось долгим и неприятным, — Йаати несколько раз то прорывался к реальности, то снова ускользал в темноту. Его тошнило, а голова кружилась так сильно, словно его крутили в стиральной машине. Наконец, он осознал, что лежит на какой-то кровати, — голый, привязанный к спинкам за руки и за ноги, что ему совершенно не понравилось. Он вяло задергался... на большее его пока не хватило. Вне всяких сомнений, он попал в плен... но вокруг была самая обычная спальня, правда, какая-то затхлая.

Судя по запаху, он был в каком-то заброшенном доме, и это отчасти его успокоило: в каком-нибудь мрачном подземелье с жаровнями и дыбами он бы, наверное, сошел с ума от страха. Убивать его явно не собирались, есть заживо — тоже, и Йаати даже стало интересно, зачем он вообще здесь. Из-за двери доносилась непонятная возня, и он возмущенно заорал, чтобы привлечь внимание пленителей.

О чем ему почти сразу же пришлось пожалеть. Дверь комнаты скрипнула, — и в неё вошел «руканог». Йаати показалось, что все его внутренности смерзлись до самого позвоночника — он замер, оцепенело глядя на него. Сейчас существо было без доспехов, и его огромные руки, которые служили ногами, сплошь покрывали какие-то непонятные узоры — то ли глаза, то ли завитки волн. Роль рук играли маленькие, как у обезьяны, длиннопалые ноги, — в чем-то вроде ботинок с обрезанными носами. Лица у существа не было, — лишь полусферическая лысина, из-под которой торчали толстые розоватые щупальца. Одето оно было в толстый кожаный жилет и короткий буро-коричневый плащ. На «руконогах» — грубые перчатки. Йаати, удивленно приоткрыв рот, смотрел на него. На правом плече существа было татуировано созвездие, и это окончательно его смутило. Казалось, что перед ним человек в каком-то невероятном костюме... сознание никак не могло определить, что перед ним, и упорно сворачивало на привычную дорогу.

«Руканог» стоял неподвижно, словно глядя на него, — хотя Йаати не заметил у него глаз, ушей и даже рта. Тем не менее, он слышал звук дыхания, и это немного его успокоило: перед ним было что-то живое, а не какой-то поднятый, чудовищно обезображенный труп, как он почти уже вообразил.

Вдруг «руканог» шагнул к нему, и, нагнувшись, провел пальцами по обнаженному животу. Йаати судорожно втянул его, и рванулся с такой силой, что качнулась кровать. Веревки, однако, держали мертво, и он вскрикнул, очень остро чувствуя свою абсолютную беспомощность.

— Не бойся, — шуршащий, шипящий голос шел, словно из плохо настроенного приемника, — и, скосив глаза, Йаати понял, что он, в самом деле, исходит из какой-то коробки, свисающей под телом твари. — Тебе не причинят вреда.

— А? — Йаати удивленно приоткрыл рот. Такого он совсем не ожидал. — Ты кто?

— Нцхл Кцыбызохх, — ответило существо, немного помедлив. Должно быть, для него вопрос тоже оказалась неожиданной, и это немного успокоило Йаати, — он почти уже

поверил, что перед ним что-то сверхразумное и видящее его, со всеми его страхами, насквозь.

— Зачем я здесь? — задал он самый волнующий его вопрос.

— Нам нужна помощь.

— А? — Йаати словно врезали палкой по лбу. Такого он ожидал меньше всего, и буквально обалдел от услышанного.

— Цитадель. Темная смерть. Всем. Скоро. Кто-то должен погасить реактор. Мы не можем войти. Но ты можешь.

— Я не могу, у меня нет батарейки. Батарейки для ключа, понимаешь?

— У тебя нет ключа.

Йаати прикусил язык. В самом деле, он идиотски забыл сумку и поперся налегке, с одним пистолетом. Ключ, — как и все остальные его вещи — лежал на нарах в казарме.

— Есть. Там, в крепости, — сейчас он был готов на что угодно, чтобы попасть в неё... и в башню. — Но в нем села батарейка, и я не могу попасть внутрь, понимаешь?..

— Мы можем попробовать поискать... батарейки, — это слово прозвучало так же безжизненно, как и все прочие. — Если мы найдем их, ты войдешь.

— А если нет?

Нцхл развернулся и вышел, словно вдруг утратив к нему всякий интерес.

7.

Несколько минут Йаати гадал, что всё это значит. Сзади «руканог» выглядел всё же страшновато, — за подмышками у него были сопла-дыхала, как у кальмара, на них было насажено что-то вроде противогазных фильтров. Под ними, на спине, висела большая сумка, из которой прямо в плоть уходили разноцветные трубки. Очевидно, эти существа не могли ни есть, ни даже дышать нормально, и это, отчасти, его успокоило. Но тут же в голову ему пришла другая, куда более тревожная мысль: что привело их сюда, в этот вот мир, который, очевидно, совсем не подходил для них?..

Проще всего, конечно, было отнести это на счет врожденной зловредности тварей и их ненависти к людям, — но само то, что он до сих пор жив, эту теорию опровергало. Может, они пришли добить врага в его логове... а может, просто бежали сюда, спасаясь от ещё более страшного противника. Само их снаряжение, — все эти пушки и гранаты, — казалось каким-то кустарным, особенно на фоне страшных машин в подземелье и смертоносной «дымки». Трехногая тварь, правда, опровергала и это... но Йаати до сих пор не знал, в каких отношениях находятся все эти существа, и что их объединяет, кроме очевидной войны с людьми. Которые, похоже, куда-то ушли, оставив только автоматику.

Или, может быть, умерли, но думать об этом Йаати не хотелось. Зато очень хотелось жить. Сейчас он был готов буквально на что угодно, чтобы вырваться из рук этих жутких тварей. Голова у него до сих пор гудела от газа, которым его вырубил, но мысли в ней метались, как безумные.

Он не представлял, что это за «темная смерть», но кое-что начало, наконец, проясняться: если Цитадель (это название очень подходило к циклопической башне) в самом деле, превратилась в чудовищную бомбу, это объясняло и полное отсутствие вокруг неё людей, и отчаянные попытки тварей как-то попасть внутрь и предотвратить взрыв.

Йаати слышал о «машине конца света» — мультигигатонной водородной бомбе, окруженной тысячами тонн кобальта. Одна такая штука могла истребить всё живое на целой планете, — и в Цитадели вполне могло быть нечто подобное. Правда, он не был уверен, что станет отключать заряд: он вполне представлял, зачем его могли поставить, и ему вовсе не хотелось предать весь человеческий род. Даже если здесь он уже умер.

Эта мысль напугала и удивила Йаати. Ему умирать совершенно не хотелось, — но теперь он понял, что бывают ситуации, когда такие вот желания просто не имеют значения. «Смерть легче перышка, долг тяжелее горы», — так писалось в одной любимой им книге. Йаати никогда не думал, что это однажды будет относиться к нему... но всё было именно так, и, осознав это, он неожиданно успокоился.

8.

Йаати не знал, сколько лежал здесь. По ощущениям, — добрую пару часов. Так как делать больше было всё равно нечего, он всё время пытался вывернуть руки и ноги из веревок, — и вдруг с удивлением понял, что они поддаются!..

Отчаянно надеясь, что прямо вот сейчас сюда никто не войдет, он удвоил усилия, — и через несколько минут смог, наконец, выдернуть ладонь. Всё остальное оказалось на удивление простым, — Йаати распутал веревку на левой руке, потом освободил ноги и поднялся, — с бешено бьющимся сердцем. Испуганно взглянув на дверь, — хотя из-за неё не доносилось ни звука, — он беззвучно подошел к окну. За ним был заросший пустой двор, залитый уже клонившимся к закату солнцем, — он долго провалялся без сознания. Двор окружал ветхий покосившийся забор, за ним угрюмо темнел лес.

Крайне осторожно, словно имел дело с миной, Йаати отпер тугие шпингалеты, и попробовал открыть окно. Оно, однако, не поддавалось, — похоже, что рама отсырела и разбухла в проеме. Он мог бы изо всех сил дернуть за неё, — но тут точно не обошлось бы без шума, а шуметь ему сейчас совершенно не хотелось.

Йаати замер, потом тихо подошел к двери. За ней царила тишина, и он, чувствуя себя, словно во сне, осторожно надавил на ручку. Как он и помнил, дверь не была заперта, и поддалась с легким скрипом. За ней открылась просторная пустая гостиная, обставленная старой мебелью, совсем целая. В большое пыльное окно косо били золотые лучи низко стоящего солнца, и на миг Йаати показалось, что он снова на даче, у бабушки...

Он недовольно помотал головой и осмотрелся. В гостиную выходили три двери, кроме этой. Одна застекленная, вела на веранду, за ней зеленел заросший, заброшенный сад. Никаких признаков того, что тут были невероятные твари, и Йаати вновь ошалело помотал головой.

Осторожно придерживая дверь, он вышел в гостиную, — и тут же заметил во дворе неподвижно стоявшего «двупала». Ну да, глупо было думать, что его бросят без охраны... хотя самих «руканогов» тут явно не осталось.

Немного осмелев, Йаати подошел к другой двери. За ней оказалась темная кухня, пыльная и заброшенная. Судя по всему, никто не бывал в ней уже, минимум, несколько лет. Словно по наитию, он выдвинул темный деревянный ящик, — и жадно схватил большой нож. Кухонный, конечно, — но по виду очень острый, и вполне способный послужить оружием.

Сердце у Йаати подскочило, — теперь он мог прикончить «двупала» и просто убежать в лес... вот только это ничего ему не дало бы: он не знал, где находится крепость, и, даже если бы добрался до неё, то вновь застрял бы у запертых ворот.

Вздыхнув, он подошел к последней двери, тоже, очевидно, ведущей в спальню. Из-за неё пахло чем-то непонятным, и он помедлил, прежде чем открыть её. Запах походил на солидол или машинное масло, и Йаати сразу вспомнил страшное подземелье с «кувшинами». Его передернуло. Беззвучная картинка адской битвы вновь всплыла перед глазами, и он недовольно помотал головой, прежде чем открыть дверь.

И тут же замер, словно его тело просто выключили.

«Кувшин» был там. Очевидно, неживой, — он лежал на полу, раскинув неестественно длинные руки. Йаати уставился на короткие, толстые ноги существа, — судя по ним, оно весило совсем даже немало, — потом перевел взгляд на безвольно откинутую «крышку». Отсюда он не видел, что под ней, — но вырывавшиеся из-под таких пучки страшных бледных щупалец помнил очень даже хорошо.

Конечно, тварь была явно дохлая, — очевидно, «руканог» откуда-то принесли её, и «кувшины» даже в живом виде не сочли его противником, — но всё равно, живот Йаати вдруг противно свело. Сердце тоже замерло... но его тело сейчас жило отдельно от ошеломленного сознания.

Перешагнув через безвольную руку твари, он взял стоявший на столе маленький приемник. Крышка на донце поддалась легко, а под ней он увидел те самые батарейки.

Целых четыре штуки.

9.

Сердце Йаати вновь подскочило, теперь уже радостно: он не знал, разумеется, в каком они тут состоянии... но теперь ему оставалось лишь добраться до крепости. Он взял нож... и тут же понял, что нести батарейки в левой руке неудобно: он легко мог их выронить, да и перелезть, например, через забор, сжимая их в кулаке, невозможно.

Он на секунду задумался, потом вдруг сунул батарейки в рот, по две за каждую щеку. Получилось неудобно и смешно... но проблема решилась, и, взяв нож, Йаати подошел к окну. Он увидел раскрытые настежь ворота, — и пару бродивших за ними «двупалов».

Наивно было думать, что тварь всего одна. Наверняка, их тут целая стая, целый десяток или больше, — и он не сможет с ними справиться. Да и убежать босиком по лесу тоже не сможет, это Йаати понимал уже очень хорошо.

Выйдя в гостиную, он задумался, глядя на дверь. Его позабавила мысль, что Нцхл пошел искать батарейки, не зная, что они буквально в соседней комнате. С другой стороны, он просто мог знать, что все батарейки здесь давно сели. Это казалось Йаати возможным и даже вполне вероятным. Но батарейка в ключе всё же работала, хотя и недолго...

Он задумался, сколько дверей ему придется открыть, прежде чем он доберется до бомбы. Или, хотя бы, до склада с едой. И будет ли ключ действовать вообще. Но узнать это он мог лишь на деле, добравшись до крепости.

Йаати вздохнул и снова посмотрел в окно. Твари не замечали его внутри дома, — но, если он выйдет наружу, всё наверняка изменится. Похоже, что они служили «руканогам» кем-то, вроде собак, и даже проявляли некие признаки разума. Йаати слышал, что собак

можно отвлечь колбасой, — но тут не было колбасы, да он и не знал, что едят эти жуткие твари. Честно говоря, он даже не видел у них рта. Возможно, они вовсе не живые, а...

Он вновь недовольно мотнул головой. Время, сколько его ни осталось, стремительно истекало: Нцхл и другие «руканоги» могли вернуться буквально в любую минуту. Йаати очень сомневался, что они поверят ему на слово. В голову упорно лез яд замедленного действия, ошейники со взрывчаткой и разные другие вещи, к которым прибегали обычно злодеи в таких случаях. В книгах и фильмах, конечно, — он ни разу не слышал, чтобы что-то подобное делали с кем-то наяву. Тем не менее, проверять всё это на своей шкуре не хотелось.

Краем глаза он заметил какое-то движение... и замер, чувствуя, как в животе мгновенно прорастают иглы стальной твердости льда. Во двор текучей змеиной походкой спокойно вошло... существо. Коричневато-белое, некрупное и хрупкое на вид, больше всего оно походило на освежеванный труп: его ребра обнимали грудь снаружи, а голова походила на какой-то голый отвратительный череп. Совсем не человеческий: неестественно большой и удлинённый, он кончался чем-то вроде клюва. Вместо глаз зияли пустые отверстия, ушей вообще не было, — вместо них по бокам головы извивались какие-то толстые вены или трубки. Тонкие длинные руки свисали ниже колен, и, казалось, имели по три пальца, — но, словно во сне, Йаати увидел, что пальцев всё же пять: один большой и четыре обычных, расположенных попарно. Или не совсем обычных: неестественно длинные и тонкие, они кончались шиловидными когтями.

Тварь шла какой-то клоунской, вихляющей походкой, словно на цыпочках, опираясь, как на дамские каблучки, на длинные костяные шпоры, и это вдруг показалось Йаати невероятно омерзительным. Она выглядела, как выходец из ада. Один её вид, казалось, отрицал всю привычную реальность, и ему стало плохо при одной мысли, что вот такое ходит по одной земле с ним. Оно очень напоминало ту, ирреальную тварь, и, очевидно, вышло из одного котла, — или из одной преисподней, — и было пусть и не таким чуждым на вид, но несравненно более гнусным.

Между тем, шла тварь прямо к дому, и Йаати словно вихрем вынесло из гостиной. Как-то вдруг он осознал, что стоит за дверью спальни, сжимая в дрожащих руках занесённый над головой стул. Дверь гостиной скрипнула, цокающие, *острые* шаги стремительно приближались. Тварь знала, что он здесь, и, несомненно, собиралась...

В глазах у Йаати потемнело, и он, наверное, потерял бы сознание... но просто не успел. Его обдало волной горького, неживого запаха, — и тут же тварь вошла в спальню.

Увидев пустую постель, она замерла на мгновение... а потом Йаати изо всех сил обрушил на неё стул. Он ударил по голому черепу с мерзким костяным стуком, швырнув тварь на пол. Не глядя на неё, Йаати выскочил в гостиную... и замер, глядя на стоявшего за открытой дверью «двупала». Теперь-то он точно заметил его.

Йаати крутанулся на пятке, отчаянно высматривая нож. В углу, за старым креслом, он вдруг заметил груды одежды, — своей собственной, — и бросился туда. Он не знал, что собирается делать... но рядом с ней лежал его пистолет!

Йаати схватил его и повернулся... и тут же сердце едва не выскочило у него из глотки. Кошмарная скелетообразная тварь стояла прямо за ним, разведя руки в стороны, словно приглашая поиграть. Клюв её приоткрылся, изнутри выскользнул бледно-фиолетовый хоботок, — Йаати постарался не думать, для чего он предназначен. Пустые глазницы смотрели на него, словно дула двустволки, — и, вскинув пистолет двумя руками, он нажал

10.

Из какой бы преисподней не вышло это существо, бессмертным оно всё же не было: пуля пробила в его черепе дыру, странно похожую на пустой третий глаз, и тварь, завалившись назад, рухнула с костяным стуком. Над ней повисло желто-зеленое облачко — остатки того, что заменяло ей мозги. В нос Йаати ударила невыносимая вонь, непохожая на всё, что он чувствовал прежде, но даже зажать его он не мог: «двупал» сунулся в двери гостиной, и он снова нажал на курок.

Бах! Пистолет вновь ударил в руку, тварь снесло. Но на её месте тут же возникла другая, и Йаати вновь нажал на спуск. Бах! Бах! Бах! Он стрелял снова и снова, — но «двупалы» появлялись вновь и вновь, словно в каком-то страшном сне. Проем двери вынуждал их нападать по одному, и Йаати отчаянно гадал, что же кончится раньше — твари во дворе или патроны в обойме.

11.

Ему повезло — «двупалы» закончились раньше. Несколько секунд он, прищурившись, смотрел на проем двери сквозь пороховой дым, но в нем никто больше не появился.

В голове у Йаати вдруг словно что-то щелкнуло. Стараясь не смотреть на упавшую тварь (на локтях у неё отчетливо виднелись шарниры, словно у робота, а по животу тянулись два ряда каких-то небольших отверстий) он торопливо оделся, и, перешагнув через неё, вышел во двор. Там лежала целая дюжина «двупалов», живописно разбросанная пулями. Йаати не мог поверить, что устроил всё это побоище: казалось, это сделал кто-то другой.

Прыгая между ними, он вылетел за ворота... и замер, осматриваясь. Тут было что-то вроде дачного поселка, к счастью, пустого — он не видел ни единой души. Цитадель возвышалась на севере, почти такая же огромная, какой он увидел её в первый раз. Тем не менее, он понятия не имел, куда идти. Дорога заманчиво убегала к закату, — совсем не в ту сторону, и идти по ней явно не стоило. Надо было найти какую-то точку, чтобы осмотреться с высоты, и Йаати вновь крутанулся, оглядываясь. На западе был сплошной лес, — но на востоке, за полем, виднелось что-то вроде фабрики — с толстенной трубой, — и он помчался в ту сторону.

12.

Довольно быстро Йаати осознал, что видит не завод, а большую ферму, а то, что он сначала принял за трубу, оказалось чем-то вроде силосной башни. Явно ниже окружающих поле деревьев, и он замер, ошалело оглядываясь. Никто пока что не гнался за ним, но он и сам не знал, куда идти. От того, куда он сейчас повернет, могла зависеть его жизнь, и Йаати не хотелось делать столь важный выбор наугад.

Мысли прыгали с лихорадочной быстротой. Вокруг не было видно больше ничего, на

что он мог бы залезть и осмотреться. Но он, наверное, мог... ну да!..

Йаати быстро сел в траву, скрестив ноги. Он не представлял, как «выйти из себя» без того странного бело-фиолетового фонаря... и замер, не дыша, стараясь вспомнить это странное, щекочущее ощущение...

И вдруг понял, что смотрит на себя откуда-то сверху.

13.

Радоваться тому, что это получилось, Йаати не стал: сейчас он действовал инстинктивно, совершенно бездумно. Он швырнул «точку обзора» на сотню метров вверх, ошалело осматриваясь. На востоке лежал город, к северу от него чернела вторая, трехрогая башня, — до неё было километра три. Река блестела в паре километров к югу. На западе был бесконечный лес и какие-то поселки; похоже, пока он валялся без сознания, его как-то перевезли почти в то место, откуда он начинал.

Обмахнув взглядом горизонт, Йаати посмотрел вниз. Он отчетливо видел себя, — отсюда его сидящая фигурка казалась очень маленькой, — и поселок, из которого сбежал. За ним лежала ещё одна ферма, — и вот там он заметил несколько отвратительных карликов и десятки похожих на них ирреальных тварей. Все они быстро направлялись к нему, и Йаати торопливо вскочил, испуганно глядя на запад уже своими обычными глазами. В них било низко стоящее солнце, так что там ничего не получалось разглядеть.

До тварей оставался где-то километр, и они явно не могли видеть его за домами. Но долго бы это не продлилось — и Йаати, как мог быстро, побежал на восток, в лес.

14.

Он очень боялся, что у него в очередной раз «выбьет» сознание, — но ничего такого, к его счастью, не случилось. Он мчался напролом, словно лось, прыгая через валежины, и даже ни разу не споткнулся. Наконец, он вылетел на широкую грунтовую дорогу — и помчался по ней. Она упиралась в бетонный забор с ржавыми железными воротами, — но рядом с ними были сложены какие-то блоки. Йаати быстро вскарабкался по ним и спрыгнул в огромный пустой двор, очевидно, какого-то недостроенного завода. Дальше, за забором, уже стояли городские здания, — а в него было врезано здание, похожее на недостроенный цех, пустой бетонный остов без окон. Наскоро осмотревшись, Йаати помчался к нему, — но ржавый железный лист под ногами вдруг повернулся, и он камнем полетел куда-то вниз.

15.

Сердце Йаати замерло, — но испугаться он просто не успел, шумно свалившись в ледяную воду. Высота, к его счастью, оказалась небольшой, — всего метра три, глубина тоже, — примерно по пояс. Он встал и осмотрелся.

Сначала ему показалось, что он свалился в ловушку, устроенную тварями, но тут было что-то вроде затопленного кабельного туннеля, — он провалился в плохо закрытый люк.

Туннель вел прямо к цеху, и он побрел по нему, проклиная про себя холодную воду. Свет здесь, конечно, не горел, — но впереди что-то смутно, призрачно белело. Оттенок был не похож на красно-золотой свет заката, и сразу не понравился Йаати, — в нем было что-то неестественное. Вот только выбора у него не имелось, и он просто шел и шел вперед, чувствуя всё более сильную вонь. Казалось, что в подвале впереди свалены огромные кучи навоза, и это очень ему не понравилось, — там явно обитало нечто живое.

Он остановился и проверил пистолет, — только чудом не утопленный им при падении, — но результат не обнадежил: в оружии осталось всего два патрона, один в обойме и один в стволе. На серьёзный бой не хватит... но даже эти два патрона, — всё равно лучше, чем совсем ничего...

От холода воды его начало трясти, и он двигался, как мог быстро, спеша добраться до выхода, — но, выйдя, наконец, в подвал, замер, как вкопанный.

Из воды там и сям поднимались кучи какой-то черной массы, в самом деле, похожей на навоз, — и в ней мутно светились какие-то огромные бледные пузыри. Нет, не пузыри, а...

Яйца. Теперь Йаати понял, откуда берутся «двупалы». Многие «пузыри» уже раскололись и погасли, от них осталась только пустая скорлупа. Но в отвратительной массе вокруг них возилось что-то ещё более отвратительное, — бледно-белесое, почти полупрозрачное, но имевшее уже знакомый вид неправильных сфер с двумя мощными пальцеобразными отростками. Твари пока что были небольшие, — величиной с тарелку, — но от одного вида этого кишения Йаати едва не вывернуло. Вдруг он понял, что темная масса — это едва узнаваемые человеческие тела, не сгнившие, а неким противоестественным образом... перепревшие, словно сорняки в компостной куче. Теперь он понимал, где все жители города. В голове у него всё поплыло, воздух словно исчез, — он хватал его, как рыба, слепо пробираясь вперед.

Не окажись отсюда выхода, он, наверное, умер бы прямо тут и сразу. Но впереди, в потолке, зиял люк. Сквозь него пробивался дневной свет — и к нему, к счастью, вела лестница. Йаати в полубреду рванулся к ней. В глазах у него всё расплывалось, он почти не видел, что находится вокруг, — и только поэтому, наверное, мгновенно не сошел с ума.

Сознание у него всё же выбило, и он пришел в себя, только налетев на лестницу.словно во сне, он полез по ней, сел на бетон, весь дрожа, уже почти не понимая, реальность это, или какой-то безумный извращенный кошмар. В увиденное просто не верилось... и только лишь поэтому он более-менее пришел в себя и осмотрелся.

На самом деле, ему не слишком повезло: он выбрался в какой-то тесный закуток, со всех сторон обложенный бетонными блоками, практически в колодец шириной метра в полтора. Где-то высоко наверху виднелись фермы крыши, — но это и всё, что ему удалось разглядеть.

Йаати растерянно осмотрелся в поисках двери, потом опустил взгляд на люк. Его до сих пор не отпустило — и, если он полезет в этот гадюшник во второй раз, то наверняка там и останется. Нет...

словно во сне, он полез вверх, упираясь в стены руками и ногами. Высота, к его счастью, оказалась небольшой, и, сдвинувшись вбок, он сел на стене, вновь осматриваясь.

Он попал в обширный зал, — что-то вроде загона, — обнесенный грубо сложенной из бетонных блоков стеной, возведенной уже внутри здания. К сожалению, не пустой, — в нем медленно двигалось что-то, похожее на серо-фиолетовый мешок, усаженный впереди тонкими, длинными щупальцами. Неким противоестественным образом эта странная тварь не ползла, а плыла низко над полом, словно отвратительный воздушный шарик. Она была, в

общем, некрупная — с пляжный мяч, если без щупалец, — но Йаати всё равно передернуло, от одного её цвета. Он сразу напомнил ему тех, ирреальных тварей — и явно не зря.

Тварь явно заметила его, — по крайней мере, повернулась и поплыла в его сторону. Глаз или рта у ней Йаати не заметил — только две пары пустых зияющих отверстий, похожих на дыхала. Но у неё также были две длинных, тонких, четырехпалых руки с тремя суставами. Как-то вдруг Йаати заметил, что щупальца твари на концах заострены и кончатся отверстиями, словно игла шприца.

Почти не думая, он вскинул пистолет и выстрелил. И даже попал... но воздух вокруг твари на миг исказился... её немного толкнуло назад... и всё. Йаати выстрелил ещё раз... с тем же результатом. Он вновь нажал на спуск... но услышал лишь щелчок: патроны кончились. Ошалев, он нажал на спуск ещё несколько раз... а потом замер, не зная, что делать. Он скорее бы умер, чем вернулся в подвал, — это Йаати знал уже совершенно точно. Тварь двигалась медленно, и он мог бы, в принципе, просто пробежать мимо неё... но вот куда? Трехметровые стены загона оказались совершенно глухими. Да, одна стена была здания, наружная, — и в ней светился проем... перегороженный решеткой. Похоже, что запертой, — она плотно прилегала к косяку. Может, и нет, но проверять это не хотелось, — если он сейчас прыгнет вниз, то забраться обратно уже не получится, слишком высоко...

На миг Йаати захотелось рассмеяться, — ему точно повезло, как утопленнику... но он всё же взял себя в руки. Надо было что-то придумать... но что?..

Как-то вдруг он ощутил, что правый карман куртки у него оттягивает что-то тяжелое. Он сунул в него руку... и ошалело замер, глядя на гранату. Ту самую, обложенную коричневыми керамическими пирамидками. Он сам сунул её сюда... а «руканоги», похоже, даже не потрудились обшарить карманы, когда раздевали его...

При мысли, что эти мерзкие твари его щупали, Йаати передернуло... но это сейчас мало его занимало. Словно во сне, он выдернул кольцо и швырнул гранату в тварь. Рука его ослабела от страха, так что граната, не долетев, стукнулась об пол и просто покатила по нему.

Какое-то мгновение Йаати смотрел на неё... а потом его словно что-то толкнуло. Он прыгнул в колодец... и в тот же миг по ушам ударил взрыв.

16.

Йаати едва не провалился в люк, и замер, сидя на корточках, оглушенный, парализованный болью, — он сильно стукнулся ногами о бетон. К счастью, боль постепенно прошла, и он осторожно поднялся, глядя вверх. Он почти готов был увидеть, как парящая тварь спускается к нему, протягивая свои щупальца-шприцы... но там, конечно, никого не было.

Он попробовал вновь взобраться вверх... но ноги почти сразу соскользнули. Боль и удар словно выпили из его тела половину силы, и Йаати зашипел от злости: сидеть в этой мерзкой дыре ему совершенно не хотелось. Он вновь уперся в стены, — и в этот раз медленно, то и дело оскользаясь, но всё же пополз вверх.

Как ни странно, от усилий ему стало легче, и, нащупав край, он перекатился на него, потом сел, испуганно осматриваясь. Боялся он, однако, напрасно — тварь валялась на полу, похожая сейчас на рваный, спущенный мяч, и вокруг неё растеклась странная разноцветная

лужа.

Йаати ошалело помотал головой. Теперь он понимал, что это существо защищало какое-то силовое поле, очевидно, непроницаемое для металла. Но керамические пирамидки прошли сквозь защиту... и убили его. Похоже, что такая вот нечисть встречалась здесь часто, раз уж для неё изобрели специальную гранату.

При мысли, что ему вновь может встретиться что-то такое, Йаати передернуло. Пистолет он всё же утопил, — тот при прыжке упал в люк, — да и без патронов толку от него не было. Другого оружия у него не осталось, и мысль о новом походе по кишашему тварями городу откровенно пугала. Выбора, однако, не имелось, — и он, развернувшись, осторожно соскользнул вниз.

Быстро миновав зал, он замер у массивной решетчатой двери. Запертой, как он и ожидал. Открыть снаружи кодовый замок он не смог бы, но изнутри это оказалось нетрудно, — он достал из кармана куртки забытые там её прежним владельцем бокорезы, и осторожно, в два приема, перекусил питающий его провод, после чего просто толкнул дверь. К его счастью, замок тут оказался магнитный, и массивная створка отошла.

Облегченно вздохнув, Йаати вышел на улицу. Солнце уже заходило, и на ней сгущался синий полумрак, лишь верхние этажи домов напротив ещё ярко алели. Картина была совершенно спокойная и мирная, и он почувствовал, что его, наконец, отпускает. Горы перепревших трупов в подземелье теперь казались ему просто дурным сном. Но вот стайка «двупалов» в конце улицы сном вовсе не была, — и, едва взглянув на неё, Йаати изо всех сил помчался прочь.

17.

Он очнулся, глядя на очередную раздвижную бронедверь. Выступающую вперед тупым углом, сиренево-черную, совершенно несокрушимую на вид. Врезанная в подъезд жилого дома, она казалась нелепо неуместной, и Йаати ошалело осмотрелся. Его опять занесло в какой-то тупик — неожиданно длинный, к счастью, совершенно пустой. Но выходил он на улицу с бегущими к нему «двупалами», и возвращаться туда не хотелось. Йаати закрутил головой, высматривая, куда идти дальше. Окно на втором этаже оказалось распахнуто, — допрыгнуть до него он всё равно бы не смог, но...

Он несколько раз ошалело моргнул, заметив парня, стоявшего в проеме этого самого окна. Вначале он решил, что ему просто показалось... но тут парень высунулся из окна, и показал вниз и вправо — на соседнюю дверь.

Сердце Йаати ёкнуло, — он уже убедил себя в том, что, кроме него, в этом мире нет ни одного человека. Всё ещё считая, что ему просто кажется, он побежал к ней.

Дверь, конечно, оказалась заперта. Йаати дернул рычаг массивного замка, потом оглянулся. К счастью, «двупалы» пока что были далеко, и он снова повернулся к двери. Железной, по виду весьма прочной. Выбить её он не смог бы, да это и не потребовалось — через минуту, показавшуюся, однако, очень долгой, замок пискнул, лязгнул, и дверь распахнулась. Парень стоял сразу за ней, почему-то одетый лишь в заношенные коричневые шорты. Его скуластое, хмурое лицо с большими карими глазами и крупным чувственным ртом обрамляли густые лохмы темно-русых волос. На вид всего лет пятнадцать, но великолепно сложенный, гибкий, очень загорелый.

Йаати ошалело взглянул на него, — меньше всего он ожидал встретить тут ровесника, — но парень схватил его за руку, и с неожиданной силой вдернул внутрь. Дверь глухо и мощно захлопнулась за спиной, и Йаати удивленно осмотрелся. Они стояли в небольшом закутке между дверью и массивной металлической вертушкой. За ней был пустой вестибюль с пыльной стойкой дежурного и знакомыми уже плакатами на стенах. Его вновь занесло в полицейский участок, только чуть поменьше, чем там, под землей.

Не говоря ни слова, парень толкнул вертушку, по-прежнему таща Йаати за собой. Повернув направо, они вошли в небольшую караулку. Здесь, на столе, лежал незнакомый Йаати автомат с глушителем, и он удивленно уставился на него. Небольшой, обтянутый какой-то ворсистой темной тканью, он казался ему похожим на игрушку. Над столом, на стене, мерцало несколько экранов. На одном он увидел покинутую им улицу, на других, — пустые переулки и дворы. Теперь он понял, что парень заметил его ещё издали.

— Ты кто? — спросил он.

— Шурри Кэрту, — ответил парень немного обалдело. Должно быть, для него встреча тоже оказалась неожиданной. — Можно просто Шу. А ты?

— Йаати Линай. Тут вообще что?

— Участок гражданской обороны... был, — ответил Шу. Голос его звучал всё же немного странновато, словно с каким-то областным акцентом, но вот каким — Йаати никак не мог понять. Сурней? Кэшут? Абра? А, черт, это же вообще совсем другой мир...

— Нет, я вообще, — сказал он. — Откуда эти твари?

— А сам ты откуда? — переспросил Шу. Он пялился на физию Йаати так, словно никогда не видел ничего похожего.

— Из Сарьера.

— Что это?

— Страна.

— Где?

— Да в Сарьере же! — Йаати начала злить непонятливость туземца. — Это и страна, и планета. Всё сразу.

Шу удивленно взглянул на него.

— Нет такой страны.

— Ну, у вас, может, и нет, — а у нас так очень даже есть.

— У вас — это где?

— В Сарьере. Это пятая планета от солнца.

— Какого солнца?

— Солнца. У Сверхправителя для него какой-то номер есть, но я его не помню.

— А Сверхправитель — это кто?

— Анмай Вэру. Он живет в Парящей Твердыне.

Шу плюхнулся в кресло, ошалело глядя на него. Казалось, у него вдруг закружилась голова.

— А сам ты тут откуда?

— А я знаю? — Йаати вздохнул. — Я в лес пошел гулять, вышел к какому-то дому, уже у вас... и всё. Не знаю, как вернуться.

Шу ошалело мотнул головой. Казалось, что услышанное никак в ней не укладывалось.

— А откуда ты тогда знаешь наш язык?

— Ниоткуда. Это и мой язык тоже. Линнский. Он общесарьерный теперь. А...

Краем глаза Йаати заметил движение на экране. На улице показалась стайка «двупалов». Они бодро семенили прямо к двери.

— Вот б...! — Шу вскочил, тревожно глядя на экран. — Это за тобой?

— Угу, — угрюмо сказал Йаати. — Я на них на улице наткнулся. Еле убежал.

— Я видел, — буркнул Шу. — С тобой ещё кто-то был?

— Нет. А с тобой?

Шу вздохнул.

— Были. Но парни не придут, похоже...

— Какие парни?

Шу хмуро взглянул на него.

— Мой отряд. Они в инфекционную больницу пошли, два дня назад. Меня не взяли, — мол, опасно. Цин сказал, что там какой-то мальчишка прошел через блокпост... это был ты?

— Наверное, — Йаати поёжился. — Там, в коридоре, пять солдат лежали... мертвых. Это были они, да?

— Да, — теперь Шу смотрел на него уже злобно. — А ты как тогда выжил?

— Не знаю, — Йаати смутился. — Там везде эти твари лежали... руконоги... дохлые. Наверное, других не осталось.

— Хц! — Шу крутанулся по комнате, словно волк в клетке. — Ты!.. — он вдруг, как-то очень быстро успокоился и глубоко вздохнул. — Как ты через поле прошел?

— Просто прошел, — Йаати удивленно взглянул на него. — А что?

— А то, что все коды стерты, и пройти через поле нельзя, — хмуро сказал Шу. — Вообще. Потому мы тут и застряли.

— Поле? Это как оно работает?

Шу пожал плечами.

— Что-то типа плазменного окна... но через него ходить можно, и не очень обгорать. Ну, не знаю я толком, как оно там работает... Слышал только, что его дорого на полной мощности держать, поэтому оно смотрит, кто проходит. Если ему разрешено — поле остается, как есть. Если нет — то полная мощность, и привет, бейся, как об стенку... Вроде как оно на биополе смотрит... на фазовую частоту, или что-то вроде, и отсекает тех, кому нельзя. Если не видно, кто, — не включается. Если ты и впрямь... нездешний, то у тебя эта частота другая. Совсем. И... Хц, мы же теперь куда угодно пройти можем!..

— Куда пройти? — хмуро спросил Йаати, глядя на толкавшихся у двери «двупалов». Их собрался уже добрый десяток, — и не приходилось сомневаться, что вслед за ними сюда вот пожалует и вся прочая нечисть.

— В Лурвар сможем вернуться, например, — Шу тоже мрачно смотрел на экран. — То есть, на базу. Только она на западной окраине города, и я не смогу через её поля пройти. Через любые поля, честно говоря. А сейчас...

— *Сейчас?* — после беготни по лесам Йаати устал, как собака, и идти куда-то ещё ему совершенно не хотелось.

— А чего ждать? *Руммы*-то сюда не ворвутся... но скоро ведь *фтанги* подтянутся, и вышибут дверь. Или вообще *зысыт* припрется, и похоронит нас тут одним выстрелом.

— *Зысыт*, — это та здоровенная штука на трех ногах? — спросил Йаати.

Шу удивленно взглянул на него.

— А ты что — и его видел?

— Ну да. А что?

— А то, что видели-то его многие... только вот рассказать об этом уже мало кто мог. Ты-то как уцелел?

— В шахту лифта прыгнул, — буркнул Йаати. — Там на дне вода была.

— Повезло тебе... — Шу вздохнул. — Только вот *фтанги*-то теперь знают, что ты здесь... и что ты через поля ходить можешь. Сюда уже целая армия валит, отборная, — он махнул в сторону экранов. — Видимо, тебя ловить. А значит... — он замолчал и задумался.

— Что? — спросил Йаати, не дождавшись ответа.

— Они будут тут уже скоро, а ночь наступит ещё раньше. Если мы не выйдем засветло, — то не дойдем даже до МЦ, не то, что до Лурвара...

— А МЦ — это что? — идти непонятно куда на ночь глядя Йаати совсем не хотелось. Даже днем ему едва удалось остаться в живых, — а о ночи он боялся даже думать.

— Малая Цитадель, — Шу посмотрел на него, как на идиота, и Йаати смущенно опустил глаза. — Она тут всего в паре километров, на севере. Там отличный арсенал есть, и Цин мне ключ от неё оставил, с высшим доступом. На Лурвар — главная база Надзора, но орда как раз с запада идет, мы можем просто не успеть дойти, да и если дойдем — не отсидимся, там десятки *зысытов*... А ты где прятался?

— Я в крепости был, за городом. Не в ту сторону поехал, вышел наружу, — а назад попасть уже не смог.

— В форпосте, что ли? — удивленно спросил Шу. — А как ты в метро попал? Там же защита. Турели, эффекторы...

— У меня ключ... был. Там и остался. В нем просто села батарейка. Мне его фемма дала.

— Кто?

Йаати удивленно взглянул на него.

— Ну, робот в виде девочки. В одном доме, где-то рядом тут. Она там собирала разные полезные вещи.

— Какой робот? Их не бывает же.

Йаати ошалело помотал головой. Он уже чувствовал, что этот мир странный — но, свет, не настолько же!..

— А ты что, не знаешь? — удивленно спросил он. — Это твой мир же.

— Уже не мой, — мрачно сообщил Шу. — Сюда много кто... приходит. Кстати, а как ты вообще сюда дошел? До форпоста километров двадцать же, а оружия у тебя нет.

— Меня «руканог» поймали, — неохотно сообщил Йаати. — Перевезли сюда, в пригородный поселок какой-то. Я кое-как от них сбежал.

— Кто поймал?

— Ну, твари такие, — Йаати начал злиться. — У них руки вместо ног, а ноги вместо рук. Они меня в каком-то пустом доме одного оставили. Я веревки распутал и сбежал.

— А, *фтанги*, — догадался Шу. — Повезло тебе. Обычно-то...

— Что?

— Обычно-то *зенги* приходят.

— И что?

— И всё. В зомби превратишься. То есть, внешне-то будешь, почти как человек... только без души. Будешь просто приказы их исполнять, и всё. Это если вообще жив останешься. После *зенгов* мало кто выживает... к счастью.

— Там карлик мерзкий был, — вспомнил Йаати. — Вроде скелета, с головой-черепом.

Я его из пистолета застрелил.

— Повезло тебе... — снова повторил Шу. — *Зенги* мозги сразу выжигают. Им только надо...

— Что?

— Ничего, — Шу передернулся. — Хорошо, что ты не знаешь.

— Делать-то что будем? — спросил Йаати через минуту, уже не решаясь спрашивать, — он и в самом деле не хотел всё это знать... Подвала-инкубатора с перепревшими трупами ему хватило. Более чем.

— Пойдем к МЦ, потом... посмотрим, — Шу вздохнул. — У меня-то ключа к метро нет. Даже если я тебя к станции проведу, — мы всё равно войти туда не сможем. Там везде бронедвери и свайные ворота. В несколько рядов. Но если доступ хотя бы в форпосты открыт, то ситуация действительно плохая.

— Почему?

— Потому, что больше никого не осталось.

18.

Йаати не отказался бы посидеть тут ещё хотя бы пару минут, — просто чтобы основательно обдумать эту мысль, — но Шу быстро повернулся к столу и поднял автомат.

— Пошли, — сказал он. Сборы у него оказались короткими, — ремень автомата переброшен через плечо, прицепленные к ремню подсумки болтаются на заднице. Похоже, он прямо тут и спал, ожидая своих...

— Куда?

— Ты же не хочешь идти без оружия?

Идти без оружия Йаати в самом деле не хотел. В последний раз посмотрев на экраны, — у двери по-прежнему толкались те самые *руммы*, уже много, минимум, несколько десятков, — он вышел в вестибюль, из него — в коридор. В его конце нашлась оружейная комната, но её серая бронированная дверь оказалась, конечно, заперта. Шу это, впрочем, не задержало, — он небрежно потыкал в кнопки замка, тот щелкнул, — и тяжеленная дверь отошла с мягким шипением.

— Не думал, что ещё раз сюда вернусь, — сказал Шу.

Он повернулся и вошел внутрь оружейки. К удивлению Йаати совсем небольшой, как подсобка, с глухими стенами, но, войдя в неё, он удивленно присвистнул, — тут хранился целый арсенал. В оружейном шкафу в специальных захватах крепились такие же, как у Шу, автоматы, — но вот все остальные вещи оказались ему незнакомы.

— Что это? — удивленно спросил он.

— Электродубинки, — Шу показал на стойку возле двери, в которой торчало несколько длинных рукояток, — «глазки»... то есть, маленькие беспилотники для разведки, — он показал на занимающие всю дальнюю стену полки с какими-то сложенными механизмами, — запасные батареи к энергожилетам и аптечки, — он показал на узкие шкафчики с другой стороны от оружейного.

— Батареи к чему? — спросил Йаати.

— К энергожилетам. Они создают защитное поле. Если батарея полностью заряжена, оно может отразить два-три выстрела из плазменной пушки *фтангов*. Полезная штукавина,

хотя и тяжелая.

— Очень полезная, — Йаати вспомнил гнездо под батареею на своем бронезилете. Тогда он не понял, что это... и в итоге едва не погиб. — А сами энергожилеты тут есть?..

Шу как-то странно взглянул на него и вздохнул.

— Нет.

19.

Через несколько минут они вышли из задних дверей бывшего уже участка, — у них тварей, к счастью, пока не было. Через плечо у каждого висел автомат, в наплечных сумках лежало по десятку полных магазинов, — с таким арсеналом Йаати уже не боялся никаких тварей... ну, почти.

— Куда дальше? — спросил он, осматриваясь.

— Туда, — Шу протянул руку, показывая на трехугольную черную башню, — она поднималась за крышами, казалось, в самом конце улицы. — Там Парк Мира. Малая Цитадель в нем.

— Так далеко? — Йаати поёжился. На самом деле, до башни была всего пара километров, — но солнце зашло, и уже начинало темнеть. — Ты уверен, что мы туда дойдем?

— Нет, — Шу усмехнулся. — Но выбора-то всё равно нету. Ладно, хватит. Пошли.

20.

Они двинулись по улице, держа автоматы наготове, и настороженно посматривая в стороны. Времени поговорить у них не было, и Йаати до сих пор не знал почти ничего ни о Шу, ни о его странном мире. Тварей, к счастью, им пока не встречалось, но это не слишком облегчало дело. Почти сразу же они уткнулись в перекрывавшую улицу четырехметровую бронированную стену, ворота в которой Шу так и не сумел открыть. Им пришлось искать проход в зданиях, к которым она примыкала, что оказалось делом непростым, и весьма утомительным. Почти все двери оказались заперты, а пробираться через вентиляцию с автоматом в руках и с кучей барахла в придачу оказалось мучением. Пыль тут, казалось, копилась веками, и Йаати не раз думал, что от чихания у него оторвется голова. Но выбора, как всегда, не было, — покорно сидеть, ожидая тварей, ему вовсе не хотелось.

Выбравшись, наконец, на улицу, Йаати поёжился: пока они ползали в вентиляции, тут прошла гроза, и температура, казалось, упала почти до нуля. Под резкими порывами пронзительно-холодного ветра по лужам пробегала рябь, и он невольно поджал пальцы ног. Шу, как и положено старожилу, о столь резких переменах погоды не помнил, и это даже напугало Йаати: похоже, что весь этот мир пошел в разнос. От дневного зыбкого тепла не осталось и тени, плотные сине-серые тучи низко ползли над землей, — они затянули всё небо, напоминая, что здесь тоже осень. Шел дождь, надоедливый и непрерывный. В довершение всех радостей, они сразу же наткнулись на вторую стену, под которой им пришлось пробираться через канализацию, потом на третью, которую пришлось обходить по дворам...

Йаати казалось, что всё это тянется уже целую вечность. Наконец, они выбрались на улицу, ведущую прямо к черной башне МЦ, и он решил, что конец путешествия близок. Но тут Шу вдруг замер и повернул голову. Лицо его стало испуганным, и Йаати тоже обернулся.

Вдали двигалось что-то бугристое, бледно-белесое. Йаати не сразу понял, что этот странный предмет как-то плывет над мостовой, совсем не касаясь её. Он был очень большим — размером, наверное, с комнату, — и он вспомнил, что уже видел что-то похожее — в небе, на намного большем расстоянии, сразу перед тем, как орудия МЦ сбили его.

Шу вдруг побежал — прямо навстречу странной штуке.

— Эй, ты куда? — возмутился Йаати. За парком в конце улицы в небо поднималась трехрогая громада башни, — до неё оставалось не больше километра.

— В подвал! — крикнул Шу. — Беги, это эал! Он нас сейчас прикончит!

Обстановка мало располагала к дискуссиям, так что Йаати просто помчался вслед за ним. Бежать ему, к счастью, пришлось недалеко, — всего метров через пятьдесят Шу свернул в какой-то пустой двор, в углу которого скрывалась ведущая в подвал лестница. Дверь его, к счастью, оказалась закрыта, но не заперта, и легко подалась.

Внутри царил крошечный, пахнувший затхлостью мрак. Йаати испуганно замер... но Шу тут же нашарил на стене выключатель, и он зажмурился, когда вспыхнул яркий желтый свет.

Подвал оказался неожиданно чистым и сухим, с кучей каких-то старых ящиков. Наверх вела узкая бетонная лестница, и они осторожно поднялись по ней в темный подъезд, потом на чердак. Шу осторожно выглянул в узкое окно — и, осмотревшись, с облегчением вздохнул.

— В этот раз повезло, — сказал он. — Он нас не заметил.

— А если бы заметил — то что? — спросил Йаати.

Шу удивленно взглянул на него.

— Смерть.

21.

Это Йаати уже слышал, и это вовсе ему не понравилось. Он совсем не представлял, как столь крупная штука, как этот эал, может летать, — он совсем не казался легковесным пузырем. Нет, конечно, он читал об антигравитации, — Парящая Твердыня парила именно на ней, — но, как говорил Сверхправитель, в ней стояли идемитные блоки, матрицы из монокристаллического карбида кремния, в которые были как-то «вплавлены» минус-точки, — топологические дефекты вакуума, создающие поле отрицательной, то есть, антигравитационной энергии. Возможно, конечно, эта... вещь использовала какой-то другой принцип — но, всё равно, это наверняка был ультратех, а встретить что-то такое наяву Йаати совершенно не хотелось. Он видел, что может Парящая Твердыня в бою, — и понимал, что, если у их странных врагов найдется что-то подобное, шансов не останется совсем...

Он вновь осторожно выглянул в окно. Вдали, к счастью, с другой стороны от их цели, улицу пересекала цепочка странных, доселе не виданных тварей, — их темные, тускло блестящие тела с короткими, невероятно толстыми ногами, удивительно напоминали кегли, но к каждому, помимо круглой массивной головы — без глаз или каких-то других различимых черт, — прилагались и две толстенных круглых руки со здоровенными, с арбуз, кулаками.

— *Баффлы*. Пошли отсюда, быстро, — Шу отвернулся от окна. — Наши пули вряд ли их возьмут, — а вот они нас...

Йаати с сомнением посмотрел на автомат. Баффлы не слишком-то его пугали, — с такими ногами они вряд ли могли бегать или хотя бы просто быстро ходить, — но от эала убежать не получилось бы, и против него наверняка нужен был гранатомет или зенитная пушка, — а её он точно не смог бы тащить. Тут оставалось рассчитывать лишь на везение. Но поход к форпосту обещал быть крайне опасным, — и они нуждались в самом лучшем оружии, которое только смогут найти, — а найти его можно было лишь в МЦ.

22.

Быстро спустившись вниз, они вышли на улицу. Теперь Йаати всё время крутил головой, стараясь заметить очередную угрозу, и предоставив Шу выбирать путь. Тот, однако, предпочел пробираться дворами, так что вокруг мало что удавалось разглядеть.

Заметив краем глаза какое-то движение, он повернул голову. Из темной глубины очередного переулка к ним бежала целая стая *руммов* — пять или шесть штук. Выбора не оставалось, так что Йаати просто вскинул оружие и нажал спуск.

23.

Автомат резко толкнул его в плечо, и издал странный звук, похожий на выхлоп автомобильного мотора. Пламени совсем не было, — но в нос ударила едкая вонь сгоревшего пороха, а на асфальт со звоном полетели гильзы. Эта штука стреляла какими-то странными патронами — похожими на пистолетные, только длиннее раза в полтора, и с конусовидной пулей, — но оказалась весьма эффективной. Тварей снесло, — но, услышав справа тот же звук, Йаати понял, что Шу тоже стреляет. Он не знал, кто из них в кого попал... но твари полегли все. Похоже, что сбежать никому не удалось.

— Уф, — Шу быстро сменил магазин, бросив пустой прямо на асфальт. — В этот раз нам повезло, их оказалось мало.

Йаати проверил свой магазин... и с удивлением обнаружил, что он пуст. Короткий, тоже зачем-то обтянутый тканью, он вставлялся в рукоять оружия, и вмещал всего двадцать патронов. Как оказалось, их хватало лишь на одну хорошую очередь, и их боезапас уже не казался ему впечатляющим. Впрочем, заметив за домами трехрогую вершину башни, Йаати понял, что им и в самом деле повезло: до неё осталось всего минут пять ходу.

Осмотревшись, Шу бодро зашагал к ней. Йаати не менее бодро последовал за ним, — и тут же выругался, угодив надетым на босу ногу сандалетом в глубокую, и, как оказалось, ледяную лужу. Шу, повернувшись к нему, зло зашипел, призывая к тишине, — и Йаати мрачно побрел за ним, молча шлепая по обжигающей ноги воде, и отчаянно ругаясь, — правда, уже про себя. Шу, казалось, было всё равно — он бесстрашно шел прямо по лужам.

24.

Хотя башня Малой Цитадели поднималась над землей всего метров на сто двадцать, её рогатая вершина то и дело скрывалась в низких сине-серых тучах. Её темно-синий треугольный массив весьма уместно смотрелся здесь, посреди старого запущенного парка с огромными черными деревьями. Листва их мощно и жутко шумела на холодном ветру, и Йаати невольно ёжился, когда очередной порыв врывался под рубаху.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наконец, они подошли к башне. Она поднималась из бездонной, казалось, страшной пропасти, — словно её с огромной силой вбили в провалившуюся землю. МЦ, естественно, оказалась закрыта, но, когда Шу нажал несколько кнопок на какой-то добытой из кармана шорт коробочке, сходящиеся под острым углом броневые панели с глухим гулом и лязгом разошлись в стороны, словно ворота. Из-под пола выползла ферма раздвижного моста, быстро перекрыв пропасть. Йаати вновь поёжился, представив, каким идиотом он был бы, добежав до этой неприступной громадины без Шу.

Стараясь не смотреть вниз, — там, во мраке, что-то, казалось, мерцало, выдыхая волны жара и озона, — он миновал мост и нырнул внутрь, в удивительное после холодного ветра тепло, и бронепанели с тем же гулом и лязгом сомкнулись за ним. Йаати с облегчением перевел дух: тварей в парке не было, но всё равно, им страшно повезло. Сейчас, впрочем, это не имело уже никакого значения.

С удовольствием вдыхая теплый, пахнущий озоном воздух, он удивленно осмотрелся. Высоченную треугольную комнату освещала лишь пылавшая впереди, за стеклом, колонна жидкого бело-зеленого сияния, издающая почти беззвучный, инфразвуковой гул. Возле темных стальных стен стояли два пульта, в углах поблескивали прозрачные трубы лифтов.

— Думаю, тут мы в безопасности? — осторожно спросил Йаати. На улице уже темнело, и идти куда-то ещё не хотелось. Последнее, что он там видел — беззвучно плывущие над крышами страшноватые желтые огни.

— Ага, — согласился Шу. Он, наконец, сбросил с плеч не нужную здесь сумку с патронами, и Йаати с удовольствием последовал его примеру. Маленькие или нет, — но десяток магазинов весил добрых килограммов пять.

— Ну, и что мы будем тут делать? — спросил он.

— Осмотримся, — Шу усмехнулся. — Главный пульт наверху. Посмотрим, может, что из сообщений там...

В каждой прозрачной трубе были выгнутые двери. Левая с мягким звуком отъехала, когда Шу нажал кнопку. Они встали на окантованную сталью прозрачную площадку, и та плавно поплыла вверх в шахте, ярко освещенной сиявшим в центре башни плазменным жгутом. Вокруг него, беззвучно за толстенным, в полметра, притемненным стеклом, дрожал венец непрерывных молний. Йаати, удивленно приоткрыв рот, глазел на это невероятное зрелище.

Они поднялись на самый верх и вышли в комнату, как две капли воды похожую на нижнюю. Шу сразу же прилип к пульту. Йаати, недовольно сопя, встал за его спиной. Сейчас он ощущал себя совсем ненужным, — в самом деле, сюда Шу давно мог прийти и без него...

— Мне-то что делать? — наконец спросил он.

— Наблюдением займись, — бросил Шу, не оборачиваясь. — Стена с той стороны открывается.

Вздыхнув, Йаати отошел в угол. Окон тут, конечно, не было, но, когда он нажал пару

кнопок на стене, бронепанели в узком конце комнаты раскрылись, превратив его в треугольный балкон, прикрытый с боков монолитными щитами. Холодный ветер вновь ударил в лицо, на сей раз, с гораздо большей силой, но Йаати уже не ёжился. Под ним лежал темный ковер земли, неожиданно четкий, несмотря на ползущие, буквально, уже над самой головой мрачные вечерние тучи.

Малая Цитадель стояла на самой окраине города, и сейчас он смотрел на запад. Среди темных пятен лесов кое-где виднелись поля, дороги и светлые коробочки зданий, но нигде он не видел ни одного огня, ни одной твари, ни одной птицы, — вообще никакого движения.

К счастью, как сказал Шу, тут, прямо в углу сходявшегося парапета, был закреплен массивный прибор наблюдения. Йаати с усилием поднял его, включил, а потом направил вниз. Судя по отрывочным пояснениям Шу, прибор был фантастический, — телескоп с увеличением, которое регулировалось от нуля до пятидесятикратного, и с электронным усилением изображения, — несмотря на сумрак, оно было очень контрастным и четким, хотя и одноцветным, с зеленоватым оттенком.

Поворачивая длинную массивную коробку туда и сюда, Йаати одновременно менял увеличение, то осматривая сразу большую площадь, то всматриваясь в отдельные места. Нигде ему не попадалось ничего живого, — и вдруг он наткнулся на знакомую уже круглую тварь, баффла, как назвал её Шу. Казалось, та стояла так близко, что он едва не отпрянул, увидев её.

Ростом баффлы походили на людей, но на этом всё сходство кончалось. Больше всего они напоминали каких-то нелепых мультяшных персонажей, только вот ничего забавного в них не было, отнюдь... Естественного оружия баффлы, как сказал Шу, не имели, но их мозаичная, влажно блестящая кожа была невероятно прочной, а сила — совершенно невероятной: удар баффла мог отбросить человека метров на сорок. Один из них стоял на дорожке, по которой они прошли всего несколько минут назад. Безглазый, он тоже заметил его, — повернулся и помахал рукой, подзывая кого-то.

Йаати уменьшил увеличение — и невольно охнул. Из-под деревьев к башне выходила целая армия, — дюжины две *зысытов*, чудовищных боевых шагоходов, у их длинных ног мельтешили буквально сотни уже знакомых ему солдат в светло-серой с желтым броне. Его скромная персона вызвала явно нездоровое оживление, и он, быстро поняв, что тут сейчас будет, шарахнулся в глубину комнаты, судорожно ткнув в кнопку. Бронепанели сомкнулись за ним, — и в тот же миг по ним словно ударил град: солдаты начали палить из автоматов. Шу говорил, что *узысытов* есть деформационные орудия, — и Йаати сомневался, что два дюйма брони выдержат их сокрушительные удары.

— Шу, там... — начал он, но Шу даже не повернулся, что-то деля с пультом.

— Я знаю. Они как-то систему наведения забили. Сейчас попробую вручную... — гул реактора вдруг стал громче, и одновременно над пультом загорелся большой экран-рама.

Йаати увидел ту же армию тварей. *Зысыты* палили один за другим, к башне тянулись огненно-синие лучи, — но они уже не касались её, рябью ослепительных сполохов рассеиваясь в окутавшей её зыбкой, водянистой мантии. Он невольно засмеялся: при всей мощи тварей, тягаться с Малой Цитаделью им оказалось явно не под силу.

— Финальная стадия, — сказал Шу, продолжая возиться с пультом.

Гул реактора стал ещё громче, пол под Йаати завибрировал. Тучи над башней вдруг полыхнули сине-зеленым огнем. *Зысыты* прекратили стрельбу и бросились врассыпную, — но уже слишком поздно. Из всплывшего над вершиной МЦ огненного шара в них ударил луч,

сошелся в ослепительную нить, — и бело-фиолетовое пламя полыхнуло во все стороны метров на сорок. Оно вспухло страшным кровавым пузырем, — и ошалевшему Йаати померещилось, что солдаты и даже *зысыты* невесомо всплывают в нем вверх, рассыпаясь белыми искрами и исчезая. Через считанные секунды пламя взрыва погасло, — и там, куда ударил луч, не осталось никакого их следа, лишь огромный страшный круг выжженной, дымящейся земли. Казалось, что дюжину *зысытов* и шесть десятков солдат вдруг слизнул какой-то громадный язык. Уцелевшие побежали во все стороны, — но откуда-то из-под верха башни ударил почти такой же, как у *зысытов*, бледно-сиреневый луч, в ослепительных вспышках накрывая одну цель за другой. Он работал очень быстро, и через минуту от армии тварей не осталось вообще ничего.

— Здорово! — подвел итог Йаати. — Что дальше будем делать?

Шу плюхнулся в темно-коричневое кожаное кресло, стоявшее у пульта, — и Йаати сел в такое же, напротив.

— В этот раз нам жутко повезло, они потеряли осторожность и скучились, — Шу глубоко вздохнул. — Впрочем, если бы не мы, — сейчас от МЦ осталась бы лишь груда лома. Я и не знал даже, что у них есть такие вот глушители... Но теперь у нас есть шанс добраться хотя бы до Лурвара.

— А разве мы не можем зачистить отсюда весь город?

Шу вздохнул.

— Дальнобойность главного калибра МЦ достигает десяти километров — но на поверхности, на самом деле, он ограничен прямой видимостью. Здесь есть ещё три аннигилятора малого калибра — они наводятся автоматически, но дальность их огня не превышает пятисот метров. Защитное поле создает сам реактор МЦ. Короче и проще говоря, здесь мы неуязвимы для всего, — кроме ядерного удара, но и сами достать кого-то за домами, например, не можем. Но обычное оружие здесь тоже есть, — получше вот этого, — он приподнял свой короткий автомат.

— Где есть?

Шу усмехнулся.

— В арсенале, конечно. Пошли посмотреть, где он...

25.

Они спустились вниз, на складские ярусы — восемь этажей, каждый из трех громадных металлических комнат, заполненных массой всевозможных контейнеров. Шу не знал, где именно тут арсенал, и они несколько раз ездили на лифте вверх-вниз, пока не обнаружили его. Вдоль его стен тянулись стальные стеллажи, на них плотными рядами стояли странные... наверное, автоматы — недлинные, прямоугольные, со светло-серыми боковинами. Нижняя их часть была темная, синевато-серая, верх — тусклый, серо-красный. На нем помещался оптический прицел, прикрытый прямоугольным, тоже светло-серым кожухом. Снизу крепилась ручка с курком и какая-то короткая труба.

— Что это? — спросил Йаати указывая на неё. Такого оружия он раньше никогда не видел.

— Импульсные винтовки, — усмехнулся Шу. — Это ЕХ-96, она стреляет темной материей... сгустками дилатонного поля, если по научному. А это, — он показал на

трубу, — подствольный гранатомет.

— А это? — приклада у «винтовки» не было, лишь вогнутый затыльник из какой-то темной, наверное, мягкой пластмассы. Перед ним, снизу, было широкое, толстое кольцо, в которое, очевидно, что-то вставлялось.

— Обойма под накопитель. Сами накопители тут, — полки под винтовками занимали компактные стальные ящики. Шу вытащил и открыл один. В нем и в самом деле лежали небольшие тяжелые банки из такого же темного сине-серого металла, с какими-то косыми углублениями и врезанными в крышки маленькими прямоугольниками, из матового, очевидно, стекла. Они призрачно, едва заметно светились. — Заряжены, — пояснил Шу, отобрав у Йаати «банку». На ощупь она оказалась очень странной — словно внутри переливалась какая-то тяжелая жидкость.

Через прозрачные двери лифта они прошли в соседнюю треугольную комнату. Ряды коротких «винтовок» сменили более длинные, с толстыми, как у ружей, стволами, — как пояснил Шу, снайперские. Под ними у стен тянулись штабеля небольших, тщательно закрытых контейнеров того же странного серовато-красного цвета.

— Даймерные заряды, — пояснил Шу. — Создают силовое поле, поглощающее свет, для маскировки, ну и для защиты тоже. Ну и если враг в него попадет, ему тоже мало не покажется.

Йаати ошалело помотал головой.

— Это как? — ни о чем таком ему прежде слышать не приходилось, даже в фантастических книжках.

— А так, — Шу открыл один ящик. В нем лежала дюжина матово-серых цилиндрических гранат, и одну из них он протянул Йаати. — Здесь такой же накопитель, как в винтовке, но вокруг проекционные матрицы. Они формируют стоячую волну «виртуальной материи», непроницаемой для электромагнитного излучения. Это поле держится несколько минут, если не на прямом солнечном свете. Материальные предметы оно тоже задерживает, — не так быстро, как обычное силовое поле, но в нем вполне можно застрять и задохнуться. Чтобы самим не пострадать, тут есть защитные комплекты с дисрапторной сеткой. Она позволяет двигаться в поле. Оно занимает сразу большой объем — метров пятьдесят в диаметре.

— Так много? — Йаати задумчиво взвесил гранату на ладони. Она весила, самое большее, полкилограмма.

— Ну да. Кстати, эти гранаты не взрываются, и после перезарядки их можно использовать повторно. Зарядная станция к ним тут тоже есть. Правда, она весит двадцать килограммов. То есть, таскать с собой её вполне можно, но...

Они пошли дальше, в третью, последнюю комнату. Винтовки сменили какие-то сложные штуковины на треногих станинах, похожие на пулеметы — или, скорее, на небольшие пушки. За ними плотными рядами стояли треноги с какими-то штуками, похожими на телекамеры, — как оказалось, спаренные с пулеметами. Непривычного вида, короткими, в массивных кожухах, — но на станинах помещались ящики с патронами, от которых к пулеметам вели подающие рукава.

— Автоматические турели, — пояснил Шу. — Старые уже, но работают неплохо... если есть, кому за ними присмотреть. Сами по себе патронные ящики не меняются же.

— Тут есть что-нибудь помощнее? — спросил Йаати, немного опомнившись. Кошмарные силуэты *зысытов* не шли у него из головы, и он сомневался, что винтовки,

импульсные или какие-то ещё, помогут с ними справиться.

— Конечно. Пошли, я тебе покажу...

26.

Шу отпер второй, задний отсек арсенала. Он оказался небольшим — просто узкая светлая комната за массивной бронированной дверью. В ней, не касаясь пола, парило массивное полутораметровое кольцо. В него был вставлен плоский квадратный блок со скругленными углами и странным, словно бы затянутым смутной мглой, «глазом» в центре.

— Что это? — удивленно спросил Йаати. Он уже видел похожие жуткие штуковины, — там, в подземелье, — но эта была гораздо меньше.

— Универсальный эффектор, — ответил Шу. — Может создавать силовое поле, тормозящее быстролетящие предметы. А может — энергетический луч, или сферы темной материи, как импульсная винтовка, только гораздо мощнее, конечно. По сути, это что-то вроде мобильного орудия.

— А это? — Йаати показал на кольцо.

— А, это гравистатический подъемник. Специально под эффектор. Если его вынуть, он улетит. В смысле, совсем улетит, в космос. И человека туда может утащить. Эффектор же почти четверть тонны весит, и подъемник рассчитан на это. В нем идемитные блоки есть. Ну, матрицы такие, с минус-точками. Вроде антигравитационного магнита. Не нужно питания, ничего. Они хоть вечно могут действовать.

— А эалы так же летают?

— Ну да, примерно. А что?

— В них тоже есть идемитные блоки?

— Нет. Насколько я знаю, они просто создают какое-то поле, отражающее гравитацию. Совсем другой принцип. Они же живые... ну, некоторым образом. Синтеты.

— Что?

— Ну, такие существа... вроде как живые. В смысле, у них органы есть, и всё такое... только это не совсем органика. Или совсем не органика, я не знаю...

— А у вас идемитные блоки откуда?

— В Цитадели делали, конечно.

— А сама Цитадель? Как вы её построили? В ней же километров пять, не меньше...

— А мы её не строили, — Шу вздохнул. — Она сама появилась, во время Падения.

— Чего?

— Падения, — Шу хмуро взглянул на него. — Ты в самом деле из другого мира, да? И ничего не знаешь?

— О вашем мире — ничего, — буркнул Йаати. — А что у вас тут было-то? Как вы дошли до такой жизни?

Шу вздохнул — и вдруг устало сел, привалившись к стене. Йаати сел напротив.

— Мы-то не дошли. Мы нормально жили. Как и вы, наверное. А потом вдруг случилось Падение, — в один миг непонятно откуда начали появляться все эти жуткие твари. На этом всё и кончилось бы, — но тут появились Крэйны...

— Кто?

— А никто не знает, — вздохнул Шу. — Их никто почти и не видел — только их

машины. Они давали нам технологии, оружие всякое...

— Просто так давали?

— Ну да. А что? — Шу удивленно взглянул на него. — Они с Хи`йык... ну, со всей нечистью этой, давно уже воюют. Ну вот, они помогали нам всё больше и больше, а потом даже переместили сюда Цитадель... и ещё Малые Цитадели...

— Как переместили?

— А так. Просто — поменяли куски пространства. Обменная телепортация. Был кусок Лахолы, — услышав название родного города, Йаати вздрогнул, — потом на его месте вроде как пузырь такой полупрозрачный, а потом сразу Малая Цитадель. А кусок Лахолы — туда, в их мир. Только там никого уже не было, конечно...

— А теперь у вас что? Куда все делись-то?

— Лет двадцать мы с Хи`йык вполне успешно воевали... ну, сдерживали их, по крайней мере, — Шу помолчал. — Иногда отступали, конечно, но Хи`йык каждый раз несли громадные потери. А где-то год назад началась какая-то чертовщина — люди то вдруг умирать стали, то с ума сходить, то вообще превращаться черт знает во что... и если бы только они, — обычные коровы в каких-то адских монстров превращались, свиньи, даже куры... А потом люди начали просто исчезать, — шел человек, и нету, как и не было. Дальше — больше, начали сперва машины пропадать, потом дома, а потом — уже и города целые. Был город — раз, и на его месте какое-то болото жуткое, или лес, или вообще какой-то невообразимый ужас, вроде улья с вот такими жуками... Нельзя у нас стало жить. Вот Крэйны и решили всех к себе вывезти, через порталы — они в Цитадели и стоят. Мы как раз отступление прикрывали. А потом вдруг небо вспыхнуло — и всё. Связь отрубилась наглухо, мы в город пошли, а там пусто. Ни трупов, никого. И входы все заблокированы. Вот, тут мы и застряли...

— Ничего себе... — Йаати поёжился, хотя сейчас ему совсем не было холодно. — И что нам теперь делать?

— В Лурвар идти, конечно, — удивленно сказал Шу. — Тут нам делать нечего, еды тут нет, да и воды, кстати, тоже. Это же просто орудийная башня, по сути. Тут даже расчеты дежурили посменно. Темная энергия, — вообще штука странная, несколько часов тут ещё можно просидеть, а потом видения начнутся, с ума можно сойти. В Лурваре-то хоть её нет...

— И как мы туда дойдем? — уныло спросил Йаати. Шу вновь удалось подключиться к городской сети камер, — и царившее на улицах оживление, мягко говоря, не радовало. Тварей были тысячи, — и пробраться мимо них по дворам уже вряд ли получилось бы.

Шу задумался.

— МЦ может накрыть весь город даймерным полем. На несколько часов его хватит, если ночью. Оружие возьмем самое лучшее. Но к даймерным гранатам ещё дисрапторная сеть нужна, а её установка — дело жутко канительное. Как раз к полуночи и справимся...

Установка дисрапторной сети в самом деле оказалась делом жутко канительным. Она и впрямь была сетью из плоских серебристых бусин и такой же серебристой проволоки, — вот только сеть эту надо было не надеть, а намертво приклеить к телу. Клей был удивительно вонючий, и, к тому же, высыхая, стягивал кожу. Во время процедуры Йаати непрерывно

подергивался, — ему казалось, что его оплетают, сжимаясь, какие-то жадные растительные усики. Да и вид, как он обнаружил, у него был теперь удивительно дурацкий — черт его знает, почему, но сеть нельзя было закрепить на одежде, а только на голом теле. Йаати невольно задумался, как им, в таком вот случае, переносить боеприпасы.

К счастью, кроме импульсных винтовок тут хранились ранцы для гранат и запасных накопителей, со своей собственной дисрапторной сетью. Ограничением стал вес, а не объем, — в ранец вмещалось сорок «банок», но утащить их Йаати не смог бы, — они весили бы килограммов шестьдесят. Пришлось ограничиться десятком, — но и это тоже было очень чувствительно. С таким весом он ещё мог неплохо бегать, но вот о лихих прыжках через что-то ему явно стоило забыть. Ничем хорошим это не кончилось бы. Но Шу даже эта огневая мощь казалась явно недостаточной, — одного накопителя хватало лишь на тридцать выстрелов, а в режиме автоматического огня винтовка делала десять выстрелов в секунду.

— Надо взять с собой эффлектор, — предложил он.

— Зачем? — спросил Йаати. Правду говоря, эта жуткая штукавина до сих пор вызывала у него дрожь, — и общаться с ней так близко ему вовсе не хотелось.

— Эффлектор много на что можно настроить, — спокойно возразил Шу. — В том числе и на поле, аннигилирующее всё подряд — или какие-то отдельные предметы, по желанию. В пределе — на сферу, которая аннигилирует даже воздух, — получится почти черная дыра, которая будет затягивать в себя все незакрепленные предметы в радиусе нескольких десятков метров. Ну, может, и не нескольких, но уж десятков-то точно. Правда, тогда и самим рядом лучше не стоять, потому что оно будет аннигилировать и в самом деле *всё*. Обычно-то их на атмосферные крейсера ставят...

— Кто ты? — вдруг спросил Йаати. На вид Шу было всего лет пятнадцать... только вот с тем, что он тут говорил, это не вязалось совершенно.

Шу прямо взглянул на него, и под этим его взглядом Йаати стало вдруг очень неуютно. Шу сейчас казался ему не вполне человеком... а может, и не был им на самом деле.

— Я тут вырос. И остался один. Тебе этого достаточно?

Какое-то время они молчали, не глядя друг на друга. Йаати чувствовал себя как-то странно, — словно попал в какую-то чужую страшную сказку. Он боялся представить, что пришлось пережить Шу. Что он тут узнал. Чему ему пришлось здесь научиться — просто, чтобы выжить. Но, так или иначе, им пора уже было идти.

28.

Они быстро и осторожно пробирались вперед почти в полной темноте, — фонари тут горели, но из-за накрывшего город даймерного поля они словно просвечивали сквозь темное стекло. Йаати почти ничего не различал, — все очертания вокруг скорее угадывались, — но легкая, почти незаметная паутина Верхнего Зрения, того самого, что открылось у него ещё в первую ночь в этом мире, лежала сейчас на всем, что он видел, и он уже совсем неплохо ориентировался здесь. Повезло, что в даймерном поле оно почему-то вернулось...

Сейчас они пробирались по узкому длинному скверу вдоль трехэтажных, ступенчатых, как сказал Шу, университетских корпусов. С другой стороны, за высоченной сетчатой оградой, за темной пропастью двора, смутно просвечивали синие звезды фонарей. Ощущения реальности не было, — казалось, что всё происходит в каком-то бредовом диком

сне.

Йаати ощущал, как легкий ветерок мягко обтекает его обнаженное сейчас тело, как его босые ноги глубоко вдавливаются в мягкую, прохладную землю. В руках он сжимал тяжелую и не слишком удобную импульсную винтовку, а к его спине был приторочен замысловатый ранец с запасными накопителями и другим снаряжением. У Шу был такой же, плюс винтовка на спине. Он толкал перед собой эффектор. Тот был вставлен в гравистат, и тяжеленная вообще-то штуковина беззвучно и мягко плыла на упругой подушке силового поля.

Впереди, вдруг, как это обычно и бывало в даймерном поле, показалось облако рыжеватого света, — они вышли к площади, вроде бы пустой, но... Не говоря ни слова, они соскользнули с дорожки, свернув влево, и замерли там, где сходились две стены, — одна высоченная задняя стена какого-то склада и другая, с низкими столбиками и решеткой, высотой им по грудь, — она отделяла сквер от площади. Им здорово повезло, что даймерное поле пока что держалось, — вокруг было полно тварей, и без него они ушли бы совсем недалеко. Но вскоре, — Шу не знал точно, — поле должно было отключиться, так что приходилось спешить.

К счастью, до озера света оставалось ещё метров двадцать. В самом его центре стояла четверка высоких фонарей, — каждый с шестью расходящимися звездой «рогами», увенчанными рыжегато-красными лампами. Их свет словно сгущался в туманной дымке горько пахнущего дыма, — и за сквером они ничего уже не видели. Листва на невысоких деревцах в нем пожелтела, но сейчас почему-то было очень тепло.

Такие вот резкие перемены погоды уже никак нельзя было назвать естественными, и Йаати боялся даже думать, с чем они тут связаны. На ум упорно шли мысли о колоссальных порталах, которые открывались то в арктические снега, то в знойные пустыни. Следующий портал мог открыться вообще где-нибудь на дне океана, — и он очень хорошо представлял, как километровая бурлящая волна накрывает их двоих, и заодно весь город, но тут уж он поделаться ничего не мог, только верить в то, что такого не случится, и их самих вдруг не забросит черт знает куда...

Он посмотрел на Шу, встретив взгляд пары сумасшедших карих глаз, — похоже, и у него самого взгляд сейчас такой же. На коже и в густых волосах Шу серебристо блестела намертво приклеенная паутина дисрапторной сети. Всё тело Йаати покрывала такая же, и он понимал, что выглядит сейчас донельзя странно, — словно склеенный из кусочков.

Они напряженно всматривались в сквер, едва выглядывая из-за забора. Там совершенно ничего не двигалось, до них доносилось только слабое жужжание ламп, — но их осторожность оказалась не напрасной.

Из светящейся мглы выплыла темная, неестественно массивная фигура баффла. Он не быстро, но целеустремленно направлялся прямо к ним, точнее, — к калитке в ограде. Несколько секунд Йаати надеялся, что это одиночка, но тут же до него донеслись посвистывающие, переливчатые, невероятно чужие голоса и шарканье шагов, а потом он увидел неровную колонну баффлов, — двадцать или тридцать.

Шу резко дернул его за руку. Они забились в самую тень, в щель между стеной склада и плотной массой кустов. Он быстро нажал несколько кнопок на маленьком пульте, вделанном в тыльную сторону эффектора. Тот беззвучно завибрировал, и мир вокруг потускнел ещё больше: как оказалось, эффектор, среди прочего, мог создавать поле с односторонней прозрачностью, не выпускающее изнутри ни кванта света. Сейчас со

стороны они выглядели, как сфера абсолютного мрака, — тень в тени. Оставалось надеяться, что баффлы не заметят этой небольшой странности, потому что физически это поле ничуть не защищало, а времени поменять режим эффектора при столь близком контакте у них уже не было.

По коже волной побежали колючие мурашки, и Йаати невольно передернулся, — дисрапторная сеть работала. Впрочем, он уже понимал, что без неё им пришлось бы куда хуже...

Звук поле тоже не глушило, и Йаати замер, стараясь даже не дышать. Казавшееся невероятно резким в ночной тишине шарканье баффлов приближалось, потом скрипнула калитка, и невероятные круглые фигуры одна за другой поплыли перед ним. Вдруг одна из них, — меньше других, — свернула в их сторону.

Йаати крепко сжал винтовку, готовый в любое мгновение нажать на спуск. Как сказал Шу, импульсная винтовка была страшным оружием, — один её выстрел мог убить на месте любое живое существо, — но Йаати не знал, сможет ли уложить за раз три десятка баффлов, и выяснять никакого желания не имел.

Примерно на полпути к ним баффл замер. Йаати не сомневался, что он отлично их видит, — что бы ни заменяло ему зрение. Он не смел сейчас даже дышать, — но баффл, казалось, всё-таки не замечал их сквозь разделявшую их невидимую стенку. Остальные проходили за ним, как ни в чем не бывало, — это тянулось уже словно целую вечность.

Самым поганым тут было непредсказуемое поведение баффлов. Как сказал Шу, обычно они не нападали на людей, если те не подходили к ним слишком близко, — но никто не смог бы назвать точно безопасную дистанцию. Он не знал, что им нужно в этом мире, — да это его и не трогало.

Наконец, «их» баффл присоединился к последним, — и вскоре их шаркающие шаги затихли. Тем не менее, Йаати ещё минут пять сидел совершенно неподвижно, — тщетно стараясь понять, реальность это была или сон.

Наконец, Шу, опомнившись, выключил эффектор. Йаати приподнялся и осторожно выглянул из-за ограды. Сквер вновь был совершенно пуст, — и на сей раз он ЧУВСТВОВАЛ что вокруг никого нет. Тем не менее, выходить на свет ему вовсе не хотелось.

Медленно, словно во сне, он протянул руку к ранцу, достал даймерную гранату, одним, уже отработанным движением загнал её в подствольник, навел его в центр светового облака, — не забыв придать стволу должный уровень возвышения — и выстрелил, изо всех сил стараясь не жмуриться.

Сам выстрел был глухим, почти беззвучным хлопком. Винтовка мягко и сильно толкнула в плечо, он успел заметить, как граната мелькнула черным пятнышком, — и свет тут же погас. Их окутала абсолютная тьма. Ориентироваться в ней помогала лишь призрачная паутина Верхнего Зрения.

Не издав ни звука, они быстро и бесшумно бросились вперед, толкая эффектор и держа друг друга за руки, чтобы не потеряться. Облако даймерного поля могло продержаться довольно-таки долго, — но мешкать, разумеется, не стоило. Кожу резко и не слишком приятно защекотало электрическими разрядами, под босыми ногами при каждом шаге явственно потрескивало, — с тела стекал избыточный заряд.

Йаати ощутил, как оплетавшие его тело нити ещё и ощутимо нагреваются, а разряды под ногами жгли так, словно их непрерывно кололи иголками. Ощущения не самые приятные, — но, если бы не дисрапторная сеть, они просто не смогли бы войти в это облако, а если бы

оно вдруг накрыло их, они могли бы задохнуться раньше, чем оно рассеется.

Самое обидное, что видно ничего не было, — даже искорки разрядов. Мир вокруг дрожал и расплывался, словно Йаати представлял его себе с закрытыми глазами, — мираж, почти иллюзия, но эта иллюзия не подвела его.

Они быстро миновали облако, не сбившись с пути, и ни на что не наткнувшись, и вынырнули из него уже в проходе, ведущем в какой-то обширный темный двор. Йаати вздрогнул, когда за их спинами вдруг резко вспыхнул свет, — но здесь он уже не доставал до них. Он вздохнул с облегчением... и тут же на его голову упали первые капли дождя. Погода вновь менялась, — и это совсем ему не нравилось. Толкая перед собой эффектор, они нырнули в шепчущий крошечный мрак.

29.

К счастью, остаток пути прошел без происшествий, — то ли Шу очень удачно выбирал дорогу, то ли им просто повезло. Сама база Йаати не впечатлила — очередная четырехметровая стена, из-за которой торчало несколько бетонных двухэтажных зданий. Вместо ворот тут был широкий проем, перекрытый мерцающим силовым полем.

— Вот, — сказал Шу, остановившись у него. — Туда мы не смогли пройти, на это поле дисрапторная сеть не действует. А ты можешь?

Йаати зажмурился — и с некоторым волнением шагнул вперед. Поле оказалось заметно плотнее обычного, — но всё же, не настолько, чтобы задержать его. За ним открылся обширный грязный двор, залитый бледным светом нескольких бело-зеленых, длинных ламп, закрепленных на стенах. Уже вполне нормальным, — Йаати не сразу осознал, что даймерное поле МЦ тоже отключилось, и их теперь очень хорошо видно в этом самом свете...

Он поискал взглядом пульт, но увидел лишь здоровенный бронированный короб, похожий на небольшой бункер с низкими окнами, наглухо закрытыми толстыми плитами бронестекла. Йаати подошел к нему, потом повернулся к полю. Шу стоял сразу за ним, делая ему какие-то знаки, — и он, опомнившись, вышел к нему.

— Как выключить поле? — спросил он.

— Из КПП, — Шу показал на бункер. — Там на пульте большая кнопка есть. Красная.

— А, — Йаати вернулся к бункеру, но войти внутрь не смог: выступающая углом бронедверь оказалась, конечно, заперта. У неё горел алым знакомый уже глаз замка, и он, вздохнув, вновь вернулся к Шу.

— Бункер закрыт, — мрачно сообщил он. — Там нужен ключ.

— А, — Шу протянул ему знакомую коробочку. — Держи.

— У тебя есть ключ? — Йаати с сомнением посмотрел на неё. — Ты же говорил, что нет.

— Ключ от Малой Цитадели, — Шу вздохнул. — С его помощью внутрь главной Цитадели не попасть, там нужен ключ универсальный — такой, какой был у тебя.

— Жаль, — Йаати в очередной раз вернулся к бункеру, — и в этот раз всё же смог войти внутрь. Там оказалось очень тесно — только пульт и немного места для стоящего человека. Нужная кнопка нашлась почти сразу, и Йаати нажал на неё. На пульте замигали огоньки, — и поле беззвучно погасло.

Едва Шу вошел внутрь, Йаати торопливо включил поле, — на улице показалась целая стая нетерпеливо рышущих «двупалов», хотя их они, вроде бы, и не заметили...

Осмотревшись, они быстро пошли дальше. Окна всех зданий тут были совершенно темными, и они не привлекли внимания Шу. Он свернул к уходившей под землю широкой, длинной лестнице, упирившейся в двойное силовое поле. Войдя внутрь, Йаати отключил его, — и они вошли в обширный сводчатый туннель, освещенный тусклыми синеватыми лампами. Пустой, — но с множеством дверей и поперечных проходов. За одним из них нашлась уже знакомая Йаати казарма с двухъярусными нарами. Шу сбросил свой ранец, и, с громадным облегчением выдохнув, плюхнулся на них.

— Ну, и что мы будем тут делать? — спросил Йаати, следуя его примеру. В самом деле, что? Не жить же им тут...

— В форпост пойдем, что... — Шу зевнул. — Потом поедem в Цитадель. А там — посмотрим. Может, порталы в мир Крэйнов там открыты ещё.

— А если нет?

Шу прямо взглянул на него.

— Сингулярный реактор-то там есть, и он до сих пор работает же. Говорят, что там есть система самоуничтожения. Если он рванет, — то Цитадель на атомы разнесет, и всё вокруг, на многие мили. Прощальный привет, так сказать.

Йаати вздохнул. Эта идея ему не нравилась... но, как он с удивлением понял, не так сильно, как он ожидал. Он никогда не надеялся жить вечно... а такой вот финал был, несомненно, достаточно утешительным.

— Мы идем сейчас? — как мог спокойно спросил он.

Шу вдруг усмехнулся.

— Нет. Сейчас нам лучше поесть, вымыться и лечь спать. А завтра... посмотрим.

1.

Йаати стоял высоко на балконе Малой Цитадели, глядя на целую толпу собравшихся внизу *зысытов*. Они, почему-то, не стреляли, а, подняв безглазые головы-пушки, как-то странно смотрели на него, словно чего-то ожидая. Ну да, он же должен им сказать... должен сказать... Йаати подумал, что сейчас он точно это вспомнит... и проснулся.

2.

Какое-то время он растерянно смотрел в потолок, пытаясь понять, где оказался. Длинная бетонная комната с какими-то нарами... свет бело-зеленых ламп... казарма. Подземная казарма. Он всё ещё в крепости... а плен у тварей, сумасшедшее бегство и встреча с Шу ему просто приснились. Заодно с дурацким митингом *зысытов*. Конечно!..

Йаати сел на постели — и замер, словно ему врезали по лбу. Шу спал на соседней постели, и он ошалело помотал головой. Нет, не сон. В этот раз ему на самом деле повезло... наверное, даже больше, чем он мог представить. Очередной проскок сознания привел его прямо к Шу, последнему человеку в этом мире... случайно ли?..

Йаати вспомнил, что все прежние «вылеты» не принесли ему никакого вреда — скорее, даже спасли жизнь. Каждый из них. Словно кто-то брал управление над его телом, уводя его от глупой гибели. Ощущение не очень приятное, — но единственной альтернативой была смерть, и, хотя чувствовать себя чьей-то игрушкой Йаати совершенно не нравилось, это внушало ему определенную надежду. Он явно попал сюда не случайно, и должен что-то сделать... но вот что?..

Если бы, например, Сверхправитель вызвал его, и предложил отправиться сюда, чтобы спасти этот мир, Йаати согласился бы почти без колебаний, — в конце концов, как и любой другой мальчишка, он мечтал о приключениях и подвигах. Но его не оставляло ощущение, что он провалился в какую-то дыру в самой Реальности, в какой-то забытый, испорченный её слой, и на самом деле нет ни Миссии, ни тайных хранителей, ни даже predetermined счастливого финала.

Но зато есть Шу.

Йаати с сомнением посмотрел на него. Мальчишка как мальчишка, правда, крепкий и отлично развитый физически, — но явно с умом, не потрясающим воображение. В общем, вполне даже обычный, как и он сам. Явно не тот, кто забросил его сюда с какой-то тайной целью... если такой странный персонаж тут вообще был.

Вздыхнув, Йаати спрыгнул на пол. Шу тут же проснулся, и, приподнявшись на локте, несколько секунд удивленно смотрел на него. Наверное, он тоже не смог сразу вспомнить, кто Йаати, и как он сам тут оказался, и это Йаати успокоило. Шу был лишь его ровесник, хоть и странный.

— Привет, — Шу зевнул и мотнул головой, отбросив назад лезущие в глаза волосы. — Ты здесь. Хорошо.

— А где я должен быть? — удивленно спросил Йаати.

Шу вдруг смутился.

— Я думал, что ты мне приснился. И я...

— Я думал так же, — Йаати улыбнулся. — Но ты здесь.

3.

Они быстро умылись, потом поели, — тут тоже нашлись холодильники, набитые пакетами с «фаршем». Как сказал Шу, еда была искусственной, произведенной на биохимических фабриках Цитадели, но Йаати это не тронуло. В журналах, которые он выписывал дома, искусственная еда считалась неременной принадлежностью будущего.

— Ну и что мы будем теперь делать? — наконец спросил он, закончив трапезу и одевшись. Дисрапторная сеть уже вряд ли пригодится ему, по крайней мере, точно не сегодня, — а ходить в таком дурацком виде не хотелось.

— Идти к форпосту, конечно, — удивленно ответил Шу, тоже одевшись, склад обмундирования здесь нашелся тоже... — Потому что я в самом деле не знаю, что случилось в Цитадели. С ней нет связи, и это очень мне не нравится.

— Прямо вот сейчас?

Шу усмехнулся.

— День только начался. Да.

— Это же далеко, — возразил Йаати. — Километров двадцать или больше.

— Двадцать четыре, — буркнул Шу. — Но что делать? Времени-то у нас нет. Цитаделью сейчас управляет комп-сеть, а от неё можно ждать чего угодно. Даже самоликвидации. Так что давай экипируемся по полной, здесь-то всё есть...

4.

Через несколько минут они вышли из казармы, одетые в энергожилеты поверх форменных курток, и, вновь нацепив ранцы, выбрались во двор, залитый уже ярким солнцем.

База Надзора оказалась очень похожа на уже виденную Йаати крепость — точнее, на форпост Цитадели, как назвал её Шу. Та же стена с турелями, четыре срезанных пирамиды с орудийными башнями по углам. Не было лишь врезанных в стены бункеров, зато сам периметр оказался куда больше. В нем помещалась Н-образная ажурная башня, усаженная всевозможными антеннами, и целый десяток обычных по виду строений. Вчера, не подумав, они спустили эффектор в подземелье, и теперь его пришлось выталкивать назад. Дельце оказалось то ещё, и Йаати взмок, словно мышь. Ну что ж: когда они, наконец, вышли за ворота, он устал так, что почти уже не волновался.

5.

Но в этот раз они ушли совсем недалеко. Стоило им отойти от базы всего метров на триста, из-за зданий навстречу им выплыл *эал*. Днем, вблизи, он выглядел жутко —

огромная масса гладкой, мертвенно-белесой плоти, из которой снизу свисали какие-то кольчатые шланги или кабели. Справа торчала тройка жестких «рожек», похожих на рожки улитки и увенчанных полусферами глаз, словно бы отлитых из мутноватого стекла, слева зияла огромная, окантованная металлом дыра. Из неё в них шарахнуло огнем, — Шу с быстротой молнии бросился на землю, заодно повалив Йаати, и только это их спасло, — плазменный заряд прошел над ними и разорвался позади. Мощь его оказалась чудовищной, — Йаати оглушило и прокатило по земле метров пять. Второй выстрел их бы просто прикончил... но *эал* подобрался слишком близко, и попал в радиус действия тяжелых орудий базы.

Выстрела полубессознательный Йаати не заметил. Его ослепила бело-фиолетовая вспышка... а, когда он, наконец, поднялся, от твари не осталось и следа, — лишь на улице дымились какие-то серые ошметки. Голова у него жутко кружилась, в ушах звенело так, что он ничего вообще не слышал. Грудь, живот болели изнутри, словно по нему проехал танк. Йаати понял, что его основательно контузило, но тоже как-то смутно: соображал он сейчас не очень хорошо.

Кое-как держась на ногах, — казалось, он стоит на каком-то кружащемся, качающемся диске, — он осмотрелся. Всего метрах в десяти зияла дымящаяся, раскаленная воронка, — из неё до сих пор несло невыносимым жаром. Выстрел такой мощи смог бы прожечь насквозь даже танк. Шу стоял всего шагах в пяти, весь ободранный и залитый кровью, словно его пожевал крокодил. Впрочем, если бы не энергожилет, всё могло кончиться куда как хуже...

Йаати машинально провел рукой по лицу, — и удивленно поднес к глазам окровавленную ладонь. Сам он точно выглядел не лучше. Ранец с него сорвало, винтовка улетела аж к стене соседнего дома. Ни о каком походе к форпосту теперь, конечно, не могло идти и речи.

6.

Держась друг за друга, чтобы не упасть, они побрели к базе. Этот путь показался Йаати очень долгим, — но они, естественно, забыли эффектор. Им пришлось возвращаться за ним, а потом толкать его назад, к воротам. Вздохнув, Йаати вспомнил, как они поднимались по лестнице, толкая наверх это тяжеленное кольцо, и тихо сопя от усилий. Проклятая шпуковина весила почти четверть тонны, и вдвоем они едва с ней справились. Пользы же от неё сегодня не оказалось ни малейшей.

Миновав ворота, Йаати оглянулся. На улице вдали показались руконоги-*фтанги* и двупалы-*руммы*, и он понял, что *эал*, в каком-то смысле, спас им жизнь, — отойди они чуть подальше, у них вообще не осталось бы шансов. Точно не против орды из сотен вооруженных плазмометами тварей.

— Что будем делать? — спросил он, когда Шу вновь включил поле.

— Не знаю, — Шу провел ладонью по лицу. — Я сейчас ничего почти не соображаю. И башка болит. Давай, в медчасть пошли...

7.

В медчасти, к удивлению Йаати, нашлось какое-то очень современное оборудование — но, так как Шу всё же не умел с ним обращаться, пользы от него не оказалось. Пришлось ограничиться зеленкой и какими-то таблетками, которые, по словам Шу, должны были помочь. Боль от них в самом деле прошла, — но Йаати чувствовал себя так, словно его стукнули пыльным мешком. Едва добравшись до постели, он незаметно заснул, — а проснувшись почувствовал себя заметно лучше. По крайней мере, у него ничего не болело, осталась лишь слабость и общее ощущение обалдения. Недовольно помотав головой, он поднялся и направился в душ.

8.

— Ну, и что будем делать? — спросил он, сев за стол в столовой, напротив Шу. Тот тоже только что вернулся из душа, но всё равно выглядел сонным и унылым.

— Не знаю, — мрачно сказал Шу. — Хи`йык повсюду вокруг базы... и теперь они точно не уйдут.

Йаати кивнул. Штурмовать базу твари не пытались, — турели быстро охладили их пыл, а показавшийся вдали *зысыт* был мгновенно разнесен на куски тяжелым орудием, — но они перекрыли все улицы, а количество их он даже боялся представить. Мельтешение в глубине улиц вовсе не казалось угрожающим... но тварей было очень много. Очень.

— А выходы в метро? — спросил он.

— Здесь нет, — ответил Шу. — Как нет и транспорта. Впрочем, он нам не слишком бы помог: *зысыт* разнесет любую машину. Убраться отсюда можно лишь по воздуху, — только вот некому прислать за нами вертолет...

Йаати задумался. Запасов еды тут хватало, — они могли прожить на них год, а может, и больше, так что голодная смерть им точно пока не грозила. Но слова Нцхла не шли у него из головы. Если Цитадель в самом деле взорвется — им конец, и это случится явно скоро...

Вдруг в голову ему пришла некая мысль. Сумасшедшая, конечно, — но что ещё им оставалось?..

— А эффектор? — спросил он.

— И что нам с него толку? — уныло ответил Шу. Они так и оставили его во дворе, — против *эала* он им не помог, а вот движение он замедлял ужасно.

— Не сам эффектор. Гравистат. Он же летает.

— В нас двоих и ста килограмм не наберется, — безнадежно возразил Шу. — Нас просто в космос выкинет, и всё.

— Можно же балласт навесить.

— И что? Надо же ещё какой-то дви... — Шу вдруг замер. — Свет! Давай, пошли быстрее!.. Нужно арсенал смотреть...

9.

Арсенал они нашли справа, в самом конце туннеля. Вход в него преграждала выступающая тупым углом дверь из уже знакомого Йаати черно-сиреневого металла, — но броневые панели выдвинулись из проема, и с шипением разошлись в стороны, едва Шу

поднес к алому глазу замка свой ключ. Они вошли внутрь.

Этот арсенал был настоящим — длинный, широкий коридор. На полу здесь стояли уже знакомые им «пушки» на треногих станинах, а вдоль стен тянулись сложные захваты. В них покоились какие-то, очевидно, летающие штуки, — с двумя спаренными винтами в кольцевых кожухах, довольно большие, — шириной метра в полтора. Как пояснил Шу, беспилотные сканеры, сейчас отключенные. Дальше хранились ещё более крупные штуки, — двухметровые кольца со спаренными винтами внутри. Снизу к ним крепились двигатели, сзади — оперение, спереди — плоский корпус с фонарями и камерами, а по бокам — длинные узкие обоймы для гранат или небольших мин, которые с них сбрасывались. Тесные ряды ящиков с ними занимали узкие полки под этими бронированными дронами армейского образца.

— Это автоматическое оружие, и его мы как раз сможем использовать, — сказал Шу. — По крайней мере, оно не даст Хи`йк подойти близко к базе, — или задержит их, хотя бы... И это ещё не всё. Пошли дальше...

Конец коридора занимали сложенные в аккуратные пирамиды многогранники величиной с пляжный мяч, — шаровые мины. То есть, не мины, конечно, а, как сказал Шу, бронированные автономные боевые модули, способные перемещаться по местности, активно разыскивать врага и атаковать его мощными электрическими разрядами, неуязвимые почти для любого ручного оружия, — они боялись лишь воды, в которой их замыкало. Йаати с сомнением посмотрел на странные штуковины из уже знакомого черно-сиреневого металла. Они чем-то напоминали ему старинные морские мины — разве что не рогатые. Он попробовал поднять одну, — но мина оказалась жутко тяжелой.

— Она весит больше ста килограммов, — сказал Шу, с усмешкой наблюдая за его усилиями. — Тут нужен погрузчик. Ну, или своим ходом, — но это не самая лучшая идея. Система наведения у мины крайне примитивная, и она атакует любой органический объект, который ей удастся заметить.

— Спасибо, — буркнул Йаати. Он не отказался бы спустить свору этих штуковин на Хи`йк, — но не горел желанием испытывать их мощь на своей шкуре. — Ты хочешь использовать мину в качестве балласта?

Шу задумался.

— Можно, конечно... но у меня есть идея получше.

Они вернулись в начало коридора, и Шу подошел к одной из штуковин на треногах. Она напоминала Йаати уже знакомую турель, — но на станине крепилась ещё и какая-то большая коробка, от которой к казеннику тянулся толстый кольчатый шланг.

— Вот, — сказал Шу, показывая на неё. — Импульсная пушка EX-144. Дальнобойности — около километра. Весит девяносто килограммов. Накопитель на пятьдесят выстрелов, автоматическая система наведения.

— То есть, она сама будет стрелять во всё, что к нам только приближается? — догадался Йаати.

Шу вдруг усмехнулся.

— Да.

На деле всё оказалось несколько сложнее, чем сперва казалось Йаати. Выкинуть эффектор из гравистата особого труда не составило, — но, освободившись от груза, тот намертво прилип к потолку, и пришлось возводить помост из ящиков, чтобы добраться до него. Пушка же оказалась жутко тяжелой, — вдвоем они едва смогли её поднять. Йаати едва не надорвался, ворочая проклятую штуковину. Он не представлял, как приспособить её к гравистату так, чтобы она могла стрелять, — но, в конце концов, Шу догадался привязать её вверх ногами. К удивлению Йаати, это смотрелось почти нормально. Потом они намучились, сооружая примитивный насест из двух кресел и просунутой в гравистат трубы, — а, когда он был закончен, оказалось, что вес их, в самом деле, маловат, — проклятая штуковина и не думала отлипнуть от потолка. Обрадованный Шу навесил на кресла их ранцы, набил их накопителями, — и гравистат, наконец, опустился к полу.

— Ну вот, на этом можно и закончить, — сказал он, вытирая пот со лба. Взмок он ничуть не меньше Йаати. — Давай во двор его...

Немного разгрузив гравистат, они вытолкали его во двор. Йаати с сомнением посмотрел вверх, в пустое белесое небо. В нем ничего сейчас не двигалось... но *эал* не шел у него из головы. Как сказал Шу, маневренностью эти твари не отличались, а их плазменные орудия, хотя и чудовищно мощные, имели небольшую дальность, — не более трехсот метров. В три раза меньше их импульсной пушки, — но она, как оказалось, не обладала достаточной мощностью, чтобы сбить чудовище. Всё, на что они могли надеяться, — держать его на расстоянии. Но что, если появится целая стая таких?..

— Положимся на МЦ, — с неожиданной ухмылкой сказал Шу. — Мы как раз в зоне действия её орудий, — а они сбивают всякую тварь, какую им только удастся заметить. У поверхности *эалы* ещё могут как-то маскироваться, но на высоте — нет. Нам достаточно лишь подняться повыше.

— А какой у них радиус действия?

Шу почесал в затылке.

— Километров десять точно.

— Ага. До форпоста-то — двадцать четыре.

— Там тоже орудие есть, — Шу вновь усмехнулся. — Будем надеяться, что оно не примет нас за цель.

Йаати вздохнул.

— То есть, на самом деле ты не знаешь?

Шу вздохнул.

— Нет. Но у нас есть способ это проверить, не так ли?..

11.

Армейский сканер оказался жутко тяжелым. Вдвоем они едва смогли снять его со стены, — но о том, чтобы дотащить эту дуру до поверхности, не могло идти и речи.

— Фух, — выдохнул Йаати, опустив машину на пол. — Я думал, они легкие!

— Он же бронированный, — усмехнулся Шу. — И тут генератор защитного поля ещё. И мотор. И накопитель. Кстати, заряженный. Пусть сам летит...

К их счастью, вместе с дронами хранились и принадлежности для их ремонта, — и среди них Шу обнаружил пульт, темную пластиковую коробку величиной с книгу, которая так же открывалась. Но её «обложка» оказалась пепельно-серым экранчиком, а под ним пряталась клавиатура, как на пишущей машинке, но не настоящая, а нарисованная. Тем не менее, она как-то работала! Шу просто прикасался к нарисованным кнопкам, не нажимая на них — что, впрочем, было бы просто невозможно. Однако, устройство как-то отвечало. На экранчике прыгали непонятные изображения, потом мотор дрона загудел, и массивные винты начали раскручиваться, словно огромный вентилятор. В лицо Йаати ударил пыльный ветер, и он отступил на несколько шагов. Дрон качнулся — и вдруг завис в метре над полом. Шу улыбнулся, и что-то сказал ему, но за гулом и шумом воздуха Йаати его не слышал. Тогда Шу просто помахал ему рукой, предлагая отойти с дороги. Йаати отступил ещё, тоже улыбаясь, — похоже, что у их сумасшедшего плана всё же появился шанс...

Шу без проблем вывел дрон во двор, но на этом их проблемы не кончились. Проклятую штуковину надо было ещё как-то привязать к гравистату — а веревок тут больше не нашлось. В конце концов, Шу пришлось использовать кабель, безжалостно содранный со стены. Он взял кусок длиной метров в десять, тщательно привязав его к основанию закрепленной под центром винта дрона батареи, и к основанию привязанной под гравистатом турели. Потом они многократно проверили оба узла, и для надежности изо всех сил подергали за них, но ничего не сломалось, а узлы держали мертво. Проблем с этой стороны не предвиделось, но взлететь не получилось, — гравистат даже не сдвинулся с места, когда Шу поднял дрон. Им пришлось с руганью выкидывать накопители, пока гравистат, наконец, не поплыл вверх... и не собирался останавливаться. Йаати с перепугу захотел спрыгнуть... но Шу, перегнувшись, схватил его за руку.

— Стой! Он тогда меня утащит!

Йаати испуганно замер. Он забыл, что имеет дело не с воздушным шаром, — а чем легче проклятая штуковина была, тем быстрее она поднималась. И остановить этот подъем было просто нечем... было бы нечем, если бы не заранее привязанный кабель. К счастью, поднять дрон гравистат так и не смог, просто завис над ним, словно мина на якоре.

— Ну, и что будем делать? — нервно спросил Йаати. Они висели над двором на высоте третьего этажа, и с этой высоты он хорошо видел кишачих в глубине улиц Хи'йык. Подойти ближе твари не могли, но их взлет вызвал там явно нездоровое оживление. — Как будем спускаться?

— Я думаю, — Шу мрачно посмотрел вниз. — Ду-ма-ю, — он уставился в свой пульт.

Винты дрона завывали, и он тоже поднялся, — но гравистат поднялся ещё выше, хоть и медленно — всё же, недовес был небольшой. Теперь Йаати смотрел вниз с высоты двадцати, примерно, метров. Привязных ремней у кресла не было, и ему стало страшновато. Хотя вид отсюда, конечно, открывался отличный, — он видел, по меньшей мере, полтора десятка *фтангов*, — и, минимум, сотню *руммов*. *Зысытов* пока что нигде не было видно, — но, если

если они тут появятся...

— Спускайся как-нибудь! — заорал Йаати. — Быстрее!

Шу бросил дрон в пике. Кабель дернулся — и гравистат резко пошел вниз.

— Хватай что-нибудь тяжелое! — заорал Шу. — Вон, накопители лежат!

Дрон едва не лег на землю, подняв тучу пыли. Гравистат стукнуло об нее, — но он тут же снова пошел вверх. Йаати, не выдержав, прыгнул... и едва успел ухватиться за турель — так резко гравистат подпрыгнул.

Йаати показалось, что ему отрывает пальцы... но он всё же удержался... а вот его ноги оторвало от земли. Он схватился за кабель... и его вновь подняло. Веса не хватало. Он скользил вниз, вновь завис в воздухе, нелепо дрыгая ногами... и Шу догадался отключить дрон. Тот опустился на землю... и Йаати, убедившись, что гравистат всё же не может поднять его, отпустил кабель. Его всего трясло. Упасть — это привычно, но упасть *вверх*... и падать... и падать... и падать...

— Накопители кидай! — заорал Шу сверху. Кабель натянулся, как струна, дрон приподняло набок, и Йаати хорошо понимал, почему он так нервничает.

Подобрав валявшийся на земле накопитель, он бросил его Шу. В первый раз он промазал, во второй — попал Шу по ноге, но в третий тот всё же смог поймать тяжелую штуковину.

— И так — ещё сорок раз, — радостно сообщил Шу.

14.

Когда Шу прыгнул, наконец, на землю, гравистат вновь рванулся вверх. Вдвоем они еле удержали его, и Йаати торопливо запихал в ранцы оставшиеся накопители. Лишь тогда проклятая штуковина успокоилась.

— Ну, и что делать будем? — спросил он, переводя, наконец, дух.

— Полетим, что, — Шу откровенно усмехнулся, глядя на его испуг. — Только гравистат надо загрузить так, чтобы с нами был небольшой перевес. Тогда дрон его поднимет.

Йаати передернуло. Вновь болтаться в воздухе ему совершенно не хотелось... но зато очень хотелось попасть, наконец, в Цитадель и завязать со всеми приключениями. И явно не стоило ждать, когда Хи`йык подтащат зенитные орудия, или что там у тварей вместо них.

Печально вздохнув, он сел в кресло, и вновь стал выбрасывать из ранца накопители. В этот раз он оставил ровно десяток, — как и Шу. На секунду они замерли... но в этот раз гравистат не спешил подниматься. Шу посмотрел на него, улыбнулся, и сердце Йаати замерло. Не то, чтобы он боялся... просто очень, очень волновался. Летать ему ещё не доводилось, даже на самолете, не говоря уж об этой фантастической штуковине, и он волновался бы даже в мирных обстоятельствах, не говоря уж о таких.

— Ну, — Шу взял в руки пульт управления дроном. — Поехали понемногу, пожалуй...

Сердце у Йаати замерло... но возражать он не стал. Винты дрона загудели, подняв тучу пыли, и он, сморщившись, чихнул. Кабель натянулся, гравистат дернуло, и он неохотно пошел вверх.

15.

Земля плавно ушла из-под ног, и Йаати невольно поджал их, нервно заёрзав в неудобном кресле. Никаких ремней тут не было, и он отчаянно вцепился в ручки. Казалось, что он поднимается на колесе обозрения... только вот подъем не прекращался. Крыши тоже ушли вниз, открылся далекий синеватый горизонт, рассеченный черным мечом Цитадели. Йаати увидел кишащих на улицах *фтангов*. Они явно заметили их, но расстояние оказалось слишком большим для стрельбы из их оружия — к счастью, иначе их бы сразу прикончили. Возможно, что пушки *зысытов* смогли бы достать их и здесь, — но этих гнуснопрославленных тварей тут не наблюдалось. В штурме базы они не помогли бы, а подтянуть их сюда Хи'йык, наверно, просто не успели. Осознав это, Йаати немного успокоился, — немедленная смерть им пока что не грозила. Шу, тем не менее, продолжал подниматься, и Йаати мог его понять, — рисковать ему тоже не хотелось.

Они поднялись уже метров на пятьсот, и лишь теперь он увидел основание Цитадели, вернее, окружавшие её стены — одна за другой, они сходились концентрическими кольцами, всё более высокими к центру. Йаати насчитал пять стен, высота внутренней была, наверно, добрых метров сто. Между них виднелись какие-то непонятные сооружения, но отсюда ему не удавалось разглядеть их, и он вновь пожалел, что у него нет бинокля, — обзор отсюда открывался отличный. Город лежал под ним, словно огромный макет, рельефный, неправдоподобно четкий. Река блестела тусклым, синеватым серебром, за ней смутно темнел лес. За ним стеной поднималась знакомая белесая, призрачная мгла, и при одном взгляде на неё голова Йаати закружилась, — казалось, что он смотрит в какое-то мутное, неправильно преломляющее свет стекло.

Он опустил голову, недовольно помотал ей, и вновь поднял взгляд. Теперь стало видно, что стена белесой мглы обегает Цитадель огромным, идеальным кругом, — она плавно загибалась вправо и влево, замыкаясь где-то далеко за ней. Край её заметно загибался вверх, словно взбегая на покатость колоссального купола. Наверное, так оно и было, — Йаати уже понимал, что они находятся внутри какого-то защитного поля, созданного Цитаделью.

— Что это? — спросил он.

— Что? — Шу оторвался от пульта и недовольно взглянул на него.

— Это вот, — Йаати показал на призрачную стену мглы.

— Я не знаю, — Шу вновь уткнулся в пульт. — Такого раньше никогда не было.

— Утешил... — Йаати замолчал, и вновь нервно поёрзал в кресле. Веревка, которой его привязали, растянулась, и кресло заметно наклонилось наружу — не самое комфортное ощущение на километровой уже, наверно, высоте. Здесь стало уже заметно холоднее, к тому же, у Йаати начало закладывать уши. — Долго мы ещё будем подниматься?

— Наверное, уже хватит, — согласился Шу. — Крепость видишь?

Йаати сощурился. Он видел убегающий к югу ковер леса, — но крепость разглядеть не удавалось, глаз путался во множестве мелких деталей, ещё и смазанных расстоянием.

— Нет.

— Ладно. Всё равно, летим туда.

Шу снова что-то сделал с пультом, и дрон решительно двинулся на юг. Гравистат мотнуло в сторону, в лицо Йаати туго плеснул ветер — он, как оказалось, дул перпендикулярно курсу, причем, неожиданно сильно. Шу даже зашипел от злости, корректируя его, — дрон разворачивало вместе с гравистатом, и он норовил лететь не на юг, а куда-то к западу — туда, откуда дул ветер. Похоже, что гравистат с ними играл роль некоего, не предусмотренного проектом оперения.

Йаати осторожно посмотрел вниз. Сетка кварталов под ним почти не сдвинулась, — казалось, что они стоят на месте. Отсюда он очень хорошо видел похожих сейчас на паучков *зысытов* и *фтангов*, похожих на крошечные пятнышки или на россыпь крупы — их было точно сотни две. Вся эта орава явно шла вслед за ними, и такое вот сопровождение Йаати очень не понравилось. Отсюда он видел и другие группки тварей — внизу их были тысячи, и при мысли, что он бродил там, среди них, безоружный, ему едва не стало дурно. А ведь там были и другие — *руммы*, и уже знакомая бело-фиолетовая нечисть. Её на улицах было так много, что она напоминала просто пятна плесени. *Зенгов*, вроде как, нигде видно не было, но они сейчас Йаати почти не волновали.

Он ошалело крутил головой, стараясь рассмотреть *эалов*, — первая же встреча с ними наверняка стала бы и последней. Но небо пока что оставалось пустым. Тем не менее, на него снизу смотрели сейчас тысячи злобных глаз, и Йаати чувствовал себя очень неудобно. Окажись у тварей хоть какие-то зенитки — им немедленно придет конец. А ведь бывают ещё и зенитные ракеты... по крайней мере, были до появления Сарьера. Йаати видел их в фильмах — громадные серебристые стрелы длиной метров в десять или больше. Попади такая в гравистат — от них даже пыли не останется...

Совсем некстати ему вспомнился какой-то мультик про нашествие злобных летающих тарелок, — их во множестве сбивали из лазерных батарей, и сейчас, на километровой высоте, он совсем не казался забавным. Луч лазера летит со скоростью света, конечно, и, попади что-то такое в них — он даже и чихнуть не успеет...

Йаати недовольно помотал головой, — думать о таких вот вещах не годилось, по крайней мере, не сейчас, — и вновь посмотрел вниз. Они как раз пролетали над рекой, которая даже отсюда, с такой высоты, казалась довольно широкой, и он вновь невольно поджал ноги. Почему-то лететь над водой было ещё страшнее, чем над сушей, хотя он и понимал, что это глупо — при падении в воду ещё оставался какой-то шанс уцелеть, хотя бы чисто символический, при падении на сушу же... Нет, если он попадет в стог сена или просто в огромный штабель ваты, с ним ничего, наверное, не случится, — только вот ничего такого внизу не наблюдалось, почему-то...

Тем не менее, он с облегчением вздохнул, когда река медленно ушла назад. Если смотреть прямо вниз, было видно, что они всё же движутся, причем, довольно бодро, — наверное, со скоростью быстро бегущего человека. При такой скорости полет до цели занял бы всего минут сорок, — только вот разглядеть её пока никак не удавалось.

Йаати вновь вздохнул и поудобнее устроился в кресле. Под непрерывным ветром он замерз, к тому же, его шум назойливо лез в уши. Хорошо хоть, что сейчас не зима — на таком ветру он мигом бы их отморозил...

Смотреть на затянутый белесой мглой горизонт не хотелось, и он вновь посмотрел вниз. Под ним всё ещё проплывали городские кварталы — и там, на улице, двигалось что-то большое, металлическое, судя по блеску. Отсюда его плохо удавалось разглядеть, но Йаати показалось, что это что-то вроде кентавра — только без рук и с преувеличенным торсом. Высота этой штуки была точно метра три. Вид у неё был какой-то насекомоподобный, и Йаати подумал, что она точно не из состава «дружественных сил». Общаться с ней близко ему совершенно не хотелось.

Вдруг вокруг неё вспыхнуло мертвенное сиреневое марево, — краем глаза он заметил белый, ослепительный луч, и испуганно поджал ноги. Ничего больше он сделать не успел, — марево вновь вздулось жутким кровавым пузырем, а затем полыхнул взрыв, — казалось, что

прямо под ним.

Йаати судорожно сжал пальцы рук и ног и втянул живот — ничего больше он сделать не мог. Секунды тишины тянулись совершенно бесконечно — одна, вторая... третья... Потом по ушам ударил сокрушительный грохот, а взрывная волна ощутимо поддала гравистат снизу, — словно он упал прямо в слой внезапно отвердевшего воздуха.

Йаати облегченно перевел дух, — чем бы ни была эта гадкая штуковина, она оказалась достаточно гадкой, чтобы привлечь внимание Малой Цитадели — и вновь посмотрел вниз. Там клубилось, поднимаясь к нему, огромное облако пыли, под которым ничего не удавалось разглядеть.

— Что это было? — спросил он.

— Орудие МЦ, конечно, — удивленно ответил Шу.

— Нет. Цель.

— А что за цель? — Йаати вспомнил, что Шу всё это время почти не отрывался от компьютера.

— Такая четырехногая штуковина, вроде кентавра. Метра три высотой. Металлическая.

— *Су-зенг*, — Шу нахмурился. — Боевой шагohод *зенгов*. Очень мерзкая штуковина. Синтет. У неё два лазера и две плазменных пушки. Не попадись он под раздачу, — он бы точно нас поджарил.

— У них и лазеры есть? — Йаати вновь вспомнился тот злосчастный мультик. Нет, стрельба по тарелочкам — это весело и интересно, но точно не когда ты в одной из них...

— У них много что есть... К счастью, *су-зенг* — редкая штуковина. По сути, что-то вроде центра управления поля боя. Оружие у него, в основном, для защиты. Здорово, что МЦ его поджарила. Странно даже, что он подобрался так близко — это первоочередная цель же...

Йаати подумал о туннелях метро — и вновь недовольно помотал головой. Думать о таких вот вещах не годилось, — если он не хотел запугать сам себя до судорог. Тем не менее, спокойствие мирного пейзажа внизу было обманчивым, — война всё ещё шла... и буквально через миг он получил ещё одно подтверждение — в виде стрекота вертолетных лопастей.

Вначале Йаати даже не обратил на него внимания, — дома он привык к этому звуку, — потом ошалело закрутил головой. Небо по-прежнему казалось пустым... но потом он заметил возле Цитадели темное пятнышко. Оно быстро росло, приближаясь, и он вновь поджал ноги — спрятаться тут, в воздухе, некуда, а как эта штука отнесется к ним — неясно...

— Не бойся, это вертолет-охотник, — Шу усмехнулся. — Нас он не тронет. Похоже, его Цитадель выслала, чтобы посмотреть, что такое тут летит.

— А почему нам тогда не полететь прямо к Цитадели? — лететь к стены белесой мглы Йаати совершенно не хотелось, да и испытывать счастье с воротами — тоже.

— Там до самого верха орудия сотовой обороны натканы — и черт знает, как они к нам отнесутся, — буркнул Шу. — Плюс силовое поле сейчас включено — как раз, чтобы тормозить всё, быстро летящее. У охотников-то силовой дисраптор есть, через то поле проходить, — а вот у нас...

Гул лопастей накатился мощной волной и Шу замолчал. Сейчас Йаати заметил, что вертолет летит не прямо к ним, а в стороне и чуть выше. Он ничем не походил на пузатые вертолеты Сарьера — матово-черный, угловатый, страшный. Кабины экипажа не было, — вместо неё на тупом носу машины тускло блестела массивная выпуклая панель. Под ней, на

подвижной турели, висела пушка с двухметровым, как минимум, стволом. За «кабиной» между панелями корпуса сияли широкие полосы яркого сине-зеленого света, — наверное, тот самый «силовой дисраптор». Винт на коротком хвосте замкнут в массивное кольцо. Никаких надписей или опознавательных знаков — сам вид этой жуткой машины говорил за себя.

Обогнав их, вертолет развернулся и завис, словно рассматривая их. Нет, в самом деле, рассматривая, — с каждой стороны от лобовой панели зияли четыре окуляра-глаза, диаметром, наверное, сантиметров по десять. Они зыбко блестели, словно залитые выпуклой жидкой чернотой, и Йаати невольно поёжился, — дуло импульсной пушки смотрело сейчас прямо на них. Рев двигателей на таком расстоянии оглушал. Словно во сне, он заметил, что воздухозаборники турбин прикрыты массивными жалюзи, скошенными в стороны и назад — так, наверное, приговоренный смотрит в дуло винтовки за мгновение до выстрела, отчаянно хватая последние детали жизни...

Так же быстро вертолет развернулся и ушел вниз и направо. Йаати ошалело проводил его взглядом, — он закладывал широкий круг, возвращаясь к Цитадели, — потом взглянул на Шу. Тот откровенно усмехнулся, глядя на него — ему, верно, было не привыкать к таким вот зрелищам, — потом вновь склонился над компьютером, возвращая дрон на прежний курс.

16.

Они летели уже минут двадцать. Город давно остался позади, внизу тянулись леса и поселки — вроде того, в котором его держали в плену. Ещё несколько раз он видел удары главного орудия МЦ, — правда, уже далеко позади. Пару раз вдаль пролетали вертолеты, — но к ним они уже не приближались.

Йаати не представлял, что на их счет решили управлявшие сейчас Цитаделью компьютеры — но, по крайней мере, их явно не считали целью, а сейчас он был рад и этому. Внизу то и дело попадались группы всевозможных тварей, — на первый взгляд могло даже показаться, что там идет самая обычная жизнь... вот только спустаться туда Йаати не согласился бы ни за какие коврижки. Он уже достаточно набегался там, и едва спас свою жизнь... пока что.

Он всё время крутил головой, высматривая цель — и вдруг замер, заметив вдаль знакомое серебристое здание. Генератор. Крошечный, он блестел на солнце, как бриллиант.

Казалось, что всего миг назад там ничего не было, и Йаати ошалело протер глаза. Похоже, что он уже несколько минут смотрел на него... но сознание не замечало его среди множества бесчисленных деталей. Теперь же резко, словно что-то щелкнуло, бессмысленная россыпь подробностей вдруг сложилась в четкую картинку. Он увидел овраг и крохотный квадратик крепости. Почти сразу за ним поднималась стена зыбкой мути, похожая сейчас на толщу мутного стекла.

— Смотри! Там! — крикнул он Шу и протянул руку, указывая. Тот удивленно взглянул на него, потом повернул голову и тихо выругался: как оказалось, они летели куда-то в сторону.

Дрон сразу же изменил курс — и ветер вновь туго толкнул Йаати вправо. Но уж теперь заблудиться они точно не могли, и он с облегчением перевел дух. Правда, до крепости оставалось ещё добрых километров двенадцать — минут двадцать полета на такой скорости.

Скорее, даже больше, потому что теперь им отчетливо мешал ветер.

Йаати захотел спросить Шу, хватит ли батареек у дрона... но тут же прикусил язык: заряда или хватит... или нет, и знание этого точно ему не поможет. Да и отвлекать Шу от дела не хотелось. Теперь, когда курс определился, держать его оказалось совсем не так просто. Казалось, что сам ветер вдруг ожил, упорно толкая их в сторону — хорошо хоть, что тут, на высоте, он дул ровно, совершенно без порывов, но зато с такой силой, что напоминал тугой поток воды. Йаати прищурился, вспомнив, что в старину авиаторы надевали защитные очки. Сейчас такие штуковины пришлось бы им очень к месту — но, к сожалению, подумать о них они не догадались.

Он вздохнул и прикрыл глаза ладонью, но тут же вновь крепко схватился за поручень. Гравистат тряхнуло, — дрон вдруг резко вильнул. Он плохо держался на курсе, и Шу вел его теперь галсами, словно старинный парусный корабль. Держать курс так было проще, — но полет теперь сопровождался рывками и жестким встряхиванием. Каждый раз Йаати невольно думал о том, выдержит ли кабель. Если он оборвется, — их ждет долгое падение вниз, причем, к месту их посадки успеют сбежаться все окрестные твари...

Шу явно тоже подумал об этом, — по крайней мере, теперь он старался закладывать галсы побольше. Но всё равно, в какой-то миг Йаати совершенно утратил ощущение реальности. В самом деле, — ещё никто, наверное, не летал в конторском кресле, привязанном к здоровенному металлическому кольцу. Это невероятно напоминало полет во сне, и ему вдруг показалось, что он может полететь сам по себе, просто раскинув руки... к счастью, всё же не настолько сильно, чтобы он решился попробовать. Тем не менее, голова у него закружилась, и он отчаянно вцепился в подлокотники. В какой-то миг ему даже показалось, что они не летят над землей, а падают вдоль пёстрого обрыва — в мутную стеклянную бездну...

Глаза, словно сами по себе, захлопнулись, и Йаати облегченно вздохнул. Казалось, что он просто едет на машине... или, скорее, плывет на корабле... хотя на речных теплоходах такой качки, разумеется, не было, а о плавании на морских кораблях он пока лишь мечтал...

Довольно скоро ему, однако, стало сразу скучно, неуютно и стыдно от своей трусости. Йаати приоткрыл один глаз и осторожно посмотрел на Шу — не заметил ли тот что.

Шу, конечно, смотрел сейчас прямо на него — и, поймав его взгляд, усмехнулся. Не обидно, нет, просто понимающе, — и от этого Йаати стало ещё более неуютно. Вообще-то, он не считал себя трусом, и в самом деле мог вспомнить совсем мало случаев, когда чего-то пугался... по крайней мере, публично, — но тут ведь был не страх, а...

Он недовольно мотнул головой и осмотрелся. Крепость заметно приблизилась, — похоже, он просидел с закрытыми глазами больше, чем показалось. Только...

Справа, на фоне блеклого, выцветшего неба, белела россыпь смутных пятнышек. Йаати несколько раз ошалело моргнул, стараясь понять, не кажется ли ему, потом протер глаза — но пятнышки никуда не исчезли. Их было, наверное, несколько десятков, и сердце Йаати ёкнуло, едва он понял, что это такое может быть. Он мотнул головой, потом схватил болтавшуюся за спинкой кресла винтовку, вспомнив, что в ней есть оптический прицел. Увеличение оказалось слабеньким — всего раза в три, — но пятнышки выступили почти со сверхъестественной четкостью. Это были, разумеется, *залы*, которые летели прямо к ним, — но, к своему удивлению, Йаати почти не испугался, — или, точнее говоря, испугался как-то странно, словно бы не за себя, а за героя какой-нибудь книги. Отчасти потому, что в руках у него всё же было оружие, пусть и совершенно бесполезное сейчас, в основном же потому,

что попросту не мог поверить, что видит всё это наяву.

Картинка в окуляре была вся расчерчена прицельными марками. Йаати бездумно поймал *эала* на красную перевернутую «галочку» в самом центре и нажал спуск... но ничего, конечно, не случилось. Он дернул пальцем ещё несколько раз... потом всё же оторвался от прицела и перевел взгляд на Шу.

— Где тут предохранитель?

Шу отвел взгляд от экранчика и удивленно взглянул на него.

— Что?

— Предохранитель, — Йаати повернул винтовку. Раньше, разумеется, мысль спросить об этом даже не пришла ему в голову.

— Зачем тебе?

— *Эалы* летят же.

— Где?

— Там, — Йаати ткнул рукой в россыпь пятнышек, которая, казалось, совсем не приблизилась, словно просто нарисованная на небе.

Шу проследил за ней взглядом... и замысловато выругался.

— Мы, должно быть, сейчас в щели.

— В какой щели?

— Между зоной поражения главного орудия МЦ и зоной поражения орудия крепости. Иначе их уже накрыли бы.

— И что нам делать? — реальность или нет, но Йаати всё же очень боялся.

— Лететь дальше, — Шу отвернулся и снова уткнулся в экранчик. Дрон вновь резко изменил курс, и кресло дернуло так, что Йаати едва не уронил оружие.

17.

Невесть отчего, он тут же страшно разозлился на Шу — наверное, за его равнодушие, — но почти сразу успокоился. До крепости оставалось каких-то километров семь — пятнадцать, наверное, минут полета, — и потом они точно будут в безопасности, там, где проклятые летающие твари уже не посмеют за ними последовать. Правда...

— А какой радиус действия у крепостной пушки? — вдруг спросил он.

— Я не знаю, — буркнул Шу, не отрываясь от экрана. Дрон вновь вильнул, и кресло в очередной раз дернуло. Йаати едва не прикусил язык. — Судя по всему, это «Ремора». Дальность у неё три с половиной, четыре километра.

— А нам лететь ещё... — вновь посмотрев на *эалов*, Йаати в самом деле прикусил язык. Теперь он понял, что они летят вовсе не к ним, а куда-то в сторону... преграждая им путь к крепости. Похоже, что они с Шу пока что оставались в защищенной зоне... вот только помочь это им не могло. — Они не дадут нам пройти.

— Что? — Шу вновь удивленно взглянул на него, потом посмотрел вперед и всё понял. — Этого стоило ожидать.

— И что нам делать? — спросил Йаати. Приключения, конечно, вещь хорошая, — но такое их количество начало уже всерьёз его злить.

— Ничего, — Шу замер, к чему-то прислушиваясь. Йаати замер, удивленно глядя на него, но почти сразу же услышал за спиной знакомый стрекочущий звук.

— Вертолеты летят, — сказал он.

Шу улыбнулся.

— Угу.

18.

Приподнявшись в кресле, Йаати посмотрел назад. В самом деле, от Цитадели к ним летели вертолеты, много, наверное, десятки. За ними двигалось что-то ещё, какие-то длинные прямоугольники, но их никак не получалось разглядеть — очень уж далеко.

— Что это?

— Что? — Шу вновь оглянулся. — Воздушные крейсера из Цитадели. Очень мощные штуки, но медлительные. Я о таких только слышал.

— Ничего себе... — Йаати снова посмотрел вперед. Он не знал, заметили ли *эалы* летящую к ним армаду, но курс их не изменился, и это очень ему не понравилось. Твари наверняка не в первый раз сталкивались с оружием Крэйнов, и уж точно знали, что делать в таких случаях.

Он вздохнул и поудобней устроился в кресле. Сейчас он чувствовал себя, как зритель на каком-то невероятном фильме: ничего другого ему всё равно не оставалось.

Гул винтов становился всё сильнее, затем под ним, над ним, по сторонам с ревом пронеслись вертолеты. Их было добрых десятка полтора, и воздушная волна хлестнула Йаати по лицу, ощутимо качнув гравистат. Дрон тоже мотнуло в потоке взвихренного воздуха, кабель дернулся, и зубы Йаати лязгнули. Он чуть не вылетел из кресла... точно вылетел бы, не сжимай его руки подлокотники. Для фильма всё это было, пожалуй, слишком реальным... но ощущение реальности всё равно не вернулось к нему: слишком уж далеко всё это было от хоть как-то привычных ему вещей.

Вертолеты ушли далеко вперед, сближаясь с *эалами*, и он инстинктивно вытянул шею, пытаясь хоть что-то разглядеть. Потом вновь схватился за винтовку: даже небольшое увеличение прицела всё же лучше, чем совсем никакое.

Казалось, что вертолеты уже совсем рядом с тварями, но до них, на самом деле, было всё ещё довольно далеко: по крайней мере, узкие силуэты охотников всё ещё смещались в их сторону, постепенно уменьшаясь. Йаати, правда, казалось, что они совсем не движутся: в его взвинченном состоянии время шло едва-едва, чуть не останавливаясь вовсе.

Сосредоточившись на вертолетах, он почти забыл об *эалах*, и торопливо перевел взгляд, заметив крошечные голубые вспышки. Трасс выстрелов отсюда видно не было, и он не сразу понял, что охотники ведут огонь из импульсных орудий. Результатов, правда, он не видел, — казалось, что на белесых силуэтах *эалов* в беспорядке мигают фотолампы... но и только. Похоже, что твари имели свой вариант защитного поля, и это очень ему не понравилось: если охотники не уберут заслон, они не смогут попасть в крепость. В его мире, в Сарьере, вертолеты несли целые батареи ракет, — он видел это в военной хронике и в фильмах, — но тут ракет почему-то не было. Охотники, однако, тоже сталкивались с *эалами* далеко не в первый раз. Вспышки попаданий, это дрожащее, мерцающее облачко, начало сжиматься, пока не сошлось лишь на одной твари, превратив её в сплошной клубок бьющегося света.

Ещё несколько секунд Йаати казалось, что защита *эала* удержит и такой сосредоточенный огонь... потом вспышки вдруг стали тусклее, желтовато-красными...

потом погасли... а потом он увидел, как дымящаяся туша твари безжизненно падает вниз.

Йаати заорал от радости... и тут же смущенно осекся, когда Шу недовольно шикнул на него, — вопли отвлекали его от управления дроном. Йаати вздохнул и вновь прижал прицел к глазу. Винтовка была тяжелая, — не самый удобный инструмент для наблюдения, — но от происходящего там, впереди, зависели их с Шу жизни, так что приходилось терпеть.

Сосредоточенным огнем охотники сбили вторую тварь, потом третью. Потом вдруг наступила небольшая пауза, — как решил Йаати, *эалы* отступали, выходя из зоны огня. Охотники, однако, двинулись за ними, и он радостно вздохнул, когда они сбили четвертую тварь. На какой бы чертовщине не летали *эалы*, летали они медленно. Они не могли ни уйти от охотников, ни устоять против их огня. Им оставалось лишь погибнуть... однако, вся их масса вдруг резко пошла вниз. Охотники сбили пятую тварь, потом шестую, седьмую... а потом один из них взорвался, наткнувшись на линию синего огня. Дернув прицел вдоль неё, Йаати заметил крошечный силуэт *зысыта*, потом — ещё дюжину. Почти сразу они сбили ещё трех неосторожно снизившихся охотников, заставив уцелевших резко набрать высоту. Теперь впереди возникло что-то вроде пирога: у земли, под прикрытием *зысытов*, парили *эалы*, над ними кружили охотники. Йаати не знал точной ширины опасной зоны, но похоже, что им всё же удастся миновать её — к их счастью, они летели ещё выше охотников, а до такой высоты орудия *зысытов* точно не могли достать.

Йаати подумал, почему их нельзя ставить на более крупных и массивных *эалах*. Вероятно, принцип их действия был несовместим с принципом полета тварей. На этот счет он мог бы спросить Шу, но всё же не решился его отвлекать: постоянно сносимый боковым ветром дрон летел резкими зигзагами, и управлять им точно было делом нелегким.

Несколько следующих минут прошли почти спокойно. Йаати непрерывно крутил головой, стараясь смотреть во все стороны сразу, но новых незваных гостей в воздухе не появлялось. «Воздушные крейсера», как назвал их Шу, по-прежнему держались далеко позади, то ли нарочно, то ли, в самом деле, по причине медлительности, так что рассмотреть их, даже в оптический прицел, не удавалось. В любом случае, эти странные штуковины не имели ни крыльев, ни каких-то видимых винтов, и в общем, походили на треугольные призмы, летящие горизонтально. Размер их никак не удавалось угадать, — за отсутствием вокруг ориентиров, — а спрашивать Шу Йаати не решался. Вертолеты-охотники кружили уже почти прямо под ними, — а ниже, на фоне земли, плавали светлые пятнышки *эалов*. Сразу трое их начали набирать высоту. Йаати испуганно поджал ноги — и облегченно вздохнул, когда первый из них вспыхнул и пошел вниз, изрешеченный импульсными пушками.

Вдруг вся их масса дружно пошла вверх, и он испуганно охнул, словно кресло провалилось под ним. Охотники открыли ураганный огонь, вспыхнул ещё один *эал*, второй, третий... но их было слишком много, а даже сосредоточенный огонь импульсных пушек не мог поражать больше одной твари за раз. Дистанция быстро сокращалась, и *эалы* тоже открыли огонь, — к охотникам устремились шары ослепительной плазмы. Столь мощной атаки броня и силовое поле охотников (если оно вообще у них было) удержать не смогло, и под Йаати засверкали взрывы. Почти мгновенно полдюжины охотников превратились в

косматые огненные клубки, из которых во все стороны полетели дымящиеся обломки. Затем по ушам ударил оглушительный грохот, а волны раскаленного воздуха ощутимо поддали кресло снизу. Дрон тоже подбросило вверх, кабель вновь дернуло, и гравистат закачался.

Йаати отчаянно вцепился в подлокотники, выронив винтовку, — лишь перехлестнутый через плечо ремень не позволил ей упасть вниз. Тем не менее, она стукнула его по колену, и он взвыл от боли. На несколько секунд ему стало не до происходящего вокруг, и в себя его привели лишь яркие вспышки. Ошалело взглянув вниз, он увидел под собой целое созвездие жутких кровавых пылающих пузырей — которые почти сразу разорвало жуткими черно-желтыми облаками. Потом ударная волна вновь поддала гравистат снизу, и Йаати намертво вцепился в кресло, отчаянно жалея о том, что у него нет второй пары рук, чтобы зажать уши — невероятно резкий, рвущий треск взрывов бил по ним очень чувствительно.

Почти сразу же небо под ним прорезали толстые линии ослепительно-белых лучей. Упираясь в *залов*, они вспыхивали призрачными коронами лилового огня, который почти тут же сгущался в жуткое кровавое сияние. Затем полыхнула вторая серия взрывов, к счастью, в этот раз уже пониже.

Лучи шли горизонтально. Йаати приподнялся в кресле, чтобы посмотреть на источник... и едва не полетел вниз, когда его настигла новая воздушная волна. Тем не менее, он успел заметить сиреневые огоньки на передних торцах самых больших призм. Через секунду ударил третий залп, и Йаати отчаянно вцепился в кресло.

В этот раз взрывы полыхнули ещё ниже, и воздушная волна оказалась слабее. Тем не менее, грохот вновь больно ударил по ушам. *Эалы* быстро опускались, но их настиг четвертый залп, и почти сразу же пятый. Затем огонь прекратился. Йаати видел, что несколько тварей всё же уцелело, спустившись к самой земле, но с воздушных крейсеров они, наверное, были незаметны за лесом.

На месте сбитых тварей распускались дымные облака, быстро поднимаясь вверх. Дрон влетел в одно, и Йаати закашлялся от невыносимо мерзкой вони, похожей на вонь сгоревшего хитина — его он ощущал вовсе не один раз, поджигая в школе бумажки с завернутыми в них дохлыми мухами. Сейчас, правда, эта шутка вовсе не казалась забавной.

20.

Ещё несколько минут Йаати пребывал в прострации, отчаянно пытаясь собрать свои мысли и понять, реальность это или сон. Потом он вдруг заметил, что они заметно снизились. Высота составляла всего метров пятьсот, и, похоже, продолжала падать. К счастью, до крепости было уже всего каких-то километра три, и они, похоже, оказались внутри безопасной зоны. По крайней мере, безопасной с воздуха. Под ногами Йаати сейчас проплывала дорога, и по ней двигалась целая колонна *фтангов*. Их, словно собаки, сопровождали стаи «двупалов», ещё более многочисленные, и Йаати поёжился. Спускаться туда, к ним, ему совершенно не хотелось.

— В чем дело? — спросил он у Шу.

— Батарей дохнут, — вполне ожидаемо ответил тот. — До крепости не дотянем. Придется садиться раньше.

— Спасибо, — буркнул Йаати. Твари внизу, безусловно, заметили их. К счастью, у них, похоже, не оказалось оружия, способного достать их на такой высоте. Но, когда они

спустятся на землю, ситуация изменится...

Сзади донеслось ещё несколько взрывов. Обернувшись, Йаати увидел, что воздушные крейсера стреляют по *зысытам*, тоже устремившимся в погоню. На земле вспухали жуткие кровавые пузыри, тут же вспыхивая взрывами. В воздух летели какие-то лохмотья, и Йаати вновь ошалело помотал головой. Он никак не мог поверить, что всё это кошмарное сражение происходит только ради них.

21.

Ещё через пару минут дрон заглох. Жужжание винтов, ставшее для Йаати уже частью мира, вдруг стихло, он завис на мгновение, — а затем камнем пошел вниз. Йаати напрягся... но Шу, схватив винтовку, одной точной очередью перебил кабель. Дрон стрелой полетел вниз, а Йаати вдруг стал легче: гравистат тоже пошел вниз, правда, не так быстро. Тем не менее, ветер засвистел в ушах, и сердце у него замерло: теперь падение стало неизбежным. Он ошалело осмотрелся. К счастью, Шу всё же ухитрился дотянуть до безопасной зоны, и они должны были сесть — или упасть — уже за воротами, возле знакомого ему двухэтажного здания. Там, внизу, насколько хватал глаз, никого не было, — но всего в нескольких сотнях метров их поджидала целая армия *фтангов* и «двупалов». К счастью, они уже не могли войти сюда.

Главное орудие крепости раз за разом стреляло куда-то в зенит, выплевывая полосы слепящего белого огня. Задрвав голову, Йаати увидел, как высоко в небе вспухают облачка взрывов. Там, наверное, уже над полем, плыли, кажется, сотни *эалов*, — а впереди полнеба занимала зыбкая полупрозрачная стена, смотреть вглубь которой не хотелось.

— Когда я скажу, бросай свой ранец вниз! — крикнул Шу, отчаянно возясь с лямками своего. — Потом прыгай! Это замедлит падение!

Йаати кивнул... и тут же заметил *эала*. Он падал сверху, словно камень, должно быть, с громадной высоты — очень быстро, как настоящая бомба. Сердце у него замерло, когда он понял, что тварь-камикадзе нацелилась прямо на блестящее здание генератора. Почему-то ни воздушные крейсера, ни главное орудие крепости не стреляли по ней — должно быть, столь быстро падающая цель казалась им уже уничтоженной, да и времени на это уже не оставалось: наверху кружили целые сотни *эалов*, то и дело попадая на прицел.

Огромная, тяжелая туша врезалась в крышу, и серебристая коробка здания смялась, как бумажная. Затем там полыхнуло быстрое сиреневое пламя, и в небе вспух жирный клуб дыма. В животе у Йаати что-то оборвалось. Защитного поля, на которое он так надеялся, больше не существовало.

22.

На дальнейшие размышления времени у него уже не осталось: высота составляла уже всего метров тридцать, и до удара оставались какие-то секунды.

— Бросай, бросай! — заорал Шу.

Развернувшись в кресле, Йаати сдернул с его спинки ранец, и швырнул его вниз. Мгновением раньше туда полетел ранец Шу. В тот же миг Йаати ощутимо вдавило в кресло.

Падение замедлялось, и всего метрах в двух над землей гравистат остановился... чтобы тут же решительно двинуться вверх.

— Прыгай! — заорал Шу, уже в полете.

Высота уже быстро росла, и Йаати на миг испуганно замер... но выбора у него уже не оставалось. Собрав в кулак всю смелость, он прыгнул... и на мгновения полета сердце его остановилось. Земля ударила его по пяткам, потом — по заду и спине... и он пришел в себя, уже глядя в мутное сизое небо, в которое, сверкая на солнце, стремительно уносился гравистат. Так или иначе, но эта часть его пути закончилась.

23.

Какое-то время Йаати лежал на спине, бессмысленно глядя в смутную пустоту неба. Падение вышибло из него дух, сознание вроде как работало, но тело словно отключилось. Он не мог вдохнуть, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, да и вообще, не мог понять, на каком он сейчас свете. Потом над ним появилось испуганное лицо Шу. Нагнувшись, тот схватил его за грудки, и без особой натуги поставил на ноги.

В голове у Йаати что-то щелкнуло. Он, наконец, судорожно вдохнул, тут же закашлялся... и мир вокруг словно включился. Волной накатился грохот орудийных выстрелов, на который накладывался сплошной, низкий гул, похожий на гул колокола, — как осознал Йаати, гудевшего внутри его собственной головы. Он ошалело мотнул ей и осмотрелся. Ранец с зарядами лежал всего шагах в пяти, и он, шатаясь, словно пьяный, пошел к нему, поднял, пошатнувшись от тяжести, и кое-как забрался в лямки. Его тут же пригнуло к земле, и Йаати, вздохнув, выпрямился. Голова у него кружилась, и он не вполне понимал, что происходит вокруг. За дырками в воротах мельтешило что-то желто-сизое. Он бездумно вскинул винтовку и нажал спуск... но выстрела вновь не последовало. Шу грубо рванул его за руку.

— Дурак! Бежим!

Йаати попробовал... но через несколько шагов упал на четвереньки. Спина, ноги, зад болели, да и тело подчинялось ему не слишком хорошо. Шу, выругавшись, вновь поставил его на ноги и потащил вперед, держа под руку. Йаати стало невыносимо стыдно, и он попробовал вырваться... но Шу держал его крепко, да и ноги пока слушались всё же не настолько хорошо, чтобы он мог идти сам и быстро.

Быстро оглянувшись, Шу потащил его куда-то в сторону, в заросли. Йаати не сразу понял, зачем... потом всё же вспомнил, что эта вот дорога ведет вообще не к крепости, а к уничтоженному уже генератору, да и маячить на виду у тварей не стоило.

Идти сразу стало тяжело, — ноги путались в бурьяне, его верхушки хлестали по лицу. К тому же, и сама земля под ногами оказалась неровная. Йаати несколько раз спотыкался, и точно упал бы, не поддерживай его Шу. Тот оказался на удивление сильным, и тащил Йаати, словно трактор. Стыд, правда, оказался ещё сильнее, — в какой-то миг Йаати всё же смог вырваться... и с облегчением понял, что вполне может идти сам, причем, достаточно быстро.

Наконец, впереди замаячил просвет, и довольно скоро они выбрались на новую грунтовую дорогу, в этот раз точно ведущую к крепости. Идти сразу стало легче... но, оглянувшись, Йаати заметил бегущих к ним «двупалов». За ними, вдали, маячило несколько

вооруженных *фтангов*.

Убежать в этот раз точно не вышло бы, так что Шу, развернувшись, сразу же открыл огонь. Его импульсная винтовка выплюнула узкий веер тусклых лиловых молний, и трех тварей сразу же снесло. Они, кувыркнувшись, упали в траву, пропав из поля зрения... но прочие — не менее дюжины — продолжали стремительно бежать к ним.

Йаати вновь вскинул оружие... но винтовка не выстрелила и в этот раз.

— Где предохранитель? — спросил он.

Шу удивленно взглянул на него... но лишь на мгновение.

— Тут, — он показал на большую плоскую кнопку над зарядным кольцом. Она была окрашена под сиренево-белый цвет корпуса, и потому Йаати не заметил её сразу.

— А! — он торопливо нажал на неё. В винтовке что-то пискнуло, и на прицеле зажегся злой желтый огонек.

Йаати приложил оружие к плечу, и, поймав в прицел ближайшего «двупала», нажал спуск. Отдача оказалась неожиданно сильной, — чем бы ни стреляла эта импульсная винтовка, оно имело вполне ощутимую массу. Сам же звук выстрела был смазанным, каким-то глухим. Мелькнула лиловая вспышка, «двупал» упал. За ним тут же появился второй, и он выстрелил снова. Тварь исчезла, но за ней, как чертик из коробочки, тут же появилась третья. Йаати зарычал и нажал на спуск сильнее. Винтовка тут же выдала очередь, и от силы отдачи он едва не упал. Тем не менее, он всё же удержал оружие, и заметил, как «двупал» рухнул, оставив лишь облачко желтоватого пара. За ним, наконец, показались *фтанги*. Они стремительным, птичьим шагом неслись к ним, сжимая в маленьких ручках оружие.

— Руби их! — крикнул Шу. Он плюхнулся на живот и выдал длинную очередь, сразу же сбив с ног трех первых тварей. Йаати растянулся рядом с ним, прижав к плечу винтовку. Из такого положения стрелять оказалось гораздо удобнее, и он нажал на спуск, выпуская весь заряд одной длинной, непрерывной очередью. Оружие билось и прыгало в руках, — но, по крайней мере, часть его выстрелов попала в цель.

Он сбил с ног двух *фтангов*, Шу застрелил остальных, тут же быстро поднялся, быстро выбросил пустой накопитель, достал из ранца и вставил новый. Йаати последовал его примеру, — правда, тут Шу пришлось помочь ему, хотя дело оказалось, в общем, несложное — повернуть, вынуть, вставить новый, снова повернуть до упора. Но даже столь простые движения требовали определенной сноровки и сосредоточенности, — а обстановка отнюдь к ней не располагала. Пока что на дороге никого не было, — но в любой миг на ней могли появиться новые твари. Переглянувшись, они бросились к крепости, — но почти сразу Шу остановился, словно налетев на стену. Несколько *фтангов* как-то обогнали их и появились впереди. Прежде, чем Йаати успел что-то сделать, плазменный заряд угодил ему в грудь.

Страшный удар опрокинул его навзничь, и он очнулся, оглушенный пронзительным звоном в ушах, с обожженным лицом. Энергожилет всё же отразил заряд, но Йаати чувствовал, что обречен: он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, да и вообще, едва их чувствовал. Он лежал на спине, слабо, бессмысленно дергаясь, словно выброшенная на берег рыба. В небе над ним плавно плыли разнокалиберные призмы. Одна из них с величавой медлительностью повернулась вертикально — и из трех растущих по углам «рогов» вниз ударили струи дрожащего голубого сияния. Вероятно, раздался дикий треск, — но сейчас Йаати совершенно ничего не слышал.

Призма поплыла куда-то вправо, быстро вращаясь вокруг вертикальной оси и всё время извергая огонь. Из её полой сердцевины одна за другой падали какие-то круглые штуковины.

Йаати узнал шаровые мины и вспомнил, что о них ему говорил Шу. Он испуганно дернулся, и в этот раз всё же смог сесть... чтобы тут же увидеть, как *фтанг* стреляет в одну из них из своей пушки. В ослепительной вспышке мина отлетела назад, — но тут же вновь бодро покатила к нему, опираясь на выскакивающие из её корпуса стержни. Второй выстрел задержал её лишь на мгновение, — а потом её и *фтанга* на миг соединила ослепительная молния длиной добрых метра два, и существо упало, как подкошенное.

Йаати напрягся, но мина покатила куда-то в сторону. Он поджал ноги и кое-как сел, ошалело осматриваясь. Шу стоял всего шагах в трех, остервенело паля куда-то в сторону крепости — там под огнем металась и падали «двупаль». К ним также катилось несколько тускло поблескивающих мин. Сбросившая их призма ушла уже далеко в сторону. Её лучи погасли, но мины продолжали падать. Навстречу им летели огненные черты плазменных зарядов, ярко, но безвредно вспыхивая на монолитной металлической броне.

Йаати обернулся, ошалело осматриваясь. Позади них, над зарослями возвышались тонкие силуэты нескольких *зысытов*. Пушка одного из них выплюнула ослепительный луч, и в тот же миг по глазам ударила сиреневая вспышка. Инстинктивно повернувшись к ней, Йаати увидел, как на землю рушатся обломки разрубленной надвое призмы. Из них во все стороны настоящим водопадом сыпались мины.

Едва он повернулся обратно, *зысыт* исчез в зыбком сиреновом мареве, тут же вспухшем страшным кровавым пузырем, — а всего миг спустя там полыхнул взрыв, столь мощный, что ещё двух *зысытов* сбilo с их неестественно тонких, длинных ног. Задрав голову, Йаати увидел наверху призму намного большего размера — высотой в двух или трехэтажный дом и длиной в добрых пятьдесят метров. На её переднем торце, в окружении трех фиолетовых, словно бы стеклянных треугольников зиял огромный круглый «глаз», затянутый смутной серой мглой.

Вдруг он налился густо-синим, словно жидким светом — и вниз вновь ударил толстый белый луч. Зыбкая багровая сфера поглотила ещё двух *зысытов*. Два уцелевших дали дружный залп, — но их синие лучи разбились о вдруг забурливший, словно жидкое стекло, воздух, не долетев до корпуса добрых метров десяти. Фиолетовые треугольники ярко засветились и потухли, а призма, неторопливо развернувшись, дала третий залп.

На сей раз, взрыв оказался гораздо мощнее. Ударная волна толкнула Йаати в грудь, и он плюхнулся на задницу, чувствуя себя сейчас кем-то вроде таракана: в небе над ним полыхал бой, лучи и плазменные заряды, казалось, раскалывали его на части, словно молнии в грозу. То и дело вспыхивали взрывы, тут же превращаясь в дымовых медуз, протянувших к земле следы-щупальца падающих обломков.

Понять, чья берет, не удавалось: вспышки взрывов и выстрелов били по глазам. К тому же, смотреть вверх удалось всего пару секунд. Потом Шу дернул его за руку, и Йаати, опомнившись, опустил слезящиеся от страшного блеска глаза. К ним, потрескивая, катилась целая волна шаровых мин, от которой им пришлось убежать со всех ног.

На полном ходу влетев в заросли, Йаати тут же наткнулся на «двупала». Тот ударил его стрекательными щупальцами — к счастью, безрезультатно. Йаати на ходу огрел его винтовкой и бросился дальше. Прямо перед ним рухнул здоровенный кусок раскаленного металла — вероятно, осколок взорванной призмы, — но он лишь шарахнулся в сторону, огибая его.

Обломки сыпались с неба дождем, и он, ошалев, мчался вперед, рассчитывая только на удачу. Она его не подвела, — навстречу выскочил *фтанг*, но, едва он успел вскинуть оружие,

здоровенный кусок стальной бронеплиты вбил его в землю. Йаати на бегу перескочил через неё, уже совсем перестав соображать. Сейчас им управляли лишь инстинкты, а ошалевшее сознание болталось где-то высоко наверху. Заметив сразу пятерых *фтангов*, он налетел на них, — и свалил всех одной длинной очередью: подвиг, на который он никогда не осмелился бы, соображай он сейчас хоть немного.

Он и дальше бы, наверное, бежал, куда глаза глядят, бесполезно размахивая уже разряженной винтовкой — что, неизбежно, кончилось бы очень быстро и очень печально для него, — но тут, наконец, его догнал Шу, и, грубо дернув за руку, развернул к крепости. Немного опомнившись, Йаати осознал, что бежал совсем не к ней, а куда-то в сторону — туда, где ещё вяло дымилось смятое падением *эала* здание генератора.

Ошалело осмотревшись — в непосредственной близости врагов вроде бы не было — он помчался к крепости. Её, правда, он пока не видел, — лишь из-за леса в небо раз за разом били ослепительные выстрелы пушки. Шу хотел вернуться на дорогу, — бежать по зарослям оказалось всё же очень тяжело, — но на ней уже обосновались *фтанги*, встретив их огнем. На таком расстоянии их пушки не добивали до цели, — но цепочка плазменных зарядов взорвалась, казалось, перед самым лицом Йаати, вновь оглушив его и опрокинув назад.

Беззвучно зарывчав от ярости, он перезарядил винтовку и поднялся, — проклятый бурьян не позволял стрелять лежа или даже сидя. За это время *фтанги* успели подойти ближе, — и, не успев опомниться, Йаати получил второй заряд в энергожилет. Мир перед глазами вспыхнул и куда-то полетел...

24.

Он очнулся от оглушительного звона в ушах. Казалось, что мерзкий пронзительный звук впивается прямо в мозги, и он невольно потянулся к ушам, чтобы зажать их. Но его руки наткнулись на ещё чьи-то, вцепившиеся в ремни ранца. Одновременно он почувствовал, что его тащат куда-то. Йаати инстинктивно дернулся, — и, наконец, открыл глаза.

И вновь дернулся, заглянув прямо в черное треугольное жерло парящей над головой призмы, — она висела над ними на высоте метров в двадцать, быстро вращаясь вокруг своей оси. Там, в темноте, виднелись какие-то клещи или крепления, но, к счастью, пустые, — похоже, что призма уже сбросила весь свой груз мин. То, что он издали принял за ножи, оказалось шестигранными стволами длиной метра по три. Всё время двигаясь, они, однако, смотрели прямо на него, и Йаати невольно зажмурился — ничего больше он пока не мог сделать. Но, едва он опустил ресницы, ему стало ещё страшнее, и, не выдержав даже секунды, он приоткрыл один глаз. Призма, всё так же вращаясь, плавно уходила в сторону. На вид она казалась страшно тяжелой, — толщина монолитных металлических стенок составляла добрых сантиметров двадцать, — и он не представлял, как она держится в воздухе. Никаких видимых двигателей эта штука не имела, и, если она издавала хоть какие-то звуки, всё равно, сейчас он не слышал ни фига.

На фоне блеклого мертвого неба появилось испуганное лицо Шу, — он склонился над ним, что-то спрашивая, но сейчас Йаати всё равно не слышал его. Тем не менее, у него отлегло от сердца — в какой-то миг ему представилось, что его вновь схватили *фтанги*, — или кто похуже, — и, окажись так на самом деле, он бы, наверное, просто умер на месте от испуга. Неплохой подарок судьбы, если подумать, — но прямо вот сейчас помирать Йаати не

хотелось. Он испуганно задержал руками и ногами, потом пошевелил всеми пальцами, о которых только смог вспомнить — к его невероятной радости, все были на месте и слушались. Тело под энергожилетом тоже, вроде, сохранилось неплохо, — по крайней мере, по нему не текла кровь, и там, вроде, даже ничего не болело. Зато голова просто раскалывалась, а в ушах звенело так, что в мозг словно закручивали винты. Йаати страдальчески сморщился и всё же дотянулся до ушей, — но это, естественно, не помогло. Мерзкий писк рождался где-то глубоко внутри, и он яростно мотнул головой, инстинктивно стараясь выпряхнуть его. В тот же миг она закружилась так резко, что его едва не вывернуло — уже вторая за последние несколько минут контузия явно не пошла ей на пользу.

Йаати крепко зажмурился, стараясь выгнать боль и писк просто отчаянным усилием воли. Как ни странно, это помогло, — по крайней мере, в голове вдруг словно что-то щелкнуло, встав на место, и застрявшие в ней мысли вновь задвигались. Йаати осознал себя как целое, а не как какое-то облако растрепанных обрывков, случайно влетающих в почти погасший луч его сознания. Он был жив и почти цел, только оглушен, — сейчас он понял это совершенно точно. Энергожилет всё же смог отразить второй удар, — хотя, взглянув на контрольный браслет, Йаати увидел, что в нем осталось лишь двадцать процентов заряда. Третий такой выстрел точно прикончил бы его — и, подняв голову, он испуганно осмотрелся.

Шу тащил его через какие-то заросли, так что он не видел толком, что происходит вокруг. И, естественно, не слышал. Воздух вонял дымом, озоном, и ещё чем-то гадким, похожим на сгоревших мух, — наверное, обломками сбитых *элов*. Он уже ощущал этот смрад во время воздушного боя.

Сражение в небесах, между тем, продолжалось, но уже не так яростно: количество участников с обеих сторон очень существенно уменьшилось. От армады Цитадели уцелело только пять или шесть огромных летающих призм — воздушных крейсеров, как называл их Шу, — и несколько призм поменьше. Их атаковало десятка полтора *элов* — по крайней мере, столько их вмещалось в поле зрения Йаати. Они раз за разом били по призмам, — но их плазменные заряды разбивались о защитные поля неровными сполохами жидкого, текучего сияния, в то время как сами призмы медленно вращались, стараясь поймать врага в прицел своих страшных орудий. Что получалось у них плохо, — маневренность точно не являлась сильной их стороной. Время от времени до тварей, правда, доставало главное орудие крепости — тогда в небе вспухали облака мерзкого буро-желтого пара, а вниз, кувыркаясь, летели дымящиеся обломки, — но на место уничтоженных *элов* тут же приплывали новые, так что число их, в общем, не менялось. Он понял, что исход сражения ещё далеко не решен, и судорожно замахал руками, ища винтовку. Тут же Шу рывком поставил его на ноги. Йаати пошатнулся, но всё же устоял, сумев, наконец, осмотреться.

К своему удивлению, он стоял всего метрах в пяти от дороги. К счастью, пустой. Метрах в ста позади *фтанги* остервенело дрались с наседаящими на них шаровыми минами — молнии и вспышки плазменных выстрелов мелькали беззвучно, как во сне.

Вновь потеряв уши, Йаати обернулся. К его невероятной радости, его винтовка висела на плече Шу. Тот, впрочем, тут же скинул оружие и протянул ему. Йаати осторожно взял её. Руки слушались его, но вот ощущались как-то плохо, и потому казались чужими — не самое приятное ощущение. Шу молча, — он явно понял, что говорить с ним пока что не имеет смысла, — указал на дорогу, и Йаати, продираясь сквозь заросли, побрел к ней. Идти было трудно, — ноги путались в бурьяне, да и ощущались тоже плохо, — но, по крайней мере, он

добрался до цели, не упав. Шу молча указал ему вперед, а сам повернулся к побоищу, поднимая винтовку. Йаати не двинулся, — ему совершенно не хотелось бросать друга, — но Шу, поняв его, быстро попятился, и, сделав несколько шагов, вновь оглянулся. Поняв, наконец, его задумку, Йаати, как мог быстро, пошел вперед, внимательно осматриваясь. Теперь они двое видели всё, что происходит вокруг, так что никто не мог наброситься на них со спины. Это, конечно, не мешало внезапно напасть из зарослей, так что Йаати всё время нервно крутил головой. Она от такого обращения кружилась, что невероятно его злило, — сейчас он чувствовал себя преданным собственным телом, таким прежде послушным.

Опасения его оказались не напрасными, — почти тут же на дорогу выкатилось несколько шаровых мин. Вскинув винтовку, Йаати стал стрелять по ним. Проклятая шпуковина прыгала в руках, как живая, отдача отзывалась болью в голове, несколько первых раз он вообще промазал — но мина, в которую он всё же попал, перестала двигаться, а с остальными ему удалось разобраться раньше, чем они добрались до него.

Шу не пришел ему на помощь, но по очень уважительной причине — обернувшись, Йаати увидел, как он быстро стреляет по бегущим по дороге *фтангам*. Уцелевшие твари бросились в заросли, чтобы обойти их с флангов, и дело могло кончиться плохо, — даже в бурьяне эти руконоги двигались гораздо быстрее людей, — но над зарослями взлетела вдруг шаровая мина, потом ещё несколько. Шу не стал ждать, чем кончится сражение, вновь толкнув Йаати к крепости. Тот как мог быстро зашагал вперед, внимательно осматриваясь и крутя головой, как сова, — после контузии поле зрения явно сузилось и как-то неприятно мерцало, словно он смотрел через заполненную водой банку. Мерзкий писк в ушах, правда, стал стихать, — а может, он привык к нему, но теперь он не казался столь мучительным. Тело тоже стало понемногу оживать, — Йаати уже не заносило на каждом шаге, и он не тратил все силы только на то, чтобы не упасть. Боль в голове, правда, стала ещё ярче и сочнее — теперь, когда оцепенение отступило, он почувствовал её во всей полноте.

Йаати даже остановился и ощупал её свободной рукой, — но наткнулся лишь на забитые растительным сором волосы. Ничто ниоткуда не текло, мозги оставались на отведенном им природой месте, — хотя в это уже слабо верилось. Казалось, что от удара они перевернулись внутри головы и никак не могут встать на место — не самое приятное из ощущений. Йаати даже стукнул себя основанием ладони по лбу, — и всё тело прострелило болью так, что он едва не свалился. В ушах, правда, словно что-то щелкнуло, и сквозь писк стали пробиваться звуки — глухо, словно сквозь подушку, но сейчас он был очень рад и такому. Слышал он сейчас только треск и грохот — над головой, словно горизонтальные молнии, то и дело мелькали полосы ослепительной плазмы. Главное оружие крепости раз за разом било по чему-то, что оставалось за его спиной, но туда Йаати старался не смотреть, доверив Шу прикрывать отступление. То, что творилось впереди, волновало его всё же куда больше. Дорога там поворачивала, скрываясь за стеной леса, и он пока не видел крепости. Зато в самом лесу могло скрываться, что угодно — он уже убедился, что *фтанги* передвигаются в нем куда быстрее человека. Глаза же не могли проникнуть в глубь зарослей, и внезапный выстрел из засады наверняка стал бы первым её признаком. А заодно и последним — почти разряженный энергожилет точно не смог бы отразить даже один выстрел.

Йаати постарался вспомнить, взяли ли они с собой запасные батареи к ним, — но тут на дорогу впереди рухнула сбитая призма, буквально взорвавшись чудовищным облаком искр. Земля под ногами подпрыгнула, больно ударив по пяткам, и Йаати едва устоял. Он ошалело взглянул вверх, — чтобы заметить, как от удара главного орудия крепости взрывается

сбивший призму *зал*, — потом краем глаза заметил, как из уцелевшего её торца волной выкатываются мины.

Он рывком вскинул винтовку, но та не выстрелила — похоже, накопитель разрядился полностью. В голове что-то испуганно взвыло, но, к его счастью, руки его сейчас жили, словно сами по себе. Йаати с удивлением смотрел, как они быстро выбросили пустой накопитель, достали из клапана ранца запасной и вставили его в обойму. Вскинув винтовку, он открыл огонь, стараясь поразить все мины раньше, чем они раскатятся. Винтовка прыгала в руках, толчок каждого выстрела бил в голову болью, словно по ней лупил отбойный молоток, так что из этого мало что вышло, — но Йаати перезарядил оружие и вновь начал стрелять. Умирать ему очень не хотелось, и в этот раз ему всё же повезло, — по крайней мере, когда винтовка вновь замолкла, исчерпав заряд, на виду не было ни одной движущейся мины. Часть их наверняка закатилась в кусты, но с этим он уже ничего не мог поделать.

Быстро перезарядив винтовку, он пошел вперед, испуганно глядя то вперед, то вправо, то влево. Сбитая призма на треть зарылась в землю, разбросав её, — она и впрямь весила, наверное, сотни тонн. В её задней или верхней части зияла огромная дыра, окаймленная желто-багровым свечением — в её глубине что-то искрило, оттуда лениво шел дым. Монолитный металл от удара расплавился и буквально расплескался, застыв длинными сосульками, и Йаати передернуло, — мощь оружия *залов* была просто чудовищной.

Он дошел до последней подбитой им мины, — на вид она казалась совсем целой, но не двигалась, — и на миг испуганно замер. Идти дальше совершенно не хотелось, — если бы одна из мин вдруг «оживла», она убила бы его тут же, — только вот выбора, к сожалению, не имелось.

Вздохнув и покрепче сжав зубы, — чтобы не стучали, — Йаати вновь пошел вперед. От развороченной брони разило жаром, как из печки, под ней застыли лужи тусклой стали. Йаати повернул налево, чтобы обойти плоский, в непонятных выступах, нижний торец призмы — и тут над его головой взвизгнули пули. Ошалело оглянувшись, он увидел, как, взмахнув руками, падает Шу.

25.

Взгляд Йаати испуганно метнулся назад. *Фтангов* там не было, — но вдали, у другого поворота, метров за триста или больше, он заметил несколько светло-серых, с желтыми полосками фигурок — таких же солдат, каких он видел в доме у ворот и у Малой Цитадели, но только живых. Вскинув автоматы к плечу, они стреляли по нему одиночными. Пули отчетливо свистели вокруг, и Йаати сиганул за призму.

На секунду он замер, ошалело хватая ртом воздух и не зная, что делать. Пули взвизгивали над головой, с резким звоном били по металлу, — не упали эта призма вот сюда, его сейчас точно подстрелили бы.

Смелости выглянуть у Йаати точно не хватило бы — но, едва он начал собираться с силами, чтобы всё же сделать это, огонь прекратился сам собой.

Высунувшись из-за призмы, он заметил, что солдаты бегут к нему. Йаати упал на колени и, прижавшись плечом к торцу призмы, открыл огонь. В этот раз ему повезло больше, — один из солдат получил заряд в грудь и упал, — но другие с пугающей быстротой бросились в стороны, залегли и снова открыли огонь. В воздухе опять завывали пули, — на этот раз

стреляли чаще и точнее, — и Йаати вновь шарахнулся назад. За призмой враги его не видели — и сознание буквально вопило о том, что, если он бросится бежать прямо вот сейчас, то успеет добежать до поворота раньше, чем они до призмы, — а там его уже прикроют бессчетные турели крепости. Так он, наверное, и поступил бы, — будь он один. Но...

Йаати осторожно выглянул. Шу лежал на спине, слабо шевеля руками, и это решило всё: если бы Шу не двигался, он бы, наверное, всё же бросился бы бежать, но бросить раненого друга было просто... немислимо.

Заорав что-то непечатное, он выкатился из-за призмы, и прошелся огнем по кустам, выпуская весь заряд одной длинной очередью. Отсюда он не видел, попал ли он в кого-нибудь, — но стрелять оттуда прекратили.

Не дав себе задуматься, Йаати, пригнувшись, бросился вперед. На груди энергожилета Шу зияла дырка, из которой лениво шел дымок, внутри что-то искрило — похоже, пуля пробила броню, что-то повредив в механизме, но заглядывать туда Йаати не стал, — схватив Шу за ремни ранца, он как мог быстро потащил его назад. Тут же вокруг опять завывли пули, — враги быстро опомнились.

Перезарядив винтовку, он вновь открыл огонь, целясь по смутным вспышкам выстрелов. Их было четыре или пять, и Йаати чувствовал, что ему сейчас придет конец — в кого-то он точно попадет, но другие...

Что-то со страшной силой ударило его в живот, и Йаати упал на четвереньки, выронив оружие, отчаянно пытаясь вдохнуть. Перед носом у него была лишь засохшая дорожная грязь, — очень обидно было умирать, глядя только на нее, — но тут от его рук вдруг протянулись черные густые тени, а всего через секунду мир стал багровым, — и взорвался.

26.

В ушах вновь словно что-то щелкнуло, и взрыва он не услышал, — зато волна раскаленного воздуха ударила его по лицу, едва не повалив на землю. Вокруг тучей поднялась пыль, и Йаати расчихался, отчаянно протирая глаза. Потом всё же кое-как поднялся. Там, где были солдаты, полыхал поваленный лес, — а высоко над ним в небе плыла призма. Воздушный крейсер. В этот раз им повезло, — но Йаати понимал, что везение не продлится долго. Число *залов* возросло, — он видел сразу два или три их десятка, — и защитные поля призм всё время полыхали от плазменных ударов. Не приходилось сомневаться, что в какой-то миг они не выдержат, и...

Мотнув головой, он перевел взгляд на Шу. Тот слабо закашлялся, и, расстегнув энергожилет, сунул под него руку. Лицо его страдальчески скривилось. Йаати испуганно замер... но, когда Шу вытащил ладонь, пальцы его были чистые, без крови.

— Грудянку отбил, с-с-с... — прошипел он, и на четвереньках, не вставая, пополз за оружием.

Йаати взглянул на свой энергожилет. Пуля попала всего дюймах в двух над нижним краем, — будь он взрослым, угодила бы в тело, — но, пробив внешний слой брони, застряла где-то внутри, не достав до кожи.

Он испуганно втянул и расслабил живот, но ничего не почувствовал. Удар всего лишь выбил из него дух, — хотя сам энергожилет вышел из строя или разрядился полностью, — по крайней мере, экран контрольного браслета был мертвым.

Вздыхнув, он с трудом поднялся на ноги, потом подошел к Шу, и, взяв за плечо, помог подняться и ему. Держась друг за друга, они пошли к крепости.

Повисшая вдруг тишина словно молотом ударила по нервам — Йаати не сразу даже понял, что главное орудие молчит, хотя высоко в небе ещё плавали *эалы*. Призмы тоже поднимались выше, но сейчас не стреляли и они. Небо на юге потемнело, — словно на него легла тень от чего-то, невыразимо огромного. От грозовой тучи, например, — но за стеной этой водянистой мглы никакой тучи видно не было.

— Что... это? — спросил Йаати, выплюнув, наконец, как-то набившуюся в рот пыль.

— Не знаю, — Шу вновь закашлялся, тоже сплевывая пыль. — Пошли быстрее. Не нравится мне это...

Йаати испуганно оглянулся назад, — там за дымом нового пожара тоже ничего видно не было, — потом, опустив винтовку стволом вниз, зашагал к крепости. Дорога плавала перед глазами, и он сжал зубы, подавляя желание помотать головой. Он уже чувствовал, что лучше ему от этого не стало бы, совсем наоборот. Земля тоже принялась играть в прятки, словно пытаясь ускользнуть из-под ног, и, не держись он за Шу, он точно свалился бы. Шу, правда, чувствовал себя не лучше — он то и дело кашлял, хватаясь за грудь, но двигался всё же бодрее. Они успели пройти добрых метров сто, когда Шу вдруг замер, испуганно глядя вперед.

— Что... — успел спросить Йаати, потом тоже поднял взгляд.

За стеной мутной водянистой мглы что-то двигалось — словно рыба, всплывающая к поверхности. Йаати не мог определить его размер, но оно было большое. *Большое*. Странно — и страшно — похожее на плывущего кролем человека, хотя Йаати понимал, что людей ростом в сотни, наверное, метров просто... не бывает.

Он испуганно осмотрелся в поисках укрытий, — но таких на виду не было, так что, вздохнув, он остался на месте, всё же не вполне уверенный, что видит этот ужас наяву.

Смутная фигура надвигалась — она «плыла», казалось, прямо на него, — потом водянистая стена вдруг вздулась пузырем. Оторвавшись от неё, гигант помчался к Цитадели, оставляя за собой бурлящий, словно жидкий след, — странно похожий на след от брошенного камня, если смотреть на него из-под воды. За какие-то секунды он прошел над головой Йаати, растянувшись, наверное, на километры. Синеватой тенью от него расходился спрессованный ударом воздух.

Йаати ещё не понимал, что всё это значит, но Шу вдруг прижал руки к лицу. Кончиками больших пальцев он заткнул себе уши, а кончиками указательных зажал нос, одновременно зажмурившись.

Времени спрашивать, зачем всё это, не было, так что Йаати просто поступил так же. Буквально в следующий миг ударная волна шарахнула по нему, словно раскаленный лист плотной, тягучей резины. Он не успел броситься на землю, и это спасло ему жизнь, — успеи он лечь, его расплющило бы, словно таракана. Но даже сейчас его ударило по голове и плечам так, что Йаати плюхнулся на задницу. Воздух сжал его со всех сторон так, что захрустели ребра, а живот придавило к хребту. Глаза буквально полезли на лоб — не успеи он зажмуриться, они бы, наверное, вылетели бы вон, — но всего через секунду воздух вокруг вдруг словно вообще исчез. Его раздуло так, что ремни энергожилета больно врезались в тело — не выдержи они, он бы, наверное, попросту лопнул, словно слишком сильно надутый воздушный шарик.

Йаати отчаянно сжал зубы, стараясь удержать воздух в себе, — и тут же почувствовал,

как ощущение слабеет. Ещё через секунду оно исчезло совсем, и он, осторожно приоткрыв глаза, осмотрелся. Бурлящий жидкий след вдруг подбросило вверх, — как он догадался, ударной волной, отразившейся от земли, — он разрывался на куски, которые тут же таяли, рассыпаясь переливающимся светом. Оставивший его чудовищный гигант остановился, сжимаясь на глазах в неровный, бьющийся пузырь и полыхая всё ярче — по его зыбкой поверхности стремительной рябью скользили волны белого, зеленого и голубого света, а смутная фигура внутри лопалась, дробилась, расслаивалась, издавая беззвучный, но впивавшийся прямо в сознание, невыносимый вой.

Через секунду свет стал столь ярким, что Йаати невольно зажмурился, закрыв ладонями глаза... и всего через миг с удивлением увидел кости пальцев — столь неистовым стало сияние. Кожу голых рук и лица обожгло, словно на них вдруг плеснули горячей водой, — но так же быстро ощущение исчезло, и Йаати убрал руки.

Пузырь превратился в тучу дымного желто-зеленого огня, — она разбухала, ощутимо поднимаясь вверх и выпуская острые изогнутые щупальца — следы пылающих обломков.

Сообразив, что всё это значит, он вновь заткнул нос и уши и зажмурил глаза. Через миг воздушная волна ударила его, швырнув наземь и перевернув один раз, — в этот раз удар оказался резче, но слабее.

Длинно выдохнув, Йаати поднял голову. Туча огня уже погасла, вывернувшись в бурлящее дымное облако, — но дымные следы падающих обломков испещрили всё небо. Он вскочил... и испуганно замер. Прямо на них летел кусок крутящейся стальной плиты размером, наверное, со стену двухэтажного дома — как он догадался, обломок брони уничтоженного взрывом крейсера.

Йаати испуганно дернулся в сторону, — но Шу вдруг с неожиданной силой схватил его за руку, неотрывно глядя вверх.

— Стой... стой... стой... — бормотал он, что-то прикидывая, — и вдруг заорал: — Вправо! Беги!

Повторять дважды не пришлось, и Йаати со всех ног бросился в сторону. Почти тут же он споткнулся и покатился по земле, с ужасом глядя на падающую стальную плиту, — в какой-то миг она закрыла, казалось, всё небо.

Йаати замер, отчаянно прощаясь с жизнью... но в последний уже миг плита повернулась, наполовину войдя в землю, словно нож. Земля расплескалась, как от взрыва, засыпав его, и Йаати инстинктивно вскинулся, выбираясь из-под неё — в какой-то миг ему показалось, что его хоронят заживо. Ощущение было не самое приятное, тем более, что сил вырваться отчетливо не хватало, — мешал вес энергожилета и ранца с накопителями, да и оглушенное тело стало словно чужое, неохотно подчиняясь ему.

Сжав зубы, Йаати рванулся изо всех сил, выворачиваясь из-под придавившей его земли... и с громадным облегчением почувствовал, как она соскальзывает с него. Кое-как он поднялся... и тут же какая-то тяжеленная глыба врезалась в землю буквально в метре от него. Он испуганно шарахнулся... но Шу вновь крепко схватил его за руку.

— Стой! Назад!

Плита вошла в землю почти вертикально, и они испуганно прижались к ней. Вокруг с воем и свистом падал оплавленный, дымящийся шлак, оставшийся от гиганта, куски покрупнее взрывали землю, словно настоящие снаряды, что-то тяжелое задело край плиты, и, вращаясь, с визгом унеслось прочь. В нос ударила едкая, невыносимая вонь, не похожая ни на что, что он чувствовал раньше.

Йаати замер, судорожно пытаясь вздохнуть... и тут же понял, что волна падающих обломков иссякает, удаляясь к крепости. Ещё несколько кусков упало почти ему под ноги, что-то больно ударило в плечо — и на этом всё кончилось.

Кое-как втянув обжигающий воздух, Йаати осмотрелся. Лес вокруг устоял, — но ударная волна срезала все ветки, оставив лишь голые, ободранные стволы. В темнеющем небе клубилась, вспухая, громадная туча мерзкого желто-бурого дыма, но ничего больше там не двигалось. Лишь там, где проходил след, Йаати заметил тающие клочья какой-то йодистой, ядовито-коричневой дымки. Похоже, что колоссальный взрыв смел на землю всё летающее на несколько километров вокруг, — но ни одной призмы он не видел, а вот ждать появления *эалов*, как он чувствовал, оставалось недолго.

Йаати вновь попытался вздохнуть — и тут же закашлялся, согнувшись, словно подавившись едким воздухом. Ребра болели, словно его кто-то отпинал — впрочем, если бы не быстрая реакция Шу, ударная волна просто разорвала бы ему легкие. Она же, правда, наверняка прикончила всех тварей на километры вокруг — хоть какая-то польза...

Шу, между тем, сделал несколько шагов вперед. Разбросав ногой землю, он нагнулся, подняв свою винтовку. Йаати отчаянным усилием буквально проглотил кашель, потом побрел вокруг Шу, высматривая своё оружие. В голове у него дико звенело, и мир вокруг казался плоским, словно на картинке. Никаких мыслей в ней сейчас не осталось — только эта вот плоская, звенящая пустота...

К его невероятной радости, винтовка совсем не пострадала — её только отбросило в сторону, немного засыпав землей. Подобрал её, Йаати сразу почувствовал себя увереннее, — насколько только мог в таких вот обстоятельствах.

— Далеко ещё? — спросил Шу. Сейчас, грязный, присыпанный землей, он выглядел ожившим мертвецом.

Йаати осмотрелся. Впереди, за частоколом ободранных стволов, маячило что-то темное, длинное — как он с радостью понял, стена крепости.

— Нет. Вон она, видишь? — он протянул руку, указывая. — Так что давай, пошли быстрее...

27.

Идти по усыпанной обломками и упавшими ветками дороге оказалось нелегко, к тому же, после всего пережитого Йаати чувствовал себя откровенно неважно. Звон в ушах всё же несколько стих, — но вот боль в голове никуда не исчезла, к тому же, к ней добавилась тупая боль в груди. Голову то и дело «обносило», и в такие мгновения Йаати казалось, что земля поворачивается под ногами. Каждый раз он хватался за плечо идущего рядом Шу, — чтобы просто не упасть ему под ноги. В следующий миг ему непременно вспоминалось, как Шу тащил его, — и Йаати до пяток пробивал мучительный стыд. Всё-таки, в школе он привык быть сильным парнем, к которому обращались и взрослые, когда надо было сдвинуть шкаф или что-то вроде. Сейчас же он ощущал себя жалкой размазней — и то, что Шу явно ощущал себя немногим лучше, отнюдь не поднимало ему настроения. Радость от побед в школьных потасовках (а он любил нагнуть кого-то в раздевалке или швырнуть в сугроб на улице) казалась сейчас глупой и какой-то невероятно мелкой. Как и собственные, весьма пышные мечты о великих подвигах, — в них Йаати видел себя то командиром танка, сокрушающего

злобные орды мятежников, то невероятно удачным шпионом, спасающим страну и чуть ли не самого Сверхправителя.

Реальность оказалась куда более печальной — враги, вместо того, чтобы рядами ложиться под гусеницы, яростно и почти успешно пытались его убить, танк с верным экипажем ему никто не потрудился выдать, — а от одной мысли об внедрении в ряды тварей Йаати передергивало. Как и от воспоминаний о том, как дико он боялся, попав к ним в плен. В тот раз он едва не обделался от ужаса — да и сейчас в животе как-то подозрительно бурчало. Не хватало ещё только...

Йаати даже замер на секунду, стараясь усмирить поднявшуюся в животе бурю. В этот раз ему повезло, — в кишках что-то словно провернулось и напряжение ослабло, — но он боялся представить, что станет с ним в следующий раз.

— Что с тобой? — Шу быстро повернулся к нему.

— Ничего, — но лицо у Шу было встревоженное, и он неохотно добавил: — Живот свело.

— А, — Шу ожидаемо усмехнулся. — Свело — это чепуха. Могло быть и хуже...

— Угу, — Йаати почувствовал, как в животе вновь поднимается буча, и отчаянно сжал мускулы. После всего, им пережитого, это было так... несправедливо, что от обиды захотелось расплакаться, — но его отпустило и в этот раз.

— Лучше в кустики сходи, — с той же ухмылкой предложил Шу. — А то, мало ли вдруг что...

— Да ну тебя!.. — Йаати отмахнулся, быстро зашагав вперед. Сейчас он разозлился очень сильно, — и злость, как ни странно, помогла. По крайней мере, головная боль на её фоне казалась уже незначительной, и лишь подхлестывала злобу, — а та необъяснимо прибавляла сил. Йаати почувствовал себя бодрее, ему уже не хотелось заползти под ближайший куст и помереть. В какой-то миг ему даже захотелось, чтобы впереди появились хоть какие-то враги, на которых он сможет сорвать эту злость, — и он испуганно мотнул головой, отгоняя это глупое желание. Ничего хорошего из такой встречи в его нынешнем полуголушенном состоянии точно не вышло бы. Но вокруг царил мертвая, предгрозовая тишина. Небо на юге страшно потемнело, — и Йаати замер, ошалело глядя на него. Тучи, конечно... но какие-то слишком густые, словно по небу разливали нефть. Казалось, что они растворяют и впитывают это мертвое бледное небо... нет, не казалось. Стена жуткой полупрозрачной мглы таяла в этих тучах, словно снег под кипятком, — но это, почему-то, совсем теперь не радовало. Йаати вдруг пришло в голову, что этот немислимый человекообразный гигант выбросился из привычной, видимо, среды не затем, чтобы взорваться у него над головой, а из дикого ужаса перед...

— Что это? — бездумно спросил Йаати. В совсем раннем детстве он панически боялся гроз, даже сильного дождя, — и сейчас вроде бы забытое ощущение вернулось.

Шу остановился, глядя вперед, лицо его вдруг отчетливо побледнело под слоем загара и грязи.

— Надвигается порталная буря. Лестница Миров рушится...

— Что? — удивленно спросил Йаати.

Шу отвернулся и быстро зашагал вперед. Йаати не посмел его спрашивать.

Они совсем не скрывались, — на это просто не осталось сил, — но, словно в насмешку, в этот раз им повезло, и они вскоре вышли к повороту дороги. Впереди, за заросшим пустырем, чернела стена крепости. Она казалась совсем целой, — а за косыми броневыми щитами Йаати разглядел турели. Сейчас они не двигались, но он надеялся, что они всё-таки исправны. Батарейки для ключа могли всё же сесть, — и тогда без турелей им пришлось бы очень худо...

Шу вдруг остановился, глядя вперед явно встревожено, и Йаати удивленно повернулся к нему, — он уже как-то привык, что боится в их паре именно он.

— Что? — спросил он.

— Ты уверен, что тут можно пройти? — вдруг спросил Шу. — Я никогда не видел такой плотной системы обороны.

— Мне ничего не было, — буркнул Йаати. В другой раз он бы, наверное, посмеялся над внезапной трусостью Шу... но сейчас в ней не было ничего забавного. Он даже слишком хорошо помнил, как сам боялся турелей, ещё в начале.

— Так это тебе... — буркнул Шу.

— А я что? — обиженно ответил Йаати. — Я тут вообще никто...

— Вот именно, — сказал Шу. — Тебя-то система наведения не видит — а вот меня...

— А что? Ты же человек.

— Люди тоже всякие бывают, — пробормотал Шу, вдруг оглядываясь. На дороге позади них никого не было, — но Йаати уже чувствовал, что это не продлится долго. — Если тут первый уровень допуска, то система просто стреляет по всему, что не внесено в список.

— Я-то не внесен, — возразил Йаати. — А мне за это ничего не было.

— Тебя фемма могла и внести, — возразил Шу, и Йаати не нашел, что ответить, — в таких вот вещах он ни фиги не разобрался. — Особенно, если у неё связь с Сетью была и допуск. А вот меня...

— И что нам теперь делать? — кисло спросил Йаати. Шу говорил очень логично... и он вполне его понимал. Быть застреленным тупой турелью после всего пережитого наверняка было бы очень обидно...

Шу пожал плечами.

— Вперед иди, что... Я пойду сразу за тобой.

— Спасибо, — ядовито сказал Йаати. Играть роль живого щита ему совсем не улыбалось. — А если эта хрень решит, что я... ну, заложник?

— Застрелит обоих, — спокойно сказал Шу. — Так что ты лучше один иди. А то мало ли что...

— Да пошел ты... — Йаати сделал несколько быстрых шагов, потом вздохнул и обернулся. — За спиной иди и не высовывайся, — на язык просилось ещё несколько обидных слов, но их Йаати всё же проглотил.

Тем не менее, идти с недовольно сопящим Шу за спиной, оказалось всё же... неудобно. Сейчас на них смотрели, буквально, десятки импульсных пушек — и, если они начнут вдруг стрелять, от него даже мокрого места не останется...

Упрямо шагая и шагая вперед, Йаати даже передернул плечами. Ощущение было

неприятное — даже более неприятное, чем доставшая уже до печенок головная боль. И, тем не менее, быть живым щитом для Шу ему неожиданно понравилось. Впрочем, ему всегда нравилось делать что-то, чего не могут другие, — даже если это всего лишь свернутый в трубочку язык, умение, которым он невероятно гордился в детском саду. В школе он, к сожалению, утратил эту ценную способность, и пришлось прибегать к более утомительным подвигам, — например, лезть по пожарной лестнице на крышу. Но, если за язык ему ничего не было, то за крышу ему основательно надрали уши, да ещё и вклеили в дневник двойку по поведению — что, в свою очередь, обернулось крайне неприятным разговором с отцом. В тот раз Йаати подумал, что родитель издевается над ним, — но теперь он понял, что отец просто волновался. Он точно не хотел, чтобы сын свернул шею, и поэтому...

До стены крепости оставалось уже всего метров пятьдесят, — и Йаати вдруг понял, что стоящие в бункерах турели уже давно могут попасть в Шу, даже не задевая его самого. К их общему счастью, ничего такого не случилось, и все их переживания вдруг показались Йаати бесконечно глупыми. Он даже повернулся к другу, чтобы поделиться с ним столь ценной мыслью, — но как раз в этот миг за спиной раздалась очередь.

30.

Смотри Йаати в этот миг на турель, он бы, наверное, просто умер на месте от испуга. Сейчас же он видел лишь сине-желтые трассы выстрелов. Очередь прошла над его головой и ударила в заросли, во что-то, незаметное отсюда. Тут же к стреляющей турели присоединилось ещё несколько — и так же быстро всё стихло.

Йаати замер, испуганно вглядываясь в заросли, — но там больше ничего не двигалось, лишь в одном месте лениво поднимался дымок. Сейчас он даже не мог вспомнить, видел ли он его раньше.

— Идиот, беги! — Шу грубо рванул его за руку, и Йаати, как мог быстро, помчался к воротам. В тот же миг на стене снова ожили турели, — теперь стрелял уже целый десяток, и трассы выстрелов сплелись в огненную сеть. Йаати невольно оглянулся... и немедленно упал, перекатившись. В голове всё перевернулось, и его всё же вырвало. Тошнота, правда, не ослабла, и Йаати замер, судорожно дыша, ожидая, когда она отступит.

Шу грубо поднял его за шиворот, и, ругаясь, потащил к стене. Вокруг отчетливо цвикали пули, — в них стреляли из зарослей, — и Йаати трепыхнулся, стараясь броситься на землю, но Шу держал его крепко. В самом деле, лежать и ждать, чья возьмет, было бы, пожалуй, глупо.

Турели, похоже, пока что одержали верх, — по крайней мере, они всё же перестали палить, а пули вокруг больше не свистели. В конце концов, они доковыляли до ворот, — и свалились прямо возле них. Йаати чувствовал себя так, словно из него вдруг выпустили воздух — руки и ноги обмякли, шевелить ими было страшно, — казалось, они не слушаются.

— И что дальше? — наконец, спросил Шу.

Йаати осмотрелся. Ну да — здесь, снаружи, на воротах не было замка, да даже если бы и был...

— Я в амбразуру залезу и открою ворота. Всего-то.

Собрав волю в кулак, он всё-таки поднялся... и в этот миг ожили, похоже, сразу все

турели. Из затянутой полем амбразуры, на которую он, было, нацелился, ударили три трассы, и живот Йаати снова туго свело, — поспеши он лишь на секунду, его просто разрезало бы надвое.

Он испуганно повернулся к зарослям — там, среди ободранных стволов, в фокусе трасс и сотен одновременных вспышек дергалось что-то большое, но рассмотреть его он не успел, — полыхнул огонь взрыва, гулко бабахнуло, и над ободранными кронами поднялся жирный столб дыма.

— Чт-т-то э-т-то б... б-бы-ыло? — выдавил он, стараясь унять нервную дрожь. Он не успел толком рассмотреть тварь, — но она напоминала чудовищного паука размером с небольшой домик.

— *Цицит*, — ответил Шу.

— Что? — спросил Йаати. Пусть их язык и совпадал, — но в местном военном жаргоне он ни фиги не разбирался.

— *Цицит*, — повторил Шу, и, видя его явное недоумение, пояснил: — Такая шестиногая штуковина, вроде небольшого танка. У неё есть осевой лазер и два манипулятора. Редкая тварь, вообще-то. К счастью.

— Спасибо, — буркнул Йаати, осторожно подходя к амбразуре. Достаточно широкая, чтобы пролезть, — но вот стволы импульсных пушек упрутся ему прямо в живот, и если...

Турели то и дело открывали огонь, в ответ из кустов летели пули. Поняв, что через миг так испугается, что просто не сможет уже сдвинуться с места, Йаати отчаянно нырнул внутрь. Поле, как и раньше, пропустило его, но кожу остро и больно закололо разрядами, и, неловко перевалившись через острый край стены, он смачно грохнулся на пол.

Энергожилет, отчасти, спас его от ушибов, и, злобно зашипев от боли, Йаати торопливо поднялся на ноги. В этом бункере он уже был, и тут явно ничего не изменилось — те же привинченные к полу станины импульсных пушек, те же кабели, идущие от них к стальным шкафам у стен. В них по-прежнему что-то тихо гудело. В полу зиял проем ведущей вниз лестницы, но сейчас ему было нужно не туда.

Нажав кнопку у бронированной двери бункера, он вышел во двор крепости. Здесь тоже ничего не изменилось — лишь на металлическом склоне срезанной пирамиды, которую венчала полукруглая орудийная башня, лежала какая-то громадная, метров десять длиной, рама, по виду, невероятно тяжелая. Судя по оставшимся на броне башни глубоким блестящим отметинам, она прилетела откуда-то сверху. Йаати, впрочем, не стал подходить к ней. Он подошел к воротам, и, дернув за рычаг замка, открыл их. В механизме что-то глухо загудело, потом огромные броневые панели распахнулись. Шу стоял сразу за ними, нервно оглядываясь, — и сразу же вбежал внутрь. Йаати вновь потянул за рычаг, и ворота закрылись.

31.

— Ну вот, здесь мы в безопас... — начал он, повернувшись к Шу с видом радушного хозяина, — но в этот самый миг белый, ослепительный луч распорол створку ворот, как бумажную, и уперся в основание орудийной башни, пройдя всего в полуметре от бока ошалевшего Йаати. Тот плашмя бросился на землю, — а все турели на стене зашились бешеным огнем. Луч полыхнул вновь, насквозь пробив оставленный ими бункер, — в нем

что-то гулко взорвалось, и над крышей поднялось облако бурого дыма. Потом что-то гулко рвануло далеко за стеной, и так же внезапно стрельба стихла.

Какое-то время Йаати лежал на спине, тупо глядя в мрачное низкое небо — после всего, им пережитого, это было, пожалуй, уже чересчур. Всего чуть-чуть в сторону — и...

Наконец, собравшись с силами, он сел, испуганно покосившись на две прорези, до сих пор окаймленные раскаленным металлом. Может, *цицит* был не так опасен, как *зысыт*, — но сейчас в это как-то плохо верилось. Тыльная сторона его левой ладони до сих пор ощущала мертвенный жар прошедшего совсем рядом луча.

Шу тоже перевернулся и сел, взглянув на него как-то испуганно. Ещё с минуту они молча сидели на земле, глядя на пустой пыльный двор. Тоже ничуть не изменившийся, и Йаати никак не мог поверить, что всё, что с ним случилось, произошло на самом деле. В какой-то миг ему даже показалось, что он вообще не покидал крепости, и всё это ему лишь почудилось. Он даже с удивлением посмотрел на Шу, уже не вполне понимая, откуда тот тут взялся, — но Шу был совершенно реален, и явно не собирался никуда исчезать.

— И что дальше? — наконец, спросил он. Над головой ползли низкие, страшные тучи. Волной накатился грохот оживших вновь турелей, на который накладывался сплошной, низкий гул, похожий на гул водопада, — как решил Йаати, исходивший от беспрерывно сверкающих молний.

— Подожди... сейчас, — Шу полез в карман штанов и вытащил ключ. На Йаати вновь нахлынули сомнения, — он совсем не был уверен, что здесь проклятая штукавина сработает, — но выбора, увы, не оставалось. Вновь выходить наружу и лезть в амбразуру ему совершенно не хотелось. Он нутром чувствовал, что весь отпущенный ему лимит везения исчерпан до дна, и ничем хорошим такая вылазка не кончится. А в бункер над обрывом он сейчас просто не залез бы.

Неловко поднявшись, Шу подошел к двери соседнего, целого бункера, и, направив ключ на багровый глаз замка, нажал кнопку.

Ещё целый бесконечный миг дверь не двигалась... а потом всё же неохотно отошла в сторону.

31.

В другой ситуации Йаати, наверное, завопил бы от радости, — но сейчас он так устал, что эмоций в нем уже не осталось. Он торопливо проскользнул внутрь, — и облегченно выдохнул, когда Шу нажал кнопку двери, отрезав их от враждебного внешнего мира. Здесь, правда, тоже было беспокойно и шумно, — турели напряженно гудели, двигаясь туда-сюда и почти беспрерывно плюясь сине-желтым огнем.

Почти против своей воли Йаати подошел к амбразуре. Вдали, в поваленных, помятых зарослях, мелькали какие-то фигурки, — так много, что у него даже зарябило в глазах. Там то и дело вспыхивали дрожащие звездочки очередей, пули отчетливо били в металл бункера или в ярко вспыхивающее поле. И над всем этим нависало низкое, страшное небо, словно проваливаясь вверх в ярких вспышках молний. Йаати передернуло. Там, снаружи, им, может, и удалось бы убежать, — но до заката они уже точно не дожили бы...

— Пошли отсюда, — мрачно сказал Шу.

Они спустились в длинный, изгибавшийся коридор, обегавший весь периметр крепости.

Ноги сами принесли их к другому бункеру, над обрывом, — нелепой коробчатой конструкции, похожей на угловатый павильон в парке, но только построенный из огромных листов черно-сиреневой брони. Турели здесь молчали, и, чуть придя в себя, они остановились в центре этой большой комнаты с тремя импульсными пушками. Всю переднюю её стену занимало сплошное окно-амбразура, и Йаати испуганно спросил:

— Здесь не опасно?

Шу усмехнулся. В данных обстоятельствах вопрос звучал довольно глупо. В конце концов, именно Йаати провел пару дней в этой крепости.

— Нет. Стены бронированные. Так что...

Йаати подошел к окну, — это потребовало усилия, потому что в это окно страшно было смотреть. Снаружи сгущался почти ночной мрак, — внизу, во дворе, даже зажглись бело-зеленые фонари, но их свет почти ничего не менял. Небо затянули плотные темные облака, — а под ними, почти над самой землей, плыли страшные черно-лиловые тучи. Громадные, они напоминали невероятно раздувшихся пиявок, такие плотные, что, казалось, даже блестели.

Там, откуда они плыли, от блеска непрерывных молний стояло мутное, дрожащее, красноватое зарево. Залитый страшным темно-свинцовым светом двор и просека железной дороги были совершенно пусты. Снаружи уже сейчас бушевал сильный ветер, выворачивая серебристую изнанку лап уцелевших под обрывом елей, — но он был ничем по сравнению с приближавшимся ураганом. Тучи плыли прямо на них, и небо впереди опускалось, словно подминая землю. Сердце Йаати замирало от страха, — хотя он и понимал, что им тут ничего не угрожает... наверное.

Наконец, он увидел ураган — сплошную стену пыли, в которой кружились какие-то лохмотья. Она стремительно надвигалась на них, и они невольно отошли в глубь бункера, — никто сейчас не верил в прочность защитного поля.

В последние секунды Йаати показалось, что он падает в пропасть, — в глазах у него потемнело от напряжения, он даже испугался на миг, что потеряет сознание.

Ураган в один миг поглотил их, и Йаати ощутил, как содрогнулся бункер. Уши заложило, снаружи донесся глухой мощный гул. Он увидел, как в один миг смело деревья, как стало темно, словно ночью. Фонари горели ещё несколько секунд, потом погасли сразу все, но Йаати это почти не заметил, — небо оплела и расколола сеть непрерывных молний, они танцевали на крышах сараев и бункеров внизу, и не гасли ни на миг. Потом ослепительное пламя вспыхнуло сразу за окном. Гром был такой резкий, что Йаати даже не услышал его, — просто что-то щелкнуло в голове. В глазах у него плавали круги, и он даже не заметил, что защитное поле погасло. Потом бронепанели закрыли окно, и они остались в темноте.

В темноте их словно выключили, — они впали в странное оцепенение, и лишь через пару часов всё же нашли силы выбраться во двор. Буря уже кончилась. Внизу лениво догорали подожженные молниями деревья. Огонь остался лишь кое-где, он трепетал неровными пятнами, словно разбросанные в беспорядке странные фонари. Обугленные обрубки стволов рдели, светясь изнутри. Один из них, высотой метров в пять, рухнул,

рассыпая по земле каскады искр, и Йаати невольно вздрогнул. Удивительно, что почти нет дыма, подумал он, потом, почти против воли, посмотрел вверх.

Затянутое плотными тучами небо бурлило, как стремительная река, скручиваясь тут же исчезающими плывущими воронками, — в них вспыхивал, пробиваясь, и тут же гас свет, то ярко-зеленый, то багровый, то ослепительно сине-белый. Портальный шторм не прекращался, и оставалось лишь радоваться, что он не спускается к земле. Судя по цвету, порталы вели сразу в несколько миров, и оставалось лишь гадать, что может из них появиться. Наверху, между бурлящими тучами, плыли огненные шары, оттуда доносились чудовищные звуки, — такие мог бы издавать огромный водоворот. Йаати захотелось отвернуться и забиться в какую-нибудь щель, — но, тем не менее, он смотрел.

Внизу, во дворе, массивные силуэты бункеров угрюмо темнели, то и дело озаряясь вспышками небесного света. А дальше, за ними — никого. Он не видел никаких тварей, — похоже, что они остались одни в этом обреченном мире.

Эта мысль оглушила Йаати, словно ему дали дубиной по башке. В ней не осталось ни мыслей, ни эмоций, словно он уже умер и превратился в призрак. Тем не менее, тело по-прежнему упорно напоминало о себе, и они пошли вниз. Кое-как утолив волчий голод и замазав все ссадины зеленкой так, что стали похожи на каких-то диковинных леопардов, они завалились спать, и продряхли почти до обеда.

Потом любопытство привело их обратно во двор. Портальный шторм уже прекратился, и Йаати осторожно посмотрел вниз. За поваленным лесом открылись ободранные ураганом остовы зданий, и сейчас там полыхало пламя, которое никто не тушил. Дым огромными клубами поднимался в низкое, хмурое небо, сливаясь с тучами. Йаати невольно передернулся. Там, вдали, между горящими домами, промелькнуло что-то темное, — он не успел его разглядеть, но оно было раза в два его выше, и имело слишком много ног.

— Что это? — испуганно спросил он. Несмотря на всё, им пережитое, таких жутких тварей ему ещё не доводилось видеть.

— Не знаю, — Шу тоже передернулся. — Пора валить отсюда в Цитадель, пока всё это сюда не вломилось...

Они вновь спустились в коридор, потом на лифте, и вошли в казарму. Шу подошел к замыкавшей её бронедвери, и направил ключ на багровый глаз замка.

Йаати не испытал уже никаких чувств, когда и эта дверь неохотно открылась... но за ней был совсем не проход в шахту подъемника. Он увидел просторное темное помещение, в глубине которого что-то поблескивало.

Шу быстро скользнул внутрь и нашел выключатель. Йаати зажмурился, когда вспыхнул яркий белый свет. И не особо удивился, когда понял, что оказался в арсенале, — вдоль стен шли стеллажи для оружия, сейчас, правда, почему-то пустые. Но между них парили уже знакомые ему мобильные эффекторы, — здесь их стояло штук сорок, не меньше. Они заполняли помещение, словно поставленные на попа бобины с киноплёнкой... огромные бобины.

Воспоминания о полете нахлынули волной, и он даже схватился за край двери, чтобы не упасть. Сейчас он никак не мог поверить, что проделал всё это наяву.

Шу, между тем, быстро проскользнул внутрь, осматривая помещение, но Йаати уже видел, что другого выхода отсюда нет. Отчасти это утешало, — сумей он тогда как-то открыть эту вот дверь, все его усилия пропали бы даром, — но очередная задержка на пути к башне начинала уже злить.

— Дальше куда? — спросил Шу.

Йаати вздохнул.

— Давай, во двор пошли... к воротам.

Шу замер, молча глядя на него, — в самом деле, он же не знал, где тут двор, и где ворота, — и Йаати, вздохнув, сам пошел вперед. Он осторожно откатил ведущую в караулку бронедверь — но за ней, конечно, никого не было.

Бегло осмотрев пустое помещение, они вышли в такой же пустой нижний двор. Йаати торопливо отвел взгляд от разгромленных им зданий — казалось, что дыры выбитых окон до сих пор укоряют его, — и быстро зашагал к воротам. Шу с любопытством осматривался, но сам Йаати мечтал уже лишь о том, чтобы всё это как можно быстрее закончилось. Его, правда, почти уже не удивило, когда проклятые ворота не открылись. Шу ещё несколько раз нажал на кнопку — но, конечно, без всякого эффекта.

— Наверное, батарейка тоже села, — оптимистично предположил он.

Йаати покорно полез в карман за запасной батарейкой и вставил её в свой собственный ключ, — но это ничего не дало. Ключ явно работал, — по крайней мере, светил и мерцал, — но ворота упорно не желали открываться.

— Ну, и что со всем этим делать? — кисло спросил Йаати, опустив ключ. Сейчас он ощущал себя главным героем в какой-то скверной злобной пьесе.

Шу почесал в затылке.

— Спать. Если тут вообще что-то поможет, — то только взломщик Хи`йык, но с ним ещё придется повозиться, а я сейчас всё равно не соображаю ни фиги. Хотя... пошли-ка...

Они вернулись к открытому Шу арсеналу. Шу достал свой мини-комп, и, сев прямо на пол, уткнулся в экранчик. Йаати, привалившись к стене, молча смотрел на него. Он понятия не имел, что Шу делает... но, когда один из эффекторов вдруг ожил и двинулся вперед, понял, в чем дело.

— Ты хочешь высадить с его помощью ворота? — спросил он.

— Нет, — Шу усмехнулся. — То есть, на самом деле это можно сделать... но там, внутри, наверняка полно охранной автоматики, и я не знаю, как она к такому отнесется. Я хочу расставить их вокруг крепости. Система обороны отказала, — и, если тут появятся твари, нам конец.

— Все сорок штук? — вырвалось у Йаати. Он помнил, как они, надрываясь, возились с единственным эффектором.

Шу вдруг усмехнулся.

— Да. А ты что, легко хочешь сдохнуть?

Йаати длинно выдохнул, закатив глаза под лоб. Минуту назад он бы, наверное, бросился к стене и начал с воплями долбиться об неё головой, — но сейчас в нем словно перегорел какой-то питающий эмоции провод. Осталась лишь угрюмая злость — в основном, на себя, что пришлось как нельзя кстати.

— Нет.

На самом деле, работа оказалась не такой уж тяжелой, — эффекторы легко скользили над полом на подушке силового поля, так что первый десяток они без проблем вытолкали в

нижний двор, где Шу их и оставил. Поколдовал с компьютером, он сообщил, что теперь они будут стрелять по любому противнику, который переберется через стену. Но оставалось ещё тридцать, которые он решил разместить в верхнем дворе, — а отправить их туда оказалось непросто. Задача Йаати, впрочем, состояла в том, чтобы выталкивать их из арсенала в лифт и поднимать в кольцевой коридор — где Шу настраивал силовое поле эффекторов так, чтобы оно само выдавливало их наверх. Без столь хитрой задумки они, даже вдвоем, просто сдохли бы, толкая вверх эти скользкие штуковины массой в четверть тонны. Но, когда двадцать пять эффекторов оказались во дворе, Шу вдруг решил, что *за* стеной крепости они принесут куда больше пользы. Йаати уже ожидал чего-то подобного, и потому даже не стал открывать рта для возражений, — все чувства в нем прогорели до доньшка, и даже вполне возможная во время этой операции смерть теперь почти не пугала. В конце концов, без неё они бы уже наверняка умерли, — в самом лучшем случае.

Им пришлось открыть ворота, и по одной выталкивать проклятые штуковины на выбранные Шу позиции. Дело оказалось не только утомительное, но ещё и опасное — из ободранных обгоревших кустов то и дело выбегали недобитые бурей «двупалы», по которым приходилось стрелять, — а в ответ порой летели пули. Турели в самом деле молчали, — их доконали непрерывно бьющие в бункеры молнии, — и стрелков приходилось давить огнем импульсных винтовок. В первую пару раз им пришлось сражаться с одиночками, — но в третий их спасло только силовое поле эффектора, и в дальнейшем пришлось таскать с собой сразу два — один для установки на позиции, второй для прикрытия. Йаати разделся до пояса, но всё равно, взмок, словно мышь, — и с крайним удивлением почувствовал, что от тяжелой работы ему становится лучше. Тело подчинялось покорнее, даже голова почти уже не болела — только гудела, как огромный чугунный котел.

Тем не менее, он так умаялся, что уже мало что замечал, — и удивленно вздрогнул, когда установленный минуту назад эффектор вдруг повернулся и выплюнул куда-то в заросли ослепительный луч белого, словно бы жидкого света. Там что-то внушительно рвануло, и над ободранными кронами вспух гриб жирного дыма. Похоже, что под прицел эффектора попал ещё один *цицит* — и Йаати вдруг широко ухмыльнулся. Их работа очень даже имела смысл.

Подумав об этом, он удвоил усилия, — и даже удивился, когда Шу закрыл ворота и, зевая, повел его вниз. В арсенале оставалось ещё пять эффекторов, — но их Шу разместил уже внутри крепости: два в верхней комнате у лифта, два в нижней и ещё один в караулке на нижнем дворе. Таким образом, даже если враг пробрался бы в крепость, он не смог бы так вот сразу добраться до них.

Закончив работу, Йаати с громадным наслаждением сбросил грязную и пропотевшую одежду и забрался в душ, — а потом, как есть, нагишом, плюхнулся спать и заснул, едва коснувшись головой подушки.

Проснулся он совсем не романтично — от рези внизу живота, такой острой, что сразу стало ясно: полежать в теплой постели не удастся и минуты. Выругавшись про себя, Йаати выбрался из-под одеяла и бодро прошлепал в туалет, где задержался довольно надолго. Потом невольно усмехнулся, увидев в зеркале свою сонную и злую физию, плеснул в неё холодной водой и, отфыркиваясь, вернулся в казарму.

Шу в одних трусах сидел на постели, обложившись инструментами. В руке он держал маленький паяльник, от которого тонкой струйкой поднимался дымок. Вкусно пахло канифолью, и Йаати недовольно мотнул головой: этот запах показался ему вдруг невероятно домашним, напомнив о его собственных попытках изготовить мигающую разными цветами гирлянду. В итоге удачных, но сожравших массу времени...

Он зевнул и присмотрелся к тому, что сейчас делал Шу. Перед ним лежал его разобранный ключ, разобранный прибор — тот самый, с лазером, и ещё какие-то детали. Шу спаивал в него какую-то большую золотистую микросхему.

— Что это ты делаешь? — спросил он.

— Меняю генератор кодовых последовательностей, — сказал Шу, потом поднял взгляд и улыбнулся. — Здорово, что ты притащил взломщика. С его помощью мы сможем попасть туда, куда даже у старшего ключа нет доступа.

— Да ладно, ничего... — Йаати вдруг ощутил, что краснеет. Не только от похвалы: как-то вдруг он вспомнил, что на нем совершенно ничего нет... кроме проклятой дисрапторной сети.

Вернувшись к сброшенной одежде, он с сомнением посмотрел на неё. Она была грязной, и, к тому же, изрядно ободранной, — но запасной, к сожалению, не имелось.

Отряхнув штаны, он с неудовольствием забрался в них, потом вернулся к Шу. Тот разобрал его вещи, и Йаати захотелось обидеться... но тут же он с удивлением обнаружил, что дико хочет жрать. На постели лежали и принесенные им пакеты с «фаршем», и, разорвав один, он жадно начал лопать. Одного пакета Йаати показалось мало, и он слопал второй. Осталось всего штук пять — а, как он помнил, было больше.

— Ты уже ел? — спросил он у Шу.

— Да. Спасибо, — сказал тот, и было вспыхнувшее раздражение тут же исчезло. — Ты сейчас как?

Йаати вздохнул и замер, с удивлением прислушиваясь к себе. Вчера он почти помирал, — но сейчас чувствовал себя вполне терпимо. Голова, правда, по-прежнему болела, но уже глухо, словно сквозь вату. Звон в ушах остался, — но тоже сильно ослабел. Тело, правда, казалось слишком легким и всё же немного чужим, — но слушалось бездумно, как обычно. Ничего больше в себе он не чувствовал, и это показалось ему странным: после вчерашнего он должен был спятить от кошмаров... но ему просто ничего не приснилось. Он спал совершенно мертвым, каменным сном, — и тот явно пошел ему на пользу. Сейчас он сам не верил, что всё это было наяву.

— Нормально, более-менее.

— А, тогда ладно. Я тоже. Подожди пока...

Йаати ещё раз вздохнул и покосился на Шу. Тот снова возился с паяльником, и отвлекать его Йаати не хотелось: от качества его работы зависели их жизни. Но и сидеть в этом подземелье тоже: босыми подошвами он ощущал слабую, но непрерывную дрожь пола, и это ему очень не нравилось. Он испуганно наострил уши... но сквозь многометровую толщу земли и бетона сюда не пробивалось ни звука. Бездумно почесав спину, он подошел к двери казармы... но, едва он взялся за рычаг двери, Шу окликнул его.

— Ты куда?

— Наверх, посмотреть, — немного удивленно ответил Йаати.

— Винтовку возьми. И проверь, есть ли заряд.

Йаати открыл было рот, чтобы возразить... но, немного поразмыслив, заткнулся. Он действительно не знал, что происходит за дверью... и точно не желал себе глупой смерти.

Вновь вздохнув, он вернулся к брошенным вещам. Винтовка, конечно, оказалась разряжена, и он заменил накопитель. Вес оружия в руках придал ему уверенность... немного. Он всё равно ощущал, что вокруг происходит что-то странное, одновременно желая и боясь его увидеть.

На треть откатив дверь, Йаати осторожно выглянул наружу. За ней, конечно, никого не было, и он, вздохнув, вышел. Два оставленных Шу эффектора так и парили у стен, и воздух между ними отчетливо потрескивал. Йаати ощутил, как на коже поднимаются волоски, и невольно поёжился: ощущение оказалось не самое приятное, а смотреть на серую пустоту в сердцевинах эффекторов и вовсе не хотелось: она казалась ему дырой в самой Реальности, ведущей... даже не в никуда, а в...

Недовольно мотнув головой, он быстро вошел в лифт. Тот с лязгом и скрежетом понес его наверх, и Йаати передернуло: после царившей в подземелье тишины грохот бил по ушам, ещё не вполне отошедшим от вчерашнего.

Наверху его встретила такая же пара эффекторов, и он, передернув плечами, быстро вышел в коридор. Пол здесь так же вибрировал, и он помедлил прежде, чем открыть ведущую наверх дверь. Потом всё же откатил её и поднялся.

За длинной амбразурой бункера зияла темнота, — похоже, что ещё не рассвело. Йаати подошел к ней и нагнулся к силовому полю, чувствуя, как лицо погружается в паутину крошечных разрядов, а на голове поднимаются волосы.

Небо, в самом деле, было темное, но землю и сгоревший лес заливал странный, бледный, трепещущий свет, совершенно бесцветный — не белый. Йаати никак не мог понять, какой, — казалось, что неестественные, блеклые оттенки сменялись так быстро, что глаз не успевал ухватить их. И оттуда, снаружи, сквозь броню бункера и зыбкую пленку поля, непрерывной волной катился глухой гул и треск, похожий на гул воды или пожара.

Йаати повернулся к двери, из-за которой доносился этот гул. Мускулы живота и пальцы босых ног непроизвольно свело, несколько секунд он даже не мог сдвинуться с места, — пока всерьёз уже не разозлился на себя за трусость.

Недовольно мотнув головой, он всё же подошел к двери и нажал кнопку. Тяжелая броневая панель с шипением откинулась наружу, — и в лицо ему ударил неожиданно тяжелый, жаркий, сырой воздух. Волной накатился грохот падающих стволов, на который накладывался сплошной, низкий гул, похожий на гул водопада, — как решил Йаати, исходящий от занявшей всё небо перед ним зыбкой, подвижной стены, по которой волнами пробегали странные, бесцветные отблески, и глаза Йаати непроизвольно зажмурились:

казалось, что сама его душа растворяется в них...

Он крепко вцепился в косяк, переживая внезапный приступ головокружения, — в какой-то миг ему даже померещилось, что земля вдруг опрокинулась, и он стремглав падает в призрачное, бездонное море...

Так же быстро, как настал, приступ прекратился. Йаати глубоко вздохнул — и медленно пошел вперед. На сей раз, он смотрел только под ноги, — но даже отблески этого блеклого мерцания, казалось, щекотали глаза и забирались прямо в душу, отчего он то и дело морщился, непроизвольно жмурясь. Густой, влажный воздух окутал его сырым одеялом, и его голые плечи то и дело невольно передергивались. Он даже дышать старался пореже — этот воздух казался ему необъяснимо липким и противным. Он отчетливо пах теплой соленой водой и ещё чем-то тухлым, — но не водорослями, а...

Запах был незнакомым и потому тревожным. Йаати никак не мог понять, чем пахнет, и это казалось ему неестественным — никогда раньше с ним такого не случалось. Совершенно чужой запах, но определенно какой-то затхлый и гнилой, — он лишь никак не мог понять, что же именно гнило. Казалось, что сам этот мир.

Обрыв показался неожиданно. Йаати замер, глядя на залитый зеленовато-белым светом нижний двор, потом, — и это потребовало немалого усилия, — поднял глаза.

Всего в нескольких сотнях метров впереди стена зыбкой жидкой мглы смыкалась с землей. И двигалась вперед, со скоростью медленно идущего человека. Деревья с треском валились перед ней, — из чего бы она ни состояла, она была плотной. Очень плотной. И мир, метр за метром, тонул в ней.

2.

Йаати не знал, сколько он, оцепенев, смотрел на всё это, — наверное, всего несколько секунд, но они показались ему очень долгими. Потом он бросился назад, — но тут же вспомнил, что ключ остался у Шу, и вообще разобран, а без него дверь ему не открыть.

Выругавшись, он подбежал к стоявшему на краю обрыва бункеру, забросил винтовку в амбразуру, и, рискуя сорваться и свернуть шею, влез в неё сам. Внутри, где грохот и треск стих, его немного отпустило. Он сбежал вниз и всюду помчался к лифту. Тот пошел вниз с лязгом и грохотом, и Йаати вдруг почувствовал, что ноги у него дрожат. Судьба его решалась прямо вот сейчас, и он уже знал, что, как бы она ни сложилась, на этом вот лифте ему уже не ездить никогда.

Дверь в казарму, к счастью, оказалась открыта, и он вихрем ворвался внутрь — растрепанный, с запаленным дыханием. К его невероятной радости, Шу уже закончил работу и сейчас завинчивал корпус «взломщика». Он встревожено посмотрел на него.

— Что там?

— Стена... движется, — выдохнул Йаати. Шу удивленно смотрел на него, и он торопливо пояснил: — Эта мгла... она плотная. Деревья перед ней падают. И она движется сюда. Быстро. Осталось, наверное, метров пятьсот.

Лицо Шу не дрогнуло — он, верно, ожидал чего-то подобного... или просто не понял, в чем дело.

— Так. Ясно. Одевайся, быстро. Сейчас выходим.

Повторять дважды Йаати не пришлось. Он быстро оделся и собрал вещи, действуя,

словно во сне, — просто не мог поверить, что всё это происходит с ним и наяву. К его удивлению, всё обошлось без задержек, — он ничего не уронил и даже сразу попал рукой в рукав. Похоже, что его сознание сейчас было слишком растеряно, чтобы мешать умному телу.

Забравшись в ремни ранца (разбитый энергожилет пришлось бросить, и это сэкономило ему бесценную минуту), Йаати посмотрел на Шу. Тот всё ещё одевался, и ему захотелось заорать на него... но он всё же прикусил язык. Шу ещё пришлось возиться со «взломщиком» и собирать инструменты, — и он вовсе не был уверен, что сам справился бы так быстро. Тем не менее, эта минута задержки показалась ему очень длинной. Пол под ногами дрожал всё сильнее, и он ощущал эту дрожь даже через подошвы сандалий.

Наконец, Шу закинул на плечо сумку (его собственную, о которой Йаати даже не вспомнил), поднял винтовку и взглянул на него.

— Всё. Ничего не забыл? Тогда пошли.

Они почти бегом миновали коридор, потом Шу решительно откатил дверь и вышел в караулку. Треск и грохот обрушились волной. Йаати даже дернулся назад... но Шу уже бежал к выходу, а оставаться тут одному ему совершенно не хотелось. Правда, выскочив во двор, он всё же на секунду замер, испуганно осматриваясь. Деревья падали уже, казалось, прямо за стеной, гул и треск били по ушам, бетон под ногами содрогался, с обрыва сыпалась земля. Им оставались, буквально, какие-то минуты, — и он, как мог быстро, помчался к воротам.

3.

Подбежав к ним, Йаати замер, запалено дыша. Гул окутал его, как бурлящая вода, — словно он сунул голову в стиральную машину, пропитав его тело и весь мир. Мускулы спины одеревенели, — он захотел оглянуться, и не смог.

Шу достал из сумки «взломщика» и включил его, направив дрожащий луч лазера на глазок замка. В голове Йаати не осталось ни одной мысли, и он лишь удивленно моргнул, когда балки, одна за другой, пошли вверх.

В тот же миг по ушам ножом ударил раздирающий скрежет. Ошалело обернувшись, Йаати увидел, как огромные сегменты стены расходятся и падают, дробя и ломая бетон — а в бреши между ними, бурля, втекает что-то бесцветное, призрачно-жидкое, словно разъедающее Реальность.

Сердце ёкнуло, комом подступив к горлу. В глазах у Йаати потемнело, ноги ослабли, он упал на четвереньки...

...чтобы увидеть, как Шу, перекатываясь, исчезает под неспешно скользящими вверх балками. Сжав зубы, он последовал за ним, с ужасом чувствуя, что сил подняться нет... и в следующий миг понял, что, как лось, бежит по туннелю. Сердце по-прежнему прыгало у горла, — но останавливаться пока не собиралось.

Ошалев, он проскочил мимо проема, затормозил, едва не полетев через голову под весом ранца, развернулся... и его сердце едва не замерло снова.

Жидкое, бурлящее ничто втекало в туннель через открытые ворота, — конечно, он и не подумал их закрыть! — и в голове у него всё перевернулось: на какой-то миг Йаати показалось, что он падает в шахту, на дне которой бурлит, поднимаясь, вода. Мир вокруг

поплыл, он схватился за стенку, чтобы не упасть... и в этот миг под потолком ожили турели. Четыре дрожащих струи сине-желтого огня ударили в жидкую стену, глубоко входя в неё. Стена задрожала, рассыпая ослепительную рябь, но её движение не замедлилось. Тем не менее, блеск и треск, отчасти, привели Йаати в себя. Он шарахнулся назад, и, проскочив через поле, подбежал к внутренним воротам. По обе стороны от них горели алые глазки замков... и он вспомнил, что «взломщик» остался у Шу. Обернувшись, он увидел, что тот стоит у поля, делая ему какие-то знаки. Опомнившись, Йаати выскочил к нему.

— Отключи поле! — заорал Шу, нагнувшись почти к его уху. — Там, на пульте, слева, есть кнопка!

Йаати проскочил обратно, крутанулся на пятке, высматривая пульт, бросился к нему, вновь замер, высматривая кнопку, — хотя она была прямо у него перед глазами, — потом, всё же опомнившись, стукнул по ней.

Поле беззвучно погасло, и Шу, пробежав мимо него, сразу же бросился к воротам. Когда Йаати подбежал к нему, он уже включил «взломщика», направив на замок дрожащий луч лазера. Прямо вот сейчас решалось, жить им или умереть, и Йаати, вздохнув, обернулся к проему. В туннеле трещало и сверкало так, словно там рвался склад фейерверков, и он рывком повернулся назад...

...чтобы увидеть, что балки ворот всё же поднимаются.

4.

Йаати ошалело замер — в какой-то миг он решил, что всё это ему просто кажется, а на самом деле ворота неподвижны, — но, едва балки поднялись на полметра, Шу, упав, перекатился под ними. Плюхнувшись на четвереньки, Йаати вновь пополз за ним. Потом всё же поднялся, осматриваясь. Тут совершенно ничего не изменилось, — тот же тусклый белый свет, едва отблескивающий на темном металле, — и ему по-прежнему казалось, что всё это происходит во сне.

Шу, между тем, подошел к краю шахты, и замер, глядя вниз. Йаати невольно подумал, на месте ли поезд, — если нет, им придется очень кисло... потом треск за спиной внезапно стих, и он удивленно обернулся.

Жидкое ничто, бурля, втекало в зал, вспучиваясь громадным горизонтальным горбом, словно странная, невесомая вода, — и в ней скользили какие-то белесые, призрачные тени, страшно похожие на человеческие фигуры, но такие искаженные, что Йаати замутило. Сердце вновь ёкнуло, комом подступив к горлу, в глазах потемнело. В какой-то миг он почувствовал, что сейчас потеряет сознание, — но в этот миг эффекторы вдруг ожили. Их мертвенно-серые пустые сердцевины налились холодным синеватым огнем, — а потом из них в эту жидкую массу ударили жирные, толстые молнии.

Перед Йаати словно разорвался снаряд: в лицо ему ударил жар, резкая вонь озона и сгоревшего металла, волосы поднялись, всё тело затрещало от статических разрядов.

Ошалев, он шарахнулся назад, запоздало прикрывая ладонью ослепленные глаза, потом нашарил рычаг замка и дернул за него. Ничего не случилось. В зале по-прежнему трещало так, словно над ухом у него палил пулемет, трепещущий свет бил даже по зажмуренным глазам, раскаленный воздух накатывал волнами, словно языки огня, — но он, как ненормальный, дергал и дергал за рычаг... пока адский треск вдруг не затих, а ощущение

жара не исчезло.

Осторожно протянув руку, он коснулся холодной балки закрывшихся ворот. Треск доносился даже из-за них, — но глухо, словно сквозь подушку. В воздухе висела едкая гарь, и Йаати закашлялся, тут же согнувшись от боли, — каждый вдох мучительно обжигал горло, — и подбежавший Шу подхватил его под руку, не давая упасть и оттаскивая от проема.

— Черт, я думал, ты сгорел, — сказал он каким-то подозрительно дрожащим голосом. Он едва смог пробиться через звон в несчастных, уже в неизвестно какой раз оглушенных ушах. — Тебя же даже видно там не было...

— Я тоже... думал, — Йаати вновь закашлялся. Лицо и руки горели, словно их ошпарили, от одежды воняло паленым. Он осторожно приоткрыл глаза, — но увидел только сплошной мрак и вновь испуганно зажмурился. Если он ещё и ослеп...

— Куда дальше? — голос Шу не дал ему погрузиться в бездну паники. — Лестниц-то тут нет.

— Там, — Йаати с трудом вытянул руку, указывая направление. — Там лифт есть...

— Пошли тогда, — Шу без особой нежности потащил его вперед, но Йаати не особо вырывался: глаза, к его невероятной радости, всё же начали понемногу оживать, но перед ними плавали радужные круги, и в царившем здесь полумраке он почти не различал дороги.

Шу потащил его куда-то вправо... и Йаати испуганно вскрикнул, когда пол вдруг ушел у него из-под ног. Лишь через мгновение он понял, что это лифт — тот самый, который принес его в эту проклятую крепость.

Кое-как проморгавшись, он посмотрел вниз. Поезд стоял там по-прежнему, и от облегчения ноги у него ослабли. Он осел на пол, словно из него выпустили воздух, — и Шу сел рядом, схватив его за руки и испуганно заглядывая в глаза.

— Ты в порядке?

— Вроде да, — Йаати зажмурился и недовольно помотал головой, стараясь прогнать внезапную слабость. — Просто...

Он не знал, что сказать дальше, и потому облегченно вздохнул, когда лифт замер с мягким шипением. Шу потянул его за руку, помогая подняться, и они вышли на перрон. Сверху доносился какой-то непонятный глухой шум, но здесь, глубоко под землей, царила гробовая тишина. Мертвенные синеватые огни в туннеле убегали, казалось, в бесконечность. Холодный сухой воздух здесь был словно недвижим годами.

Осмотревшись, Шу пошел к поезду, и Йаати, мотнув головой, поплелся вслед за ним. Ноги до сих пор как-то подозрительно подрагивали, — и это страшно его злило.

Дверь вагона так и осталась открытой, и он облегченно вздохнул, войдя внутрь. Здесь тоже ничего не изменилось, и, ещё раз вздохнув, Йаати потянул за рукоятку. Теперь уже в правильном, как он надеялся, направлении. Он до сих пор просто поверить не мог, что одно неверное движение руки смогло доставить ему столько неприятностей.

Дверь с резким шипением задвинулась, потом вагон тронулся с приглушенным лязгом, толкнув Йаати назад. Пульт дернулся под руками, изображение на экранчике поплыло — сначала медленно, потом всё быстрее. Справа и слева показались массивные балки туннеля, его высокое трапециевидное жерло поплыло назад, быстро уменьшаясь.

Вдруг Йаати вздрогнул — ему показалось, что сверху в шахту рухнуло что-то массивное, какие-то обломки, — и он нагнулся над экранчиком. Но поезд мчался всё быстрее, жерло туннеля всё убегало и убегало назад, и разглядеть, что происходит там, уже не удавалось.

Ноги всё ещё бессовестно подрагивали, и Йаати захотелось сесть, но он никак не мог оторваться от экрана: убегающие назад огни и ребра балок гипнотизировали. Шу тихо сопел за спиной, то ли не решаясь присоединиться к нему, то ли не решаясь что-то сказать, но сейчас Йаати было не до него. Оцепенев в странном полусне, он почти физически чувствовал, как из него вытекает напряжение.

Как-то вдруг он понял, как здорово смотреть на мир, просто дышать, ощущать свое тело. За последние минуты он несколько раз мог умереть, — причем, невообразимым образом, — так что жизнь теперь казалась ему каким-то невероятным даром. И то, что он сейчас всё дальше уезжал от опасности, только укрепляло это ощущение.

Йаати не знал, сколько они ехали. Несколько раз мимо проплывали узкие перроны с наглухо закрытыми воротами из балок, но останавливаться ему не хотелось: один раз он уже поехал не туда, и это обошлось ему слишком дорого. С другой стороны, тогда он не встретил бы Шу, — а что было бы с ним, останься он в этом мире один, он теперь даже боялся представить.

Вдруг поезд миновал ещё одни свайные ворота — открытые, но за ним они начали закрываться. Туннель за ними стал квадратным, расширился. В его темных стальных стенах попарно, друг против друга, светились уже знакомые эффекторы. Их разделяли мерцающие силовые поля, — поезд миновал их штук двадцать... а потом туннель вновь сузился, словно прорезанный в стальном монолите, и Йаати увидел, как, перекрывая его, опускается черно-сиреневый металлический массив толщиной, наверное, метров в десять.

Из-под пола донесся скрежет тормозов, и ему пришлось ухватиться за пульт, чтобы не плюхнуться глупо на задницу. Поезд затормозил резко и быстро, но дверь вагона не открылась. Наверное, и к лучшему: никакого перрона тут не было, путь был проложен по высоким балкам, окруженным только пустотой. Йаати видел лишь монолит темной металлической стены, в которой зияло прямоугольное жерло короткого, уже никуда не ведущего туннеля.

— Что дальше? — спросил он у Шу, но тут поезд вновь двинулся, проехал метров двадцать и остановился. Откуда-то спереди донесся непонятный лязг.

— Подъемник, наверное, — предположил Шу. Он сидел прямо на полу, глядя на него снизу вверх с каким-то непонятным выражением. — Сейчас наш поезд разберут на вагоны и поднимут в депо. Там мы сможем выйти.

— А дальше?

Шу пожал плечами.

— Я не знаю.

Йаати вздохнул, вновь повернувшись к экранчику. Поезд рывками продвигался вперед, — и с каждым рывком ему открывалась всё большая часть этого пространства. Теперь он видел по краям террасы и какие-то прозрачные колоссальные трубы, но разглядеть верх и низ помещения не удавалось.

Наконец, под ними тоже что-то лязгнуло... а потом вагон поехал вверх, с весьма приличной скоростью. Йаати удивленно замер, глядя, как мимо проплывают колоссальные вертикальные и горизонтальные ребра и изгибы непонятных труб. Каждый этаж тут был высотой в добрых метров тридцать. Их освещали странные синевато-зеленые лампы — длинные трубки, вертикально закрепленные на стенах. Ряд за рядом, они плавно уходили вниз. Вагон всё поднимался... и поднимался... и поднимался... и Йаати вдруг почувствовал, как у него закладывает уши. Он невольно сплотнул, не отводя взгляда от экранчика. Казалось, что подъему уже не будет конца... но тут вагон вновь двинулся вперед, проехал вглубь длинного зала и замер. Его дверь с шипением отошла вправо. Путешествие закончилось.

8.

Держа винтовку наготове, Йаати осторожно вышел на перрон. Воздух тут был сухой, холодный, мутноватый, словно пыльный. Кожу по всему телу вдруг закололо, словно крошечными разрядами, и Йаати невольно передернулся. Казалось, что он нагишом влез в кучу колючей шерсти.

— Что это? — спросил он, с трудом сдерживая дрожь. Что-то похожее он здесь уже испытывал — тогда, под фонарем, — и казалось, что душа сейчас вылетит из тела.

— Волна, — Шу тоже вышел из вагона, осматриваясь. Они стояли в длинном пустом металлическом зале, тускло освещенном несколькими зеленовато-синими лампами. Они издавали равномерное жужжание, но кроме него тут не было слышно ни звука.

— Что? — Йаати всё же опустил винтовку и яростно почесал нос. Это помогло. Немного.

— Защитное поле. В норме им не пользуются, но сейчас, наверное, оно заполняет все помещения Цитадели. Если бы ты не был человеком, то помер бы на месте... довольно неприятным образом. А может, вообще аннигилировался бы. Говорят, что в Цитадели и такое вот бывает.

Йаати вспомнил ту странную дымку на улице... и страшную смерть упавшего в неё «восьминога». Его вновь передернуло... но больше ничего страшного с ним не случилось, только пальцы на ногах поджались, и живот судорожно подвело к спине. Наверное, от зуда. Наверное.

— Зачем тут это?

— Хи`йык же могут появляться где угодно, даже здесь. А от Волны им сразу каюк. Вот потому и... — Шу замолчал, словно к чему-то прислушиваясь. Похоже, он ощущал сейчас то же самое.

— Что дальше? — спросил Йаати, всё ещё невольно ёжась. Мир вокруг, казалось, трепетал, исчезая на какие-то мгновения, — и, если его снова «поведет»...

— Вон терминал стоит. Пошли посмотрим...

Терминал оказался очередным пультом с несколькими наборами разнокалиберных кнопок и каких-то непонятных регуляторов. Над ним мерцало несколько неправильной формы экранов с белыми, но тоже непонятными надписями. По ним, словно по экрану телевизора, шли медленные, ленивые волны. Половина здешних экранов тоже была синей, половина — тревожной, светло-красной. Шу покосился на них и нагнулся над пультом, быстро нажимая на кнопки. Надписи на экранах запрыгали, — но больше ничего не менялось.

— И что? — спросил Йаати, когда Шу, вздохнув, выпрямился.

— Система лежит, — Йаати недоуменно смотрел на него, и Шу пояснил: — компьютерная сеть Цитадели зависла или отказала. Работают лишь терминалы под местным управлением. И здесь, внутри, похоже, никого нет, иначе её уже перезапустили бы давно...

— А терминалы что?

— Сейчас посмотрим, — Шу вновь нагнулся над пультом, и изображения на экранах запрыгали. — Так. Объявлена эвакуация... ну, это я уже знаю. Вот. В связи с Прорывом весь персонал должен лечь в стазис. Сейчас идет зарядка накопителей. Через сутки Цитадель телепортируется в мир В-1/284. Только это было семь дней назад. А с тех пор — ничего.

Йаати ошалело помотал головой.

— Что это за мир В-1/284? Что за Прорыв? Что за стазис?

— Я не лучше тебя знаю, — буркнул Шу. — А ближайшие капсулы стазиса на трассе Ц-193, по коридору Л-18.

— Где это?

Шу вдруг усмехнулся.

— Пошли, я покажу.

10.

Они вернулись к шахте — и Йаати замер, удивленно приоткрыв рот. Ему предстало колоссальное, метров ста в поперечнике, пространство, верх которого он не смог разглядеть — он исчезал в смутной, синевато-сиреневой дымке Волны. Туда тянулись балки и рельсы бесчисленных подъемников, монолитные ребра колоссальных пилонов и странные, прозрачные трубы, ни к чему не прикрепленные — они висели у стен, нигде, однако, не соприкасаясь с ними.

Йаати показалось, что в них, неритмично пульсируя, течет какой-то призрачно светящийся серо-белый газ — но в этом он уже не был уверен. Мир вокруг по-прежнему мерцал, и его взгляд прыгал от одной детали к другой, казалось, уже сам по себе, без малейшего участия ошалевшего сознания.

Террасы восходили вверх ярус за ярусом, тоже исчезая в смутно светящейся дымке. Высоко в косых развалах пилонов сияли уже знакомые эффекторы, — но между ними протянулись лучи бело-фиолетового, жидкого, словно бы взятого из ртутных ламп сияния, окруженные тусклым ореолом силовых полей. Именно они издавали этот наполняющий всё вокруг мягкий, жужжащий, шипящий электрический звук, и Йаати даже не понял, а

почувствовал, что эти вот лучи и являются источником Волны. Мир в их мертвенном сиянии словно застывал, и он, наконец, недовольно мотнул головой, с трудом отведя от них оцепеневший взгляд.

Перил тут не было, и он осторожно подошел к краю, — но так и не смог разглядеть дна. Смутная дымка Волны скрывала и его. Оттуда, снизу, поднимался ровный поток теплого, пахнущего озоном и пылью воздуха, и у Йаати вновь закружилась голова. Опасаясь упасть, он быстро отступил назад и взглянул на Шу. Тот замер с таким же ошалевшим видом — и, лишь когда Йаати коснулся его руки, вздрогнул, словно бы очнувшись.

Обойдя выступ высоченного пилона, они вышли на огромную террасу. Здесь у стен стояло ещё несколько терминалов, — а от террасы разбегались три широких коридора, перекрытых силовыми полями. Шу молча указал на левый, но не смог пройти сквозь поле, и Йаати вновь пришлось отключать его изнутри.

В коридоре оказалось светлее, да и сам свет был другой, синевато-белый, — но царившая здесь тишина давила на нервы. Йаати всё время казалось, что за ними наблюдают, — да так, наверняка, и было. Он не видел тут камер, но не сомневался, что каждый их шаг тут контролируют... или контролировали бы, если бы система не зависла.

Миновав второе силовое поле, они вышли на прозрачную террасу, нависавшую над металлическим каньоном. Вдоль неё под потолком проходил рельс, с него свисало множество массивных капсул. Две, словно ожидая их, были раскрыты, и Йаати осторожно заглянул в них, но внутри ничего не оказалось. Ни приборов, ни даже мягкой обивки. Он увидел лишь какие-то прутья, изогнутые по форме человеческого тела, да сверху нависала массивная штуковина, вроде обрезанного по бокам шлема, закрывающего затылок и верхнюю часть лица. Вот и всё.

— И что делать? — с сомнением спросил он.

— Тут написано, что надо встать на подножку и привалиться к спинке, — Шу показал на стальную пластину, вдоль которой шло что-то вроде увенчанного рубчатым кругом позвоночника. — Тогда капсула закроется и включит стазис.

— А приборы? — этот мрачный металлический саркофаг напомнил Йаати Железную Деву, жуткое орудие пыток из совсем уже темной, кровавой древности, — разве что без торчащих внутрь окровавленных шипов. Но быть замурованным заживо в этом железном гробу ему совершенно не хотелось. Мучительная многодневная смерть от жажды и голода представилась ему даже слишком отчетливо.

— Твердотельные схемы, — Шу постучал по массивному корпусу, но тот не отозвался даже глухим звуком. — Всё вплавлено в металл... как-то. Я не знаю, как Крэйны это делают.

— А это? — Йаати показал на шлем.

— Виртуальная реальность. Это вроде как сон, но ты понимаешь, что спишь, и чувствуешь себя, хотя в стазисе тебе даже дышать там не надо.

— Не дышать? В этом гробу? Ну, спасибо. Нам точно надо туда лезть?

— Я не знаю, — Шу вздохнул. — Сам я в стазисе никогда не был, только теорию читал, и то немного. Не до того было, знаешь... Межпространственный переход, говорят, безопасен. По крайней мере, в стазис лечь не обязательно. Ну, я так слышал.

— А почему тогда все легли?

— Не знаю, — хмуро повторил Шу. Похоже, что всё это ему тоже не нравилось. — У меня тут нет доступа в систему.

— А взломщик поможет?

Шу вдруг усмехнулся.

— Сейчас выясним.

11.

К счастью, тут тоже нашелся терминал, так что идти никуда не пришлось. Шу вставил лазер «взломщика» в особое гнездо в пульте, очевидно, предназначенное для ключа, — и через минуту сел к нему, то нажимая на кнопки, то двигая пальцами по какой-то мягкой на вид пластинке. Изображения на экранах менялись и прыгали, но Йаати всё равно ничего не понимал в них. Ожидание затянулось, прошло уже минут двадцать. Наконец, Шу вздохнул, устало откинувшись назад.

— И что? — нетерпеливо спросил Йаати.

— А ничего. Тут, похоже, кроме нас, никого не осталось. Все уже в стазисе. Приказ Крэйнов. Реактор сейчас работает на полной мощности, его ядро активно набирает энергию. Только... программа перехода не запущена же... или была запущена, но отключилась, когда система упала.

— И? — спросил Йаати.

Шу вздохнул.

— Через пару дней пробьет защиту, — а тогда всю Цитадель просто разнесет на атомы. Ну, и нас тоже.

— Спасибо, — буркнул Йаати. Это не стало для него новостью, — но точно не улучшило настроения. Несмотря на все пережитые им ужасы, — а, скорее, именно благодаря им, — жить ему всё-таки хотелось, причем, сильно. — И что нам теперь делать?

— Спуститься к ядру и запустить программу перехода вручную. Ну, если получится.

— А если получится — то что?

— Включится порталный генератор и начнет пробивать суперпортал. Через двенадцать часов, когда он наберет полную силу, Цитадель стартует и пройдет в него. Она, по сути, просто космический корабль, только огромный.

— Ничего себе... — Йаати с раннего детства мечтал полететь в космос, — а теперь его мечта, похоже, могла осуществиться. Уже сейчас он находился в километрах над землей, — но из-за этих темных стен и застоялого воздуха ему казалось, что он на километры в подземелье. — А потом?

— Не знаю, — Шу вздохнул. — Про мир В-1/284 тут ничего не сказано. Но Крэйнь говорили, что миров, похожих на наш, больше нет. Есть планеты-гиганты, на которых обитает метеорологический разум. Есть мертвые углеродные звезды, которые колонизируют разумные грибы. Есть даже миры, растянутые на мембранах, где измерения... пересекаются. Но миров, вроде нашего, нет.

— Почему, Сарьер же есть, — удивленно ответил Йаати. — И другие планеты. Нам Сверхправитель рассказывал.

— Крэйны о них, наверное, не знают. Вселенных бесчисленное множество же.

— А мы туда попасть можем? В Сарьер, то есть? — данный вопрос волновал Йаати необычайно.

— Откуда мне-то знать? Тут, наверху, есть доки для разных воздушных судов. Когда над Цитаделью открывают портал в другие миры Крэйнов, они возят туда-сюда всякую всячину.

Ещё, говорят, здесь есть исследовательский зонд — энергетическая гондолосфера. Её помещают прямо в фокус порталного луча. Тогда зонд можно забросить даже в очень отдаленные вселенные, только вот забрать может быть... трудно. Правда, я в этом не разбираюсь ни фига...

— Что же нам делать? — повторил Йаати.

— Там, на самом верху, есть навигационная рубка... из неё можно открывать порталы в разные места.

— Тогда чего же мы ждем?

Шу задумался... но только на мгновение.

— Нам нужна карта Цитадели. Хц, то есть, её трехмерный план. Я же сам тут никогда не бывал, знаешь, и не представляю, как попасть к ядру. А там... посмотрим. Если удастся запустить программу перехода, — я попробую отправить тебя домой... только попробую, потому что не знаю... ну, координат этого Сарьера, и как вообще такие порталы открываются.

Йаати вздохнул, — расставаться с Шу ему вовсе не хотелось, — но он даже слишком хорошо понимал, что шансов дожить до расставания у него слишком мало. Однако тут же он почувствовал, что возникла более насущная проблема.

— Слушай... ты не знаешь, где тут туалет?

Шу удивленно взглянул на него... потом вдруг рассмеялся.

— Где-то в жилых помещениях. Всё равно план надо искать, так что пошли давай...

12.

К сожалению, Шу и сам не знал, где тут эти «жилые помещения», так что за отсутствием других вариантов они пошли просто наугад. В конце террасы, справа, зиял очередной проем, перекрытый силовым полем, за ним им открылся новый бездонный каньон — террасы, ярус за ярусом, шли вверх и вниз, исчезая в смутной светящейся дымке. Вдоль стены тянулся широкий, но неогражденный уступ, и они, невольно прижимаясь к ней, пошли вперед. Здесь царил тишина, но откуда-то сверху доносился ритмичный металлический лязг, а из бездонной пропасти внизу иногда поднимались волны теплого, пахнущего озоном воздуха, и Йаати каждый раз вздрагивал — его словно обдавало дыханием какого-то колоссального зверя. Жуткое ощущение, на самом-то деле...

Они дошли до перекрестка «ущелий», пересекли его по прозрачному мосту (Йаати невольно посмотрел вниз, и тут же испуганно отвел взгляд — пыли тут совсем не было, казалось, что он идет прямо по воздуху), и углубились в продолжение «ущелья». Дно его по-прежнему терялось в дымке, и, едва слева показался проем, они, не сговариваясь, нырнули в него, попав в лабиринт сумрачных металлических коридоров. Куда идти, они по-прежнему не знали, и потому бездумно сворачивали то вправо, то влево. Наконец, Йаати замер у края колоссальной шахты, ошалело глядя вниз. Тут был, наверное, главный ангар Цитадели, — на окружающих шахту огромных платформах тесными рядами стояли знакомые уже БТР, над ними с потолка свисали вертолеты-охотники, длинные ряды прозрачных колонн у стен занимали шаровые мины. Всё неподвижное и мертвое, и Шу с досадой стукнул кулаком по ограждению.

— Если бы вся эта ср... если бы эта хрень работала, как надо, мои... мои друзья сейчас

были бы живы, — пояснил он удивленно покосившемуся Йаати. — И ещё много хороших людей... очень много. Но...

— Дальше-то что? — спросил Йаати. Слушать Шу ему сейчас совершенно не хотелось — после таких вот его слов он, невесть отчего, ощущал себя предателем и дезертиром, и это ощущение ему категорически не нравилось.

— Дальше? — Шу как-то дико взглянул на него... потом вдруг с силой провел ладонями по лицу и вздохнул, успокаиваясь. — Смотри, вон там подъемник есть. Посмотрим, как глубоко нам удастся спуститься...

13.

До подъемника — громадной прозрачной платформы, — оказалось всего метров сто. Шу с заметным усилием вдавил кнопку, неуместно большую на маленьком пульте, и платформа с мягким шипением пошла вниз. Вновь взглянув туда, Йаати судорожно вздохнул и невольно поджал пальцы ног: он словно медленно, как во сне, падал в бездонный, затянутый туманом колодец. Ощущение реальности вновь резко покинуло его, и он, зажмурившись, яростно помотал головой. Они скользили и скользили вниз, и забитые техникой платформы проплывали мимо них, ярус за ярусом. Йаати попытался представить, сколько тут машин, но так и не смог. Наверное, тысячи. Если бы вся эта армия вышла наружу — Хи`йык и впрямь не поздоровилось бы, но...

Они спускались и спускались, у него вновь начало закладываться уши. Когда внизу, наконец, показалось металлическое дно, они спустились, наверное, на километр, то есть, оказались на уровне земли. Здесь от шахты отходил колоссальный, шириной метров в двадцать, туннель, перекрытый монолитными воротами, — наверное, ведущий наружу, но как раз туда Йаати не хотел. Правду говоря, он даже боялся представить, что сейчас происходит снаружи. Бездна зыбкой водянистой мглы и плавающие в ней гигантские, вроде бы человеческие фигуры никак не шли у него из головы. Вчера порталная буря нанесла ей сокрушительный удар, — но сегодня эта мгла вернулась, став неизмеримо сильнее, и он даже боялся представить, что это...

Они вышли на дно шахты, удивленно осматриваясь. Она оказалась шестигранная, от пяти её граней шли туннели поменьше, — но все они тоже оказались перекрыты. Йаати подумал, что им придется возвращаться... и тут же подскочил, — за его спиной раздался резкий металлический лязг. Испуганно оглянувшись, он увидел, как по полу прыгает какая-то тяжеленная железяка, несомненно, прилетевшая сверху. Йаати тут же вскинул голову, но наверху, конечно, ничего не было — лишь террасы и зеленовато-белые цепочки тусклых ламп, уходившие куда-то в туман.

Голова у него закружилась — на миг даже показалось, что мир перевернулся и он висит над бездной шахтой, — и, ошалело мотнув ей, он бросился в ближайший туннель. Шу без слов последовал за ним, — оставаться в этом месте ему тоже не хотелось. Казалось, что оттуда, сверху, их, крошечных муравьев на огромном открытом пространстве, сверлит чужой, недобрый и пристальный взгляд.

Нырнув в сумрак туннеля, они с облегчением перевели дух. Лишь сейчас Йаати заметил, что на полу шахты там и сям лежат другие непонятные железки, несомненно, свалившиеся сверху. Или, скорее, сброшенные... кем-то.

— Тут ещё кто-то есть, — сказал он, нервно осматриваясь. — Кто-то ещё, кроме нас.

— Может быть, — Шу осторожно выглянул наружу. — Только это ничего не меняет. Нам нужно спуститься к ядру, прежде чем... ещё больше, чем раньше. Смотри, там, у ворот, как раз терминал есть... Пошли.

14.

Терминал был, как все прочие терминалы — здоровенная наклонная панель, усеянная множеством непонятных приборов. Общаться с ними он не захотел, и Шу пришлось опять прибегнуть к «взломщику». Наконец, огромные ворота с гулом разошлись в стороны, — их монолитные створки оказались не меньше метра толщины. За ними открылось колоссальное помещение, похожее на заводской цех. Массивные ребра темных металлических стен поднимались высоко вверх, к неразличимому потолку, на котором, словно невероятные луны, сияли огромные, мертвенно-белые квадраты. Вдоль стен шла, сплетаясь, невероятно сложная сеть прозрачных террас, лестниц и изогнутых рельс, с которых свисали корпуса и фрагменты корпусов вертолетов-охотников, застывшие и неподвижные. Другие фрагменты и детали лежали на террасах. Похоже, что работу бросили вдруг, в самый разгар, и Йаати невольно крутанул головой, высматривая рабочих. И...

Его руки непроизвольно дернулись, вскидывая винтовку, когда он заметил неуклюже ковыляющего к ним *фтанга*. Но это существо разительно отличалось от прочих — совершенно голое, оно глянцево блестело, словно покрытое каким-то лаком, а в тщедушном тельце виднелась грубо вживленная металлическая панель, на которой сонно моргали разноцветные огоньки. Часть безглазой головы тоже была срезана, и из уродливой металлической «заплаты» вверх торчали две толстых, коротких антенны.

— Что это, что? — руки Йаати подергивались, ему нестерпимо хотелось спустить курок, чтобы уничтожить ЭТО, и потребовалось невероятное усилие, чтобы заставить себя опустить оружие: он уже понял, что вживленные в тело *фтанга* детали по стилю ничем не отличаются от прочего здешнего оборудования, а значит, это не захватчик, а... а...

— Я не знаю, — даже в неестественном здешнем свете было видно, что Шу вдруг страшно побледнел. — Я никогда даже не слышал... о таком.

Существо всё ещё ковыляло к ним, и теперь Йаати понял, что оно не видит их или не обращает внимания. Оно двигалось неуклюже и бесцельно, словно испорченный робот... да по своей сути оно и было роботом: судя по чудовищной «заплате», часть его мозга удалили, вставив взамен датчики связи с компьютерной системой Цитадели. Теперь же, когда и она тоже отказала, бывший *фтанг* превратился в нечто вроде зомби, только не злобного, а... просто в зомби.

Существо всё ещё шло к ним, и нервы Йаати не выдержали: он всё же вскинул винтовку и нажал спуск. Энергетический заряд ударил *фтанга* в грудь, полыхнув злым лиловым огнем. Существо рухнуло на пол, слабо дернулось и замерло, испустив дух. На вделанной в него панели замигал злой красный огонек, послышался тревожный резкий писк... тут же всё стихло. Из панели выдвинулся прозрачный цилиндр с какой-то жидкостью, со стуком упал и покатился по полу. Потом всё замерло. Йаати тоже замер, ожидая невесть чего... но ничего не случилось. Лишь сейчас он заметил, что высоко наверху, на террасах, стоят сотни таких же бывших *фтангов*. Большая их часть замерла неподвижно, другие медленно и явно

бесцельно двигались вперед и назад. Йаати передернуло: он ненавидел *фтангов*, как мало что другое, но *это* казалось ему уже какой-то запредельной гнусностью.

Шу, между тем, сделал несколько быстрых шагов и поднял цилиндр. Небольшой, похожий на гранату, — донца у него были металлические. Почти против воли, Йаати подошел к нему. Жидкость внутри опалесцировала: это точно была не вода.

— Что это? — вновь спросил он, изо всех сил стараясь не смотреть на жуткую зияющую дыру в боку *фтанга*, откуда эта банка выпала... выдвинулась... словно что-то живое.

— Не знаю, — Шу крутил цилиндр. — Смотри, тут, наверху, есть клапан. Похоже, что так они питаются, — он замер на мгновение, а потом вдруг резко мотнул головой. — Слушай, это же, наверное, *шуулан*.

— Что?

— Это... ну, это жидкость такая... то есть, наверное, не жидкость... в общем, такая штуковина, которая может вылечить самые тяжелые ранения, причем, сразу.

— Живая вода, что ли?

Шу вновь мотнул головой.

— Ну да, что-то вроде того. У нас *шуулан* тоже был, только очень мало. И в другой упаковке, конечно. Он и болезни все лечит, и вообще... ну, как бы жизненную силу поднимает. Навернул такую вот баночку — и на сутки сыт. И прыгать будешь, словно молодой козлик. Ни спать тебе будет не хотеться, ничего.

— Брр! — Йаати передернуло.

— Не брр, — Шу насмешливо взглянул на него. — Я сам пробовал, когда ногу сломал.

— И что?

— И то. Зажила. Сразу же.

— Так не бывает, — Йаати недовольно мотнул головой. — Ладно раны какие, но кости-то так быстро не срастаются.

— Вот, и я тоже так думал, — хмыкнул Шу. — Только Крэйны много такого умеют, что нам и не снилось.

— Угу, — Йаати невольно покосился на труп. — И это.

— И что? — лицо Шу вдруг стало жестким. — Мы их сюда не звали. Они сами к нам вперлись, и первые начали убивать. Туда им и дорога.

— А всё равно... — Йаати вздохнул. — Ладно, убить, — но такое вот делать...

— Так это же не мы, это Крэйны... — Шу вдруг смутился. — Слушай... тут же где-то должна быть... ну, заправочная станция для... ну, для этих. Ну, и для людей тоже. А то в своем нынешнем виде мы, боюсь, недалеко уйдем...

15.

К радости Йаати, «заправочную станцию» они нашли почти сразу — бродить среди жутких бывших *фтангов* ему совершенно не хотелось. Он понимал, что это — уже не издевательство над живыми, а, скорее, надругательство над трупами, — но легче всё равно не становилось. Может, они и заслужили такое вот обращение после смерти, — но во всем этом ощущалась некая равнодушная, практичная жестокость, и как раз это очень ему не понравилось. Может, Крэйны и были спасителями людей, — но Добром они не были точно.

Он мотнул головой, выбросив из неё лишние сейчас мысли, и осмотрелся. «Заправочная

станция» очень походила на ферму — ряд металлических стоек с множеством металлических рук, которые, очевидно, фиксировали бывших *фтангов* и меняли в них... батарейки. При этой мысли Йаати передернуло. Но за очередной бронированной дверью тут нашлась «заправка» и для людей — ряд сложных асимметричных щитков на металлической стене. В каждом блестели два массивных прозрачных цилиндра, заполненных всё той же опалесцирующей жидкостью.

— Ну, и как ко всему этому... подключаться? — спросил Йаати. — У нас-то ведь нет дырок в боку, — при одном воспоминании об этой страшной глубокой дыре в когда-то живом теле его снова передернуло.

— Да просто, — Шу снял со щитка что-то, в самом деле, очень похожее на маленький заправочный пистолет, прицепленный к гибкому кольчатому шлангу. Прежде, чем Йаати успел что-то сказать, он сунул блестящий наконечник себе в рот и нажал спуск.

16.

Йаати испуганно дернулся, но сделать ничего не успел: что-то щелкнуло, зашипело, и блестящий поршень в одном из цилиндров плавно пошел вверх. По всему телу Шу прошла отчетливо заметная волна. По нему словно провели влажной тряпкой: глаза и волосы его вдруг заблестели, а все мелкие ссадины и царапины на коже вдруг... исчезли, словно их и не было. Йаати ошалело моргнул: в первый миг он даже решил, что ему просто показалось, но...

— Теперь ты, — Шу с усмешкой протянул ему шланг.

Йаати осторожно взял его. Правду говоря, ему было очень страшно — но, раз Шу сделал это, отказаться он просто не мог. Он приоткрыл рот, сунул в него наконечник (ощущение было не самое приятное, — словно он решил вдруг застрелиться), — и, изо всех сил зажмурившись, нажал на спуск.

17.

Это всё же оказалась не жидкость, а что-то вроде очень плотного, холодного газа: он с хлопком ворвался в горло Йаати, и на миг ему показалось, что струи этой субстанции вырываются у него из ушей. В следующий миг в голове у него всё вспыхнуло... а потом по всему его телу прошло нечто вроде волны очень сильного зуда. И...

Мир вокруг вдруг словно включили на полную резкость: каждая щербинка на стене выступила со сверхестественной четкостью. Уши уловили шаркающие шаги бывших *фтангов*, бродивших по коридорам черт знает за сколько поворотов отсюда. Нос вдруг уловил едва ощутимый запах его собственных волос. Кожа ощутила каждую складку одежды, каждый волосок на ней словно превратился в вибрирующую антенну, — и Йаати передернуло: этот взрыв ощущений оказался даже слишком резким. Он невольно отшвырнул шланг, и волна спала... но ощущение внезапного прилива сил осталось. Боль от синяков и ожогов мгновенно прошла, он чувствовал себя таким легким, что боялся взлететь. Так хорошо он не чувствовал себя, наверное, никогда.

— Ничего себе... — не в силах совладать с внезапным приливом активности, Йаати

крутанулся на пятке, мотнул головой, засмеялся. — Я словно заново родился!

— Угу, — Шу с усмешкой смотрел на него. — Я тоже. Пошли жилой отсек искать...

18.

Жилой отсек они нашли почти сразу — узкий коридор с чередой маленьких комнаток, каждая из которых вмещала только голую пластиковую лежанку и металлический шкаф. Здесь же, правда, нашлась душевая — и туалет, что пришлось очень кстати: может, *шуулан* и лечил всё, что угодно, но к естественным потребностям это не относилось точно.

Покончив со своими делами, Йаати облегченно вздохнул, и присоединился к Шу, который обшаривал отсек в поисках полезного. Им повезло найти небольшой склад пайков — и очередной терминал, в котором, наконец, обнаружилась схема Цитадели.

Как Йаати, собственно, уже ожидал, она не только поднималась на пять километров вверх, но и уходила под землю на добрый километр. Реактор был почти у самого дна, на глубине метров в восемьсот, и к нему вели три колоссальных шахты. К ближайшей они прошли без всякого труда, миновав всего пару коридоров. У самой шахты, правда, пришлось задержаться у очередного шлюза с эффекторами и свайными воротами — но «взломщик» справился и здесь.

Йаати удивленно приоткрыл рот при виде этой колоссальной — шириной метров в сорок — шахты, похожей в сечении на треугольник со срезанными углами. Вдоль её стен тянулись пучки разнокалиберных труб, прозрачных и металлических, а также толстые бело-фиолетовые лучи, — скорее, потоки жидкой энергии, по три с каждой стороны. Их окружали зыбкие водянистые цилиндры силовых полей, но всё равно, свет тут был очень ярким, воздух — сухим и горячим. В нем висел мощный электрический гул, словно от громадной газосветной лампы, шипящий и потрескивающий — казалось, что сам воздух здесь трещит от пропитавшей его энергии.

Йаати даже не сразу смог разглядеть лифт — стеклянную трапециевидную платформу, совершенно ни к чему ни прикрепленную, — она словно лежала в воздухе, и даже не вздрогнула, когда они ступили на неё. Едва Шу нажал кнопку на пульте, лифт беззвучно в здешнем гуле пошел вниз. Ограждения у него не было, но теперь Йаати разглядел, что платформу окружает силовое поле — он не смог бы свалиться отсюда, даже появившись у него вдруг такое желание. Вниз он старался не смотреть, — стекло оказалось столь прозрачное, что он словно стоял в воздухе над сходящимися в туманной бездне стенами.

Спускаться им пришлось долго, — Йаати насчитал штук двадцать пять стеклянных мостиков, ведущих к запертым свайным воротам. Потом они остановились у ворот, не похожих на другие: монолитных и со странным знаком, — полым кружком с тремя изогнутыми, крючковатыми лучами, похожими на знак вопроса, на самом деле, довольно зловещим. Они спустились уже очень глубоко, — но шахта всё ещё вела вниз, и дна её Йаати не видел. Может, схема оказалась неполной, а может...

— Ядро здесь, — сказал Шу, подходя к воротам.

По обе стороны от них стояли небольшие пульта, и он вставил в глазок замка лазер «взломщика». На сей раз, он трудился примерно с минуту, потом монолитная плита всё же неохотно ушла в сторону; её толщина оказалась добрых метра два. За ней был просторный пустой шлюз с такими же воротами, а за ними — высоченный, широкий туннель. Пол под

ногами тут вибрировал, и в такт то нарастающей, то гаснущей вибрации то разгорался, то угасал свет. Воздух здесь был буквально пропитан энергией, и все волоски на коже Йаати вновь встали дыбом. Он по-прежнему ощущал себя очень легким, — а сейчас ещё и каким-то полупрозрачным, почти бесплотным, словно сама его суть таяла в этом энергетическом океане. Ощущение было не пугающее, скорее, даже приятное, — но, всё равно, всё происходящее казалось ему совершенно нереальным.

Когда литые створы последних ворот разъехались перед ним, он словно вплыл в странный, огромный, асимметричный зал, залитый холодным белым светом. Совершенно пустой, хотя у стен тут стояло множество разнообразных пультов. Над ними мерцали такие же странные, асимметричные экраны, — но свет большинства был тревожным, густокрасным. За ними поднимались выступающие из стен ребра плит, какие-то чудовищные, непонятной формы агрегаты — в их глубине, за косыми решетками, горел странный, словно бы подводный, зеленовато-белый свет. В потолок, изгибаясь, уходили громадные, в метр толщиной, кабели, между них тускло тлели белые квадраты ламп. Они неритмично разгорались и тускнели — и в такт им разгорались и тускнели все огни в зале.

— Что... это? — спросил Йаати, почти против своей воли шагая вперед. Сейчас он не чувствовал под собой ног, и ему казалось, что он бесплотным духом плывет в воздухе.

— Центр управления реактором... один из них. Всего их тут три, — сказал Шу, но голос его сейчас звучал глухо и как-то невнятно, словно сам воздух тут не хотел пропускать звук. Он подошел к одному пульту, к другому, к третьему... потом повернулся к Йаати и недовольно мотнул головой. — Ничего не работает. Система, наверное, повреждена, — я ничего не смогу сделать.

— И что? — спросил Йаати как-то равнодушно. Сейчас ему казалось, что его собственная голова парит над плечами, словно воздушный шарик, — и он начал бояться, что она улетит, оставив тело.

— Тут есть аварийный пульт. Прямо тут, ниже. Вот.

Шу подошел к круглому углублению у дальней стены зала, снял с пояса контрольное устройство (он нашел его тут же, на пульте), и нажал несколько кнопок. С мягким шипением поднялась толстая плита герметичного люка. Едва они спустились по лесенке вглубь узкого стального колодца, крышка так же мягко захлопнулась. Йаати удивленно осмотрелся.

Они оказались в маленькой низкой комнатке из гладкой белой стали. Вдоль стены шло сплошное кольцо пультов, в центре стояло кресло. На экранах был виден весь зал, но свет тут так же неритмично пульсировал. Йаати подошел к врезанному в пульт окну перископа — восьмиугольной плите из бронестекла. И замер.

Ему открылось колоссальное сферическое помещение — не менее трехсот метров в поперечнике. Всю поверхность его сплошь покрывали эффекторы, — они тускло сияли туманными лиловыми огнями, и от них тянулись странные, темные лучи, упираясь в зыбкий, словно водяной шар, диаметром метров семьдесят. Он, казалось, дышал, пульсируя медленно и неритмично, по нему шла рябь, волны, иногда его поверхность странно размывалась. В такт медленной пульсации шара неритмично пульсировал и свет — не лампы, казалось, что тьма разливалась прямо в воздухе. Он здесь был холодный, но совершенно неподвижный, безвкусный.

От всего этого Йаати не просто охватил озноб, — все волоски на теле встали дыбом. Это был даже не страх — острое ощущение своей ничтожности, бесконечной чуждости этого места. Очень хотелось сбежать... но любопытство не давало. В смутной глубине шара

переливалась какая-то непонятная темная масса, — она то сжималась под давлением темных лучей, словно выпивая из всего окружающего свет, — то вдруг резко расширялась, вспыхивая в глубине желтым, ядовитым огнем, и тогда пол под Йаати содрогался.

— Что... что это? — спросил он, не в силах отвести взгляд. Он каждой клеточкой тела чувствовал, что там, в этом шаре, заперта колоссальная, невообразимая энергия — и, когда она вырвется наружу, всё на многие мили вокруг буквально разнесет на атомы...

— Ядро Цитадели, конечно, — Шу не слишком вежливо отодвинул его, тоже глядя в перископ. — Зарядка зашла уже очень далеко. Ещё несколько часов, наверное, — и оно пробьет защиту, а тогда...

— И что нам теперь делать? — Йаати ошалело помотал головой, стараясь хоть немного опомниться. Казалось, что он только что смотрел на какую-то невероятную планету.

— Надо запустить переход в мир В-1/284, что... Дай-ка я сяду.

Йаати, насколько мог, оступил в сторону, дав Шу проскользнуть в кресло. Тот склонился над пультом, выполняя какие-то совершенно непонятные на взгляд Йаати манипуляции. Всё это тянулось довольно-таки долго — минут двадцать, если верить ощущению. Наконец, Шу вздохнул и откинулся назад, устало растирая виски.

— И что? — нервно спросил Йаати. Наверное, эта комната была очень хорошо экранирована — но, всё равно, ему теперь казалось, что не только свет, но и сама его суть тут колеблется в такт с колебаниями ядра — то прилив, то отлив...

— Отсюда я ничего не смогу сделать — сеть полностью накрылась. Надо подняться на самый верх, в навигационную рубку... в одну из них. Переход запускается оттуда.

— Вот и славно, — сказал Йаати. — Здесь мне совершенно не нравится.

— Мне тоже, — Шу с сомнением посмотрел на пульт. — Но эта машина говорит, что переход в мир В-1/284 запрещен. Понимаешь, не сам переход вообще, а переход конкретно в этот мир.

— Почему так?

— Сейчас посмотрим, — Шу вновь склонился над экраном, по которому прыгали непонятные символы. Так... вот. «Пространственный переход, а также открытие порталов любого рода и типа в миры с метрикой типа Z категорически запрещены из-за несовместимости энергетических уровней. Прямой контакт с метрикой типа Z может создать в нашем вакууме ударную волну, способную уничтожить планету».

— Какую волну? — удивленно спросил Йаати. — Вакуум — это же пустота, ничто.

— Да не знаю я! Наверное, это одна из тех вселенных, где измерения... пересекаются. Хотя я совсем не представляю, как такое вообще может быть.

— Тогда какого чер... э-э-э... зачем вам в этот мир В-1/284, если от этого всему кирдык?

— Не нам, а Крэйнам. Наверное... — Шу задумался, и вдруг резко побледнел, но как-то странно, — его лицо пошло пятнами. — Они... они и не собирались никого из нас спасать. Они решили уничтожить планету, чтобы она не досталась Хи`йык, вот и всё.

— И что нам теперь делать? — странно, но Йаати почти не испугался — в основном потому, что просто не мог в такое вот поверить. Взрыв — взрыв да, он мог себе представить. Но пространство, где измерения пересекаются, — нет. Впрочем, как в этом вот пространстве вмещается бесконечное количество других, он тоже не мог представить: воображение отказывало.

— Я не знаю, — Шу как-то странно выскользнул из кресла и сполз на пол. Теперь он

сидел, привалившись спиной к пульта и беспомощно глядя на Йаати снизу вверх. — Тут тридцать миллионов человек — все, которые ещё остались. Их и отправили в стазис для того, чтобы они... не помешали. Теперь я это понимаю...

— И что делать? — тупо повторил Йаати.

— Тут мы остаться всё равно не можем. Цитадель скоро взорвется, если не запустить переход... хоть куда-нибудь. Надо задать другое место назначения. А для этого опять же попасть в навигационную рубку.

— И в чем тогда проблема?

— Подожди... — Шу с заметным усилием поднялся и снова сел в кресло. — Мне кажется, что там кто-то есть.

— Где?

— В рубке. В одной из них. Кто-то ещё пытается войти в систему — и как раз оттуда. Я думаю, что это сами Крэйны...

— Тогда почему они не запустили переход?

Шу вздохнул.

— Я не знаю. Может, просто не могут, потому что вся техника там приказала долго жить. Может, там вообще никого нет, а то, что я вижу — это просто какая-то аварийная система. А может, они просто боятся умирать.

— Почему? Всё равно же умрут, когда Цитадель взорвется.

— Можно открыть портал в другую вселенную, не перемещая Цитадели, — Крэйны так и делали обычно. Судя по схеме, тут даже есть спасательные шлюпки, аварийные шаттлы, на которых они могут покинуть Цитадель. Но здесь им бежать просто некуда, а открыть портал в какой-то свой мир они, наверное, не могут.

— Почему?

Шу пожал плечами.

— Я не знаю. Посмотрим сейчас... — он вновь склонился над экраном. Йаати терпеливо ждал, молча глядя на непонятные манипуляции. Часов у него, разумеется, не было, но по ощущениям прошло уже добрых полчаса. Наконец, Шу выпрямился, устало растирая лицо.

— Насколько я смог понять, схема перехода на самом деле очень сложная... специально сложная, понимаешь? Фазовые кольца позволяют выбирать конкретный мир, — но тип первичной энергии, тип вселенных, задается отсюда. А сюда Крэйны спуститься, очевидно, не могут.

— Почему?

Шу вздохнул.

— Я не знаю. Что бы ни долбануло по Цитадели, оно было очень мощным. Может, оно просто убило всех Крэйнов, кроме одного, — да и тот так тяжело ранен, что не может двигаться. Может, случилась какая-то авария в транспортной системе. Может, между Крэйнами возникли... разногласия, и те, кто не хотят нашей гибели, не пускают сюда тех, кто хотят. А может, что-то ещё, чего я не знаю.

— А нам-то что делать? — в который уже раз спросил Йаати.

— Отсюда я могу задать другой тип первичной энергии, то есть, задать переход в другой тип метрики. Например, в тип А — это миры, вроде нашего. Но только...

— Но только что?

— Тут три первичных реактора. Соответственно, три пульта. Чтобы запустить переход,

надо задать на каждом один и тот же тип энергии. Лишь тогда будет смысл идти в рубку.

— Тогда чего же мы ждем?..

19.

Йаати с самого начала полагал, что всё окажется совсем не так просто, — и его опасения оправдались. Изменить тип первичной энергии, правда, оказалось не так уж и сложно, — с другой стороны от перископа на пульте помещался золотистый металлический диск, составленный, как оказалось, из нескольких массивных колец с какими-то непонятными знаками. Шу, поминутно сверяясь с инструкцией на экране, совместил несколько значков, после чего с заметным усилием вдавил цилиндрическую сердцевину диска, тоже украшенную странным знаком — похожим на треугольник, пробитый изнутри тремя лучами.

Глубоко под полом что-то раскатисто грохнуло, он задрожал. Потом в перископе вдруг вспыхнул толстый синий луч. Он вырвался из зияющей дыры в стене зала, странно изогнулся в воздухе — и ударил прямо в ядро, расплескавшись яростными сполохами зеленого и голубого сияния.

Йаати невольно весь напрягся, ожидая взрыва, — но ничего такого не случилось. Казалось, что само ядро непостижимым образом отталкивает луч, он разбивается концентрическими волнами и гаснет.

— Один есть, — не слишком-то бодро сказал Шу. — Осталось ещё два. Пошли.

Но как раз пойти оказалось непросто. Прямого пути между пультами, как уже и ожидал Йаати, не было. Им пришлось выйти в туннель и вернуться к шлюзу лифта, у которого они свернули в высоченный пустой коридор, залитый замогильным, тусклым синим светом. Пульсация ядра тут не ощущалась, но в воздухе висела тревожная, беззвучная вибрация, и лампы неровно помаргивали, — словно в сети тут невесть почему прыгало напряжение. Тишина висела мертвая, — если не считать слабого, тоже неровного жужжания ламп.

— Куда дальше? — невольно понижая голос, спросил Йаати. Казалось, на любой звук тут сбегутся... неважно, кто.

— Туда, — Шу показал вперед. Там виднелось силовое поле, которое Йаати, естественно, пришлось отключать. Они вошли в поперечный коридор, и, повернув влево, вскоре уперлись в бронированную дверь. Когда Шу открыл её с помощью «взломщика», Йаати увидел колоссальную шахту с циклопическими трубами толщиной, наверное, в несколько метров — они тянулись вверх и вниз, исчезая во мраке. Здесь оказалось очень тепло, — он лицом ощутил жар, исходящий от нагретого металла. В воздухе висел почти беззвучный мощный гул текущей жидкости, отдаваясь где-то глубоко в животе. Здесь пахло ржавчиной и сыростью, а, когда они пошли по огибавшей шахту галерее, над их головами пронеслось что-то, похожее на летучую мышь.

Йаати едва не выстрелил во мрак, сильно испугавшись, — судя по тому, как его обдало воздухом, существо оказалось большим — с размахом крыльев в добрых метра два. Сначала ему даже показалось, что это кто-то из Хи`йык, но здесь, в Цитадели, заполненной Волной, их, конечно, просто не могло быть. Сейчас, правда, он не чувствовал Волны, — но не мог сказать, привык ли он к ней, или их и в самом деле занесло в какое-то незащищенное помещение.

— Что это было? — спросил он, глядя вверх. Там, сходясь венцами, ярус за ярусом горели тусклые синие огни, но так редко, что почти ничего не освещали.

— Откуда я знаю? — Шу тоже выглядел напуганным. — Я никогда же здесь не был. Давай, пошли отсюда, пока оно не вернулось с собратьями...

Без дальнейших приключений миновав шахту, они вышли в очередной коридор, ещё более просторный, — его потолок исчезал в смутном сиянии Волны, а пол оказался прозрачным, из толстого монолитного стекла, — сквозь него просвечивали другие такие же ярусы, и Йаати даже не мог все их сосчитать. Он видел десятки их, уходящих в невероятную глубину. Там тоже что-то двигалось, какие-то смутные огни, но вот на чем они горят, разглядеть уже не удавалось.

Ошалело глядя то вверх, то вниз, они медленно пошли вперед. Йаати ощущал себя муравьем в каком-то колоссальном механизме. Или, скорее, в чудовищной прозрачной головоломке. Дома у него была такая — прозрачный пластмассовый кубик с тоже прозрачным, пятиярусным лабиринтом внутри. Задача состояла в том, чтобы перегнать маленький стальной шарик от красной точки к синей, — казалось бы, просто, но вот разглядеть изгибы этого лабиринта удавалось с трудом, и эта головоломка страшно его злила. Но и бросить её он тоже, почему-то, не мог...

Здесь, к счастью, никакого лабиринта не было, — но вправо и влево отходили высоченные коридоры, и Йаати чувствовал себя очень неудобно: казалось, что на них с Шу смотрят со всех сторон сразу. Или что он сам смотрит на всё со всех сторон сразу. Или идет по всем этим коридорам одновременно, — и Йаати ошалело помотал головой. Ощущение было очень странное, — словно он сам распался вдруг на десятки, сотни призрачных теней, бредущих наугад без цели и смысла...

Вдруг он нос к носу столкнулся со странным, похожим на головастика механизмом — он бесцельно плавал в воздухе, заливая стены светом фары, закрепленной над объективом камеры. Йаати испуганно отпрянул — и механизм в тот же миг исчез. Он ошалело моргнул, не сразу осознав, что ему на этот раз не показалось — его взгляд, в самом деле... рассыпался по всему окружающему пространству, проникая на десятки ярусов сразу — пока не наткнулся на один из этих далеких, блуждающих внизу огней...

— Что с тобой? — Шу повернулся к нему, и Йаати осознал, что замер на месте — наверное, с идиотским видом.

— Ничего, — просто голова закружилась. Очень уж тут... высоко, — объяснять, что с ним на самом деле случилось, Йаати всё же не стал. Шу наверняка решил бы, что он просто спятил.

— А, пошли тогда...

Добравшись до рубки, они спустились к аварийному пульту, и Шу переключил второй реактор. Направляясь к третьему, последнему, они вышли в новую шахту с трубами, неотличимую от первой, и Йаати нервно посмотрел вверх — там, казалось, что-то двигалось, на мгновенья закрывая свет далеких ламп, но всматриваться он не стал. Как могли быстро, они миновали шахту, выскочив в новый бездонный коридор, и Йаати вновь мотнул головой, стараясь прогнать очередную иллюзию, — казалось, что он попал в какой-то странный, раз за разом повторяющийся мир. Она, правда, упорно не желала уходить, потому что всё и в самом деле повторялось. Они вышли к третьему пульту управления реактором, — но ведущие к нему ворота просто отказались открываться.

— И что нам теперь делать? — спросил Йаати. Они стояли под очередной парой

эффекторов, и приходилось повышать голос, чтобы заглушить гул текущей здесь энергии.

— Не знаю, — сказал Шу, отключив «взломщика». — Давай убираться отсюда...

Они вернулись к лифтовому шлюзу, и Шу подошел к терминалу, изучая трехмерные схемы Цитадели. Это заняло, примерно, минут пять. Потом он вздохнул.

— Кажется, я теперь знаю, почему Крэйны не смогли запустить переход в этот мир В-1/284, - устало сказал он.

— И почему же?

— Третий пульт заблокирован изнутри. Кто-то заперся там и отключил дистанционное управление, — а без него вход нельзя открыть снаружи.

— И что нам теперь делать? — Йаати не хотел верить, что всё их предприятие кончилось так быстро и так глупо.

Шу ткнул рукой в экран.

— Если верить схеме, туда можно попасть через энерговоды, — но силовые лучи смертельны сами по себе, а если как-то их выключить, закроются аварийные затворы.

— И что?

— На схеме есть один более-менее обычный туннель. Может, по нему нам получится пройти...

Они пошли назад, к центру Цитадели. Этот туннель пересекали другие, поперечные, и там, впереди, на перекрестке, казалось, что-то мелькнуло, на миг выглянув из-за поворота и скрывшись, — что-то совсем маленькое, ростом, наверное, с собаку, и отчетливо зеленоватое, — и Йаати вновь недовольно мотнул головой. Собак тут точно быть не могло, да и Шу, вроде, ничего не заметил...

Когда они дошли до перекрестка, Йаати посмотрел в обе стороны — но, конечно, никого не обнаружил. В обе стороны уходил такой же коридор, только поуже. В его стенах виднелось несколько проемов, но перекрытых силовыми полями, так что никто не смог бы спрятаться здесь, — если это призрачное существо не могло проходить прямо сквозь поля, как и сам Йаати...

Шагая дальше вслед за Шу, он задумался. Мог ли попасть сюда, в этот вот мир, кто-то ещё, кроме него? Кто-то совсем чужой, нечеловеческий? Наверное, мог. Но вот кто это, Йаати никак не мог представить. Взгляд не успел ухватить очертания существа, — если оно вообще ему не показалось. Он мог вспомнить только смутное пятно, силуэт, в самом деле, похожий на собаку, — но зеленых собак не бывает. Впрочем, в этом странном свете его собственная кожа казалась зеленовато-белой, словно у залежалого утопленника, и представить себе настоящий цвет этого... объекта Йаати не смог. Взгляд его опять начал «разбегаться», и он на миг испуганно зажмурился, — казалось, что сама его суть тает, распадаясь на сотни призрачных теней. Он словно бы мерцал, появляясь на миг то в одном месте, то в другом, — и, осознав это, Йаати задумался. Наверняка, теперь ему не показалось, — в конце концов, он ведь как-то оказался здесь, в этом вот мире, и не в виде «точки зрения», а во плоти.

Он попытался вспомнить, было ли с ним раньше что-то похожее, но не смог. В детстве у него несколько раз были странные галлюцинации — неподвижные, казалось бы, предметы начинали вдруг двигаться с пугающим шумом — но это не имело ничего общего с этим... расщеплением.

Но во сне он часто оказывался в совершенно незнакомых местах, непохожих на те, что он видел наяву, иногда очень странных — даже в щелях между циклопическими

фрактальными массивами, паря в странном светящемся воздухе...

Точно так же воздух светился и здесь, и Йаати подумал, что не все его сны были просто снами: он сам, точнее, его взгляд, в самом деле проникал иногда в какие-то другие, далекие миры. Иногда очень красивые, чаще страшные. Ему на всю жизнь запомнился черный город, залитый густым, кровавым светом темно-багровых фонарей — и бродившие по его улицам черные, безликие, безголовые силуэты...

Его передернуло при мысли, что что-то подобное он мог бы увидеть наяву, и Йаати вновь недовольно мотнул головой, стараясь вспомнить сны, которые могли бы иметь отношение к этому вот миру. Ничего, даже отдаленно похожего на *фтангов* и других здешних тварей ему, совершенно определенно, не снилось. Но вот пустой осенний город, по которому он потерянно бродил почему-то босиком и нагишом, снился ему достаточно часто — и не сказать, что эти сны были приятными. В них кто-то всё время изподтишка следил за ним, незаметно преследовал — и, в конце концов, нападал.

К счастью, каждый раз ему везло проснуться раньше, чем существо, — его тоже никогда не удавалось разглядеть, — добиралось до него. Правда, полезной информации в этих вот снах содержалось крайне мало, — да и город был больше похож на его родную Лахолу...

Йаати нахмурился. Призрачность снов, их способность вмиг забываться при пробуждении, всегда невероятно его злила. При этом он знал, знал совершенно точно, что на самом-то деле они остаются в его голове — потому что сны, которые ему всё же удавалось запомнить, иногда были старыми, и просыпаясь, он всё же вспоминал, что уже видел их раньше — просто в тот раз они как-то ускользали от сознания. Если бы его взгляд разбежался не по окружающему миру, а по памяти, он бы, наверное, смог...

Йаати остановился, словно налетев на стену. В какой-то миг взгляд его, в самом деле, сместился, и он совершенно отчетливо увидел треугольную башню Цитадели. Она парила в пустоте, среди зеленоватых туманностей, раскинув венец гибких труб или кабелей. Они соединяли её с роем желтовато-коричневых астероидов, или, скорее, парящих островов — на верхней их части отчетливо виднелись башни. Огромные сами по себе, они казались крошками рядом с Цитаделью. Йаати, правда, не знал, вспомнил ли он забытый сон или его взгляд сейчас «проскочил» в какой-то другой мир, но мир этот оказался очень странным: его пересекала ровная полоса синеватого света, и в какой-то миг Йаати понял, что туманности внизу — лишь отражение в поверхности какой-то невероятной зеркальной планеты. Он ошалело моргнул, и видение исчезло. Йаати испуганно взглянул на Шу, — но тот в этот раз ничего не заметил, быстро шагая вперед.

20.

— Ну вот, похоже, это здесь, — Шу остановился у очередной бронированной двери, вставив лазер «взломщика» в глазок замка. Через минуту дверь неохотно раздвинулась. За ней оказался извилистый П-образный коридор, очевидно, прорезанный в монолитной металлической стене, — а потом Йаати вышел в обширное пространство, ни формы, ни даже размеров которого он не смог определить. Везде были какие-то косые балки, прозрачные трубы, ребра, мостики... И сияющие силовые лучи, которые тянулись то сверху вниз, то справа налево, сплетаясь в огненную сеть. Свет их слепил глаза, так что Йаати не мог ничего тут толком разглядеть. Воздух тут был сухой, горячий, резко пахнущий озоном, пронизанный

шипящим электрическим звуком. На миг Йаати показалось, что он попал внутрь громадной печи.

— И что дальше? — спросил он, невольно отступая в коридор.

— Если верить схеме, надо спуститься ярусом ниже, пройти по грузовому туннелю, а потом подняться в рубку, — сказал Шу. — Но я не представляю, как можно это сделать.

Йаати подошел к краю площадки и осторожно заглянул за него. Высота тут, в самом деле, оказалась изрядная, — пожалуй, добрых метров сто. Сама по себе она не представляла препятствия, — только вот никаких лестниц он не видел. Да даже если они бы и нашлись, пройти в туннели силовых лучей не получилось бы, — их целиком заполняло водянистое защитное поле...

— Смотри, тут можно спуститься вниз, — Шу показал на проходившие вдоль края площадки толстые кабели.

Йаати подошел к нему и тоже заглянул вниз. В самом деле, там, метрах в тридцати, под ними проходил мостик. Лесенка с него вела на широкий выступ стены, а над ним зияло жерло того самого туннеля, на вид вроде бы пустое.

— Можно попробовать тут, — согласился он. — В любом случае, мы ничего не теряем.

Шу не стал тянуть кота за хвост, а просто взобрался на перила, и, обхватив кабель руками и ногами, поехал по нему вниз. Йаати с сомнением посмотрел ему вслед, потом тоже взобрался на перила. Стоило ему взглянуть вниз, как голова у него закружилась. Он шатнулся и невольно схватился за кабель. Толстый — толщиной с его ногу — и неожиданно горячий, но выбора, как обычно, не имелось.

Обхватив его крепче, Йаати оттолкнулся и, зажмурившись, заскользил вниз. Это оказалось не так просто, как он думал — изоляция обжигала ладони, а попробовав обхватить кабель предплечьями, он едва не сорвался. Руки его рефлекторно сжались, и Йаати повис, не вполне понимая, наяву он сейчас или во сне. Наконец, Шу заорал ему снизу, и он, с трудом расслабившись, вновь поехал вниз.

Кабель обжигал ноги даже сквозь штаны, и Йаати зашипел от боли. Авторы любимых им книжек о приключениях почему-то никогда не писали о таких вот вещах. В них герои соскальзывали по канатам и тросам, как ролики, — и ещё быстрее взбирались обратно, словно не весили вообще ничего...

Наконец, он налетел на что-то твердое, — но, открыв, наконец, глаза, обнаружил, что это всего лишь выступающее из стены крепление, а до моста внизу ещё добрых метров двадцать. Снова зашипев, — на сей раз, от злости, — Йаати расплел ноги, тут же провалился вниз, стукнулся локтями об металл и взвыл от боли. Тело, как ватное, обмякло от неё, руки начали соскальзывать...

Йаати охватил приступ дурнотного ужаса, словно во сне, когда падаешь и ничего не можешь сделать, — но тут же осознал, что его ноги вновь обвили кабель, и он никуда уже не падает. Он замер, пытаясь отдышаться. От боли из глаз невольно потекли слезы, но открыть их он не решался, — одного невольного косого взгляда вниз хватило, чтобы у него страшно закружилась голова. На уроках физкультуры канат не вызывал у него никаких сложностей, — но кабель, который даже ладонью не обхватишь, дело совершенно другое, да и сотня метров пустоты внизу отнюдь не добавляла храбрости.

Шу снова заорал снизу, интересуясь, жив ли он. Сжав зубы, Йаати схватился за крепление и съехал ещё вниз, потом неохотно отпустил его. Теперь он уже приноровился, и дело пошло быстрее, — и в итоге он проехал мостик, затормозив уже под ним. С

нарастающей паникой Йаати понял, что не сможет выбраться наверх, — длины руки не хватало дотянуться, а взобраться сам он не мог, — ноги соскальзывали.

Шу, ругаясь, лег на пол, и, протянув ему руку, помог выбраться наверх. Перевалив через перила, Йаати сполз на пол, стараясь отдышаться. Налегке этот спуск не вымотал бы его так, — но с винтовкой и полным ранцем зарядов это оказалось... трудно.

— Расклеился? — спросил Шу, глядя на него сверху вниз. Обидное «девчонка» не прозвучало, но явно подразумевалось. Впрочем, его вполне можно было понять — сейчас именно от него, ну, и от Йаати тоже, зависела судьба всего его мира...

— Нет, — буркнул он, поднимаясь на ноги. — Пошли.

Они подошли к зиявшему в монолитной стене жерлу туннеля. Сверху казалось, что он низко, теперь же Йаати понял, что до него добрых метра три. Судя по проходившим под сводом массивным рельсам, тут ездили какие-то вагончики, — только вот станции не наблюдалось...

— Подсади-ка меня, — предложил Шу, сбрасывая ранец на пол. Йаати, закричав от натуги, выполнил просьбу.

— И что там? — спросил он.

— Силовые поля, одно за другим, — сообщил Шу, повиснув на руках и прыгая на пол. — Штук двадцать, может, больше. Я не смогу там пройти.

— Значит, я, — Йаати вздохнул.

Шу, в свою очередь, тоже посадил его, — и, едва подтянувшись, Йаати увидел мерцающие полотнища силовых полей. Они в самом деле перекрывали туннель одно за другим, и что там, в конце, он не видел. Выпрямившись, он взглянул на Шу, — и, зажмурившись, шагнул вперед.

21.

На сей раз, поле оказалось ощутимо плотным, — на миг Йаати даже показалось, что он проламывается сквозь тонкий, пронизанный электричеством лед. На одежде затрещали разряды, всё тело немилосердно закололо, — но, сжав зубы, он шагнул ещё раз, — а потом ещё и ещё...

Воздух между полей оказался затхлый, пахнувший пылью и озоном, так что он шел тут, как мог быстро, — и ошалело замер, миновав последнее.

Он вновь оказался в колоссальном пространстве, размер которого не смог определить. Над ним нависала выпуклая циклопическая стена, подпертая монолитными пилонами. К ней или от неё тянулись сотни силовых лучей, прозрачные трубы, кабели...

Свет здесь неритмично вспыхивал и гас, и Йаати вдруг понял, что смотрит на главный реактор Цитадели. Стена, из проема в которой он выглядывал, была плоской, и он ошалело закрутил головой. Ну да — справа она под косым углом пересекалась с другой, и там, высоко наверху, виднелось треугольное перекрытие, к которому сходились бесчисленные кабели. Рубка! Под ней даже тянулись какие-то мостики — только вот никаких лестниц к ним, увы, не вело.

Йаати вновь закрутил головой. Метрах в четырех под ним в стене был ещё один выступ, от него, вдоль силового луча, тянулось что-то вроде прорези, в которой можно было проползти. Ну а дальше вверх тянулись бесчисленные кабели, по которым, наверное, он смог

бы подняться.

Обрадованный Йаати почти уже решил спрыгнуть вниз, — а там будь что будет, — но вспомнил про Шу, и, ругаясь, вернулся назад. Шу смотрел на него как-то нервно, и Йаати мог его понять — он сам сидел бы тут, как на иголках, когда единственный другой человек в мире пропал бы неведь куда.

— Что там? — спросил Шу.

— Я видел рубку. Её дно, по крайней мере. Думаю, что я смог бы взобраться наверх.

— А поля тут никак нельзя отключить?

Йаати вздохнул.

— Никак, — в самом деле, он не видел тут никаких пультов, замков и так далее.

— Жаль, — Шу вздохнул. — Тогда так. Я вернусь к воротам рубки и буду тебя ждать.

— Угу, и как я их открою, — даже если доберусь?

Шу вновь вздохнул.

— Я сам их открою. Тебе нужно только снять блокировку. Там, слева, с краю, есть такой маленький пульт, на нем, тоже слева, такой красный переключатель. Он там один, так что не перепутаешь.

— А, тогда понятно. Ну, я пошел тогда...

Не дожидаясь ответа, Йаати отвернулся. Прощаться ему не хотелось совсем.

22.

Путь через силовые поля и раньше не доставлял Йаати удовольствия, — а в этот раз его едва не свела судорога. Вернувшись, он с облегчением перевел дух, и, повиснув на руках, спрыгнул вниз. Высота казалась не такой уж большой, — но он не устоял на ногах, и опрокинулся на спину, вдобавок, крепко приложившись затылком. Мир словно взорвался от боли, и какое-то время он совсем не мог пошевелиться. Наконец, он всё же сел, растирая затылок, и с сомнением посмотрел вверх. Вернуться обратно он уже не смог бы, так что оставался только один путь.

Кое-как поднявшись на ноги, Йаати осмотрелся. Треугольный выступ, на котором он стоял, кончался плоским квадратным массивом эффлектора, от которого тянулся сияющий, словно бы жидкий луч. Вдоль него в монолитной стене шла прорезь, высотой не больше полуметра. Йаати смог ползти в ней лишь на четвереньках, кое-как пристроив винтовку на спине. Скорость такого путешествия оказалась страшно низкой, к тому же, пытаясь поднять голову, он каждый раз бился затылком об крышу. Слева, совсем близко, зияла бездна, непроглядно-черная из-за синеватого сияния луча. Сейчас он казался Йаати бесконечно длинной лампой, испускающей надоедливый непрерывный то ли гул, то ли свист, — раньше он никогда не слышал таких звуков, и не мог классифицировать их. Свет от луча был такой яркий, что он видел каждую пылинку под ладонями, — только вот толку от этого не было никакого, так что он попросту закрыл глаза.

Пробираясь в этой проклятой щели, он вдруг ощутил себя удивительно дурачки. Совсем не так, как должен чувствовать себя человек, от которого зависит судьба мира. На самом деле всё вокруг казалось ему не вполне настоящим, а сам он чувствовал себя, словно в нелепом странном сне, который, почему-то, никак не хочет кончиться. Даже упорно ноющий затылок и отбитая спина не могли разрушить это ощущение. Йаати упорно казалось,

что весь мир замкнут сейчас внутри его тела, а то, что с ним сейчас происходит, происходило уже много, много раз — во сне.

Самое забавное, что это уже вовсе не казалось иллюзией, — он и в самом деле никак не мог вспомнить, снилось ли ему что-то подобное, — но не мог и сказать, что *не* снилось. Свет луча неритмично вспыхивал и гас, сама реальность вокруг колебалась, — и Йаати вновь чувствовал, как его суть распадается на сотни призрачных теней, блуждающих непонятно где. Перед закрытыми глазами мелькали плоскости металлических стен, какие-то бесконечные балки, трубы — дурацкий, бессмысленный калейдоскоп.

Йаати то и дело недовольно мотал головой, — но вытрясти из неё эту чушь не удавалось. Один раз он совсем близко увидел зыбкий, пульсирующий шар ядра — и испуганно дернулся, едва не сорвавшись. Ему казалось, что едва его взгляд проникнет внутрь ядра, произойдет что-то страшное. В другой раз он отчетливо увидел *фтанга* — вернее, его выпотрошенный, начиненный электроникой остов, нелепо ковыляющий по мостику.

Это видение оказалось почти реальным, и Йаати вновь недовольно мотнул головой, — он совсем не мечтал видеть что-то похожее вблизи. Он вновь попробовал «переключить» этот беспорядочно блуждающий взгляд на себя, на свою память, — и тут же увидел темное ребристое здание в неповторимом стиле Крэйнов. Оно возвышалось посреди бескрайней зеленой степи, и обычные дома казались рядом с ним крошечными. Сам Йаати парил где-то очень высоко над ним, — просто так парил, безо всего, как обычно бывает во сне. Но это точно был не сон, точнее — не совсем сон.

Йаати теперь не сомневался, что видит какой-то реальный мир, — может, этот, может, какой-то другой. В следующий миг он как-то «проскочил» внутрь здания, где два ряда металлических пилонов уходили в бездну, заполненную туманным, белесым сиянием. Он попробовал нырнуть туда... и видение оборвалось.

Он недовольно мотнул головой, и попытался «повернуть» взгляд ещё раз, — но в этот раз у него ничего не получилось. Сознание вновь рассыпалось на сотни «точек зрения», блуждающих посреди каких-то балок, и он испуганно замер, боясь окончательно во всем этом потеряться.

Наконец, этот калейдоскоп видений не то, чтобы свернулся окончательно, но всё же ощутимо уменьшился, и Йаати, недовольно помотав головой, пополз дальше. Здесь толстым нетронутым слоем лежала пыль, и его руки покрылись ей так, словно оказались в каких-то меховых перчатках. Он, было, попробовал стряхнуть её, но тут же чихнул и пребольно треснулся и так ноющим затылком об крышу. Повторять такой вот опыт не хотелось, так что приходилось терпеть.

Ему вдруг пришло в голову, что на самом деле все подвиги и состоят из таких вот ползаний в затхлой щели, среди пыли и дохлых тараканов, — а про лихие скачки на белом коне придумывают уже сильно потом. Правду говоря, в то, что он совершает сейчас подвиг, не верилось — и, как Йаати с удивлением обнаружил, не очень-то хотелось. Всё, что он сейчас хотел — это добраться до конца этой проклятущей щели.

Словно в насмешку, его желание очень быстро исполнилось, — через какую-то минуту он дополз до конца и выбрался на другой уступ с эффектором. Только вот глазомер, увы, жестоко обманул его, — до пучка идущих вверх кабелей оставалось ещё метра два абсолютно непреодолимого пространства. Пути ни назад, ни вперед не было.

Какое-то время Йаати сидел на нагретом металле, бездумно глядя на такую близкую — и такую недоступную связку. Умом он понимал, что так всё и должно было кончиться, — в конце концов, он не герой, а самый обычный мальчишка, как ни обидно было это признавать. Герой бы просто перепрыгнул эту, смешную на самом деле пропасть, а потом бодро взобрался бы наверх — только вот Йаати понимал, что прыгнуть-то он как раз сможет... но ухватиться за кабель на лету не получится, и он в итоге камнем полетит вниз. Не то, чтобы он так уж много потерял бы от этого — в конце концов, если реактор взорвется, он и так умрет здесь, — но такая вот смерть казалась ему невероятно глупой. Испариться вместе с Цитаделью было как-то... благороднее, хотя, в конечном счете, ему было бы, понятно, всё равно...

Но сдаваться так легко ему вовсе не хотелось. Он вытянулся во весь рост и покрутил головой, — но, увы, совершенно напрасно. Похоже, что Крэйны умели летать, и всякие архитектурные излишества, вроде лестниц, не слишком их волновали. Ничем иным он не мог объяснить эту странную архитектуру, — одни стены, без пола или потолка. Совершенно непохоже на то, что смогли построить бы люди. Впрочем, такую вот громадину они точно не смогли бы построить...

Йаати вздохнул и недовольно мотнул головой. Пусть смерть и казалась ему пока чем-то абстрактным, — но он с удивлением обнаружил, что сидеть тут просто... скучно. Страшно хотелось узнать, что за чертовщина творится тут на самом деле, — и умереть, не разгадав этой тайны, было бы удивительно обидно. Да и просто — обидно. Даже не потому, что жить ему очень хотелось, — оставалась ещё бессчетная пропасть вещей, о которых он так пока и не успел узнать...

Он крутанулся на месте, тщетно высматривая спасительную лестницу, потом вздохнул, и плюхнулся на задницу, тоскливо глядя вверх. Всего какая-то сотня метров — суший пустяк, если ты воробей. И много, бесконечно много, если ты — человек...

Йаати вдруг почувствовал, как в нем волной поднимается нехорошая, темная злость. То, что с ним случилось, было чудовищно глупо, очень обидно и несправедливо. Нет, умом-то он как раз понимал, что вот так, — глупо и несправедливо, — обычно и приходит смерть, — но принять это в отношении себя никак не получалось. Всё время казалось, что выход совсем рядом — только вот он его не видит, что добавочно его злило. В какой-то миг даже захотелось тупо сигануть в бездну в безумной надежде взлететь, — но это желание Йаати всё же подавил. В то, что он сможет взлететь на голой силе воли, как-то не верилось. Нет, будь тут чуть больше пространства, чтобы разбежаться, он бы, наверное, всё же решился бы прыгнуть, — но на треугольной площадке два на три метра разбежаться негде. Что же делать?..

Он пару раз прошелся туда-сюда, потом протянул руку и потрогал силовое поле. Увы, не твердое, — оно походило на густую, очень плотную жидкость, так что идея взобраться на эффектор и по цилиндру поля пройти назад умерла, едва родившись. Нет, придись ему прыгать сверху вниз, такая вот штука очень пригодилась бы, — а так...

Едва он прикоснулся к полю, по телу прошла колючая волна. Чем-то это походило на *шуулан*, только на сей раз ощущения оказались куда менее приятными: Йаати даже показалось, что его долбануло током. В тот же миг мир вокруг вновь рассыпался на сотни

взглядов-осколков, и он испуганно отдернул руку, боясь просто потеряться, пропасть в них. Вряд ли создатели поля рассчитывали на такой эффект, но спросить их Йаати, к сожалению, не мог. Он недовольно мотнул головой и потер руку, — она всё ещё зудела, и зуд от неё, казалось, расползлся по всему телу, отдаваясь где-то глубоко — то ли в голове, то ли в самой его сути...

Он невольно отступил от эффектора, — но тут же уперся спиной в стену. Стоять просто так, без дела, оказалось совсем невыносимо, так что, не вполне понимая, зачем он это делает — на другой стороне его точно ничего не ждало, — он пополз обратно, стараясь ни думать вообще ни о чем...

24.

Йаати понял, что стоит на четвереньках, упершись лбом в металлическое ограждение, — похоже, что он полз бы и дальше, если бы не налетел на него. Он ошалело моргнул и, мотнув головой, сел, осматриваясь. Над ним нависал темный металлический потолок, пересеченный массивными балками, — к ним крепился ещё более массивный треугольный блок размером с двухэтажный дом, к которому сходились бесчисленные кабели. Сам он сидел на узком мостике, обегавшем подножие этого висячего сооружения, — похоже, на том самом мостике, на который он с такой тоской смотрел снизу!..

При этой мысли в голове у него всё перевернулось, словно по ней крепко стукнули. Несколько секунд он вообще не понимал, кто он и что с ним, потом, не чувствуя себя, словно во сне, поднялся и посмотрел вниз.

Ему совсем не померещилось, — сияющий силовой луч тянулся глубоко под ним, а вот выпуклая стена реактора оказалась совсем рядом, — он мог её коснуться.

Такое тут уже случалось с ним, — он терял себя, и приходил в себя уже совсем в другом месте. Но тогда он понимал, что просто не помнит пути, который прошел. Теперь же...

На какой-то миг он даже подумал, что как-то забрался сюда, как лунатик, который во сне ходит по крышам, — но такого просто не могло быть. Даже если бы он как-то смог перескочить через пропасть, у него не хватило бы сил подняться по кабелю на сотню метров вверх, — теперь он понимал это совершенно точно. Да и после такого геройского подъема, даже одолей он его, он был бы полудохлым от усталости, — а сейчас он чувствовал себя вполне нормально. Физически, по крайней мере. В голове же у него творился полный кавардак.

Йаати начал, наконец, осознавать, что, в самом деле, исчез в одном месте и появился в другом. Это уже случилось с ним один раз, когда он провалился сюда, в эту реальность, — но в тот раз это не вышло так... наглядно.

Мало того, что это разбивало вдребезги все его представления о мире — это до судорог пугало его. Он мог попасть куда-нибудь внутрь реакторного ядра, или в небо под тучами, или куда-нибудь наружу, в окружение тварей, или...

Список вариантов был бесконечен, — но ни один не сулил ему счастья... кроме, разве что, возвращения домой. Но и это сейчас его пугало: тогда здесь, в Цитадели, погибло бы тридцать миллионов человек, — и он не представлял, как смог бы с таким вот жить.

Осознав это, Йаати яростно помотал головой и кое-как опомнился. Ему невероятно повезло, — сейчас он чувствовал, что попал в какую-то другую, следующую жизнь, и всё, что

происходит с ним сейчас, и будет происходить дальше, просто не должно было быть. И, хотя он и боялся, что каждый шаг, каждый вдох могут выбросить его вообще непонятно куда, он не мог сидеть здесь, как баран.

Вновь мотнув головой, он осмотрелся. Справа и слева в перекрытии зияли проемы, к ним вели вертикальные лестницы. Он бездумно пошел к левой, поднялся наверх...

И оказался в рубке. Такой же, как две первых, но только не пустой. В самом её центре лежала странная круглая штука, похожая на ступицу автомобильного колеса, только громадная — диаметром метра в полтора, из странного, сизо-фиолетового металла. Перекрещенные обручи из труб делали её похожей на модель атома. На переднем, наверное, торце выступал узкий высокий колпак из какого-то странного черно-фиолетового материала — он походил не на стекло, а на что-то вроде прозрачного металла, но за ним ничего не удавалось разглядеть. Под колпаком торчали четыре гибких шланга или кабеля, разбросанных сейчас по полу, — они кончались целыми пучками каких-то непонятных инструментов. Йаати как-то вдруг понял, что видит Крэйна. Мертвого. Он... оно... эта штука выглядела так, словно грохнулась вдруг на пол — да так и осталась лежать. При жизни это существо — или, быть может, устройство, — несомненно, летало, хотя он не видел ничего, что могло бы служить двигателями. Это, правда, его уже не удивляло, — он достаточно насмотрелся на *эалов*, да и Шу объяснял ему, как они тут летают...

Но, кроме Крэйна, тут оказалось ещё восемь существ. Они лежали у пультов, — где, очевидно, их настигла смерть. Вначале Йаати принял их за превращенных в киберзомби *фтангов*, — те же голые, глянцево блестящие тела с грубо вживленными в грудь панелями, на которых сонно моргали разноцветные огоньки, те же на треть срезанные головы с уродливыми «заплатами», из которых вверх торчали толстые, короткие антенны. Но это были люди.

Это были люди.

25.

На несколько секунд сознание Йаати просто отключилось. Он совершенно отчетливо видел *фтангов*, — и при этом прекрасно понимал, что это всего лишь иллюзия, порожденная его неверящим воображением. Так же внезапно, как возникла, она рассеялась, и Йаати ошалело мотнул головой. Он понимал, что на эти несколько секунд сошел с ума, — но эта мысль уже ничем в нем не отозвалась. Нцхл был прав, когда говорил о Крэйнах — и, почему-то, правота этой твари задела его гораздо сильнее того, что для самих Крэйнов между людьми и *фтангами* не оказалось вообще никакой разницы: и те, и другие были для них лишь удобным материалом для переделки в бездушных рабов. Тем не менее, его отношение к Хи`йык не изменилось — они по-прежнему казались ему чем-то, невыразимо чудовищным, нарушавшим все законы мироздания, — и ужиться с мыслью, что Крэйны, в итоге, оказались ничем не лучше их, было не так-то и просто. Йаати отчаянно хотел верить в добро... но здесь, в этом мире, сошлись даже не большее и меньшее зло, а два равно чудовищных Зла, — и участвовать в этой войне не хотелось. Вот только выбора у него, к сожалению, не осталось. Те, кто сейчас лежал здесь, пребывали уже вне любой возможности спасения, — но вот другим, в стазис-капсулах, он ещё мог помочь. Если, конечно, вообще будет что-то делать.

Йаати вновь мотнул головой и осмотрелся, выискивая указанный Шу пульт. С минуту, наверное, он тщетно старался его разглядеть, — хотя всё это время он был у него перед глазами. Наконец, словно в голове что-то щелкнуло, картинка рывком встала на место. Он увидел и пульт, и заветную кнопку, бодро шагнул к ней... и замер, словно налетев на стену.

Шу пускать сюда было нельзя. Даже сам Йаати, совершенно чужой здесь, едва не свихнулся от этого зрелища, — а Шу свихнулся бы точно. Для него один вид превращенных в киберзомби людей стал бы крушением всех основ и смысла жизни, а ничего такого Йаати точно не хотелось. Чудовищные тела надо было немедленно убрать из рубки, — оттащить к люку и сбросить вниз, других вариантов просто не имелось, — но при этой мысли Йаати стало очень тяжело. Честно говоря, он страшно боялся покойников, да и осквернять останки не хотелось. А «погребение» на дне металлической пропасти было ничем иным, как осквернением.

Йаати попытался убедить себя, что мертвым уже всё равно, но у него ничего не получилось. Ему самому точно было бы не всё равно, что стало бы с ним после смерти, — хотя он и сам понимал, что мысль невероятно глупая. Но уж историй о мести покойников, которых злобные родственники нарочно положили в сырой гроб, головой на подушечку с гвоздями и так далее, он в детстве наслушался предостаточно, — и не сказать, что они оставили его совсем уж равнодушным. Потом, конечно, они начали казаться ему невероятно глупыми, — но если он сам смог, черт его знает, каким способом попасть из одного мира в другой, что помешает оскорбленным покойникам явиться к нему и схватить за горло холодными костлявыми руками?..

Эта сцена представилась ему так наглядно, что он и в самом деле ощутил железную хватку мертвых костяных пальцев, и даже закашлялся, не сразу осознав, что сам вцепился себе в горло, да так, что едва не задушил себя. При этой мысли Йаати истерично хихикнул, — вот точно, глупая вышла бы смерть! — потом ошалело помотал головой и опомнился. Как ни странно, после этого приступа ему стало легче. Возможно, просто потому, что детские страхи казались теперь невероятно глупыми.

Спеша, пока это ощущение не исчезло, и пока решимость не покинула его, он подошел к ближайшему телу, нагнулся и попытался поднять. К его удивлению, оно было теплое и мягкое, — не холодное, не окоченевшее, как он ожидал.

Прежде, чем Йаати понял, что это всё значит, оживший вдруг «труп» на самом деле вцепился ему в горло с диким воплем.

26.

Случись что-то такое на неделю, — да что там неделя, всего на пару минут раньше! — он, наверное, просто сдох бы на месте от испуга. Сейчас же, пусть подсознательно, он ждал чего-то подобного, и потому просто изо всех сил ударил в безносое, черепообразное лицо. Это вышло у него инстинктивно, совершенно бездумно, — и, к его счастью, помогло. Хватка «зомби» ослабла. Йаати схватился за его руки и оторвал тварь от себя. Она тут же начала подниматься, — но, перехватив винтовку, он почти в упор выстрелил в голову «зомби». Лиловая вспышка, треск, острый запах озона, — и бывший человек опрокинулся на пол с каким-то деревянным стуком. Вокруг с жутким подвыванием поднимались другие, — но в душе у Йаати словно что-то перегорело. Сейчас он не ощущал никаких эмоций, — правду

говоря, вообще ничего не ощущал и вроде бы даже не думал, — и попросту перестрелял всех, одного за другим, а потом всадил несколько зарядов в тушу Крэйна. Но тот и на самом деле был уже мертв.

27.

Ещё несколько, наверное, минут Йаати стоял неподвижно, в полном ступоре. Появись тут ещё какая-нибудь тварь, он ничего не смог бы сделать, и наверняка погиб бы. Но, к его счастью, ничего такого не случилось. Свет вспыхивал, гас и вновь разгорался, гул реактора то затихал, то накатывал волнами, — эта ритмичная пульсация странным образом успокаивала, и Йаати, наконец, сел на пол, скрестив ноги, закрыл глаза, ровно задышал, стараясь привести в порядок мысли.

Только что он убил восемь людей. На самом деле, бывших людей, — в издаваемых ими жутких звуках не осталось ничего человеческого, да и, судя по срезанной и замененной металлом лобной части черепов, от мозга там осталось очень мало. Только это, наверное, кое-как примирило его с происшедшим — он, в сущности, никого даже не убил, а, скорее, прервал чудовищное надругательство над останками. По крайней мере, ему хотелось так думать. Вернее, совсем думать не хотелось. К тому же, Йаати понимал, что сейчас глупо тратит время, которого осталось вовсе не так много.

Вздохнув и помотав головой, он неохотно поднялся на ноги. То, что надлежало сделать, ему вовсе не нравилось, — но сейчас ему предстояло иметь дело с уже настоящими мертвецами, существами, совершенно безобидными. Йаати, правда, не знал, как их души, если они вообще есть, отнесутся к вот такому, — но на эту благодатную тему он мог поразмыслить и позже. Взяв ближайшего «зомби» за руки, он оттащил его к люку и сбросил вниз. Это оказалось совсем не так трудно — физически, по крайней мере. О том, что он сейчас делает, Йаати старался не думать.

28.

Это заняло меньше времени, чем он боялся, — а может, в таком вот бездумном состоянии оно просто шло быстрее, — в общем, Йаати показалось, что прошла едва минута. Он удивленно осмотрел зал, не вполне веря в то, что сделал только что, вздохнул, пошел к пульту... потом, сжав зубы, вернулся и заглянул в люк. Сброшенные им тела так и лежали грудой под лестницей, и он, вздохнув, спустился вниз. Теперь дело предстояло нетрудное, — опять же, с чисто физической стороны. С моральной же...

Отчаянно вцепившись в лестницу, Йаати осторожно заглянул вниз. Дно реакторной шахты таяло в сиреневой дымке Волны, и он не мог даже представить, какая же там глубина. Или высота. А, черт, какая тут разница...

Ещё немного спустившись, он взялся за первого «зомби», и, кое-как, — вставить на грудь тел ему совершенно не хотелось, — перевалил его через, к счастью, не слишком высокое тут ограждение. Кувыркаясь, тот полетел вниз, и Йаати с замершим сердцем следил за ним, почти всерьёз опасаясь, что мертвец вдруг развернется и полетит обратно. Но вышло иначе, — на его пути оказался тот самый сияющий луч, вдоль которого недавно полз Йаати.

Тело вдруг и впрямь зависло в воздухе, — очевидно, налетев на силовое поле, — а потом коснулось луча... и вспыхнуло ярким белым пламенем.

Йаати удивленно приоткрыл рот. Словно превратившись вдруг в воздушный шарик, «зомби» и впрямь поплыл вверх, рассыпаясь мертвенно-белыми искрами... и в считанные секунды исчез, словно его и вовсе не было.

29.

Несколько секунд Йаати ошалело моргал, изо всех сил стараясь понять, не показалось ли ему. Понять это никак не получалось, так что он просто сбросил вниз ещё одно тело. Оно точно так же влетело в луч, вспыхнуло и исчезло, — и вот тогда Йаати передернуло. Он вдруг очень четко вспомнил, как сам совал руки в это поле, — даже не представляя, что может исчезнуть без следа. Невесть отчего, это показалось ему ужаснее какой угодно смерти. Он не понимал, конечно, как такое вообще может быть, — о законе сохранения энергии он всё же знал, а аннигиляция нескольких десятков килограммов материи, из которой состоит человеческое тело, вызвала бы взрыв мощностью в гигатонну, после которого ни от него, ни от всей Цитадели просто ничего бы не осталось. Тут явно произошло нечто, совершенно иное, — но вот что, Йаати не представлял. Он не слишком-то увлекался физикой, — рисование казалось ему сразу и проще, и интереснее, — а теперь об этом оставалось лишь жалеть.

Насколько он помнил, Сверхправитель не говорил ни о чем подобном, — по крайней мере, он ничего такого вот не помнил, хотя всё же смотрел кое-что из популярных лекций в файском культурном центре, правда, не один, а вместе с друзьями и множеством других ребят, — и веселая болтовня ни о чем отнимала большую часть его внимания. Оттуда он, правда, вынес смутное представление о законе сохранения барионного и электрического заряда, — а это самым прямым образом противоречило всему, что он видел сейчас.

Йаати скинул вниз третий труп, — но он лишь задел поле, и, замерев на секунду, полетел дальше вниз, канув в сиреновом мареве. Четверный постигла та же участь. Пятый, наконец, попал в луч, — и точно так же исчез, распавшись белыми искрами. Это, наверное, был не худший способ погребения, и Йаати сбросил вниз остальные тела, точно так же пропавшие. Это немного успокоило его, — по крайней мере, теперь он не боялся, что мстительные покойники вернутся к нему, точно не из небытия, — но в остальном в его мыслях царил жуткий беспорядок. То ли его занесло в какой-то совсем чужой мир, где даже физика отличалась от знакомой ему в самой своей основе, то ли тут была не аннигиляция, а какой-то совсем другой процесс, для которого у него даже не было названия, — но это был мир зыбкий, обманный, непрочный. Совсем не такой, в каком ему хотелось бы жить.

Ошалело помотав головой, он быстро выбрался наверх, тщательно осмотрел зал на предмет возможных оставшихся следов, — и, не обнаружив таковых, наконец, нажал кнопку. Несколько огоньков на пульте мигнуло, но больше ничего не изменилось, и Йаати, вздохнув, сел на пол. Кресел тут не было, — Крэйны в них не нуждались, а для своих рабов такие вот удобства они считали, очевидно, излишними.

Теперь оставалось только ждать, и Йаати вздохнул. Он совсем не представлял, что станет тут делать, если Шу не появится, — в здешней технике он не разбирался, так что ожидание оказалось не слишком-то приятным. С каждой минутой Йаати ощущал себя всё

более взвинченно. Не утерпев, он вскочил, и начал без конца кружить вдоль пультов. Это занятие теперь казалось ему довольно-таки опасным, — в любой миг сознание опять могло «вылететь», и черт знает, где он тогда окажется, — но сидеть на месте было выше его сил. Сам воздух вокруг, казалось, потрескивал от напряжения, и он чувствовал себя так, словно сидит на бомбе с догорающим фитилем, — собственно говоря, так оно всё и было, и это вовсе не добавляло спокойствия.

Разволноваться как следует он, к счастью, не успел, — на пульте вдруг что-то зачирикало, а ещё через несколько секунд литые створы ворот с лязгом разъехались. Шу уставился на него, как на привидение, — и Йаати на него, наверное, тоже. Несколько секунд они ошалело моргали, словно не веря глазам, потом Шу вдруг бросился вперед и порывисто обнял его. Йаати придушенно пискнул, — ещё никто, наверное, не обнимал его с такой силой.

— Забрался, всё-таки, — Шу отступил от него — впрочем, положив руки на плечи и глядя на него с очевидным восхищением. — Знаешь, я даже не верил...

— Я тоже не верил, — буркнул Йаати, смущенно опустив глаза. На самом-то деле он, конечно, никуда не забирался, — и потому чувствовал себя сейчас очень неловко, примерно как бегун, который приехал к финишу на велосипеде, да так хитро, что никто этого и не заметил. Но вдаваться в объяснения он всё же не стал, — Шу просто не поверил бы ему. Правду говоря, он и сам себе не поверил бы, — а прослыть психом ему вовсе не хотелось.

— Ого, а это что? — Шу, наконец, заметил Крэйна, и подошел к нему, отпустив, наконец, Йаати, — к громадному облегчению последнего. — Вот они, значит, какие... — он нагнулся, пытаясь разглядеть хоть что-то за прозрачным металлом колпака, выступающего вперед прямым углом. Йаати невольно напрягся, — он боялся, что Крэйн тоже вдруг оживет и схватит друга, — но ничего такого, к его счастью, не случилось. Нижнюю часть колпака покрывало изнутри что-то красное, — но не кровь, а что-то вроде осевшей на стекле испарившейся меди. Йаати уже видел раз что-то похожее, когда замкнуло провод вставленного в школьную форточку вентилятора. Похоже, что и внутри брони Крэйна что-то основательно замкнуло, — а значит, ожить он уже никоим образом не мог.

30.

Шу присел на корточки, рассматривая Крэйна, и Йаати, опомнившись, потряс его за плечо, — казалось ему или нет, но воздух вокруг и впрямь потрескивал от напряжения, и он чувствовал, что отпущенное им время истекает.

— А? Чего тебе? — Шу оторвался от зрелища, и с явной неохотой повернулся к нему.

— Надо переключить реактор, — напомнил Йаати.

— А, ну да, — Шу поднялся на ноги и растер ладонями лицо, пытаясь опомниться. — Пошли.

Он открыл люк аварийной рубки, и они спустились в это тесное, жаркое помещение. Шу сразу же склонился над пультом, — а Йаати, конечно, прильнул к прозрачной плите перископа, глядя на пульсирующий шар ядра. Сейчас, окруженный яростными сполохами зеленого и голубого сияния, он казался ему каким-то невероятным солнцем. Пульсация и впрямь стала резче и быстрее, ему не показалось. А значит, время, в самом деле, истекало...

— Ага, теперь понятно, почему всё так трясет, — сказал Шу всего через минуту. —

Настройка тут не закончена, и ядро никак не может... ну, сфокусироваться, что ли. Что ж, это мы сейчас исправим...

Он выбрался из кресла и подошел к уже знакомым Йаати кольцам, поворачивая их один за другим. Тот с растущим напряжением следил за ним, — он как-то чувствовал, что их мучительная одиссея подходит к концу, и сейчас произойдет что-то, совсем уже невероятное. Никаких оснований у него, вроде бы, не было — чтобы запустить переход, надо было подняться наверх, — но всё же...

Шу повернул последний, самый внутренний диск, быстро посмотрел на Йаати, — лицо у него в этот миг было взволнованное, верно, и он тоже чувствовал что-то, — и с усилием вдавил кнопку.

31.

Глубоко под полом что-то раскатисто грохнуло, он задрожал. Третий синий луч странно изогнулся в воздухе, — и ударил в ядро, расплескавшись яростными сполохами зеленого и голубого сияния. В следующий миг они вдруг слились в ровную, обхватившую всё ядро сферу, — а ещё через миг его пронзила толстая колонна ослепительного белого сияния. Ядро задрожало, начало вытягиваться, втягиваться в неё, одновременно быстро уменьшаясь.

Йаати показалось вдруг, что он камнем идет на дно наполненного горячей водой бассейна, — со всех сторон его охватила осязаемая, но притом бесплотная среда, в которой он совсем не мог пошевелиться. Ощущение тяжести исчезло, он словно парил во внезапно отвердевшем воздухе, все звуки в котором вдруг завязли, отделились. Зато в глазах всё выступило с какой-то, почти болезненной, сверхестественной четкостью.

Растворяясь в горячем, зыбком мареве, Йаати видел, как ядро тает в дрожащем сиянии, как луч тоже сжимается, превращаясь в дрожащую, невыносимо яркую струну. В какой-то невероятный миг она стала вдруг черной, — наверное, поляризованное стекло перископа уже не пропускало слишком яркий свет, от которого Йаати немедленно ослеп бы. Но затем почернели и все огни здесь, в этой комнате, — дело оказалось не в стекле, что-то совсем невероятное творилось со всем окружающим миром. Цвета тоже поплыли, превращаясь в сюрреалистический калейдоскоп, словно зрение Йаати вдруг сместилось в инфракрасную область, — или сами световые кванты вдруг таинственно потеряли энергию.

Йаати показалось, что пол под ногами исчез, и он с невероятной и всё время возрастающей быстротой падает в разверзшуюся под ним бездну, — но тут струна, наконец, лопнула, и обрушился мрак.

1.

Йаати не знал, сколько пробыл во мраке, — ощущение времени тоже разорвалось и исчезло. В себя он пришел, когда в комнате загорелись тусклые красные лампочки. Он сообразил, что по-прежнему стоит, опираясь об пульт и глядя в окно перископа, — но сейчас за ним царил крошечный мрак. Реактор погас, все странные ощущения тоже исчезли, словно их и не было, и Йаати ошалело помотал головой. В первый миг он ощутил громадное облегчение, — смерть от взрыва им теперь не грозила, — но страх вернулся почти сразу же. Он не представлял, что произошло, вернее, догадывался, — но эти догадки вовсе не внушали оптимизма.

— Что это было? — спросил он у Шу. Тот сейчас сидел в кресле, и тоже выглядел изрядно обалдевшим.

— Переход, — наконец, неохотно сказал тот. — В мир А-1/193, насколько я успел заметить. Пока мы тут бегали, кто-то наверху сделал тонкую настройку. Стоило мне лишь переключить тип первичной энергии — и...

— А что это за мир А-1/193?

Шу как-то странно взглянул на него. Потом усмехнулся, — но совсем невесело.

— Это родной мир Хи`йык. Тот самый мир, из которого они к нам вторглись.

2.

— И что нам теперь делать? — спросил Йаати. Боялся он пока не очень сильно — но, в основном, потому, что не мог поверить в случившееся до конца.

— Тут нам больше делать нечего, — буркнул Шу, мрачно глядя на погасший пульт. — Давай убираться отсюда...

Он первым поднялся по лестнице, — но массивная крышка просто отказалась открываться. Зашипев от злости, Шу попробовал поднять её, — но она оказалась слишком тяжелой. Йаати присоединился к нему, — но даже вместе с Шу едва не лопнул от натуги. Тем не менее, крышка всё же поддалась, и они выбрались в главную рубку. Тоже почти темную, — здесь горело лишь несколько тусклых красных ламп, и огромное помещение таяло во мраке, словно какая-то первобытная пещера.

— И что дальше? — спросил Йаати. Огромные ворота рубки тоже отказались открываться, — а раздвинуть их вручную у них точно не вышло бы, они были в метр толщиной...

— Можно спуститься вниз по кабелям, — наконец, неохотно сказал Шу. Было видно, что и ему самому эта мысль категорически не нравится. — Хотя...

Он вдруг сел на корточки и полез в сумку Йаати. Тот молча, удивленно, следил за ним, — но через минуту Шу выпрямился, держа в руке странную «гранату» — то самое двойное кольцо с зелеными светящимися полосами. Йаати уже и забыл, что у него есть эта непонятная штукавина.

— Пусковой заряд, — сказал Шу, поднимаясь. Его глаза возбужденно блестели. — Где-то тут должен быть аварийный генератор, — но просто так его не запустить. Нужен заряд... и он у нас, к счастью, есть. Пошли-ка...

Шу пошел вдоль стены зала, всматриваясь в нагромождение непонятных агрегатов. Всего через пару минут он замер у массивной металлической стойки, пустой внутри. В пол и потолок её узкой ниши было вделано два полупрозрачных белесых квадрата, призрачно светившихся в полумраке. По мнению Йаати, на генератор это не походило ничуть. Но Шу протянул руку к узкой панели, и с усилием вдавил большую кнопку. Что-то загудело, квадраты засветились тускло-белым и между них возник смутный, едва заметный цилиндр силового поля. Шу быстро выдернул кольцо, и бросил в него странную «гранату». К удивлению Йаати, она не упала, а повисла в нем. Зеленые полосы ярко вспыхнули, потом кольца вдруг начали вращаться, — в перпендикулярных направлениях, всё быстрее, пока не слились в двухслойный мерцающий шар. В центре его вдруг блеснула крохотная, едва заметная звездочка, замигала, начала быстро разгораться...

На стены упал яркий алмазно-белый свет, кольца вращались так быстро, что воздух гневно загудел, и Йаати невольно попятился, прикрывая глаза, — сияние стало ослепительным, словно он смотрел на солнце. В тот же миг ударила яростная вспышка, — а когда он проморгался, заряд исчез, и странная «звезда» тоже: между квадратов дрожал зыбкий шнур зелено-голубого сияния. Гул тоже стих, теперь слышался только ровный, шипящий, электрический звук. Через несколько секунд по периметру зала включилось ещё несколько генераторов, — а потом вспыхнул свет.

3.

— Фух, повезло нам, — Шу сел прямо на пол, глядя на Йаати снизу вверх. — Очень повезло... Я не знаю, как работает пусковой заряд, но штука это редкая и очень, *очень* дорогая. Дороже воздушного крейсера, как я слышал.

— А дальше что? — спросил Йаати. На пультах снова загорелись огоньки, — но большая часть экранов оставалась темной, а те, которые всё же включились, горели тревожно-красным светом.

— Сейчас по всей Цитадели включаются аварийные генераторы, — Шу всё же поднялся и подошел к пультам. — К нашему счастью, друг от друга их можно запускать, и этот процесс идет автоматически. Если набор мощности пойдет нормально, через двенадцать часов запустится главный реактор, — а когда начнут работать орудия и генераторы Волны, Хи`йк не смогут взять её вот так вот просто...

— А нам что делать? — сидеть здесь двенадцать часов Йаати просто не смог бы, — извелся бы от нервов. Да и в то, что Хи`йк будут спокойно эти двенадцать часов ждать, ему как-то не особенно верилось.

Шу вздохнул.

— Надо подняться, наконец, в навигационную рубку, и разобраться с теми, кто там засел, иначе мы всё равно не сможем убраться отсюда. Только главные лифты включатся хорошо, если через два часа, а до тех пор...

— Будем сидеть здесь?

Шу мрачно усмехнулся.

— Нет. У меня осталось всего два накопителя, знаешь, — а что-то говорит мне, что бой нам предстоит жаркий... Надо поискать помещение охраны — там должны быть запасные...

4.

К их счастью, через несколько минут напряжение в сети поднялось настолько, что моторы ворот ожили, и они смогли выбраться из рубки. Оптимизма это им, правда, не прибавило: свет в коридоре пока что не горел, и он, казалось, уходил прямо в темную бездну.

Йаати, невольно вытянувшись в струнку, всматривался во мрак. На фоне ровного шипения и треска генераторов ему вдруг померещилось тихое цоканье, — словно к ним из темноты бежала собака. Он сразу вспомнил тот, мельком виденный им силэут, — выходит, что ему не показалось. И невольно поднял винтовку, — звук был какой-то... странный, а это тоже не внушало оптимизма. Ему сразу вспомнилось, как он услышал шаги «двупала» в лесу, — в них тоже было что-то... неправильное.

Он уже догадывался, что увидит, и предчувствия не обманули его: когда существо выбежало, наконец, на свет, Йаати увидел, что у него, в общем, почти нет туловища, — лишь гибкая узкая... переключательная? — соединявшая крошечную грудную клетку и ещё более крошечный таз. Большую часть твари составляли непропорционально длинные двухсуставчатые лапы — каждая с четверкой таких же длинных пальцев, которые раздвигались во все стороны при шаге, словно захват грейфера. В этом движении было что-то, невыразимо мерзкое, да и цвет твари тоже был бледный, розовато-белый. Йаати уже не сомневался, что видит тварь Хи'йык, и нажал спуск... но, словно в страшном сне, оружие не выстрелило. Существо продолжало бежать к ним, нелепо высоко вскидывая ноги, — в его походке было что-то расхлябанное, клоунское, живо напомнившее Йаати проклятого зенга. Но притом — страшно механическое, одинаковое, какими никогда не бывают движения живых существ. К нему бежал не робот, не мертвец, не животное, — нечто такое, для чего у Йаати просто не было определения, и как раз это по-настоящему пугало. Но за последнее время страх стал для него уже привычным чувством, так что в ступор он всё же не впал. Он бросил бесполезную винтовку и выхватил нож, — хотя и не представлял, что станет с ним делать. В прошлый раз, в столкновении с кошмарным «восьминогом», нож не слишком-то ему помог. А эта тварь как-то очень уж на него походила. Правда, головы у неё не было. Вместо неё торчал какой-то узкий отросток с парой бледных усов, как у сома, и двумя парами жутких пустых дырок, — не то глазниц, не то ноздрей...

Шу тоже бросил винтовку и быстро присел на корточки, вновь сунув руки в его сумку. Йаати удивленно скосил взгляд (отвести глаза от твари он всё же не решился, она бежала очень быстро, и до неё оставалось всего метров двадцать). Шу вытащил тот самый, похожий на рацию прибор (Йаати о нем уже и думать забыл), — и, не вставая, нажал кнопку.

В тот же миг где-то между ушей Йаати словно зазвенела струна, — он не слышал ничего, но его передернуло от *ощущения* высокого звука, словно пронзившего мозг. Твари, однако, пришлось ещё хуже. Она издала пронзительный высокий свист, — на сей раз, совершенно обычный, — и панически шарахнулась назад, во мрак, нелепо путаясь в своих слишком уж длинных ногах. Через несколько секунд, словно в фильме, в коридоре загорелся свет, — и Йаати удивленно распахнул глаза.

Коридор был совершенно пуст.

— Что... что это было? — спросил он, немного опомнившись. Теперь, когда опасность миновала, во рту появился кислый вкус, а всё тело стало, как ватное.

— *Руцит*, — Шу передернуло. — Душител. Хватает за горло, — или за голову, и об стенку. Силища у этой твари страшная, и ещё говорят...

— Что? — Йаати напряженно всматривался в коридор. Сейчас ему казалось, что он смотрит на ширму, за которой скрыт крошечный мрак с чудовищами, и это ощущение... пугало. Словно прямо из воздуха вдруг протянутся руки и схватят его.

— Что от одного его прикосновения люди сходят с ума.

— Я бы тоже свихнулся, прикоснись ко мне что-то подобное, — Йаати тоже передернуло. — Что делать-то будем?

— Накопители сдохли, — Шу поднял винтовку и показал ему. В самом деле, крохотное окошко на накопителе погасло, оно теперь казалось просто полоской мутного стекла. — Я слышал, что при прямом переходе всегда так бывает. Он создает «потенциальную яму» в метрике, которая поглощает энергию дилатонных полей. Ну, мне так говорили.

— А это? — Йаати показал на странный прибор в руке Шу.

— Это? — Шу поднял руку, сам рассматривая его. — Нейронный глушитель. Я не знаю точно, как он действует, но он действует на всех тварей Хи`йык. Отпугивает их в радиусе метров пятидесяти. Батарейка там самая обычная, переход на неё не влияет.

— А, — Йаати стало чуть полегче. Но только чуть: подойти к ним твари не могли, — но они были уже здесь, а это значило... значило... — Нам-то что делать? Раз Хи`йык уже тут.

— Наверняка не все, — Шу задумался. — Руциты, как и зенги, и *икхрины*, относятся к *у`упна`рэ*... ну, к таким тварям, которые как бы... не вполне реальны. По крайней мере, они могут исчезать в одном месте и появляться в другом. Им не обязательно куда-то *входить*. А вот *фтанги* и прочие твари так не могут. Даже если у них есть все коды, они не смогут войти сюда, пока не перезагрузится система и не заработают силовые приводы. А это ещё часа два-три.

— Спасибо, утешил, — Йаати поёжился. Мысль о героической смерти в бою против бесчисленной орды тварей почему-то совсем не привлекала. Но, правду говоря, мысль о том, что он НЕ погибнет в бою с ордой тварей пугала куда больше. К тому же, он и сам, как оказалось, относился к этим... *у`упна`рэ*, — пропадал в одном месте и появлялся в другом, а эта мысль не радовала. Не то, чтобы Йаати подозревал в себе что-то чудовищное, — просто ему вдруг пришло в голову, что убитый им зенг вовсе и не хотел ему ничего плохого, только разобраться в их... сходстве. Он и сам этого хотел, — от полного непонимания происходящего у него просто пухла голова, — и при мысли, что он сам уничтожил шанс всё понять, становилось обидно. Конечно, тогда он был очень напуган, — но ведь и зенг не сделал ничего, явно угрожающего, хотя он огрел его стулом по башке, и вообще... — Делать-то что будем?

— Да всё то же, — Шу вздохнул. — Арсенал искать. Там должны быть автоматы, обычные, — а им перенос ничего сделать не мог.

— А твари?

— Я не уверен, что их тут сейчас много. И, в любом случае, сейчас это только *у`упна`рэ*, а у них с оружием... неважно. К тому же, у нас есть глушитель, — Шу вновь взглянул на

странный прибор. — Я не знаю, конечно, насколько хватит батареек, но пока что работает он хорошо. Подойти к нам они не смогут. А там... а там посмотрим.

6.

Они пошли вперед, всё время осматриваясь и прислушиваясь. Йаати держал в руке нож, но чувствовал себя очень глупо, — в руке у Шу был глушитель, так что нож был просто не нужен... но вот убрать его Йаати не мог. С голыми руками тут было бы уже совсем невыносимо...

К их счастью, свет здесь уже везде горел, но вот двери работали пока через одну, да и терминалы тоже, так что поиски помещения охраны затянулись. К счастью, не слишком-то сильно, — казарма, в самом деле, оказалась рядом с рубкой. Вот только это не слишком помогло делу.

— Нам надо было автоматы взять, обычные, — сказал Йаати через полчаса, сидя на полу примыкавшего к казарме арсенала. Всё оружие в нем после переноса тоже вышло из строя, как и их собственные импульсные винтовки, — но даже если бы оно и работало, в Цитадели они бы продержались недолго. Подача воды в ней прекратилась, да и запасов еды в казарме не нашлось. К тому же, Йаати мучил странный, какой-то иррациональный страх, словно проникавший снаружи, — пока что он не видел никаких причин для этого тянущего, тревожного томления. — Черт его знает, почему, но тут обычного оружия совсем нет.

Шу задумался, склонившись над пультом терминала. Потом его глаза неожиданно мрачно сверкнули.

— Прямо тут, в арсенале, есть второй, задний отсек, с обычным — ну, более-менее оружием, как раз на такой вот случай. Пошли!

С помощью «взломщика» он отпер бронированную дверь в задней стене арсенала. За ней тоже оказался арсенал, но уже более привычного вида, — на стеллажах стояли сложного вида винтовки с массивными оптическими прицелами, на полу — какие-то штуки, похожие на пулеметы, но с более короткими и толстыми стволами. Ещё дальше стояли какие-то трубы и ящики с боеприпасами.

— Ну, и что здесь? — удивленно спросил Йаати. Как и любой мальчишка, он интересовался оружием... но большая часть этих странных штуковин оказалась ему всё же незнакома, и это было, почему-то, обидно.

Шу с усмешкой взглянул на него.

— Если верить электронной описи — штурмовые винтовки AR-85 калибра 5,72 x 35 миллиметра, с подствольными гранатометами. Двухствольные штурмовые винтовки SM-770 калибра 6,8 x 43 и 28 x 152 миллиметра. Пулеметы MG-1250 калибра 6,8 x 51 миллиметра. Снайперские винтовки SR-146 калибра 10,36 x 86 миллиметра. Автоматические гранатометы HW-MM-1 калибра 40 x 59 миллиметра. 30 универсальных 90-миллиметровых ракетометов UC-00 с лазерным наведением. Реактивные огнеметы IRTW. Квантово-химические гранаты для подствольников. Ну, и ещё много чего.

— Какие гранаты?

Шу вздохнул.

— Разрушающие квантовую сцепленность в химических реакциях — таких, как, например, реакция фотосинтеза... или процессы мышления в нейронах. Иными словами —

мгновенно убивающие любое мыслящее существо, за какой бы толстой броней оно не пряталось. Что-то типа нашего глушителя, но намного, *намного* мощнее. Одноразовое только.

— И что нам со всем этим делать?

Шу страшновато улыбнулся.

— Мы продолжим войну в самом логове врага — и, скорее всего, героически сдохнем.

Ну что, — ты согласен?

Йаати кивнул. Наверное, он сошел с ума, — но эта перспектива казалась ему восхитительной.

7.

Не откладывая дело в долгий ящик, они взялись за разборку арсенала. К их счастью, винтовки стояли сразу у входа, — но они ничуть не походили на уже знакомые им. Сложные, из множества светлых, коричнево-сероватых, и темных, синевато-серых деталей, с термооптическими прицелами-камерами. Как сказал Шу, такая камера видела и сквозь дымку Волны, — похоже, что эти винтовки разработали специально для боя в Цитадели, и такая находка Йаати очень понравилась: им в руки попало лучшее личное оружие, какое только было у Крэйнов. Очевидно, этот арсенал предназначался для каких-то особо элитных сил, которые должны были защищать непосредственно реактор, а теперь пропали непонятно куда, — то ли погибли, то ли оказались в стазисе.

— Прицел хороший, — но чем она заряжается? — спросил он, покрутив винтовку в руках. Никакой горловины под магазин у неё, вроде бы, не было.

— А вот этим, — Шу бросил ему рыже-коричневый, цилиндрический, как у ружья, патрон. Пуля в нем была полностью утоплена в гильзу, — и 42 таких патрона вмещались в съемный магазин в задней части винтовки, вполне обычный, но вставлявшийся под косым углом назад. Гранатомет был однозарядный, но перезаряжался куда проще, — ствол просто откидывался вниз. Гранаты тут оказались трех видов — обычные разрывные, с дробью, как для огромного ружья, и особые, 28 x 92 миллиметровые. Они, казалось, состояли из одной светлой, сине-серой гильзы, вмещавшей сразу три кумулятивных гранаты. Они выстреливались одна за другой, и, как сказал Шу, пробивали двухдюймовую броню.

Ещё более странными оказались штурмовые винтовки SM-770. Гранатомет в ней размещался над стволом, но, кроме обычных гранат для AR-85, заряжался особыми, 28 x 152 миллиметровыми, содержащими по пять термобарических гранат — или по четыре этих самых квантово-химических, правда, как сказал Шу, маломощных, — с радиусом действия не более метра. Тем не менее, и это было очень много — особенно если учесть, что метр брони или метр воздуха — для этой штуки было всё равно...

Тем не менее, Шу был всё равно недоволен.

— Этого слишком мало, — сказал он. — Мы ведь не знаем, с чем можем там столкнуться.

— А что ещё мы можем с собой взять? — удивленно спросил Йаати. Ему-то винтовки хватало — и даже более чем.

Шу криво усмехнулся.

— Ракетомет, огнемет, автоматический гранатомет... Только оно всё тяжелое.

— Насколько тяжелое?

Шу почесал в затылке, очевидно, вспоминая.

— Ракетомет ЕХ-22 — десять с чем-то килограммов. Сама ракета — пять. Реактивный огнемет — шесть кило, но ракета к нему — пять с половиной. Автоматический гранатомет — пятьдесят девять килограммов. Магазин с гранатами — пятнадцать. Но это один, а он жрет их, как...

— Ага, и как мы это потащим? — спросил Йаати. — Я сам, наверное, на пятьдесят девять кило не тяну.

Шу усмехнулся.

— Тут должны быть погрузчики. С аккумулятором обычным, понимаешь? Мы можем поехать прямо на таком. Тогда мы увезем и гранатомет, и ещё много всего.

— Может, сразу взять бронемашину? — предложил Йаати. — Тут, в ангаре, их полно же.

— Не пройдет, — вздохнул Шу. — Если верить схеме, грузовые лифты не поднимаются до навигационных рубок, а в обычный лифт броневик не влезет, как ни старайся. Да и накопители в них тоже сдохли, а где обычные моторы, надо бензин ещё искать и масло, они в резерве же...

— Очень жаль, — Йаати тоже вздохнул. — Ладно. Пошли тогда погрузчик искать...

8.

К их счастью, погрузчик нашелся тут же, на складе. Как и всё прочее тут, он мало походил на знакомые Йаати погрузчики, — массивная высокая рама на колесиках, под которую цеплялись грузовые поддоны. Маленькая кабина впереди была рассчитана лишь на одного человека, и, к тому же, не имела, конечно, никакого подобия брони, так что с мечтами о коридорном танке пришлось с сожалением расстаться.

Вдвоем они быстро очистили один поддон от ящиков и прицепили к погрузчику. На нем легко поместились гранатометы, огнеметы и контейнеры с боеприпасами, — по крайней мере, нехватка их им точно не грозила, хотя Йаати очень наглядно представилось, что с ними станет, если хоть один выстрел попадет в этот самоходный склад. Шу, впрочем, тоже хорошо это понимал.

— Я пойду впереди, — а ты будешь ехать за мной, — предложил он.

— Но... — попробовал возразить Йаати.

— Стреляю я гораздо лучше тебя, — надеюсь, ты не станешь с этим спорить?..

9.

Дураком Йаати не был, и спорить поэтому не стал. Правда, выступать прямо вот сейчас они всё же не стали. К каждой винтовке прилагался знакомый уже ранец для запасных магазинов и другого снаряжения, — они их собрали, но не стали пока надевать, положив на платформу погрузчика. Йаати не отказался бы надеть и защитный костюм, — настоящий скафандр из вольфрама и бериллия, снабженный силовыми приводами и генератором защитного поля. Как сказал Шу, такой костюм позволял проходить сквозь силовые поля, и

даже мог отразить несколько выстрелов из импульсной винтовки, — но, увы, все хранившиеся тут костюмы были им безнадежно велики, да и батареи в них, конечно, тоже приказали долго жить...

Йаати вздохнул. Он, конечно, понимал, что им и так невероятно повезло, — и требовать чего-то большего было, наверное, попросту наглостью, — но иметь хоть какую-то защиту всё равно хотелось. Совсем не так давно энергожилет спас ему жизнь, причем, дважды, — но батареи к ним тоже сдохли, так что оставалось идти, в чем есть. Вернее, ехать.

Йаати забрался в кабину погрузчика. Взрослому она была бы, наверное, тесна, — а вот ему пришлось в самый раз. Ладно, хоть какая-то польза...

Он подергал для пробы рычажки и посмотрел на Шу.

— Ну, начнем, пожалуй...

10.

Управлять погрузчиком было не так просто, как казалось, к тому же, следуя за Шу, Йаати ощущал себя довольно глупо. И неудобно, правду говоря. Ему казалось, что кто-то вот-вот нападёт сзади, и он всё время крутил головой, — зеркал заднего вида тут, как назло, не было, а назойливое гудение моторов надёжно глушило слабые здешние звуки. К тому же, винтовку в кабине было просто негде положить, так что Шу отдал ему глушитель. Его Йаати сунул в карман куртки, — всего секунда, чтобы протянуть руку и нажать кнопку... только вот секунды тут могло и не хватить.

К счастью, тут был всё же не лес. Напасть на них могли лишь из немногочисленных тут боковых коридоров, в которые Шу всегда осторожно заглядывал, прежде чем давал Йаати знак ехать дальше. Йаати сидел, как на иголках, но, словно назло, им никого не попало, так что вся их бдительность, практически, пропала зря. Тем не менее, он чувствовал, что за ними всё время наблюдают, — а иногда замечал вдали силуэт, исчезающий так быстро, что он уже не был уверен, не показалось ли ему. И, тем более, не мог сказать, одно ли это существо, — или, кроме того *руцита* их преследует ещё кто-то. Твари пока не пытались нападать, и это тоже наводило на неприятные размышления: они явно понимали, что у них нет шансов против двух вооруженных парней, а иметь дело со слабым, но хоть как-то мыслящим врагом намного, намного неприятнее, чем с самым могучим и злобным, но тупым...

Время за сборами пролетело незаметно, так что когда они, наконец, добрались до лифтовой шахты, лифт уже работал. Сияющие энерговоды в шахте, правда, погасли, да и ограждающие поля тоже не работали, и Йаати невольно отступил от края. Стекло под ногами казалось невидимым, и ему казалось, что он невесомым пузырем всплывает в залитой красноватым светом шахте. Сейчас тут было очень тихо, и даже тихое гудение лифта казалось неуместно громким.

— Там, наверху, такой же шлюз и туннель, — тихо сказал Шу. — В его конце второй шлюз и лифт, ведущий прямо в рубку. Если нам повезет, в туннеле никого не будет. Если нет...

— И что нам делать? — спросил Йаати. Сердце у него отчаянно билось. Как ни странно, сейчас он боялся не смерти, а того, что там, наверху, будут люди-«зомби», — а тогда у Шу просто снесет крышу.

— Если там есть засада, то точно не в первом шлюзе, — предположил Шу. — Его слишком легко накрыть глушителем. Я бы устроил её с другой стороны коридора, у лифта, — просто чтобы иметь от возможных сюрпризов дистанцию побольше. На самом деле, там где-то двести метров, а на такое расстояние граната из подствольника не долетит, точно не в туннеле. Надо стрелять из винтовок. Из штурмовых, я имею в виду. Подствольники, конечно, лучше, но если там нет... живых противников, то толку от квантовых гранат не будет.

Последняя фраза прозвучала как-то придушенно, и Йаати догадался, что Шу боится встретить Крэйнов-отступников. Похоже, что сама мысль об этом давалась ему тяжело. Йаати же, напротив, сразу стало легче: если там и есть «зомби», их можно будет на этих отступников свалить... в этом случае, по крайней мере. А может, как раз они их и делали, кто теперь скажет?..

Лифт, между тем, всё скользил и скользил вверх, каждые несколько сот метров минуя горизонтальные силовые поля. Йаати сперва не понимал, зачем тут они, потом понял, что не чувствует перепада давления, — хотя они поднялись уже очень высоко. Похоже, что эти вот поля не давали воздуху стекать в нижнюю часть Цитадели, что пришлось очень кстати, — насколько он знал, в горах на пятикилометровой высоте дышать очень трудно, а уж сражаться и подавно. Тем не менее, сердце его отчаянно билось: он понимал, что в ближайшие несколько минут решится их судьба, судьба Цитадели и всего мира. А может, даже *всех* миров, — если Хи`йык её захватят, они смогут попасть куда угодно, даже в его родной Сарьер, — а такая перспектива ему категорически не нравилась.

Наконец, лифт остановился у огромных ворот шлюза — которые, впрочем, и не подумали открываться. Шу тут же склонился над пультом, — но на сей раз, им не помог даже «взломщик».

11.

— И что делать? — спросил Йаати, когда Шу убрал бесполезное тут устройство. Шу вздохнул.

— Я не знаю, кто наш противник, но он заблокировал или просто испортил механизм ворот. Теперь нам придется пробиваться сюда с нижнего яруса. Там тоже есть лифт, но проход к лифтовой шахте на каждом этаже перекрыт свайными воротами и бронедверью, и, если они так же заперты...

Йаати вздохнул. Нет, он понимал, конечно, что всё мероприятие не могло пройти так вот просто, — но всё эти внезапные препятствия начали страшно его злить. Отпущенное им время истекало, — и, если они не победят здесь и сейчас, в ближайшие минуты, твари в рубке впустят сюда бесчисленную орду своих собратьев, и судьба их двоих точно будет крайне незавидна...

— И что нам делать? — повторил он.

Шу усмехнулся.

— Спускаемся на нижний ярус и выходим там. Есть варианты?..

Вариантов, естественно, не было, и лифт плавно пошел вниз. Йаати был почти готов к тому, что им обломится и здесь, — но огромные ворота тут же с мягким шипением раздвинулись. Он торопливо нажал на клавишу глушителя, — но шлюз, к счастью, оказался

пуст. Не веря глазам, Йаати шарил взглядом ещё несколько секунд, — но спрятаться в этом просторном пустом помещении было решительно негде.

Вздохнув, он сел в погрузчик, и вслед за Шу въехал в шлюз. Ведущие в туннель ворота, однако, оказались заперты, и это заставило его поёжиться: тут их всё же ждали. С одной стороны это было, конечно, хорошо — твари явно понимали, что в открытом бою им ничего не светит. С другой стороны, они могли заблокировать вход от всей сидевшей в Цитадели армии, — и тогда их дела были очень незавидны...

Шу вставил в глазок замка лазер «взломщика» и быстро отступил назад, к погрузчику. Сам Йаати отошел чуть в сторону от стыка ворот, прижав к плечу свою винтовку. Он не представлял, что будет, когда они откроются, и, мучительно скосив глаза, смотрел на экран «взломщика», по которому стремительно бежали строчки. Сердце у него билось уже где-то в горле, и сейчас он совсем не хотел, чтобы «взломщик» сработал. Но, словно в насмешку, тот тут же пискнул, — и створы ворот с гулом поползли в стороны. Йаати совсем не представлял, что может за ними увидеть... и в итоге не увидел ничего.

Длинный коридор был пуст.

12.

Прижав винтовки к плечу, они вошли внутрь, настороженно осматриваясь. Коридор тут был другой — высоченный, целиком металлический, с выступающими из стен поперечными ребрами. Редкие синие лампы под самым потолком заливали его тусклым, словно лунным светом, и Йаати ошалело мотнул головой, — на миг ему показалось, что он идет где-то в зимнем лесу. Лестницы, которые вели тут наверх, не годились для погрузчика, так что нужно было отыскать сперва лифт, а потом выход в недоступный пока верхний коридор.

Как сказал Шу, дверь в лифт была в конце четвертого слева поперечного коридора, — но до неё ещё надо было дойти... пройти сто пятьдесят метров по прямой, и ещё восемьдесят влево. Вроде бы совсем мелочь, но...

Нас тут убьют, вдруг понял Йаати. Застрелят из засады, и нас не спасут ни винтовки, ни бдительность. Слишком много поставлено на карту, чтобы враги могли позволять себе ошибки — здесь и сейчас, где решается буквально ВСЁ. Они больше не станут нападать в спешке, они всё поставят на один внезапный, мгновенный, *окончательный* удар...

Зрение его вновь моргнуло, рассыпаясь, — и в какой-то миг он вдруг, совершенно отчетливо, увидел дюжину зенгов. Они стояли у поворота в коридор, держа наготове какое-то странное оружие, похожее на горизонтальные луки, — причудливо изогнутые рамы с какими-то тягами и колесиками, — но сверху к ним крепились массивные, резко расширявшиеся сзади стволы, и к этим расширениям подходили пучки толстых, прозрачных, фиолетово светящихся трубок. Они же сходились к закрепленным под «луками» плоским, окантованным металлом банкам, доверху налитым чем-то густым и тоже фиолетовым. Твари стояли совершенно неподвижно, даже, казалось, не дыша, лишь внутри трубок их оружия плавали густо-фиолетовые, с черными точками в центре, пузырьки...

Йаати ошалело моргнул и видение исчезло, словно он отнял от глаз бинокль. Но теперь он был совершенно уверен, что зенги именно там, впереди, сразу за поворотом того, нужного им коридора...

— Стой, — как мог тихо сказал он. — Там зенги.

— Где? — Шу удивленно повернулся к нему.

— Впереди. За четвертым поворотом слева. Дюжина. С... ну, с такими фиолетовыми штуками.

Фраза звучала, как абсолютный бред, Йаати хорошо понимал это... но лицо Шу вдруг стало каким-то испуганным.

— Так. Отступаем к шлюзу. Медленно, не оборачиваясь.

Йаати медленно попятился, не отводя глаз от поворота... и только это его и спасло, когда из-за него вдруг выскочило несколько мерзких белесых фигурок. Им нужны были какие-то секунды, чтобы заметить людей и взять их на прицел... но они сами УЖЕ были у Йаати на прицеле, и ему оставалось только нажать спуск. Винтовка резко ударила в плечо, по ушам ударил дикий треск очереди. Опасаясь отдачи, Йаати увел ствол слишком далеко вниз... но значения это уже не имело. Ударяя в металлический пол под острым углом, пули просто рикошетили, высекая странные бледные искры, и летели прямо в зенгов. Двое или трое упало, но уцелевшие тоже открыли огонь. В воздухе мелькнули прозрачные фиолетовые лучи... потом на перекрестке до самого потолка вдруг полыхнуло страшное лиловое пламя. До Йаати донесся сухой треск, словно там ударила молния, и, почти сразу — скрипучий, невыразимо мерзкий визг. Потом вдруг стало очень тихо.

13.

Несколько минут, казалось, они стояли неподвижно, напряженно глядя на проклятый поворот. Там лежало с полдюжины, наверное, мертвых зенгов, — никто из них не шевелился, — но что стало с остальными Йаати не знал. Он изо всех сил старался вновь вызвать в себе это... расщепление, но оно, как назло, ускользало. Наконец, реальность всё же моргнула... и он понял, что зенги погибли не все: полдюжины их всё ещё стояло там, метрах в двадцати от поворота, вновь совершенно неподвижно, словно неживые. Впрочем, а были ли они вообще живыми?..

— Они всё ещё там, — тихо сказал он. — Полдюжины. Что будем делать?

— Где? — Шу вздрогнул, словно очнувшись.

— У ближней стены, метрах в двадцати от поворота.

Шу дико взглянул на него — словно никак не мог поверить в это — но переспрашивать не стал. Молча положил винтовку, взял с поддона погрузчика гранатомет. Вернее, ракетную установку — созданная ещё до Падения, она стреляла противотанковыми ракетами, наводящимися по лазерному лучу. Дальнобойность их достигала километра — но сейчас дистанция была гораздо меньше...

— Отсюда нам их не достать, они стоят слишком далеко, — почти беззвучно сказал он. — Пошли.

Осторожно, но быстро они пошли вперед. Йаати чувствовал себя не слишком хорошо — сердце, казалось, лезло в горло, в глазах всё как-то прыгало. Он очень боялся, что у него опять «выбьет» сознание, — и, в то же время, ему отчаянно хотелось очнуться и понять, что всё это уже позади...

Зенги, вероятно, снова услышали их — или ещё как-то ощутили, что происходит неладное. Из-за поворота вновь выскочили две или три бледных фигурки — и Йаати вновь открыл огонь. В тот же миг его мощно ударило по ушам. Огненный шар ракеты рванулся

вперед, оставляя удивительно четкую полосу дыма — и через секунду там полыхнул взрыв. На сей раз, Йаати долбануло так, что он перестал что-то слышать. Шу бросил трубу ракетомета, перехватил из-за спины автомат и бросился в атаку. Йаати помчался вслед за ним, уже не вполне понимая, бежит ли он, или летит во сне по воздуху, — сейчас он почти не чувствовал под собой ног.

Из-за поворота впереди, словно чертики из табакерки, снова выскочили зенги, двое или трое — когда же они, черт их возьми, там кончатся? — и Йаати, попытавшись остановиться для стрельбы, тут же споткнулся и кубарем покатился по полу. Это его и спасло, потому что бледный луч мелькнул прямо над ним, на уровне его живота, — но он едва это заметил.

Перекатившись, он встал на колени — благодаря больше силе инерции, чем каким-то сознательным усилиям — и, вконец осатанев от боли, нажал на спуск подствольного гранатомета. Винтовка страшно ударила его в плечо — если бы он стоял, то тут же повалился бы, — но Йаати продолжал нажимать спуск, и гранаты вылетали из ствола одна за другой, почти очередью. Они были квантово-химические, и он не видел, как они взрываются, — но каждый раз его словно током било, и он понял, что они всё-таки срабатывают... а потом, как-то вдруг, всё кончилось. Зенги исчезли, всё стихло, лишь под высоким потолком лениво расползлся дым.

Несколько секунд Йаати стоял неподвижно, уже не глядя куда-то, а стараясь опомниться... потом Шу вновь бросился вперед, и он, кое-как поднявшись, последовал за ним.

14.

Когда он добежал, наконец, до проклятого поворота, всё было уже кончено. Шу стоял, опустив винтовку дулом в пол и часто дыша, — а вокруг лежали разбросанные тела зенгов. Половина их казалась совершенно целой, вокруг других неохотно растекалась густая зеленоватая жидкость, очевидно, заменявшая им кровь. Значит, они всё-таки живые... пусть и каким-то извращенным образом...

При взгляде на жуткие тела Йаати передернуло. Ему вовсе не хотелось снова их видеть — и он зажмурился, помотал головой, стараясь вытрясти из неё противный оглушающий писк. Как ни странно, это помогло — в ушах что-то щелкнуло, и к нему вновь пробились звуки.

— ...в последний миг успел, он в меня прицелился уже, — возбужденно говорил Шу. — А я его...

— Что? — спросил Йаати. В ушах у него по-прежнему звенело, и слышал он сейчас всё же не очень хорошо. Да и соображал, честно говоря, тоже.

— Повезло нам... я не знаю, как, — сказал Шу, отвернувшись. — Как ты их заметил?

— Я не знаю, — Йаати снова помотал головой. Говорить об этом не хотелось — но и отмолчаться он уже никак не мог. — Со мной тут что-то странное творится. Я вижу здесь... разные места. Другие места, — упоминать о том, что он видит и другие МИРЫ Йаати всё же не решился, одной этой фразы хватило бы, чтобы Шу счел его конченным психом...

— А в рубку ты можешь заглянуть? — сразу же спросил Шу. Похоже, что сейчас ему было совсем не до его психического состояния...

— М-м-м... — Йаати зажмурился, стараясь это сделать... но у него ничего не вышло.

Разумеется. — Нет, — неохотно признался он. — Это же не просто так выходит. В последний раз я силовое поле потрогал.

— Поле? — на сей раз, Шу всё же взглянул на него ошалело. — Какое? Дверное?

— Нет, вокруг силовых лучей которое.

— Силовые лучи не работают — и не будут работать в ближайшие часов девять, — мрачно сообщил Шу.

— Ещё фонари помогают, которые в городе были — ну, бело-фиолетовые такие...

— Это не фонари, это волновые глушители, против у`унна`рэ, не слишком эффективные, на самом деле. Тут их нет, вроде бы.

— Здорово, — ядовито сказал Йаати. Было очень обидно получить такую вот чудесную способность — и тут же потерять её. — Что будем делать?

— К погрузчику пошли, что...

Всё ещё ошалело оглядываясь — хотя Йаати был уверен, что тут, на этом вот ярусе, уже никого нет, они вернулись к погрузчику. Его, к счастью, никто не тронул, и они вновь двинулись вперед в прежнем порядке — Шу впереди, Йаати за ним, в тесной кабине. Его потряхивало от пережитого напряжения, и он с неудовольствием подумал, что тут недолго и неврастеником стать... и тут же едва не хихикнул — до всего этого ещё надо было дожить...

— Что это за штуковины? — спросил он, когда они проезжали мимо разбросанных по полу зенгов и их странного оружия. Смотрелось оно неожиданно... чисто и аккуратно, но вот подбирать его как-то не хотелось. Что-то в нем, как и в самих зенгах, было... неправильное, словно работало нечто такое, что никак не должно было работать...

— Телепушки, — Шу отчетливо передернулся, но не обернулся.

— Почему телепушки? — по мнению Йаати, на телекамеры эти странные штуковины не походили ничуть.

— Потому, что стреляют телеплазмой, — не оборачиваясь, пояснил Шу. — Ну, так её называют. Я-то не видел её, да и никто из нас не видел. Говорят, правда, что ей энергожилеты пофиг, что с защитным полем, что без. И что ей только к человеку прикоснуться достаточно — к руке там или к ступне — и всё, сгниешь мгновенно, — его вновь передернуло.

— Брр! — Йаати передернуло тоже. Он понимал, что в этой вот перестрелке они уцелели не столько благодаря своим воинским умениям — какие там «умения» у пары пятнадцатилеток? — а благодаря квантово-химическим гранатам, смутившим и оглушившим зенгов, — и, прежде всего, простой слепой удаче, да какой-то шальной пуле, сверхметко попавшей в накопитель с «телеплазмой»...

Удача же от них явно отвернулась. Нет, свайные ворота и даже бронедверь, ведущую в саму шахту лифта, им удалось открыть, пусть и с помощью «взломщика», — но вот сам лифт был поднят на самый верх шахты и спускаться упорно не желал, как Шу ни нажимал на кнопку.

— Что там? — уныло спросил Йаати. Нет, этого стоило, конечно, ожидать — но силовые приводы вот-вот включатся уже везде, а тогда в Цитадель хлынут орды тварей, и...

— Похоже, что питание отключили, — Шу мрачно посмотрел вверх и вздохнул. — Тут ничего нельзя сделать.

— И?.. — сдаваться так вот просто Йаати не хотелось.

— Можно по лестнице попробовать, — неохотно сказал Шу. — Но там двери наверняка тоже заперты, к тому же, погрузчик всё равно придется бросить. А без него мы много не

утащим — эти вот винтовки, по дюжине магазинов на рыло, и всё. Ну, по дюжине подствольных гранат ещё. А тварей наверху сотни могут быть. И не *руммов* каких-то, а зенгов с телепушками. Тут-то нам и конец.

— И что? — не то, чтобы Йаати так уж боялся боя с сотнями тварей, но...

Шу прикусил губу, задумавшись.

— Можно через порталную шахту попробовать, она в самом центре Цитадели, и все три навигационные рубки выходят на неё. Правда, я не знаю, что там, снаружи...

Йаати тоже этого не знал... но выбора у них не оставалось.

15.

К их счастью, выход в порталную шахту был прямо вот тут, в конце ведущего от основного лифта коридора. Его запирали ещё один шлюз — но с ним «взломщик» Шу справился почти без всякого труда. Йаати замер, прижав к плечу винтовку, почти не дыша, — он понятия не имел, что увидит... но несчетная орда парящих в воздухе *залов* представлялась ему даже слишком хорошо.

Когда внешние ворота, наконец, дрогнули и поползли в стороны, он едва не потерял сознания. Но за ними никого не оказалось. Он увидел ещё один проем, перекрытый, на сей раз, силовым полем, а за ним — обширную, треугольную, посадочную, скорее всего, площадку — совершенно пустую. За ней открылось нечто вроде колоссального, шириной метров в триста, амфитеатра. «Нечто вроде» потому, что он был треугольный, с глухими металлическими стенами в продольных и поперечных ребрах. Всё это заливал темный, почти монохроматически красный, словно фотографический фонарь, свет, падавший почти отвесно сверху.

Словно в каком-то странном сне, Йаати подошел к зыбкой пленке поля. Отсюда он не видел дна шахты, но зато видел её верх, всего на каких-то тридцать метров выше. В её углах возвышались три башни, удивительно похожих на Малую Цитадель и примерно такого же размера, то есть, метров в сто двадцать высотой. Где-то в середине каждой зияло громадное прямоугольное окно — пять на восемь метров, как прикинул Йаати. Темное; что за ними находится, отсюда не удавалось разглядеть.

Уже не вполне понимая, он ли всё это видит или кто-то другой, Йаати посмотрел на тянувшиеся по стенам ряды эффлекторов — сейчас пустых и мертвых, на галереи, косые мостики, какие-то совсем непонятные штуки, выступающие из стен, — потом перевел взгляд в зенит.

Высоко в небе пылал чудовищный пламенный шар, — подавляюще огромное солнце грузно висело над шахтой, будто готовое упасть и раздавить мир. Сквозь дымку короны виднелась его словно затянутая сеткой поверхность, как бы остывающая, темно-красная, углубленные в неё черные пятна, щупальца протуберанцев, тысячи ярко вспыхивающих и гаснущих белых точек, как на остывающем раскаленном железе. Небо вокруг тоже было черно-красное, усыпанное такими же мутными, багровыми звездами. И ничего там не двигалось, ни в этом страшном пустом небе, ни под ним...

— Где это мы? — ошалело спросил Йаати. У него вдруг возникла совершенно бредовая, но при том вполне пугающая мысль, что они прыгнули не в пространстве, а во времени, в какое-то удаленное на миллиарды лет будущее, в самый конец времен...

— Не знаю, — Шу медленно подошел к нему и сейчас тоже растерянно смотрел наружу. — Прыжок был направлен в мир А-1/193, это я видел совершенно точно. Но мощность была... совсем сверхштатная же, и мы запросто могли проскочить... точку назначения.

— Во времени? — всё же вырвалось у Йаати.

Шу удивленно взглянул на него.

— Почему? Нет. В следующий мир по вектору могли проскочить... или даже НЕ в соседний, скорее всего, потому что никаких Хи`йык тут нет...

Йаати начал, наконец, понимать, КАК им повезло, — прибудь Цитадель к намеченному Хи`йык «месту назначения», их история прямо вот сейчас и кончилась бы, — но сейчас им владели уже совсем другие мысли.

— Что это значит — «по вектору»?

— Ну, при прямом переходе задается... как бы направление в мир с другим энергетическим градиентом. И импульс рассчитывают так, чтобы попасть точно куда нужно. А если он больше, то можно дальше проскочить... наверное. Слушай, я в этом почти не разбираюсь же, так, слышал кое-что...

— Ну и что нам теперь делать? — здесь, в этом мире, под страшным кровавым солнцем, Йаати чувствовал себя, мягко говоря, неудобно. Пусть Хи`йык тут и нет, это вовсе не значит, что тут нет *ещё* кого-нибудь, может быть, даже худшего: ощущение чужого пристального взгляда никуда здесь не исчезло, и, более того, Йаати по-прежнему чувствовал совсем необъяснимый, странный страх, словно разлитый здесь в воздухе...

— До рубки нам здесь не добраться, — мрачно сказал Шу. В самом деле, стены башен были монолитными, безо всяких следов внешних лестниц. Возможно, они были с другой стороны, но в этом Йаати как-то сомневался. Да и выходить наружу тоже не особенно хотелось, честно говоря. — Можно через воздухопроводы попробовать или через кабельные шахты — но там нас могут словно крыс поджарить...

— А в другую рубку мы можем попасть? — в голову Йаати пришла вдруг некая сумасшедшая идея... в самом деле, сумасшедшая, но другого выхода, похоже, им не оставалось.

— Можем, — Шу удивленно взглянул на него. — Но зачем? Запустить переход отсюда мы не сможем. Вообще не сможем, пока Хи`йык сидят там, в той рубке. Так или иначе, их надо отсюда убирать. А зачем тебе?

— Ну, посмотрим хотя бы, кто там сидит, — предложил Йаати. Это была правда... но совсем не вся правда. — Или даже из ракетомета их там раздолбим.

— Если верить схеме, там метастекло в полметра толщиной, его даже *зысыт* не вышибет, — хмуро сказал Шу. — Да и видно будет плохо — под углом же.

— А что ты предлагаешь тогда?

Шу задумчиво прикусил губу.

— Ладно, черт с тобой. Пошли. Всё равно, спешить особо некуда уже...

Они вернулись к шахте основного лифта. Куда идти дальше, они, разумеется, не знали, и Шу пришлось вновь сесть за терминал. К счастью, нужная схема нашлась почти сразу, и

предстоявший им путь оказался неожиданно простым — в первый от шлюза коридор, вправо или влево, миновать свайные ворота, второй такой коридор, шлюз лифтовой шахты, подняться на один ярус выше — и далее прямо, до самой навигационной рубки. Заблудиться совершенно негде... только вот и на этом пути их могли ждать вовсе нежелательные встречи. Йаати вздохнул. Он хорошо понимал, *что* должен сделать... но это совсем ему не нравилось. Не потому даже, что он мог погибнуть, — к этому он уже более-менее привык. Просто от него тут зависело уже как-то неприлично много. Так много, что в это, собственно, почти уже не верилось, и только это позволяло ему вообще хоть что-то делать...

Первая часть пути оказалась несложной — они быстро миновали длинный коридор, Шу легко открыл свайные ворота, как оказалось, даже и не запертые, — но вот за ними Шу насторожился, да и сам Йаати тоже. Он не видел, что тут происходит... не больше, чем мог ухватить парой своих глаз, хотя и очень старался, — а сомнений в том, что тут всё же кто-то *есть*, у него уже не было...

До выхода в главный туннель они добрались без затруднений — все двери в этом коридоре оказались закрыты, а спрятаться в нем было решительно негде, — но вот у поворота Шу всё же замер, осторожно выглядывая из-за него. Там тоже никого не оказалось, и он дал Йаати знак ехать дальше.

Они выбрались в очередной высоченный, залитый призрачным светом туннель, и Йаати ошалело мотнул головой. Все эти туннели были до отращения одинаковые, и на какой-то миг он совсем перестал понимать, новый ли это, или он как-то провалился в прошлое, и их снова ждет жуткий бой с зенгами... но никаких зенгов, к их счастью, тут не оказалось.

Так же, без проблем, они вышли в лифтовую шахту. Когда лифт мягко пошел вверх, Йаати вдруг подумал, что жить ему осталось, наверное, минуты, — мало ли что могли сейчас готовить твари? — но думать о таких вот вещах совершенно не годилось. Он должен делать то, что может... пока может, иначе проще будет сразу сигануть в эту вот шахту...

Тем не менее, когда внутренние ворота шлюза открылись перед ним, он был очень напряжен... но разглядеть, что происходит в другом его конце, не получилось. Тут, как раз, *были* твари, правда, не зенги, а те самые *руммы*, но зато в достаточном количестве, никак не менее нескольких десятков. Чуть раньше Йаати очень испугался бы... но сейчас он был только разозлен неожиданной помехой. К счастью, их появление стало неожиданным для тварей, а здесь, в коридоре, они могли вести огонь, как в тире. Йаати уже немного приноровился к оружию, и его пули летели не куда попало, а в цель... по крайней мере, частично. Шу предложил ему вести огонь короткими очередями, и это работало совсем неплохо. По крайней мере, две или три из десятка застреленных ими тварей точно были на его счету... только вот остальные разбежались по поперечным туннелям и спрятались.

— Ну, и что будем делать? — спросил Йаати, перезаряжая оружие. Стрелять им пришлось немного в самом деле, — сейчас он с удивлением понял, что расстрелял только один магазин, да и Шу, собственно, тоже. Но перед ними было четыре пары поперечных коридоров — и в каждом из них сейчас пряталось по несколько проклятых *руммов*.

— Мы же реактивный огнемет взяли, — Шу ткнул носком ботинка лежавшую на платформе погрузчика массивную трубу. — С термобарическими зарядами. Но их всего пять, да и тут, в коридоре, нас самих ударной волной долбанет так, что костей не соберешь. Это с открытого места в окна из него очень хорошо стрелять. В общем, так. Погрузчик оставим, пойдем только с автоматами. Я буду стрелять вправо, ты — влево. Не подпускай их близко. А если всё же подпустил, — не стой на месте. Не давай им *совместиться*.

— Что?

— *Руммы* могут создавать Куклы... ну, свои призрачные копии. Сами по себе они безвредные, но, если Кукла совместится с человеком, у него всё нутро разорвет, а *румму* ничего не будет. К счастью, на не очень-то большом расстоянии, метров до тридцати, но стены тут не очень-то... Единственное, что тут хорошо — они могут... сфокусироваться лишь на неподвижный объект, да и то, не сразу. Обычно им нужно несколько секунд, так что они предпочитают нападать на спящих.

— Брр! — *Йаати* передернуло. Один раз он уже с этим столкнулся... но думал, что это всего лишь попытка его напугать (что, надо сказать, получилось у *румма* преотлично). Но представлять, что с ним будет, если адская тварь... даже призрак её, вдруг возникнет *внутри* его тела, ему совершенно не хотелось. От одного этого, наверное, он мог сойти с ума. К счастью, сейчас в руках у него был автомат, — и он успел уже убедиться, что пули со стальным сердечником действуют на *руммов* совсем неплохо, ничуть не хуже, чем на всех прочих тварей. — Ладно, пошли. Давай покончим с этим побыстрее...

17.

Сейчас *Йаати* чувствовал совсем не страх, а что-то вроде злого азарта. Вслед за Шу он быстро и упруго пошел вперед, ощущая себя очень легким... но *руммы* тоже оказались не плюшевые, и в какой-то миг их окружила толпа гудящих, вибрирующих призраков. *Йаати* ошалело бросился вперед, прыгая из стороны в сторону, чтобы не налететь на кого-то из них. Минутой раньше он не поверил бы, что решится на такое... но они прорвались к перекрестку, а всё остальное оказалось уже делом техники — выстрел квантово-химической гранатой из подствольника, и потом — по короткой очереди в каждую оглушенную, утратившую ориентацию тварь...

— Осталось ещё три таких сеанса, — сказал Шу, вернувшись из своей стороны коридора. Его глаза сейчас возбужденно блестели — только что они уложили добрую дюжину *руммов*. — Давай дальше, только не расслабляйся...

Но твари тоже поняли, что при таком вот подходе им явно ничего не светит, и, едва мальчишки вновь двинулись вперед, *руммы* высыпали из всех коридоров сразу. *Йаати* нажал на спуск подствольника (вернее, *надствольника*, потому что в SM-770 гранатомет размещался над стволом), — но граната, похоже, ушла «в молоко». Зашипев от злости, он опустил ствол... и уже не смог отпустить спуска, пока все четыре гранаты не вылетели из длинной гильзы. Судя по тому, что твари вдруг кубарем покатались по полу, они всё же срабатывали... но за первой волной *руммов* валили ещё две, и он вновь нажал на спуск, на сей раз, поливая их пулями. Целиться было уже поздно, да не особенно и нужно, и он просто вел стволом, стараясь перекрыть огнем всю ширину коридора. В кого-то он явно попадал, твари падали, — но остальные продолжали бежать, и число их, казалось, совсем не сокращалось, словно они появлялись из воздуха...

— Назад! — заорал Шу, когда их винтовки вновь заглохли, расстреляв боезапас.

Думать сейчас *Йаати* было некогда, так что он просто шарахнулся назад, за поворот поперечного коридора. Шу тоже шарахнулся туда, правда, с другой стороны туннеля. Сорвав с пояса гранату, он дернул за кольцо и изо всех сил швырнул её в набегающую волну тварей. Опомнившись, — он совсем забыл, что в арсенале они взяли и эти штуки тоже, — *Йаати*

сорвал неожиданно тугое кольцо и тоже изо всех сил швырнул вперед темно-серый, тяжелый цилиндр, тут же шарахнувшись назад. Ничего, однако, не произошло, и он уже сунулся вперед — посмотреть — но как раз в этот миг в туннеле рвануло, и осколки взвизгнули, казалось, прямо у него перед носом. Йаати шарахнулся назад, замер, — он лишь на миг разминулся со смертью, — и в этот миг в туннеле грохнул второй взрыв, на сей раз, уже его собственной гранаты. Йаати замер, ожидая третьего взрыва... потом, всё же опомнившись, торопливо перезарядил винтовку и выглянул за поворот.

Гранаты, похоже, легли очень удачно — по всему коридору валялись разбросанные тела *руммов* — но уцелело ещё два или три десятка тварей, и они по-прежнему отчаянно бежали вперед. Не очень быстро, к счастью, — нелепое устройство ног отчетливо мешало им, — и Йаати, заорав, вновь открыл огонь. На сей раз, он всё же старался целиться, и точно уложил пять или шесть тварей прежде, чем винтовка вновь заглохла, выпустив последний патрон. Ещё с десятков, наверное, уложил Шу — но десятка два *руммов* всё же уцелело и бежало вперед.

Не дожидаясь особого приглашения, Йаати сорвал с пояса вторую гранату, и уже не бросил, а просто катнул её под ноги набегавших тварей, — а потом отчаянно прижался к стене, стараясь перезарядить винтовку. Тут же прямо перед ним возник гудящий, вибрирующий призрак... что-то заорав, он шарахнулся в сторону... к его счастью — не в сторону туннеля, потому что в тот же миг там ударил взрыв, и почти сразу же — второй. Йаати опять долбануло по ушам, и он перестал что-либо слышать... но руки у него всё же работали, и это его и спасло. Когда *руммы* появились в коридоре, он просто вскинул винтовку и начал стрелять, уже почти не целясь — их разделяли каких-то несколько метров. Если бы он не успел перезарядить оружие, он, наверное, погиб бы... и всё равно погиб бы, если бы Шу не стрелял с другой стороны коридора. Йаати не знал, правда, каким чудом они не попали друг в друга... но в этот раз им повезло. Твари полегли все... и на их место не пришли новые.

18.

Какое-то время они просто сидели у стены прямо в этом поперечном коридоре, прижавшись друг к другу и стараясь отдышаться. Шу как-то странно посматривал на него, — сумасбродная идея Йаати чуть не привела в могилу их обоих, — но говорить всё же ничего не стал. Тот, впрочем, и без него понимал, что им вновь невероятно повезло... во второй раз, но наверняка не повезет в третий. Следующий бой в любом случае станет для них последним — так или иначе...

Медленно, словно во сне, они вернулись к погрузчику и двинулись к дальнему концу туннеля. Запас скверных чудес ещё не исчерпался, и навстречу им из-за поворотов поперечных коридоров выплыло несколько знакомых уже пузыревидных тварей, тех самых *кхринов*, о которых ему говорил Шу. Йаати помнил, что пули их не брали, но Шу и не стал в них стрелять — по крайней мере, пулями. Каждую тварь он подпускал поближе — а потом встречал выстрелом из подствольника. Как оказалось, силовые поля *кхринов* очень даже поддаются кумулятивным гранатам. Подбитые твари эффектно взрывались изнутри, разбрызгивая во все стороны разноцветную жижу. Как пояснил на ходу Шу, у Хи`йык они играли роль мобильных аптек и опасности в целом не представляли, ввиду своей

медлительности — хотя их укол всегда вел человека к более или менее страшной смерти. Йаати, впрочем, это уже почти сейчас не трогало, он даже не стал вылезать из погрузчика, предоставив Шу разбираться с ними. Его помощь тут точно не требовалась — не потребовалась и потом, когда Шу открыл шлюз. Пустой, к их счастью. За ним открылось просторное полутемное помещение с парой пультов — и прозрачной дверью лифта. Как оказалось, достаточно просторного, чтобы погрузчик поместился в нем, и Йаати задрал голову. Шахта лифта выводила прямо в рубку, и он понял, что их планы прорваться в неё были призрачны — лифт, прозрачная, квадратная площадка, поднимался в стометровой шахте весьма медленно, и на них двоих с их арсеналом хватило бы одной небрежно брошенной сверху гранаты...

Когда до верха шахты осталось всего метров пять Йаати, опомнившись, вытащил из кармана глушитель. Он торопливо нажал кнопку — и, морщась от беззвучного писка, не отпускал её секунды три, но предосторожность оказалась напрасной: в навигационной рубке, на сей раз, никого не оказалось, и, когда прозрачная платформа лифта сравнялась с её полом, Йаати замер, удивленно осматриваясь.

Он увидел громадное треугольное помещение шириной и высотой метров в пятнадцать. Вдоль его монолитных металлических стен тянулись циклопические ребра, какие-то трубы и кабели. Под ними двумя косо расходящимися рядами стояли уже мягко мерцающие своими экранами пульта. С потолка свисал какой-то циклопический, цилиндрической формы механизм, верх второго такого же выступал из пола. На их ступенчатых, из стекла и металла торцах сияли непонятные изображения, воздух между них мерцал, — казалось, там вверх и вниз плавают странно преломляющие свет пузыри...

С минуту, наверное, Йаати ошалело моргал, крутя головой, потом всё же опомнился и подошел к колоссальному окну. Ему открылась плоская крыша Цитадели, прорезанная другими, меньшими шахтами, усеянная какими-то, наверное, антенными мачтами и уже знакомыми ему полусферическими орудийными башнями. Огромная — Йаати показалось, что он смотрит на какой-то странный город. За его неогражденными краями до смутного в багровой дымке горизонта лежала красновато-черная равнина, — лишь по каким-то призрачным оттенкам Йаати понял, что это океан. На какой-то миг он даже почувствовал, как Цитадель тонет в нем или медленно валится набок... потом всё же перевел взгляд вниз.

И тут же испуганно отступил от окна. Под ним зияла бездонная, казалось, шестигранная шахта — и оттуда, из пропасти, в которую уже не достигал взгляд, поднималось что-то вроде подпертого поперечными балками ствола орудия великанского калибра — одно его жерло было диаметром метров в пятьдесят. Внутренность его состояла, казалось, из черных, исполинских алмазов, на гранях которых пылал кровавый солнечный свет. Картина была величественная и мрачная, и Йаати вновь почувствовал себя выпавшим из реальности в какое-то запредельное, *последнее* бытие...

Опомнившись, он ошалело мотнул головой и перевел взгляд на окна навигационных рубок. За правым ничего не было, оно пусто темнело. За левым стояла странная белесая фигура, и сердце Йаати ёкнуло: судя по размеру окна, она была ростом, как минимум, метра в четыре.

— Что это? — спросил он подошедшего Шу.

— Не знаю, — медленно ответил тот. — Я никогда не слышал о... таком.

Отступив от окна, Йаати вскинул винтовку, глядя на тварь через оптический прицел. Увеличение оказалось небольшим — четыре или пять крат — но оно сокращало расстояние

всего метров до шестидесяти... и Йаати вновь замер.

Чудовищная эта тварь совсем не походила на человека — разлапистые, нелепо расширившиеся книзу круглые ноги-колоды, бревноподобные руки с нелепо многочисленными, торчащими во все стороны пальцами, — на каждой руке их было, казалось, сразу десятка два, — белесое складчатое тело, с которого свисали сотни хлыстообразных отростков. Лица же у твари просто не было. То есть, голова-то у неё была, но переднюю её сторону покрывало хаотичное, казалось, месиво изогнутых выступов и складок, без глаз, носа, ушей или ещё каких-то различимых черт.

Вдруг это страшное лицо... раскрылось, превратившись в обрамленную кривыми отростками круглую пасть — беззубую, но такую огромную, что голова чудовища показалась Йаати даже не пустой, а просто натянутой на сгусток жуткой тьмы... и он шарахнулся назад, позорно плюхнувшись на задницу. Винтовка стукнула его по колену, и он взвыл от боли... но это его и спасло. Реальность вновь моргнула — и в следующий миг Йаати уже не мог вспомнить, видел ли он эту адскую пасть наяву. Взгляд его вновь метнулся к окну... но голова твари казалась просто бесформенной болванкой. Сейчас она стояла совсем неподвижно, словно статуя, и Йаати торопливо поднялся на ноги. Он чуть было не нажал на спуск — но стекло тут и впрямь оказалось толщиной в полметра, и ничем хорошим это точно не кончилось бы.

— И что нам теперь делать? — беспомощно спросил он. Теперь он был даже рад, что им не удалось пройти в *ту* рубку: встречаться нос к носу с этим ужасом ему совершенно не хотелось.

— Не знаю, — коротко ответил Шу. Голос его звучал сейчас как-то придушенно — верно, и он тоже видел эту жуткую пасть... — он посмотрел на посадочную площадку внизу. — Можно выйти туда и попробовать выстрелить из ракетомета — он пробивает шестьсот миллиметров брони. Но я совсем не знаю, какой тут воздух...

— Ну, это я смогу выяснить... — мрачно сказал Йаати.

19.

Они спустились в нижний коридор (Йаати очень нервничал, но там им не попалось никого, кроме одинокого *руцита*, которого Шу, впрочем, тут же застрелил), и без проблем добрались до шлюза. Йаати, впрочем, уже ожидал, что ничего хорошего у них не выйдет, и его ожидания оправдались: когда они вышли к силовому полю, твари за окном уже не было. То ли она отошла вглубь помещения, то ли отправилась к ним — при этой мысли Йаати передернулся. Он уже не сомневался, что видит главаря Хи'йк, и что гибель этого чудовища решит тут вообще *всё*... но их противник явно был неглуп. Он явно был знаком с ракетометами и понимал, что близкое знакомство с кумулятивной струей не принесет ему ровно ничего хорошего. Или отправился куда-то по своим делам, никак совершенно не связанным с ними...

При этой мысли Йаати снова передернуло, — но, так или иначе, раз уж они сюда приперлись, план надо было исполнять... хотя бы частично. Вздохнув, он подошел к полю и просунул руку сквозь него. Снаружи оказалось холодно — хотя и не смертельно — и он, набрав побольше воздуха, шагнул...

И едва не упал под яростным порывом ветра, — здесь, на высоте, он был просто

пугающе сильным. Воздух вырвался у него из груди, и Йаати испытал короткое, как выстрел, удушье... уши пронзила дикая боль, и он спешно шарахнулся назад. Даже если воздух тут пригоден для дыхания (что, кстати, совсем не обязательно), выяснить это он не сможет всё равно: слишком он на такой вот высоте разреженный. Что ж, оставалось только следовать его первоначальному плану...

Они вернулись в верхний коридор... и, едва ворота шлюза открылись перед ними, замерли, испуганно осматриваясь. Здесь что-то изменилось — не на вид, конечно, потому что этот длинный, призрачно освещенный туннель был по-прежнему пуст, из конца в конец, а что-то в самой здешней атмосфере.

Йаати глубоко втянул воздух. Особо острым нюхом он никогда не отличался, но теперь здесь пахло чем-то горьковато-кислым — слабо, но вполне отчетливо. Самое скверное — он никак не мог узнать этот запах, хотя вроде бы познакомился вплотную со всеми здешними тварями...

Вдруг у него страшно закружилась голова. Йаати ошалело мотнул ей... но стало ещё хуже, и он, потеряв равновесие, плюхнулся на четвереньки, выронив винтовку. Но даже так стоять отказалось страшно трудно, — пол, казалось, вдруг ожил и качался, словно палуба корабля в шторм, стараясь его опрокинуть.

— Это какой-то газ... — выдавил Шу.

Йаати сейчас не видел его... но, как-то вдруг, заметил два десятка пузыреобразных *кхринов* — они плыли над полом, растопырив щупальца и издавая тихое шипение. Это был уже самый конец — но Йаати смог как-то встать на колени, и, словно во сне подняв винтовку, нажал на спуск гранатомета. Четыре квантово-химических гранаты, одна за другой, вылетели из ствола, — но мощь отдачи швырнула Йаати назад, и он с размаху грохнулся об стальной пол затылком. Мир взорвался белым огнем и погас.

20.

Очнулся Йаати от того, что его тыкали в живот чем-то острым, причем, сильно. Он отчаянно дернулся... напрасно, его руки и ноги были к чему-то привязаны. Он дернулся ещё раз, сильнее... и, наконец, открыл глаза...

...чтобы увидеть мерзкую лысину *фтанга*. Тот стоял прямо перед ним и тыкал его в живот когтистым пальцем. В голый живот — как-то вдруг Йаати осознал, что висит, растянутый в струну, так, что даже пальцы его босых ног не достают до пола. Совершенно голый. Вновь.

Голова у него по-прежнему дико кружилась и болела, соображал он сейчас не слишком хорошо — и лишь поэтому, наверное, не свихнулся сразу же от страха. Он снова был в навигационной рубке — но только не пустой. У пультов работал добрый десяток зенгов — а у окна стояло уже знакомое ему белесое чудовище. Сейчас, вблизи, оно казалось ещё более противоестественным — Йаати не мог даже сказать, какой же стороной оно к нему стоит. Вокруг него плавало несколько пузырей-*кхринов*, касаясь его тут и там своими щупальцами, — и лишь сейчас, увидев его иссеченную морщинами кожу, ощутив его запах, он понял, что существо это невероятно старое, — ему были, наверное, тысячи лет.

С другой стороны комнаты висел такой же голый Шу — он был растянут на стойке аварийного генератора, и Йаати догадался, что и сам растянут на такой же. Реакторная ниша

была сразу за его спиной, и, если проклятая штуковина вдруг включится, он, как минимум, живьем поджарится — что, впрочем, уже почти не испугало его на фоне более близкой опасности. Глаза словно сами по себе косили в сторону чудовищной туши — её кисти походили на какие-то оскаленные корневища, и он очень даже хорошо представлял, что такая вот лапища может сделать с ним. Как и *кхрины* с их щупальцами-шприцами. Сейчас, впрочем, его занимал *фтанг*. Йаати казалось, что он уже видел его — и, когда существо заговорило, его подозрения подтвердились.

— Рад тебя видеть, — сказал Нцхл Кцыбызохх.

21.

Йаати понимал, что должен что-нибудь ответить — хотя бы просто вежливости ради — но в голову ему не пришло ничего. Он ещё раз слабо дернулся — уже почти рефлекторно. Тем не менее, Нцхл перестал тыкать в него, и отступил на шаг, словно рассматривая. Сейчас Йаати казалось, что с ним говорит какая-то странная голенастая птица. Хотя на самом деле Нцхл совсем не говорил, — говорила подвешанная под его «руконогами» коробка. Провода от неё уходили прямо в тело, и Йаати зябко поджал пальцы своих босых ног: получи он такой облик, он бы, наверное, сразу бы сдох, — и это стало бы ещё самым лучшим из возможных исходов...

Йаати крутанул головой в поисках их одежды и оружия, но ничего не заметил — похоже, что их раздели прямо там, на месте, что было, в общем-то, логично: легче тащить. Шу был до сих пор без сознания, — его голова беспомощно откинулась назад. Йаати испугался за него... хотя и понимал, что за себя ему следует бояться куда больше — сейчас, по крайней мере, он отвечал за них двоих. Ладно, — в главном его план всё-таки удался: он попал, куда хотел. Остались лишь сущие пустыки — освободиться (Йаати чувствовал, что его привязали не веревкой, а каким-то, явно наспех содранным проводом, который при рывках ощутимо растягивался — пожалуй, он и впрямь сможет вырваться... если про него забудут всего на несколько минут), и как-то, голыми руками, поубивать толпу жутких чудищ, на которых и смотреть-то страшно, не то, что прикасаться к ним...

При этой мысли Йаати невольно улыбнулся — и тут же дернулся, как под электрическим током, когда Нцхл вновь ткнул его когтем в живот.

— Смелый. Это хорошо, — безжизненным механическим голосом констатировал *фтанг*. — Ты должен помочь нам.

— Как? — вырвалось у Йаати. Нет, он с самого начала понимал, что они нужны Хи`йык, иначе их бы просто убили на месте, — но вот чем он может им *помочь*, он действительно никак не представлял.

Нцхл замолчал, очевидно, формулируя мысль. Глаза Йаати невольно косили в сторону чудовищной туши — она не двигалась, и, казалось, даже не дышала, но он помнил, что это... существо перемещалось, и ему сейчас вовсе не хотелось, чтобы оно переместилось к нему.

— Мы провалились в мир гхатры, — наконец, сообщил Нцхл. — Пока что её нет здесь, но, когда она появится, мы умрем все, и вы тоже. Нужно ускорить запуск основного реактора. Запустить как можно больше аварийных генераторов. Но нас, мыслящих, тут очень мало.

— И всё? — вырвалось у Йаати. В голове у него всё перевернулось. Убраться отсюда

ему очень хотелось... только вот он не знал, что это за «гхатра». Крэйны? В таком вот случае помогать бегству тварей не стоило: завладев Цитаделью, они и в самом деле могли попасть в итоге во *все* миры. В том числе, и на его родину тоже.

Нцхл помолчал, словно глядя на него. Глаз у него не было — правду говоря, не было даже мест, на которых они вообще могли быть, — но Йаати не оставляло ощущение, что это невообразимое создание как-то смотрит на него.

— Не всё. Аварийная сеть Цитадели вот-вот перезапустится. Начнут работать турели и шаровые мины. Мы не сможем выйти отсюда. Кроме того, *ц`улины* уже пробудились. Сейчас они не способны войти сюда, но, когда транспортная сеть заработает, смогут. Тогда мы тоже все умрем.

— Что это за *ц`улины*? — ошалело спросил Йаати. Он всегда был очень любопытен... и сейчас любопытство перебило даже страх.

— Мехи или наноборги, наверняка незавершенные... но может, уже и нет.

— Что? — сейчас Йаати вообще ничего не понимал.

— Неживое. Созданное для борьбы с *у`упна`рэ*. Враги.

— А почему, собственно, я должен вам помогать? — лишь сейчас до Йаати дошло, что идея дождаться перезапуска реактора в его управляющей рубке была вовсе не такой уж плохой: охранные системы Цитадели и без них уничтожили бы нечисть.

— Чтобы сохранить свою жизнь, — ответил Нцхл, как показалось Йаати, даже удивленно. — И жизнь твоего друга. Я думаю, это очевидно.

— То есть, Шу останется здесь? — Йаати понял, что обморок друга не случаен. Твари, безусловно, понимали, что он-то никак не станет с ними сотрудничать... но может пригодиться для другого...

— Да. И его боль будет бесконечной, в случае чего.

Это Йаати мог понять и так. Ему хотелось гордо отказаться... но что-то уже говорило ему, что в таком случае уговоры начнут не с него.

— Что я должен сделать? — хмуро спросил он.

Нцхл вновь промолчал, словно разглядывая его.

— У нас здесь почти нет оружия. Ваше же оружие специально спроектировано так, что мы не можем им пользоваться. Ты должен защищать нас, сколько сможешь.

— И потом умереть? — такая вот сделка Йаати категорически не нравилась. К тому же, он не знал, что это за *ц`улины*, и выяснять никакого желания не имел. — В этом просто нет смысла.

Нцхл вновь замолчал, словно отключился. Йаати вдруг пришло в голову, что он вовсе не собирается с мыслями, а говорит с кем-то... может, даже с этим белым чудищем. Никаких антенн из него, правда, не торчало, — но, быть может, они скрывались внутри или *фтанг* владел телепатией, кто знает?..

— Нам нужно продержаться двадцать один час, — наконец, сказал Нцхл. — Девять часов до запуска реактора и ещё двенадцать до открытия сверхпортала. Фактически девять часов, потому что потом мы сможем открыть портал в наш мир и призвать своих собратьев, а полностью активная Цитадель станет крепким орешком даже для гхатры, — эта вот новость Йаати совершенно не понравилась. Он понимал, что после появления здесь армии Хи`йык их ценность для тварей мгновенно упадет до нуля. Нцхл, тем временем, продолжил. — Но до перезагрузки сети осталось примерно полчаса. Потом нас атакуют *ц`улины*, шаровые мины, дроны... Вместе с главным реактором включатся и генераторы

Волны. Здесь её сдержит мощь Господина, — Нцхл сделал странный жест ногоручкой в сторону белесой туши. — Но мы будем заперты здесь, в этой башне. Низшие слуги вне неё погибнут. Мы не знаем, на что способны аварийные программы. Если из ангара выйдет хоть один воздушный крейсер — мы погибнем сразу же.

— А я-то тут причем? — спросил Йаати. Правду говоря, новости сильно подняли ему настроение: помирать, конечно, как-то невесело, но вот помирать вместе с врагами совсем не так обидно...

Нцхл снова помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли опять консультируясь с кем-то.

— Ты человек, — наконец, сказал он. — Охранные системы не считают тебя целью. Сверх того, ты можешь проходить через дверные поля. Проще говоря, ты можешь свободно перемещаться по Цитадели.

— Я понятия не имею, как обращаться со всей этой техникой, — хмуро сообщил Йаати. Это была чистая правда... вот только он как-то сомневался, что в неё поверят.

Нцхл снова помолчал.

— Это несущественно, — наконец, сообщил он. — Мы можем дать тебе устройство связи. Я буду указывать тебе, что и как делать.

— А что делать-то? — Йаати не мог пока составить хоть какой-то план... но что угодно лучше, чем беспомощно встречать смерть голым и привязанным.

Пауза. Эти паузы начали уже страшно злить Йаати — казалось, он не говорит, а общается с кем-то по почте... возможно, так оно и было. Наконец, Нцхл заговорил.

— Пройти в ангар. Вывести одно из воздушных судов. На нем мы будем вне зоны охранных систем Цитадели. Потом вернемся и откроем портал.

— А почему вы сами этого не можете?

Пауза.

— Ведущие туда ворота отключены от питания. Когда оно включится, ангар будет защищен турелями. Сверх того, тогда нас атакуют *ц`улины*. Шансов не будет.

— Вы же сами эти... *у`упна`рэ*. Шу сказал, что вы можете... перемещаться.

— Здесь не можем, — сразу же ответил Нцхл. Он всё же помолчал и добавил: — Мы можем входить из мира в мир, но не можем... перемещаться внутри мира. Но сейчас мы... слишком далеко, чтобы вернуться на родину.

И слава богу, чуть было не сказал Йаати. Частично мозаика сложилась... но ничего полезного это пока ему не дало. Тем более, что голова всё же упорно болела, и это здорово мешало ему соображать.

— А что потом? — нервно спросил он. — После всего? Вы нас убьете?

Пауза.

— Неверный вопрос. Мы вас в любом случае не убьем. Но, если твоя... помощь будет... бесполезна, вас превратят в *у`цао*... в то, что вы называете «зомби».

Йаати передернулся. Нет, конечно, такого и стоило ожидать, но всё же... всё же...

— А если нет?

Пауза.

— Вы удостоитесь счастья служить Господину.

Спасибо, всю жизнь мечтал, подумал Йаати. Но сказал он всё-таки иное:

— Какому Господину? Кто он? — или что, но это слово Йаати всё же благополучно проглотил.

— Господин бесконечно велик, — Нцхл коротко склонил голову. — Он вывел наши

народы из рабства Крэйнов и дал нам новые земли.

— Чужие земли, — не удержался Йаати. — Шу много рассказывал мне, как вы на них напали.

— Вы. Все. Люди. Сумасшедшие, — отдельно сказал Нцхл, подтверждая каждое слово тычком когтя в живот. Йаати каждый раз дергался. — То, что вы называете нашим уродством — дело рук Крэйнов. Вы — союзники Крэйнов. Мы не хотели войны с вами. Мы хотели только мира. Места для жизни. У вас хватало места. Но, когда мы пришли в ваш мир, вы первые напали на нас. Что мы, по-твоему, могли сделать? Умереть?

Расскажи это Шу, мрачно подумал Йаати. У которого вы и ваши твари убили родителей и двух младших братьев. Но вслух он всё же это не сказал. В голове у него начался кавардак. Нцхл, разумеется, врал — во многом или же почти во всем. Но он сам видел людей и *фтангов*, превращенных Крэйнами в жутких биороботов, — и это вот воспоминание нельзя было ни забыть, ни оспорить.

Йаати вдруг вспомнились мерзкие плакаты в караулке — особенно тот, где здешний солдат стрелял в голову собрату Нцхла. Нет, военная пропаганда, всё такое... но в ней было что-то... глумливое и злобное. Это он тоже не мог отрицать. С другой стороны, Шу ему очень нравился. В нем-то уж точно не было ничего... вот такого. Но, может быть...

— Вы. Все. Люди. Сумасшедшие, — вновь повторил Нцхл, старательно тыкая когтем в голый живот Йаати. — Вы ненавидите всё, что не похоже на вас. Я говорю с тобой лишь потому, что ты не кажешься мне таким сумасшедшим, как другие.

Спасибо, зло подумал Йаати. Эта манера разговора, когда один собеседник свободно стоит, а второй распрялен, как бабочка в коллекции, и в него всё время тычут, уже начала его утомлять. Страшно хотелось просто послать Нцхла с его Господином подальше — а там будь, что будет. С другой стороны... правда в словах *фтанга* была. Если бы он появился вдруг дома, в его комнате, — Йаати сразу набросился бы на него, дубасил бы стулом или что там ещё попадет под руку, и не остановился бы, пока бы не понял, что гадина мертва. И потом бы, конечно, испытал радость и облегчение. Так что реакция здешних людей на появлений Хи`йык ничуть его не удивляла, честно говоря. Но они, в конце концов, были у себя дома, — а в то, что Хи`йык рвались принести им благо, он всё же совершенно не верил. Пусть даже они беглые рабы Крэйнов — он не знал, *как* они попали в рабство. Просто вот так? Или... за что-то? Но разве бывает преступление, столь ужасное, что за него можно обратить в рабство целый народ?..

Йаати не знал, до чего бы он в итоге додумался, и на что решился, — то есть, совершенно, — но тут за спиной у него что-то мягко зашелестело, и он почувствовал, как волосы поднимаются на голове. Не от ужаса, нет — воздух вокруг наполнился электричеством.

Генератор запускается, понял Йаати. Отвяжите! — он захотел это крикнуть, но слова словно застряли во рту. Что-то мягкое заструилось по его спине, заду, по ногам — включилось силовое поле. Нцхл стоял, как баран, очевидно, не видя, в чем дело — впрочем, он в любом уже случае безнадежно опаздывал... За спиной резко зажужжало, загудело, зашипело, её волной обдало резкое тепло... и ещё что-то, колючее, обжигающее током. Зуд от колючих разрядов расползлся по всему телу, отдаваясь где-то глубоко — то ли в голове, то ли в самой его сути...

Это же... — начал думать Йаати. В тот же миг мир вокруг вновь рассыпался на сотни взглядов-осколков, и он отчаянно бросился в них, стараясь не думать вообще ни о чем.

Мир вокруг закружился, земля под ногами пропала, и Йаати словно полетел куда-то. Через миг всё прекратилось, но пейзаж изменился совершенно: он стоял на обочине пыльного шоссе, пересекавшего болотистый пустырь, окруженный далекими серыми башнями — наверное, домами. Мутно-багровое, чудовищное солнце висело низко на западе. В лицо ударил сухой, жаркий и дымный воздух вечера позднего лета. Йаати перевел взгляд в сторону... и рванулся назад, в то последнее мгновение, что у него ещё оставалось.

Он пришел в себя, лежа на холодном металлическом полу. Застонал, сжав руками голову, потом кое-как сел. Вокруг был сумрачный металлический коридор, едва освещенный темно-синими лампами. Пустой. Судя по нему, он был опять где-то в Цитадели, и Йаати замер, зажмурившись, стараясь вспомнить, что он видел. Ничего не получалось — ужас оказался столь диким, что просто вышиб породивший его образ из памяти. И самого Йаати — из того странного места, за ничтожный миг до того, как он утвердился в нем окончательно. Теперь он чувствовал, что ничего такого вот... прыгучего в нем не осталось — может, если он вновь влезет в силовое поле, оно и вернется, но сейчас ему этого вовсе не хотелось. Ему вновь невероятно повезло — причем, дважды подряд, — но во второй раз везение было совсем уже... отчаянным. Он совсем не понимал, что сделал, как вообще смог... вернуться, но сейчас это не очень его занимало. Он вернулся к тому, с чего тут начал — голый, неизвестно где, в одной лишь дисрапторной сети. Она была приклеена столь прочно, что даже Хи`йык не смогли её содрать — и, похоже, даже не пытались. Вещь эта была не то, чтобы совсем бесполезная, — она позволяла ходить в даймерном поле, да и в обычном силовом поле тоже, — но сейчас Йаати очень хотелось самой обычной одежды, потому что тут было холодно...

Поёжившись, он встал — чтобы до минимума сократить контакт с ледяным металлом — потом осмотрелся. Слева свайные ворота, — конечно же, закрытые, — справа коридор поворачивал, и оттуда падал более яркий свет. Не долго думая, Йаати поплелся в ту сторону. Так или иначе, он вырвался из лап Хи`йык, и, если верить словам Нцхла, им в ближайшие же полчаса может прийти конец. Правда, в таком вот случае конец наверняка придет и Шу — но думать на эту вот тему не стоило, если он не собирался сам себя свести с ума...

Йаати яростно помотал головой. Она сразу же мощно закружилась, его повело в сторону, и он едва не свалился. Точно свалился бы, если бы не налетел на стену. Йаати оперся об неё, пережидая приступ слабости — он ещё не оправился от газа, да и удар затылком об пол тоже давал себя знать. Живот то и дело судорожно поджимало к спине — хотя на нем и не осталось ничего, кроме царапин.

Отдышавшись, Йаати побрел дальше... и вскоре вышел в обширное пространство, тоже сумрачное, но освещенное более яркими, зеленовато-голубыми лампами на стенах. Под ними стояли уже знакомые пульта, середину занимали колоссальные стеклянные кубы, в которых замерли *зысыты*.

Увидев их, Йаати дернулся назад, опять позорно сев на задницу, но чудовища были

неподвижны — то ли спящие, то ли отключенные. Похоже, что его занесло во что-то вроде вивария... или казармы, если Крэйны создали и *зысытов* тоже. Сейчас, впрочем, это не очень занимало его.

Заметив на стене щиток «заправочной станции», Йаати побрел к нему. Сунув в рот «пистолет», он нажал спуск — и не отпускал его несколько секунд, пока струи *шуулан*, казалось, не вырвались у него из ушей. Потом вдруг тихо засмеялся и прошелся колесом по полу, — мир вокруг словно... включился, каждая щербинка на стенах, каждая пылинка в воздухе выступили со сверхестественной четкостью, тело же словно бы вообще исчезло, — сейчас оно не напоминало о себе ничем, кроме полной готовности, и Йаати даже поверить не мог, что минуту назад чувствовал себя паршиво.

Сейчас ему просто хотелось взлететь... и, не стараясь сдерживать себя, он побежал к высоченному проему в дальней стене зала. Сверху донизу перекрытому силовым полем — но сквозь него Йаати проскочил, не задерживаясь. Потом всё же замер, осматриваясь. Этот коридор был прямоугольный, со стенами из темных металлических плит, привычно уже освещенный тусклыми бело-зелеными лампами. С грязным полом — словно тут ездили машины.

Здесь тоже оказалось холодно, да ещё и ощутимо влажно, и он вновь насторожился, — где вода, там и жизнь, а встречаться с ней сейчас ему совершенно не хотелось. Похоже, что его занесло в нижние ярусы Цитадели, и Йаати вздохнул: «взломщик» остался у Хи`йык, а без него он не смог бы открыть и одну дверь, не то, что лифтовые шлюзы. Да и здешние пульты-терминалы были для него не полезнее обычного стола — что с ними делать, он не знал совершенно. Ладно, подумал он, вздохнув. Буду делать то, что могу. Задача номер один: найти ближайшее помещение охраны и раздобыть оружие. А потом я вернусь — и убью Господина.

24.

Ещё один удар пятки — и массивная решетка всё же вылетела из гнезда и с грохотом рухнула на пол. Йаати замер, прислушиваясь — но, когда отголоски шума смолкли, не услышал совсем ничего, кроме слабого, едва уловимого жужжания ламп. Тишина эта, правда, была ощутимо нехорошая. Пугающая даже — но это Йаати уже откровенно надоело. Он попросту устал бояться — и хотел сейчас только одного: покончить со всем этим побыстрее.

Он вновь пополз вперед (вернее, назад, потому что в этой проклятой вентиляции приходилось ползти ногами вперед, памятуя тот, самый первый, неудачный опыт, когда он чуть было не свернул себе шею, выбираясь из такой же норы вниз головой), выскользнул из люка, повис на руках, мягко спрыгнул... прямо в кольцо ожидавших его *руммов*.

Их совсем не было видно под стеной, когда он в первый раз выглядывал через решетку, и в первый миг Йаати просто не поверил глазам... а потом вообще крепко зажмурился, чтобы не свихнуться. К его счастью, твари были уже слишком близко, чтобы атаковать его Куклами, а потому просто набросились со всех сторон и схватили его, оглушая диким не то воем, не то писком — от одного этого запредельно чужеродного звука все волосы на его теле встали дыбом.

Йаати бешено задергался от прикосновений их отвратительно холодной, гладкой

плоти, — казалось, что в него вцепились мертвецы, скрипя и стрекоча, словно орда каких-то невыразимо мерзких, чудовищных насекомых, — но десятки цепких лап всё же пересилили его и повалили на пол.

Йаати оцепенел, уже совсем не думая от страха, — и тут весь этот треск и писк перебил мощный гул очереди. В лицо, на все тело брызнуло что-то горячее, остро и страшно запахло кровью и озоном. Десятки вцепившихся в него лап сжались так сильно, словно вместо пальцев у них вдруг проросли стальные стержни.

Ну, вот и всё, подумал он почти с облегчением. Потом в нем словно что-то лопнуло и обрушилась тьма.

25.

Но это, однако, был ещё не конец. Когда на него навалилась воющая орава, затрещали выстрелы и сверху полилась горячая кровь, в голове у Йаати словно выбило пробки. Следующее его воспоминание, — он стоит у монолитной стены, залитый кровью, но целый. В голове ухало и гудело, мир вокруг плыл, кружился и куда-то проваливался, — но уже не пытался исчезнуть. Йаати ошалело помотал ей, потом осмотрелся. Он стоял по пояс в гряде мертвых, порубленных очередями *руммов*, в облаке невыразимо мерзкой дымной вони, похожей на вонь сгоревшего хитина. Метрах в десяти из люка в высоченном потолке свисала уже знакомая ему турель, которая и устроила всё это кошмарное побоище. Коротко пискнув, она поднялась вверх, люк закрылся, — но Йаати успел разглядеть рельсы, по которым она двигалась. Похоже, что вдоль всего монолитного на вид потолка шли ряды таких вот откидных панелей. Враг никак не мог знать, откуда ему ждать «сюрприза». Такое вот решение было не в пример разумнее обычных, стационарных турелей, всё же уязвимых к огню противника...

Йаати какое-то время думал об этом, просто чтобы не свихнуться (для одного дня переживаний набралось уже, пожалуй, многовато), потом, всё ещё жмурясь и кашляя от едкой вони, распихал груды чудовищных тел и выбрался на пол. Сейчас он разглядел, что залит вовсе не кровью, а всё той же густой оражневой жидкостью, удивительно похожей на сок, но пахнувшей металлически-остро, как кровь. От отвращения его тело свело резкой судорогой... но ничего, похожего на душ, поблизости не было, так что оставалось терпеть. В конечном счете, ему всё же повезло — по крайней мере, он смог вырваться из того замкнутого... комплекса, в который его первоначально занесло.

Там, к его счастью, никого не оказалось, — но все двери и ворота, конечно, оказались заперты, а единственный незагороженный туннель вел в кромешный мрак, в котором дышало что-то чудовищное — по крайней мере, когда дующий в спину ветерок вдруг сменился ударившей в лицо волной жаркого, влажного, пахнущего сырым мясом воздуха, Йаати просто бежал со всех ног. Он и представить не мог, что такое там находится, так что в итоге ему пришлось лезть в какие-то коммуникации, явно не рассчитанные на людей. По ним он выбрался в бездонное, безверхое пространство, заполненное тускло светящимся зеленоватым туманом, похожее на какой-то завод, — вдоль стен сплеталась сложная сеть рельсов, с которых свисали сегменты каких-то непонятных механизмов. Пересечь его удалось только с очень большим трудом, — но он всё же забрался в вентиляцию, и в итоге в этот вот туннель, где сразу же едва не сдох...

Йаати ошалело помотал головой. Смешно, — но пробираясь нагишом по трубам над мрачно-зеленой смутной бездной, или, едва дыша, вдоль стены по карнизу, столь узкому, что пальцы босых ног уже висели в воздухе, даже не дрожа, а натурально корчась в судорогах от холода, он чувствовал себя удивительно живым, словно создан был для жизни в этом мрачном, ледяном, металлическом лабиринте...

Сейчас он едва мог поверить, что, выбравшись на крышу какого-то непонятого огромного блока, к которому снизу сходились бессчетные кабели — блока, с которого дальше не было дороги, — он просто сиганул вниз, как-то ухватившись на лету за один из кабелей, и перебрался по нему через туманную пропасть, последние несколько метров поднимаясь уже почти вертикально, только за счет силы рук, и при этом не боясь ни черта...

Вдруг до него донесся уже знакомый металлический грохот — где-то поблизости открывались свайные ворота. Йаати замер... и, когда отголоски этого грохота стихли, услышал ровный глухой шум — словно шла целая армия. Звук шагов был совсем нечеловеческий, но в Йаати сейчас словно вселился бес, — он вдруг помчался в ту сторону, влекомый, прежде всего, любопытством. Соображал он сейчас точно не слишком хорошо.

Добежав до поворота, он замер, словно налетев на стенку. Из ворот в дальнем конце коридора выходила колонна уже знакомых ему «кувшинов». Или *ц`улинов*, как он вдруг понял. Они и в самом деле «пробудились», и теперь шли вперед, медленно, но неудержимо, размахивая длинными руками и нелепо качаясь из стороны в сторону. «Крышки» их вразнобой приоткрывались, выпуская облачка пара в холодный воздух коридора. Йаати вспомнил вырывавшиеся из-под них пучки страшных бледных щупалец... но страшно ему сейчас не было, напротив. Скорее... интересно. Весело даже. Они шли громить Хи`йык — и проблема, как найти этих тварей, отпала. Йаати просто пристроился к колонне, тут же окунувшись в густой запах солярки — работают они на ней, что ли?..

Идти рядом с *ц`улинами* было всё же страшновато — вид у них был совсем нечеловеческий — но они, как и раньше, не обращали на него внимания. Наверное, и не могли, — различимых глаз, ушей или носов у них попросту не было, — но они вели себя так, словно видели всё происходящее, и Йаати невольно подумал о том, что у них могли быть какие-то другие чувства, недоступные для человека. Или же они могли видеть всё так же, как он, когда его сознание... расщеплялось.

Эта вот мысль ему не понравилась — очень уж хотелось ощущать себя уникальным и неповторимым — но никакого отвращения или, тем более, желания напасть на них он, вопреки словам Нцхла, не испытывал. Удивление, потрясение — это да, сколько угодно. Но какой-то природной, нутряной ненависти — нет. Ощущения противоестественности — тоже, хотя, видит бог, естественными *ц`улины* совершенно точно не были, и держать одного из них у себя в комнате он ни за что не согласился бы...

Тут же ему пришло в голову, что вместе с достопамятным *шууланом* в него проникло и что-то ещё... или сам *шуулан* подействовал на него как-то так, что всё вокруг казалось ему привычным и естественным. Эта мысль не на шутку напугала его, и Йаати даже замер на минуту, пытаясь найти в себе что-то... рабское. Конечно, не нашел — по крайней мере, припадать к стопам Крэйнов или, тем более, лобызать их, ему совершенно точно не хотелось (впрочем, никаких стоп у Крэйнов и не было...). Да и шариться по всяким заброшенным местам он любил попросту до самозабвения — наверное, даже больше, чем любой обычный, нормальный мальчишка. Иногда даже в голем виде — потому, что лезть в дренажную трубу под шоссе, например, в одежде было бы совсем уже бессмысленным идиотизмом. Он даже

не надеялся отыскать там какой-то клад — удовольствие доставлял сам процесс. Не раз и не два во время таких вот экспедиций он мог сломать себе шею, упасть, утонуть, задохнуться, или отдать концы ещё каким-нибудь замысловатым образом, — но опасность ему, на самом деле, нравилась. Опять же, как и любому обычному мальчишке. Необычным было только то, что все эти походы и полазы он предпочитал совершать в одиночку — и совсем не потому, что боялся, что о них кто-то узнает (конечно, если бы узнали, ему, как минимум, надрали бы уши, а может быть и зад, но тогда он совсем не думал об этом). Просто другие ребята мешали ему всласть бояться и обмирать от страха, как ни смешно это теперь звучало. Не то, чтобы ему нравился сам страх (Йаати всё же не считал себя до такой степени повернутым), — но он чудесно обострял все чувства, обострял ощущение *присутствия* его в мире, и вот это как раз казалось ему очень важным. Ну что ж, неудивительно, что он в итоге попал вот сюда, в этот вот мир, где мог пугаться и обмирать сколько угодно...

При этой мысли Йаати ошалело помотал головой — сейчас он сам, домашний, казался себе каким-то странным (и глупым, честно говоря...), но и себя теперешнего он тоже как-то не слишком узнавал — словно тут был ещё какой-то третий Йаати Линай, уже вовсе взявшийся непонятно откуда, и не на шутку удивленный тем, откуда тут вся эта компания...

Ц`улины, тем временем, вышли к шахте лифта. Основного лифта, судя по размерам, и Йаати вострепнулся: он помнил, что его шахта идет до самого верха Цитадели, как раз туда, где засели проклятые Хи`йык (и где сейчас томился в их плену Шу...), а значит, всё кончится прямо вот сейчас.

При этой вот мысли Йаати всё же почувствовал страх (ни разу, кстати, не волнующий), только вот выбора у него уже не было. На большой платформе лифта поместилась добрая сотня ц`улинов (ещё минимум несколько сотен остались ждать в шлюзе и в коридоре за ним, правду говоря, Йаати даже не видел конца их колонны), и он едва смог пристроиться с краю. С неогражденного края, что совсем ему не нравилось — если бы кто-то из ц`улинов случайно толкнул его, он просто полетел бы вниз, — но, как всегда, выбирать не приходилось.

Хотя никто не прикасался к кнопкам, лифт загудел и плавно пошел вверх.

26.

Поднимались они долго, до самого верха, — добрых полчаса, как показалось изнывавшему от нетерпения Йаати. Ворота шлюза открылись перед ними — но за ними, в туннеле, никого не оказалось. Правда, непонятно было, тот это туннель или другой. Плотной когортой ц`улины дошли до ближайшего поперечного коридора и повернули налево, к видневшимся в их конце свайным воротам... но те отказались открываться, — похоже, что Хи`йык испортили или отключили и их тоже, и ц`улины замерли у них, нерегулярно выпуская пар и бессмысленно покачиваясь. Что делать в таком случае, аварийная автоматика Цитадели не знала.

Йаати, как кит, вдохнул целый кубометр воздуха, потом медленно выдохнул его, стараясь справиться с охватившим его гневом, совершенно бессмысленным, и оттого ещё более горячим. Он уже вообразил себе эпичную расправу ц`улинов с Хи`йык в деталях и подробностях, и разочарование оказалось... болезненным. Очень даже. К тому же он понял, наконец, как они с Шу протупили, — они могли подняться прямо вот сюда, и просто

вышибить эти ворота, боеприпасов на складе хватало... но теперь жалеть об этом было совсем уже бессмысленно. Спуститься к арсеналу он, наверное, ещё смог бы, но открыть шлюз без «взломщика», — увы, никогда.

Йаати вздохнул и осмотрелся. Над головами *ц`улинов* плавало несколько наблюдательных дронов, бессмысленно пикая и светя на стены фарами, но боевых дронов видно не было, да и они тут всё равно ничем не помогли бы, — гранатами не выбить ряд массивных металлических балок... но напротив был такой же коридор, и он во весь дух помчался к нему. Но и здесь свайные ворота оказались, естественно, закрыты. Справа и слева от них стояли небольшие пульта — но он не знал, что с ними делать, и даже зашипел от досады, словно кот. Шу наверняка знал — но Шу рядом с ним нет, и, если он к нему не прорвется, — то и не увидит уже никогда...

Йаати вздохнул, помотал головой, потер ладонями лицо, стараясь успокоиться. Ладно, раз ворота закрыты, надо просто найти вентиляцию или какой-нибудь цех, а там...

Он быстро побежал назад, проскочил в первый же проем, перекрытый силовым полем, замер, осматриваясь в полумраке. Опять пульта у стен, стойки аварийных генераторов между ними, сейчас пустые и мертвые, но...

Он подошел к ближайшему генератору, задумался. Чтобы запустить его, нужен пусковой заряд, — и было бы очень логично держать его поблизости. Какой-нибудь шкафчик или сейф... нет, сейф не надо, там придется искать ключи или вспоминать код, а это в случае аварии не очень-то...

Взгляд его упал на асимметричный металлический щиток справа от генератора. Безо всяких ручек — но сбоку был вырез, и, запустив туда пальцы, он, пусть и с заметным усилием, открыл его. Внутри, в небольшой нише, лежала плоская восьмигранная коробка. Йаати нетерпеливо схватил её, покрутил в руках, открыл. Пусковая граната лежала внутри, и, усмехнувшись, он нажал на кнопку генератора. Тот загудел, внутри возник цилиндр силового поля — и, выдернув кольцо, он забросил в него гранату. Несколько секунд она нелепо покачивалась, словно решая, падать или нет, потом как-то всплыла к центру и с жужжанием начала раскручиваться.

Прикрыв рукой лицо, Йаати отступил к выходу, — он всё же боялся, что эта странная штука взорвется, — и испуганно дернулся, когда по глазам ударил страшно яркий свет.

Проморгавшись, он понял, что генератор работает, — в водянистом цилиндре поля дрожал зыбкий шнур зелено-голубого сияния. Интересно, как, всё же, он выдает энергию... впрочем, сейчас это неважно.

Протянув руку, Йаати осторожно коснулся поля, замер, зажмурился, чувствуя, как колючий зуд волной расходится по телу. Несколько секунд этим всё и ограничилось, и он даже подумал, что теперь ничего не получится... но тут мир вокруг... раскрылся. Рассыпался даже. Сейчас он словно смотрел в калейдоскоп — взгляд его не просто соскальзывал в другие места, он ещё и дробился. Йаати видел сразу несколько... точек, и, естественно, ничего не мог понять, — внимания не хватало. Он убрал руку. Расщепление не исчезло, но стало существенно... спокойнее. Теперь он мог хотя бы осознать то, что видит... хотя по-прежнему не понимал, где всё это. Ребра стен, балки, трубы, какие-то страшные бездонные колодцы...

Наконец, перед ним промелькнула навигационная рубка — всего на секунду, но этого ему хватило. Господин по-прежнему стоял у окна, словно высматривая что-то в пустом мертвом небе. Зенги возились у пультов. Нцхла нигде видно не было, Шу тоже, — по

крайней мере, здесь. Но ещё через миг взгляд Йаати проскочил в нижний коридор, — и вот теперь он разглядел и Шу. Он лежал у стены, всеми забытый, очевидно, оглушенный ядом *кхрина*, но, вроде бы, дышал. Ничего больше хорошего в этом коридоре не было.

Здесь были и *кхрины*, и *руммы*, и зенги с телепушками. И даже с полдесятка *фтангов* с плазмометами — наверное, Нцхл был сейчас среди них. Сам коридор перекрывала мощная баррикада из каких-то контейнеров, пол и стены перед ней заплетало что-то, очень похожее на паутину, — но только от очень большого паука...

Наверное, тут снова постарались *кхрины*, а может, и ещё какие-то твари, — но пройти тут они с Шу не смогли бы никаким образом. Йаати увидел, как минимум, сотню *руммов* и дюжину зенгов, между которых сейчас плавало два-три десятка *кхринов*. Было там и что-то ещё, какой-то трехметровый куб, словно бы сотворенный из застывшей тьмы, но рассмотреть его Йаати не успел — видение исчезло, и он сел у стены, глубоко задумавшись. Он уже не сомневался, что этот вот куб и стал причиной катастрофы, после которой маленький отряд Шу остался в одиночестве, — и это наводило совсем уже на невеселые мысли. Похоже, что Хи'йык, в отличии от Крэйнов, не сидели на попе, упиваясь собственным могуществом, а неустанно работали — и, наконец, создали оружие... или что-то ещё, что позволило им добиться победы. И не просто создали, но и смогли забросить его прямо вот сюда, в самое защищенное место...

Йаати, разумеется, не знал, каковы силы Крэйнов, и насколько критична для них потеря Цитадели, но уже понимал, что тут произошло что-то совсем уже скверное. И, похоже, остановить тварей сможет только он сам... а он не смог даже найти их с Шу оружие и погрузчик, — скорее всего, его загнали в какую-то комнату. Ладно, можно посмотреть ещё раз...

Вздыхнув, он снова прикоснулся к полю, на сей раз, очень осторожно, — но взгляд его вновь рассыпался калейдоскопом, и он не смог найти логово Хи'йык. Во второй раз тоже. Лишь в третий он увидел баррикаду — и, уже за ней, погрузчик. Стоял он у стены, среди тварей. Ну да, сам Йаати исчез у них на глазах — и легко было понять, что он точно так же может и вернуться, а поэтому...

Йаати вновь зашипел от досады. Если бы погрузчик стоял где-то ещё... но здесь его в тот же миг просто пристрелят, даже успеет он схватить оружие. Он уже видел, как опасны зенги с телепушками. Если ему очень повезет, он успеет застрелить двух-трех... а потом всё равно погибнет. Да, он был ловким и проворным парнем, это правда, — но воевать его никто в жизни не учил, а опыт, который он набрал тут за эти семь дней, был, скорее, негативным, — Йаати слишком хорошо понимал, что ему чаще всего просто глупо везло. Здесь же никакое везение помочь уже не могло...

Он вздохнул и вновь коснулся поля. В этот раз он смог заглянуть за те самые свайные ворота, — но пульта у них превратились в раскуроченные, обгоревшие остовы, панели со стен над ними были сорваны, и там тоже свисали какие-то обгоревшие провода. Открыть их и впустить *ц'улинов* он не сможет. Что же тогда?.. Прыгнуть в рубку и наброситься на Господина с кулаками?..

Йаати снова зашипел от злости. Он получил необычную, можно сказать даже, сверхестественную способность — но, едва дошло до дела, она оказалась совершенно бесполезной. Он не мог даже смотреть куда нужно, а не куда получится.

Он вздохнул и снова плюхнулся на пол. Жутко холодный, но это сейчас совсем его не трогало. План действий был ясен, как день, — прыгнуть назад, в рубку, и убить Господина.

Йаати уже не сомневался, что с его смертью всё кончится. Вообще... всё. Только вот для этого ему нужно оружие. Вопрос лишь в том, где его взять... но, раз возле реактора есть аварийный арсенал, то и тут, возле порталного комплекса, он тоже должен быть, надо лишь найти его...

Йаати тут же вскочил и бросился к генератору. Несколько первых попыток, конечно, оказались неудачными, но в конце концов он с удивлением обнаружил, что арсенал тут в самом деле есть, прямо в этом вот центральном коридоре, — лишь за наглухо закрытыми воротами. Такой же большой, как и тот, в котором они с Шу вооружились, в нем даже погрузчик стоял. Всего-то и осталось — попасть туда...

Набрав побольше воздуха, Йаати прижал ладонь к полю, изо всех сил стараясь представить себя там... и нырнул в небытие, словно в омут.

27.

На какой-то миг он повис бесформенным облаком мыслей в бесформенной пустоте... и ошалело моргнул, вернувшись в реальность.

Он стоял на узкой металлической дорожке, высоко над полом колоссального длинного зала, почти темного, едва освещенного мертвенными синими огнями. Вдоль стен тут протянулись в два ряда странные колонны, — сверху и снизу круглые, в середине треугольные, — и Йаати далеко не сразу понял, что видит воздушные крейсеры, закрепленные сверху и снизу какими-то сложными, массивными захватами.

Его сердце ёкнуло — дивная способность вновь его подвела, и вместо арсенала его занесло в ангар. Он сразу же вспомнил, как Нцхл боялся воздушных крейсеров... увы, если верить Шу, экипажей у этих шгуковин не было, как не было и помещений для них. Да даже если бы такие и нашлись, он не знал, как управлять ими. Надо прыгать в арсенал... но аварийных генераторов тут нигде видно не было. Осмотревшись, он, правда, обнаружил далеко справа чуть ярче освещенную площадку и пошел к ней, стараясь всё же не смотреть вниз — до пола было добрых метров пятьдесят, а никаких ограждений тут не наблюдалось.

Площадка оказалась квадратная, втиснутая между сходящихся углом стен — ангар тут расширялся. На ней ничего не нашлось, кроме одинокой бело-зеленой лампы, пульта... и лифта. На нем Йаати спустился и вышел, осматриваясь, на середину зала. Справа угадывались циклопические ворота, очевидно, ведущие наружу, слева светился маленький проем — и Йаати зашагал к нему, невольно ёжась и обхватив руками голые бока. Сейчас он ощущал себя кем-то вроде таракана — всё вокруг было несоразмерно огромное, да и шел он, казалось, очень медленно. До проема он добрался лишь минут через пять, — и, миновав силовое поле, замер в колоссальном, ярко освещенном коридоре. Стены его расходились косыми уступами, их тоже прорезали высоченные узкие ворота. Такие же ворота в конце коридора, похоже, вели в шахту основного лифта, и Йаати, вздохнув, пошел к ним. Здесь, на безжалостно ярком свете, ему было очень неуютно, словно в каком-то страшном сне. Слишком уж он тут на виду... да и окажись тут хоть одна тварь Хи`йык, ему тут же придет конец, так что по сторонам он смотрел весьма нервно. И, к его счастью, напрасно, — только вот никаких пультов у ворот не нашлось, да они ничем не помогли бы ему...

Ещё раз вздохнув, Йаати вновь нырнул в сумрак ближайшего ангара. Здесь, очевидно, стояли грузовые корабли — светло-серые шестигранные призмы высотой метров в

восемьдесят. На каждой их грани виднелись узкие ворота — некоторые были открыты, в них вели выдвижные мостики и рельсы со стазис-капсулами. Похоже, что катастрофа прервала погрузку людей, — и он со всех ног помчался в ту сторону. Здесь, к его счастью, нашлись лифты, и он быстро поднялся к воротам ближайшего корабля. С бешено бьющимся непонятно почему сердцем Йаати вступил внутрь.

Просторный, высотой метров в двадцать, трюм заполняла трехмерная сеть узких балок, с которой повсюду свисали капсулы, лишь в самом центре возвышалась толстенная, тоже шестигранная колонна. Интересно, почему Шу не освободил никого из запертых в них людей, вдруг как-то отстраненно подумал Йаати. Ведь среди них тут полно военных, которые давно покончили бы с бандой Хи`йык. Более того, он повернул всё так, что и у меня никакой мысли на этот счет не возникло. Интересно, отчего это?.. Мог ли человек вообще так себя вести?.. Или же Шу как раз НЕ человек?..

Йаати ошалело помотал головой. Агентом Хи`йык Шу не был совершенно точно — иначе они не стали бы держать его в плену, даже когда маскарад потерял всякий смысл. Да и убивать столько своих только ради того, чтобы задурить ему, Йаати, голову... нет, это уж совсем точно бред.

Но тогда кто же он? Агент Крэйнов — или даже сам Крэйн в человеческом облике? Он ведь не видел, как они выглядят в этих своих летающих «ступицах». Это тоже вряд ли могло быть, — во всей здешней технике Шу разбирался точно не слишком хорошо, что для агента их создателей смотрелось совсем уж нелепо. Тогда кто? Эта самая «гхатра», раз уж они (случайно ли?) попали прямо в их мир?..

Эта мысль Йаати не понравилась, слишком уж она была... логичной. В конце концов, это ведь именно Шу настраивал переход, приведший их сюда. Нет, если доводить идею до конца, сразу после перехода тут появились бы его собратья, — но ведь переход вполне мог быть неточным, сам Шу говорил ему это...

Йаати снова попытался вспомнить, что же он видел на том закатном шоссе. Не человека, это совершенно точно. Что-то, столь чуждое, что сознание оказалось не в силах его хоть как-то охватить, и, тем самым, запомнить, — хотя шоссе при всем этом было совершенно обычное, словно тут тоже живут люди... или жили недавно, лет так десять назад...

Он недовольно помотал головой и осмотрелся. Многие капсулы висели прямо над полом, и он быстро подошел к ближайшей. Увы — она оказалась глухой, безо всяких панелей, ручек или кнопок. Со злости Йаати стукнул по ней кулаком, словно пытаясь разбудить спящего, — но лишь отбил руку. Не раздалось никакого, даже слабого звука — металл был монолитный и толстый. У ворот трюма, правда, были пульта, — но масса кнопок и экранчиков не говорила Йаати ничего. К самим же капсулам не вело никаких проводов или трубок, которые он смог бы оборвать. Только кронштейны для колесиков, на которых они катились по рельсам, вот и всё. Без, кстати, каких-то шестерней или моторов, что, на взгляд Йаати, уже отдавало самой натуральной черной магией. Нет, Шу что-то говорил ему о «монолитных технологиях», но он по-прежнему совсем не представлял, как что-нибудь подобное вообще могло существовать и работать.

Вздыхнув, он плюхнулся на пол, скрестив босые ноги. Бездумно опустил ресницы, глубоко вздохнул. Зад, разумеется, мерз, — но сейчас это совсем не мешало ему. Даже бодрило, скорее. Что пришлось весьма к месту, так как ему сразу же захотелось спать.

Йаати ещё раз вздохнул и постарался вспомнить, когда он вообще спал в последний раз.

Ну да, — проснулся он ещё в форпосте Цитадели... но сейчас ему казалось, что всё это было в какой-то совсем другой жизни, и вроде бы даже не с ним. Несмотря на всё, что он тут пережил, тот невероятный полет к этому самому форпосту и последующий бой казались ему до сих пор совершенно нереальными, — словно он видел его где-то в кино. Неужели он наяву проделал всё это, — и остался жив?..

Он зевнул и недовольно помотал головой, разгоня сонливость. Сейчас он словно плавал в темноте, пронизанной смутными фиолетовыми разводами, — как, впрочем, и всегда, когда сидел с закрытыми глазами. Но сейчас в ней проскальзывало что-то ещё... что-то, очень похожее на то, что он видел, прикасаясь к полю, и Йаати востепенел. Похоже, что в нем осталась какая-то тень этой полезной способности... но не более, чем тень, — какие-то призрачные, зыбкие видения. Он не мог сказать даже, видит ли он сейчас что-то наяву, или же это опять те странные образы, которые всегда приходили к нему на грани сна и бодрствования.

Но, так как делать ему больше было всё равно нечего, он сидел неподвижно, ровно дыша, всматриваясь в них. Он видел шахты, коридоры, залы, — едва освещенные, пустые... хотя и не всегда. Иногда ему мерещились бесцельно бродящие «зомби» бывших *фтангов* и людей, иногда, — разбросанные тела порубленных турелями тварей Хи`йык, иногда те же твари, но ещё живые. Вероятно, турели там испортились или ещё не включились... но таких мест было... много. Гораздо больше, чем ему хотелось бы. Хи`йык до сих пор были тут тысячи, может быть, десятки тысяч, — и это только те, которых он видел. Видел он и *ц`улинов*, видел иногда и их схватки с тварями, — но уже так призрачно, что совсем не мог решить, не кажется ли ему. Здесь и сейчас он совершенно ничего не слышал, — хотя тишина тут стояла мертвая. Если где-то тут и бушевали бои, то далеко, за глухими дверями и стенами, — сюда, до него, не долетало ничего, никакого, даже самого отдаленного отзвука, хотя рев и крик там наверняка стоял адский...

Но иногда его взгляд как-то выскальзывал наружу, и Йаати видел черные валы в мрачных кровавых отблесках, — они катились бесконечной чередой, разбиваясь об глухие стены Цитадели. Теперь он видел, что та погрузилась в океан почти наполовину, — то есть, километра на три, — и, вспомнив тот сырой запах, невольно поёжился, вспомнив, как бродил там, в её основании... где-то возле самого океанского дна. Хорошо, что тогда он ничего не знал об этом, — иначе страх перед миллиардами тонн черной ледяной воды, которая вот-вот ворвется внутрь, довел бы его до истерики... ладно, не довел бы, но основательно испортил и без того паршивое настроение. Весь этот багрово-черный жуткий мир был словно бы пропитан страхом, — казалось, что он даже не исходит откуда-то, а является неотъемлемым свойством этого места, точно таким же, как багровое пустое небо и черный бесконечный океан. Вот он действительно пугал Йаати. В пустой бездне неба ничего не двигалось на сотни, наверное, километров вокруг, — но в черной океанской бездне скользили некие смутные, светящиеся очертания. Йаати не мог их разглядеть, — он видел сейчас лишь светящийся узор на телах неких подводных созданий. Ни одно из них его взгляд не мог охватить целиком, и одно это пугало. Размер этих существ достигал сотен метров, и их здесь было... много. Очень много, — он не мог даже их сосчитать. Они кружили вокруг монолита Цитадели, не приближаясь к ней, и не всплывая к поверхности, — но всё равно, вдоль хребта Йаати невольно пробежал озноб. Очертания их были очень уж... странными, и он снова подумал о том, что видел на шоссе. Что-то почти такое же... черное, и, в то же время, светящееся, — страшное в своей противоестественности сочетание. Он не

представлял, правда, как смог разглядеть всё это днем... но ведь и сейчас он не видел мир в привычном ему смысле, — больше это походило на призрак Верхнего Зрения, там, в даймерном поле. Скорее воображение, чем реальность... только вот странно совпадающее с ней. словно весь этот страшный мир был просто чьим-то сном, — а он, Йаати, сейчас видел сон во сне...

Эта мысль его испугала, и он дернулся, открыв глаза. На какой-то миг он подумал, что сходит с ума... но тут же вспомнил, что как раз сумасшедшие считают себя совершенно нормальными. Себя, как раз, он вполне нормальным не считал, и эта мысль странно его успокоила. Он вздохнул и помотал головой, потом снова опустил ресницы. Сидя на ледяном металлическом полу он замерз, по мышцам то и дело пробегала резкая, произвольная уже дрожь, — но сейчас это ощущение не просто ему нравилось, а казалось очень важным: оно словно держало его на поверхности этого мира, не давая соскользнуть в смутную бездну видений, в которой его сознание незаметно растворится без остатка...

Эта мысль Йаати очень не понравилась, и он вновь недовольно мотнул головой. Смешно, — но он очень боялся умереть, даже не заметив этого, словно именно такая смерть и была реальной, окончательной, — а, истекая, например, кровью, он мог успеть подготовиться к переходу в некое иное бытие...

Но и эта мысль тоже его напугала. Что, если в своем мире он УЖЕ умер, — утонул или просто споткнулся и проломил башку об пенек, гуляя нагишом в том лесу, — и попал... ну, пусть не в ад, но в место, куда никак не должен был попасть? Не в совсем настоящую реальность? Здесь тела исчезали без следа, а он сам, словно тень, проскальзывал из одного места в другое, — всё это совершенно не вязалось с его представлениями о реальности. Зато очень походило на сон, в котором он как раз незаметно перескакивал из одного образа в другой, ничуть не удивляясь этому. Вот только все ощущения здесь были более чем реальными, — и это окончательно ставило Йаати в тупик. Нет, во сне он тоже ощущал холод, страх, боль, — иногда очень ярко, даже ярче, чем в реальности. Но там эти ощущения, сам их источник, были всё же смутными. Здесь же всё было совершенно ясным, конкретным, — как вот сейчас. Холод и неуступчивая твердость металла под ним. Холодный сухой воздух, слабо пахнувший маслом и сваркой. Мурашки на коже. Резкие подергивания мышц, — словно кто-то извне пытался управлять его телом...

Эта мысль тоже напугала Йаати, и он вновь яростно помотал головой. Этак недолго дойти до идеи, что его самого вообще нет, что он просто кукла, которой управляет кто-то извне, — а с такой вот идеей он действительно свихнется. На самом деле, это лишь судороги от холода (но какие-то странные, почти осмысленные, словно... а, черт, сгинь!..)

Йаати бешено замотал головой, словно стараясь выбросить из неё весь набившийся в неё мусор. Как всегда после такого, голову у него повело, ему показалось, что он падает... и он действительно упал, — в темноту.

1.

Улицу заполнял глубокий синий полумрак, — как бывает, когда небо ясное и только начинает светать. Не горело ни одно окно, а бессчетные стекла отблескивали холодно и страшно. Синие ртутные фонари почему-то светили еле-еле, а на их проводах потрескивали разряды, — в метр или в два, но не трещали, а именно потрескивали, замедленно так...

Йаати стоял посреди этой улицы, ёжась от холода, почему-то совершенно нагой, испуганно оглядываясь, — но вокруг не было ни души. Лишь где-то далеко за крышами завывала какая-то сирена, — высокий, металлический, вскрикивающий звук, жутко чужеродный. От него туго сводило мышцы живота, а всю кожу покрывало мучительным ознобом. Сейчас всё кончится, с тоской подумал Йаати... и проснулся.

2.

Мальчишка вскинулся и сел, ошалело осматриваясь. Он был в небольшой шестигранной шахте, заваленной какими-то мягкими упаковками, — закопавшись в них он и спал. Или, скорее, бессовестно дрых, — голова у него была удивительно ясной и свежей, и он понял, что спал много часов.

При этой мысли Йаати подскочил, — он, наконец, вспомнил, что Нцхл обещал через девять часов открыть портал, — но нога соскользнула, и он опрокинулся на спину. Высоко над ним светила тусклая, мертвенно-синяя лампа, — она, наверное, перегорала и неритмично мерцала, мертвенно потрескивая. Разбудивший его металлический, вскрикивающий вой звучал на самом деле, только где-то далеко. Йаати ошалело закрутил головой, стараясь понять, откуда он доносится. Сперва шахта показалась ему совершенно глухой, — попросту говоря, готовым склепом, — но сейчас он разглядел в её стене узкое прямоугольное окно. Довольно высоко, — но он подскочил, уцепился за его край, подтянулся и выглянул наружу. Опять какой-то полутемный зал, освещенный лишь темно-синими, в черных и белых узорах экранами, закрепленными на стенах, — почему-то одними экранами без пультов. Тут никого, вроде бы, не было, и Йаати, перекатившись через край, мягко спрыгнул вниз. Как всегда утром, ему хотелось сразу в туалет, есть и пить. При всем этом он чувствовал себя очень даже бодро, — долгий сон явно пошел ему на пользу.

Осмотревшись, — как он уже и ожидал, весь зал был заставлен такими же шестигранными колоннами, — Йаати бодро побежал вдоль стены. Ему повезло, — вместо двери тут был проем, перекрытый силовым полем, и сквозь него он выскочил в коридор, ёжась от колючих разрядов. Здесь оказалось неожиданно холодно, и он ещё прибавил темп, — просто чтобы согреться. Он уже наловчился бегать по твердому, не долбя по полу пятками, а опираясь сначала пальцами и подушечками ног. Получалось легко, упруго и бесшумно.

Сам коридор был почти обычный по размерам, со странными розовато-синими лампами. Справа и слева тут мелькали двери, — тоже вполне себе обычные, — и Йаати,

опомнившись, подбежал к одной. Судя по всему, его снова занесло в жилой блок, — за дверь оказалась казарма с двухъярусными койками и единственной тусклой синей лампой на дальней стене.

Йаати шарахнулся назад и помчался зигзагом, высматривая туалет. Через минуту, к счастью, тот нашелся, и ещё через минуту он вернулся в коридор, чувствуя себя уже почти человеком. Живот, однако, тут же зверски заурчал, — *шуулан*, не *шуулан*, но он не ел уже больше суток, — и Йаати снова помчался зигзагом, высматривая столовую. Вскоре нашлась и она, — а за ней нашлась и кладовка с холодильником, набитым пищевыми рационами. Йаати нетерпеливо разорвал пакет и принялся жрать, — иначе он не мог назвать это. Есть ему действительно очень хотелось, к тому же, он понимал, что время истекает. При этом, страшно ему сейчас не было, — он чувствовал себя так, словно опаздывал в школу. Но не фатально, а чуть-чуть, — в общем, как обычно. Привычное за последние восемь лет ощущение, — и именно оно держало его сейчас на плаву.

Налопавшись, Йаати страшно захотел пить, — и жадно присосался к ближайшему крану. Вода была холодная, отдающая железом, — но дома он привык и к такой. Вот теперь тело успокоилось, не напоминая о себе ничем, кроме полной готовности, — и Йаати вновь выскочил в коридор. В конце его зиял темный проем, — и он помчался в ту сторону.

Проем перекрывало силовое поле. Он невольно притормозил перед ним, — и лишь поэтому не улетел с ходу в пропасть. Проем выходил на узкую террасу, протянувшуюся вдоль очередного колоссального каньона. Увидев его, он затормозил уже окончательно, — и замер, запалено дыша. Слева каньон упирался в монолитную стену, справа расходился надвое под углом в сорок пять градусов, — и Йаати быстро пошел в ту сторону. Снова захотелось побежать, но это желание он подавил, — улететь в пропасть ему всё же не хотелось.

Справа в стене вновь открылся перекрытый силовым полем проем. Он вел в такой же высоченный полутемный зал, едва освещенный закрепленными на стенах экранами, и Йаати, чуть подумав, вошел в него. И тут же замер, словно натолкнувшись на стенку. Здесь пахло, — чем-то горьким, неприятно знакомым, но он никак не мог вспомнить, — чем. Зато то, что рядом с казармой должен быть и арсенал, он помнил даже слишком хорошо.

Проклиная свою глупость, — об этом ему точно стоило подумать раньше, — Йаати снова побежал вперед, к призывно светлевшему в дальней стене туннелю. И вновь замер, теперь уже окончательно.

Весь зал был полон зенгами, — их были тут буквально сотни. Вначале Йаати не рассмотрел их в полумраке... а теперь было уже поздно. Все эти твари стояли у стен, словно на танцах, — а теперь с мерзким писком и щебетом бежали к нему. К его невероятному счастью, это были просто зенги, без телепушек, — но они бежали к нему со всех сторон, и отступить было уже некуда. Он сам сдуру выскочил прямо в центр зала, предоставив тварям идеальную позицию. К счастью опять же, царивший здесь полумрак не давал разглядеть зенгов во всей их законченной мерзости, да и испугаться Йаати просто не успел, — бежали твари быстро, окружая его.

Теперь ему оставалось только драться. Окажись тут приснопамятные *руммы*, его в тот же миг смяли бы, — но зенги были ростом с десятилетнего ребенка, да и силой не очень от него отличались. Драться эти твари не умели — все упорно старались съездить ему кулаком по губам или просто схватить за руки. Йаати бил их без всякой жалости, стараясь попасть в поддых или в трубки-уши. Это почти не давало результата, — твари падали, но их тут же

заменяли новые, — однако он отчаянно рвался к выходу на террасу, укрытому настоящей баррикадой из жутких тел. Ему почти удалось прорваться к ней, но за несколько шагов до цели дорогу ему преградил зенг с телепушкой, — к счастью Йаати, он всё же опоздал к первой фазе праздника.

Йаати подумал, что должен мгновенно замереть, чтобы его тотчас не пристрелили, — но когда он это понял, его тело уже рванулось в сторону, в самую гущу бледной нечисти. Плюхнувшись на пол, Йаати схватил одного зенга за руку и за ногу, поднял над головой легкое тело, — и изо всех сил швырнул его в вооруженную тварь. Ту сбило с ног. Телепушка покатила по полу, — и Йаати наотмашь бросился к ней. Он перекатился на руках, сшибая зенгов, присел, схватил её...

Оружие оказалось неожиданно гладким и тяжелым, — но, опять же к его счастью, имело вполне обычный спуск, только миниатюрный, — Йаати едва смог просунуть палец в спусковую скобу. С замирающим сердцем он нажал на курок... и бледно-фиолетовый луч ударил в грудь ближайшего зенга.

Неуязвимыми для своего оружия эти твари всё же не были, — зенг упал с невыразимо мерзким скрипучим криком. Йаати вскочил и крутанулся на пятке, поливая других непрерывным лучом. Быстро оценив ситуацию, зенги отступили от него и от выхода, оставив десятки неподвижных тел. Потом оружие вдруг зашипело и стало невыносимо горячим.

Поняв, что оно сейчас взорвется, Йаати швырнул телепушку в лица зенгов и бросился на террасу. Ему повезло выскочить за силовое поле мигом раньше, чем полыхнул взрыв.

3.

Вконец ошалев, Йаати летел, как на крыльях, — прямо в пропасть. Осознав это, он отчаянно затормозил, — но сила инерции швырнула его вперед, и он плюхнулся на четвереньки, больно хлопнувшись руками и коленями. Ладони пришлись уже на самый край, лицом Йаати сунулся прямо в сумрачную бездну, — и замер, запалено дыша. Сердце, казалось, лезло прямо в горло, словно стараясь задушить его, и Йаати медленно отполз назад, опасаясь, что его сейчас стошнит. Сел на пол, стараясь успокоиться. Сейчас он опять чуть не сдох, — причем, единственно по собственной дури, — и это точно не улучшало настроения. Но сидеть здесь, как барану, не стоило, и он поднялся, осматриваясь. К счастью, зенги не смогли последовать за ним, — они сгрудились за силовым полем, буравя его своими пустыми глазницами. Их злобные взгляды ощущались совершенно физически, — словно по нагому телу ползают какие-то огромные отвратительные насекомые, — и Йаати, передернувшись, помчался назад.

Вернувшись в «родной» туннель, он снова побежал от двери к двери, высматривая арсенал. И быстро нашел, — но выступавшая тупым углом бронедверь оказалась, конечно, заперта.

Вздохнув, Йаати плюхнулся на пол перед ней, вновь скрестив босые ноги. Открыть эту дверь он не сможет, — это ясно и ему. Однако, это и не нужно, если он сумеет...

Он опустил ресницы и замер, ровно дыша, вновь стараясь вызвать в себе... расщепление. Он уже примерно знал, как это всё работает, — не волноваться, не думать ни о чем, просто держать перед глазами ровные ряды винтовок... но, словно назло, у него ничего не получалось.

Вспомнив ещё кое-что, Йаати бешено замотал головой. Она, конечно, закружилась, его понесло... и он оперся рукой об пол, чтобы не треснуться об него лбом. Нет, и это тоже не работает. Что же тогда?..

Вскочив, Йаати вылетел в зал, высматривая аварийный генератор. Но, как назло, их тут совсем не попадалось. Развернувшись на пятке, он помчался в первый зал, с шестигранными колоннами, — но аварийных генераторов не оказалось и там. Это уже было какое-то издевательство, — и Йаати даже заорал от злости.

И замер, испуганный накатившимся со всех сторон эхом. Казалось, что на него из всех углов шипят какие-то злобные нечеловеческие голоса, и Йаати даже присел, ожидая, когда они затихнут. Но до него тут же вновь донесся этот высокий, вскрикивающий вой. Идти к нему совершенно не хотелось, но ничего больше в голову не пришло, и он побежал в ту сторону. Здесь в стене зала был ещё один проем, перекрытый силовым полем. За ним звук стал резче и громче, — но замер Йаати не поэтому.

Его вынесло в колоссальный треугольный зал, уставленный уже знакомыми ему блекло-фиолетовыми «танками». Они стояли ровными рядами, их были здесь, буквально, сотни, и Йаати вновь ошалело помотал головой. Только что он отчаянно мечтал хоть о кухонном ноже, — а теперь перед ним был арсенал, достойный целой армии. Только вот, увы, бесполезный, — даже заведи он как-то «танк», проехать на нем в рубку всё равно не вышло бы.

Стараясь успокоиться, Йаати глубоко вздохнул и осмотрелся. Да, всё верно, — его занесло в главный арсенал Цитадели. С потолка в сложных захватах свисали вертолеты-охотники, прозрачные колонны у стен заполняли шаровые мины. Потолок прорезала громадная дыра, ведущая на верхние ярусы. Ну да, оружия здесь точно хватит на армию, — и далеко не на одну. Правда, ему тут делать нечего, если...

Как и любой, наверное, мальчишка в Сарьере, Йаати выписывал научно-популярные журналы, и с вооружением родной армии был знаком буквально назубок. По крайней мере, он помнил, что в танке, помимо снарядов для пушки и пулеметных лент, хранится и личное оружие, — автомат с десятью магазинами и двадцать ручных гранат. Здесь устав мог быть и другим, — но экипаж в этих «танках» точно был, а значит...

Йаати подбежал к ближайшему «танку», и зацепившись пальцами ноги за удобный вырез в бортовом экране, вскочил на броню. Здесь, наверху, было несколько различных люков, — но большинство их носило явно технический характер. У знакомых ему танков люки для экипажа были на башне и на крыше передней части корпуса, здесь же всё оказалось наоборот, — квадратный, с закругленными углами люк нашелся на корме, за башней. Ухватившись за вдавленную в металл ручку, Йаати повернул её, и с натугой отвалил люк. Он оказался неожиданно толстым, — Йаати точно не смог бы поднять его, не помогай ему могучая пружина.

Внизу тут же вспыхнул свет, и Йаати осторожно соскользнул внутрь, в тесный отсек, неожиданно похожий на кабину самолета или даже космического корабля, — светло-серый гладкий пластик, два кресла, большие плоские экраны, сейчас темные. Под ними, — очередной местный набор ручек и кнопок. Ежу ясно, что управлять этим он не сможет. Ну и ладно, ему это и не нужно...

Плюхнувшись в кресло, Йаати покрутил головой, высматривая все места, в которых могло быть оружие. Мест тут было не так много, и он опять вскочил, заглядывая за кресла. Так и есть, — за правым крепилась импульсная винтовка и уже знакомый ему серо-

фиолетовый автомат, а за левым висел такой же знакомый оружейный ранец.

Радостно вскрикнув, Йаати вытащил его, и, плюхнув на колени, начал разбирать. Всё оказалось примерно так, как он и думал, — кроме разряженных и бесполезных сейчас плазменных гранат и накопителей для импульсной винтовки тут нашелся десяток магазинов с патронами и тоже знакомые уже гранаты, обложенные коричневыми керамическими пирамидками, — как раз теми, которые пробивали силовые поля *кхринов*, и Йаати нехорошо усмехнулся: в этот раз ему и в самом деле повезло.

Тут же его осенила некая идея, и он быстро перебрал магазины с патронами. Так и есть: в трех пули были белые, фарфоровые на ощупь, — явно тоже керамические. Баллистика у них, с учетом низкой плотности, была наверняка отвратительной, — но при стрельбе в упор сойдет.

Выбросив на пол бесполезные сейчас накопители, Йаати быстро закончил ревизию. Ему досталось десять гранат и три сотни патронов, — вполне достаточно для боя, который он задумал, — два противогаса (очень кстати, учитывая милую способность *кхринов* выпускать в воздух всякую дрянь), большая аптечка и какой-то диковинный прибор, похожий на электробритву с рамкой-ручкой. Покрутив его в руках, Йаати выяснил, что эта штука предназначена для уколов, — в неё вставлялись большие ампулы, которых в аптечке нашлось аж четыре. Судя по всему, в них был тот же приснопамятный *шуулан*, но Йаати передернуло: тыкать себя иглой в зад он не смог бы, наверное, даже под страхом смерти. Впрочем, иглы у этой штуки не было, только какое-то сопло с проволочной петлей, чтобы его нельзя было прижать к коже, — но это внушало ему ещё меньше оптимизма. Судя по нанесенным на корпус картинкам, эту штуку надо было приставить к ране и сделать «укол» прямо в неё. Йаати вовсе не был уверен, что решится на такой ужасный подвиг. С такими вот штуками, пневматическими инъекторами, он уже был знаком: таким ему делали прививки. Врач уверял, что это ну совсем не больно, — и, как обычно, соврал: Йаати показалось, что в зад ему загнали раскаленную иглу, и он заорал не своим голосом. Пусть тогда ему было всего-то семь лет, — но вспоминать об этом до сих пор было стыдно...

При мысли, что он проделает что-то похожее со своим развороченным мясом, Йаати передернуло... но он тут же усмехнулся: вопя от боли и истекая кровью он что угодно сам с собой проделает, лишь бы это кончилось... к тому же, он уже знал, как действует *шуулан*...

Он опомнился и недовольно помотал головой. Сидеть тут было очень удобно и уютно, но не стоило, — вой сирены назойливо бил по ушам, и смысл его проникал даже в кости: «Гибнем! Враги! Все к оружию!». Йаати и так понимал, что гибнет: если Хи`йык откроют портал в свой мир, судьба его будет крайне незавидна. Он был уверен, что не попадет в руки тварей живьем, — к его счастью, глубокие пропасти попадались тут едва ли не на каждом шагу, — только вот помирать ему вовсе не хотелось, и он готов был сделать всё, чтобы победить и остаться в живых. По крайней мере, если он всё же умрет, ему будет почти не обидно.

Быстро собрав ранец, Йаати выпихнул его на крышу, вылез сам, влез в лямки, легко соскользнул на пол. Теперь он был вроде бы готов... только вот идти в бой нагишом не хотелось: он чувствовал себя слишком беззащитным, да и стеснялся предстать перед врагами

в таком виде, как ни смешно это было. Время, не время, — но это казалось ему очень важным, и, недовольно мотнув головой, он помчался в казарму.

К его счастью, склад обмундирования нашелся очень быстро. И не только форма, но и то, что надевали под неё, так что Йаати оделся по полной программе, — в конце концов, очень скоро он мог отдать концы, а на столь важном событии (ничего важнее в его жизни точно не случится), надлежало присутствовать при всем параде. Трусов тут, правда, не нашлось, только какие-то штаны, вроде тренировочных, и фуфайки, — на взрослого они налезли бы в обтяжку, а Йаати пришлось почти впору, он был всё же рослый для своих лет. Форменные штаны из какой-то противно шуршащей, синтетической, наверное, непромокаемой ткани, — с резинками на щиколотках. Серый длинноватый свитер. Куртка. Все ботинки, правда, оказались Йаати велики, и с ними он решил не морочиться. В своих босых ногах он не видел ничего ужасного, да и здесь, на гладких металлических полах, они оказались очень цепкими, что только что спасло ему жизнь, — если бы он поскользнулся, то просто улетел бы в пропасть.

К своей невероятной радости, в казарме он нашел длинный нож с черной, резиновой рукоятью, — он лежал на постели в синевато-серых пластмассовых ножнах, вероятно, забытый второпях своим прежним владельцем, и Йаати немедленно цапнул его. Жуткая эта штука не походила ни на один нож, виденный им в своей недолгой жизни, — острым углом срезанная на конце, заточенная с одной стороны толстая полоса сиренево-черного металла, ни разу не похожего на сталь. По лезвию густо бежали мелкие, как крупа, зубрины, очень неприятные даже на вид, а длиной оно было сантиметров в тридцать, — собственно, не нож даже, а уже почти тесак. Таким голову, наверное, снести можно... но как раз такой штуки ему тут и не хватало. Даже очень не хватало.

Йаати вспомнил, как голыми руками отбивался от толпы зенгов, и передернулся. Хорошо всё же, что там было темно, и можно было думать, что это просто толпа злобных карликов в дурацких костюмах или просто какие-то нелепые ожившие куклы, — иначе он точно свихнулся бы от страха...

Нашлись в казарме и энергожилеты, — они висели у постелей, и Йаати бодро влез в один. Тяжело, — но всех его карманов и пристежек как раз хватило, чтобы распахать по ним запасные магазины и гранаты, так что ранец он с легким сердцем бросил. Нашлось крепление для аптечки и даже для инъектора с *шууланом*. Вот противогаз неясно было, куда деть, — и Йаати, поразмыслив, надел его. В нем оказалось затхло и душно, — но лучше уж так, чем снова грохнуться в обморок от газа и попасть живьем в лапы тварей. Нашлись тут и странные многогранные каски, — как оказалось, тяжелые, но Йаати всё же напялил одну, — наверняка, носили их тут вовсе не красоты ради, а значит, и ему она не повредит.

Каска пришлась ему почти впору, — то ли башки у местных были маленькие, то ли у него большая, под стать широкой физии, — вот только каска упиралась в воротник энергожилета, и крутить в ней этой башкой оказалось не очень удобно. Ну и ладно, — если он опять куда-то грохнется, то не сможет свернуть себе шею. Нашлись тут и батареи к энергожилетам, — но они после перехода оказались, конечно, разряжены, и с ними Йаати решил не связываться. В конце концов, он и так получил сильно больше того, на что смел надеяться.

Он повел плечами и вздохнул. Теперь он был более-менее готов, — а значит, надлежало начинать.

Что делать дальше, он не слишком представлял, а потому рысью выбежал в ангар, — сейчас он уже не мог стоять на месте. Бег в противогазе оказался, правда, тем ещё удовольствием, — Йаати начал натурально задыхаться. Он сорвал резиновое рыло и замер, упершись руками в колени. Сердце опять подкатывало к горлу, — всё же, для таких вот подвигов он был тренирован неважно, да и вес снаряжения тоже давал себя знать, — на нем сейчас было килограммов двадцать, если не больше. Недаром в армию берут лишь с восемнадцати, — да и то, только тех, кто тянет не меньше семидесяти килограммов. В самом же Йаати набиралось чуть больше полусотни, — по крайней мере, было прошлой осенью, когда его взвешивали на школьном медосмотре. С тех пор он здорово подрос, — но за своим весом он никогда не следил, к чему? — и не знал, сколько весит вот сейчас. А, уже и неважно, — времени расти и отъедаться у него всё равно нет...

Отдышавшись, Йаати подобрал автомат (задыхаясь, он бросил оружие, вот стыдобато...), напялил каску. Противогаз некуда было деть, и он кое-как запихнул его за пазуху. Вновь недовольно мотнул головой, — и помчался к подъемнику. Здесь, к его счастью, были просто кнопки, и он поехал наверх на огромной прозрачной платформе. Сердце билось часто и туго, но страшно ему сейчас не было, — ладно, не настолько, чтобы зубы выбивали дробь и тряслись руки, но, в основном, потому, что он не мог поверить, что всё это происходит с ним наяву. Останься он дома, — он бы, разинув рот, бродил сейчас по улицам Тай-Линны или волновался перед первой в жизни поездкой на троллейбусе...

Йаати скосил глаза вниз, на свои босые ноги. Казалось, он стоит прямо на затвердевшем воздухе, и в это в самом деле с трудом верилось. От одного взгляда вниз, в пропасть между сходящихся ребристых стен, закружилась голова, и он недовольно мотнул ей, — собственная пугливость уже начала его злить. Ладно, — совсем скоро, где-нибудь через полчаса, всё это вообще кончится, — так или иначе, — а уж эти полчаса он как-нибудь потерпит...

Лифт поднял его метров на пятьсот, — потом его шахта кончилась, и сам ангар тоже. Йаати миновал проем с силовым полем и рысцой побежал по коридору, осматриваясь, — он искал аварийный генератор, времени сидеть и заниматься медитацией у него больше не было...

Вдруг он остановился, буквально налетев на стену густой, невыразимо мерзкой вони, уже знакомой ему, — примерно так же воняли порубленные турелью *руммы*. Но здесь пахло и чем-то ещё, не таким гадким, но намного более чужеродным. Вонь была совсем ещё свежая, теплая, и желудок тут же сжался, комом подкатывая к горлу.

Благословив свою предусмотрительность, Йаати выгащил противогаз и торопливо влез в него. Напялил поверх каску, отдышался. Сейчас затхлая резиновая вонь казалась чудесным ароматом. Он подобрал автомат, — проклятая шпуковина почему-то не имела ремня, что оказалось страшно неудобно, — потом пошел дальше, осматриваясь.

Совсем недавно тут бушевала немыслимо жестокая битва, — стены забрызганы зеленоватой липкой жижей, пол завален какими-то скользкими лохмотьями, — поначалу босой Йаати старался обходить их, но они покрывали пол сплошь и пришлось идти прямо по ним. Пальцы ног сводило от отвращения, но выбирать не приходилось, и он, ёжась и невольно передергивая плечами, шел вперед. У стены лежала длинная тонкая рука, — оторванная у плеча рука *ц'улина*, — и Йаати догадался, что тут, наверное, всего несколько

минут назад, бушевал такой же адский бой, какой он видел здесь, на второй день, на мониторе в подземелье...

Увидеть что-то такое наяву ему совершенно не хотелось, — и он шел медленно, держа наготове автомат, осматриваясь и прислушиваясь. Каска и противогаз не слишком помогали в этом, но снять их он не осмеливался, — здесь, в самом центре побоища, его бы просто вывернуло наизнанку от вони. Кто здесь победил, оставалось неясно, — скорее всего, никто. Даже если победители и были, они наверняка убрались отсюда со всей возможной скоростью, и Йаати вполне мог их понять, — ему тоже хотелось убраться отсюда... но прежде нужно было найти генератор. Без него он никак не успел бы попасть в рубку. Нет, наверное, он мог подняться наверх и по обычным лифтам или лестницам, — но заняло бы это точно не один день, а такого времени у него просто не было...

Вдруг до него донеслись какие-то странные похрюкивающие звуки, и Йаати мгновенно развернулся, вскинув к плечу автомат. Здесь, в каком-то узком тупике, у выступающей тупым углом бронедвери лежал громадный, метра в полтора, шипастый фиолетовый шар. Он неритмично подергивался, словно пытаясь катиться к нему, — но нелепо торчавшие короткие ноги мешали ему. Лишь по ним он узнал *ц`улина*... вернее, то, во что он превратился после адской схватки с *руммами*. Ему очень захотелось добить существо, — но тут же, очень кстати, он вспомнил предупреждение феммы. Пока что *ц`улины* не трогали его, — но кто знает, что будет, если он пристрелит одного из них, даже настолько... поврежденного?

Он опустил оружие, вздохнул, — и побежал дальше.

6.

На сей раз, ему всё же повезло. Попетляв по комнатам и коридорам каких-то минут пять, Йаати всё же попал в небольшой, почти темный зал, у стен которого стояло три или четыре аварийных генератора, — работающих. Вздохнув, он подошел к ближайшему, протянул руку к полю... и замер, не касаясь её. Вот теперь ему на самом деле стало страшно, — и, что ещё хуже, резко расхотелось что-то делать. Черт знает, куда его выкинет, — может, прямо в лапы Господина, может, в бездонную шахту, может, вообще в море, на поживу местным чудищам. Не так жалко помирать, как обидно отдавать победу этим тварям. И Шу тоже жалко. Кем бы он там ни был, — Йаати страшно хотелось это узнать. К тому же, Шу спас ему жизнь, — и далеко не один раз, — и бросать его тут было совсем уже не по-человечески...

Эта мысль, наконец, пересилила страх, — и он всё же прижал ладонь к полю.

7.

Смешно, — но теперь он боялся, что у него ничего не получится. Напрасно, конечно, — колючий зуд волной растекся по телу, и мир вокруг Йаати вновь... раскрылся. Он увидел знакомый уже ангар, какие-то коридоры, шахту лифта... только вот навигационной рубки с Господином нигде не было. Как Йаати не старался её представить, — не выходило ничего.

В конце концов, у него закружилась голова, и он плюхнулся на пол, не вполне уже

понимая, где он и кто он. Ну да, способность видеть, что происходит сейчас в других местах, конечно, сверхестественная... вот только и она, похоже, имела свой предел. Лучше всего Йаати видел то, что находилось поблизости, в каких-то сотнях метров. Дальнее, — реже, так обрывочно, что и не успевал даже ничего разглядеть.

Здесь, в Цитадели, наверное миллион разных комнат, с тоской подумал он, глядя на дрожащий шнур плазмы. И до самой этой рубки, — добрых километра два. Как её тут разглядеть, если у меня мозги выносит?.. И если я даже не могу понять, где я что вижу?.. Вот вроде и простое дело, — внезапно появиться в рубке, разрядить весь магазин в белесую тушу Господина (Йаати не знал, есть ли у него личное силовое поле, но вставил в автомат магазин с керамическими пулями, — просто на всякий случай), — только вот попасть-то никак не выходило... Дурацкая на самом деле ситуация, — словно стоишь перед книжным шкафом и стараешься вспомнить, в какой книге так нужная тебе сейчас картинка. Вроде и фигня, — с полки возьми и открой... но это если помнишь. Если нет, — будешь, как баран, листать все книги подряд, попусту убьешь полдня, а потом попрыгаешь на улице, злой, как сто собак, — чтобы по дури не нахамить родителям... и будешь бродить по окраинам до самого вечера, замерзший, мокрый, грязный и голодный... а всё из-за чего?..

Йаати вздохнул. Особо скверной памятью он, всё же, не страдал, учился хорошо, — по крайней мере тогда, когда отец уже совсем всерьёз обещал отвернуть ему уши, — но его подводило слишком буйное воображение. Случайно промелькнувшая и вроде бы успешно забытая картинка месяц от месяца становилась всё более необычной и волнующей, — и, наконец, он душу был готов продать, лишь бы увидеть её наяву. А когда проклятая картинка всё же находилась, — тупо смотрел на неё, как баран, искренне не понимая, с какой балды ему такое померещилось. Картинка как картинка, а волнений, — хоть роман пиши...

Он ещё раз вздохнул и недовольно мотнул головой. Дом вспоминать, — это здорово, конечно, но если он не попадет в рубку прямо вот сейчас, то никаких картинок точно больше не увидит, и даже уши ему никто не надерет...

Йаати прижал ладонь к полю. Он изо всех сил представил себе рубку, отчаянно нырнул в безумный вихрь образов, готовый буквально ко всему, — даже к огненной бездне здешнего кровавого солнца под ногами... и ошалело моргнул, вновь оказавшись в ангаре.

Проморгавшись, Йаати заорал, — просто чтобы его не разорвало на месте от злости, — потом вздохнул, и, наконец, задумался. Сейчас ему на самом деле повезло, — огненный океан солнца представился ему как-то даже слишком отчетливо, — но верить в то, что везти будет и дальше, было уже просто глупо. С прыжками у него не выйдет, — это следует просто принять и придумать ещё что-нибудь...

Йаати тут же вспомнил, как лихо пристроился к *ц`улинам*... но их тут, разумеется, не было. Зато были «танки». Он помнил, что они тоже управлялись автоматикой, и, если он сможет как-то завести один, то, может быть... но как?...

Вспомнив, как искал в них оружие, Йаати треснул себя по лбу — вот уж точно, баран так баран! — и вскочил на броню ближайшей машины. Это вышло у него не так лихо, как в прошлый раз, — вес снаряжения давал себя знать, — но он всё же не сорвался и быстро скользнул внутрь машины. Здесь справа и слева от кресел было по три небольших массивных люка, ведущих в непонятные пустые ниши, — у каждого из них была большая кнопка, и теперь он догадался нажать на одну. Так и есть, — свет в кабине потускнел, но в нише зашелестело, и, сунув в неё руку, он наткнулся на силовое поле. Генератор! Надо лишь как-то запустить его...

Йаати снова осмотрел кабину, прикидывая, где бы он разместил тут пусковые гранаты. Ну да! Внизу, у пола, между пультами, был массивный стальной шкафчик, — к его невероятному счастью, не запертый. Повернув ручку, Йаати откинул массивную дверку. Так и есть, — внутри лежало шесть восьмигранных коробок с пусковыми гранатами. Всё остальное было уже делом техники: Йаати выдернул чеку и забросил гранату в нишу генератора. Она тут же начала раскручиваться, и он, не дожидаясь вспышки, захлопнул дверцу. Глухо ухнуло, свет в кабине вспыхнул ярче. Почти тут же загорелись экраны, по ним побежали строчки непонятного текста. Не глядя на них, Йаати запустил другие генераторы. Текст исчез, на экранах появилось изображение ангара, расчерченное какими-то значками и шкалами. Йаати окружило ровное, мощное гудение, — но «танк» не двигался.

Несколько секунд он, моргая, растерянно смотрел на них, не понимая, в чем дело, потом, — словно его ткнули шилом в зад, — вскочил и с усилием опустил люк. Тот захлопнулся с глухим мощным стуком, больно отдавшимся в ушах. Йаати вновь плюхнулся в кресло, глядя на экраны. На них вновь запрыгали непонятные значки. Сердце у него тоже прыгало, — где-то у горла. Он даже слишком хорошо понимал, что если сейчас «танк» не двинется, ему останется думать лишь о том, как подороже продать свою жизнь, других вариантов не будет... но тут опять мигнул свет, что-то глухо, мощно бухнуло, на сей раз, где-то впереди... а потом кресло под Йаати резко дернулось, и лишь тогда он понял, что «танк» всё же едет.

Облегчения это ему, правда, почти не принесло: он понятия не имел, КУДА он едет. В следующий миг идея показалась ему вообще невероятно глупой, — всё равно, что засунуть себя в посылку без адреса... но вариантов всё равно не было, так что оставалось только ждать.

«Танк» ехал к воротам ангара. К шлюзовым воротам, — Йаати понял это, когда они открылись перед ним. Сердце у него вновь замерло, — «танк» ехал, казалось, в бездну шахты. Он даже привстал, чтобы открыть люк и на ходу выскочить из машины... и почти заставил себя сесть. Если он всё же свалится, ему будет поделом... но он, к счастью, не упал. «Танк» въехал на прозрачную платформу лифта, и та пошла вверх. Не так быстро, как раньше, — «танк» весил добрых тридцать тонн, если не все сорок, — но Йаати глубоко вздохнул и улыбнулся. Улыбка вышла очень нехорошая, похожая на оскал, — он чувствовал это... но ничего не мог с собой поделать. Бегать нагишом от Хи`йык было не только неудобно, но и ещё и очень унижительно, — и прощать такое не хотелось. Да от него и не зависело сейчас ничего, — если ворота откроются и «танк» расправится с Хи`йык, ему останется только смотреть и наслаждаться. Если нет...

Поднимались они долго, почти полчаса, как показалось Йаати. Он изводился от нетерпения, — но ничего не мог сделать, разве что ёрзать на кресле. В конце концов, это даже пошло ему на пользу, — он успокоился и дышал почти нормально, когда ворота шлюза открылись перед ним.

Увы, — там оказались не Хи`йык, а уже знакомые ему *ц`улины*. Их масса, казалось, заполняла весь туннель, но перед «танком» они расступались, и Йаати почувствовал себя, словно генерал на параде, — разве что честь ему не отдавали, да и вообще, не видели его тут, за броней...

«Танк» свернул в поперечный коридор, подъехал к свайным воротам... и замер. Йаати ожидал, что он сходу вышибет их, или расстреляет из пушки, или сделает ещё что-нибудь... но ничего такого не случилось. Он снова зашипел от злости, — картины расправ с Хи`йык

рисовались ему уже очень сочно, — потом быстро вылез из машины и, захлопнув люк, помчался в знакомый уже зал с аварийными генераторами, ругаясь и лавируя между забившими проход *ц`улинами*. Страшно хотелось растолкать их, — но он боялся прикасаться к ним, да и не знал, чем такое вот кончится.

Генераторы, к его счастью, работали, и, подбежав к одному, Йаати замер. К полю ему тоже не хотелось прикасаться, — всё решится прямо вот сейчас. Он очень хотел снова «потерять себя», потом очнуться и понять, что всё это уже позади... но очнуться от реальности никак не получалось.

Йаати глубоко вздохнул. Напялил противогаз и каску, — дурацкие и жутко неудобные штуковины, но без них его миссия могла кончиться сразу же, — потом всё же прикоснулся к полю. Сейчас его уже «несло», как в те мгновения, когда он шел по балке недостроенного моста или бил в морду самого наглого из обступившей его компании, — очень хорошо понимаешь, что совершаешь глупость, возможно, последнюю в жизни... но поделаться ничего уже не можешь, потому что тело становится как бы не твоё...

Несколько очень долгих мгновений ничего не происходило, — впрочем, Йаати сознавал, что время для него сейчас идет очень-очень медленно, — потом мир вокруг него раскрылся. Вот теперь он хорошо увидел рубку. В ней ничего не изменилось, — зенги у пультов, Господин у окна...

А интересно всё же, почему там нет охраны, как-то отстраненно подумал вдруг Йаати. Сами Хи`йык Господину, понятно, не страшны, — они все перед ним на карачках ползают. Но ведь есть ещё он, например!.. Неужели Господин не боится, что он, Йаати, возникнет перед ним и вгонит ему тридцать пуль прямо в башку?.. (или, скорее уж, в грудь, — башка у Господина пустая, явно не слишком важный орган...). Или... он уверен, что Йаати и не сможет ничего тут сделать, какое бы оружие он тут ни нашел?.. Даже, например, противотанковый ракетомет или реактивный огнемет, который, по словам Шу, мог развалить к фигам немаленький дом?..

Эта мысль Йаати очень не понравилась, — слишком уж она показалась логичной... но тут его взгляд проскочил в нижний коридор. Всё то же самое, словно и не прошло этих девяти часов... только вот Шу там уже не было.

Йаати испуганно отдернул руку, — он очень боялся увидеть Шу убитым, — потом всё же заставил себя вновь прикоснуться к полю. Шахты, коридоры, лестницы закружились перед ним, — бредовый, головокружительный калейдоскоп. Иногда пустые, чаще нет, — зенги, *руммы*, *кхрины*, *ц`улины*... бессмысленно плавающие наблюдательные дроны... «танк», стоящий у запертых ворот... Шу нигде не было... но вдруг Йаати увидел его... и переместился быстрее, чем успел это осознать.

8.

Шу, буквально, имел бледный вид, — его загорелое лицо осунулось и приняло мертвенно-пепельный цвет. Впрочем, Йаати сам испугался бы до смерти, появившись в его комнате такой вот громила без лица, весь увешанный оружием. Ругая себя последними словами, он сбросил каску и сорвал с лица противогаз. Глубоко вздохнул. Глаза Шу, казалось, стали вообще квадратными.

— Ты? Здесь? Как?

Йаати открыл рот, чтобы объяснить... но в голову ему так ничего и не пришло, так что он просто замер, осматриваясь. Комната, в которую его занесло, удивительно напоминала тюремную камеру, — пустая железная коробка, в которой и не было ничего, кроме неожиданно яркой бело-зеленой лампы, да металлической двери, явно запертой. Да ещё, разумеется, Шу. Он сидел у стены, по-прежнему совершенно голый, — но, к громадному облегчению Йаати (он уже навоображал себе всяких ужасов, которые сейчас даже вспоминать не хотелось), вполне живой и целый. Только усталый и испуганный, — впрочем, сам Йаати на его месте наверняка давно свихнулся бы, от страха и полной безнадежности...

Тут же он понял, что поступил очень глупо, сам посадив себя в тюрьму... но дверь камеры вдруг приоткрылась. В щель просунулся ствол телепушки, — и Йаати, не думая, схватил его, дернул на себя и вверх. Крепко уцепившись за оружие, зенг невольно влетел в камеру, — и Йаати от всей души пнул его ногой. Вот теперь зенг оторвался от оружия и плюхнулся на пол. Он вскочил почти сразу, — каким-то змеиным, почти неуловимым движением... но Йаати уже повернул телепушку и нажал спуск. Полыхнуло лиловое пламя, зенг упал с режущим уши скрипучим визгом. Йаати перескочил через него, вылетел в коридор...

К его счастью, это не был коридор, ведущий к навигационной рубке, — иначе его приключения прямо тут и закончились бы. Вполне обычный, пустой...

Нет, не пустой. Из двери напротив выскочили ещё двое зенгов с телепушками, — Йаати срезал их лучом на миг раньше, чем они его, всё же замер, осматриваясь. Он не вполне представлял, куда его на сей раз занесло, — ясно, что очень близко к цели, судя по наличию тут Шу, но вот куда именно...

Он обернулся, — и его сердце вновь ёкнуло. Шу стоял в проеме двери, держа в руках его автомат, — ну да, он же сам бросил его на пол, когда... но Шу вовсе не целился в него. Он просто ошалело осматривался. Вид у него был до сих пор обалделый. Похоже, он не верил, что всё это происходит с ним наяву... впрочем, в это и сам Йаати не верил. Он совсем не знал, что делать дальше, даже прижмурился в надежде увидеть хоть что-нибудь... и тут же икнул, когда за спиной грохнула очередь. Йаати подскочил... но тут же увидел, что бронедверь в конце коридора открыта, и в неё валят зенги.

Он вскинул телепушку и нажал спуск. Оружие зашипело, бледный луч протянулся в сумрак коридора. Прицела у этой дурацкой штуки не было, Йаати не знал, попадает он или нет... но твари всё же падали. За спиной коротко бил автомат, и он не знал, кому из них двоих сейчас везет... но, потеряв двух или трех собратьев, зенги всё же отступили. Йаати вспомнил, что видел всего дюжину, а значит, они уже перебили половину. Только вот теперь...

— Назад! — вдруг заорал Шу. Он бросился обратно в камеру, и Йаати не думая последовал за ним. На бегу он заметил, как в дверь влетело сразу несколько гранат *фтангов*, — далеко, метрах в ста, но для осколков это не расстояние...

Едва он проскочил в проем, в коридоре гулко ударили взрывы. Шу выдернул из кармана на его энергожилете запасной магазин, быстро перезарядил автомат и выскочил наружу. На сей раз, в дверь лезла сплошная волна *руммов*, и Шу, заорав, нажал на спуск, кося их непрерывной очередью. Твари падали, катились по полу, но их место тут же занимали новые. Йаати нажал спуск телепушки, но её луч то ли не доставал до тварей, то ли вообще не действовал на них...

Бросив телепушку, он схватил гранату, сорвал чеку, изо всех сил швырнул её в

набегающую бледную волну, тут же бросил вторую... и снова шархнулся назад.

В этот раз взрывы были громче, больно ударив по ушам. Зажав в руке третью гранату, Йаати вновь выскочил в коридор. Увы, — его гранаты, похоже, не долетели до цели, по крайней мере, толпа *руммов* по-прежнему валила к ним. Йаати запустил в них третью гранату, и снова шархнулся назад, едва не налетев на Шу. Тот сорвал с него четвертую гранату, потом пятую, сунулся в коридор, бросил, отпрыгнул назад...

Всего половина осталась, как-то отстраненно подумал Йаати. Едва бой начался, — а осталась всего половина...

Тут же в коридоре грохнул взрыв, почти сразу, — ещё два, а потом раздался мерзкий стрекочущий визг. Похоже, что в этот раз они всё же попали... и, выглянув в коридор, Йаати увидел десяток валявшихся на полу *руммов*. Остальные весьма бодро отступали, и Шу, яростно заорав, разрядил в них третий магазин, уложив ещё штук пять. Остальные убрались в коридор, и вдруг стало очень тихо.

Мы влипли, подумал Йаати, вновь отстраненно, словно о ком-то другом. Они не могут войти к нам, мы к ним. Всё отлично. Равновесие. Пат. Только вот всего через несколько минут, наверное, откроется портал, — и мы геройски-глупо погибнем в этом коридоре, подорвавшись на последней гранате, потому что становиться зомби нет никакой радости... если не швырнем её по дури, заработав в награду обширную программу длительных и весьма разнообразных пыток... а я боли боюсь, вот смех-то...

Шу сорвал с него четвертый магазин и перезарядил автомат, — быстро, ловко. Похоже, что яд *кхринов* и мрачные размышления в плену не слишком подкосили его.

— Пошли давай, пока они не опомнились, — сказал он.

— Их там сотня, — мрачно сказал Йаати. — Я имею в виду *руммов*. И два-три десятка *кхринов*. Полдюжины зенгов с телепушками, может быть, больше. Столько же, примерно, *фтангов* с плазмометами. Ты уверен, что мы справимся?

— Нет, — Шу нахмурился. — Откуда ты знаешь?

— Я видел. Там баррикада ещё. Правда, не знаю, мы перед ней или за.

Шу как-то странно взглянул на него, — словно проверял, не стукнулся ли он головой, — но переспрашивать не стал. Вздохнул, задумался. Посмотрел по сторонам. Сорвался с места, подбежал к «заправочному щитку», — к счастью, зенги не успели разворотить и его тоже. Сунул в рот «пистолет», нажал спуск...

По всему его телу прошла явственно различимая волна, — словно бы призрачной воды, точнее Йаати не мог описать это... потом Шу подскочил высоко вверх, крутанулся в воздухе, ловко приземлился на пятки. Мотнул головой, засмеялся. Теперь это был совсем прежний Шу, — даже лицо у него как-то разгладилось. Он как-то по-новому остро посмотрел на Йаати, — взгляд у него сейчас был совершенно взрослый, мальчишке даже стало неудобно, — вновь мотнул головой, осмотрелся... и вдруг бодро ломанул в ту комнату, откуда выскочили зенги. Йаати, конечно, ломанулся вслед за ним... и наткнулся на крепкую ладонь Шу.

— Дурак, коридор держи!

Йаати, опомнившись, замер, стараясь смотреть сразу в две стороны, словно хамелеон. Всей комнаты он отсюда не видел... но в центре её стоял стол... а на нем лежал «взломщик», нейронный глушитель и какая-то ещё электроника. Похоже, что здесь зенги занимались разбором трофеев. На свою гибель, в самом деле, — если глушитель работает, ни одна тварь не подойдет к ним ближе полусотни метров. Они смогут просто выйти в

коридор, к погрузчику, взять оружие, и...

А ведь Хи йык тоже это понимают, подумал Йаати. Они вовсе не глупые. И, значит, нападут прямо вот сейчас. И не тупо ломанувшись под пули, а бросят в бой самое...

Толпа гудящих призраков возникла вокруг, и он, заорав, обдал их лучом. Несколько пропали с отчетливыми хлопками, — но остальные окружили его. Чья-то немыслимо холодная рука прошла по его позвоночнику, — прямо сквозь энергожилет! По коже затрещали разряды, к спине, казалось, приложили раскаленную сетку. Йаати заорал и прыгнул в сторону... тут же призрачная лапа мелькнула перед глазами, и у него обожгло лицо. Йаати понял, что, если бы не дисрапторная сеть, эта лапы влезли бы прямо ему в мозг... или в сердце, а тогда... но подумал как-то мельком. Его хватали уже со всех сторон, — Йаати казалось, что в него, голого, тычут факелом, словно в каком-то страшном фильме про работарговцев. Он снова заорал, завертелся, уже окончательно шалея от боли... и тут же всё кончилось. Призраки *руммов* исчезли так внезапно, словно их просто выключили, как свет. Йаати ошалело мотнул головой... и не сразу осознал, что в ней раздаётся беззвучный, резкий писк. Глушитель действовал! Как оказалось — и на призраки *руммов*, эти Куклы, тоже.

Радовался он, однако, рано. Писк тут же стих, — зато сам воздух перед ним начал вдруг выпучиваться огромным страшным пузырем. Словно достаешь из воды стеклянный шар, промелькнуло в голове. Только громадный. Метра в два. Но это же не воздух, в самом деле. Это пространство. Само пространство. Сейчас оно лопнет, — и...

Ему словно дали здорового пинка. Йаати шарахнулся назад, — но не тупо назад (так он никуда не убежал бы, только позорно сел на попу), а лихо перекатившись на руках, — сам не вполне понимая, что его на это дернуло и как оно у него получилось. Однако, получилось оно очень вовремя, — пузырь ухнул, словно вывернувшись наизнанку, и на его месте возникло... (неужели я так же... проявлялся? — как-то совсем отстраненно уже подумал Йаати. Неудивительно, что Шу так перепугался...) на месте пузыря возникло какое-то совсем уже жуткое чудовище, — метра два в высоту, метра полтора в ширину, черное, словно отлитое из тусклой глянцевой резины. Разлапистые, нелепо расширявшиеся книзу короткие ноги напомнили Йаати Господина, — но на этом всё сходство кончалось. Лапы твари, — толстенные, круглые, — свисали до самого пола и кончались... нет, не руками, а какими-то кошмарными хваталами, по виду способными выжать воду из камня. Шеи не имелось и в помине, башка, — изогнуто сужавшийся конус, — напоминала небольшой вулкан. Там, где она смыкалась с грудью, кривился чудовищный губастый рот. Над ним светились бельма круглых глаз, — один большой посередине, два поменьше, — по краям. Ушей или носа тоже не было, — по крайней мере, он не успел разглядеть их с перепугу.

ЭТО, наверное, неживое, — подумал он, уже кувыркнувшись назад, к телепушке. Сцапал её, перекатился по полу, спасаясь от мелькнувшей над головой черной лапищи... вскочил, отбежал на несколько шагов, — назад и вбок.

Крутить башкой эта адская тварь не могла, и начала поворачиваться к нему сразу всей тушей. Йаати мельком подумал, что подло бить в спину. Поразился идиотизму этой мысли, — здесь и сейчас, по крайней мере. Нажал на спуск, — всё это в одно и то же мгновение.

И замер, удивленно приоткрыв рот. Телепушка выстрелила, луч уперся в тварь... и по ней, словно отблески фар через ветки, побежали черно-фиолетовые светящиеся узоры. Йаати оторопел, глядя на них, — он никак не ожидал увидеть тут такую красоту, — и едва не

расстался с жизнью. Палец его продолжал давить на спуск, луч бил и бил в тварь... но вот сама телепушка как-то совсем нехорошо зашипела, и руки Йаати ощутили резкое тепло.

Бездумно, — времени рассуждать уже совсем не было, — он швырнул пушку в тварь. Та, вскинув лапу, удивительно легко поймала её...

Наверное, если бы тварь оказалась хоть чуть-чуть умнее, и просто отбила, отбросила пушку, всё на этом и кончилось бы... но она сжала своё хватало. Наверное, чисто рефлекторно. Телепушка громко хрустнула...

Бшанг! Казалось, прямо перед Йаати полыхнуло злое лиловое пламя. Тварь распахнула громадную, как люк канализации, пасть, — беззубую, но оттого ещё более жуткую, — и издала адский рев, от которого Йаати в самом деле плюхнулся на задницу. Звук был такой громкий, что даже не воспринимался, — его словно треснули доской. А потом тварь начала... распадаться. Туша её словно вскипела, из неё брызнули струи черной жижи, — и Йаати отчаянно зажмурился, понимая, что ещё миг этого жуткого зрелища, — и он попросту сойдет с ума. Звуков он сейчас тоже, к счастью, не слышал, — его оглушило то ли ревом, то ли взрывом...

По-прежнему не глядя, он повернулся, встал на четвереньки и пополз, — ничего другого ему просто не пришло в голову. Глаза его всё же открылись, — казалось, сами по себе, — и он увидел, что воздух прямо перед ним выгибается таким же огромным страшным пузырем.

9.

Так нечестно, подумал он, бездумно вскакивая на ноги. Просто... нечестно. Потом, уже не чувствуя себя, словно в каком-то страшном сне, оглянулся.

На полу, всего в нескольких шагах, клокотала оседающая глыба какой-то разноцветной массы, — а за ней по всему коридору вздувались такие же страшные пузыри. Много. Наверное, десятки. Или больше.

Мы умрем, понял Йаати. Не подумал, а понял совершенно точно. Умрем прямо вот сейчас. Ну что ж...

Теперь, когда всё кончилось, ему вдруг стало удивительно легко. Весело. Очень весело даже. Не нужно больше ничего бояться, и можно, наконец, одним махом покончить со всем этим карнавалом жутких чудес...

Йаати сорвал с пояса гранату и, вопя что-то непечатное, влетел прямо в ближайший пузырь.

10.

Его перевернуло, понесло... и он шлепнулся на холодный металлический пол, — к его дикому счастью, не выронив гранаты. Тут же вскочил, ошалело осматриваясь.

...Бросаясь в пузырь он подумал (если это слово было вообще применимо к нему в данный момент), что его вынесет в самое логово тварей, прямо под нос Господина, — и там...

Но его вынесло в какой-то огромный, пустой, квадратный вроде бы зал, едва освещенный темно-синими лампами. Опять где-то в Цитадели.

Йаати крутанулся на пятке, — вот же гадство, даже умереть не дадут по-человечески! — но тут же везде вокруг него начали вздуться пузыри. Вопя, он бросился в ближайший... и покатился по полу огромного, ярко освещенного туннеля. Здесь стоял ещё с десятков страшных черных тварей, фтанги, зенги с телепушками...

И погрузчик с оружием, всего в нескольких метрах у стены. Йаати швырнул гранату под него... и там вспыхнуло белое, нестерпимо яркое пламя.

Офигеть, какой геройский конец, успел подумать он.

11.

Йаати ошалело моргнул, глядя прямо в такие же ошалевшие, удивленно расширенные глаза Шу. В последний миг он всё же дико испугался и захотел исчезнуть из того жуткого места...

И исчез. Очень удачно, на самом-то деле, — прямо вот сюда, к другу. Ничего больше подумать Йаати не успел, — пол больно ударил его по ногам, что-то жутко шарахнуло по двери, — она на миг вогнулась, но выдержала, — больно ударило по ушам. Вся Цитадель, казалось, загудела, — на миг Йаати даже показалось, что его сунули внутрь громадного колокола. Свет погас, но тут же снова загорелся. Йаати замер, босыми ногами ощущая, как под ним, всё слабее, вибрирует пол, а гул постепенно стихает, становясь всё ниже и переходя в отдающийся где-то в животе инфразвук.

— Ты псих, — сказал Шу, крепко держа его за плечи и по-прежнему глядя в глаза. — Конченный и безнадежный.

— Ага, — спокойно согласился Йаати. В голове у него по-прежнему было совсем пусто и казалось, что за него говорит кто-то другой. Помереть так и не вышло, — но не сказать, чтобы это так уж огорчило его...

— Когда ты бросился в эту... в это... я подумал, что... а, черт с ним! — Шу вдруг порывисто обнял его. — Извини.

— Э... за что? — Йаати чувствовал себя сейчас... неловко. Парни его до сих пор не обнимали. Тем более... э-э-э... неодетые.

— Когда я увидел эту... это... я... испугался, — глухо сказал Шу, не отпуская его. — Захлопнул дверь, и... и...

— И хорошо, — закончил Йаати. — Нас бы по стенкам иначе размазало. Или контузило бы нафиг.

— А что рвануло-то? — Шу, наконец, отпустил его и смутился. Верно, и он тоже парней не обнимал...

— Погрузчик, — мрачно сообщил Йаати. — Я гранату под него бросил. А потом насмерть испугался, — и сюда...

— Слушай, а ты вообще кто? — Шу смотрел на него так внимательно, словно увидел впервые. Не с испугом, конечно. Просто очень-очень удивленно.

— Йаати Линна-Цирус Линай, лахольская средняя школа N 4, - представился мальчишка. — Ой, нет, я уже школу закончил же... Улица Осенних Цветов, дом N 16, квартира 59, город Лахола, Лохольская область, Государство Сарьер, — ещё совсем маленьким родители заставили его заучить всё это наизусть, на случай, если он потеряется. Сарьер он добавил уже от себя, — других государств в его мире давно не было...

— Нет, не то... — Шу мотнул головой. — Ты умеешь... появляться.

— А, это... — Йаати смутился. — Это не знаю, откуда взялось. Я просто в лес пошел, — и в ваш мир провалился, я это говорил уже, — добавлять, что он пошел в лес в чем мать родила, в поисках непонятно чего, он всё же не стал. — А тут само как-то стало получаться. Ну, не само, а если силовое поле потрогать или так... когда очень испугаешься. А так-то я... ну... обычный. Правда, в школе тоже говорят, что ненормальный... лазаю по крышам, и вообще...

— А, это видно, — Шу вдруг улыбнулся, хотя как-то кривовато. Мотнул головой, очевидно, опомнившись. Быстро поднял с пола автомат, толкнул дверь...

Дверь, разумеется, заело. Но, к их счастью, не заклинило. По крайней мере, она распахнулась, когда Шу изо всех сил врезал по ней пяткой...

И они оказались лицом к лицу с «хвतालщиком». Может, этих тварей и снесло взрывом, но они очень быстро опомнились. Йаати даже не успел испугаться, — Шу нажал на спуск, автомат взревел, плюясь дрожащим, бело-желтым огнем, на необъятой черной туше вдруг, очень быстро, начали возникать крошечные дырки, и...

Из какой бы преисподней не вышло это... существо, бессмертным оно всё же не было. По крайней мере, сорок две пули оказались смертельны даже для него. Когда автомат Шу замолк, оно ещё целую секунду стояло неподвижно, буравя их взглядом белесых, без зрачков, глаз, — а потом опрокинулось на спину, так тяжело, что пол под Йаати подпрыгнул.

12.

Перепрыгнув через чудовищную тушу, они выскочили в коридор... и Йаати как-то бесстрастно, словно и не о себе подумал, что умереть ему всё-таки придется. Может, «хвतालщиков» и контузило... но они уже явно оправались и вполне бодро двигались к ним со всех сторон... и исчезнуть отсюда он уже тоже не мог, потому что пришлось бы бросить им Шу... а чем жить с таким вот, — лучше сразу помереть...

Не хочу к ним в лапы, уже совсем спокойно подумал он, нащупывая гранату. Надо просто выдернуть кольцо и поднести к шее, чтобы совсем наверняка...

Он покосился на Шу, но тот тоже смотрел на него спокойно. Он тоже уже всё понимал, конечно...

Он уже потянул за кольцо... и тут вокруг них словно пронесся ветер. Что-то зашелестело. Йаати почувствовал, что волосы поднимаются на голове, — не от ужаса, а потому, что всё вокруг вдруг заполнилось электричеством. Колючая волна прошла сквозь его тело, все мельчайшие волоски на нем тоже встали дыбом, завибрировали, как антенны. Йаати передернулся, невольно поджимая пальцы босых ног и живот... дальний конец коридора затуманился, исчезая в сиреневой дымке...

До ближайшего «хвतालщика» было уже всего метра три, но он вдруг издал совершенно жуткий рёв. По туше его побежали какие-то ирреальные радужные узоры, — от шизоидного красного до психопатической лазури, — и он тяжело рухнул навзничь. Тело его зашипело, на глазах начало обугливаться и словно оплывать. Йаати невольно попятился. Перед ним лежал бесформенный, безжизненный труп.

Отпустив гранату, — это потребовало немалого усилия, пальцы словно бы ожили и упорно не хотели разжиматься, — Йаати медленно, как во сне, осмотрелся. Все «хватальщики» так же лежали на полу, дымящиеся, неподвижные, мертвые... Резко и мощно завоняло жженым волосом. Йаати сморщил нос, но запах казался ему сейчас почти приятным...

— Волна!.. — выдохнул Шу, опустив автомат. — Главный реактор включился, и теперь...

Йаати мотнул головой, всё ещё ёжась от пробегающих по телу колючих искр, — он словно влез нагишом в жесткую шерсть, — звонко чихнул, фыркнул, как кот, и опять чихнул. По всей Цитадели, наверное, сейчас звучал дикий рев тысяч погибавших тварей... но его он, к счастью, не слышал.

Ему как-то не верилось, что всё кончилось так вот просто... и совершенно правильно, конечно. В глубине Цитадели что-то мощно ухнуло, пол мелко задрожал. Свет тоже потускнел, словно вся энергия пошла на...

— Портал открывается! — крикнул Шу. — Бежим!..

— Куда? — спросил Йаати. Убегать куда-то и забиваться в щель, как таракану, ему совершенно не хотелось, — было стыдно и противно... да и некуда отсюда бежать, на самом деле...

Шу удивленно взглянул на него, потом вдруг чертыхнулся, влетел в комнату и цапнул со стола «взломщика». Кинул Йаати глушитель, — тот как-то вдруг вспомнил, что кроме четырех гранат и тесака у него и не осталось ничего... Сунулся в дверь, снова шархнулся назад, — к стоявшему в углу терминалу, замер у него... Йаати терпеливо ждал. Он понятия не имел, что ищет там Шу, но ему видней же...

Он поймал себя на том, что стоять и смотреть, как кто-то ещё выворачивает себе мозги мехом внутрь очень приятно, и недовольно мотнул головой. Шу на самом деле такой же мальчишка, как он, хотя и рос тут всю жизнь... и вполне может ошибиться, а тогда...

Шу, впрочем, не хуже его понимал, что время уходит. Всего через пару минут он оторвался от терминала, ошалело глянул на Йаати, — словно до сих пор не мог поверить, что он на самом деле здесь, — и молча, не сказав ни слова, выскочил в коридор. Йаати побежал за ним, мотая на бегу головой и чихая, — здесь стало дымно, пахло кисло и едко, гарью, жженым рогом, порохом, металлом... Сердце билось в груди часто и сильно, Йаати чихал на бегу, но всё же не сбивался с шага. Страшно ему сейчас почти не было, — в голове словно всё перевернулось, и всё это, казалось, происходит вообще не с ним. В ушах дико звенело, — похоже, его всё же долбануло, — но звуки он вроде бы различал...

Они выбежали в основной туннель. Свет тут, как ни странно, ещё горел, — взрывоупорные лампы тут стоят, что ли?.. — и их отбески плавали на ровном слое дыма, клубившегося под потолком, словно ирреальное перевернутое море. Пол был завален каким-то, уже неопознаваемым обгоревшим хламом, гарь стояла в воздухе, словно стена, — Йаати задержал бы дыхание, но на бегу это никак не получалось...

Он зашелся в кашле, стараясь хоть как-то смотреть по сторонам. К его крайнему удивлению, на месте погрузчика осталась лишь громадная звезда копоти, да металл пола и стен немного прогнулся, вот и всё. Он тут, наверное, толстый, как броня линейного корабля,

подумал Йаати. Или просто страшно прочный. Жаль, вообще-то. Было бы здорово, если бы взрыв пробил в перекрытии дыру, и в неё влетели хотя бы боевые дроны, — а то снова отдуваться нам...

Он едва не налетел на тот трехметровый, черный, словно бы созданный из затвердевшей тьмы куб, и замер, кашляя. Шу испуганно повернулся к нему, и Йаати успокаивающе махнул рукой, — мол, всё в порядке. Потом выпрямился.

— Что... это? — спросил он. Теперь, вблизи, стало видно, что сделан куб всё же не из тьмы, а из черного, очень тусклого стекла.

Шу задумчиво взглянул на него.

— Насколько я помню, это тоже арсенал... совсем особый. Вернее, контейнер для него. Такие готовили как раз на случай прямого прыжка... контейнер из идемита, и дилатонные накопители в нем не должны разрядиться. Пошли!

— Куда? — Йаати встрепенулся. Пусть он теперь, вроде бы, и не боялся, бросаться на Господина с тесаком ему всё же как-то не хотелось. А тут...

Шу хотел что-то возразить... но так и не осмелился. Видно, бросаться в атаку с одним автоматом не хотелось и ему.

14.

На вид куб аварийного арсенала казался совершенно монолитным — но в нем нашлись углубления для рук, и, когда они изо всех сил потянули за них, одна из граней — сплошная плита толщиной сантиметров в двадцать — неохотно отошла.

Йаати удивленно моргнул. Никаких винтовок или автоматов внутри не оказалось. Там висела, — просто висела, ни на что не опираясь, — восьмигранная призма с блестящими дырочками. Здоровенная, высотой метра в два и шириной где-то в метр. Вся словно бы отлитая из зеркального, словно ртуть, металла. Внутри, в тонких, как игла, отверстиях, пылало мощное фиолетовое пламя. Едва плита двери отошла, в лицо Йаати дохнуло озоном и жаром, как из печи. В воздухе тут висел стеклянный тонкий писк, — он даже мотнул головой, словно пытаясь отогнать невидимых комаров.

— Что... это? — ошалело спросил он.

Шу, однако, молчал, и Йаати бездумно протянул руку к странной штуке. Только вот коснуться её так и не смог. Его рука уперлась во что-то невидимое, упругое, однако, непреодолимое, — чем сильнее он давил, тем сильнее становилось сопротивление. Снова силовое поле, но другое, — никакого... расщепления он сейчас не чувствовал...

Шу тоже потыкал рукой в поле и ошалело помотал головой. Ничего похожего, верно, не встречалось и ему. Выглядела эта штука жутко чужеродно, но не страшно. Как водородная бомба, подумал вдруг Йаати. Живьем он, конечно, не видел ни одной бомбы, даже обычной осколочной фугаски, — но фотографии их в журналах печатались, и на них ядерные заряды выглядели почти безобидно, — словно круглый металлический бак или очень большой термос. Йаати казалось даже, что его обманывают... но увы, — устроить экскурсию на военную базу и дать пощупать водородную бомбу натурально (он не отказался бы), ему никто, почему-то, не предложил... но теперь, похоже, его идиотская мечта исполнилась.

Наверное, оно радиоактивное, — как-то совсем уже лениво подумал он, — и скоро мы умрем... и тут же усмехнулся. Если они переживут хотя бы ближайшие минут пять, — это

само по себе будет уже совершенно невероятное чудо...

— Черт его знает, что это, — Шу мотнул головой, похоже, подцепив эту привычку от Йаати. — Пошли давай...

Они подбежали к монолитным воротам шлюза. Те были забрызганы разноцветными кляксами, под ними, словно штормовые наносы, громоздились искалеченные тела тварей Хи`йык, и ещё какой-то, уже неопознаваемый хлам. Должно быть, их всех взрывом отбросило сюда, они разбились о броневые плиты, а потом просто осыпались вниз. Но, глядя на всю эту страшную свалку, Йаати совсем уже ничего не почувствовал...

Распихав ногами пададь, Йаати подошел к замку. Он, к счастью, почти не пострадал, по крайней мере, внешние ворота шлюза открылись через минуту после того, как Шу направил на них лазер «взломщика». Внутри никого не оказалось, но Йаати изо всех сил старался представить, что там внутри, за вторыми воротами... и мир вокруг него вдруг... раскрылся. Он увидел прозрачную платформу лифта. Лифт плавно поднимался вверх, на нем стоял одинокий *фтанг*... похоже, что последний. Йаати вдруг понял, что видит Нцхла. Вот он вышел в зал рубки... замер перед Господином...

Господин стоял лицом к нему... если так можно было сказать. Его сейчас окружали какие-то зыбкие, призрачные, водянистые щупальца, протянувшиеся во все стороны, — они делали его сейчас похожим на какую-то жуткую колючую звезду. Нцхл неподвижно стоял перед ним. Йаати не слышал, конечно, о чем они там говорят... но похоже, что настроение у Господина было совершенно ужасным. *Фтанга* вдруг подняло на уровень его страшного «лица», скрутило, словно тряпку, — во все стороны брызнула кровь, — и небрежно отшвырнуло в угол. Стоявшие у пультов зенги даже не обернулись. Эти зыбкие призрачные щупальца тянулись сейчас к ним, сквозь них, и Йаати вдруг подумал, что они даже не его рабы, а просто придатки...

— Эй, что с тобой? — Шу тряхнул его за плечо, и видение исчезло. Йаати ошалело моргнул. Он даже не заметил, как внутренние ворота шлюза открылись. За ним, в просторном пустом помещении с массой пультов и экранов на стенах, виднелись прозрачные двери лифта.

— Он Нцхла убил, — сказал Йаати с искренним сожалением. Не то, чтобы ему было так уж жалко лично *фтанга*... просто он явно мог рассказать им очень много интересного...

— Кого?

— *Фтанга*, — Йаати, наконец, опомнился и прямо взглянул на Шу. — Поднял в воздух и скрутил, словно тряпку. Такими... ну, вроде как щупальцами, молниями, не знаю...

— Щупальцами?

— Это, похоже, силовое поле какое-то, — догадался Йаати. — Но не как стена, а как... ну, как тяжи какие-то, хлысты, молнии... не знаю.

— Так, — Шу прикусил губу, задумавшись, потом вдруг взглянул на него. — Раздевайся. Совсем.

— Ы? — Йаати ошалело взглянул на него. Сейчас он совсем не мог понять, к чему тут это...

— Если это силовое поле, то дисрапторная сеть может помочь, — терпеливо, как маленькому, пояснил Шу. — Но если поверх неё что-то будет, то Господин сможет ухватиться за него, а потом... просто об стенку тебя треснет, и всё.

— А, — это звучало достаточно логично, и Йаати начал быстро сбрасывать вещи, правда, отчаянно ругаясь про себя, — и стоило одеваться, как на последний парад, если в

итоге...

Это уж точно какой-то дурной сон, подумал он, взглянув на свой нагое, в серебристой сетке тело. Нет, он любил воображать себя таким вот Диким Юношей, — но в тех снах и фантазиях основную роль играли девы, а не...

— А оружие как? — спросил он. — Его же у нас из рук просто вырвет.

— Оружие... — Шу задумчиво посмотрел на него, и Йаати смутился, — Шу не дева, конечно, но всё же... — Если верить схеме, в рубке есть ещё один арсенал... совсем особый. Его готовили как раз на случай появления Цур`раран... он спрятан, и Хи`йык не должны были его найти.

— А если нашли? — нервно спросил Йаати. Ему очень не нравилась мысль, что они войдут в логово Господина просто вот так, безо всего, в надежде непонятно на что.

Шу усмехнулся, всё ещё глядя на него.

— Тогда мы умрем, ясно же. Наверняка быстро. Хи`йык не люди же, они мучить не умеют.

— Спасибо, порадовал, — Йаати обхватил руками бока и поёжился. Смешно, но сейчас у него бесстыдно мерзли ноги, хотя пол тут был никак не холоднее, чем в других местах. Невольно подумалось, что для них Господин может сделать исключение, и тогда умирать придется медленно и тяжело... и Йаати недовольно мотнул головой. — Что там надо делать-то?

— Когда лифт поднимется, сразу бросайся вправо, в угол, — деловито сказал Шу. — Там на стене такие пластины разной формы... одна как удлиненный восьмигранник, так что не перепутай... Ручки у неё нет, но она немного выступает из стены, — цепляйся за неё пальцами и тяни изо всех сил. Она должна откинуться. За ней стоит энергопушка.

— Накопители подошли же, ещё при переходе, — хмуро сказал Йаати.

— Там не накопитель, — Шу вздохнул. — Там энергетическое ядро. Такое же, как в реакторе Цитадели, только совсем маленькое. Штука эта страшно дорогая, потому в Цитадели таких пушек всего несколько. Предохранителя у неё нет, просто наводи и стреляй. Только быстро, пока Господин не вырвал и её.

— И всё?

— А тебе что — мало? — Шу взглянул на него удивленно. — Шанс я не знаю, какой, — но других вариантов нет совсем.

— А ты что там будешь делать?

Шу усмехнулся.

— Возьму на себя зенгов. Я, знаешь, упорно занимался рукопашным боем, — просто так, чтобы... а, уже наважно.

— Но я-то почему? Я энергопушек и в глаза не видел!

— Я тоже, — Шу криво усмехнулся. — И ты везучий. А это важно. Очень.

— А что это за Цур`раран? — спросил Йаати. Пусть он через минуту и умрет, — но любопытство его сейчас буквально распирало.

— Я сейчас сообщение на терминале прочитал, — хмуро ответил Шу. — Наверное, его отправил тот Крэйн внизу, — прежде, чем умер. Цур`раран, — это какая-то страшно древняя раса существ, способных повелевать измерениями, — в смысле, не только самим по ним путешествовать, но и перебрасывать туда кого и что угодно. Крэйн писал, что они все, — чистое Зло, и что они давно всех уничтожили... но остался один, самый древний и самый могучий. Нихх`хелл`за... так его, на самом деле, зовут. Мол, если его убить, то война

кончится... совсем кончится, потому что Хи`йык больше не смогут попадать в наш мир... в любой мир, на самом деле. А если его не убить, — то конец, потому что пульпа в итоге проникнет во все миры.

Йаати ошалело помотал головой.

— Что за пульпа? — насколько он помнил, пульпа, — это какое-то промежуточное сырьё при производстве бумаги... и ещё живая ткань в зубе, но как она может угрожать всем мирам, — он совсем не представлял.

— Не знаю, я там по диагонали читал, — признался Шу. — Вернемся, — дочитаем. Ну, что, пошли, что ли?..

15.

Хороший стимул, мрачно подумал Йаати, входя в лифт. Нет, в самом деле хороший, потому что я действительно очень хочу узнать всё это... у меня просто голова пухнет от всех здешних странностей, и, если их не выйдет разгадать, я, наверное, всё равно сдохну... ну, если не сдохну от всего остального. Что, конечно, куда как более вероятно, — он бездумно почесал икру ногтями на ноге. — Блин, да это же детям нельзя будет рассказывать, если я вернусь! Да и ровесникам тоже, — оборжут. Надо будет придумать что-нибудь такое... про сверкающие доспехи, меч... меч должен быть обязательно. Потому что герой с голыми руками выглядит откровенно дурачки. И коня ещё, чтобы всё было совсем уж как в сказке. Жаль, что я ни разу в жизни не видел настоящего коня, они, говорят, были красивые... Но теперь же кони не нужны, теперь везде машины... и Сверхправитель говорит, что подло ездить на животных, если можно не ездить... ой, блин, что за бред я сейчас думаю?..

Йаати задрал голову и посмотрел вверх. Верх шахты приближался медленно, но неотвратимо. Ему очень наглядно представилось, как оттуда падает граната... а, нет, *фтангов* же там нет, а зенги гранатами не пользуются... ладно, какая-нибудь тяжелая железная шуковина. Она разбивает лифт вдребезги, и мы, вместе с ней, весело летим вниз... ой, блин, и про это совсем не надо думать, иначе я сейчас уписаюсь от ужаса... прямо насмерть...

При этой мысли Йаати хихикнул, и Шу как-то странно посмотрел на него. Боится, что я спятил, подумал Йаати. Ну да, вполне может быть. Только это ведь не значит совсем уже ничего. Сейчас мы предстанем перед Господином... тьфу, перед этим Нихх`хелл`за, повелителем измерений, и, и, и...

16.

Когда лифт сравнялся с полом рубки, Йаати был уже почти спокоен, — все страхи в нем успели прогореть и погаснуть за время подъема. Ничто не упало им на голову, и на миг он замер, ошалело осматриваясь. Зенги в самом деле уже не стояли у пультов, — они кружком стояли вокруг лифта, приподняв длинные тонкие руки с шиловидными когтями. За ними, у окна, стоял Нихх`хелл`за, и от него во все стороны расходились зыбкие нити стеклянистого, потрескивающего зеленоватыми разрядами воздуха. За ним, уже за окном, вздымался бешено крутящийся багровый смерч, словно бы из расплавленного стекла, но туда Йаати почти не

смотрел. Его голова, словно сама по себе, повернулась направо. Он увидел восьмигранную пластину в углу, между ребрами стены... но вот рвануться к ней уже не успел.

Зеленоватые призрачные щупальца ударили в них, словно молнии, — с шипением и треском. Сеть крошечных разрядов оплела всё нагое тело Йаати, больно отдаваясь в нервах, — в него сейчас словно тыкали тысячи жутко острых иголок, легко проникавших под кожу. Но эти призрачные щупальца не смогли поднять их, — они безвредно скользнули по телу, словно струи очень плотного воздуха.

И вот тогда на них бросились зенги. Мускулы Йаати подергивались от боли... но тело ему более-менее подчинялось. Он от души врезал первому зенгу ногой... поймал протянувшиеся к его глазам руки... треснул тварь под грудь коленом... отшвырнул... стукнул по чьей-то костяной башке... за спиной гневно заорал Шу...

Йаати невольно повернулся к нему... чьи-то когти впились ему в бока, в бедра, в зад... он, не глядя, отлягнулся пяткой... схватил стоявшего спиной зенга за шею и за ногу, поднял... и с разворота огрел остальных костистым телом, как дубиной. На сей раз, упало сразу несколько тварей... но тут зенга вдруг дернуло вверх со страшной, нечеловеческой силой. Йаати как-то вдруг понял, что висит уже метрах в двух от пола... торопливо разжал руки... смачно грохнулся наземь, присев от силы удара на корточки... мгновенно вскочил, бросился к пластине...

Что-то со страшной силой треснуло его по спине, — так, что он плюхнулся на четвереньки. Как-то вдруг Йаати понял, что кидаться ими двоими Нихх`хелл`за не может... а вот своими рабами — очень даже. Похоже, их сохранность не волновала его даже в малейшей степени.

Так мы не договаривались, подумал Йаати, перекатываясь на спину. На сей раз, он отбил удар костистой тушки поднятой ногой, — но она, словно в бреду, взлетела к потолку, и со страшной силой обрушилась на него сверху. Уже в последний миг он успел перекатиться. Зенг врезался в пол с такой силой, что башка его буквально взорвалась, и Йаати обдало зеленоватой жижей, удивительно похожей на сопли. Вот же гадство, подумал он, утирая лицо, — они же, наверное, заразные... а уж воняют так, что желудок узлом сводит... а, нафиг. Или я прямо вот сейчас доберусь до пушки, — или...

Чисто рефлекторно он опять перекатился в сторону, — и об монолитный пол с треском разбилась вторая тушка зенга. Третья уже падала на него сверху, — и Йаати успел только поднять руки. Они, к счастью, удержали, хотя их до плеч пробила боль. Он с отвращением отшвырнул тушку, — зенг, похоже, сдох ещё в воздухе, от страха и полного непонимания происходящего, — высоко вскинул ноги, вскочил... тут же пригнулся, спасаясь от очередной тушки, на сей раз, летящей горизонтально. Уже, кстати, разбитой ударом об пол, — ну да, Нихх`хелл`за совершенно пофиг же, живое тело или мертвое...

Он сейчас нас забьет, совершенно четко понял Йаати. Не даст сдвинуться с места и забьет телами этих тварей. И ему совершенно наплевать, уцелеет при этом хоть один зенг или нет. Но...

Он скосил глаза. Шу катался по полу, спасаясь от молотивших, словно мухобойки, тушек. Двух. Итак, Нихх`хелл`за может управлять не более, чем тремя предметами сразу, — иначе всё уже кончилось бы. А значит...

Тушка зенга летела на него, как снаряд, целясь костистой башкой в живот. Йаати отпрыгнул в сторону... и поймал её за ногу. Ему едва не вырвало руку из сустава, сшибло с ног и протащило по полу... легко, как по льду, благодаря твердым бусинам дисрапторной

сети, — если бы не она, ему свезло бы всю кожу на спине... в общем, его протащило прямо к потайной дверце. Дернуло вверх, — но он просто разжал руку, уже вполне твердо стоя на ногах. Тушка полетела назад, описывая петлю и разгоняясь для нового удара... но сейчас у него было время. Секунды. Две или три. Мало, очень мало, но он должен...

Он повернулся к стене. Она казалась совершенно монолитной, но Йаати зацепился ногтями за край восьмигранной пластины, рванул...

Пальцы едва не сорвались, но пластина откинулась, открыв нишу. Йаати был почти уверен, что она окажется пустой... но пушка была там. На самом деле, она совсем не походила на пушку, — серая штуковина длиной в полметра, напоминавшая какую-то небольшую базуку. Он немедленно цапнул её, — пушка оказалась тяжелая, добрых килограмма четыре, — и так же быстро развернулся, одновременно уходя в сторону. Вовремя! Тушка зенга влетела прямо в нишу, с такой силой, что даже смялась с мерзким треском.

Йаати вскинул оружие. Снизу у пушки была рукоятка со спусковым крючком, — и он вдавил его. Из широкого жерла, в самом деле похожего на трубу гранатомета, вырвался поток сине-желтых молний, словно он стрелял из обычной импульсной винтовки. Они ударили в грудь Нихх`хелл`за... и по его коже побежали невысказанно красивые фиолетовые светящиеся узоры... вот и всё. Йаати, словно в кошмаре, давил и давил спуск... но всего секунды через три пушка смолкла, похоже, исчерпав заряд, да ещё и гневно загудела, начав как-то совсем нехорошо вибрировать.

Нихх`хелл`за, — по его коже ещё металась фиолетовые отблески, — взревел. Башка его раскрылась, превратилась в страшное черное солнце, окруженное кривыми белесыми лучами, — и оттуда вырвался даже не звук, — сплошной поток зеленоватых щупалец, хлестнувших Йаати, словно раскаленной плетью. Разряды сплошь покрыли его кожу, словно трескучая электрическая шерсть, его впечатало в стену с такой силой, что нельзя было вздохнуть. Потом пришла боль, — его словно окатили кипятком и прошили раскаленными иглами сразу. Правда, и её Йаати ощущал сейчас как-то смутно, — но это сейчас. Через какие-то секунды она накроет его уже всей мощью, — и тогда он просто хлопнется в обморок, словно девчонка...

— Колпачок на торце! — вдруг заорал Шу, так громко, что пробился через всё остальное. — Кнопка!..

Тушка зенга обрушилась на него, словно молот, буквально вбив в пол. Ещё две взвились в воздух и замерли по обе стороны от Нихх`хелл`за, подергиваясь, целясь...

Йаати понял, что следующий миг решит буквально ВСЁ. Победа, — или поражение. Смерть. Сейчас он уже почти не мог думать от боли, но руки у него ещё двигались... и пушка всё ещё оставалась в них, — похоже, и её тоже покрывала дисрапторная сеть, и Нихх`хелл`за не смог вырвать её...

Над рукояткой, в самом деле, был стальной колпачок, — он, к счастью, успел заметить его, очень удобный, — большой палец словно сам по себе поднялся и откинул его. Лег на скрытую под ним кнопку. Йаати вскинул пушку и прицелился прямо в ревущую пасть Нихх`хелл`за. Обе тушки уже летели к нему, почти с быстротой пуль, — Йаати понимал, что всего через миг они переломают ему ребра и размозжат голову... но это сейчас не имело значения. Никакого.

Он подумал, что ещё может присесть, — и страшные живые снаряды разобьются о стену над ним, подарив ему ещё сколько-то мгновений жизни.

И нажал спуск.

17.

Он совсем не представлял, ЧТО произойдет дальше. В прошлый раз у пушки совсем не было отдачи, — а сейчас она с чудовищной силой рванулась у него из рук. Если бы он стоял, — его бы швырнуло назад, и, наверное, размозжило затылок о сплошной металлический пол. Если бы у пушки был приклад, — ему бы, как минимум, вывихнуло бы плечо. Но приклада у неё не было, и она просто дернулась вверх, треснувшись об стену. Йаати, впрочем, почти этого не заметил.

Когда он нажал этот второй, потайной спуск, из ствола пушки вылетела зыбкая, переливающаяся сфера, ослепительная и разноцветная. Тушки зенгов с немислимой быстротой рванулись ей наперерез, — и сфера прошла сквозь них, рассыпав их облаками тающих в воздухе искр. Влетела прямо в ревущую пасть Нихх`хелл`за. Ударилась обо что-то. Отскочила вниз. Пропала.

На какой-то миг всё замерло, словно в кошмаре.

А потом тушу Нихх`хелл`за оглушительно мощно разорвало полыхнувшим во все стороны мертвенно-белым огнем.

18.

Из головы Йаати вышибло вообще все мысли, — осталась только пара ошалелых глаз. Невероятно, — но пламя взрыва не погасло, напротив, — стянулось в бурлящее, стреляющее длинными лучами-отблесками разноцветное солнце. Куски туши Нихх`хелл`за, начавшие было разлетаться, притянуло к нему, они закружились вокруг, — всё ближе, всё быстрее... Йаати понял, что происходит что-то, совсем уже невероятное, но не мог даже пошевелиться, — правду говоря, сейчас он совсем не чувствовал тела...

Сверкающий водоворот разрастался. В него начало затягивать и зенгов, — и ошалело метавшихся, и неподвижно лежавших на полу. Йаати как-то отстраненно понял, что эта сверкающая ирреальная карусель движется прямо к нему... нет, — она замерла между полюсами двух цилиндрических шукувин, вращаясь всё быстрее и быстрее, и выбрасывая во все стороны невероятно красивые зеленые молнии.

Йаати ещё успел заметить, как один из этих сверкающих зеленых мечей летит прямо в него.

Темнота.

19.

Вначале Йаати показалось, что он, наконец, умер, и что тут, в темноте, ничего нет, в том числе, и его... но тут же мощно заболело всё тело. Он попробовал пошевелиться и тут же понял, что тут нет ничего, — ни права, ни лева, ни верха, ни низа, — и с тоской подумал, что будет болтаться тут, в этой пустоте, пока и в самом деле не умрет... но тут перед глазами

опять треснули зеленые молнии.

Йаати моргнул. Он смотрел в ошалелые глаза пацана всего лет тринадцати, одетого в камуфляж на босу ногу, — в смысле, без обуви. За спиной пацана сияла невероятно огромная голубая луна и расстилалась бесконечная степь. Воздух был теплый, пахло костром и полынью...

Пацан отчетливо икнул и потянул из-за спины удивительно нелепый автомат, — длинную трубу с куцым деревянным прикладом и длинным тонким изогнутым магазином, торчавшим почему-то наверху, уже возле дула.

Он сейчас меня пристрелит, понял Йаати. Пристрелит просто от испуга и полного офигения. Блин, глупо-то как...

Он попробовал пошевелиться, но не мог ни двинуться, ни даже сказать что-нибудь, — ноги его по-прежнему болтались в воздухе, а сам этот воздух вокруг дрожал и переливался радужными разводами, словно полярное сияние, — похоже, что тут, в этом мире, он пребывал лишь частично.

Пацан, наконец, поднял автомат на уровень его живота и потянулся к спуску, — медленно, словно во сне, — но тут опять треснули зеленые молнии и всё исчезло.

Блин, испортил жизнь человеку, подумал Йаати уже в темноте (теперь он чувствовал, что не парит, а наотмашь летит куда-то с непредставимой скоростью). Теперь он до конца дней будет рассказывать, как перед ним возник окровавленный призрак, выкрикнул какую-то эпическую чушь, вроде «Бойся трех семерок!» и исчез, словно сквозь землю провалился. Друзья, конечно, будут смеяться и крутить пальцем у виска... а бедный пацан будет думать, что всё это значит... а это ни фига не значит, потому что...

Вспышка. Теперь Йаати в самом деле падал в черно-красный океан сквозь неожиданно жаркий и душный, как в теплице, воздух. Кажется, я, наконец, присоединюсь, подумал он, проделывая то, чему его учили в школе, — ступни носками вперед, руки скрестить на груди, все отверстия на теле закрыть... в смысле, — рот и глаза плотно закрыть...

Как ни забавно, это помогло, — он врезался в воду (теплую, но, зараза, круто соленую) почти без всплеска... и сразу ушел в давящую, прозрачную глубину. Задергал руками и ногами, пытаясь всплыть, — но тут же из черно-красной бездны под ногами торпедой вынырнуло узкое треугольное рыло.

Йаати дернулся в сторону, — он боялся, что его сейчас проткнут насквозь, — но рыло расколосось натрое, открыв двадцать, наверное, рядов зазубренных, словно пилки, зубов. Йаати от всей души пожелал твари подавиться его невинным юным телом...

И оказался на бескрайней соляной равнине, уходившей в дрожащее белесое море. Солнце здесь даже не палило, а наотмашь било по башке, словно непрерывный ядерный взрыв. Раскаленный воздух обжег горло, словно Йаати хватил кипятка. Не будь он весь мокрый, — тело, наверное, сразу поджарилось бы до румяной корочки. Вода на коже, казалось, зашипела...

И он оказался в уходившем, казалось, уже за горизонт кабинете, уставленном вычурной мебелью, похожей на золоченые крепостные башни. Прямо перед ним, за громадным, словно аэродром, столом, заваленным бумагами, сидел высоченный мужик, словно в футляр запакованный в негнувшийся от золотого шитья мундир без знаков различия. За его спиной на всю стену распластывался флаг, — распахнув во всю ширь крылья, коронованный орел с очевидной натугой тащил из-за горизонта солнце.

Увидев Йаати, мужик вскочил и разразился гневной фразой. Язык был незнакомый, но

смысл был ясен и без перевода: «Да кто вы такой?! Как вы сюда попали?!»

Ой, блин, это, наверное, какой-то местный король... или даже император, потерянно подумал Йаати. Сейчас он позовет стражу, и меня казнят за оскорбление величества... как-нибудь замысловато, по местному обычаю... бросят к королевским женам, например, и те забудут меня подушками...

Это он подумал уже в темноте. К счастью, недолгой, — но, когда вновь треснули зеленые молнии, Йаати схватился за горло, задыхаясь в угарном чаду. Он стоял на какой-то дико перекореженной равнине, проткнутой здоровенными трубами, — над ними, в мощных струях дрожащего жаркого воздуха, кружились какие-то кожистые твари, похожие на птеродактилей. Сама равнина, распластанная под низкими, желто-бурыми тучами, была покрыта черным, крошащимся стеклом, прямо из которого росли какие-то мерзкие белесые... то ли грибы, то ли какие-то перекрученные тела...

Среди них, у черных, маслянистых луж, бродили какие-то ещё твари, похожие на невероятно жирных аистов... освежеванных живьем аистов с тремя ногами. Заметив его, твари дружно ломанулись к нему, что-то хрипло каркая и от спешки спотыкаясь на ходу. Вот сейчас они подойдут чуть поближе, я рассмотрю их, как следует, и уже точно свихнусь, с тоской подумал Йаати... но тут же всё исчезло.

...на берегу милой лесной речки стояла личность примерно его возраста, с роскошной рыже-золотой гривой до... в общем, до задницы. Заметив Йаати такое чудо на улице, — он бы вприпрыжку помчался за ним, чтобы хотя бы заглянуть в лицо столь прекрасной девы... но тут личность повернулась к нему. Личность была голая до пояса, и стало ясно, что это, совершенно точно, не дева. На её белом широком лице отразилось удивление, — и всё исчезло в полыхнувших зеленых зигзагах.

...россыпь каменных глыб у подножия невысказанно крутой, уходящей, казалось, за небо горы, громадной, словно грозное облако. Воздух здесь был режуще-холодный и такой разреженный, что глаза Йаати сразу полезли на лоб от перепада давления...

...просторная, высокая кухня с громадным округлым холодильником и газовой колонкой. У стола стояла ещё одна начинающая личность лет, примерно, девяти, с длинным тонким ножом, но она даже не заметила Йаати, — личность с видом хирурга старалась отделить кремовую розу от большущего торта, так аккуратно, чтобы не оставить следов на его поверхности. Судя по пустым местам, две предыдущих операции прошли вполне успешно...

...снова степь под голубой луной. Светловолосый парнишка лет четырнадцати быстро перекатился и цапнул короткий автомат, — выглядел он так, словно его собирали на какой-то совсем халтурной уже фабрике железных игрушек (тех самых, которые прибывают к потолку), и Йаати понадеялся, что это чудо техники заклинит на первом же выстреле...

...снова завешанный флагами необозримый кабинет. Знакомый мужик в расшитом мундире и кавалерийских сапогах явно распекал другого, лысого, в черной форме, — наверное, начальника охраны. Тот что-то бурно возражал. Заметив Йаати, оба замолчали и повернулись к нему. Мужик в сапогах сделал эпичный жест в его сторону, — мол, видите, жизни не стало, запустили акваторию... Лысый прошил Йаати взглядом змеиных желтых глаз, и тот понял, что всё, пипец, — выкрадут прямо из родного сортира, на секретном дирижабле вывезут в подводную базу в горах и выпустят всю кровь на опыты...

...какие-то, наверное, джунгли, — могучие, словно башни, стволы, изогнувшиеся над головой перья исполинских папортников. На берегу ручья, — группа начинающих юношей

лет, примерно, пятнадцати, — золотокожих, удивительно стройных, одетых лишь во что-то вроде пёстрых шелковых платков, небрежно повязанных вокруг бедер. В таких же пёстрых бусах, намотанных на все места, и даже заплетенных в роскошные черно-золотые гривы. Они дружно повернулись к нему, тоже буквально прошив взглядами больших синюющих глаз. На лицах у них появилось слегка зверское даже любопытство, и Йаати, холодея, понял, что эти не только кровь, — эти все мозги через трубку высосут...

...громадная, словно горный хребет, коричневатая изогнутая плотина, — под ней даже не бурлила, а непрерывно взрывалась вода, только медленно-медленно, словно во сне, — он падал в неё прямо от мощных серых туч, между крутыми зелеными склонами долины, долго-долго... пока клокочущий необозримый уже котел не оказался вдруг совсем рядом...

Сдохнуть можно от этого, подумал Йаати уже в темноте. Сейчас я точно треснусь об какие-нибудь скалы, и всё, что от меня останется, — это полдюжины дурацких легенд, которые родились прямо вот сейчас...

...снова степь под голубой луной. Парень его возраста, — но только в перетянutom ремнями камуфляже, коротких сапогах и черном берете с оптимистической эмблемой, — крылатый череп сжимал в зубах две молнии. Этот явно повидал и не такое, — сонно моргнул... и спокойно потянул из кобуры длинный угловатый пистолет, очень похожий на те, какие делали в Сарьере ещё до первой мировой войны.

Да вы что, сговорились, засранцы? — возмущенно подумал Йаати. Что я вам сделал?..

Но тут ему словно дали здоровенного пинка, и он снова полетел в темноту, — на сей раз, прямо вниз, вниз, вниз...

20.

Очнувшись, Йаати понял, что лежит, уткнувшись мордой в холодный металлический пол. Болело всё тело, особенно мощно и радостно болела башка. Что может там болеть, там же кость, подумал он, приподнимаясь на руках.

Голова словно взорвалась от боли. Йаати замер, ожидая, что на пол перед ним смачно плюхнутся его собственные мозги... но ничего такого почему-то не случилось. Он осторожно пощупал башку, но наткнулся только на свои лохмы. Мозги, — если, конечно, они там изначально имелись, — были на отведенном им природой месте. Зато руки смотрелись просто потрясающе, — жутко ободранные и до самых локтей залитые кровью. Не невинных младенцев, конечно, а его собственной, — только кто же разбираться будет...

Слава богу, мне всё это померещилось, — с громадным облегчением подумал Йаати, осторожно поднимаясь. Рот, казалось, набили сухим песком, жутко, до икоты, хотелось пить. Голова словно превратилась в кувшин, полный боли, и он изо всех сил старался не расплескать его. Я просто с размаху звезданул башкой об пол, мозги в ней перевернулись, вот мне и привиделась всякая бредятина. А на самом-то деле я просто тихо валялся вот тут, в глубочайшей отключке. Обычное сотрясение мозга, ничего страшного, было бы, что сотрясать...

Он ошалело моргнул. На полу валялись какие-то миски, нитка пёстрых бус, кусок колбасы, гитара...

Гитара Йаати буквально подкосила. Он вновь плюхнулся на пол, тупо глядя на неё. Гитара была явно не из тех, которые делали на лахольской мебельной фабрике, — вся

выложенная перламутром, вычурная, дорогушая. Хозяин наверняка расстроится, подумал он, машинально сунув в рот кусок колбасы. Колбаса оказалась сырокопченая, с базиликом, вкусная... испортил людям праздник, называется. Гитару надо будет вернуть... это если хозяина не забросило, вместо меня, в тот кабинет, и ему не дерут сейчас уши, обвиняя в заговоре на похищение королевского хомячка... или к тем, синеглазым, в бусах... вот уж чего точно даже врагу не пожелаешь. Эти уж точно живьем не выпустят, — замучают до смерти вопросами и угощением...

Он вновь осторожно поднялся, посмотрел на себя. Всё тело покрывала лаково блестящая кровь, натекая из тысяч, наверное, крошечных глубоких ранок, — иглы силового поля ему совсем не померещились. Выглядело это так, словно его освеживали заживо. Неудивительно, что все встречные хватаются за пистолеты, нормальные мертвецы всё же не стоят и не лупают обалдело глазами...

Понятно теперь, почему у меня всё так болит. И инфекцию, наверное, внесли, подумал Йаати. Теперь начнется воспаление, и я умру, потому что тут нет зеленки... А, и черт с ней, — пока не помираю, и ладно...

Он осмотрелся, подняв глаза повыше, чем в первый раз. За окном по-прежнему крутился полупрозрачный багровый смерч, но в рубке никого не было. Радужный вихрь исчез, а вместе с ним исчезли и куски Нихх`хелл`за. Исчезли, все до одной, и тушки зенгов, — должно быть, их вместе с ними засосало непонятно куда. Ну и славно, в добрый путь... Шу лежал у лифта, и Йаати подошел к нему.

Шу выглядел ужасно, — мертвенно-бледный, на груди, — страшная глубокая вмятина, лицо в крови, плеснувшей изо рта и растекшейся страшной лужей по полу. Йаати пошарил взглядом по стенам, нашел щиток «заправочной станции», взял Шу за руки и поволок к нему (главное сейчас, — не думать вообще ничего, чтобы уж точно не свихнуться...). Сунул ему в рот «пистолет», нажал спуск...

Что-то зашипело, по коже Шу потекло призрачное, водянистое сияние. Кровь исчезала, словно впитываясь в кожу, даже страшная вмятина прямо на глазах как-то разглаживалась. Наконец, Шу часто задышал, схватился за грудь и ошалело посмотрел на Йаати.

— Ты живой? — задал он потрясающий глубиной мысли вопрос.

Йаати подумал, и дал единственно возможный ответ.

— Нет.

Шу закашлялся, потом сел, ошалело осматриваясь. Он же был совсем мертвый, вдруг понял Йаати. У него наверняка все ребра были переломаны и проткнули легкие, а то и сердце. А теперь... не фига же себе у этих Крэйнов медицина...

Шу, между тем, уже перестал смеяться (теперь Йаати понял, что это не кашель, а смех), поднялся на ноги. Посмотрел на него, передернулся, повернулся к щитку...

— Ты весь заряд на меня потратил, — сказал он. — А сам...

— Да ну, фигня, — Йаати смутился. Шу, похоже, даже не понял, что умер... ну и славно. — Всё в порядке, только башка очень болит.

Шу хмыкнул, взял его за подбородок. Повернул голову вправо, влево, заглядывая в глаза. Усмехнулся.

— Были б мозги, — сотрясение было бы... извини, — он вдруг смутился. — Эти все где?..

— Сдохли, — сообщил Йаати с мрачным удовлетворением. — Господина... как его там... прямо на части разорвало, остальных, наверное, затащило в дыру...

— В какую дыру? — сейчас Шу был на самом деле удивлен.

— Ну, когда энергоядро взорвалось... или не взорвалось... в общем, там возник вроде как вихрь такой, и... — о том, что туда затянуло и его тоже, а потом долго мотыляло по мирам и пространствам, Йаати говорить всё же не стал. В это он и сам с трудом верил, не хватало ещё и Шу мозги грузить... да и конченным психом прослыть всё же как-то не хотелось... — В общем, больше нет их.

— Вот и славно, — Шу вновь взглянул на него, передернулся и подошел к окну. Йаати бездумно подошел вслед за ним. И замер, словно его с размаху треснули по лбу.

21.

За окном было всё, что он воображал себе в кошмарах, — и даже много сверх того. Вихрящийся, полупрозрачный смерч, поднимаясь из жерла колоссального «орудия», высоко наверху раскрывался широкой воронкой, упираясь словно в дрожащее, переливчатое озеро... в дыру, прорезанную в багровых небесах в какие-то другие, — блеклые, желтовато-зеленые. Там, наверху, парили, наверное, сотни, тысячи *эалов* и ещё каких-то шгук, намного более крупных. Они походили на плоских, толстобедрых жуков, прущих в лапах черные округлые контейнеры, похожие на вельботы...

Вся эта орда двигалась, спускаясь вниз или поднимаясь, в ярких, ослепительных вспышках проходя через зыбкую поверхность «озера»... портала, как вдруг понял Йаати. «Жуки» опускались на крышу Цитадели, высаживая отряды *зенгов*, *руммов* и ещё каких-то тварей. Черные «хватальщики» сноровисто разгружали какие-то ящики, — вот они, выходит, для чего... Неторопливо расхаживали *зысыты*. *Эалы* плавали туда и сюда, закрывая небо, словно падающий снег. В общем, атмосфера царила спокойная и деловая.

И стоило нам так пи... стоило так жилы рвать, мрачно подумал Йаати. Можно было просто лечь и помереть... тихо, спокойно, культурно... не засоряя окружающей среды... Но и это подумалось словно как-то между прочим, — после всего пережитого эмоций в нем уже не осталось. Разве что темная, тяжелая злость. Нет, что им всем от него надо?.. Всё, о чем он сейчас мечтает, — это вернуться домой, сожрать килограмм любимых пельменей с утятинной, забраться в родную постель и не вылезать из неё сутки. А лучше, — год.

— И что нам теперь делать? — уныло спросил он. — Можно это... как-то выключить?

— Выключить... — Шу мотнул головой, как-то растерянно глядя на него. — А, ну да...

Он отошел к одному из пультов и стал что-то делать с ним. Йаати терпеливо ждал... нет, в самом деле терпеливо. Легко быть терпеливым, когда от тебя уже ничего не зависит.

А ведь именно я во всем этом виноват, с тоской подумал он, глядя на кишачий гадюшник. Если бы я не страдал тогда фигней, сначала разыскивая и надевая штаны, потом снимая штаны и так далее, мы успели бы грохнуть Нихх`хелл`за ещё до того, как он успел открыть портал, и ничего этого просто не было бы. Сейчас мы бы уже отмечали победу, полную и окончательную... ой, блин, нет. Тогда бы «хватальщики» прикончили нас в том коридоре (как, — Йаати даже представлять не хотелось...), и до включения Волны мы бы просто не дожили. И вся эта бредятина нас в итоге спасла, вот смех-то...

Пол под его ногами покачнулся, из глубины Цитадели всплыл мощный гул. Багровый смерч и озеро портала вдруг... исчезли. Просто исчезли, словно выключили свет. Йаати ошалело моргнул, — он не представлял, что на самом деле всё кончится так просто и легко.

Хотя на самом деле ничего ещё не кончилось, — чужое небо с тучей парящей в нем нечисти в самом деле исчезло... но сотни прошедших уже через портал *залов* и «жуков» никуда, естественно, не делись. Как и высаженная ими армия. Правда, новость явно пришлась им не по вкусу, — твари ошарашенно забегали.

— Смотри-ка ты, они психуют, — сказал подошедший к нему Шу.

Йаати усмехнулся. На месте портала вновь сияло страшное кровавое солнце. Оказаться отрезанным в таком вот мире, — в самом деле радости мало. Он тоже психовал... сначала. Шу повернулся к нему.

— Я переключил реактор на зарядку для прямого прыжка. Это займет двенадцать часов. Даже если Хи`йык вломятся сюда, — они уже не смогут прервать цикл.

— Прыжка КУДА?

Шу усмехнулся.

— Никуда. Нельзя установить координаты, мы за пределами карты. Просто чтобы Хи`йык не смогли вновь открыть портал в свой мир. Пошли, надо убираться отсюда...

— Куда? — вопрос был в самом деле... интересный.

Шу посмотрел вниз. На посадочной площадке слева тоже кишели Хи`йык. Силовое поле они уже как-то отключили и теперь возились с воротами.

— Пойдем туда, — сказал он. — Там, рядом, арсенал есть. Возьмем оружие, будем драться. Пока... ну, пока можем.

Ну и правильно, подумал Йаати.

22.

Они спустились в коридор. Йаати посмотрел на сброшенную им одежду, передернулся, и одеваться не стал, — не хватало ещё одеваться на кровищу... да и перед Шу неловко, вот смех-то...

Шу вновь как-то странно взглянул на него, но так ничего и не сказал, просто молча зашагал вперед. Тут же над их головой возникли гудящие призраки *руммов*, — на сей раз, они не стояли на полу, а висели прямо в воздухе, метрах в двух над ними, по всему коридору, словно какие-то бредовые, психопатические люстры, — должно быть, им немного не хватало дальности, ярусы тут были очень уж высокие...

Йаати как-то равнодушно подумал, как они с Шу будут выбираться отсюда... но оказалось, что лифт, — тот самый, что отказался спускаться в первый раз, — вполне действует, надо лишь переключить что-то на пульте...

Они спустились на нижний ярус, побрели по просторным, полутемным туннелям, на сей раз, пустым. Йаати кусал запекшиеся губы, то и дело спотыкался, — идти было больно, вообще больно было двигаться, больно жить, невыносимо болела голова... Шу поддерживал его под руку, но Йаати не вырывался, — вновь грохнуться башкой об пол ему всё же совершенно не хотелось, ему и одного раза хватило, более чем...

Убью, подумал он о Хи`йык, прижмуриваясь от боли. Всех. Хватит. Надоели. Нет, ну сколько можно-то?.. Он, конечно, всегда рад помучиться, — но всему ж пределы есть. Нельзя так издеваться над ребенком...

Йаати попытался вспомнить, кто тут ребенок, но так и не смог. Кровь, засыхая, противно стягивала кожу, ранки пекло и дергало, — точно, воспаление... и пить так хочется,

что даже противно... нельзя доводить тело до такого, это гадость... даже думать нормально и то трудно, а я так не хочу, мне думать всё же нравится... кто бы там что ни говорил...

Йаати не знал, до чего он бы в итоге дошел (на самом деле, ему даже думать об этом не хотелось, — до полной фигни, конечно же), но они с Шу, в конце концов (и довольно быстро, как оказалось) добрались до казармы, где нашелся кран с водой. К нему Йаати тут же присосался... а потом заметил на стене щиток «заправочной станции». Шуулан вновь, казалось, вырвался у него из ушей... но потом он тихо засмеялся. Боль моментально прошла, — даже башка больше совсем не болела, — кожа стала целой и чистой, без дырок. Шуулан, как оказалось, не только исцелял тело, но и счищал с него всякую дрянь. Удобная штуковина, — ни ног, ни ух мыть не надо, подумал Йаати, потягиваясь. Злость, правда, никуда не делась, — теперь он ощущал некую мрачную бодрость. Полную готовность к... в общем, к тому, чтобы торжественно отдать концы. Шу насмешливо взглянул на него.

— Опомнился? Пошли давай.

Он отпер примыкающий к казарме арсенал... и Йаати удивленно моргнул. Здесь тоже было всё, — и более чем. Винтовки, пулеметы, гранаты... гранатометы, — ручные и автоматические. Реактивные огнеметы. Дроны. Жаль лишь, что всё это богатство рассчитано минимум на роту отлично подготовленных солдат, а не на двух мальчишек...

— Ну, и что мы будем со всем этим делать? — спросил он.

— Сейчас посмотрим, — Шу отошел к терминалу. Йаати терпеливо ждал. — В общем, диспозиция такая, — сказал Шу через минуту, всё ещё глядя в экран. — Хи`йык частично вырубил системы внутренней обороны, — в том числе, и в этом коридоре тоже. В два других они не сумеют войти, — там *ц`улины*, боевые машины и Волна. В общем, не надо бояться, что они обойдут нас с тыла.

— И что? — новость, разумеется, радовала, — но не так, чтобы очень уж сильно. Йаати вспомнил зиявшие в крыше Цитадели шахты, — он понятия не имел, куда они ведут, и как глубоко по ним могут спуститься твари... а помирать ему всё же не хотелось, — во всяком случае, не раньше, чем сдохнет последний Хи`йык.

Шу пожал плечами.

— В принципе, я могу включить здесь эффекторы Волны, но не знаю, сколько это займет времени. Наверное, я даже системы внешней обороны смогу включить, и тогда они просто уничтожат Хи`йык, но я даже не знаю, что с ними. Если они просто испорчены, системы саморемонта должны их восстановить... ну, когда-нибудь. Если заблокированы программно, — надо сидеть и разбираться, а времени на это нет.

— А почему тогда нельзя вывести из стазиса ещё кого-нибудь? — с крайним интересом спросил Йаати. — Почему только мы?

Шу криво усмехнулся.

— Я на самом деле повстанец. Из тех людей, которые против Хи`йык, но и служить Крэйнам тоже не хотят. Они из людей зомби делают, знаешь? Рабов.

— Знаю, — Йаати вновь вздохнул. Вот и его геройская возня с мертвецами тоже оказалась ненужной, вот же гадство...

— Откуда? — Шу удивленно взглянул на него.

— Видел, — буркнул Йаати. — В той рубке у реактора.

— И не сказал мне, потому что считал меня лоялистом?

Йаати смутился.

— Ну да, что-то типа того, — на самом деле ему стало вдруг очень легко. Загадка всё же

разрешилась... и самым лучшим образом, какого он даже представить не мог... хотя это и значило, что на чью-то ещё помощь им рассчитывать не стоит... и на ордена в конце тоже, даже если им и повезет как-то тут уцелеть... но ведь так обычно и бывает...

— Добрый ты... — Шу сказал это не насмешливо, а с грустью. — В общем, моя физия везде тут расклеена, с подписью «...стрелять без предупреждения!». Может, другие повстанцы тут и есть, но я не знаю, кто... Я вообще только свой отряд знал, конспирация же. Выпустить-то кого-то можно, — но не знаешь же, на кого попадешь. Может, на нормального, а может, на фанатика, который сразу пулю в лоб. И не только мне, но и тебе, за компанию, а ты мой друг же.

— И что мы тогда будем делать? — растерянно спросил Йаати. Ему стало совсем уже невесело. Спасать людей, — это здорово, конечно... но спасать людей, которые в благодарность тебя просто убьют, — это несколько другое... а, зараза, что это меняет-то?..

Шу усмехнулся.

— «Потом» у нас вряд ли будет, знаешь... Всё, что мы сейчас можем, — стоять тут и драться. Не пропускать тварей в главный лифт, потому что Волны в его шахте сейчас нет, и по нему они быстро доберутся до реактора и до главных компьютерных ядер. Они разрушены, наверное, но у Хи`йык могут быть запасные блоки. Тогда они перенастроят автоматику, и всё. Внесут всех людей в список целей для Волны...

— То есть, мы будем просто драться, надеясь непонятно на что? — спросил Йаати.

Шу снова усмехнулся.

— Точно.

— А чем?

— Сейчас посмотрим, — Шу снова повернулся к терминалу.

Йаати сел у стены, глядя на него. Надеюсь, что здесь есть что-нибудь... особенное, подумал он. Атомная бомба, например... чтобы прощальный привет для этих гадов получился ярким и громким. Иначе помирать будет обидно...

— Всё то же самое, — вздохнул Шу, выпрямляясь. — Винтовки, пулеметы, ракетометы...

— И что, больше совсем ничего нет? — встревожено спросил Йаати.

Шу снова уткнулся в экран.

— Одна противотанковая винтовка SR-20 калибра 20 x 143 миллиметра и 100 квантово-химических снарядов для неё. Они помощнее подствольных гранат, у них радиус действия, — где-то метра два.

— А, это уже что-то... — Йаати поднялся, ёжась и обхватив бока. — А склад обмундирования здесь есть? А то мне надоело, знаешь, попу тут морозить...

— Есть, есть, — Шу усмехнулся. — Давай одеваться пошли...

23.

Склад обмундирования тут в самом деле был, так что они оделись по полной программе, — разве что без противогазов. Йаати повел плечами, усмехнулся. Сейчас он ощущал себя больше и сильнее раза в два. Глупое ощущение, конечно, но всё же... теперь он выглядел... гуманно по отношению к врагам. Оружие они взяли то же, что и в первый раз. Даже погрузчик, — в бою бегать в арсенал за патронами будет некогда уже, а подносить

некому...

— Ну что, пошли? — сказал Шу, проверив всё.

— А винтовка? — спросил Йаати. Сейчас их дело уже не казалось ему совершенно безнадежным — но, всё равно, он понимал, что для боя с бессчетной ордой тварей их огневая мощь, мягко говоря, недостаточна.

— Противотанковая? — с усмешкой переспросил Шу. — Тоже тут, но где-то в конце. Пошли посмотреть...

Винтовка эта оказалась громадная, — длиной больше роста Йаати, то есть, в добрых метра два, и такая тяжелая, что вдвоем они едва смогли её поднять. Массивный дульный тормоз, массивная треногая станина и ступенчатый ствол делали её похожей на небольшую пушку. Но, при всем этом, это оказалась всё же самая обычная винтовка, стреляющая обычным порохом. Вот её заряды — темные, чугунного цвета пули, чертовски похожие на длинные небольшие снаряды в толстых гильзах, — были уже необычны. Но Шу нашел ещё более необычные, — зеркально-черные, словно точеные из обсидиана стержни в бронзовых на вид ведущих муфтах. Смотрелись они откровенно пугающе.

— Что это? — удивленно спросил Йаати.

— Идемитные полебойные снаряды, — медленно пояснил Шу. Казалось, он не вполне верит своим глазам. — Я только слышал о таких. Они очень, ОЧЕНЬ редкие. Даже Крэйнь почти не используют их.

— Почему?

Шу вздохнул.

— Это оружие... уникальное в своем роде. Бронебойный сердечник из осмия, — что само по себе уже крайне необычно. Сверх того, он проявляет необычное... сродство к кинетическим щитам, — наши физики считают, что он содержит стабильные дельта-частицы, хотя формально такое невозможно.

Йаати недовольно мотнул головой.

— Что за «сродство»? Я не понимаю.

— Сердечник как-то поглощает энергию силового поля. Потом пробивает броню и взрывается за счет этой энергии. Проще говоря, одна такая вот пуля может сбить воздушный крейсер. Квантовые снаряды ему нипочем, он же не живой...

— Ничего себе... — Йаати вспомнил чудовищные летающие призмы, и вновь неверяще мотнул головой. Зачем Крэйнам создавать оружие против собственных машин? Есть ли у Хи`йык и воздушные крейсеры тоже?.. (ой, не хотелось бы...) Или у Крэйнов есть ЕЩЁ какой-то враг, которого не сразить ничем, кроме таких вот жутких пуль? Ещё более весело... особенно если мы провалились как раз в мир этого врага...

— Это здорово, конечно, — сказал он, — но как мы потащим с собой эту дуру? Она весит, наверное...

— Шестьдесят килограммов, — сказал Шу, снова сверившись с описью. — И предназначена, вообще-то, для боя на открытой местности, на дистанции до шестисот метров. Тут она только потому, что квантовыми снарядами нельзя стрелять из рельсовых или гаусс-пушек. Лишь из порохового оружия. Только вот габариты у него побольше, и вес тоже.

— Ну, и что нам теперь делать? — спросил Йаати. Несмотря на тяжесть, бросать винтовку не хотелось. Такая огневая мощь им очень пригодилась бы, — да и смотрелась она почти привычно, похоже на обычное оружие Сарьера.

Шу мрачно почесал в затылке — видно, бросать винтовку не хотелось и ему.

— Давай сверху пристроим. Надеюсь, не свалится по дороге...

24.

Морочиться с выбором позиции они не стали, — Шу остановил погрузчик у ведущих в основной туннель дверей казармы. До ворот порталной шахты отсюда было метров сто, — пожалуй, маловато, решил Йаати, но хоть арсенал можно будет взорвать, если один из нас уцелеет...

Они поставили у двери винтовку, потом, — автоматический гранатомет. Как сказал Шу, он стрелял на два с половиной километра, — правда, только навесным огнем, что здесь не получилось бы, — а его осколочно-кумулятивные гранаты пробивали трехдюймовую броню.

— У снайперки в магазине всего пять выстрелов, — сказал он, регулируя прицел. — Тут, — двадцать восемь, но перезаряжается эта дура долго. В общем, так: я перезаряжаю — ты стреляешь. Я стреляю, — ты перезаряжаешь. Прикрываем друг друга, понимаешь?

— Угу, — кивнул Йаати. — Только перезаряжать это всё я не очень умею.

Шу усмехнулся.

— Садись сюда, я покажу...

25.

Смешно, — но теперь, когда всё было сделано, Йаати ждал появления Хи`йык с нетерпением, — сидеть без дела было сразу и скучно, и тошно. Да и заплатить по счетам ему тоже очень хотелось, чего уж там...

К счастью (если можно было так сказать) ждать ему почти и не пришлось. Едва Шу показал ему, что со всем этим делать, и они просто сели у оружия, створки ворот всё же дрогнули и с гулом поползли в стороны. Йаати быстро катнулся к гранатомету. Показанная Шу поза для стрельбы из него была, по его мнению, невыразимо дурацкой, — не лечь за оружие, опираясь на локти и держась за ручки (они тут, кстати, были), а совсем наоборот, — развернуться задом наперед, сидя на этом самом заду и упираясь пятками в основания ног станины. Целиться так было не слишком удобно... но, к счастью, не слишком и нужно, — гранаты, как сказал Шу, давали при взрыве массу мелких осколков, летевших во все стороны метров на пять. Промахнуться не страшно, — результат будет тот же...

Свет в туннеле был тусклый, и сейчас Йаати словно смотрел на ярко освещенную сцену театра. За воротами, в мощном потоке льющегося снаружи багрового света, стояли *фтанги*. Много, наверное, несколько десятков. За ними виднелось сразу несколько плоских огромных «жуков», — десантных кораблей, как догадался Йаати. Он не знал, правда, как там у *фтангов* со зрением, — времени спросить у Шу не было, — но сейчас они просто пялились в сумрак туннеля... а сделать что-то ещё уже не успели.

«Здравствуй, жопа, Новый Год!», — зло и весело подумал Йаати, и нажал спуск.

26.

Как оказалось, Шу знал, что показывал, — гранатомет запрыгал, как отбойный молоток, больно долбя по пяткам, и Йаати всё же пожалел, что на нем нет ботинок. Перед глазами заметалось бледное пламя, треск выстрелов ударил по ушам, — хотя на нем сейчас была нарочно надетая каска с наушниками. Без них он бы, наверное, вообще оглох. Взрывов гранат видно не было, — просто *фтанги* вдруг полетели во все стороны, а между них, резко, словно сменяли кадр, появлялись облачка серого дыма. Йаати заорал, ворочая стволом вправо и влево, и чуть сдвинув ноги, — теперь он упирался в станины подъемами ступней. Тело его напряглось, он словно стал одним целым с оружием. Оно резко толкало его, и он ощутил, что отъезжает на заднице. Как сказал Шу, гранатомет делал по четыре выстрела в секунду, и отдача, несмотря на вес оружия и самого Йаати, была просто убийственной.

Гранаты, впрочем, были убийственны куда как больше, — в шлюзе воцарился суший ад, *фтанги* взлетали на воздух, переворачивались, падали... кто-то пытался стрелять, но плазменные заряды выгорали и взрывались в воздухе, не пролетев и половины расстояния. У них ведь и гранаты есть, как-то между делом подумал Йаати, а сюда их осколки вполне долетят... но, похоже, тучи мелкой шрапнели, разлетающейся при взрывах, не слишком-то способствовали гранатометанию. По крайней мере, через семь секунд, когда гранатомет всё же замолк, прикончив ленту, в шлюзе и за ним остались только разбросанные тела. И ещё «жуки». Они начали подниматься, выпуская из «лап» струи прозрачного огня. Но тут в бой вступил Шу. Винтовка мощно грохнула, шарахнув в стороны бело-золотым огнем, Йаати словно током долбануло по нервам, один «жук» пьяно вальнул в сторону, грохнувшись спиной об стену и исчез, похоже, рухнув вниз... а дальше Йаати уже не смотрел. Быстро вскочив, он подтащил вторую коробку с гранатами (тяжелая, зараза...), дернув торчащий сбоку рычажок, поднял крышку... Дело было, в общем-то, нетрудное, — выкинуть пустую ленту (уйй... какое всё горячее!..), вложить полную, закрыть, запереть, взвести...

Ручка взвода оказалась страшно тугой, — Йаати сперва потянул за неё, потом дернул, потом, разозлившись, рванул со всей силы, уперевшись ногой. Лишь тогда она неохотно отошла назад... гранатомет мрачно, сыто лязгнул, приходя уже в полную готовность. Лишь тогда Йаати посмотрел на шлюз, но там сейчас никого не было, — кроме всё тех же разбросанных тел. Все «жуки» исчезли, — то ли улетели, то ли упали вниз, сбитые. Дую на обожженную руку, Йаати постарался вспомнить, стрелял ли ещё Шу... но так и не смог. Блин... Интересно, что Хи`йык сейчас придумают?..

Хи`йык особо размышлять не стали, — сверху плавно спустился *зал*. Бах! Йаати снова словно долбануло током, *зал* перевернулся и упал куда-то в бездну шахты. Тут же появилось ещё два. Бах! Бах! Эти тоже исчезли.

Всё, конец, подумал Йаати, глядя как Шу быстро и ловко перезаряжает свою огромную винтовку. Сейчас они попрут всей ордой, и нас с нашими пушками сдует первым же плазменным выстрелом...

Хи`йык, однако, явно были... озадачены. По крайней мере, пару минут снаружи ничего не двигалось. Лишь в шлюзе шевелились недобитые *фтанги*, но тратить на них гранаты Йаати всё же не стал, — смысла уже нет, да и просто противно... Потом сверху спустился очередной «жук». Только на сей раз под брюхом у него, вместо контейнера, был *зысыт* со сложенными ногами. Уже веселее, подумал Йаати. Бах! «Жук» тяжело рухнул на металл.

— И что, и это всё? — насмешливо спросил он.

— Похоже, — Шу тоже улыбнулся ему... и вдруг резко повернулся к шлюзу. — Что за... «Жук» поднимался, — медленно и тяжело. Что за черт, закончил Йаати фразу, мы же

его сбили...

Бах! Бах! Бах! Винтовка ударила три раза, но «жук» продолжал подниматься. Йаати нажал на спуск гранатомета, на панцире «жука» расцвели облачка дыма... и тут он вдруг рухнул, а над ним поднялся *зысыт*, — ни падение, ни выстрелы не причинили ему никакого вреда.

Ну, вот и всё, подумал Йаати, глядя на головушку твари. Стрелять в туннель ей было неудобно, и *зысыт* нагнулся к ним, почти комично изобразив поклон.

Бах! *Зысыт* всё же споткнулся и рухнул, путаясь в своих длинных тонких ногах. Всего один выстрел, подумал Йаати. Если бы Шу нажал на спуск всего один лишний раз, — мы оба были бы сейчас мертвы, а Цитадель попала в руки тварей.

— Береги заряды, — Шу повернулся к нему. Лицо у него сейчас было бледным, — верно, и он тоже это понимал. — Не высаживай больше всё подряд.

— Угу, — Йаати кивнул, торопливо перезаряжая оружие и одним глазом глядя в шлюз. Там сейчас ничего не двигалось, — и он изо всех сил старался представить, что твари придумают в этот раз. Пришлют парламентаря с белым флагом? И что тогда делать? Стрелять? Не хотелось бы...

Но никаких парламентаров Хи'йык посылать не торопились. Снаружи воцарилась какая-то уже совсем нехорошая тишина, — а потом Йаати вдруг услышал далекий звук взрыва. Он встрепенулся и невольно вытянул шею, стараясь понять, что там происходит... и тут же услышал второй взрыв, резче и ближе. Потом снова. И ещё...

— Что за... — начал Шу, повернувшись к нему.

— Местные явились, — сердце Йаати ёкнуло, когда он сам понял, ЧТО сказал. Он вспомнил тот приступ дикого ужаса, который буквально вышиб из его памяти образ... чего? В любом случае, местные явились точно не затем, чтобы вручить им двоим по большой шоколадной медали.

— Кто? — Шу удивленно смотрел на него. Йаати вспомнил, что он-то как раз сидел в своей камере и не видел вообще ничего.

— Не знаю. Страшные.

Шу прикусил губу, глядя в шлюз. Взрывы слились, превращаясь в канонаду. Над Цитаделью, — или вокруг неё, — шел яростный бой.

— Надо закрыть шлюз, — вдруг сказал он. — Немедленно, пока они не... Иди, я буду тебя прикрывать.

Немного раньше, — Йаати, правда, не знал, насколько раньше, — он непременно обратился бы к Шу с самым идиотским во Вселенной вопросом: «почему я?». Но он уже видел, как стреляет Шу, и понимал, что сам стрелять так не сможет. Точно не сейчас. А значит...

— Как закрыть-то? — спросил он.

— У Хи'йык тоже есть «взломщик», он справа, снаружи. Я видел, как они с ним возились. С помощью этой штуки мы сможем взломать сами их программы и восстановить защитные системы Цитадели. Дело у тебя простейшее. Надо просто затащить его внутрь и дернуть за рычаг замка. Ворота закроются примерно за тридцать секунд. И всё.

Йаати захотелось спросить, какого черта они не проделали всё это раньше... но тут же понял, что и этот вопрос бесполезен и глуп. Дело и впрямь казалось плевым, — пробежать каких-то сто метров (секунд пятнадцать бега, даже в броне), цапнуть проклятую штуковину, дернуть за рычаг... и, в общем-то, на самом деле всё...

...если не считать нескольких десятков *фтангов* в шлюзе, многие из которых казались ему недостаточно мертвыми, а также и того, что ему придется выскакивать наружу, где какой-нибудь *эал* или *зысыт* сможет мгновенно превратить его в пепел. Это не говоря о вполне возможной встрече с чем-нибудь, одним своим видом способным вышибить из него дух, — если не что-нибудь похуже.

Он попытался представить, что тут может быть «похуже»... и бросился вперед.

27.

Бегал он всегда очень хорошо, — пожалуй, если бы не умение бегать или сцапать соперника и кинуть через себя на маты, его давно бы выперли из школы за драки и разные прочие выходки, — но сейчас Йаати почему-то казалось, что он не бежит, а плывет в странно загустевшем воздухе. Вроде бы, должно быть наоборот, рассеянно подумал он. Люди и опомниться не успевают, как взлетают на дерево, убегая от собак, или выплывают на берег, свалившись с моста. Ну а я, похуже, исключение, — для меня время растягивается, словно назло. Как во сне, когда машешь руками и ногами, а всплыть никак не можешь. Но от сна я просто просыпаюсь, обнаружив, что уткнулся мордой в подушку, а тут...

Сверху, зависнув перед входом в туннель, спустилось что-то черное. Йаати словно наяву оказался в кошмаре, — он понимал, что во весь опор летит к ЭТОМУ, но остановиться не мог, — тело подчинялось так медленно, словно его заперли в нем. ОНО было зыбкое, размером, наверное, с небольшой домик, — сгусток неясной, расплывчатой, словно бы не в фокусе, мглы, прорезанный дрожащими багровыми вспышками, — казалось, что на этой штуке горели злые багровые огни, и она при этом вращалась с невероятной быстротой, словно какой-то сумасшедший волчок.

Дрожащие полосы повернулись... нет, — вся эта штука повернулась к нему. Йаати увидел дрожащий, неподвижный багровый глаз... и понял, что это, наверное, последнее, что он вообще видит в своей дурацкой жизни.

А потом вся эта зыбкая штуковина вдруг превратилась в один белый, ослепительный огненный шар.

28.

Йаати, словно в воду, влетел в волну спрессованного, раскаленного воздуха. Как ни странно, его спасла именно набранная скорость, — стой он, и взрывная волна покатила бы его по полу, ломая руки-ноги. Сейчас же его просто долбануло, и он всё же покатился по полу... но уже не так энергично. Секунду Йаати лежал на полу, ошалело глядя в потолок. В ослепленных глазах плавали радужные круги, в ушах пронзительно звенело. Тело было какое-то чужое, — но он всё же как-то поднялся. Снаружи, к его счастью, никого не было, — лишь дрожал похожий на жидкое стекло воздух, — и он снова рванулся вперед, понимая, что на сей раз его бросает из стороны в сторону, словно потерявший управление самолет. Под ногами валялись разбросанные взрывом *фтанги*, — но через них он как-то перепрыгивал, совсем не думая об этом.

От испуга, наверное, он взял слишком мощный разгон, и смаху выскочил наружу. И

замер, ошалело глядя вверх. Эалы и те страшные черные «клубки» гонялись одни за другим, с ослепительными вспышками сливаясь друг с другом. Между ними открывались пустые дыры, гонимые подвижной темнотой, иногда скрывая сражавшихся от взгляда. Казалось, само пространство бурлило, словно жидкость, и Йаати яростно мотнул головой: он уже совсем не понимал, реальность это или какой-то совсем фантастический бред.

Наконец, опомнившись, он перевел взгляд. «Взломщик» Хи`йык был и в самом деле тут: черная, массивная штуковина, похожая на вцепившегося в замок паука. Толстый кольчатый кабель вел от неё к какой-то большой коробке, которую Йаати не стал даже разглядывать. Он подбежал к ней и попробовал оторвать «паука», но тот держался мертво.

Йаати вновь мотнул головой, замер, пытаясь сфокусировать взгляд. Сейчас он ничего не слышал, — кроме дикого, впивавшегося прямо в мозг писка, — ощущая только волны воздуха, бившие его по телу. Соображал он тоже не слишком хорошо, и почти с удивлением смотрел, как его рука, — почему-то вся красная, словно обваренная, — поднялась к «пауку» и повернула какое-то кольцо. Как ни странно, это помогло: лапы «паука» вдруг разжались, и он отцепился от замка. Йаати крепче сжал его и перевел взгляд. Край проема ворот был в паре шагов от него, — но он вдруг показался ему недостижимо далеким, как звезды. Меня тут убьют, понял он, спиной чувствуя чужой и безжалостный взгляд. Потом медленно, словно в страшном сне, обернулся.

Один из «клубков» висел высоко над ним. Неподвижно, в отличии от остальных. Ага, это, кажется, уже за мной, подумал Йаати. И, словно заяц, сиганул внутрь, таща тяжелый «взломщик» за собой. Неблагодарно, конечно. Трусливо даже — но что ещё ему тут оставалось? Оружия он с собой не взял — да и сейчас оно ничем не помогло бы ему. Быстро развернулся, высматривая замок, подскочил к нему, дернул за рычаг...

Створки огромных ворот — монолитные бронеплиты метровой, наверное, толщины — дрогнули и поползли навстречу друг другу. Медленно, но Йаати с облегчением перевел дух, — вот, собственно, и всё... и тут же почувствовал, как его мягко поднимает в воздух. Он бешено дернулся, но вырваться так и не смог, — его ноги уже оторвались от пола, да и ухватиться за что-то тут было просто негде. Вдобавок, его спеленало что-то невидимое, однако, весьма осязаемое. Даже очень осязаемое, — его словно обвила здоровенная змея.

Йаати заорал, — он сам не знал, от страха или ярости, — но не услышал даже своего крика. Потом его так же плавно развернуло. Медленно, словно в каком-то страшном сне, он плыл по воздуху к неподвижно зависшему «клубку». К смотревшему на него огромному страшному глазу... нет, — просто к зияющей дыре, в которой была только темнота. Тьма. Или что-то несравненно худшее.

Что именно, — Йаати не смог, к счастью, представить, просто крепко, отчаянно зажмурился, просто потому, что смотреть ТУДА, в эту тьму, было уже совсем невыносимо. И в тот же миг страшный, неистовый свет ослепил его даже через крепко зажмуренные веки. Что-то ударило его, он полетел... со страшной силой врезался в стену, ощущая, как в теле что-то ломается с невыразимо противным, беззвучным, но *ощущаемым* хрустом. Потом мешком свалился на пол. Замер. Что-то весело потрескивало, в нос ударил запах горячей пластмассы и мяса. А ведь это я горю, подумал он. Весело и жарко. И совсем-совсем не больно. Ну, значит так...

Но тут боль, наконец, докатилась до него. Она оказалась столь ослепительной, дикой, что Йаати даже не успел её почувствовать, — его просто вышибло в холодную, милосердную тьму.

На сей раз, Йаати был точно уверен, что умер, — окончательно и бесповоротно. Смерть оказалась совсем-совсем не страшной, — просто глухая, глубокая тьма, в которой он плавал, словно в самом крепком сне. И с крайним неудовольствием почувствовал, как эта тьма струится, отпуская его, — он словно медленно всплывал на поверхность. Мир вокруг постепенно обретал очертания, и, как-то вдруг, он вынырнул, уже твердо уверенный, что увидит рай или ад... или куда там на самом деле попадают после смерти.

Реальность, однако, жестоко разочаровала его. Он увидел лишь темный потолок казармы, — да ещё, на его фоне, бледное, испуганное лицо Шу. Интересно, как же я тогда выглядел, раз он так испугался, подумал Йаати, садясь.

Он с удивлением обнаружил себя совершенно голым, — даже дисрапторная сеть превратилась в какие-то обгоревшие лохмотья и слезала с тела. Интересно всё же, как я выглядел, вновь подумал он, если даже металл на мне расплавился. Наверное, как подгоревшая котлета. Бр-р-р...

Ладони у Шу были в черной жирной саже, штаны и куртка тоже. Йаати подумал о её происхождении... и ощутил внезапный приступ тошноты. Потом осторожно посмотрел на себя. С телом на вид ничего не случилось, — ну и мощная же штука этот *шуулан!* — но, всё равно, чувствовал он себя как-то неважно. Причем, так замысловато, что не мог сейчас даже понять, — как именно неважно. Тело слушалось как-то неохотно, да и со зрением у него сейчас творилось что-то странное, — всё вокруг казалось каким-то плоским, словно на рисунке.

Это не зрение, это я опять башкой треснулся, подумал он, и передернулся, вспомнив жуткий хруст костей. Наверное, я всё же сдох. А сейчас вроде как ожил... интересно только, взаправду или нет...

— Как ты? — с настоящей тревогой спросил Шу. Вид у него был по-прежнему бледный, и Йаати сам встревожился. Снова посмотрел на себя. Нет, всё, вроде бы, было на месте. Даже (он пощупал голову) его длинные лохмы. Наверное, у меня просто физия сейчас дурацкая, подумал он.

— Нормально, вроде бы, — слова прозвучали как-то странно, незнакомо, словно он сам не говорил год.

— А, — Шу бросил «заправочный пистолет» и осел на пол, словно из него вдруг выпустили воздух. — Когда я нашел тебя там, — горящего, почти без лица, — то подумал, что... а, уже неважно.

Йаати в третий уже раз ощупал себе голову. Нет, вроде бы всё было на месте, — губы, уши... Мозги, наверное, тоже, — ведь он сейчас как-то думал. Или он думал вообще не мозгами?.. А, фигня всё это...

— Ворота как? — спросил он.

— Закрыты, — Шу сейчас смотрел в сторону. — Знаешь, это я тебя... в смысле, я в ту штуку выстрелил. Просто испугался, что... ну, что она тебя сейчас сожрет, и что лучше я...

— Ну и правильно, — Йаати вспомнил страшный черный «глаз»... или глотку, в которую его едва не затянуло. В привычном смысле его наверняка не съели бы, — в этих черных штуках, похоже, вообще не было материи, — но вот саму его душу вполне могли сожрать. — Нет, правда. Мне в самом деле лучше было сдохнуть, чем... правильно, в общем.

— В ту, первую, я тоже... — Шу всё же взглянул на него. — Смелый ты.

— Будто выбор был, — буркнул Йаати. — Или просто так сдохнуть или в бою. В бою не так страшно, — думать некогда.

— Я полебойные пули зарядил, — сказал Шу. — Специально, чтобы тебя не зацепить. Думал, что... а оказалось...

— Ну и правильно, — повторил Йаати. — Я не думаю, что что-то другое тут вообще помогло бы. Эти... это... я не думаю, что оно вообще живое. Умертвие какое-то...

— А, ладно тогда, — Шу поднялся на ноги. — Ты пока тут посиди, а я схожу за «взломщиком», закрою вторые ворота и вообще...

Йаати, естественно, увязался за ним, но на полдороге всё же отстал, — ноги ещё неважно его слушались. Теперь здесь царила тишина, — лишь ровно, надоедливо жужжали длинные лампы, да сверху изредка доносились глухие удары, словно на крышу Цитадели падало что-то громадное...

Йаати недовольно помотал головой. Подумал, что должен снова как-то испугаться, но ему было уже лень, если честно... да и вообще, как-то не хотелось...

Он подумал, что должен бояться хотя бы за Шу, но на самом деле ничего с ним не случилось, — он подошел к «взломщику», поднял его, пошел обратно... вот и всё. Остановился у замка вторых ворот. Те тоже начали закрываться с лязгом и скрежетом, — теперь, если бы какой-то *фтанг* вдруг и ожил, то так там и остался бы.

— Что дальше? — спросил он, глядя на «взломщик». Выглядел тот не очень, честно говоря, — корпус обгорел и вроде как даже оплавился, — но Шу явно было видней...

— Дальше вернемся в рубку, в навигационную, — сказал Шу. — Восстановим защиту, а потом... — он посмотрел на Йаати, задумчиво поджавшего пальцы босых ног — смешно, но когда он был голый, они как-то особенно мерзли. — Слушай, тебе же одеться нужно...

Они вернулись в казарму, — где Йаати вновь влез в большую ему местную форму (синтетика, гадость, и горит очень хорошо, как оказалось, — только весь выбор в том, чтобы и дальше гордо морозить себе попу), собрали барахло, пошли к лифту...

У шлюза он невольно оглянулся, чувствуя чей-то чужой взгляд. За спиной, конечно, никого не было, но Йаати померещилось, что конец коридора, ведущий к порталной шахте, как-то странно мерцает и переливается, словно он смотрит на него через слой прозрачной струящейся воды. Это до жути напомнило ему ту плотную водянистую мглу, от которой они только чудом спаслись в крепости-форпосте, и он ошалело помотал головой. Возможно, ему просто померещилось... но проверять это вовсе не хотелось. Всё равно, в рубке будет видно, как там, снаружи, и что, вот счастье-то...

Так же, без проблем, они вышли в лифтовую шахту. Когда лифт мягко пошел вверх, Йаати вдруг подумал, что ему совсем не показалось — мало ли что могло сейчас происходить снаружи? — но думать об этом тоже не хотелось. Здесь могли стать реальностью даже самые дикие вещи, — он уже много раз убеждался в этом, — но выбора у него, как всегда, не имелось. Делай, что должно, случится, что суждено, как сказано в одной старой книге. Если вся Цитадель тут растает, словно краска в воде, — то так тому и быть. Это всё же не так скучно и противно, как гореть живьем или тонуть в каком-то вонючем болоте...

В верхнем коридоре, к счастью, ничего такого не оказалось. Йаати, правда, с опаской поглядывал на потолок, потом опомнился и помотал головой. Там метров шесть, наверное, металла, подумал он, бояться нечего. Правда, и в воротах было добрых метра два...

Он всё же напрягся, когда Шу открыл шлюз, — но и за ним ничего такого вроде не было. Когда они поехали на лифте, Йаати задрал голову, — но и там, наверху, ничего вроде бы не колыхалось и не мерцало. Это в башке у меня колыхается, с тоской подумал он. Наверное, *шуулан* на полный ремонт не хватило... или он просто не до конца тут помог. И мне теперь до конца дней будут являться всякие глюки. А, и черт с ними, жить можно, и ладно...

Тем не менее, на последних метрах он всё же невольно задержал дыхание и втянул живот. Невольно представилось, как там, наверху, их ждет мерцающая ирреальными огоньками полупрозрачная стена-чудовище. Они поднимутся, она обрушится на них, — и он, Йаати, просто перестанет быть. Не физически даже, а...

Лифт сравнялся с полом рубки, — и Йаати ошалело моргнул. Здесь в самом деле мерцала багровая полупрозрачная мгла, — словно океан кровавой слизи, в котором увязли неподвижные сейчас «клубки», — но не в самой рубке всё же, а за окном. Шу тоже посмотрел в него, передернулся, быстро подошел к пульту. Прицепил «взломщик» к выступавшему из него замку... порту доступа, как он на самом деле назывался, сел на корточки, что-то делая с обгоревшей, непривычного вида клавиатурой и посматривая на экран...

Самому Йаати делать тут было совершенно нечего, и он всё же подошел к окну, — конечно, не вплотную. Сейчас ему казалось, что он смотрит на какую-то кладку великанской икры, и его плечи снова передернулись, едва он представил, что из такой вот икры может вылупиться. Картина была в самом деле совершенно ирреальная, и он вновь вспомнил шоссе. А ведь здесь люди жили, вдруг подумал он. До тех пор, пока тут не появилась эта бредовая жуть. Как же они...

За окном что-то сдвинулось. Один из «клубков» вдруг подплыл к окну... а потом начал проходить сквозь него, — совершенно беззвучно, медленно и страшно. Йаати невольно попятился назад, но споткнулся об выступавший из пола верх той цилиндрической штуковины и позорно сел на попу. В голове у него зашумело, тело стало словно ватное.

Он беспомощно оглянулся на Шу, но тот сейчас не замечал ничего, уйдя целиком в своё непонятное Йаати занятие. К счастью, эта черная жуть не смогла войти внутрь, протиснуть через прозрачную броню своё ядро, — но тут же начала переливаться в толстый серый хобот, — вращаясь с невероятной быстротой, он беззвучно потянулся к Йаати. Вконец ошалев от ужаса, тот сорвал с энергожилета гранату (он уже привык к оружию настолько, что оно казалось ему просто частью тела), и швырнул её прямо в зияющее жерло хобота, тут же испугавшись ещё больше, — всё, дошел, гранаты в глюк бросает, сейчас его и Шу просто...

Хобот отдернулся, исчез, черная штуковина отпрянула... а потом внутри у неё — за стеклом! — беззвучно сверкнул взрыв. Это уже слишком совсем, подумал Йаати, оглянувшись на Шу (тот так ничего и не заметил). Совсем-совсем слишком. Я даже думать не хочу, что это такое было и какого дьявола оно так ко мне тянется. Да только кто же запретит-то...

Он недовольно помотал головой, — все его представления о реальности приказали долго жить, — но и это уже не пугало, а было просто... странно. Непривычно. Настолько, что хотелось заползти в родную постель и накрыться с головой одеялом, — и при этой мысли Йаати вновь недовольно помотал головой. Ты ведь всегда хотел странного, паразит, подумал он про себя. Ну, вот оно, странное, очень хочет тебя, аж припадает. Что ж ты,

скотина, не радуешься?..

Йаати вздохнул. Дома, шарясь по пустырям и развалинам, он, среди прочего, имел в виду встретить педофила или ещё какого бандита, чтобы наподдавать ему и сдать в милицию, — но, как назло, милиция справлялась без него. Нет, личности, которые хотели денег (или просто без затей дать ему в ухо или в глаз) встречались достаточно часто, но все они были примерно его возраста, и, возвращаясь домой в синяках и разодранной рубашке, он не получал в итоге ничего, кроме глубокого удовлетворения... и, иногда, надранных отцом ух...

«Клубки» за окном медленно двигались, смещаясь безо всякой видимой системы, но приближаться пока что не спешили. Непривлекательный я, наверное, подумал Йаати. Нечесаный. И одет не эротично. Попу им, что ли, показать?.. А, ну нафиг, ещё ломанутся всей толпой...

Сердце у него, однако, замирало, — на самом деле, он совсем не знал, что решат натворить эти проклятые штуковины, — но тут на стенах шахты, один за другим, словно громадные фонари, начали загораться эффекторы. Между ними, беззвучно за прозрачной броней, запрыгали молнии, сплетаясь в сплошной купол и ощутимо выпучиваясь вверх. «Клубки» все разом дернулись, словно их вдруг долбануло током, потом заметались, поднимаясь. Ожили башни орудий, вращаясь и выплевывая ослепительно-белые заряды плазмы. Попадая в «клубки», они превращали их в костры тающего электрического огня. Вот теперь до Йаати донеслись глухие, словно сквозь подушку, удары.

— Всё, щит поднимается, — сказал Шу, повернувшись к нему. Лицо у него сейчас было ничего не выражающее, сонное. — И пушки тоже работают. Минут через пять всё закончится... в смысле, защита развернется полностью. Пусть тогда сунуться попробуют.

— А, хорошо, — прямо за окном сейчас сверкали молнии, бурлила водянистая мгла. Йаати прищурился, но звука совсем не было и потому всё, происходящее там, казалось ему совершенно нереальным. Казалось, пространство бурлило, словно жидкость, но всё слабее, по мере того, как щит Цитадели разворачивался, отодвигая мглу. Йаати подумал, что минут через пять всё на самом деле кончится... и вздрогнул, когда над башнями взошли сине-зеленые солнца. Сине-желтые лучи летели из них во все стороны, зажигая злые, белые, тут же гаснущие звезды. — Здорово горят, твари.

— Да, здорово, — Шу подошел к нему, тоже глядя на побоище. Чем бы ни были эти «клубки», сейчас они гибли сотнями и тысячами. Это напоминало уже не битву, а, скорее, истребление колорадского жука. Уцелевшие летели во все стороны, созданная ими мгла рассеивалась, таяла, открывая страшное кровавое солнце. За всё это время оно не сдвинулось даже на волос, и Йаати подумал, что эта странная планета вообще не вращается, вечно обращенная к солнцу одной и той же стороной... в то время как на другой царит вечная тьма, в которой... а, к черту, к черту...

Ещё какое-то время они неподвижно смотрели вверх, но небо уже не менялось, — оно застыло, словно нарисованное. Шу встряхнул волосами, словно очнувшись, с чувством потянулся, — и, глядя на него, Йаати опомнился тоже. Переглянувшись, они пошли есть.

— Дальше что? — спросил Йаати, когда они вернулись в казарму и налопались. Перед

едой он вновь воспользовался «заправочным щитком», и шуулан, вроде бы, помог... хотя бы отчасти. Обалдение никуда не исчезло, да и вообще, он ощущал себя как-то... пусто, — словно в школе после выпускных экзаменов. Вот вроде бы и всё, — пой и радуйся, — а на самом деле грустно-грустно, потому что жизнь, можно сказать, кончена... школьная, по крайней мере. И, хотя впереди будет новая, — более яркая и интересная даже, — понимаешь, что без этого дикого шума и гама на переменах, драк в раздевалке и котлет из трески в столовой ты сам будешь вроде как и не ты...

— Дальше... — Шу сонно взглянул на него, и Йаати подумал, что там, в камере, он совсем не спал, конечно... — Надо убираться отсюда, тут не мир, тут гадюшник какой-то...

— Ага, а куда?

Шу отчаянно зевнул. Видно было, что спать ему хотелось страшно, — но для этого ещё было не время...

— Разбираться надо. Пошли в рубку...

31.

В рубке Шу опять устроился у пульта, — а Йаати сел на пол, у окна. Ему очень хотелось попросить Шу показать, как обращаться со всей этой фигней... но для этого сейчас было не время, да и отвлекать его не стоило, чего уж там...

Интересно окажется, если выхода отсюда нет, подумал он. Такой себе тупик. Могила. Дно. И мы будем сидеть здесь, пока не кончится жратва... или пока не помрем от старости...

Йаати вздохнул. Такой вот конец он совсем не мог представить. И что-то говорило ему, что здешняя нечисть тоже не успокоится, и вскоре вернется, как говорится, в силах тяжких, а тогда... черт знает, что будет тогда. Долбанут водородной бомбой, например. Или атомной торпедой с подлодки...

Он недовольно помотал головой. Торпеды и водородные бомбы были слишком... человеческим оружием. Йаати понимал, что тут, в этом жутком мире, их нет и быть не может. Но зато может быть нечто такое, что он и представить не может... ну и хорошо, потому что пугать себя глупо...

— В общем, так, — сказал Шу, выпрямившись. — Чтобы совершить переход, нужно определить координаты, иначе не получится. К счастью, прямо здесь есть... ну, локатор вроде как, который этим занимается, — он показал на две цилиндрических штуковины. По мнению Йаати, на локатор они не походили ничуть. — Когда он включается, тут, в середине, возникает гиперсфера... ну, так в мануале сказано. Из неё вроде как видно другие миры, и можно в них портал открыть. А потом забросить через него маяк и определить координаты. Только это штука для Крэйнов, не для людей. Я не знаю, что будет, если я в неё влезу.

Йаати пожал плечами.

— Ну, тогда я влезу.

Шу хмыкнул.

— Не влезешь. Ты, прости, не фига не знаешь, что там делать. А я знаю. В теории, по крайней мере.

Йаати открыл рот, чтобы возразить... но в голову ему так ничего и не пришло.

Он растерянно смотрел, как Шу ходит вокруг «локатора». Там, в несколько рядов, прямо в воздухе, загорелись какие-то желтые, объемные знаки, и он касался то одного, то другого, возвращался к экрану, что-то смотрел, вновь возвращался к «локатору»... тянулось это долго, и Йаати начал ощущать себя кем-то вроде тунейдца, — хотя его часто называли лентяем, бездельно смотреть, как кто-то работает, он на самом деле не любил. Да и ощущать себя дураком ему не очень-то нравилось, чего уж там...

Наконец, пол завибрировал под ним. Сверху и снизу донесся мощный гул, на стеклянных торцах цилиндров тоже вспыхнули какие-то изображения. Воздух между ними замерцал, в нем, сплетаясь в клубок, затрещали разряды, — и, наконец, между ними повисла зыбкая, полупрозрачная сфера диаметром метра в полтора. Йаати даже не успел толком рассмотреть, откуда она там взялась.

— Ну вот, — устало сказал Шу. — Сейчас я туда... Если со мной что-то случится... а, нафиг, — он глубоко вздохнул, и вдруг нырнул в шар, словно в воду.

Йаати замер, глядя на плавающую в шаре смутную фигуру Шу. Тот поджал ноги, тело его как-то неприятно подергивалось, и нельзя было понять, что там с ним происходит. Сердце Йаати вдруг бешено забилося, снова подступая к горлу. Ему страшно хотелось вытащить Шу оттуда... но он боялся помешать ему и всё испортить. Только вот судороги Шу смотрелись уже совсем нехорошо, словно он начал там задыхаться, и через минуту Йаати не выдержал, — сунул в ощутимо плотную, словно масло, сферу руки, ухватил Шу за куртку, вытащил наружу...

Шу плюхнулся на пол, судорожно задыхался, — он и в самом деле чуть не задохнулся, — потом помотал головой, что-то слабо замычал, сел... Йаати испуганно следил за ним. Если с Шу там что-то случилось... но испугаться всерьёз он всё же не успел.

— Сдохнуть можно от этого, — наконец сказал Шу, опомнившись. — Всё мельтешит, калейдоскоп какой-то. У меня крыша там поехала.

— Значит, я, — Йаати вздохнул. На самом деле ему вовсе не хотелось туда лезть... но других кандидатов видно как-то не было, да и, в конце концов, у него был уже определенный опыт в этой области... — Когда я начну задыхаться, — хватай за штаны и тяни, не то я там сдохну...

Шу хмуро смотрел на него, — верно, и ему эта затея не нравилась, — но ничего не сказал, просто кивнул.

Йаати ещё раз глубоко вздохнул, словно готовясь нырнуть, — и бросился в шар. В первый миг он испугался, что просто проскочит насквозь и смачно треснется об пол... но завис в некой бесплотной, однако же вполне ощутимой среде, словно в шаре колыхавшейся воды, — рубка из неё была видна очень смутно, да и вдохнуть её не получалось... наверное, и к лучшему, черт знает, что это вообще такое...

И что дальше? — подумал Йаати через несколько мгновений. Наверное, на меня эта фигня просто не действует, потому что я...

Мир вокруг взорвался. Один, цельный образ вдруг сменили миллионы, наверное, летящих во все стороны осколков, словно в башку Йаати на самом деле угодила бомба. От такого у него тоже поехала бы крыша, — но почти сразу же это безумное мельтешение превратилось в привычный уже калейдоскоп, а потом замедлилось до почти нормального, — по крайней мере, теперь он хотя бы успевал понять, на что именно смотрит. На сей раз, это были не закоулки Цитадели, не разные места этого жуткого мира, а другие, совсем другие миры, один за другим сменявшие друг друга. Сейчас Йаати чувствовал, что может войти в любой из них... если захочет... только вот как-то не хотелось...

...дорога на дне какой-то долины, обрамленная скалами из красного гранита и залитая багровым светом заходящего солнца. В нем пламенели окна множества многоэтажных домов, почему-то стоявших наверху, среди этих скал. Людей совсем видно не было, лишь в густом жарком воздухе висели слитные, бесконечные гудки множества тепловозов, и Йаати понял, что тут сейчас произойдет нечто жуткое...

...огромный аэродром, над которым кружили реактивные пассажирские самолеты и ещё какие-то штуковины, которые вроде бы совершенно не могли летать. Над обрамлявшими аэродром горами тоже пламенел закат, — а на его фоне, как символ рока, пылала огромная и страшная зеленая звезда...

...снова город, — скопище небоскребов, разделенное лабиринтом узких, заваленных снегом мертвых улиц, по которым, прямо между зданиями переливались сполохи странного зеленоватого сияния, похожего на полярное...

...черное неподвижное море, из которого прямо в зенит, казалось, поднимались немисливо высокие, мертвенно-белые игловидные скалы. В зените пылало голубое солнце, и воздух здесь дрожал, — то ли от жары, то ли от звеневшего в нем невозможного, запретельного ужаса...

Йаати напомнил себе, что он здесь не для просмотра галереи кошмаров, а для поиска места, где смогут жить тридцать миллионов человек, да и времени у него совсем мало...

Он постарался как-то расширить охват, — и мир вокруг опять взорвался. В этом мельтешении Йаати ничего не мог понять, — казалось, он смотрит на осколки сотен, тысяч перемешанных картинок, — и снова спешно отступил назад... но не до конца: теперь за каждую секунду перед ним проносились десятки миров. Он не успевал их разглядеть, — но вдруг понял, что это и не требовалось: самым важным тут был вовсе не взгляд (в конце концов, он видел всего лишь одну случайную точку каждого мира, а этого точно было мало, чтобы составить хоть какое-то представление об нем), а... общее ощущение, так сказать. Он не знал, правда, насколько правдиво это ощущение, и стоит ли ему вообще верить... но других вариантов не было, и он мчался, мчался, мчался... и вдруг вся эта безумная карусель миров замерла. Йаати увидел поросшие лесом холмы под тяжелыми серыми тучами. Здесь он не ощущал ничего, кроме покоя, и этот мир не сдвинулся, когда он, — уже чисто рефлекторно, — попытался пойти дальше. Калейдоскоп остановился, мир стоял твердо, как скала. Значит, здесь, решил Йаати... и в тот же миг почувствовал, как его самого тащат куда-то...

Шу. Тот что-то говорил ему, но его рот открылся беззвучно, как у рыбы. Йаати ошалело помотал головой, сел и закашлялся. Грудь жгло, в глазах плавали темные пятна, — он и впрямь едва не задохнулся в этом пузыре. Шу испуганно смотрел на него, но Йаати смог лишь успокаивающе поднять руку, стараясь отдышаться. Воздух вокруг, казалось, стал разреженным, — он никак не мог вдохнуть достаточно... но это длилось какие-то минуты.

Отдышавшись, Йаати вновь помотал головой и поднялся. Голова по-прежнему кружилась, но теперь он чувствовал себя почти нормально, — если не считать того, что сердце у него всё ещё билось, как безумное, а мир вокруг иногда... расщеплялся, и взгляд Йаати соскальзывал куда-то в серую гудящую мглу, в которой двигались чудовищные тени...

Он вновь недовольно мотнул головой, — и плюхнулся на четвереньки. Шу подбежал к нему, поставил на ноги. Йаати уцепился за него, чтобы снова не свалиться. В какой-то миг ему показалось, что он сам стал призраком, и его рука пройдет сквозь Шу... но она была реальной, и Шу тоже.

— Как ты? — с тревогой спросил Шу.

— Нормально вроде. Только башка очень кружится, — Йаати как-то с запозданием понял, что вновь слышит звуки. За окном крутился багровый полупрозрачный смерч, и, вывернувшись из рук Шу, Йаати подошел к стеклу. За дрожащим озером портала синело глубокое чистое небо с белым солнцем, — по контрасту оно показалось ему крошечным.

Секундой позже Йаати понял назначение прорезающих крышу Цитадели шахт, — из одной из них вырвалась какая-то бешено крутящаяся многогранная штука, нырнула в портал, который тут же схлопнулся, исчез...

Йаати удивленно моргнул, глядя на страшное кровавое солнце, — он чувствовал себя сейчас как-то совсем странно, словно проснувшись снова соскользнул в кошмар, — потом вновь мотнул головой, и, наконец, опомнился. Крыша Цитадели была совершенно пустой, и он невольно подумал, куда исчезла армия Хи`йык. Была съедена этой самой гхатрой, о которой говорил Нцхл? Или кто-то всё же смог спуститься вниз, и сейчас подбирается к ним сзади?.. Или же внутрь пробралась часть этих страшных «клубков», и их ждут новые удивительные встречи?..

Он вздохнул и посмотрел на горизонт... но горизонта больше не было, — там, словно воздух над печью, бурлила водянистая мгла. Йаати уже видел что-то подобное, — в том, брошенном ими мире, — и его плечи невольно передернулись: кажется, эта, растворявшая самую Реальность зыбь и была той самой чудовищной «пульпой». Интересно, какое отношение к ней имел покойный уже Нихх`хел`за, и почему благодаря ему она могла проникнуть во все миры?..

Йаати вновь мотнул головой и отвернулся от окна. Шу вновь прилип к пультам, и он не решился его отвлекать, — но всего через пару минут Шу сам повернулся к нему.

— Всё, маяк сработал. Теперь у нас есть координаты. Мир В-1/247. Даже если маяк уничтожат, они есть в памяти. Мы сможем туда попасть... и жить там. Спасибо, — он быстро подошел к Йаати и порывисто обнял его. Йаати лишь придушенно пискнул, — сейчас Шу был очень рад... и он был очень сильный. К счастью, он тут же опомнился и отпустил его.

— Дальше что? — спросил Йаати, осторожно ощупывая ребра. Вроде бы целые, но...

Шу широко улыбнулся.

— Ничего. Спать пошли. У меня глаза закрываются просто, и башка гудит, словно пустой котел...

Они спустились в казарму. Шу раскидал по полу одежду, плюхнулся на ближайшую постель, и, похоже, мгновенно задрях. Йаати с сомнением посмотрел на него, — ему спать пока что не хотелось, — потом вздохнул, разделся и забрался в соседнюю постель. Простыня была жутко холодная, одеяло, — колючее и тонкое. Такая вот постель точно не располагала ко сну, — к тому же, общая обстановка отбоя и наличие рядом собрата-юноша вызывали у Йаати почти физиологическое желание потрепаться. Тем более, что и у него тоже башка пухла от невозможности понять все местные (и не местные уже, но всё равно до жути интересные) странности.

Он вздохнул и приподнялся, глядя на Шу. Шу, приподнявшись, смотрел на него, и Йаати невольно улыбнулся: пусть они и родились в совсем разных мирах, но по крайней мере в этом оказались очень схожи...

— Слушай, я давно хотел спросить... — зевая, начал Шу. Спать ему действительно хотелось, — но факт наличия рядом собрата-юноша с совершенно готовыми к активному прогреву ухами верно не давал покоя и ему. — Ты на самом деле видел там, в городе, фемму?

— Да, а что? — выбор темы удивил Йаати, но для вечернего трепа она была точно не хуже всех прочих. — А, ты же говорил, что таких не бывает...

— Почему, бывают, — Шу опять зевнул. — Я, правда, ни разу их не видел, но кое-что слышал о них, — говорят, раньше они помогали Сопротивлению, но теперь не осталось ни одной. А говорить о таком с лоялистами, — сам понимаешь...

— Так я же не лоялист, — удивился Йаати.

— Теперь-то я вижу, — Шу улыбнулся. — А теперь расскажи толком, что там было-то...

Йаати рассказал, — обстоятельно и с удовольствием, радуясь просто тому, что есть кому слушать. Времени это, правда, заняло немного, — но, выслушав его, Шу задумался.

— И что? — не выдержал Йаати.

— Всё же странно, что ты наткнулся на фемму, которая спустя столько лет всё ещё как-то работала, — сказал Шу. — Наверное, все эти годы она стояла где-то там, в углу, словно манекен, пока шум не разбудил её.

Йаати вспомнил пыльное, словно старый ковер, пончо феммы, и его передернуло, — она всё же казалась ему каким-то странным человеком, — и недовольно мотнул головой. Вспоминать о таком вот не хотелось, словно он бросил кого-то...

— А что в этом такого необычного? — спросил он.

Шу вздохнул.

— За всё это время батареи феммы давно бы сели. Пустые районы отключают, а в жилых по квартирам патрули ходят, — в том числе, и на такой вот случай тоже.

— Там, в той квартире, ещё осталось электричество. И фемма сказала, что оно от реактора... только черт знает, от какого. Цитадели, наверное? — сонно предположил Йаати.

— Наверное, — Шу сейчас думал о чем-то своем. — Говоришь, она просто стояла, как стол?

Йаати кивнул. Он вспомнил, как фемма молча смотрела на него, совершенно не двигаясь, словно манекен, — и его снова передернуло.

— Какая-то совсем старая модель... наверняка, ещё с внешним управлением, способная без него лишь к самым простым функциям, — а значит, узнать что-то ценное от неё не вышло бы, — предположил Шу. — Тем более, стрейдовая мозаика на ладонях, — Йаати

вспомнил сиренево-черный металл, словно вырастающий из белой руки феммы, и вновь поёжился. — Точно рабочая модель.

— А что значит, — рабочая модель? — спросил он.

Шу смущенно опустил взгляд.

— Феммы обычно служат для... ну, как суррогат женщин, в общем. И они, обычно, не сильные. Не могут причинить вред, даже если захотят. А рабочая фемма обладает огромной физической — то есть, конечно, гидравлической силой. Она без труда подняла бы полтонны груза — а может, и больше. Или бы ноги тебе из жопы вырвала. Говорят, и такое бывало. Соппротивление специально засыпало таких... к всяким нехорошим людям. Потому-то их и запретили, собственно. И даже говорить о них...

— То есть, это машина-убийца? — Йаати передернуло. Мысль о том, что и ему могли вырвать ноги, не радовала.

— Нет, — Шу усмехнулся. — Она же говорила с небольшими паузами, словно консультируясь с кем-то. С удаленным компьютером, скорее всего, а феммы-убийцы так не делали. Всё интереснее и интереснее...

— Что интереснее? — Йаати тоже одолело любопытство.

— Ты говорил, что на подошвах у неё тоже стрейдовая мозаика. Это рабочая модель, рассчитанная на многолетнюю эксплуатацию, безо всякого особого ухода. Обычная фемма столько бы не протянула, даже в «спящем» состоянии, — потекла бы гидравлика, и вообще... Интересно всё же, откуда она там...

— Я спрашивал, — хмуро сказал Йаати. — Но она не ответила.

— Очевидно, вопрос не был предусмотрен программой, — Шу вздохнул. — Общаться с такими вот устройствами — всё равно, что шарить в темноте наугад: не знаешь, что там есть, к тому же, можешь пройти в волоске от нужного — и не заметить. Но всё же... я бы спросил, где её управляющий компьютер.

— Ага, и она бы мне ноги из попы вырвала бы, — хмуро сказал Йаати. — Из соображений конспирации.

Шу вздохнул.

— Промолчала бы. Неудобных вопросов для фемм не существует, — если ответ не заложен в программе, вопрос они просто игнорируют. Но может...

— Ага, только вот то, что она мне там говорила, всё же здорово походило на бред, — сказал Йаати.

— Бредить феммы не могут: все их слова записаны заранее, и они просто выдают их в ответ на внесенные в программу вопросы. Или ситуации. Или... — Шу вновь зевнул, на сей раз, уже душераздирающе. — На самом деле технология общения с феммами довольно сложная — но в ней я не разбирался никогда, да не особо и рвался: компьютеры всё же привычнее. Слушай, спать давай...

Йаати вздохнул. Спать хотелось и ему, — вот только рой кружащихся в голове загадок не давал ему покоя.

— А ты знаешь, что со мной было? — спросил он. — Все эти появления-исчезновения и так далее? Это же просто мистика какая-то...

Шу снова душераздирающе зевнул.

— Мистики — это просто люди, которые верят во всякую чушь, в то, что они обладают какими-то необычными способностями... всерьёз верят, до самого доньшка. По мне мистика — это просто самогипноз, когда человек убеждает себя, что летит, в то время как на

самом деле он падает с десятого этажа. Я слышал про парня, который считал себя Господом Всемогушим и Совершенным, — в то время как на самом деле он был лишь психом, жующим занавески в дурке.

— Ну, я-то, наверное, не псих, — обиженно сказал Йаати. — И со мной это на самом деле было, ты же видел...

— Видел, — Шу вздохнул и откинулся на спину, глядя в потолок. — В том-то и дело, что видел, — иначе в жизни не поверил бы. Знаешь, философы говорят, что мистика — это тонкие, можно сказать, духовные воздействия, напрямую меняющие реальность. Или даже иррациональные, ни с чем не связанные изменения самой реальности. Типа мистической пропажи носков и множества других предметов. А у вас что на эту тему говорят?

Йаати задумался. Мистикой как таковой он никогда не интересовался, — но всё необычное страшно его привлекало, так что читал на эту тему он немало, да и по телевизору тоже много что смотрел...

— Анмай, — ну, Сверхправитель, — говорил, что мистика, — это то, что обычно происходит во сне, где события не имеют ни связи, ни причины. И что мистику можно изображать, как опущенную в воду руку, — вода вокруг неё течет, но никто не скажет, как потечет каждая отдельная струйка.

— Дурацкий подход, если честно, — Шу снова зевнул.

— А чем её тогда изображать? — удивился Йаати. — Но он говорил, что, по мнению мистиков, сознание первично, а мир — только иллюзия. Или инфорет. Или у нас есть ихцемизис, который формируется Волей и Представлением — и сам, в свою очередь, влияет на Реальность, — сейчас Йаати говорил не свои, услышанные раньше слова, и ему было немного смешно. — В таком плане даже я сам — мистик... наверное.

— А что это за инфорет и ихцемизис?

— Инфорет, — это дополненная реальность, ну, вроде как расщепленная, — Йаати подумал. — Например, астрал есть, — но не в бреду психов, а в реале. И в него можно войти, выйти и так далее... А ихцемизис, — это Первичный Хаос, или варп там. И в нем постепенно возникает... ну, отражение человека, и, если он будет думать много и правильно, то оно, в свою очередь, начнет влиять на реальность. Вот и будет та самая мистика. Я, правда, об этом не думал ни фига, но мне давно уже кажется, что мир совсем не такой, как нам кажется, и на самом-то деле всё, ну, совсем другое. А если хорошенько подумать, как всё должно быть, то так оно и станет...

— Лучше не надо. Слушай, спать давай. У меня и так башка уже пухнет, — Шу демонстративно повернулся спиной и затих.

Йаати тоже отвернулся к стене, накрывшись одеялом. В казарме стало очень тихо — слышалось лишь ровное жужжание ламп, слегка раздражающее, — словно над ушами вились невидимые насекомые. Простыня холодила голый бок, одеяло кололось, торчавшие из-под него босые ноги мерзли. Йаати поджал их и поёжился, подумав, что так он точно не сможет заснуть.

И заснул.

...скользящая чугунная лестница казалась бесконечной, — но, наконец, Йаати, вслед за Шу, вылетел на пересекающий улицу мост и помчался по нему, почти не глядя по сторонам... и всё же замер, словно наткнувшись на мощный, густой звук взрыва. Ошалело повернул голову...

В стороне вокзала, над крышами, вспухало крутящееся, похожее на кулак облако коричневатого-серого дыма или пара, оставляя за собой клочковатую, неровную колонну. Йаати, ошалело приоткрыв рот, глазел на это зрелище, — и тут между землей и облаком сверкнула целая сеть молний. В тот же миг воздух снова ударил по ушам, и из-за крыш всплыло второе облако, точно такое же. Потом третье...

— Какого черта... — начал он.

На горизонте, над крышами, зажглось несколько злых сине-белых огней, таких ярких, что на них больно было смотреть. Снова засверкали молнии, — почти непрерывно, сплетаясь в дрожащие волокнистые дуги, — словно в какую-то призрачную радугу. Треск и шипение накатили волной, глуша все звуки, — и сами угасли на фоне двух новых мощных взрывов. Над крышами вспухло ещё два облака — того же вида и размера, на равном расстоянии от прочих, словно шел какой-то фейерверк. Шапки первых взрывов уже сносило ветром, их трубчатые хвосты неровно кренились, словно падающие башни. Самая первая из них нырнула в тяжело расступившиеся тучи, — они неохотно закрутились, заворачиваясь в жутковатую воронку, словно небо проваливалось вверх...

— Вниз, вниз, вниз! — заорал Шу, бросаясь к концу моста. Здесь вниз вела каменная лестница, — очень длинная, как показалось Йаати. Шу вскочил на чугунные перила, — и по ним, как по горке, быстро соскользнул вниз. Йаати последовал его примеру, чувствуя, как раскалившиеся от трения штаны больно жгут зад, а сердце сладко замирает от скорости. Он ловко соскочил на булыжную мостовую, и, не теряя ускорения, во весь опор помчался вслед за Шу. Город был какой-то странный, — древние трех-четырёхэтажные дома, смыкаясь боками, превращали тесную улицу в ущелье. Голые черные деревья и мокрый булыжник под ногами ещё больше нагнетали обстановку, — здесь, верно, была глубокая осень.

Улицу перекрывала громадная, метра два в диаметре, чугунная труба, — она, казалось, появилась из воздуха, но Йаати даже не замедлил бега, — он взлетел на пересекавший её мостик... и испуганно присел, когда прямо над крышами треснула ветвистая молния.

— Вперед, вперед! — заорал Шу, обернувшись.

Йаати взглянул вперед, — улица упиралась в косой серо-коричневый, плоский фасад пяти-шестиэтажного мрачного дома с узкими окнами, и, вроде, разделялась надвое, — но Шу нырнул влево, в подворотню, и сразу исчез.

Сердце Йаати ошалело ёкнуло, — больше всего на свете он сейчас боялся потерять Шу. Он вновь быстро соскользнул по перилам и помчался вперед, — но воздух вокруг словно загустел, и он плыл в нем медленно-медленно... и даже удивленно моргнул, увидев совсем рядом низкий, — всего чуть выше головы, — мрачный сырой туннель подворотни.

Торопливо проскочив его, он вылетел в грязный сумрачный двор, заваленный мусором и

со всех сторон окруженный закопченными грязными фасадами. Его почти целиком заполняли темно-красные и темно-зеленые облезлые морские контейнеры, непонятно как сюда попавшие, — и Шу стоял у щели между ними.

— Сюда! Быстрее!..

Вслед за ним Йаати нырнул в тесную щель, увязая в грязи. Бежать здесь уже не получалось, — слишком тесно, и он едва ли не боком торопливо пробирался вперед. Щель казалась бесконечной, — а молнии над головой трещали уже непрерывно, их свет слепил глаза, гром больно бил по ушам.

Добравшись до конца, Йаати едва ли не взвыл, увидев, что это лишь поворот, и впереди новая щель между контейнеров, ещё более узкая. Выбора, однако, не было, и он пополз по ней, щурясь и невольно зажимая уши, — они, казалось, вот-вот лопнут от непрерывного грома.

Наконец, он выбрался на тесный бетонный пяточок среди контейнеров. В нем зиял квадратный отверстый люк, — Шу сиганул в него и сразу исчез.

Йаати осторожно заглянул вниз, — тесная квадратная шахта, коричневые крашенные стены, угол и цементный пол какой-то комнаты, залитой теплым желтым светом. Никакой лестницы, — а высота, минимум, метра четыре. Вот только выбора у него не было, — и он тоже солдатиком сиганул в люк. С замирающим сердцем полетел вниз, в ослепительной вспышке боли треснулся об пол... и проснулся.

2.

Йаати рывком вскинулся и сел, очумело оглядываясь. Реальность вокруг мало чем отличалась от кошмарного сна, — она словно шла волнами, иногда распадаясь в набор бессмысленных радужных пятен. Многоголосый воющий хор тоже то отступал, то накатывал волнами, — Йаати не слышал его, он возникал где-то в его голове. Даже своё собственное тело он ощущал сейчас как-то неясно, — его обдавало то жаром, то холодом, иногда оно вовсе словно пропадало, иногда Йаати казалось, что его трогают сотни невидимых рук. Ко всему этому добавлялись мощные волны какого-то беспричинного, физиологического ужаса, — впрочем, не совсем, наверное, беспричинного: его сердце то начинало бешено биться, то на секунду замирало вовсе, мышцы беспорядочно подергивались, а голова бессовестно кружилась. В довершение всего, его ещё и тошнило, так что Йаати не сразу даже понял, что смотрит в такие же очумелые, испуганные глаза Шу. Свет мигал, пригасая и загораясь снова, постель под ним содрогалась в волнах наплывавшего сразу отовсюду гула.

Йаати совсем не понимал, что происходит, — но сейчас он был так потрясен, так испуган, что мир вокруг него... раскрылся. Он увидел окруживший Цитадель колоссальный, вдвое выше её, вал бурлящей водянистой мглы. В нем двигались чудовищные тени, — вроде бы человеческие, но по размеру подобные облакам. Они кричали, — беззвучно, но так, что на Йаати находили волны ужаса, и даже воздух вокруг вспыхивал жидкими пленками тающего электрического огня.

Над башнями Цитадели пылали три яростных сине-зеленых солнца, из них били уже непрерывные желто-голубые лучи, — они скользили по стене жидкой мглы, оставляя на ней сплошные полосы ядовитого, желто-зеленого огня, — но этим всё и ограничивалось. Даже этим орудиям явно не хватало мощности, — но и мгла, бурля и колыхаясь, вроде бы не

приближалась к ним. Но из неё летели беззвучные, чудовищные крики, от которых вся Цитадель содрогалась, и Йаати понял, что через несколько минут такой атаки она просто развалится, — или в ней откажут все системы, и тогда эта зыбкая мгла доберется до них. Он вспомнил скользящие в ней искаженные тени людей, и передернулся: теперь он понимал, что есть вещи намного, намного хуже любой, даже самой мучительной смерти...

— Что... что это? — испуганно спросил Шу. Воздух между ними вдруг вспыхнул и свернулся на секунду трескучей электрической змеей. Йаати показалось, что воздух там начал выгибаться страшным пузырем переноса... но пузырь тут же исчез: похоже, что защитное поле работало... пока что.

— Местные пришли. Огромные... — его снова накрыло волной радужного ужаса, и он всплыл лишь через несколько мгновений. — Щит вроде как держит, но пушки не справляются.

Шу диковато взглянул на него, — вероятно, стараясь понять, не бредит ли он, — но переспрашивать не стал. Быстро скатился с постели, плюхнулся на четвереньки, — верно, его тоже накрыло, — поднялся, помотал головой... Побрел к стоящему в казарме терминалу с прицепленным к нему «взломщиком» Хи`йык. Йаати тупо смотрел на него, — он совсем не понимал, что Шу хочет сделать, — потом тоже поднялся. Просто потому, что сидеть без дела было уже совсем невыносимо. Будь он только чуть помладше, — он бы спрятался под одеяло, только вот и это ему уже не помогло бы: весь этот радужный ужас был не только вокруг, но и в нем самом, в самой его душе, — и от одного этого он мог сойти с ума...

Йаати сжал зубы, — в конце концов, он не девчонка, — и побрел вслед за Шу, сам не вполне понимая, зачем, — помочь ему он точно ничем не смог бы...

Вспыхнувший электрическим огнем воздух опалил бедро, и Йаати взвыл от боли, хватаясь за него. Ему сразу же очень наглядно представилось, что с ним будет, вспыхни это пламя прямо у него в груди... но Шу даже не оглянулся на крик: вероятно, и его сейчас накрыло волной радужного шума. Вот так сдохнешь, — и никто не заметит, мрачно подумал Йаати. Ну да и раньше с этим было не особенно лучше: отдай он внезапно концы, — и никого, кроме родителей и пары друзей это никак не огорчило бы, напротив...

Шу, между тем, добрел до терминала и склонился над ним. К крайнему удивлению Йаати, терминал работал. По крайней мере экраны с непонятным узором горели, лишь иногда шли волнами, когда мигал свет. Похоже, что вся эта фигня действует больше на нас, отстраненно подумал Йаати, и большая часть всех этих ужасов нам сейчас просто кажется...

Бедро, однако, дико жгло, и, взглянув на него наконец, Йаати увидел замысловатый, словно морозный узор, ожог. Ярко-красный, — но, к счастью, без волдырей. Болело, однако, просто изумительно, и Йаати передернулся. Это уж точно ему не померещилось. И, когда его вновь окунуло в вопящую радужную пустоту, он не на шутку уже испугался: сейчас ему казалось, что он тонет в ней, нет, даже хуже: что его, само его сознание, злобно разрывают на части... некие формы, которые даже сейчас оставались за пределом его зрения. Наверное, и к лучшему, потому что здесь, в этом вывернутом наизнанку мире, образы были совершенно реальны, и контакт с некоторыми кончился бы для него примерно так же, как контакт с асфальтом при падении с сорокового этажа. Тем не менее, он вынырнул и в этот раз, увидев склонившегося над пультом Шу. Тот опять ничего не заметил, и Йаати подумал, что эти странные... провалы как-то больше льнут к нему, — должно быть, в силу его странной способности смотреть в разные места, и даже самому проваливаться в них. Ладно, хоть какая-то польза от него...

Он не представлял, правда, что с ним стало бы, провались он в эту радужную бездну ещё раз... но тут откуда-то снизу докатился мощный гул, на сей раз, совершенно реальный: под босыми ногами Йаати завибрировал пол. Мир вокруг него опять треснул, как стекло, и он увидел, как над Цитаделью поднимается шпиль бело-зеленого огня. Словно разбившись о небо, он развернулся звездообразным зонтиком, вывернулся наизнанку и начал превращаться в пылающий огненный шар, — точно такой же, какие поднимались над башнями Цитадели, но намного, намного больший. Шар рос, набухая всё больше, — и вдруг из него ударил толстый белый луч, похожий на поток жидкого солнца. Очевидно, это был главный калибр Цитадели, и результат оказался впечатляющий: луч буквально вспорол стену водянистой мглы, превращая её в сплошное море огня. И двинулся дальше, по кругу, оставляя за собой клокочущую массу пламени и ядовитого даже на вид зеленовато-коричневого дыма. Чудовищные тени шарахнулись в глубину водянистого моря... и Йаати вдруг понял, что стало очень тихо. Свет горел ровно, ничего не мерцало и не жужжало в голове, и не вышибало его нафиг из привычной реальности. Тело тоже подчинялось идеально, его больше не трясло, не обжигало, не морозило. Болел только ожог на бедре, — но болел радостно и мощно.

Йаати поморгал, стараясь окончательно вернуться в реальность, потом взглянул на Шу. Тот выпрямился и тоже повернулся к нему. Лицо у него было испуганное, — но уже не активно. Йаати понял, что опасность миновала. Пока что.

— Что это было? — спросил он. Пол под ним снова задрожал: до Цитадели докатилась ударная волна. Йаати наострил уши, но сюда, внутрь, не проникло ни звука, хотя грохот снаружи стоял, должно быть, чудовищный.

— Главный калибр, — ответил Шу. — Вчера я забыл его разблокировать, — и в итоге мы едва не сдохли. А что это было-то? Там, снаружи?

Йаати рассказал, — путаясь в словах и понимая, что рассказ его удивительно похож на лихорадочный бред. Лицо Шу, однако, стало очень хмурым. Он снова повернулся к пультам. На сей раз, над ним загорелся экран, и Йаати уже наяву увидел, что происходит снаружи: чудовищный маяк над крышей Цитадели вращался, поток губительного белого огня резал водянистую мглу... но она не отступала, смыкаясь за лучом.

— Это поможет ненадолго, — с тревогой сказал Шу. — Сейчас излучатель работает стабильно, но через несколько минут генераторы перегреются, а тогда...

— И что нам делать? — тупо спросил Йаати. Ему не хотелось верить, что вся их история кончится так вот глупо.

Шу задумался. Потом вдруг улыбнулся. Жутковато.

— Нихх`хел`за притащил сюда дельта-бомбу, — мы с тобой её видели, в контейнере. Крэйны разработали её специально для борьбы с пульпой. Я слышал, что если она сработает, — всем настанет кирдык в радиусе ста, что ли, километров. И, самая прелесть в том, что на самом деле это не бомба, а тоже что-то типа генератора, который перезаряжается после каждого выстрела. Я не знаю, сколько времени занимает цикл, но он наверняка уже закончился.

— Э... а мы? — ошалело спросил Йаати. Нет, такой вот конец был, наверное, мечтой любого настоящего воина, и он, в общем, не имел ничего против... но сам же Шу говорил, что тут, в Цитадели, одних детей, — двадцать миллионов человек. И пять миллионов женщин. И два с половиной миллиона... м-м-м... пенсионеров. Забирать их с собой Йаати совершенно точно не хотелось.

Шу усмехнулся.

— Дельта-бомба, — это не бомба в привычном нам смысле. Она не взрывается. Или взрывается не в нашем пространстве. Я, правда, не знаю, в чем там принцип, но дельта-бомба не повреждает материальные тела.

— Особо художественный свист? — неуверенно предположил Йаати, вспомнив бессчетные дырки на призме.

Шу вновь улыбнулся.

— Смена числа Пи локально. Не, я слышал, что она только на разумных существ действует. Как наш нейроглушитель, только несравненно мощнее. У Крэйнов ещё кристалломины есть, которые вызывают в радиусе двадцати метров взрыв мозга. В переносном смысле, разумеется. Ладно, хватит болтать, — Шу отцепил «взломщика» Хи`йк от пульта и вскинул массивный корпус на плечо. — Времени у нас почти нет. Пошли.

3.

К счастью, вчера они не стали отходить от рубки, и, едва выйдя в коридор, Йаати увидел черный куб контейнера. Дверь его так и осталась открытой, и, едва он сунулся внутрь, в лицо ему вновь ударила волна жаркого, пахнущего озоном воздуха, в уши впился стеклянный пронзительный писк. Теперь Йаати понял, что на самом деле всё же не слышит его, — он рождался прямо у него в голове, словно само пространство вокруг бомбы звенело от напряжения...

— Выталкивай, выталкивай её! — крикнул Шу, протискиваясь вглубь между силовым полем и стенкой контейнера. Йаати протиснулся вслед за ним, уперся ладонями в поле, и нажал изо всех сил. Бомба, однако, не двинулась, — она весила, наверное, не один десяток тонн. Йаати зарычал от злости и удвоил усилия, для надежности упираясь в стену ногами. Казалось, он сейчас лопнет от натуги, — но проклятая штуковина не двигалась. Вот же гадство, подумал он, чувствуя, как отчаянно дрожат все мускулы, а по телу течет пот. Последний, можно сказать, бой, — и что я делаю? Корячусь в затхлой щели, как дурак, пытаюсь сдвинуть эту ду...

Он вдруг понял, что бомба всё же сдвинулась, — щель точно стала шире, — и уперся сильнее. Всё же, он был уже достаточно здоровый, и Шу тоже, — бомба поползла уже заметно, и Йаати едва не повалился на пол. Он быстро переступил и продолжил толкать, отчаянно упираясь босыми подошвами в скользкий пол, но это уже и не требовалось, — бомба плыла уже сама по себе. Качнувшись, она вывалилась из контейнера, и весьма шустро поплыла по коридору, скользя на подушке силового поля, как по льду. Стукнулась об стену, отскочила, как мячик, неспешно поплыла обратно, — к счастью, не прямо вот к ним, а куда-то в сторону...

Шу победно взглянул на него, пожал мокрое от пота плечо и тут же сел на пятки, склонившись над «взломщиком». Он ни к чему сейчас не был подключен, — но к бомбе в её силовом поле и нельзя было что-то подключить. Йаати подумал, что во «взломщике» наверняка есть какая-то радиосвязь. Впрочем, он ни фиги в этом не разбирался, — а отвлекать Шу не хотелось. Вновь, в который уже раз, всё зависело только от него, в то время как сам Йаати мог только пялиться на него, как баран. Да ещё смотреть вокруг в поисках

возможной опасности, — но, как назло, вокруг никого не было. На самом деле, разумеется, к лучшему, — оружия они в спешке не взяли, — но от работы Йаати никогда не увиливал, и стоять просто так ему было обидно. Очень даже...

По коридору прошла явственно различимая волна. Скорее всего, нереальная, — тело Йаати ничего не ощутило. А вот его сознание вновь словно раздвоилось. Он был тут, — и, в то же время, видел нечто очень, очень странное: теплая, уютная темнота, бесконечное сплетение туннелей из мягкого черного меха и томной зыбкой мглы, в которую до боли хотелось погрузиться, расслабиться, забыть себя...

— Что... — Шу ошалело мотнул головой и вновь склонился над пультом. Йаати же ощутил, как его с мягкой, но неодолимо нарастающей силой вытягивает из мира... нет, ему самому с невероятной силой хотелось погрузиться в эту... в это... и он тоже ошалело помотал головой, уже понимая, что это лишь новая форма атаки, не вышибающая дух из тела, а мягко выманивающая его... куда?..

Йаати страшно испугался, что сам, помимо воли, прыгнет... туда, и в тот же миг на него накатила вдруг страшная тоска: зачем ему жить, если он не сможет слиться... слиться...

— Готово! — крикнул Шу, вскакивая. — Таймер запущен, бомба сработает всего через минуту.

— А люди? — тупо спросил Йаати. Соображал он сейчас не слишком хорошо, и потому почти не испугался.

— Люди в стазисе, им ничего не будет, — Шу скривился, сжав руками голову, — верно, и его тоже накрыла эта манящая томная гадость.

— А мы? — никаких стазисных капсул вокруг видно не было, и, даже если бы они успели в них забраться, выпустить их оттуда было бы уже некому...

— Закроемся в контейнере, он должен защитить. А теперь живо, живо, живо!..

Йаати ошалело мотнул головой, изо всех сил стараясь вытрясти из неё все лишние мысли, потом, вслед за Шу, бросился к контейнеру. Ухватившись за вырезы в крышке, они изо всех сил потянули её на себя. Босые ноги скользили по полу, руки до самых плеч пробила боль, — но Йаати, озверев от неё, упрямо продолжал тянуть: может, это уже и не имело смысла, но, пока он что-то делал, он не мог испугаться уже окончательно, до смерти.

Тяжеленная плита сначала, казалось, не двигалась, — но потом всё же стронулась и поползла, сначала медленно, потом всё быстрее. Йаати попятился, потом споткнулся об край и позорно грохнулся на задницу. Уже в последний миг он успел убрать ногу, — и крышка захлопнулась. Они оказались в крошечном, без единого лучика, мраке, и в такой же крошечной тишине: тянущий морок исчез, словно его вдруг отрезало. Зато Йаати увидел вдруг себя и Шу: он словно залез в зеркальный куб, невыносимо тесный. Отражения его сути стремительно умножались, теснили, налезали друг на друга, мучительно дробя её, — он как бы оказался в стремительно вращавшемся калейдоскопе. И в него вдруг ворвались ослепительные белые лучи. Смотреть на них было, буквально, мучительно больно, — они кололи душу, как иголки, а ни зажмуриться, ни отвернуться Йаати сейчас почему-то не мог...

Он не представлял, что стало бы с ним, продлись этот кошмар ещё хоть мгновение, — сошел бы, наверное, с ума, или сотворил что-то, уже совершенно невыносимое, — но в этот миг в нем словно что-то лопнуло и обрушилась тьма.

Йаати пришел в себя от боли, — кто-то без лишней нежности хлестал его по лицу. Он замычал, схватился за отбитую щеку и лишь потом открыл глаза.

Он лежал на полу коридора, глядя прямо в испуганные глаза Шу. Тот как раз замахнулся для очередного удара, но, смутившись, опустил руку. За его спиной парила неподвижная призма, но сейчас Йаати почти не видел её: что-то в нем вдруг словно развернулось, мир вокруг треснул и распался на десятки, сотни отражений, — и он увидел, что весь мир вокруг Цитадели, насколько хватал глаз, вдруг превратился в море злого, желто-зеленого огня. Это огненное море бурлило, медленно вспухая горообразными клубами, оседало, закручиваясь страшными воронками, и Цитадель казалась на его фоне очень маленькой. Металл пола задрожал под голой спиной Йаати, сквозь всю толщу стен до него докатился тяжелый, непрерывный грохот. Снаружи бушевал самый настоящий огненный ад, — но здесь, за многими метрами металла, до них долетали лишь слабые его отголоски.

— Что там? — испуганно спросил Шу. Похоже, глаза Йаати сейчас и в самом деле смотрели... не туда, и это было... заметно.

— Всё горит, — сказал он. — Море огня. Ядовитого. Я не понимаю...

— Я тоже, — Шу энергично потянул его за руку, помогая подняться. — Пошли отсюда...

Они побрели назад, в казарму. Йаати без особого удивления обнаружил, что на нем, собственно, ничего нет, да и на Шу тоже, — времени одеваться у них совсем не было. Йаати, хихикнув, подумал, что и об этом сражении он не сможет рассказать детям, — разве что опять придумать что-нибудь. Не нашлось времени и для другого, — вернувшись, Шу сразу же юркнул в туалет, и Йаати бодро последовал за ним: что бы ни творилось вокруг, его тело это мало трогало.

Одевшись, Шу вернулся к пульту. Йаати, тоже одевшись, сел на постели, поджав босые ноги и глядя на него. В голове у него по-прежнему звенело, мир вокруг как-то странно мерцал, — но в целом он чувствовал себя вполне неплохо.

Над пультом вспыхнули асимметричные экраны. На них было то же бурлящее море огня, — хотя оно уже почти угасло, вывернувшись в необозримую массу поднимавшегося к зениту желто-бурого, даже на вид ядовитого дыма. Катившийся оттуда грохот не стихал, но стал ниже и как бы отдалился: похоже, что взорвалось сразу всё, и до них сейчас долетали отголоски уже далеких взрывов. Вскоре дымом затянуло весь экран, и на нем ничего не осталось, кроме мутной, желто-коричневой мглы. Йаати понадеялся, что система воздухообеспечения в Цитадели замкнута, а сама Цитадель герметична: он не знал, из чего состоит этот дым, но сам его оттенок говорил, что близкий контакт с ним ничем хорошим не закончился бы.

Когда Шу отвернулся от экрана, Йаати невольно поёжился, наткнувшись на его сумрачный взгляд. Шу умел быть безжалостным, — и, видит Свет, у него были на это причины.

— Что это было? — спросил Йаати, когда Шу устало плюхнулся в кресло.

Шу вздохнул, растер ладонями лицо, потом повернулся к нему.

— Дельта-бомба, — это, на самом деле, квантовый транслятор. С его помощью Крэйны могли почти мгновенно «охватить» сразу массу людей, — чтобы они... думали так, как им нужно. Или, раз эта... пульпа так... чувствительна к чужим мыслям, послать ей, буквально, убийственно мощный сигнал. Сейчас эта штука перезаряжается, и это займет два дня. Надеюсь, что эти... твари не вернуться раньше и с чем-нибудь ещё.

— А переход как? — спросил Йаати, глядя в затянувшую экран йодисто-рыжую ядовитую мглу. Сидеть здесь целых два дня, а то и больше, ему совершенно не хотелось.

— Переход... — Шу снова повернулся к пульту. — Мы продряхли почти десять часов. Чтобы набрать мощность, необходимую для перехода, нам нужно два часа, может, чуть больше. Если не случится ещё чего-нибудь.

Вот именно, подумал Йаати.

6.

Поскольку сидеть без дела, покорно ожидая появления ещё какой-нибудь гадости, им совершенно не хотелось, они побрели по этажу в поисках различных интересных мест. Здесь было множество дверей и свайных ворот, — разумеется, запертых, но «взломщик» позволял справляться с ними. Довольно быстро они попали в неожиданно роскошные апартаменты, — те же голые металлические стены, но свет тут был теплей, на полах лежали ковры (хотя и потертые), и стояла старинного вида мебель. Деревянная. От такого сочетания Йаати немного офигел, — он никак не ожидал встретить тут что-то такое, — но Шу с усмешкой пояснил ему, что тут жил Консул, глава Лахолы (так, как оказалось, называлась и его страна) со своими прихлебаями. Сейчас они тоже пребывали в стазисе, и Шу сказал, что было бы неплохо разбудить их, — чтобы вышибить им мозги за измену. Они отправились на поиски, но те получились совсем уже короткими, — едва открыв дверь в комнату, где, как сказал Шу, была личная стазис-капсула Консула, Йаати ощутил запах гари... и ещё один, от которого он сразу шарахнулся назад, захлопнув дверь. Внутри было темно, и он искренне порадовался этому...

— Доигрался, подлец, — Шу потер ладонями лицо, но не с радостью, а с явным облегчением. При всей своей внешней суровости, он всё же не выглядел готовым на хладнокровное убийство. Йаати подумал, что пока что Шу не убил ни одного человека, — и начинать ему явно не хотелось... — Хи`йык всё же добрались до него, и до других Больших Начальников, живущих на этом этаже, тоже...

Йаати невольно поёжился. Он чувствовал себя весьма нервно, в любую минуту ожидая, что с ними тут произойдет нечто, совсем уже невообразимое, — но, словно желая успокоить его, мир вокруг него... раскрылся.

В этот раз он не увидел ничего, — за пределами огромной тучи дыма, окружившей Цитадель, простиралось лишь бесконечное пустое море, — и это, отчасти, его успокоило. Похоже, что дельта-бомба накрыла всю собравшуюся вокруг них нечисть, — а новая пока то ли не подошла, то ли её и вовсе не осталось тут...

В это Йаати не слишком-то верил, — но если им всё же повезет, через каких-то два часа они покинут этот замечательный мир, и на этом их приключения, в общем-то и кончатся. В

это он тоже не верил, — но, так или иначе, пока им оставалось только ждать...

Они вновь двинулись по апартаментам, больше из любопытства, чем в поисках чего-то ценного. Шу повезло найти здоровенный холодильник, — на сей раз, совершенно обычного вида. Йаати ничуть не удивился бы, встретив такой где-нибудь дома, в магазине. Содержимое, правда, привлекло его куда больше, — копченая рыба, колбаса, здоровенная банка с икрой, копченое мясо дюжины, наверное, сортов, маринованные мидии, пирожные, — тоже, минимум, дюжины сортов, незнакомые фрукты, сыры, какие-то замысловатые консервы, по виду жутко дорогие...

— Это, наверное, личный холодильник Консула, — с усмешкой предположил Шу. — Вот же гад. Мы давились синтетической едой, — а он тут икру ведрами жрал...

— Это недолго исправить, — сообщил Йаати. В животе у него нетерпеливо заурчало. Поскольку предыдущим их открытием был небольшой, но довольно уютный бассейн, продолжение, как говорится, напрашивалось. — Устроим обжираловку?..

Шу усмехнулся. Верно, и у него данная идея не вызвала, почему-то, никакого протеста.

— Точно. Пошли тарелки искать и остальное...

7.

— ...дорогой, я не против, но у меня там бычий цепень, а он куса-а-а-а-а-ается!.. — закончил Йаати. Шу заржал так, что опрокинулся на спину и окунулся с головой, дрыгая ногами в воздухе и пуская пузыри. Йаати с тревогой следил за ним, — но Шу тут же вынырнул, цепляясь за бортик бассейна и всё ещё хихикая сквозь кашель, — он и впрямь едва не захлебнулся.

— Слушай, ну нельзя же так, сдохнуть можно от этого... — выдавил он, всё ещё содрогаясь в конвульсиях, — и тут же вновь хихикнул. — У меня там... ой-ё-ё-ё! — он схватил освежеванную палку сыровяленой колбасы, и, как-то подозрительно вздрагивая, принялся грызть её, как морковку.

Йаати вздохнул и взялся за очередную банку консервов. Ухватившись за гранатного вида кольцо, он решительно содрал крышку и полез внутрь ложкой. В банке были не то раки, не то крабы, — не опознаваемые уже на вид, но тушеные в каком-то экзотическом вине и совершенно офигенные на вкус. Захотелось хлеба, — но хлеба они не нашли (правду сказать, не больно и искали), да и жалко было тратить на него их весьма ограниченную вместимость. Пока что, правда, с ней, вроде бы, всё было в порядке, — очистив банку, Йаати с радостью понял, что ещё не налопался. Банка, правда, была небольшая, — но под рукой стояло ещё не менее дюжины. Правду говоря, вокруг всего бассейна сейчас стояли блюда и тарелки, и они то и дело прикладывались к ним, — по кругу или как душа велит. В остальном же обстановка тут была весьма странная, — мягкий розоватый полусвет вычурных стеклянных светильников, похожих на какие-то огромные цветы, растущие прямо из стен, сами эти стены, — монолитный, сиренево-черный металл, пол из какой-то шершавой, базальтовой на вид плитки, на самом деле, наверное, пластмассовой, — она упруго подавалась под ногами и цепко держала босые подошвы, вделанное в потолок здоровенное квадратное зеркало...

Зеркало Йаати буквально добило. Вначале он не обратил на него особого внимания, — пока они таскали сюда жратву и вообще накрывали поляну, живот разурчался совсем уже зверски, и, забравшись в воду, они принялись бессовестно жрать... но теперь Йаати задался,

наконец, вопросом, а для чего всё это... вернее, задал этот вопрос Шу.

— Я слышал про этот бассейн, — усмехнулся тот. — Говорят, что Консул принимал в нем наложниц. Старый козел. Ему же было уже за шестьдесят...

— Наложниц? — встрепнулся Йаати. О наложницах он кое-что знал, — это были такие специальные девы, которые в прошлом отдавались царям и всяким полководцам. Живьем он их не видел, — но на картинках к историческим романам и в фильмах девы эти были весьма выпуклые, и одетые... или, точнее, НЕ одетые весьма замысловато...

— Ну да, — Шу усмехнулся. — Они тоже где-то здесь, в стазисе. Ты не отказался бы от парочки, а? — он ткнул его босой ногой в бедро.

— Нууу... — Йаати вдруг смущенно покраснел. Сами по себе, девы вызывали у него самый горячий интерес, — во время своих одиноких прогулок он иногда представлял, как стоя обнаженных девушек вдруг нападет на него, изорвет всю одежду, привяжет и надругается всеми возможными и даже совершенно невозможными способами, — но реальность была, увы, куда более печальной. В ней девы, в основном, состояли из удивительно длинного и ядовитого языка, попадаться на который Йаати совершенно не хотелось. До сих пор самым ярким его впечатлением от общения с ними была оплеуха, полученная от Йалики, — он всего-то пощупал на пляже её зад (совершенно не имея в виду ничего дурного, — просто чтобы выяснить, такой ли он упругий, как кажется), — а она треснула его так, что в глазах всё вспыхнуло. На самом-то деле Йалика страшно нравилась ему, — но с тех пор она только и делала, что плевала ядом в его сторону, и это было невыносимо ужасно... Появись же тут уже совершенно взрослая дева в неглиже, даже и одна, — он бы, наверное, убежал, или вообще хлопнулся бы в обморок, — просто потому, что на самом деле крайне смутно представлял, что ей говорить, и что с ней вообще делать...

— Боишься, что там у них бы-ы-ы-ы!.. — Шу опять дико заржал, хватаясь за бортик.

— Да ну, я же с другой стороны, — ляпнул Йаати, и густо покраснел. В башке у него сейчас шумело, — точнее, шумело несколько больше обычного, потому что среди прочего Шу притащил несколько бутылок коллекционного, наверное, вина, — они все были в каких-то пломбах и медалях, — и они с натугой раскупорили одну. Вино оказалось не такой гадостью, как Йаати боялся, — и всё же он подумал, что взрослые зря так носятся с ним. Если вся цель в том, чтобы в башке зашумело, этого можно достичь куда как проще, — хорошенько помотав ей или просто треснувшись обо что-нибудь. Или забравшись на дерево и заглянув в окно девчачьей душевой, — оно было, конечно, покрашено от таких вот, как он, любопытных, — но форточка в тот день была открыта, и сквозь неё Йаати увидел нечто такое, что до сих пор являлось ему в жарких снах...

Шу, между тем, выдохся, и, наконец, затих, лишь изредка икая. Йаати вздохнул и окинул взглядом окрестность, выбирая, чего бы ещё тут пожрать. Выбиралось с трудом, — хотелось всего сразу. Вот же, блин, проблема, — насмешливо подумал он. Что есть, когда всё есть?..

При этой мысли он хихикнул, и Шу подозрительно взглянул на него, наверное, опасаясь, что и его тоже сейчас снова разберет. Налопавшись на первый раз, они принялись травить анекдоты, — и быстро дошли до неприличных, а теперь уже и до глистов, — но Йаати с удивлением обнаружил, что аппетиту это совершенно не мешает. В любом случае, образ предприимчивой девы и её любознательного друга вполне успешно затенял все прочие неаппетитные подробности.

Вздохнув, он переместился к банке с икрой, зачерпнул её большущей ложкой и смело сунул в рот, как, наверное, делал сам Консул. Тут же из глаз у него потекли слезы, — икра

оказалась жутко соленая. Нет, на бутербродиках и с маслом она пошла бы у Йаати на ура, — но так у него язык свернулся в трубку. Он пошарил взглядом в поисках попить, — потом фыркнул, сунул лицо в воду и стал тянуть её, словно корова.

— Да ты набрался, паразит, — Шу опять пихнул его ногой, на сей раз в задницу.

— Кто набрался, я? — удивленно спросил Йаати, выпрямляясь. — Я наелся, вот. — Он помолчал, прислушиваясь к себе. — Или ещё не наелся... но это я исправлю, — он свернул в рулон тончайший пласт какой-то диковинной вяленой ветчины, и принялся её жевать. Ветчина, почему-то, отдавала орехами, что было офигенно вкусно.

— Куда в тебя столько лезет? — с интересом спросил Шу, и снова пихнул его, в живот, — к удивлению Йаати, до сих пор впалый. Нет, в нем было уже жарко и тяжело, — приятно тяжело, конечно, — но внешне это никак не отражалось. — Ты же лопнешь, деточка.

— Не лопну, — Йаати дожевал ветчину и полез рукой в банку с мидиями. Смешно, — он читал, что подростки в его возрасте без ума от сладкого, а он угорал по соленой рыбе, маринованным кальмарам и всякому такому (девчонки, змеи, обожали с искренней заботой спрашивать, на какой он неделе и нормально ли протекает беременность, но он ничего не мог с собой поделаться, и только шипел на вопросы, кто отец). Мясо он тоже очень уважал, особенно в виде шашлыка. Тут шашлыка, к сожалению, не было, так что он запихнул горсть мидий в рот и принялся сосредоточенно жевать. — М-м-м!..

Шу с сомнением посмотрел на этот гастрономический разврат, — и вновь принялся точить колбасу. И что он в ней нашёл? — подумал Йаати. Жесткая и с салом. А я сала терпеть не могу, — разве что с черным хлебом, солью и луком... уф-ф-ф...

Он дожевал мидий и икнул. Вот теперь он точно заполнился доверху, — и ему даже ничего больше не хотелось. Редкий случай, когда желания совпадают с возможностями, с усмешкой подумал Йаати, и откинулся на спину, сползая в бассейн. Теплая вода мягко обняла тело, и он вздохнул. Пахло тут тоже на удивление приятно, — каким-то особенным мылом или шампунем или всем сразу, — и дышалось тоже как-то особенно мягко, с удовольствием...

Удивительно, но спать ему пока что не хотелось, — хотелось без конца лежать так, осовело глядя в потолок, на собственную довольную физию, обрамленную мокрыми лохмами, — борясь с Шу за место в бассейне, он уже пару раз окунулся с головой. Наверное, он всё же задремал бы, но Шу опять ткнул его пальцами босой ноги в бедро, — наверное, чтобы убедиться, что он тут, рядом...

— А? Чего тебе? — сонно спросил Йаати.

— Ты хороший, — Шу бессовестно уперся в него пятками, но Йаати сейчас было наплевать, — он тоже был страшно рад, что Шу тут, рядом с ним...

— Хороший, — зевая, согласился Йаати.

— И смелый. Очень, — Шу с улыбкой смотрел на него.

— И смелый, — снова согласился Йаати. — И что?..

— Ты же говорил, что у вас войны уже третий век нет. И армия, — не армия, а так... хочешь, — служи, хочешь, — не служи... И врагов, по сути, нет. И мальчишек не учат сражаться. Почему ты такой?..

— Ну, НВП у нас есть всё же, — немного обиженно сказал Йаати. — Не потому, что надо, а просто для порядка... Я даже гранату бросал, — учебную, конечно... Но в целом скучно это, — то строем с песнями вокруг школы ходить, то противогаз на башку одевать...

а автоматов не дают, даже учебных, потому что очень мало их... Деревянные только, если военная игра какая. Я свой сломал, когда Ву по хребту треснул, — Йаати хихикнул. — На меня наорали, конечно, что я всё слишком всерьёз воспринимаю, и вообще дурак, а я что?.. Сами какую-то фигню хилую дают, — а потом удивляются, что ломают. Но ведь это, наверное, не то?

— Не то, — Шу всё ещё как-то странно смотрел на него. — У вас же там, наверное, не все такие.

— Ой, это да. Слушай, ты же не знаешь, как я там, у себя жил, — Йаати обрадовался оттого, что может хоть кому-то это всё рассказать. — У меня же родители, — геологи. Оба, представляешь? Дома полгода не бывают. Сначала меня просто тете Шуфе сдавали, но потом-то решили, что я уже большой, и... — Йаати вдруг хихикнул. — Если бы они знали, что я без них вытворял, — то, наверное, убили бы.

— А что ты вытворял? — с интересом спросил Шу, устраиваясь поудобнее.

— Ой, да всё, наверное, — Йаати вновь хихикнул. — Для начала, — лазил по пожарной лестнице на крышу, она же как раз возле моего окна проходит, а под ним дерево, снизу не видно... Шарился по чердаку в чем мать родила, — потому что просто отмылся и всё, а одежду фиг потом отчистишь. На соседний дом лазил, — он с нашим углами смыкается. Опять же, чердак... Там проектный институт какой-то, — я петли откручивал на люке и спускался. Не стащить что-нибудь, а просто посмотреть интересно, там чертежи домов всякие... Несколько раз чуть сторожу не попался, — он потом говорил, что привидения, — Йаати хихикнул. — А когда летом каникулы, то вообще рай, — весь день спишь, всю ночь шарисься до утра...

— Почему ночью-то? — удивился Шу.

— Потому, что темно, — хихикнул Йаати. — Огни всякие далекие, таинственность... и люди спят. Никто не спрашивает «мальчик, зачем ты тут шарисься?», и вообще, можно босиком бегать, никто не видит же... и не жарко ещё, а я жару вообще плохо переношу как-то...

— А где бегать-то? — с интересом спросил Шу.

— Ой, да везде, куда ноги доносят!.. У меня ещё велик есть, — а на нем вообще можно далеко, в лес на озеро купаться там или на завод какой... В частный сектор только не полезешь, — там собаки, заразы, — а так-то вообще везде. Хоть у реки в зарослях, хоть у ТЭЦ, хоть у вокзала... Можно просто в подъезды заходить смотреть, можно под вагонами поползать, можно даже в вагон забраться и пошарить в угле, — там знаешь какие бывают отпечатки!..

— И что, ты не боялся? — удивленно спросил Шу.

— Ой, а чего бояться-то? — не меньше удивился Йаати. — Хи`йык-то у нас нет, зверья вокруг города тоже, — а так кому я нужен?

— А вдруг бандиты? Полиция? Гражданская оборона?

— А ей до меня что? — удивился Йаати. — Она же бункерами всякими занимается, и только. А туда фиг залезешь же, там вот такущие замки, и двери все железные...

— У нас не так, — хмуро сказал Шу. — Ходят такие морды по домам и смотрят, любят ли тут Консула. Если решат, что не любят, — могут и избить, и в участок, и вообще... Да ты рассказывай, рассказывай, — спохватился он. — А как бандиты, полиция, просто хулиганы всякие?..

— Я сам хулиган, — хихикнул Йаати. — Но они все ночью тоже дрыхнут же. А полиции

у нас нет, у нас милиция. Но ей-то до меня что? Они у себя в милиции сидят, и ждут, кто позвонит. А просто по улицам им шариться зачем?.. Ночью особенно, когда все спят?.. Да и мало их же. У нас, в Лахоле, на триста тысяч населения их хорошо, если батальон наберется. И ещё батальон Друзей Сарьера, — ну, армии, — на всю область. И всё. И то, говорят, что много очень...

Шу удивленно моргнул. Похоже, что такая вот концепция никак ему не представлялась.

— А бандиты всякие? — повторил он. — Которые всякие склады и магазины грабят по ночам?

— Так на это там сторожа и сигнализация есть, и вообще, это редко бывает, — ответил Йаати. — Да и что ты с того склада унесешь? Кастрюли новые? Картошку? Телевизор? Так пупок развяжется тащить, они же тяжеленные... Нет, говорят, что сберкассы иногда грабят или бухгалтерию там, где сейф с деньгами, но их ловят же. Настоящие бандиты вообще по конторам сидят и всякие махинации делают. А по улицам им шариться зачем? Людей грабить, — так ведь по морде могут дать, и милицию вызвать, да и добыча там... С меня, например, нечего снять, кроме кедров... это если я не босиком, — Йаати вновь хихикнул. — Кому я нужен-то?..

— Кожу могут снять, — неожиданно хмуро сказал Шу. — Просто так, для развлечения. Избить. Изнасиловать. Много что...

— Изнасиловать? Меня? Куда?.. Туда?.. Им же хуже будет, — Йаати хихикнул. — Нет, мальчишкам говорят, конечно, что если будешь вечером поздно гулять или в лесополосу ходить, или на пустырь там, — то на тебя там нападет этот... как там его... педофил, изнасилавает по-всякому и вообще зарежет, — но я-то вот ходил, и что?.. Если кто взрослый меня там вообще замечал, то домой идти велел, и говорил, что молодежь совсем дурацкая пошла.

— А девчонки? — с крайним интересом спросил Шу.

— А девчонки все дуры, — Йаати вздохнул. — Перед ними хоть нагишом танцуй, — они только ржать будут и пальцем у виска крутить. «Йаати, дурак, трусы одень!», — вот и всё, итог усилий. А я старался так...

— А педофилы?

— Никто не велся почему-то, — Йаати вновь хихикнул. — Наверное, у меня попа недостаточно толстая.

— А это тут причем? — Шу ошалело взглянул на него.

Йаати хихикнул.

— У нас мальчишкам говорят, — будешь много жрать и на диване сидеть, — станешь толстый, пухлый, как девчонка, тебя маньяк утащит в гараж, зажарит, — ну, прямо живьем, — и съест.

— А что, едят? — нервно спросил Шу.

Йаати хихикнул.

— Не, ты что, это же треп такой просто... Ещё говорят, что у теток такая секта есть, — ходят ночью по улицам в черных кожаных плащах и воруют мальчишек, которые посимпатичнее. Увозят в багажнике на дачи, сажают на цепь в погреб, — ну, совсем голого и босиком, — а в полночь собираются толпой, ну, а потом надругаются по-всякому... сливками взбитыми обмажут и вылизывать... ну, или ещё как...

— А так бывает?

Йаати вздохнул.

— Знаешь, если бы меня так украли, — ну, толпа теток надругаться, — я бы до смерти рад был... Вот, а девчонки рассказывают, что по улицам ночами ходят парни в черных кожаных пальто и воруют тех, у кого попа шире, а потом на дачу и так далее, — но ведь так же не бывает...

— А избить просто? — спросил Шу.

Йаати хмыкнул.

— Ну, это много кто пробовал, — он усмехнулся. — Только вот им самим часто по шее прилетало... Но это тоже мальчишки же. Взрослым-то пофиг, что я в чужом районе хожу... Вот если в чужой сад влезть, — то могут и ремнем, но я не попадался же, — он хихикнул.

— А убить?

— За что, за яблоки? — Йаати ошалело взглянул на него. — Не, говорят, иногда из ружья стреляют солью, но на меня вот жалели, — он хихикнул. — Вот гвозди на заборе и собаки, — это да, это бывает. Пару раз приходил домой в драных штанах и кровище, мне отец потом уши ещё драл, за штаны...

— А просто так убить?

— Ой, да это же совсем редко бывает, — отмахнулся Йаати. — В смысле, взрослые мальчишек. Говорят, в Лайской области... ну, в соседней, два года назад убили одного, непонятно за что. А больше я и не слышал, пожалуй... Да и не видел... ну, такого, чтобы за мной кто-то с ножом в рукаве прямо крался. Я сам, знаешь...

— Что? — с интересом спросил Шу. — С ножом в рукаве крался?

— Ну... — Йаати смутился. — Я, знаешь, в самом деле нож с собой брал, — как раз на случай, если схватят или медведь в лесу там... Не боевой, конечно, — откуда? — которым мама рыбу разделывает, он с пилкой на лезвии, страшный. Я для него даже ножны сшил, цеплял на пояс, под рубаху...

— Пригодился? — насмешливо спросил Шу.

— Нет, — Йаати вздохнул. — То есть, пригодился, но когда меня мама рыбу чистить припрягала... А так... Ну, если сторож какой заметил, то можно просто убежать же. Так вот бывало, несколько раз. Но я, знаешь, очень хорошо бегаю, и убежать умею — туда, сюда, через забор, и всё. И вообще, я специально одевался так, чтобы меня в темноте видно не было, — у меня черный тренировочный костюм есть и черные ботинки. Ещё черные перчатки надеть и шапку на морду натянуть, — у меня есть черная, я в ней дырки для глаз прорезал, — и всё, я невидимка. Только летом жарко так, даже если всё совсем на голое...

— Белки глаз видно, — серьёзно сказал Шу. — На самом деле, в темноте их очень далеко видно.

— Ой, я не знал... — Йаати смутился. — Надо было глаза прикрывать наверное, да? — он опустил ресницы, демонстрируя. — Но так фигово видно же, да и замаешься так их держать... Но зато я у старых кедров подошвы отпорол и в черный их покрасил, для маскировки, вот, — гордо заключил он.

— Подошвы-то зачем? — удивился Шу.

— А для тихоты, — с видом знатока пояснил Йаати. — Босиком не слышно же. Да и просто интереснее так... только осенью пальцы на ногах мерзнут, особенно если по лужам...

— Извращенец малолетний, — Шу пихнул его пятками.

— А я что? — обиженно сказал Йаати. — Ночью скучно же. Телек молчит, радио тоже. А книжки одному читать, — страшно...

— Это как? — удивленно спросил Шу.

— Ну, лежишь ночью на полу, читаешь про всякое такое, — а дома тихо-тихо, и за окном темно. Так и мерещиться, что оттуда что-то ворвется и схватит.

— Ага, а ночью одному на улице не страшно.

— Знаешь, нет, — удивленно сказал Йаати. — То есть, страшно, конечно, но иначе. Потому что я сам... Это, знаешь, как уколы в попу делать, — когда сам ложишься, то ещё ничего, а когда держат, — то вообще всё, смерть, — Йаати передернулся. — Это вообще так. Когда сам хребтиной с забора треснешься, — то просто лежишь, и ничего, хотя так больно, что искры из глаз. А когда меня ребята к дереву привязали и стали лупой рубаху прожигать, — я заорал, как ненормальный, хотя мне ничего не было ещё... Я ещё мелкий тогда был, но всё равно... Кровь из пальца до сих пор боюсь сдавать, — потому что держат за него. А из вены, — нет, потому что сидишь просто... Ну, вот как-то так всё...

— Всё?

— Не всё, — Йаати вздохнул. — Знаешь, одному дома страшно. Я тут, — а родители в тайге, где и лесные пожары бывают, и наводнения, и медведи бродят, и бандиты всякие, говорят, — настоящие, с оружием... Лежишь ночью в постели и думаешь, что будет, если не придут, а просто придут с их работы и скажут, что... и начинаешь сам с ума понемногу сходить. Вот и лезешь сам к черту на рога, — лишь бы не думать... о таком вот. Ну, и... не стыдно так, что они в тайге на сухарях, а я тут, у теплой ванны с холодильником...

— Жаль, что тебя там никто не учил... по-настоящему, — сказал Шу с неожиданной грустью.

— По-настоящему, — это как? — спросил Йаати. — Ремнем, что ли? Это нет, ни разу. Отец часто уши драл, — но не так зверски, чтобы ну вот прямо от башки их отрывать, а для порядка... или просто так, в шутку, я тогда смеялся даже... Ну, мама по попе дает иногда, — веником, или так просто, но тоже не совсем всерьёз же. А если б кто-то чужой меня ремнем драл, — я б не знаю, что сделал, обидно очень же...

— Воевать, — сейчас Шу прямо смотрел на него. — Не гранату деревянную бросать, не в противогазе песни петь, а вообще... не бояться.

— Так я же не боюсь, — удивился Йаати. — Нет, на самом-то деле, конечно, боюсь... но не так, чтобы словно девчонка от ужаса вопить. А если вообще ничего не боялся бы, то давно шею бы себе свернул, и всё.

— Я не про то... — Шу неожиданно смутился и помолчал, очевидно, формулируя мысль. — Очень жаль, что там тебе дела настоящего не нашли, вот.

— А настоящего? — это какого? — с интересом спросил Йаати. — Воевать? Так в армию только с восемнадцати берут же. И я сам ещё не знаю, захочу ли, — там надо строем ходить и у танков гусеницы натягивать, а воевать почти что нет...

— А всякие разведчики юные? — удивленно спросил Шу. — У нас вот были. И не только настоящие, а организация такая для мальчишек...

— Нету у нас, — вздохнул Йаати. — У нас юные файцы есть, — мы же граждане Файау вроде как, и должны поддерживать великие традиции. Но там математику надо учить и файский язык, — а они, зараза, сложные. Да и, — я что, в школе на уроках мало попу просиживал?..

— И что, больше никого нет?

— Да много кто есть... Зеленый патруль, например, — это по паркам ходить и следить, чтобы ветки не ломали, — а я что, дурак таким вот заниматься? Ещё голубой патруль

есть, — это за чистотой водоемов следить и за тем, чтобы рыбу в непопулярных местах не ловили, но там вообще одни девчонки. Шарятся по пляжам и ловят тех, кто без трусов купается, — Йаати хихикнул. — А потом фоткают с ладошками на причинном месте, и на доску позора, — мол, такой-то и сякой-то нарушал общественную мораль... Юные энтомологи всякие, — эти вообще странные. На хутор едут бабочек ловить, — а что они им сделали?..

— А ты, выходит, был сам по себе? — спросил Шу.

— Я в кружок рисования ходил, — Йаати смутился. — Там вообще одни девчонки, — ядовитые, конечно, но хоть посмотреть на них можно, да и рисовать мне нравится на самом деле, очень... я же даже в художественную академию после школы хотел, как раз ехать собирался. В секцию борьбы ходил, — меня даже на город от школы посылали, только ругали, что совсем всерьез бросаю, как врага... И вообще... — ощутив некую пустоту в животе, он повернулся и вновь потянулся к тарелкам. На сей раз, его привлекла толсто нарезанная копченая рыба, — красная, наверное, жутко дорогая. Жрать её просто так всё же не хотелось. Йаати, не долго думая, плюхнул её прямо на кусок ветчины и принялся сосредоточенно жевать.

— Трудное детство, тяжелые годы, — вздохнул за спиной Шу. — Хлеба не было, икру мазали прямо на колбасу...

— Ымх, — ответил Йаати. Рот у него был набит, и издать что-то членораздельное не вышло. Из-за спины вдруг донеслись некие схожие звуки, — похоже, что оголодавший Шу не выдержал душераздирающего зрелища и тоже занялся гастрономическим развратом. Йаати отнюдь не возражал. Рыба оказалась потрясающе вкусной, ветчина тоже, и он не заметил, как очистил всю тарелку. Снова жутко захотелось пить. На глаза Йаати попались остатки вина, — он плюхнул их в чашку и выхлебал залпом, словно воду. Потом опять сполз в бассейн и икнул. Шу, между тем, трескал пирожное, — непонятно какое по счету, — и, заметив, что Йаати смотрит на него, вдруг покраснел, как девчонка. Тот лишь махнул рукой, — жри, мол, на здоровье, я не против. Говорить совершенно не хотелось, внутри стало как-то совсем тепло и хорошо, там снова урчало, — но уже не голодно, а очень деловито...

Дожевав пирожное, Шу тоже сполз в воду, на сей раз, упершись босыми ногами в такие же босые ноги Йаати. Тот бездумно сжал их пальцы, Шу тоже, и несколько секунд они незаметно боролись, — но на сей раз силы оказались равны. Наконец, Йаати поймал его большой палец пальцами ноги, и Шу невольно хихикнул, — это оказалось щекотно. Он немного подергал ногой, но Йаати держал его крепко. Все это происходило как бы отдельно от него, заставляя вспомнить совсем забытое уже детство, — в детском саду, купаясь, он любил играть в краба, хватая вот так собратьев по бассейну...

— Дальше что? — с интересом спросил Шу. Похоже, и ему процесс прогрета ух доставлял почти физическое удовольствие.

— Дальше... — Йаати шевельнулся, слегка пихнул его пятками, устраиваясь поудобнее. — Знаешь, нас как-то раз возили на завод, — на экскурсию, и там, не помню уж, для чего, делали такие полированные латунные стаканы, очень красивые, как золотые. Меня словно черт торкнул, — страшно захотелось хоть один, — просто так, ни для чего, для красоты просто, — а, так как дарить его мне никто, почему-то, не подумал, я решил забраться на завод ночью и стащить его...

— И стащил? — с крайним интересом спросил Шу.

— Ага, — Йаати довольно ухмыльнулся. — Тогда мне было где-то лет двенадцать, башка — держалка для ушей, как отец говорил... В неё пришло залезть на трубу теплотрассы и по ней ползти через забор, над оврагом, — потому что с этой стороны меня уж точно никто не ждал... Удивительно, но я так и не сорвался вниз, — высота там была метров двадцать, — как-то сполз на землю, забрался в цех, — там было открытое окно, высоко, но на стене там были такие квадратные полые выступы, декоративные, наверное... Внутри было темно, я долго бродил там, как во сне, пока не нашел эти проклятые стаканы... Самое смешное, что я смог как-то выбраться обратно, не поповшись и не сломав свою дурацкую шею... до сих пор помню всё это, — черное небо, резкий свет прожекторов внизу, далекие огни за полем, запах сентябрьской ночи, гудение трансформаторов на подстанции... как я был и не совсем уже я, а кто-то другой, совсем другой, бесстрашный и чертовски удачливый... Я, ясное дело, изодрал всю одежонку и сам весь ободрался в кровь, но зато потом... о! Эти несчастные стаканы до сих пор стоят у меня дома, в шкафу. Все пять штук, — Йаати хихикнул. — Кажется, я соврал предкам, что просто нашел их, меня даже похвалили за находчивость... на день рождения я пил из них сок, словно вино из черепа врага, — с таким же мрачным удовлетворением... Теперь я и вспомнить не могу, что в них было такого, что без них мне прямо жизнь была не мила... Ну, в общем, так оно всё и началось. Мне страшно понравилось пробираться в разные места, — не тащить что-то, а просто так, посмотреть, не творится ли там что... ну, разве что фигню какую взять на память. Или просто на трубу дымовую залезть, — оттуда ночами знаешь какой вид!.. Космос целый, огней, — как звезд в галактике. Сидишь с биноклем, — мне отец отличный подарил, — и смотришь, смотришь... думаешь, куда ещё пойти... а потом и идешь, иногда прямо этой ночью даже, но обычно... думаешь сперва, как пойдешь, это тоже, знаешь, здорово...

Чаще всего я ходил на приборостроительный завод, — при нем был здоровенный склад лома, всяких старых приборов, которые туда привозили на разборку, и вот там я находил иногда всякие поразительные штуки, военные даже, на которые я что угодно мог выменять... — Йаати вздохнул. — Знаешь, я лишь теперь понял, какой я тогда дурак был. Если бы меня там поймали, — в дурку закатали бы, наверное, потому что объяснить, зачем я всё это делаю, я бы, разумеется, не смог. Да и просто так мог тысячу раз сдохнуть, — шею сломать, или... Один раз я у реки в болото влез, — почти утонул, на животе еле выполз, не помню, как домой дошел... Промок весь насквозь, простыл... Предки вернулись, — отругали, что нельзя по полу босиком ходить... — Йаати снова засмеялся, уже нервно. — В другой раз, в лесу, меня вдруг что-то за шею сзади схватило, твердое такое, не рука совсем, а вроде кость мертвая... Я думал, — сердце из груди выпрыгнет и ускачет подальше. А оказалась ветка, блин... Однажды с дерева сорвался, так треснулся, что тело отказало, — лежу, глазами хлопаю, а пошевелиться не могу совсем... Решил, что всё, хребет сломал, и теперь всегда будет так... а потом оно проходить начало, — вроде как контузия... Козел один ножом в живот тыкал, — хорошо, не достал, я ему руку сломал... а мама ругалась, — опять рубаху, паразит, порвал... — Йаати вновь хихикнул, но смех вышел каким-то невеселым. — Когда парни по уму дерутся, то рубахи снимают, и обувь тоже, чтобы с ноги по яйцам не прилетело. А этот совсем какой-то ненормальный был, я даже не понял, что ему от меня надо было...

— Ну вот, а ты говорил, что никто ничего никому... — заметил Шу.

— Да не, это я уже не гулял, это в деревне было, — отмахнулся Йаати. — Нас туда от

школы возили морковь дергать, я деревню посмотреть пошел, — а там... ну, вроде как поселение такое, для дураков. Нам и говорили, что нельзя, и забор стоял... но я-то ведь... — Йаати вздохнул. — Хорошо, со мной ребята были, а то и не знаю, чем всё кончилось бы... И предкам никто ничего, иначе меня со свету сжили бы... Я же человека покалечил, а это уже статья... уголовная.

— А ножом в живот тыкать, — не статья? — спросил Шу.

— Это, — нет, это не считается. Вот если бы он мне кишки выпустил, — то его бы, конечно, в тюрьму, или назад в дурку, пожизненно. А вышло, что надо меня, — Йаати поёжился. — Сам не знаю, как так получилось. Я же тогда вообще не думал, перепугался страшно, — мы идем просто, и вдруг он на нас с криком... Йис и Ву убежали сначала, а я...

— Хорошие у тебя друзья, — мрачно сказал Шу.

— Хорошие, — спокойно согласился Йаати. — Вернулись же, растащили нас, я тогда и заметил, что рука... а то и не знаю, что там с нами было бы... И не растрепали никому, — а это мальчишкам знаешь, как сложно?..

— Боялись, что им тоже попадет или что ты им сам потом дашь?.. — с усмешкой предположил Шу.

— Я бы уже не дал, я бы в тюрьме оказался или в дурке, — мрачно сказал Йаати. — А там я бы в четырех стенах сдох, просто от тоски, даже если электричеством лечить не стали бы или там аминазином в попу... Просто... ну, друзья же мы. Пусть не такие, как ты вот, всё равно... Меня же даже в школе в пример ставили, — ну, не в пример, а совсем наоборот, — мол, не будьте такими, как я, дураками вырастете... а я что, — виноват, что у меня физия дурацкая?..

— Она не дурацкая, она просто глупая сейчас, — Шу хихикнул, и Йаати злобно зыркнул на него. — Слушай, а друзей у тебя, выходит, совсем нет? Ну, настоящих?

— Йис и Ву есть же, — вздохнул Йаати. — Но и им всё не расскажешь же, а какая это тогда дружба?.. Так, — в кино вместе сходить или там в парк подраться...

— Это как? — удивленно спросил Шу.

— У нас вечером в парке мальчишки собираются подраться, — пояснил Йаати. — Ну, не всерьёз, с ножами там, а так... по правилам, — по яйцам не бить, в морду тоже, потому что синяки заметно и зубы можно выставить... ну и прочее такое всё. А так... ну, робкие они какие-то все... Никуда с ними толком не пойдешь, — мол, бандиты часы с кедами снимут, милиция заберет, морра кровь выпьет...

— А морра, — это кто? — с крайним интересом спросил Шу.

— Морра, — это шар черный, вот такой, — Йаати развел руки, сколько мог. — Летает ночью по улицам, а под ним вроде как свет такой синеватый мерцает. Попадешь в него, — и всё, найдут тебя утром седого, без кровинки в теле, но целехонького...

— А что, у вас и так бывает?

— Говорят, что бывает, — вздохнул Йаати. — Как вот Синие Шары, которые в вентиляции живут и током в глаз бьют тому, кто заглядывает. Наяву я их, правда, не видел, — только слышал, как подлетают к решетке и жужжат... Морру вот видел, и не раз, — она мне такого ничего не сделала, так ведь не расскажешь!.. А мальчишки не знают же. Вот и пугают друг друга. Ну и родители, конечно, жмут, — в семь часов дома, и всё тут. Это я один такой счастливый ночами рассекаю... думал, ещё кого встречу, ну, такого, — так фиг же... То ли прячутся лучше, то ли нет просто больше никого... А в школе что? На дерево залез, — дурак. Книжку читаешь, — не дурак. А я с тех книжек мучаюсь, — люди,

понимаешь, приключаются, а я тут пузом на полу лежу и только слюни пускаю... Это всё равно, что книгу о здоровой пище на голодный желудок листать, — язву заработаешь, и только. Нет, если бы у нас какие юные разведчики были, — я бы туда пошел, конечно. Если бы там дело настоящее было, а не так... у клумбы дозором стоять или на собраниях чахнуть. Так-то я и на аэродром ходил, и в цирк, и ещё много куда, но меня все шугали, — мол, маленький ещё, и вообще, иди нафиг. «Мальчик, вытащи руку из жопы! И вообще, отойди от лошади!», — противным взрослым голосом выдал Йаати, и Шу опять бессовестно заржал.

— Дурак ты, — сказал он вдруг, успокоившись. — Дубина стоеросовая. Я бы на твоём месте ноги родителям целовал, — просто потому, что они есть. И радовался, что из дома можно среди ночи выйти, и не бояться, что убьют, — это, правда, прозвучало не зло, а, почему-то, неожиданно с грустью.

Йаати смутился, чувствуя, что жарко краснеет до ушей. Сейчас он в самом деле чувствовал себя очень глупым и очень виноватым почему-то...

Вокруг что-то изменилось. Йаати замер, пытаясь понять... и тут почувствовал, что тонет во внезапно загустевшем, ставшем вдруг горячим воздухе. Все звуки завязали в нём, Шу что-то говорил ему, но Йаати его уже не слышал. Впрочем, что происходит, он понял и так, — переход. Сидя в этом дурацком бассейне, они заболтались и совсем забыли про него. Впрочем, это уже не имело значения, — всё равно, неважно же, где они сейчас сидят и что делают...

Йаати почувствовал, как его словно вжимает в себя. Цвета вокруг поплыли, мир принял какой-то сюрреалистический вид. Лампы стали черными, всё вокруг застыло. Йаати не представлял, как может видеть что-то такое, не распадаясь мгновенно на атомы, — но и мысли в нём уже как-то тормозились, вязли...

Вдруг ему показалось, что пол под ногами исчез, и он падает куда-то, бесконечно глубоко вниз. Мир вокруг странно исказился, словно в кривом зеркале, — и в последний уже миг Йаати понял, что они с Шу сейчас тоже исчезнут отсюда, — окончательно и бесповоротно...

8.

Реальность словно моргнула — мир вокруг погас, затем вернулся. С ним ничего не случилось, — он сидел в том же бассейне, весь мокрый, обалдевший. Свет погас, потом снова загорелся, но уже тусклее, — наверное, от аккумуляторов. Откуда-то снизу доносились почти непрерывные взрывы, пол под Йаати содрогался, но сейчас он едва это замечал. Внутри у него ещё что-то потрескивало, и мир вокруг... раскрылся. Цитадель стояла так же, — но страшный черный океан вокруг пропал, его сменил лес, покрывающий крутые холмы. Вдали они переходили в горы, с другой стороны, далеко, смутно синело море. В небе, по пояс Цитадели, плыли рваные, растрепанные облака. Светило солнце. Самое обычное. И всё. Ни тварей, ни той жуткой водянистой мглы, ничего, — только покой... но Йаати едва замечал и это. Во время перехода, в этом сумеречном состоянии, когда он ещё мог думать, но уже не понимал, ни кто он, ни где он, не чувствовал своего тела, плавая в ослепительно ярком калейдоскопе видений, похожем на невероятный, многократно наложенный сон или путаясь в ослепительном водовороте образов, всплывших из его памяти, он вдруг увидел Лахолу. Свою, родную, — красные и серые кирпичные пятиэтажки, дым из труб заводов,

деревья парков, улицы, по которым он ходил, и... и...

— Что там? — с интересом спросил Шу, очевидно, заметив, что глаза Йаати опять смотрят не сюда. Юноша ошалело мотнул головой, стараясь опомниться, потом удивленно взглянул на него.

— Ничего. В смысле, — ничего такого нет. Ну, чудовищного. Мы на месте. Там... в том мире, который я видел. И... знаешь, я дом видел! Ну, не прямо дом, а Лахолу... мою родную. Не знаю, где она, но я чувствую её. Смутно, правда, — но если в тот шар в рубке влезть, то, я наверное, смогу вернуться, — Йаати вздохнул.

Шу как-то странно взглянул на него... и решительно выбрался из бассейна.

— Вылезай, давай. Пошли аварийные генераторы запускать...

9.

Двери покоев, конечно, отказались открываться, но пара аварийных генераторов нашлась и тут, — и процесс, как говорится, пошел. Шу подошел к терминалу, — на сей раз, необычному, с массой небольших экранчиков, закрепленных на шарнирных опорах и выгнутым пультом, не похожим на другие. Экраны тоже были странные, — зеленоватые, а не голубые, как обычно. Пульт не желал иметь с ним дела, и пришлось прибегнуть к «взломщику»... а потом и к «взломщику» Хи`йык, — но, пульт наконец, сдался, и Шу уткнулся в него. Йаати терпеливо ждал, — в последний уже раз...

— Система через два часа с копейками перезапустится, тогда и локатор заработает, и всё прочее... — наконец, сказал Шу. — Нет, через несколько минут, наверное, мы сможем выйти в коридор и даже попасть в рубку, — только толку...

Йаати вздохнул, — ещё пару часов ждать... просто потому, что ничего больше они сделать не могли... уже всерьёз изводясь от нетерпения, потому что Лахола стояла перед глазами, как живая, и он невольно начал думать, как там сейчас сходят с ума родители, потому что клятвенно обещал позвонить им сразу по прибытии в столицу, — ещё два дня назад...

Он плюхнулся на пол и вздохнул. Сейчас он чувствовал себя очень грустно. Домой ему хотелось горячо, остро, до умопомешательства... и совсем не хотелось расставаться с Шу. Только вот остаться тут, в этом мире, он уже совершенно не мог... и это было действительно обидно. Таких друзей у него ещё никогда не было, — и, если он вернется, никогда уже и не будет. Йаати понимал это даже слишком хорошо...

— Что с тобой? — тревожно спросил Шу.

— Я домой хочу, — уныло сказал Йаати. — Даже не хочу, а надо, потому что родители с ума сойдут же... И вообще... Наверное, Сверхправитель знает про всех этих Хи`йык и так далее, — ну а вдруг нет? И они и к нам тоже вломятся? Гхатра эта, гадость... Или что ещё там...

— Да я понимаю же... — вздохнул Шу.

— А пока что делать? — спросил Йаати.

Шу посмотрел на него, — сверху вниз, — и усмехнулся.

— Назад пошли, всё доедать. Не пропадать же добру?

— Я есть не хочу, — буркнул Йаати. Ему и в самом деле не хотелось, — наверное, от волнения.

Шу вдруг рассмеялся и потянул его за руку.

— Пошли давай. Или ты хочешь все эти два часа сидеть и выть от тоски?..

Йаати не хотел, — и, вздохнув, побрел вслед за Шу.

10.

Вернувшись к бассейну, Йаати плюхнулся в него и замер, скрестив руки на груди. Теплая вода совсем почему-то не радовала. Стоявшая вокруг вкуснящая еда не радовала тоже. Ну вот почему всегда так, — вроде, и решилось всё так, что лучше просто некуда, — а всё равно недостаточно хорошо, и совсем наоборот даже...

Шу как-то странно посмотрел на него, — и взялся раскупоривать вторую бутылку вина. Наплюхал в чашку, протянул ему...

— Зачем это? — уныло спросил Йаати.

— А мне, думаешь, приятно на твою кислую физию смотреть? — ответил Шу. — Ну, расстаемся, — ну так и что?.. Живые же, по крайней мере.

— Спасибо, порадовал, — буркнул Йаати.

— Ты так не шути, — хмуро сказал Шу. — Я когда тебя там увидел, — ну, обгоревшего всего, — то чуть пулю себе в башку не пустил, потому что тебя послал, а не сам... Удержался только потому, что думал, — тебя ещё можно спасти. Не верил, если честно, но... лучше пей, давай. Не хочу твою мрачную физию помнить.

Вздохнув, Йаати выхлебал вино, — морщась, как микстуру. Шу налил ещё. Йаати подозрительно взглянул на него, — но выхлебал и вторую чашку. Шу усмехнулся и плюхнулся в бассейн рядом с ним.

— Знаешь, говорят, что *шуулан* раны на самом деле не лечит, а вроде как... ну, заменяет. На какое-то время. И, если не жрать потом усиленно, — то быстро ласты склеишь, или вообще того... развалишься. Так что давай, жри.

Йаати вздохнул. Такая перспектива ему категорически не нравилась, — так что он всё же повернулся и окинул взглядом поле боя. Поляну они уже здорово подмели, — он даже удивился, сколько они двое стрескали, — но оставалось ещё много. Поразмыслив, он цапнул пирожное и начал его жевать. Оно, неожиданно, оказалось похоже на любимую им дома «картошку», и он, прожевав, взял ещё.

— Ну вот, а говорил, что сладкого не любишь, — усмехнулся Шу.

— Почему, люблю, — буркнул Йаати, дожевывая. — Просто мне не продают, потому что детям вредно сладкое. И родители не покупают, потому что зубы портятся, диабет вступает и вообще... На самом деле, я вообще всё люблю, когда жрать хочется. Но каши всякие, — гадость, от них никаких сил же. Мясо жареное лучше. Или там пирог с рыбой...

После пирожных захотелось пить. Йаати вновь плюхнулся в чашку вина и выжрал залпом. В башке снова зашумело, причем, сильно. Стало не то, чтобы хорошо, а просто как-то... безразлично. Вот зачем на самом деле его пьют, подумал он. Невеселая же у взрослых жизнь...

— Что, совсем не продают? — с интересом спросил Шу.

— Ну, почему, — сахар продают, но его не станешь жрать же... Стущенку ещё, — но её пить неудобно через дырки... Но у нас ещё с какао есть, вкуснящая. И с кофе даже. Сlopал, — и бегай всю ночь до утра. А пирожные или там торт, — ни-ни. «Мальчик, ты

хочешь, чтобы у тебя зубы выпали?!», — противным женским голосом выдал Йаати и Шу хихикнул. — Ну и нафиг, я лучше копчушки куплю...

— А копчушка, — это что? — с крайним интересом спросил Шу.

— Это селедка мелкая, копченая, — пояснил Йаати. — В таких маленьких плетеных коробках из дранки. Вкуснющая. Только редко бывает, её все любят же...

— Хорошо вы там живете, — хмыкнул Шу.

— Ну, хорошо, — согласился Йаати. При воспоминании о копчушках навернулась слюна, он схватил большой кус соленой рыбы и принялся жевать его. — М!..

— Смотри, не лопни, — Шу вновь ткнул его в живот пальцами босой ноги. Йаати молча отлягнулся, как кот, не прерывая своего занятия. Дожевав рыбу, он плюхнул в чашку остатки вина и выдул залпом.

— Это у меня просто метаболизм ускоренный, — буркнул он, скользя взглядом по рядам тарелок и выбирая, что бы ещё тут сожрать. — Не, правда. Маме даже сказали в поликлинике, когда она пожаловалась, что я жру, как не в себя. Мол, у вашего ребенка ускоренный метаболизм, это не лечится. Мужайтесь...

Шу хихикнул и коснулся его пальцами ноги, — но не ткнул, а начал щекотать. Йаати цапнул их, и, не прекращая обзора, начал вдумчиво отгибать назад. Шу, вновь почему-то хихикнув, выдернул ногу, и Йаати, смутившись, опустил взгляд. В башке стало как-то совсем пусто, в ней словно ветер шумел, и он сам вдруг хихикнул, — говорили же ему, что у него один ветер в голове, и вот...

Шу вновь пихнул его ногой. Йаати толкнул его в ответ, причем, довольно сильно. Шу засмеялся и плеснул в него водой. Йаати фыркнул, отмахиваясь, и тоже засмеялся. Сейчас ему было хорошо, — может быть, потому, что мыслей в голове уже почти не осталось, один шум. Он зевнул, старательно потягиваясь, потом вдруг опрокинулся на спину, глядя снизу на колыхавшуюся поверхность воды. Она попала в нос, и Йаати тут же вынырнул, возмущенно отфыркиваясь, не вполне уже понимая, почему это не может дышать под водой...

Шу засмеялся, глядя на него, но обидно Йаати не было. Он улыбнулся в ответ, сам понимая, что улыбка вышла глуповатая. Идиотская, скорее. Хотелось что-нибудь сказать, — но, словно назло, ничего не приходило в голову...

Он посматривал на Шу, ожидая, что тот что-то скажет, — и Шу, конечно, перехватил инициативу.

— У тебя уже было... ну, это самое... с девчонками? — вдруг спросил он.

— Не-а, — в другой ситуации Йаати начал бы, наверное, врать заплетающимся языком или просто намертво замолк бы, мучительно краснея, но сейчас ему было почему-то всё равно... — Ты что? Я же маленький ещё для этого... Да и девчонки все змеи. К ним подойти страшно даже, не то что...

— А сами? Ты же красивый, — Шу вновь ткнул его пальцами босой ноги в бедро.

— Красивый? Я? — Йаати недоуменно взглянул на свою руку. Рука была мокрая, — и только. — Почему?

Шу вдруг смутился.

— Ты светленький же. Девчонки таких любят.

— Я светленький? — слово Йаати почему-то не понравилось, но лень было думать, почему... — Ну да. И что? Таких вот, как я, — ну, светловолосых, с голубыми глазами, у нас, в Лахоле, — каждый второй, не считая каждого первого. Гомогенная популяция, как биологичка говорит. У нас в классе всего один мальчишка русский, из другой области. Так ему

девчонки просто прохода не дают, потому что редкость. Даже рисуют нагишом в своих дурацких альбомах, представляешь?.. Он как увидел, — чуть на месте не сдох, его потом чаем в учительской отпаивали... он в школу не ходил потом даже...

— А тебя? — с усмешкой спросил Шу.

— Меня? — Йаати вновь с сомнением посмотрел на руку. — Не знаю. В их альбомы не влезешь же, они за такое сразу убьют... Юхани вот повезло... так сказать. По мне, такое лучше вот вообще не знать, — он обхватил голые плечи и поёжился.

— А ты девчонок рисовал?

— Нууу... — Йаати смутился. На самом деле, у него была уже, — не дома, боже упаси, в заначке на чердаке, — целая пачка рисунков с девами... которые и он никому не согласился бы показывать, потому что...

— Значит, рисовал, — Шу усмехнулся. — Показывал им?..

— Ты что?! — Йаати с ужасом взглянул на него. — Я, знаешь, ещё жить хочу...

— А одной девчонке? Ну... особенной? Или нет у тебя?..

— Почему, есть, — Йаати сейчас смотрел куда-то в пол, но всё равно почему-то говорил. — Йалика. Красивая, зараза. Я на неё смотреть просто не могу...

— И?.. — не унимался Шу.

— Я ей попу потрогал, — буркнул Йаати, чувствуя, что совсем уже нехорошо краснеет. — А она меня по мор... и всё. Теперь она в меня только ядом плюет. А я всё равно её люблю, — Йаати понял, наконец, ЧТО сказал, и замолчал, удивленный. Этого он и сам не знал... до этого момента.

— И что, других разве нет?

— Почему, есть... Только зачем мне?.. Йалика, — она такая, такая... — Йаати с удивлением понял, что его руки, словно сами по себе, плавают в воздухе, изображая изгиб невидимых женских бедер. Или даже весьма смело лаская их. — У неё всё тело такое... ну, такое, что у меня сразу поднимается всё... — он пошевелил пальцами, словно пытаюсь вылепить её из воздуха, и замолчал, жарко краснея. Мысли у него разъехались уже совсем в разные стороны.

— Может, всё же наложниц пригласить? — с усмешкой предложил Шу.

— Да ну нафиг!.. — Йаати вдруг дико разозлился на него. — Зачем тебе? Мне Йалика нужна, а не...

— Точно Йалика, а не просто?..

— Да я тебя, гад!.. — Йаати возмущенно полез из бассейна. — Давай, вылезай, я тебя с...

Вдруг Шу дернул его за ногу, и Йаати гулко плюхнулся назад. Он сразу же ушел на дно, задергался, пытаюсь всплыть, — но Шу навалился на него сверху, пытаюсь утопить. Йаати изо всех сил вывернулся, всё же прорвался к воздуху, жадно хватая его... Шу схватил его за волосы и снова окунул с головой. Йаати бешено забился, вырываясь... вода в бассейне забурлила, они закрутились, то выныривая, то погружаясь на дно, царапаясь, кусаясь и лягаясь. Наконец, Шу зажал его в угол, хватая за бока. Йаати хохотал, как ненормальный, отлягиваясь ногами, как кот. Наконец, у него свело живот и пробило болью ребра, он задохнулся и замер, икая и всё ещё конвульсивно подергиваясь. Шу тоже замер, как-то испуганно глядя на него, и Йаати, кое-как втянув в грудь воздуха, приподнял ладони, стараясь показать, что с ним всё нормально... наверное. Наконец, судорога отпустила его, он осел в воду и замер, часто дыша. В нем вдруг словно бы что-то перегорело, совсем, — стало

пусто и легко. Совсем пусто...

— Извини, — буркнул Шу, не глядя на него.

— Да я сам... — Йаати вспомнил, как вдруг дико озлился на Шу, и, поёжившись, поджал босые ноги. Сейчас он сам не представлял, что это такое на него нашло.

— Да ладно, это же я тебя напоил...

Они помолчали, не глядя друг на друга. Йаати бездумно почесал обожженное бедро и вздохнул. Он чувствовал себя на удивление дурачки. Совсем не так, как должен чувствовать себя парень, спасший тридцать миллионов человек. Впрочем, вклад Шу в любом случае был несравненно больше...

Шу, однако, думал сейчас совсем в другую сторону.

— А всё же, почему ты... такой? — вдруг спросил он.

— Какой такой? — Йаати удивленно взглянул на него.

— Ну... смелый. непохожий на других.

— Не знаю, — Йаати задумался, впервые, наверное, за всю жизнь пытаюсь разобраться в себе. — Знаешь, я всё же парень, не что-нибудь. Мне обидно жить просто вот так, ни для чего, на шее у родителей сидеть... Хочется совершить что-нибудь... ну, такое... героическое.

— Ну так ты и совершил же.

— Ещё не совершил, — люди-то все в стазисе, и вообще, неизвестно ещё, где это мы и что тут... Ну, и хочется, чтобы меня похвалили... хотя бы. И медаль дали. Большую шоколадную, — Йаати хихикнул. — Я не настолько хороший, знаешь... люблю, когда хвалят. Только редко бывает. Я ж и по закоулкам всяким шарился затем, чтобы хоть каких злодеев выследить, — сектантов там или хоть бандитов... без толку, конечно. Когда мятеж начался, — я в военкомат приперся, спросить, не нужны ли юные герои-разведчики... меня там послали... лесом. Мол, без сопливых солнце светит. Правильно, конечно, — там всё кончится раньше, чем я доеду, — но всё равно обидно, знаешь...

— Что за мятеж? — спросил Шу.

— А, — Йаати вздохнул. — В Тарнской области. Повстанцы сумасшедшие какие-то, которые хотят, чтобы всё было по-старому, — войны там и всё такое...

— Я сам, знаешь, повстанец, — хмуро сказал Шу. — Про нас тоже рассказывали... что мы кровь детей пьем и печенью младенцев невинных закусываем. А на самом-то деле мы просто свободы хотели, и всё. Вдруг и они?..

— Они психов из дурки выпустили, совсем ненормальных, — буркнул Йаати. — Те вообще людей убивают... зверски, жгут всё... Я даже заболел, когда услышал. Нельзя же так...

— Ты же не сам услышал, а по радио, — сказал Шу. — А по радио тебе что хочешь скажут. Что люди ходят на руках и люди ходят на боках. И прочее такое всё.

— Я туда поехать хотел, правда, — так, сам по себе... но не осмелился, потому что родителей жалко, — вздохнул Йаати. — Я же совсем один у них, ни брата, ни сестры, никого... Себя-то не очень ещё жаль, а вот маму очень. И отца. Они же меня любят, хотя и ругают, и уши дерут иногда...

Поворот разговора вышел совсем неудачный, и они снова замолчали. Йаати боялся, что на него снова навалится тоска, — но внутри по-прежнему было пусто и легко...

Слова Шу словно что-то перевернули у него в голове, — мысли шуршали и пересыпались, никак не желая уложиться привычно и спокойно...

— Мне необычного хочется... совсем необычного, — наконец, сказал он. — Но не

чтобы на блюдечке поднесли, а самому что-то такое найти...

— Ну вот, нашел же.

— Нашел, — спокойно согласился Йаати. — Но... знаешь... — он вновь задумался. —

Мне мало же, вот какая штука...

— Я вижу, с тобой всё в порядке, — усмехнулся Шу.

— Ага, — согласился Йаати. Он приподнялся и покрутил головой, выбирая, что бы ещё съесть. На глаза ему попала банка с мидиями, и он снова влез в неё пятерней.

— Ты поосторожней с этим, — хихикнул Шу, глядя на то, как Йаати деловито лопаёт, набив полный рот, как хомяк. Тот только вопросительно мыкнул, глядя на него, потом, прожевав, всё же спросил:

— Почему?

Шу вновь хихикнул.

— Они, говорят, очень этому самому способствуют. Так тебя разопрет, что ты голый танцевать полезешь.

— А, — Йаати вздохнул и снова сполз в бассейн, прислушиваясь к себе. Сейчас он чувствовал себя очень даже бодро, — и в этом плане тоже, — но к непотребным танцам его всё же не тянуло. Пока, по крайней мере. Впрочем, окажись тут, в этом бассейне, Йалика, — он бы, наверное, совсем сошел с ума...

Шу, между тем, тоже сполз в воду, как-то странно глядя на него.

— А всё же, как вы там живете? Ну, вообще...

— Хорошо живем, только скучно, — Йаати вздохнул. — Ничего не случается же. Когда у нас на улице два грузовика столкнулись, об этом целую неделю говорили. А когда у нас во дворе сарай детского сада сгорел, — то вообще чуть ли не год.

— Сам по себе? — насмешливо спросил Шу. — Или ты ему того... помог малость?

— Я что, дурак? — Йаати удивленно взглянул на него. — Пожарные сказали, что проводку замкнуло, — хотя горело, знаешь, здорово, пламя аж до наших окон поднималось, а у нас всё же пятый этаж... Вот пожары у нас часто бывают, — домов деревянных много же... А так-то ничего...

— Ну и правильно, — сказал Шу.

— Может, и правильно, — Йаати вздохнул. — Только всё равно скучно же.

— Прямо вот так скучно? — хмыкнул Шу. — И поехать никуда нельзя? Раньше у нас, говорят, ездили...

— Почему? Можно. Только родители у меня как раз летом работают, а зимой только в лес на лыжах поедешь... Не, летние лагеря для детей есть, конечно, только я не езжу же, — ну, что мне там делать? Снова строем ходить и нотации всякие слушать?.. На речку низя, в лес низя, в село низя, зато в совхоз грядки полоть или там в теплицу, — всегда пожалуйста, для трудового воспитания, — Йаати хихикнул. — Из теплицы меня выгнали, за то, что клубнику как не в себя жрал... бросили на капусту, а она невкусная... в общем, нафиг это...

— И что, больше ничего?

— Ну, почему... Экскурсии всякие бывают, — на завод там или на аэродром, там интересно... на молочном заводе особенно, там мороженое дают жрать, — Йаати вновь хихикнул. — Этим летом наш класс вообще на экскурсию в столицу ездил, только вот меня не взяли...

— Это почему?

Йаати вздохнул.

— Я Юхани морду набил. А он отличник же, и училки тоже с ним носятся, — вот и...

— Это за что? — с крайним интересом спросил Шу.

— Он вокруг Йалики хороводился, прямо как жених с невестой, — мрачно сказал Йаати. — Ну, я ему и сказал, чтобы он губищу подвернул... вежливо так. А он меня послал, — далеко так, даром, что отличник... Ну, я ему в ухо дал, он как заорет, — и на меня бросился, как ненормальный. Рубаху до пупа порвал, гад. Я его с себя сбросил, — и в рожу, в рожу!.. А тут меня Йалика по башке портфелем тресь!.. У меня прямо искры из глаз, — лежу на полу, глазами только лупаю... А она, дура, на меня ещё воду для цветов всю вылила, — мол, чтобы в сознание пришел... Ну, и понеслось, — я стою весь мокрый, драный, а училки хором на меня орут, что по мне дурка плачет... В милицию хотели сдать, — но там их послали, конечно, не дело же за разбитый нос заводить... Дома отец ремня хотел дать, велел штаны снимать, — только меня понесло уже, я вообще всё с себя сбросил, плюхнулся на диван, говорю, что давно ждал, и даже ноги развел так... Он из комнаты выбежал, мать потом рыдала, что я их в гроб загнать хочу... — Йаати передернуло. — Знаешь, как противно было... Я из дому убежал, шел, куда глаза глядят... выперся на мост железнодорожный, а там метров тридцать высота... Я там стоял, стоял, ну, и решил, что нафиг мне такая жизнь... Через перила сиганул, — и привет...

— И что? — нервно спросил Шу.

— А то, — Йаати хихикнул. — Живой же... Я же в воду прыгать любил, рефлекс сработал, — плюхнулся чисто, выплыл... утопиться духу не хватило, — противно стало, да и тяжело это оказалось... Приперся домой, весь мокрющий, родители обнимать бросились, — боялись, что я собой что-нибудь сделаю, — Йаати вновь хихикнул, уже совсем нехорошо. — Ну, в общем, Ритин... ну, директор школьный наш, прямо при всех, гад, сказал, что Йаати Линай с нами не поедет, потому что он подонок, — ну, а меня снова понесло... ну, в общем, я его послал. Далек-далек, знаешь...

— И что?

— А ничего. Ну, что он мне мог сделать-то? Школа кончилась же, — Йаати вновь хихикнул. — Только родителей вызвал. Начал плести им, что они зверя вырастили, — ну, они его тоже послали. Так и кончились школьные годы чудесные...

— А дальше?

— А что дальше? Класс весь уехал, я дома остался, как дурак, — Йаати вздохнул. — По городу шлялся, пока с ног не падал, когда вернулись, — видеть никого не мог, смеялись же... Пятнадцать лет стукнуло, — сам решил поехать в академию Тай-Линны поступать, потому что право имею. На прощание поперся за город купаться, зашел в лес, — и привет...

— А подонок-то почему? — спросил Шу.

— Потому что слабого избил, — буркнул Йаати. — Не, Юхан на самом деле слабенький, и астма у него, — чуть что задыхается... только вокруг Йалики это ему не очень-то мешало выгнать... и цепкий, гад, в спину вцепился, как рысь... Рубаху, опять же, порвал. Я ж его вообще бить не собирался, — только предложить вечером в парке встретиться, чтобы... ну, разобраться, как всегда парни нормальные делают. Так он мне даже рта толком открыть не дал!..

Шу хмыкнул, глядя на него.

— Ежу же ясно было, чья возьмет.

Йаати фыркнул.

— Я сказать хотел, что если он боится, — то пусть с арматуриной приходит или хоть с

ножом, чтобы всё честно было. Я ж не мразь какая в самом деле...

Шу вновь хмыкнул.

— А если бы он тебе башку этой арматурой расколлот или ножом в печень?

Йаати пожал плечами.

— Ну, значит, я на самом деле такой вот лох, и поделом мне...

— А если бы он вообще отказался драться бы?

Йаати вздохнул.

— Всё равно не стал бы бить. Разве что так, потряс немного бы... А он меня матом, я офигел сразу. Ну вот и...

— Дурак ты, — с чувством сказал Шу. — Тебе точно ремня надо было дать.

— Ну, надо, — уныло согласился Йаати. — Только что это поменяло бы? Мне Йалика нравится, и всё тут. А когда кто-то рядом с ней, — мне как ножом в сердце. Больно... Нет, я то чем ей плох?..

— Тем, что за попу хватаешь её? — с усмешкой предположил Шу. — Тебе бы такое понравилось?..

— Если бы Йалика меня за попу начала хватать, я бы от счастья, наверное, сдох, — Йаати хихикнул.

— Ну, не все же такие извращенцы малолетние, как ты, — Шу вновь с усмешкой пихнул его пальцами босой ноги. — Слушай, неужели тебя ну вообще все девчонки не любят?..

— Ну, почему... — Йаати смутился. — Йилин вокруг меня вилась, пирожками угощала и прочее такое всё... Но она же такая... кубышка. Низенькая, толстененькая... у неё большие пальцы на ногах широкие, вот.

— А тебе не всё равно? — хмыкнул Шу. — Детишки будут пухленькие, толстененькие, — а это ли не счастье?..

— Да ну тебя!.. — Йаати тоже пихнул его босой ногой, причем, уже изо всей силы. — Я к тебе со всей душой, — а ты смеешься!..

— Ну, не плакать же?..

Йаати зашипел, приподнимаясь... они опять сцепились, кувыркаясь в воде, то всплывая, то погружаясь на дно. Йаати то выныривал, то опять уходил под воду, ошалело мыча и пуская пузыри. Наконец, отлягавшись от Шу, он выбрался из бассейна... и Шу вслед за ним. Они сели рядом у стены, искоса посматривая друг на друга. Вот так, рядом с Шу, ему хотелось сидеть целую вечность, — но тут на маленьком пульте возле двери вдруг замигал бодрый зеленый огонек и раздался длинный, торжественный какой-то звук.

— Всё, система перезагрузилась, — сказал Шу, поднимаясь. Лицо его стало печальным. — Мы с тобой могли бы стать братьями, Йаати. Жаль, что такому никогда не бывать. Время вышло. Пошли.

11.

Они, — в последний уже раз, — поднялись в рубку. Шу опять устроился у терминала, — а Йаати сел в углу, молча глядя на него и щурясь на бьющее в окно солнце. Захотелось спросить, как, всё же, работают все эти проклятые штуковины, — но сейчас выяснять это уже вовсе не имело смысла...

— Приплыли, — наконец, хмуро сказал Шу, повернувшись к нему. — Генератор

перехода при прыжке сдох, полностью. Теперь даже портал не открыть.

— А локатор работает? — с тревогой спросил Йаати. Остаться тут, в этом мире, ему всё же не хотелось.

— Вроде как работает, — Шу снова повернулся к пульту. — Точно я смогу сказать лишь при запуске, но пока что вроде всё в порядке с ним...

— А... мир? — наконец, спросил Йаати.

Шу не ответил, склонившись над терминалом, и сердце Йаати замерло. Если он всё же выбрал неправильно...

— Всё в порядке, — наконец, сказал Шу. — Никакой радиации, воздух пригодный для дыхания. Портальных возмущений тоже нет. Дальше уже снаружи смотреть надо, но...

— Уф, хорошо, — Йаати вздохнул с громадным на самом деле облегчением, — ему упорно казалось, что в последний миг всё таки пойдет к черту. И тут же его сердце опять неприятно заныло, — на сей раз потому, что... — Давай, локатор запускай.

Шу вздрогнул... потом склонился над пультом. Йаати молча смотрел на него, радуясь каждой секунде отсрочки... но вокруг локатора вновь загорелись объемные светящиеся знаки... потом под Йаати резко задрожал пол... и, наконец, между полюсами локатора вновь возник зыбкий, водянистый шар...

Словно во сне, Йаати поднялся, подошел к нему... Шу повернулся, молча, печально глядя на него.

— Ну всё, давай прощаться, что ли, — наконец, сказал он.

— Может, ещё немного посидим? — глупо сказал Йаати.

Шу усмехнулся.

— Нет. Я стазис-капсулы открыл. Не все, конечно, просто те, которые были последними погружены. Там осназ, они быстро со всем тут разберутся. Через несколько минут, наверное, уже тут будут.

— Э... а как же ты? — растерянно спросил Йаати. — Они же тебя сразу... того.

Шу усмехнулся.

— Сначала по-любому допросят. А потом... Крэйнов-то больше нет, мозголомки их тоже не работают. Посмотрят на то, что они с людьми делали, — поймут, что мы правы были...

— А если нет?

Шу хмуро взглянул на него.

— Нет — значит, нет. В любом случае, к Крэйнам им не вернуться уже, — порталный генератор расплавился. Да даже если и починят, — то мы за пределами карты, а локатором пользоваться, похоже, только ты один тут и можешь. Вот потому я и не хочу, чтобы ты тут оставался. Ты уйдешь, — и всё, мы тут навсегда останемся жить. Своим умом, как раньше.

— Да ну, нафиг их! — разозлился Йаати. — Ты хоть на вертолете отсюда куда...

Шу вздохнул.

— Я никуда не хочу. Тут мой народ всё же. И всё равно, кто-то же должен им объяснить, что тут было, и как... И про тебя рассказать тоже. Про то, что ты для нас сделал.

— Но тебя тут же... — Йаати не договорил.

— А всё равно... — Шу вновь усмехнулся, невесело. — Думаешь, я хочу так, с клеймом предателя жить?.. Пусть будет, что будет. Только вот тебя мне жалко. У тебя там, дома, родители... и вообще...

Йаати смущенно опустил глаза. Ему вдруг стало очень стыдно, хотя он и понимал, что

ни в чем не виноват.

— Слушай... а давай к нам? — предложил он. — У нас тварей никаких нет, тихо, спокойно... И я родителей попрошу... ну, это... усыновить тебя, что ли. И я... всегда хотел брата.

Шу взглянул на него — как-то неожиданно растерянно. Потом вдруг глубоко вздохнул и опустил взгляд.

— Спасибо, но... нет.

— Почему?

Шу прямо взглянул на него.

— Тут — мои люди, мои соплеменники. Понимаешь?

Йаати кивнул. Ему вдруг захотелось обидеться... но он уже понимал, что это очень глупо. Согласился бы он ради Шу расстаться с Сарьером, с друзьями и родителями? Ответ на этот вот вопрос он точно не хотел знать...

Вдруг все эти переживания показались ему невероятно глупыми: он вовсе не знал, сможет ли вернуться домой. На самом-то деле его будущее оставалось таким же неверным, как и в самом начале. Йаати глубоко вздохнул и постарался пригладить и так мокрые ещё волосы.

— Ну... прощай тогда.

— Прощай, — Шу через силу улыбнулся. — Удачи там тебе...

Вздохнув, Йаати отвернулся от него, — тянуть всё это не было уже никаких сил, — и, словно в пропасть, бросился в шар. Повис в этой бесплотной, однако ощутимой, плотной массе, словно в огромной капле масла. С ужасом понял, что не видит Лахолу... но тут же её образ ярко вспыхнул в памяти. Йаати опустил ресницы, всеми силами своей души потянулся к нему... ощущая, как вокруг него начинает сдвигаться что-то непонятное, — сначала медленно, почти неощутимо, потом всё быстрее и быстрее...

В последний миг он не выдержал и всё же распахнул глаза, чтобы в последний, — в самый последний в жизни раз, — взглянуть на Шу. Но зыбкая поверхность шара так колебалась и так странно преломляла свет, что он уже не смог узнать его. Казалось, что там, у пульты, стоит какой-то совсем уже другой, незнакомый парень, — но тут вокруг него вдруг словно что-то лопнуло, и Йаати показалось, что он заперт в серебристом пузыре воздуха, который стремительно летит вверх, вверх, вверх...

Йаати очнулся от холода. Несколько секунд он удивленно моргал, тщетно пытаясь понять, почему лежит голый на земле, — потом испуганно вскочил и осмотрелся.

Он стоял по пояс в густоющей, темно-зеленой траве, на небольшом, в общем-то лугу, с трех сторон густо окруженном темными, не очень высокими елями. С четвертой, уже довольно-таки далеко, виднелась большая темно-синяя река, неровный луг, — а за ним снова лес.

Тут было пронзительно холодно — градусов пять, никак не больше, — и нагой Йаати сразу же покрылся ознобом, зябко обхватив руками голые бока и невольно поджимая пальцы босых ног, — траву густо покрывала ледяная, как оказалось, роса, земля под ней была тоже пронзительно холодной. Высоко в небе стояли кудрявые, полупрозрачные, сине-розовые облака, — похоже, что его занесло в раннее утро. Сентябрь, непонятно почему подумал Йаати, — тут тоже поздний сентябрь, а домой я, похоже, уже не попаду...

Пронзительно, оглушающе пахло сырой хвоей, травой, свежестью, — однако сквозь всё это пробивался слабый, однако же очень хорошо знакомый ему запах, — маслянистый запах горелого соляра.

Это котельные, как-то отстраненно подумал Йаати. Город рядом. Ну и слава богу, а то я уж подумал, что провалился на десять веков назад, в совсем уже дикое прошлое, где меня сразу продали бы в рабство... в самом-самом лучшем случае. Ну что ж, — начнем всё сначала...

Вздыхнув, он медленно пошел вперед, ёжась и дрожа от холода. Вышел к гребню крутого травянистого склона. И обаддело замер.

Внизу, под ним, на глубине где-то пяти этажей, виднелась пустынная асфальтовая дорожка и столь же пустынная россыпь песка. В стеклянных колпаках протянувшихся вдоль неё погашенных фонарей собралось мутное молочное сияние. Йаати понял, что его занесло совсем не в лес, а в парк. Было явно очень рано, внизу не было видно ни одного человека. За дорожкой поднималась плотная масса густых пышных крон, таинственно-темная в бледном ещё сиянии рассвета. Дальше, за ними, раскинулась просторная долина реки. Небо над ней было глубокое, чистое, холодное, зеленовато-синее, с едва заметно ползущими, бесконечно длинными рыжеватыми облаками, озаренными снизу алым отблеском готового уже взойти солнца. Они беззвучно разрывались и клубились, обтекая восьмигранный металлический массив, застывший там, в небе, далеко...

Узнав его, Йаати беззвучно плюхнулся на попу, уже не замечая холода. Черно-фиолетовый зеркальный металл, вогнутые уступом борта, восемь орудийных башен по углам, узкая уступчатая пирамида в центре... он миллион, наверное, раз видел Парящую Твердыню, резиденцию Сверхправителя, — но и не представлял, как красиво она выглядит наяву...

Как-то запоздало в глаза ему бросились низкие железные крыши, поднимавшиеся за кронами слева, и призрачно-слабые сизые и желтоватые огни, широким поясом мерцавшие где-то за рекой, на той, уже, наверное, стороне долины.

Промашка вышла, — как-то совсем уже отстраненно подумал он. Большая такая промашка... на пять тысяч километров. Я в столице. В Тай-Линне. А это, конечно, река Линн. И я стою в городском парке, совсем голый, босиком, без документов, без денег, без всего... вот счастье-то...

Йаати вспомнил, что так вот, — в чем мать родила, босиком, — он и приперся в рубку, даже и не подумав одеться или захватить с собой что-нибудь... и, осознав это, жутко зарычал от злости. Нет уж, он на самом деле безусловный, абсолютный баран!..

Осознав, что торжественный прием в Академии Наук и личная аудиенция у Сверхправителя отменяются по причине отсутствия доказательств, Йаати беспомощно осел в траву. Он прекрасно понимал, что никому даже заикнуться не сможет о том, что с ним было, — иначе его и в самом деле законопатят в дурку, немедленно и окончательно. Блин, надо в милицию сдаваться идти, подумал он. И врать, что меня на вокзале жулики чаем опоили с какой-то гадостью, и я потерял память... и не помню совсем, как попал сюда, в этот парк... и меня, конечно, тут же сдадут в дурку, просто для экспертизы, а там... ну, и поделом мне. Раньше надо думать было...

Йаати подтянул босые ноги, обхватил их руками и вздохнул. Может, лечь в эту проклятую траву и торжественно замерзнуть насмерть?.. А, блин, не выйдет же, только замучаюсь от холода совсем...

Он опустил ресницы и вздохнул, скрывшись сам в себе, словно в домике. И тут же мир вокруг него... треснул. Он увидел колоссальную зеркальную пирамиду... корабль, паривший среди стальных неподвижных звезд... необозримую равнину, над которой, как облака, неспешно плыли бессчетные миры... полянку где-то в джунглях, на которой, поразительно изящно, танцевали парни и девы примерно его возраста, — черноволосые и золотокожие... а потом всё сменила небольшая комнатка с голыми, сиренево-черными стенами, у одной из которых стоял диван, безыскусно украшенный гирляндой из тусклых желтых шариков размером с мандарин, — они служили тут единственным источником света, создавая очень романтичный полумрак, в котором... в котором...

На диване устроилась смуглая обнаженная парочка, — лохматый мускулистый парень, упираясь пальцами босых ног в стену, очень увлеченно ёрзал круглой задницей, — а дева, скрестив на ней офигенной формы ноги, не менее увлеченно вопила, жмурясь и округляя рот...

Йаати словно треснули по лбу. Он вылетел в реальность, судорожно хватая словно исчезнувший вдруг воздух, уже вовсе не чувствуя холода, — у него, словно порох, вспыхнуло лицо, уши, всё тело. Он миллион, наверное, раз представлял себе, как выглядит наяву это самое... и всё равно, не мог даже представить, что оно выглядит так... увлекательно. И... он узнал эту деву!.. Хьютай, подруга Сверхправителя. А парень, соответственно...

Йаати ошалело помотал головой. Нет, он, в принципе, знал, что файа занимаются любовью так же, как и люди... и что Анмай и Хьютай вообще женаты, — то есть, не только могут, но даже и должны исполнять священный брачный долг и всё такое... но сейчас они совсем, совсем не были похожи на свои официальные портреты...

Немного остыв, он глубоко вздохнул и усмехнулся. От увиденного ему стало вдруг очень хорошо, — и не столько даже потому, что зрелище было во всех отношениях... воодушевляющее. Парень, так увлеченный подругой, просто не мог быть мерзавцем. Просто потому, что столь офигенная дева никогда не смогла бы полюбить его... так, если бы хоть чуть в нем сомневалась. Файа на самом деле хотят им добра, об этом и думать больше нечего. Ладно, дальше...

Йаати откинулся на спину, забросив руки за голову и глядя в бесконечно высокое небо между травяных метелок. Холод слабее не стал, — но сейчас он казался ему очень... бодрящим. Итак, задача номер раз: прыгнуть в то место, где всё началось, и где он оставил

свою одежду. Задача номер два: прыгнуть домой и забрать свои документы и деньги, — а также рюкзачок с вещами, которые он собрал в дорогу. Ладно, это фигня, до дома он дойдет и сам... Задача номер три: прыгнуть назад сюда, в столицу. Задача номер четыре: позвонить наконец родителям, извиниться и сказать, что он жив, здоров, и так далее. Задача номер пять: прыгнуть в Парящую Твердыню, и пусть Анмай объяснит ему, как он, в конце концов, там оказался...

Йаати усмехнулся, опустив ресницы. Ну что ж, подумал он. Приступим.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net